

А.Я.ВЫШИНСКИЙ

СУДЕБНЫЕ
РЕЧИ

ГОСЮРИЗДАТ

1955

А.Я.ВЫШИНСКИЙ

СУДЕБНЫЕ РЕЧИ

*Четвертое
издание*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1959

*В этой книге собраны речи,
произнесенные А. Я. Вышинским
в качестве государственного обвинителя
в 1923 – 1938 гг.*

П О П Р А В К А

По вине типографии по техническим причинам на стр. 112, 151, 188, 196, 197, 199, 201, 202, 203, 216, 217, 247, 249, 260, 261, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 277, 279, 280, 281, 282, 287, 520, 551, 552, 553 выпали некоторые знаки препинания.

ДЕЛО «ГУКОН»¹

Громадное бедствие, обрушившееся на Советскую республику в 1921 году, вызванное неурожаем в Поволжье и на Юго-Востоке, внесло полное расстройство в хозяйственную жизнь многомиллионного крестьянства в этих краях. При первых тревожных сведениях о бедствии на Волге Рабоче-крестьянское правительство стало принимать необходимые меры как по спасению людей от голода, так и по сохранению скота от неминуемой гибели за отсутствием подножного корма в пораженном неурожаем крае. При ВЦИК была организована Центральная Комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол). 26 июня 1921 г. была организована при ЦК Помгол так называемая «Секция по спасению животноводства».

Главная задача, которую себе ставила секция, состояла в вывозе скота из голодных губерний, примерно, в количестве 40 000 голов и распределении его между губземаотделами благополучных по урожаю губерний, а также заготовка фуража для прокормления эвакуируемых лошадей в пути и остающегося на месте скота. На это дело было ассигновано 132 миллиарда рублей (в денежных знаках того времени). Выполнено было, однако, только 14% задания, вывезено всего 9% скота, а фуража заготовлено было лишь около одного миллиона пудов.

Привлеченные к этому делу «работники», вместо того, чтобы отдать свои силы на выполнение этой ответственной и настоятельной задачи, вместо помощи голодающему населению и гибнущему скоту, занялись собственным обогащением и спекуляцией. Получив вышеуказанные средства, они их пустили в оборот в личных выгодах: скупали племенных лошадей для себя и пускали их на бега; используя свое положение уполномоченных ВЦИК, отбирали в совхозах лучший скот, совершали всякого рода торговые операции в личных интересах, делали в собственную пользу незаконные отчисления и попутно совершали фиктивные сделки, действуя путем взяток и подкупа.

В своей деятельности часть преступников исходила из предположения, что обрушившееся на Советскую республику бедствие, возможно, или сокрушит советскую власть, или заставит ее восстановить частную собственность на недвижимое имущество. Именно исходя из этого они пытались концентрировать в захваченных ими совхозах лучший скот и даже скупать

---

¹ Главное управление коневодства Народного Комиссариата земледелия РСФСР.

дома и имения. Среди этих работников Топильский (управляющий делами секции) устроил на своей квартире неофициальное собрание уполномоченных, на котором потребовал в свою пользу соответствующих процентных отчислений от получаемых уполномоченными отчислений на «организационные расходы» из отпускаемых им операционных сумм.

Являясь негласным пайщиком частного предприятия — товарищества «Оптовик», — Топильский дал распоряжение уполномоченному Тимашкевичу сдать на 12 млрд. руб. на комиссионных началах принадлежащую секции мануфактуру, за что получил вместе с Тимашкевичем с «Оптовика» 6 млрд. руб.¹.

Топильский купил национализированный дом № 14 по Мясницкой ул. и другой дом у Михайловых и в январе 1922 года национализированное имение «Клусово» в Волоколамском уезде Московской губернии, составив при содействии Торсуева, бывшего нотариуса, соответствующие запродажные на произведенные им покупки, датировал их 1917 годом, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 189 УК (ред. 1922 г.)². Кроме того, он оклеветал председателя секции Позигуна, оговорив его и приписав ему участие во всех своих преступлениях по секции.

Рождественский — помощник начальника конного фонда — содействовал Топильскому в получении высокоплеменных лошадей и сам получил их, для чего специально ездил в Симбирскую губернию, где дал задание уполномоченному Теплому купить и доставить их в Москву.

За содействие Топильскому и Ширяеву в получении лошадей Рождественский получил лошадь; в целях вымогательства взятки уничтожил выданный ранее уполномоченному Наркомпрода мандат на Симбирскую губернию и выдал мандат на покупку лошадей в г. Тверь, где лошадей не было.

Теплов — уполномоченный секции по Симбирской губернии — выдал Топильскому 400 млн. руб. в форме отчислений, пользуясь своим служебным положением, присвоил государственных лошадей, пуская их на бега, злобно оклеветал Позигуна в получении незаконных отчислений, а также следователя ГПУ, выдал от имени секции разрешение частным контрагентам на провоз лошадей из Симбирска в Москву, снабдив их фиктивной распиской на право собственности на этих лошадей.

Ширяев — уполномоченный секции по Саратовской губернии — совместно с уполномоченным Лукьяненко заключил с Вогуленко договор на поставку 50 тыс. пудов сена по 28 тыс. руб. за пуд, платя ему в действительности по 17 тыс. руб., организовал, пользуясь своим должностным положением, товарищество «Племскот», в состав которого ввел своего брата, и заключил с этим товариществом с явным ущербом для государства договор на передачу товариществу до 1 декабря 1927 г. более 5 тыс. голов скота и части фуража, но не достиг, по независящим от него обстоятельствам, указанной цели и, наконец, пользуясь своим положением, приобрел на государственные средства лошадей для себя.

¹ Везде исчисление приводится в денежных знаках 1922 года.

² Соответствует ст. 170 ныне действующего Уголовного кодекса 1926 года.

Тимашкевич — уполномоченный секции, — получив задание обменять сахар на мануфактуру, вошел в соглашение с Богородско-Щелковским трестом и за эту операцию удержал в личную пользу 29 ящиков ниток, которые продал за 2 млрд. руб., и, наконец, получил с «Оптовика» 1381 млн. руб. за поручение последнему произвести операции с мануфактурой.

Зверев — пайщик частного предприятия т-ва «Оптик» — дал Топильскому и Тимашкевичу взятку в размере 6 млрд. руб. за получение на комиссию мануфактуры и других предметов, совершил мошенническую сделку в пользу Топильского при покупке национализированных двух домов и имения.

Лаврухин — уполномоченный секции — отчислил в пользу Топильского 800 млн. руб. под фиктивную расписку на фураж.

Рунов — инспектор РКИ при Гуконе — получил взятку в 6 млн. руб. от уполномоченного Наркомпрода Бендера за содействие в получении разрешения на покупку лошадей в Симбирской губернии.

Торсуев — бывший нотариус — незаконно составил запродажную в пользу Топильского на два дома и одно имение, которые были национализированы, датировав ее 1917 годом.

Михайлов Алексей — в 1921 году продал Топильскому бывший свой, ныне национализированный, дом № 14 по Мясницкой ул., составив запродажную 1917 годом

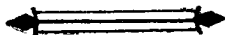
Вогулenco — составил поддельный договор с уполномоченным Шулевым на поставку сена по 28 тыс. руб. за пуд, хотя в действительности получал по 17 тыс. руб.

Мишель — зам. председателя Центральной контрольно-разгрузочной фронтовой комиссии — пытался при помощи противозаконных махинаций присвоить себе лошадей, принадлежащих государству, используя при этом также свое служебное положение пом. начальника Гукона.

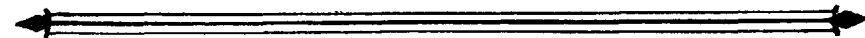
Михайлов Г. Ф. — московский домовладелец — был причастен к незаконной продаже его братом обв. А. Ф. Михайловым национализированного дома в Москве.

Сушкин и Янковский — были привлечены к суду за соучастие в преступлениях, совершенных обвиняемыми Руновым и Бендером.

Дело это рассматривалось 25 мая — 7 июня 1923 г. судебной коллегией Верховного суда РСФСР.

Товарищи судьи! Перед тем, как закончить судебное следствие, Верховный суд постановил ввиду ясности дела отказаться от допроса оставшихся недопрошенными свидетелей. Это в значительной степени облегчает задачу сторон и, в частности, мою как государственного обвинителя. Если дело достаточно ясно и если суд ввиду этой ясности считает себя вправе отказаться от допроса ряда свидетелей, то, очевидно, те многие дни, которые нам пришлось здесь провести над изучением этого тяжелого дела, не пропали для нас бесследно. Задача моя в силу этого значительно облегчается.

И тем не менее задача эта достаточно тяжела, как тяжелы, а порой даже кошмарны те воспоминания, которые возбудил в нашем сознании этот процесс, явившийся отзвуком постигшего нашу республику два года тому назад страшного бедствия.

Это бедствие поразило сотни тысяч крестьянских хозяйств, поставленных под угрозу разорения, и миллионы людей, поставленных лицом к лицу с голодной смертью. Вся страна тогда поднялась на борьбу с этим страшным врагом — с недородом, занесшим свою костлявую руку над людьми и полями, выжженными безжалостным солнцем. Это был страшный бой, и страна наша, страна рабочих и крестьян, хозяев молодой республики победила. Голод был сломлен.

Миллионы наших братьев были спасены.

Сила организованности и братской солидарности сломила силу смерти, восторжествовала над ней. Но раны, нанесенные этим бедствием нашей стране, кровоточили; требовалась длительная и упорная работа по ликвидации последствий недорода, сильно пошатнувшего благосостояние крестьянского хозяйства. Ведь убыль одних только лошадей достигла громадных размеров. В ряде губерний считается от 60 до 70% этой гибели. Астраханская, Самарская, Саратовская, Уральская и целый ряд других губерний дали приблизительно тот же самый процент гибели лошадей. Для восстановления крестьянских хозяйств только в одной Саратовской губернии нужно 22 тысячи голов. Чтобы удовлетворить нужды пострадавших от недорода хозяйств Татарской республики, нужно приблизительно 65 500 лошадей, а это составляет значительный процент всего конского поголовья республики. В Челябинской губернии гибель скота достигла тех же самых размеров.

Вот почему созданная ВЦИК комиссия помощи голодающим не могла не поставить перед собой в качестве одной из важнейших и первоочереднейших своих задач заботу о восстановлении конского поголовья. В этих целях при комиссии помощи голодающим была организована секция по спасению животноводства. Тогда же, а именно 28 июля 1921 года, была организована и так называемая чрезвычайная комиссия по эвакуации и закупке скота в голодающих губерниях Поволжья. Эта комиссия чрезвычайная, ей дается исключительное задание. Я не думаю, что было бы преувеличением сказать, что то задание, которое стояло перед чрезвычайной комиссией по закупке и эвакуации скота из голодающих губерний Поволжья, было нисколько не менее ответственным, чем основная задача, стоявшая перед ЦК помощи голодающим. Составлен был план вывоза в трехмесячный срок 40 тысяч голов скота, отпущены были деньги.

Все, кто могли, должны были прийти и пришли на помощь для решения этой задачи: НКПС, НКВод, НКЗ, все сосредоточили на ней свое основное внимание — одни вагонами, другие фуражом и зерном, но каждый стремился, отвечая требованиям дня, помочь чрезвычайной комиссии в осуществлении возложенной на нее великой миссии.

Нужно было собрать аппарат, нужно было организовать людей. Подсудимый Топильский здесь говорил: «Не купцы нужны были, не торговцы нужны были, нужны были организаторы». Этих организаторов должна была найти и нашла чрезвычайная комиссия по спасению животноводства в нашей республике. И был организован аппарат силами лиц, стоящих во главе этой комиссии: подсудимым Топильским и подсудимым Позигуном организуется аппарат... Но что это за «аппарат»? Это не советский аппарат, а слетевшееся на наживу воронье. «Ворон к ворону летит, ворон ворону кричит: ворон, где б нам пообедать...». Вот как организовывался аппарат спасения животноводства в республике. Вороны слетелись, и каждый думает о том, где бы пообедать... Один за другим сюда слетаются эти черные вороны, — больше того, хищники, стервятники.

Посмотрите, как составлялся этот аппарат, как подбирался этот аппарат. Вот Теплов, уполномоченный по Симбирской губернии Кто он такой? В 45 лет он записался в коммунистическую партию, а до того он был арендатором виноградного сада, маленьким виноградным помещиком и управляющим рыбными промыслами. Ничего общего с пролетарской средой он, конечно, не имел и, пролезши в партию, остался таким же хозяйчиком, как был и до того. Я вернусь потом к подробной характеристике Теплова и остальных подсудимых. Сейчас я называю их, чтобы показать, как сколотился и из кого составлялся этот аппарат,

которому была поручена величайшая в истории по ответственности задача.

Вот Ширяев, эсер, максималист, прошедший тюрьму, побывавший в 1918 году на фронте, куда он ездил якобы в целях борьбы с меньшевиками и правыми эсерами, и кончивший лошадиным барышничеством, в котором он сам сознался. Он из этой же вороньей породы и прилетел сюда потому, что здесь можно было лошадку купить, можно было на людском горе заработать. Или Тимашкевич, этот шоколадный кавалер, который, идя к следователю, не забывал по дороге зайти к его супруге, которая его когда-то пожалела и обедом перед арестом угостила, правда, очень скромным обедом из вареной картошки, хотя с бокалом вина, вероятно случайно оказавшегося в буфете. Этот «шоколадный человек», что он общего имеет с общественными задачами, стоявшими перед комиссией, как он мог вести свою работу иначе, чем он ее вел, окунувшись с головой в знаменитые операции с мануфактурой, в результате которых он присвоил 29 ящиков ниток? Или Рождественский, заместитель начальника конного фонда, которого здесь очень хорошо аттестовали в своих показаниях другие подсудимые, ездивший, как оказалось, в Симбирскую губернию для того, чтобы высмотреть себе лошадку, и присмотревший прекрасную «Арагву».

Вот еще одна «общественная» фигура, тоже прошедшая перед судом. Это — Лаврухин, человек с большим прошлым и с известным в буржуазных кругах именем, один из тех, которые когда-то претендовали быть представителями русского общества, будучи, в действительности, лишь представителями кадетско-народнической интеллигенции. Вы видели, как вчера он беспомощно путался в этих «лошадиных» объяснениях по поводу несчастной расписки на 800 миллионов рублей, как маленький школьник, пойманный на очень дурной проказе. Топильский говорил, что, подбирая аппарат, он людей приглашал из «общества», общественных деятелей, людей, всем известных или с солидными партийными рекомендациями. Очень может быть, что у друзей Топильского была не одна, а даже несколько рекомендаций, но это несколько не меняет того безобразного, преступного положения, которое характеризует это дело. Мы знаем, как это воронье умело обскакать самого авторитетного человека, так обскакать и обвести вокруг пальца, что только диву даешься. Общественные деятели, которых набирал Топильский: Ширяев, Теплов, Тимашкевич, Рождественский, — барышники, которые как будто совсем забыли, в какое время они работали, какие задачи стояли перед ними, куда они были посланы. Перед ними стояли великие и благородные задачи. Но они пришли на это дело не во имя этих задач, а как крестоносцы средневековья, чтобы пограбить и потешить свою плоть.

Они пришли на это дело как стяжатели для барыша, для личных выгод. На голоде, болезнях, смерти и разрушении они «зарабатывали», уводя в свои конюшни из голодного Поволжья по статному жеребцу, а то и по два. Это не общественные деятели, как их торжественно называл Топильский, а организованная шайка, как более метко и правильно охарактеризовал эту компанию Бендер. Итак, аппарат организован, люди подобраны. Пойдем дальше. Нужно установить условия работы, выработать организационные формы. И вот начинается выработка организационных форм. Посмотрим, в чем заключалась эта выработка организационных форм и что это были за формы. Я прошу вас припомнить показания подсудимого Топильского, откровенно рассказывавшего, как собирались компетентные в «сих делах» люди, «специалисты» по взяткам, и обсуждали, как лучше и безопаснее повести это «дело». Он вам говорил о семнадцати учреждениях, через которые должны были проходить всякие разрешения, какая в этих учреждениях была волокита, как нужно было преодолевать эту волокиту и добиваться благоприятных «заклучений», смазывая, ублажая, проталкивая, воздействуя, так что никак нельзя было обойтись без «накладных расходов».

Топильский пытался нас здесь уверить, что именно он и его «общественные деятели» решили строго-настрога на путь взяточничества не становиться, никого не «смазывать», а вести работу честно, без этих «накладных» расходов. Он говорил об этом так убедительно, что нельзя было бы ему не поверить, если бы не выступил здесь подсудимый Лаврухин, испортивший всю музыку. Лаврухин подтвердил, что «специалистов» по проталкиванию грузов и по взяткам они вызывали и выслушивали именно для того, чтобы узнать, как и им, подсудимым, приобщиться к этой системе, как, с какого конца начать им свою «плодотворную» деятельность. Лаврухин подтвердил, что на этих сборищах обсуждался вопрос, кому давать, сколько давать, как давать.

Таким образом, основным организационным вопросом, который стоял на этих совещаниях уполномоченных вместе с управделами Топильским, был вопрос об организации взяточничества. Все последующие показания ряда подсудимых и самого Топильского в течение всего предварительного следствия, за исключением последнего, «предсмертного», письма, все говорят о том, что основное внимание подсудимых было направлено раньше всего именно в эту сторону, — нужно было взять с уполномоченных 15% организационных. Вопрос так и решился: установить 15% организационных отчислений в пользу так называемого «Центра». Я не буду сейчас расшифровывать, что скрывалось под этим «Центром», скажу лишь, что центральной фигурой в этом «Центре» был Топильский, который организовал эти отчисления, который их получал и который ими распоряжался так, как он хотел

или считал необходимым. Я готов допустить, что часть этих расходов действительно шла на оплату всяких мелких услуг всякого рода мелких технических работников, но только часть. А остальные деньги куда шли, а громадная масса этих отчислений куда девалась, а какое влияние это оказывало вообще на всю работу, на всех работников? Вот вопрос, от которого отвертеться никак нельзя и который нужно разрешить со всей точностью.

Топильский показывал неоднократно, и это совпадает с показаниями ряда и других подсудимых, что в эти отчисления вошли у него и полтора миллиарда рублей, полученных им с уполномоченного Лукьяненко, и 800 млн. руб., полученных с уполномоченного Лаврухина, и 400 млн. руб., полученных с уполномоченного Теплова, и 700 млн. руб., полученных с уполномоченного Ширяева. Он сказал о том, о чем он никак не мог, по его словам, умолчать, — сколько он получал и от кого. Что он скрыл и о чем он не сказал, остается известным только ему. Но это он сказал, и я готов поверить в этом Топильскому полностью. Лаврухинские 800 млн. рублей — это факт.

Правда, Лукьяненко нет, и проверить через него показание Топильского мы не можем. Но Лаврухин здесь, и он подтверждает, что 800 млн. руб. им были, действительно, Топильскому переданы.

Хотя Лаврухин на предварительном следствии несколько раз менял свои показания по этому вопросу, в конце концов он все же должен был признать, что он действительно послал эти деньги в распоряжение Топильского через Зуева. Лаврухин отчислил 800 млн. руб., Топильский получил 800 млн. руб. Это надо считать твердо установленным. Теплов рассказывает, что он раз отчислил в пользу «Центра» 240 млн. руб., другой раз отчислил 200 млн. руб. и третий раз — 400 млн. руб. Отчисляли, перечисляли на чужой счет, а 150 млн. руб. заплатили секретарю комиссии по спасению животноводства. Вот тетрадь № 4, о которой сегодня шла речь. В ней сказано, что уполномоченному Ширяеву действительно было предложено за подписями Топильского и Позигуна перечислить 480 млн. руб. уполномоченному Лукьяненко. Характерно, что в деле нет расписки в получении этих денег, а есть лишь справка о том, что деньги эти якобы были выданы Дьяконовой. Возникает вопрос, действительно ли Дьяконова их получила? В деле нет никаких решительно подтверждений этого.

Я считаю, что запись на Дьяконову была сделана фиктивно, ибо Дьяконова получение денег отрицает, расписки ее нет, а есть какая-то всякая странная «справка»...

Можно считать установленным, что 610 млн. руб. от Ширяева были также получены «Центром», т. е. Топильским.

Топильский это отрицает. Но его отрицание — простое, голое отрицание — неубедительно и бездоказательно. Все обстоятельства дела говорят против Топильского, говорят, что отчисления производились и Лаврухиным, и Лукьяненко, и Тепловым, и Ширяевым.

Важно отметить, что, не надеясь на успех своей тактики отрицания, Топильский выдвигает версию о своей психической болезни. Эта версия появилась 21 мая 1923 года, в тот самый день, когда обвиняемые получили повестки с вызовом их в суд.

Тогда, товарищи судьи, впервые в судебной коллегии появилось заявление жены подсудимого Топильского, в котором она пишет, что Топильский уже десять лет болен страшной болезнью и что на почве этой болезни у него произошло расстройство умственных способностей. Это заявление было подано именно в тот момент, когда никакого иного способа оттянуть это дело не было, когда никакого пути для того, чтобы уйти от суда, не осталось. Вы наблюдали этого человека в течение всего процесса и вы могли убедиться, что умственные способности у него в порядке, что он давал объяснения по делу вполне логично. А если логика ему не помогла, то это потому, что против него стоял враг, который страшнее всяких врагов, против него стояла правда, и в борьбе с правдой он терпел поражения и падал пораженным.

Возвращаюсь к существу дела.

Итак, организационный вопрос решили. Собрали людей, в достаточной степени объяснились, обеспечили себе возможность получения денежных средств на всякие случайные обстоятельства и деловые расходы — деловые расходы, несомненно, у них в некоторой части были — и приступили к работе. Но куда у них оказалась направленной главная мысль? Мысль работала у них, по моему глубочайшему убеждению, в сторону удовлетворения личных корыстных интересов. Их отношение к делу можно охарактеризовать только так — стремление к наживе, к удовлетворению личных интересов.

Вместо того чтобы спасти голодающих, спасти гибнущее хозяйство, эти господа все свое внимание сосредоточили на одном — на наживе.

Один мечтает о приобретении для себя лошади и больше ни о чем и думать не хочет. Другой мечтает о племенной корове и т. д. и т. п. Основная руководящая идея у них — не спасение гибнущих, не локализация этого ужасного бедствия, а удовлетворение личных вкусов и личных желаний — точь-в-точь как в буржуазном обществе, где танцуют и флиртуют «в пользу бедных», где устраиваются благотворительные вечера и маскарады в пользу «недостаточных» студентов, спасения утопающих, погоревших, пострадавших от землетрясения, от чего угодно,

лишь бы под этим предлогом можно было весело и с личной выгодой для себя провести время.

Подсудимые построили всю свою «работу» на стремлении всячески использовать в своих корыстных интересах и государственных средства, отпущенные на борьбу с этим бедствием, и весь созданный в целях этой борьбы аппарат.

На этой почве выросло так называемое Юго-восточное общество. Что такое Юго-восточное общество? В Юго-восточном обществе произошло скрещение нескольких тенденций. В Юго-восточном обществе раньше всего наметилась и достаточно резко выявилась именно эта старая буржуазная, частнособственническая тенденция — на почве борьбы с общественным бедствием найти средства и за счет отпущенных для этой борьбы средств создать частные предприятия. В Юго-восточном обществе эта тенденция проявилась очень резко и отчетливо. Но тут имеется и другая тенденция, не формулированная ни в одном уставе — ни Юго-восточного общества, ни общества преступников, сидящих здесь на скамье подсудимых, — тенденция, которая носит достаточно отчетливый политический, антисоветский, контрреволюционный характер. Эта тенденция — от эсеровщины, которой заражен ряд подсудимых.

Подсудимый Торсуев прекрасно вскрыл эту тенденцию, когда давал нам объяснения о причинах, по которым Топильский занимался скупкой больших и малых домов, принадлежащих, кстати сказать, Московскому Совету. Из этих объяснений явствовало, что одной из сил или пружин, толкавших Топильского на скупку домов, было убеждение, что дни советской власти сочтены, что советская власть задыхается от голода. Разруха сожрет ее. Она недолговечна, и если она устоит как советская власть, то во всяком случае она должна будет сделать такие уступки частному капитализму, которые уничтожат самую сущность советской власти как власти рабоче-крестьянской, ликвидировавшей частную собственность на землю, на фабрики, на дома. И вот с этой затаенной мечтой Топильский решает с Зверевым, а Зверев с Михайловым — начать скупку домов. Вот эта контрреволюционная тенденция, надежда на то, что власть советская рухнет, а они — эти новые помещики, новые домовладельцы — останутся и будут богатыми и счастливыми, эта тенденция в очень сильной степени проявлялась и у Топильского, и у организованного по инициативе Топильского так называемого Юго-восточного общества.

Ведь разве не странно, что в то самое время, когда Топильский в надежде на скорое и якобы неизбежное крушение советской власти начинает скупать дома, он рассылает уполномоченных и дает им задания наполнять лучшие совхозы лучшим племенным скотом, набивать склады лучшим продовольствием и

фуражом и ждать до весны, когда по расчетам Топильского и его друзей должна рухнуть советская власть. Томительное ожидание, сладостное, но несбыточное мечтание... Вот в этом сладостном контрреволюционном ожидании и пребывали уполномоченные Теплов, Ширяев, Лаврухин: один в Симбирской губернии, другой — в Саратовской, третий — в Самарской. Подсудимый Теплов здесь рассказывал, что ему, как коммунисту, это стало казаться подозрительным, и он решил ничего не предпринимать по плану Топильского. Хорошо решил, что и говорить. Но это не помешало да и не могло помешать «уполномоченным» Топильского разворачивать свою работу вовсю, хотя кое у кого и закрадывались сомнения в том, выйдет ли что-нибудь из этой затеи. Подсудимый Лаврухин даже пришел на одно совещание, чтобы отказаться от участия в этом обществе. Он сказал: «Я не верю, это одни разговорчики». Но разговорчики это или нет, а совхозы стали передаваться секции.

Защита несколько раз подчеркивала в течение судебного следствия это обстоятельство, стараясь доказать, что раз совхозы передавались секции, то, следовательно, здесь нет ничего преступного. Увы! Я напомню показания свидетеля Горового, который по аналогичному поводу справедливо заметил: «Пути контрреволюции неисповедимы». Да, можно брать совхозы от имени секции и передавать их секции, а потом обернуть эти совхозы против республики. Как это делается? Контрреволюция действует самыми разнообразными способами, порой чрезвычайно хитрыми и изощренными. В данном случае вся задача заключалась в том, чтобы стянуть племенной скот в совхозы, превратить их по существу в частнокапиталистические предприятия и подготовить передачу их капиталистам тотчас же по реставрации капитализма.

А пока что — легкая нажива на трудном деле, мелкие и крупные жульнические делишки, стяжательство, корысть, прикрываемые высокими словами о помощи...

Перехожу к характеристике отдельных подсудимых, и раньше всего к характеристике подсудимого Топильского.

В своих объяснениях Топильский пытался дать собственный портрет, что, однако, ему решительно не удалось. Он здесь хотел нас убедить, что к этому ответственному и тяжелому делу борьбы с засухой в Поволжье и с голодом он подошел совершенно бескорыстно. Вы помните, товарищи судьи, как он говорил об этой бескорыстности: «Когда я увидел, — сказал он, — какая масса препятствий стоит на моем пути, тогда я загорелся желанием победить все эти препятствия. Позигун говорил, чтобы я не боролся, что ничего не выйдет, а я говорю: сделаю это, преодолю эти препятствия, налажу, нужно победить, потому что это нужно республике, крестьянству». Топильский

говорил с дрожью в голосе, со слезой, так что можно было бы, при отсутствии достаточного опыта, впасть в ошибку и поверить в его искренность. Эта задача ему плохо удалась.

Я бы хотел обратить ваше внимание, товарищи судьи, не на слова, не на саморекламу, хотя и с этой стороны наш следственный материал отличается достаточной убедительностью. Вспомним хотя бы показания Ляшока, который говорил о том, что Топильский работал исключительно во имя личных интересов. Топильский — подлинный эсеровский кооператор, со всеми присущими этой категории людей привычками и особенностями. Топильский нашел «безработного» Зверева и приспособил его для исполнения «особых поручений». Зверева Топильский приспособил для скупки... английских фунтов и вообще золота. Потом он поручил ему найти квартиру. Вместо квартиры Зверев нашел целый дом, да не один, а два. При помощи этого же Зверева Топильский нашел имение Клусово, бывшее Сипягино. Через Зверева покупаются и продаются шедевры живописи, картины лучших мастеров искусства.

Характерно, что, рассказывая об этих операциях, Топильский и тут стал в позу, заявив, что он покупал картины только из любви к искусству, что эта страсть к искусству и погубила его.

Но пришел час допроса Зверева, этого прозаика, а не романтика, какого здесь разыгрывал Топильский, и одним словом Зверев разбил весь романтизм Топильского. Оказывается, покупая картины, Топильский звал экспертов, выяснял ценность каждой картины не с точки зрения художественных достоинств этого произведения, а лишь с точки зрения ее стоимости. Топильский действовал как скупщик ценностей, а не как ценитель искусства, как любитель живописи, останавливающийся в изумлении перед полотном неизвестного, быть может, живописца, проникающего в самую душу и сердце, захватывающего красотой красок и великолепием творческой кисти. Нет, Топильский действовал не так. Ему не важно было, как сильно и прекрасно блещет на полотне кисть неизвестного художника, ему важно было, сколько стоит эта картина и за сколько эту картину можно потом продать.

Топильский действовал не как меценат, а как настоящий маклак.

Подсудимый Зверев говорил про Топильского: «Он вообще поставил себе задачу свои деньги превратить в реальные ценности, в картины, в фунты стерлингов». На сколько же он этих картин купил? На 75 тысяч рублей золотом, и создал себе таким образом действительно реальные ценности.

Но это не единственная страсть Топильского — дома, картины, золото; есть еще и лошади. И было бы странно, конечно,

быть в секции по «спасению» животноводства и не загореться страстью к лошадям. В этом отношении Топильский не отстал от Теплова, Ширяева, Рождественского. Топильский посылает Рождественского в Симбирск со специальной задачей купить 7—8 лошадей. Появляются «Кристалл», «Ушла», «Кривак», «Потоп» и еще другие. На какие деньги покупались эти лошади? Топильский говорит — на собственные. Мы не знаем происхождения этих «собственных» денег. На предварительном следствии Топильский сказал, что эти деньги, 3 тысячи фунтов стерлингов, привезены им из-за границы. Но он вскоре сдал свои позиции. Живым опровержением этой его версии оказался Зверев, показавший, что он, Зверев, покупал для Топильского фунты стерлингов и что, таким образом, Топильский никаких фунтов стерлингов из-за границы не привозил.

Мы не знаем сейчас, откуда Топильский брал деньги, чтобы покупать в Симбирске лошадей, но мы зато знаем, что нам рассказывали об операциях Топильского, с одной стороны, Рождественский, а с другой — Теплов. Рождественский приехал и заявил Теплому, что нужно купить лошадей, и притом лучших лошадей, а когда Теплов возражал, что у них нет на это средств, Рождественский сказал: «Покупай, в Москве разотчемся», а потом оказалось, что закупка была произведена на казенные деньги. Если бы даже эта закупка была произведена и не на казенные деньги, а на так называемые «собственные» деньги Топильского, то нет основания сомневаться в том, что эти «собственные» деньги — тоже казенные деньги.

Товарищи судьи, очень характерно показание человека, о котором здесь Топильский дал прекрасный отзыв, — это показание Чиглинцева. Топильский сказал, что это — благороднейший человек, который ни одного слова неправды сказать не может. Я готов поверить подсудимому Топильскому и с таким же доверием отнестись к показаниям Чиглинцева, как и он. А для того, чтобы личность Топильского, этого нового «приобретателя», этого нового Чичикова, показать вам в наиболее ярком свете, я бы хотел огласить несколько строк из показаний этого благороднейшего, по отзывам Топильского, человека и его друга — Чиглинцева.

Вот что говорит Чиглинцев: «Топильский очень часто передавал мне на время большие денежные суммы. Был случай, когда он мне передал около трех миллиардов рублей, приблизительно в феврале месяце, и в последнее время, до ареста Топильского, было передано до 150 млн. рублей. Звереву по распоряжению Топильского, мною неоднократно передавались большие денежные суммы, около десяти раз: раз около двух миллиардов и несколько раз более мелкие суммы. Воробьеву также давал денежные суммы несколько раз, до одного миллиарда

рублей. И еще Топильский мне давал около трех фунтов и 1 600 руб. золотыми монетами царской чеканки». И Чиглинец добавляет: «Из этого золота часть была передана Звереву... Затем были монеты золотые и серебряные, которые лежали в сарае в мешках под прилавком».

Вот что говорит Чиглинец, этот «благороднейший человек», один из этих «спасителей» отечества: идут спасать голодающих, а у самих в сарае, под прилавком, мешочки какие-то, не то с золотыми, не то с серебряными деньгами...

Характерен состав посредников, которые окружили Топильского. У Топильского был счастливый шурин Воробьев, счастливый потому, что он был шурином Топильского. Этот шурином имел лошадь «Киенчем», которая, как и «Психея», принадлежала Топильскому. Как она попала от Воробьева к Топильскому? Оказывается, Воробьев получил эту лошадь из Семеновской артели, а Семеновская артель откуда получила? Из Очаковской. А Очаковская откуда? Из Ново-Буяновского завода. А завод этот — государственный. А лошадь чья? Топильский говорит: «Моя, подаренная мне Воробьевым». Интересная система с государственного завода на один хуторочек, с одного хуторочка на другой хуторочек, оттуда к шурину, а от шурина к себе. Вот одна из иллюстраций «работы» Топильского.

Я не буду отнимать у суда времени перечислением всех подобных фактов. Достаточно этой иллюстрации, которая вместе с показаниями Чиглинцева, мне кажется, полностью разоблачает Топильского. Я убежденно говорю о Топильском как о человеке, который пошел в секцию по спасению животноводства не для того, чтобы спасти животноводство, а для того, чтобы обдирать свои личные делишки, чтобы склевать то, что попадало под его клюв в это тяжелое время.

Мы не можем, конечно, забыть историю закупки лошадей для Главсахара. Главсахар дал за этих лошадей 100 пудов сахара. В это время Теплов телеграфирует из Симбирска: дайте денег. И здесь, на суде, выяснилось, что действительно была острая нужда в деньгах.

Теплов даже признал, что если бы денежные средства были своевременно ему присланы, он несомненно больше сделал бы для спасения скота в Поволжье, чем он сделал на самом деле. Казалось бы, чего проще: деньги, вырученные за сахар, перевести на заготовку фуража и бросить фураж, куда нужно. Может быть, это и было бы выгодно для дела, но не выгодно для Топильских. И вот сахар обменивается на мануфактуру, а мануфактура продается в течение полутора месяцев, время уходит, да и комбинация в конце концов оказывается невыгодной для государства, зато очень выгодной для тех, кто эту комбинацию проводил.

Допрошенные здесь Тимашкевич и Топильский дали по этому поводу одинаковые показания, утверждая, что замысел был таков: мануфактуру, которая должна была быть проданной за 18½ млрд. рублей, провести по отчету проданной лишь за 14 млрд., а 4½ млрд. обратить в свою пользу.

Вот эта мануфактурная эпопея, как нам здесь доказывали это с книгами в руках. Мануфактура эта была продана за 11 600 млн. рублей.

Тимашкевич заработал солидно, ибо он мимоходом и нечаянным образом задержал в своих карманах 29 ящиков ниток, которые стоили 2 млрд. рублей,— в те времена эта сумма была достаточная. Топильский получил без расписки, а Зверев не провел по книгам 1800 млн. руб. наличными деньгами — сумма тогда тоже большая — и товаром на 4 млрд. руб. Топильский сам утверждает, что у «Оптовика» он взял 6—6½ млрд. руб. Он сам помог вам разгадать, как исчисляются эти 6½ млрд. руб., рассказав, что в счет этих 6½ млрд. руб. он получил 2000 аршин по 2 млн. за аршин. Но вместе с тем он утверждал, что дал 4 млрд., а Зверев утверждал, что он получил 1800 млн. Тут маленькое расхождение с другими показаниями. Но Кузнецов помог установить истину: оказалось, что Тимашкевич прикарманил тайком от Топильского, а Топильский утаил от Тимашкевича, что он сам забрал 2½ млрд. руб.

История с мануфактурой совершенно ясна. Мануфактура была сдана «Оптовик». Но что это за «Оптовик»? Этот «Оптовик» состоял из четырех лиц: полумертвого старика Михайлова, Зверева, состоявшего на побегушках у Топильского, Воробьева — шурина Топильского и четвертого человечка — Стрижева, который исполнял обязанность бухгалтера, хотя при допросе Зверев сказал, что бухгалтерии никакой там не было. Вот и все это «обшество».

Как работал этот «Оптовик»? Работал «Оптовик» на мануфактуре, которую дал ему Топильский. Вполне понятно, что Топильский должен был что-то за это получить, и ему действительно была отчислена некая сумма. Это нашло отражение и в их книгах, хотя эти книги — филькина грамота. Сам Зверев признал, что хотя эти книги не были составлены за один присест, но они были переписаны за один присест. Переписывались книги в спешке, вследствие чего переписчики забыли на левой стороне написать «11 марта 1923 г.», и оказалось, что на левой стороне заприходована мануфактура в апреле, а на правой — продана мануфактура в марте. Если допустить, что в этой филькиной грамоте отразилась до некоторой степени правда, коммерческая истина, и эти две тысячи аршин Топильского вошли в счета на 11 600 млн., то все-таки 1800 млн. остаются тем подарком, который преподнес этот «Оптовик» инициатору и, так сказать,

вдохновителю своему, своей главной опоре и кормильцу своему, тому же самому Топильскому.

Я знаю, что защита может мне возразить: «Странное положение,— вы говорите, что «Оптовик» это — Топильский, а, с другой стороны, обвиняете Топильского в получении взятки, а Зверев в том, что он, как ответственное лицо, дал Топильскому взятку, выходит, что Топильский дал сам себе взятку».

В действительности тут противоречия нет. Зверев «работал» на деньги и товаром Топильского и из своей доли отрывал кусочек Топильскому, чтобы Топильский и впредь давал ему возможность так «работать». Это, конечно, не взятка в формально-юридическом смысле этого слова, и я во взяточничестве Топильского и не обвиняю, но это один из элементов того метода обогащения, которым Топильский владел в достаточной степени. Таким образом, ко всем художествам, о которых я уже говорил, добавляется и это «художество» с мануфактурой.

Но вот еще новый момент в деятельности Топильского: это договор с латвийской фирмой Спаде. Топильский признал на предварительном следствии получение с фирмы Спаде 2 млрд. руб. в виде взятки. Сейчас Топильский пробует изменить свои показания, заявляя, что это выдумано, что денег от Спаде он не получал и что фирме Спаде давать взятку было не за что. Действительно ли не за что было давать взятки? Топильский сослался между прочим и на то, что договор с фирмой Спаде, по отзыву генерального латвийского консула, оказывался даже убыточным для фирмы Спаде, о чем генеральный консул Латвии счел нужным предупредить, так как цены, выставленные фирмой Спаде, якобы ставят под сомнение, сможет ли эта фирма выполнить договор. Я тоже сначала подумал: что за предупредительность такая латвийского консула по отношению к секции по спасению животноводства? Но, перелистав две странички того тома, в котором находится это отношение, я понял секрет этой предупредительности.

В самом деле, рожь и ячмень были закуплены у этой же фирмы Спаде в Латвии по 420 руб. и по 180 руб., в то время как на рынке стояла цена по 700 руб. за пуд. Но уже через шесть дней — договор был заключен 10 февраля — 16 февраля фирма Спаде ввиду изменившейся рыночной конъюнктуры повысила эти цены в 3—5 раз. Оказывается, что низкие цены были своего рода приманкой; Спаде нужно было лишь заключить договор, хотя бы по заведомо убыточным ценам, а там можно и пожить... И вот этакий-то договор и подписал Топильский, и за подписание такого вот договора он и получил взятку. По этому вопросу мы имеем показания Минкина, данные им на предварительном следствии, где Минкин приподнял краешек этой стыдливой завесы и признал, что РКИ приостановила утверждение

этого договора, требуя изменений, гарантирующих защиту интересов секции по спасению животноводства. А Топильский самолично подписал этот самый договор.

Ясно, конечно, что за эту самоличную подпись можно было заплатить 2 млрд. руб., тем более, что в обеспечение падающей валюты, которой мы расплачивались с этой фирмой, от всех поступающих грузов из Латвии отчислялось 15% натурой. Топильский в полной мере защитил интересы фирмы за счет интересов нашего государства. Я полагаю, таким образом, что этот момент является также совершенно установленным и кладущим лишнюю гирю тяжести на чашу обвинения Топильского.

Топильский в своей деятельности характерен еще с одной стороны — как специалист по подлогам, которые нельзя оставить неотмеченными. Каждый шаг, который он делает, он делает, обязательно učinяя какой-нибудь подлог, какое-нибудь надувательство. Он učinяет подлог в сделке с Шестаковым, давая ему фиктивную расписку на продажу будто бы за один миллион рублей лошади «Киенчем», на самом же деле он ее не продал, а оставил за собой. Он совершает подлог с лаврухинским овсом на 800 млн. руб., он вручает Лаврухину подложную расписку, которую Лаврухин хотел приобщить и приобщил к делу, пока не разразилась гроза.

Топильский приобретал дома на имя Зверева по фиктивным запродажным, пользуясь при этом юридической помощью Торсуева, комиссионерскими услугами Зверева и, может быть, нуждой Михайлова. Наконец, у него фиктивно бегают на Московском ипподроме лошади, т. е. бегают самым реальным образом и самые реальные лошади, — но опять-таки от имени подставных лиц, хотя эти лошади и принадлежат Топильскому.

Система Топильского — система подлогов, какая-то фантастическая система лжи и коварства. Что ни шаг, то рискуешь запутаться в этой страшной предательской паутине. Топильский всем руководил, все подчинял своему влиянию, но работой не интересовался, все думал только о своей личной выгоде. Вот что говорил о нем Минкин: «Я писал, взывал к практической работе, — все-таки работа в секции не шла. Мой труд, видимо, в секции не ценился, мои предложения выслушивались, приказы читались, но не исполнялись».

И это верно. Мы знаем, что там вообще приказы не исполнялись. Там царил ликвидаторское настроение. Минкин говорит: «Я неоднократно говорил ему, что мы должны быть сплочены в работе, но Позигун соглашался и со мной и с Топильским. И, наконец, я стал себя чувствовать чужим в секции. Большинство работников сплотилось вокруг Топильского. С Поволжья раздавались бесконечные крики и мольбы: дайте лошадей! Весенняя кампания была в разгаре, и я настаивал на продолжении

кампании, на продолжении работы, но секционных работников обуревало ликвидаторское настроение, и секция была ликвидирована»... Вы видите, что Топильский является здесь центральной фигурой: все около него, он руководит всем решительно. Он начал руководить и повел работу тогда, когда еще хотел работать, когда он еще не осуществил всех своих замыслов, когда был увлечен этими замыслами. Но вот он почувствовал, что его замыслы будут разбиты, и он опустил руки и все опустили руки, и секция была ликвидирована.

В секции, которая держалась главным образом на плечах Топильского, процветала, помимо всех тех безобразий, о которых я здесь говорил, еще и безотчетность. Вам говорили здесь в течение всего процесса: такой-то представил отчет, такой-то представил отчет. Вам даже указали на то, что если отчеты эти оказались непринятыми, непросмотренными, то это, в сущности говоря, не по вине уполномоченных, не по вине тех, кто представлял эти отчеты.

Это, конечно, совершенно необоснованная отговорка, и для того, чтобы показать это, я приведу одну лишь маленькую справку: Лаврухин здесь показывал, что он 1 февраля представил свой отчет, который ему вернули 9 мая, а 1 июня он был арестован. Срок, конечно, достаточный для того, чтобы добиться приведения отчетов в необходимую ясность, чтобы не нужно было их возвращать еще раз для всяких исправлений. Однако он не сделал этого и с 9 мая до 1 июня не позаботился о том, чтобы эти отчеты привести в порядок. Когда я буду говорить о Лаврухине, я скажу специально об этом отчете, скажу, чем он порочен и чем порочна та «выборка», которую он представил суду.

Я сейчас указываю на этот момент лишь для того, чтобы показать, что уполномоченные не считали себя особенно ответственными за эти отчеты. Ответственность за эти безответственные действия я возлагаю целиком на лиц, возглавляющих секцию, и, в первую очередь, на Позигуна, особенно имея в виду, что он коммунист.

В самом деле, вы посмотрите, какой получается порядок вещей. 18 февраля заседание президиума ЦК помощи голодающим. Доклад Минкина утверждает Позигуна, а не Топильский. Пусть так. Президиум ЦК Помгола признает цифровой материал по эвакуации племенного скота неудовлетворительным. Ясно и четко. Это было 18 февраля, товарищи судьи. Топильский подтвердил, что в декабре работа была уже свернута и, следовательно, был достаточный срок для того, чтобы с момента сворачивания работы, в конце декабря, до 18 февраля позаботиться об этих отчетах. Ведь Позигун прибегал даже к таким мерам воздействия, как истребование Лаврухина и других уполномоченных

чуть ли не по этапу. Лаврухину было приказано явиться, иначе он будет доставлен в административном порядке. Приехал Лаврухин. Что вы сделали с ним, Позигун? Вы приняли его отчеты, вы приняли меры к тому, чтобы Лаврухин, так скоропалительно бросивший свою работу, свою большую и важную работу, вернулся к ней как можно скорей, вы поинтересовались тем, чтобы он сдал отчеты? Нет, вы ограничились резолюцией о проверке, а об исполнении никто и не думает. Представить отчеты в недельный срок требует ЦК Помгола, требует государство, отпустившее 132 млрд руб., собранных из отчислений по фабрикам и заводам, по волостям и деревушкам, по казармам и лагерям красноармейцев. А вы позаботились о том, чтобы эти 132 млрд. руб. были учтены,— я уже не говорю по копейке, а хотя бы по миллиону?

И вот 31 марта издается приказ № 7. Я особенно обращаю ваше внимание, товарищи судьи, на эти даты: 18 февраля требуется представить отчет в недельный срок, а приказ № 7 появляется 31 марта. В этом приказе из трех пунктов предлагается всем уполномоченным представить отчеты, под руководством Топильского обработать и представить в бухгалтерию Цузема. Обрадовались все подсудимые и кричат (и Топильский больше всех): вот бухгалтерия Цузема, вот болото, вот трясина. Но была ли эта бухгалтерия действительно «трясиной»? Это не доказано, это не установлено.

На суде Топильский пытался в этом вопросе славировать, заявив, что по приказу № 7 нужно было составить статистический отчет, а не бухгалтерский. Но я предъявил Топильскому этот приказ и доказал, что он говорил именно о бухгалтерском отчете. Я теперь спрашиваю руководителей секции: если отчетов нет (а их нет, ибо даже те, которые есть, неудовлетворительны, так как в тепловском отчете трех миллиардов все-таки не хватает), то должны ли вы отвечать за это? И если лаврухинского отчета мы не видим, и если ширяевского отчета мы не видим, то мы смело можем поставить вопрос об ответственности руководителей секции, которые безответственно действовали, которые, вопреки постановлению президиума ЦК от 18 февраля, вопреки своему собственному распоряжению от 31 марта, не позаботились о том, чтобы эти отчеты в конце концов были представлены.

А вот 25 апреля в заседании ЦК Помгола с участием Рескина, Топильского и Позигуна подводили итоги этой работы и, между прочим, констатировали, что полностью отчетов уполномоченные не представили. 25 апреля опять нет отчетов, но интересна маленькая ремарка к этому протоколу, в которой говорится, что члены этой секции деятельно участвовали в заседании. Они действительно участвовали в заседании!

Вот почему, товарищи судьи, при этой системе взяточничества, подлогов, хищений, расточительства, безотчетности через некоторое время ЦК Помгола убедился, что с этим гнилым аппаратом нельзя выполнить задания по вывозке и эвакуации 40 тысяч голов скота, и пришлось сократить эту цифру до 11 тысяч, а из 11 тысяч пришлось выполнить едва пять с лишним тысяч, около шести. Отчет ревизирующих органов констатирует, что весь план работы по спасению скота был, таким образом, выполнен лишь на 14%, а вывозка этого скота была выполнена силами секции по спасению животноводства лишь на 9,7%. Эту цифру, правда, оспаривает Топильский, говоря о 18% и даже о 38%, если учесть кооперацию и всякие другие организации, вывозившие скот. Но этот же отчет ревизирующих органов говорит, что содействие, которое оказывала секция по спасению животноводства, выражалось главным образом, если не исключительно, в предоставлении транспортных средств, т. е. давались бумажки в НКПС на получение вагонов.

Во всяком случае план вывоза в 40 тысяч голов свелся к 5¹/₂ тысячам, т. е. к 12—13%, а деньги, отпущенные первоначально, были все израсходованы, все 132 млрд. руб. Какова была система работы, видно хотя бы из того, товарищи судьи, что ведь тогда, когда Теплов, например, кричал, что у него нет денег, деньги были. В то же время ему приказывали — если это верно — производить ненужные закупки. Позигун утверждает, что Теплов по собственной инициативе закупил валенки и дамские ботинки, назвав их из стыдливости «крестьянскими». Вместо фуража закупали... валенки и дамские ботинки! Это общая система работы этой самой секции, где засели люди бесхозяйственные, люди корыстные. Во главе этих людей стоял Топильский, который в отношении корысти побил рекорд. Я утверждаю, что обвинение, предъявленное по обвинительному заключению Топильскому, предъявлено совершенно правильно. Это преступление предусмотрено ст. 188¹, говорящей о мошенничестве. В действиях Топильского я усматриваю и наличие ст. 113 — присвоение, ибо лошади, которые закупались им, закупались на государственные средства, на кровные рабоче-крестьянские деньги. Тут есть и ст. 114, ибо система взяточничества входит в ст. 114, и достаточно одной операции с «Оптовиком», чтобы признать правильным предъявление этой статьи, и, наконец, тут налицо и ст. 110 УК².

Товарищи судьи, за те преступления, которые совершил Топильский против республики, в законе назначено самое суровое наказание. Топильский хотел предвосхитить события. Свой при-

¹ Соответствует ч. 2 ст. 169 УК 1926 года.

² Соответствует ч. 1 ст. 112 УК 1926 года.

говор над собой он сам произнес, он сам хотел и привести его в исполнение. Ему это не удалось. Теперь он предстал перед судом, и во имя блага республики я требую для него высшей меры наказания. Пусть справедливый приговор свершится...

Один из помощников Топильского — Рождественский, заместитель начальника конфонда, человек, про которого один из его товарищей сказал: «Это он зажулил «Арагву». Это удачно сказано. В этих словах дана полная характеристика Рождественского. Человек, зажуливший лошадь даже у своего товарища, — чего ожидать от него? Вот этот Рождественский тоже приехал в Симбирск «спасать животноводство». Как показывает Теплов и как показывал здесь сам Рождественский, он все время тратил на разъезды по Симбирской губернии с целью отыскать лучших лошадей. И нужно отдать должное его опытности и настойчивости. Он нашел «Арагву», которую здесь на суде люди, достаточно знающие толк в лошадях, признавали редкостной лошадью, которая, правда, в провинции была замухрышкой, но, появившись в Москве, сразу развернулась и сделала блестящую карьеру. «Арагва» действительно оказалась лошадью замечательной. Поэтому-то она и оказалась в руках у Рождественского. Конечно, было бы более законно, если бы она очутилась в руках у государства. Существует декрет от 22 июля 1921 года, обязывающий такой племенной материал, в особенности такой редкостный, как «Арагва», передавать в распоряжение государства.

Интересно еще и то обстоятельство, что Рождественский приехал в Симбирск покупать лошадей по поручению и прямому указанию Топильского и должен был получить, хотя эта сделка производилась за счет государства, от этой операции 10% комиссионных, как это он сам показывал на предварительном следствии. Этот самый Рождественский, как вы помните, учинил шантаж с лошадьми, пришедшими из Симбирска, вписав их в казенную ведомость как якобы проданных государству, а затем при помощи подлога, учиненного Тепловым по наущению Рождественского, этих лошадей присвоил. Рождественский так нам рассказывал: «Я объяснил Чербакову и Кратко, как нужно сделать, чтобы получить этих лошадей». Он их научил. Они это выполнили. И в конце концов лошади оказались у того же самого Рождественского, у Теплова, в знаменитом совхозе «Селект».

Я должен еще напомнить суду, что когда Позигун разрешил выдать лошадей частным владельцам и привезти их с казенным эшелоном, он поставил условием оплату фуража и расходов с тем, чтобы эти лошади были переданы в распоряжение секции. В действительности, они оказались переданными не в секцию, а забраны работниками секции. «Арагва» оказалась у Рождественского

вместе с «Кралей», «Крепышом» и «Потопом», которые попали потом в «Селект».

Суд убедился из имеющихся в деле документов, что эти лошади были отпущены на время в «Селект». И вот Рождественский пригрозил, накричал, нашумел, выдал этих лошадей владельцам, научил их составить задним числом соответствующие оправдательные документы и лучших из этих лошадей получил обратно в свое распоряжение. Результатом он, конечно, был очень доволен.

Я обращаю ваше внимание, товарищи судьи, на то, что Рождественский, который занимал такую ответственную должность, как должность заместителя начальника конфонда в Гуконе, сам себя здесь не постеснялся охарактеризовать как барышника, упустив именно это самое выражение. Не могу не обратить вашего внимания еще на одно обстоятельство. Давая объяснения о способах приобретения этой «Арагвы», Рождественский признал, что он купил ее за 250 млн. руб., и на вопрос, откуда же он взял для этого деньги, в то время как он получал только 35 млн. руб. жалованья в месяц и, следовательно, должен был потратить семимесячное свое жалованье на эту операцию, он легко нашел ответ, который находят все преступники. Он сказал, что истратил на эту лошадь средства... своей жены. Средства жены мы, к сожалению, учесть не имели возможности, и на это и рассчитывал Рождественский.

Я должен также напомнить вам, характеризуя Рождественского, и инцидент с Бендером и Сушкиным. Нельзя забыть об этой «мелочи». Это, конечно, мелочь, но чрезвычайно колоритная, и если бы ее не было, то, пожалуй, портрет Рождественского кое-что потерял бы в своей красочности.

В самом деле, люди хотят купить лошадей для своих учреждений; им дастся наряд на Тверь, даже не на губернию, а на город Тверь, где лошадей купить нельзя. Конечно, это полнейшее издевательство, если бы можно было думать, что Рождественский занимался издевательством. Но Рождественский прекрасный мастер своего дела. Он знает, что делает. Сначала он тормозит покупку лошадей, потом получает «смазку», и дело благополучно завершается. Правда, государственные интересы страдают, но преступная цель осуществляется, и человек, дающий «смазку», радуется и говорит, как Бендер: «Слава богу!».

Идиллическая картина. Рождественский дает наряд на Тверь, где достать лошадей нельзя, и не дает наряда на Самарскую губернию, где можно купить лошадей. Получив «смазку», Рождественский меняет фронт и, действуя через таких людей, как Рунов, который говорит, что все можно, что кушать все хотят, делает так, как ему кажется выгодным и удобным. Вот как этот Рождественский, заместитель начальника конфонда.

Но он не только, так сказать, не совсем в чистой воде плавающая рыба. Он, как рыба, ищет, где глубже, и вот тут-то и начинается история с Юго-восточным обществом. Ведь у него на квартире собираются по дороге откуда-то куда-то Позигун, Топильский и Теплов. Эта тройка вместе с Рождественским мозговывает, как облагодетельствовать нашу страну учреждением Юго-восточного сельскохозяйственного акционерного общества. Начинается дело с подлогов, и здесь Рождественский играет не последнюю роль. Формы подлогов, конечно, выдумываются самые разнообразные, смотря по обстоятельствам. Когда нужно было отправить из Симбирска лошадей, Рождественский предложил написать удостоверение, что они отправляются в Москву для работы, хотя он знал, что они направляются не на работу, но нужно было солгать в документе, чтобы придать этой операции больше законности. Когда были привезены из Симбирска лошади и когда контрагенты, как рассказывает нам Теплов, убедились, что лошади предназначены не секции, а частному лицу, они заломили большие цены. Рождественский не хотел покупать по большой цене, и тут, среди бела дня, произошел беззастенчивый торг, в результате которого Рождественский уступил, сойдясь, в частности, на 200 млн. руб. за «Арагу».

Плодотворная деятельность Рождественского вся здесь перед вами. Вам предстоит задача оценить эти его заслуги. По той роли, которую он играл в этом преступном деле, к нему применимы ст. 110, ч. 2 ст. 113 и ст. 114 УК. Если вы оцените общую роль его в секции как лица сравнительно небольшого, не «души» дела, а одного из подручных, вы должны будете определить ему менее строгое наказание, чем, например, Топильскому, и ограничиться срочным лишением свободы.

Переходя к подсудимому Тимашкевичу, я должен сказать, что та система отношений, которая создалась в недрах секции спасения животноводства, не случайна и что не случайной является деятельность уполномоченного Тимашкевича. Уполномоченному Тимашкевичу тоже было дано чрезвычайно ответственное задание по заготовке фуража для голодающего в Поволжье скота.

Как же он справился с этим заданием? Он больше занимался коммерцией, а не фуражом, причем система его коммерческой деятельности сводилась к тому, что он аккуратно отчислял в свою пользу 10% с оборачивающихся в его руках товаров. Это очень хорошо было показано на тех операциях, которые он продельвал с мануфактурой. Мануфактурная эпопея была очень проста. Нужно было сахар обменять на мануфактуру, и Позигун совершил эту операцию, а Тимашкевич извлек из этого для себя немалую выгоду. Сахар менялся на мануфактуру таким образом, что за каждый фунт сахара получалось два аршина мануфактуры. Он не забыл себя и прибавил по пол-аршина «в свою

пользу». Здесь, на судебном следствии, он пытался доказать, что выражение «в свою пользу» — это не значит «себе», в свою личную пользу, что он понимал это шире, и все-таки он должен был признать очевидность того, что то, что он получал, он получал в свою личную пользу. Эти пол-аршина он получил в виде 29 ящичков ниток, которые продал «Оптовик» как ему лично принадлежащие и получил за них два миллиарда рублей, которые и положил благополучно себе в карман. Таким образом пол-аршина мануфактуры на каждый фунт сахара он превратил в деньги; он присвоил эти деньги, хотя эти деньги должны были пойти в секцию уже потому, что ему никто не разрешал эти пол-аршина удерживать в свою пользу. Тимашкевич объяснял, что по существу он имел право претендовать на эти два миллиарда в качестве организационных, в качестве 10%, но это не соответствует действительности, потому что эти организационные ему не полагались. На каком основании он считал себя вправе получать 10% с этого оборота, где та инстанция, которая говорит о таком его праве? Только за эту мошенническую операцию обвиняемый Тимашкевич достоин расстрела...

Тимашкевич, однако, на этом мошенничестве не успокаивается. Это не одно его преступление, которое он совершает. Это только одно из звеньев в цепи совершенных им преступлений. В самом деле, вспомните его отношение к этому самому «Оптовик». Какова роль Тимашкевича, уполномоченного по заготовке фуража от секции по спасению животноводства, в отношении «Оптовика»? Чем занимался обвиняемый Тимашкевич: заготовкой фуража или обдираанием этого самого «Оптовика»? В значительной и большей степени он занимался тем, что в последнее время все свое внимание сосредоточил на том, чтобы урвать из товарных сумм возможно больше в свою пользу. Он не только залезает в карман к своим же друзьям, например, к Топильскому, у которого он вынул из кармана эти два миллиарда, он беззастенчивым образом среди бела дня запустил свои руки и в государственную кассу.

Купить, продать, дать взятку, получить взятку — вот на чем строятся его отношения с Топильским и с «Оптовиком». Он получает от Топильского, по собственным словам последнего, три миллиарда рублей за то, что он позволяет хищничать Топильскому. Таким образом, Тимашкевич не только хищник, он, если позволено будет так выразиться, и организатор этих хищнических махинаций, организатор этой хищнической деятельности. Он здесь выступает, однако, не только в качестве уполномоченного по мануфактуре, но и уполномоченного по фуражу. Но что он сделал как заготовщик фуража, а главное и больше всего — как истративший на фураж огромные государственные средства? Ему было отпущено такое-то количество миллиардов, он пред-

ставил отчет на 12,6 миллиарда. По его собственным словам, этот отчет был утвержден только на 8,6 миллиарда, а на всю остальную сумму он не был утвержден и не мог быть утвержден.

Правда, в этом отношении можно, приводя другие цифры, вести некоторый спор. На листе 85 тома VIII дела содержится более благоприятная для обвиняемого Тимашкевича картина по его отчетности. Но все же за Тимашкевичем остается в конечном итоге два миллиарда, которые никуда не денешь. Как он здесь ни считал, он все же ничего в свою пользу «высчитать» не смог, несмотря на то, что он включал в свои расчеты даже такие ничем не подтвержденные расходы, как выплату обвиняемому Ляшоку 450 млн. руб., потом еще какие-то 350 млн. руб., какой-то расход по сену в 35 млн. руб. и, наконец, 10% организационных, а всего 800 млн. руб. И все же при всех этих, принятых на веру, его цифрах остаются 1381 млн. руб. непокрытыми. Можно было бы проверить расчет еще с карандашом в руках. Опыт показал, что ничего не изменится, так как у Тимашкевича документальных подтверждений его объяснений нет, и взять их неоткуда. Но я готов принять цифру, которую называет обвиняемый Тимашкевич, и все-таки за ним остаются 1381 млн. руб. государственных средств, остаются растраченными, расточенными, и это одно дает основание для квалификации его преступления по ч. 2 ст. 113 и по ст. 110, говорящих о растрате и расточении государственных средств.

Преступления обвиняемого Тимашкевича разоблачены и полностью доказаны. Я должен, однако, обратить ваше внимание, товарищи судьи, на то, что Тимашкевич до последней минуты делает вид, что не понимает того, что он делает. Человеку было много дано и с него должно быть много взыскано. Вот почему, говоря об обвиняемом Тимашкевиче, квалифицируя совершенное им преступление и указывая наказание, которое ему должно быть вынесено судом, я считаю себя вправе говорить о высшей мере наказания.

Перехожу к другому обвиняемому, к уполномоченному Ширяеву П. А. В сущности говоря, те преступления, которые совершены обвиняемым Ширяевым, не представляют собой ничего особенно индивидуального, если не считать его операции с сеном. И вот на этом вопросе нужно остановиться наиболее серьезно и внимательно. Ширяев является чрезвычайным уполномоченным по всей Саратовской губернии. Ширяев имеет помощников, которые ведут заготовку сена и скота. Одним из таких помощников Ширяева является Лукьяненко, другим помощником является его родной брат. Та операция, которая была проделана им по заготовке фуража с Вогуленко, как здесь подтверждал последний, для него была операцией не с Ширяевым, а с Лукьяненко. И это вполне естественно, ибо Вогуленко, который

выбивался из сил, чтобы заготовить, погрузить, подвезти к железной дороге сено, не до того было, чтобы выяснять, кто является ответственным лицом по этому делу. Он непосредственно сталкивается с Лукьяненко, и у него такое представление, что Лукьяненко и ответственен за эту операцию. Впрочем, несмотря на то, что у него создалось такое впечатление на предварительном следствии, он говорил о том, что вся операция проводится Ширяевым, что комиссия есть комиссия Ширяева, что компания, которая работает, это есть компания Ширяева, и более того, он прямо называл уполномоченного Ширяева. На предварительном следствии, я смею утверждать, он совершенно точно говорил об этом уполномоченном Ширяеве и изливал всю силу своего возмущения за проделку, которую учинил по отношению к нему вот этот «чрезвычайный» уполномоченный, спасавший на Волге голодающий скот. Его показания на предварительном следствии не оставляют в этом отношении никакого сомнения. Я полагаю, что только чувство тюремной солидарности могло заставить Вогуленко изменить свои показания. И я все-таки должен сказать, что все доверие должно быть отдано именно его показаниям на предварительном следствии, а не тем, которые явились следствием естественной связи между всеми подсудимыми благодаря их общей судьбе, приведшей их в зал судебного заседания.

Какие данные, кроме показаний Вогуленко, имеются для того, чтобы считать ответственным за эту операцию именно Ширяева? Я обращаю ваше внимание на показания Михайлова, которому Вогуленко говорил, что, получив 28 тысяч руб. с пуда, он, к сожалению, для себя мог оставить только 18 тысяч, а 10 тысяч или 11 тысяч руб. он должен был отдать уполномоченному Ширяеву и Лукьяненко. Михайлов это показал на предварительном следствии со слов Вогуленко. Вогуленко к этому отнесся сейчас так, как он мог отнестись, сидя на скамье подсудимых. Но есть другие данные о Вогуленко, идущие в значительной степени от самого Ширяева П. А., этого бывшего эсера-максималиста.

Я обращаю ваше внимание на то обстоятельство, что Ширяев не отрицает факта, заключающегося в следующем: является к Ширяеву некий Брагин — пусть опороченная впоследствии фигура — и предлагает поставить сено по 15 тысяч руб. за пуд. Ширяев у него это сено не берет, а берет сено у Вогуленко, которому платит якобы по 28 тысяч руб. за пуд. Но Вогуленко показывает, что это сено он, Вогуленко, поставляющий Ширяеву по 28 тысяч руб., сам покупает у того же Брагина по 14 тысяч руб. за пуд. А Ширяев показывает, что он у Брагина не брал сена потому, что Брагин торгует якобы ворованным сеном.

И получается так, что Лукьяненко получает расписку на 28 тысяч руб., но платит 14 тысяч руб., оставляя разницу у себя в кармане. Конечно, Ширяев может сказать, что он об этих проделках

Лукьяненко ничего не знал. Тогда я обращаюсь к листу этой важной ведомости, где значится, что он купил 15 тысяч пудов сена за 420 млн. руб., т. е. по 28 тысяч руб. за пуд. Ширяев, таким образом, выдавал эту ведомость, зная, конечно, что Вогуленко будто бы платится 28 тысячами руб. Но мог ли Ширяев думать, что 28 тысяч руб. действительно стоит пуд, когда ему было известно о цене Брагина по 15 тысяч за пуд? Конечно, при таких условиях Ширяев добросовестно вписывать в ведомость 28 тысяч руб. за сено не мог, ибо если бы мне подали такую ведомость, а между тем мне предлагали неделю тому назад сено за 15 тысяч руб., я бы сказал: позвольте, на каком основании вы покупаете у этого Вогуленко за 28 тысяч руб., когда мне Брагин предлагал по 15 тысяч руб.? Версия о том, что Брагин предлагал якобы краденое сено, отпадает, — ведь тем же самым сеном торгует и Вогуленко.

Получается так, что сам Брагин предлагает сено по 15 тысяч руб. за пуд, а через неделю Ширяев составляет ведомость по 28 тысяч руб. Это отчетливо изобличает Ширяева в совместных проделках с Лукьяненко, о чем на предварительном следствии так и говорил Вогуленко. Он говорил: «Вся эта компания — Лукьяненко и уполномоченные — занимались теми же операциями в отношении ко всем поставщикам этого сена, к Брагину, Обжорину и т. д.». Таким образом, здесь нет оговора. Но не показания Вогуленко, не показания Михайлова, а сама логика фактов говорит против Ширяева, и против этой логики ничего не поделаешь. Вы слышали сегодня заявление обвиняемого Вогуленко, которому место в Саратовской губернии землю пахать, попавшего во всю эту историю, как кур во щи, вы слышали, как он сказал, что в то время, когда он шел договариваться с Лукьяненко, Ширяевым и прочими эсерами барышнического типа, покупная цена была у поставщиков по 14 тысяч руб. пуд и даже по 8 тысяч и 10 тысяч руб. И можно ли поверить при таких обстоятельствах, что Ширяев в то же самое время честно и добросовестно записывал в своей ведомости по 28 тысяч руб. пуд, когда кругом кричат 8 — 10 — 14 тысяч руб. пуд? Может ли при таких условиях Ширяев не знать, что эти 28 тысяч — подлог, фикция? Сегодня обвиняемый Вогуленко сказал: «Цена сена 8 — 10 тысяч руб., максимум 14 тысяч», а Ширяев подписывает 28 тысяч руб. и говорит: «Я не виноват, я ничего не сделал, я ведомость писал потому, что Лукьяненко так говорил». Но ведь это же курам на смех...

Поэтому я говорю: Ширяев участвовал в этой истории, совершил подлог, расхищал государственное достояние, втягивал в эту преступную аферу Вогуленко и теперь пользуется всеми средствами, чтобы взвалить всю вину на него. Я полагаю, что виновность Ширяева в этом деле с сеном целиком доказана и не

потому, что против него есть показания Михайлова или Вогуленко; можно отбросить и показания Михайлова и показания Вогуленко, но вы не можете выбросить из своего сознания того, что цена была в это время от 8 до 14 тысяч руб., а в ведомости значится 28 тысяч руб. Сам Ширяев доказал это, внося в ведомость эту сумму, и это служит лучшей уликой против него.

Защита подняла вопрос о количестве заготовленного фуража. Но это другой вопрос. Кроме того, отчеты были сданы, РКИ проверяет отчеты, видит расписки, ведомости. Но ревизия, сидящая в Москве, не знает, по какой цене действительно там было сено, а может быть, и знает, но скрывает. Но если ревизию проводят такие ревизоры, как Рунов, ювелир с Тверской улицы, покупающий слитками золото и т. п., то ревизовать можно как угодно и удостоверять, что все обстоит вполне благополучно.

Объяснениям Ширяева поколебать предъявленного ему обвинения не удалось и не удастся.

Возьмем историю с лошадьми. Посмотрите, как невинно разыгрывается это приключение. Он заинтересовался лошадьми, он из своего жалованья по 2 миллиона откладывает на покупку лошади и покупает «Випия» и в конце концов «Аиду», которую потом продает Топильскому. Торгуются даже друг с другом. Это интереснейшая черточка, штришок, характеризующий нравы и подчиненных и начальства. Хороший авторитет должны иметь начальники, если они барышничают со своими подчиненными. Разве это не разложение аппарата, когда уполномоченный Ширяев продает лошадь управляющему делами Топильскому и каждый из них знает, что другой расплачивается за эту лошадь казенными деньгами?

Ширяев сумел приобрести этих лошадей в первый же месяц поступления на службу. 24 августа он приехал на место, а в сентябре он уже покупает «Аиду» за два миллиона. На мой вопрос: «Сколько вы были в праве удерживать на организационные расходы?» — он ответил: «Два миллиона». — «На какие же деньги вы сразу, не получив жалованья, смогли купить «Аиду»? — «На организационные». — «А на какие же деньги вы жили это время?» — «На казенные деньги». — «Выходит, что вы купили лошадь на казенные деньги, так как для того, чтобы жить, вы взяли казенные деньги?». Припертый к стене Ширяев делает невинные глаза и детски удивленное личико: «Какое же это присвоение казенных денег?» Да, это чистейшее, типичнейшее присвоение казенных денег: 1) никаких «организационных» он не получил, они ему и не причитались, 2) если допустить, что «организационные» Ширяев и получил, то ему их платили для того, чтобы он на них что-то организовал, чтобы он не тратил на личные нужды казенные деньги. Здесь налицо прямые хищения казенных сумм. Воровским образом приобретаются эти «Ви-

пий», «Обыденный», «Аида», «Аврора». Так воскрешают в Москве ипподром с его специфическими нравами, где фигурируют новые «коннозаводчики». Тут и Ширяев и другие.

Тут мы видим систематическое, организованное расхищение государственного имущества.

Кто такой Ширяев? Это человек со старыми революционными традициями, это человек, который не является по своему прошлому обывателем, мелким торговцем, ползающим по обывательской земле жучком. Ведь какими он тут бросался рекомендациями! Он был там, он был здесь, он был членом революционного совета фронта, членом военно-революционного комитета. Да, было, все это было... Высокие когда-то, доблестные должности он занимал. А что он сейчас представляет собой? Я не знаю, я теряюсь в подыскании слова, которое бы не звучало оскорбительно, так как это нам вовсе не нужно. Что он теперь для жизни, что он для нашего строительства, что он для нашей революции? Для революции он мародер в тылу революции, для нашего строительства он взрыватель. Он умер для нашей творческой жизни, он умер для нашего будущего...

Другой уполномоченный — обвиняемый Лаврухин. Подобно Ширяеву, он тоже интересуется сельскохозяйственной культурой, он интересуется организацией Юго-восточного общества. Правда, оно казалось ему мертворожденным детищем, однако он действовал в согласии с директивой, которую, подобно Ширяеву, воспринял от Топильского. Лаврухин переболел той же болезнью, что и Ширяев и другие, — это операция с племенным скотом.

Итак, Лаврухин тоже «горел любовью» к сельскому хозяйству. Подоспевает, как он это называет, затея Топильского, дается задание, и Лаврухин бросается с головой осуществлять его. Что же он делает? Во-первых, он действует строго формально и на основании распоряжений центра. Он говорит: Вы меня обвиняете в том, что я взял совхоз? Но я хотел это сделать по заданиям центра, взять его для секции. Что же здесь преступного?

Я пойду дальше. Что преступного в Юго-восточном обществе? Нам хотели доставить устав этого общества, но не доставили. Но разве в этом уставе дело? Я утверждаю, что даже «законное» Юго-восточное общество, при всех ваших оговорках и указаниях, что оно утверждалось Наркомюстом, решительно ничего не меняет в той позиции, которую в этом вопросе заняли подсудимые во главе с Топильским, ибо весь скрытый механизм операций подсудимых заключался в том, чтобы под видом легального общества протащить в жизнь нелегально действующую организацию, с внешней стороны не представляющую ничего странного и подозрительного, и так повести дело, чтобы в нужный момент сделать ее опорным пунктом контрреволюции.

Это не осуществилось, но не осуществилось не по вине подсудимых, а по объективным обстоятельствам, от подсудимых не зависевшим. Поэтому, когда обвинение по этому вопросу выдвигает ст. 110 УК, то оно, конечно, имеет в виду и ст. 14 УК¹, т. е. покушение, которое не осуществилось по независящим от подсудимых обстоятельствам.

И в этом отношении Лаврухин действует также в согласии с директивами своего центра, как было положено действовать, но как не сумел действовать Теплов. Он подает заявление на имя губисполкома, убеждает там в искренности своих замыслов. Трудно и не поверить, когда не знаешь, с кем имеешь дело, а вероятно, никому не было известно, что у Лаврухина за спиной болтаются 15 лет концентрационного лагеря, что он разделял участь целого ряда матерых контрреволюционеров. Конечно, на местах это все остается неизвестным. И вот получается постановление: закрепить за секцией эти самые совхозы, и летит в центр телеграмма, а для того, чтобы дело было вернее, Лаврухин, кроме того, еще получает и доверенность на управление этими самыми совхозами. Вот такая картина. Лаврухин действует вовсю. Он организовал Сельтрест, куда опять-таки перекачиваются средства, отпущенные государством на борьбу с гибелью скота.

В своих операциях обвиняемый Лаврухин полностью не отчитался. Напомню, кроме того, историю с распиской на 800 млн. руб. и историю с фиктивным счетом, состряпанным по соглашению опять-таки с обвиняемым Тспильским. Я не могу не обратить внимания суда на то обстоятельство, что этот счет был составлен как раз в ту минуту, как это установлено показаниями Топильского на предварительном следствии, когда нагрянула ревизия, когда она начала, как говорил Топильский, травить и его, и секцию и когда нужно было как-нибудь прикрыть недостающие в секции средства. Вот в эту минуту и явился спаситель по этой части — Лаврухин.

Я считаю обвинение, выдвинутое против Лаврухина, полностью доказанным. Я хотел бы только обратить внимание суда на то обстоятельство, что фиктивный мандат, выданный Зуеву, обвинительным заключением не инкриминируется Лаврухину. Между тем здесь явный подлог, квалифицируемый по ст. 116 УК. Ст. 116 признает подлогом внесение заведомо ложных сведений в официальный документ. А ложные сведения в данном случае заключались в том, что Зуеву поручалось отвезти деньги на ст. Сасово к какому-то мифическому заготовщику фуража и передать их ему, а если он его там не встретит, передать эти деньги в Москве секции. Это — заведомая фикция, которая подходит целиком под смысл ст. 116.

---

¹ Соответствует ст. 19 УК 1926 года.

Поэтому я во изменение квалификации предъявленного Лаврухину обвинения полагаю необходимым добавить также ст. 116. Так как предъявление этого дополнительного обвинения не усиливает наказания, то я не предвижу каких-либо возражений защиты с формальной стороны. С другой стороны, я должен обратить внимание на то обстоятельство, что Лаврухин, на мой взгляд, в отношении репрессии, которая должна быть к нему применена, находится в особых условиях. Я считаю по ходу всего нашего дела, что Лаврухин достаточно серьезно скомпрометирован, но его преступление менее значительно. Он, в отличие от многих других подсудимых, будучи болен, все же сейчас выполняет важную работу. Поэтому в отношении Лаврухина я не настаиваю на серьезном наказании.

Я должен перейти теперь к обвиняемому Звереву. Зверев обвиняется в том, что он дал Топильскому взятку. На эту тему достаточно много говорилось, и тут, конечно, возможно только возвращение к одному и тому же положению: сколько, в конце концов, Зверев отчислил? Все ли он отчислил в пользу Топильского или только те 1800 млн. руб., которые он не провел по книгам и по которым не получил расписки, или он отчислил бóльшую сумму, которая самим Топильским исчисляется в 6—6½ миллиардов? Положение не меняется ни в том, ни в другом случае.

Обвинение стоит на той точке зрения, что он отчислил 6—6½ млрд. руб., и считает ее непоколебленной. Вероятно обвиняемый Зверев будет стоять на иной точке зрения, на какой он стоял и ранее. Но вот одно соображение, которое выдвигалось уже в процессе судебного следствия: как мог обвиняемый Зверев дать шестимиллиардную взятку, когда вся прибыль от мануфактуры исчислялась в 400 млн. рублей? Действительно, как будто бы здесь противоречие неразъяснимое или разъяснимое в положительную для обвиняемого сторону.

Я уже в процессе судебного следствия обратил внимание суда на то обстоятельство, что деловые коммерческие взаимоотношения между Топильским и так называемым «Оптовиком» не исчерпывались одной только мануфактурой. Даже исходя из показаний Чиглинцева, «Оптовик» получил, кроме мануфактуры, еще 1000 штук кос. Конечно, нет никакого сомнения в том, что тот натурфонд, который отпускался секции, попадал в «Оптовик». Таким образом, не исключается предположение, что и шесть миллиардов были даны, как неточно выражается обвинительное заключение,— не за счет прибыли за мануфактуру, а из сумм по мануфактуре, и притом за все то содействие, которое постоянно оказывал Топильский «Оптовик». Таким образом, становится понятной эта согласованность с утверждением самого Топильского. Но если бы даже отвергнуть эту мысль, то во всяком

случае эти 1800 млн. руб. останутся неоправданными. Зверев не такой наивный делец, чтобы он мог выпустить из своих рук 1800 млн руб., не взяв с Топильского даже расписки. Он знал, с кем имеет дело, и знал, что, выпустив из своих рук деньги, он потом уже, пожалуй, дела не поправит.

Но я особенно подчеркиваю свое первое соображение: Топильский давал «Оптовнику» и мануфактуру, и косы, и многое еще другое, что значится по книгам «Оптовика» без указания источника происхождения. Это-то и дает право думать, что эти 1800 млн. руб. были выданы не случайно.

Я обращал ваше внимание на Зверева. По его концессионной работе, по его закупкам, он ценный человек для Топильского. Я должен обратить ваше внимание также еще на одно обстоятельство — обвиняемый Зверев принимал участие в составлении торсуевской запродажной. Поэтому квалифицируя деяние Зверева, с одной стороны, по ст. 114 УК, которая трактует о взяточничестве должностного лица, и, указывая на ст. 189 УК, которая говорит о подделке в корыстных целях официальных и простых бумаг, с другой стороны, я прошу здесь иметь в виду, что ст. 189 УК должна быть применена к Звереву через ст. 16¹. Я хочу также подчеркнуть ту индивидуальную особенность обвиняемого Зверева, скользящего на грани преступлений среди обломков старого капиталистического строя, как ящерица, скользящая между трещинами ущелья, ту особенность, которая характеризует его как человека весьма враждебно настроенного к Советскому государству, хотя и занимающего в этом процессе второстепенное место.

Я полагаю бы необходимым избрать ему наказанием лишение свободы в пределах до пяти лет тюрьмы. Кроме того, к нему должна быть применена ст. 49 УК, говорящая о запрещении жительства в известных районах социально опасным лицам.

Немного времени я займу характеристикой нескольких второстепенных лиц этого процесса. Раньше всего обращусь к обвиняемому Рунову. Хотя я назвал его второстепенным лицом, но он, однако, занимает здесь достаточно видное место. Преступление Рунова, как на ладони. Я не буду поэтому утомлять внимание суда детальным рассмотрением этого преступления. Человек этот — да простит он мне это невольное сравнение — воплощение того героя «Мертвых душ», который фигурировал под весьма прозаическим именем «кувшинного рыла». Он как будто так с рукой, согнутой лодочкой, и создан; он весь представляет собой ожидание и вопрошение. «Кушать нужно и одному и другому», — говорил он. «И золотом спекулировать тоже не грех», — думал он про себя, думал — и проговаривался. Когда Рождест-

¹ Соответствует ст. 17 УК 1926 года.

венский начинает «тормозить», появляется Рунов, «тормоз» отпускает умелой рукой, дело улаживает, и машина продолжает спокойно вертеться. Он занимал достаточно ответственные места, он был инструктором РКИ. Затем он бухгалтер подотдела наблюдения за тотализатором. Тут уже он как будто бы на свое место попал. Во взяточничестве уличает Рунова вся его система внутренних отношений. Бендер его уличает, Сушкин его уличает, а он твердо стоит на своем и говорит: «Нет, не брал».

Может быть, здесь нужно было бы применить ту статью нашего процессуального кодекса, которая требует в известных случаях психического освидетельствования? Нет, кажется, психически он невредим. Но он решается отрицать очевидные факты, прямые доказательства... Я все же надеюсь, что в последнем слове он не выдержит и скажет: «Согрешил, виноват... Дайте, что полагается»... И вы, товарищи судьи, дадите, что полагается.

Два слова о связанных с Руновым обвиняемых — Бендере и Сушкине. Положение этих двух подсудимых неодинаковое. Бендер несет больше ответственности, так как он коммунист; Сушкин несет меньше ответственности, так как к нашей партии он не принадлежит и, следовательно, может позволить себе роскошь не так тщательно взвешивать свои поступки и не так строго относиться ко всем своим действиям. Но, с другой стороны, Сушкин несет большую ответственность, чем Бендер, потому, что Сушкин, в сущности говоря, показал дорогу Бендеру к Рунову. Это уравнивает их положение перед лицом совершенных ими преступлений и перед лицом суда. И тот и другой виноваты одинаково, и я бы требовал для них сурового наказания, если бы для меня не был достаточно ярок и силен еще один мотив, на который я считаю необходимым обратить ваше внимание. Это то, что Бендер и Сушкин действовали не для себя и сами ни одной копейки на этом деле не заработали, а запутались в тине, в ужасной системе взяточничества, которая процветала в этом знаменитом учреждении, именуемом не то Гуконом, не то секцией по спасению животноводства. Вот почему я бы полагал возможным ограничиться в отношении их общественным порицанием.

Перехожу к обвиняемому Торсуеву.

Товарищи судьи, в истории с домами большая ответственность ложится на Торсуева. Я считаю себя вправе не касаться, однако, всех этих обстоятельств дела, потому что они достаточно выпукло были обрисованы в течение допроса Торсуева. Торсуев, конечно, понимал, что он делал, конечно, он знал, что он совершает, и Торсуев, конечно, должен за это отвечать, ибо он более чем кто бы то ни было, как юрист, как бывший нотариус старой России, знает, что отговариваться тяжелым материальным положением никак не приходится, особенно ему,

получившему в свое время за счет народного труда, народного пота и крови возможность быть нотариусом. Поэтому я могу не касаться материальной стороны преступлений Торсуева. Сам Торсуев достаточно красочно говорил здесь, на суде, о том, что он совершил и как он относится к этому.

Но вот возникает юридический вопрос, и, конечно, защита будет на этом вопросе останавливать свое внимание. Защита скажет: «Что, в сущности говоря, совершилось? Ничтожная сделка. Была совершена запродажная на дом, который национализирован, который, следовательно, не принадлежит ни тому, ни другому». Это — с одной стороны. Это подобно тому, как если бы я продал хотя бы Румянцевский музей и, написав запродажную, поставил бы пункт для всякого случая: «если к этому явится легальная возможность». И поскольку эта сделка ничтожна, постольку не может быть и вины за эту ничтожную сделку. А другая, более радикальная точка зрения пошла даже так далеко, что сказала: а кому же приключилась от этого беда? Ведь это все равно, как если бы я, сидя в комнате, писал какую-нибудь бумагу, скрепляя ее подписями, ставил всякие условия относительно взносов и сроков и потом запер бы эту бумагу в стол. К чему и кого это обязывает? Как будто бы никого.

А зачем тогда мы огород городим, зачем люди сидят на скамье подсудимых и зачем привлекают их к ответственности за преступление, и действительно ли они совершили преступление. Я бы хотел дать ответ на этот вопрос и разъяснить, что эта сделка вовсе не ничтожная, что эта сделка самая настоящая и самая реальная. Ведь дело шло о продаже и покупке в 1922 году двух национализированных домов (№ 14 по Мясницкой улице и дома Михайловых по Земскому пер.) за 10 тысяч руб. золотом каждый. Эти дома были проданы, была составлена по всей форме запродажная при помощи нотариуса Торсуева. При этом, ввиду действия закона о национализации, запродажная была составлена задним числом, 1917 годом, и скреплена нотариальной печатью и подписью на круглую сумму в 10 млн. рублей. Смысл этой аферы заключался в том, чтобы осуществить переход имущества из рук продавца в руки покупателя в том случае, если произойдет денационализация домов, на что эти господа крепко рассчитывали. И вот я спрашиваю: разве это не настоящая сделка? Разве это не настоящее преступление? Разве здесь нет подлога, нет корысти, нет мошенничества?

Михайлов здесь зарабатывает, так как он получает 10 тысяч руб. золотом за один дом (а он получил в золоте) и 10 тысяч руб. золотом за другой дом. Он получил эти деньги, заработал. Торсуев заработал как давший «юридическую форму», Зверев заработал как сведший покупателя с продавцом, а Топильский — кто-то сказал, что Топильский пострадал во всем этом деле. Ни-

чего подобного, он не пострадал. Он надеется на то, что будет издан декрет о денационализации домов: он ставит ставку на этот ожидаемый декрет. Вот тогда-то он заработает! Он предъявит тогда документ, имеющий законную силу, и вступит во владение имуществом, которое ему принадлежит, ибо он ранее заплатил за него золотом. Говорить, что тут произошло что-то вроде кукольной игры, что эта сделка ничтожна — нельзя. Вся ставка этих игроков была на неустойчивость земельной политики советской власти, и на этой «ставке» люди кормились, торговали, составляли акты и, составляя все это, подделывали документы, хотя и не официальные документы, но подделывали...

Статья 189 гласит о подлоге в крыстных целях простых бумаг, поэтому я полагаю, что эта статья тут целиком применима. В чем задачи Уголовного кодекса, уголовного репрессий? Задачи эти в значительной степени профилактические, предохранительные. И вот, когда сила уголовного закона обрушится на этих дельцов, ловащих в этой мутной воде свою рыбешку, то они из этого извлекут урок для своей будущей деятельности и впредь они или, может быть, другие не будут так легко совершать подлоги таких простых бумаг, а государство заинтересовано в том, чтобы граждане воздерживались от подобного рода уголовных поступков.

В данном случае никто не пострадал, но государство страдает от того, что какие-то граждане начинают жульничать, подделывать документы, не шутя, не играя, а вполне серьезно. Если бы они играли в фанты, тогда другое дело, но здесь была злая, преступная игра, антисоветская к тому же игра. Одни — Торсуев, Зверев, Михайлов — успели в известной степени, выиграли кое-что, другие не успели ни в какой мере, как Топильский; но кто играет, тот и проигрывает.

Товарищи судьи, я полагаю, что к деяниям, совершенным Торсуевым, Михайловым и Зверевым, ст. 189 является вполне применимой. Я учитываю преклонный возраст Торсуева, я учитываю преклонный возраст и болезненное состояние А. Ф. Михайлова, который вел все это дело и за себя и за своего брата; поэтому я полагаю, что вы можете изменить ту меру наказания, которая здесь указывается, применив амнистии 1921 и 1922 годов, и, таким образом, с применением амнистии, даже при приговоре к двухлетнему заключению, освободить их от наказания.

Что же касается Г. Ф. Михайлова, то ввиду выяснившихся обстоятельств я от его обвинения отказываюсь: он не участвовал сознательно во всех этих сделках и должен быть от ответственности освобожден.

Позвольте также коснуться и еще одного из подсудимых, вина которого ни в какой мере не была установлена здесь, на суде, мера пресечения в отношении которого была вами уже

изменена и который должен быть, по моему мнению, также освобожден от какой-либо ответственности. Я говорю о Янковском. Янковский обвинялся во взяточничестве. Это не подтвердилось, поэтому от обвинения в этой части я отказываюсь и прошу об его оправдании.

С Ширяевым судьба связала Вогуленко. Конечно, Вогуленко собственным своим признанием уличается в том, что он выдавал фиктивные расписки, но, товарищи судьи, можно ли требовать от Вогуленко такого отношения к этому документу, какого мы требовали, например, от Торсуева или Лаврухина? Конечно, нет. Поэтому я полагаю, что если вы, оставаясь в плоскости формально установленной вины, и признаете нужным подвергнуть его какому-нибудь наказанию, то вы определите ему это наказание в такой мере, которая, по применению амнистии, даст ему возможность вернуться к крестьянскому труду.

Теперь я перехожу к следующим и последним трем обвиняемым, которые связаны между собой, прежде всего потому, что они все члены РКП, — это Мишель, Теплов и Позигун.

Я едва ли ошибусь, сказав, что Мишель всей своей деятельностью, прошедшей здесь, на суде, перед нашими глазами, скользит на грани преступлений Мишель вообще скользкий человек. Правда, в этом человеке имеется немало противоречивых и друг друга исключающих качеств и свойств. Об этом говорят все его операции, особенность которых заключается в удивительной легковесности, такой легковесности, которая позволяет говорить о каком-то даже просто несерьезном его отношении к своим действиям. В этом человеке отчетливо видны и черты преступника и черты просто легкомысленного, авантюристически настроенного человека.

Первая его операция связана с 1919 годом, связана с его должностью заместителя председателя ЦКРКФ — центральной контрольно-разгрузочной фронтовой комиссии. Председателем этой комиссии был, если не ошибаюсь, Громан, а заместителем его был Мишель. Ему, конечно, нужно было иметь лошадей. Вообще про Мишеля надо сказать, что там, где он появлялся и в какой бы должности он ни появлялся, под ним фатальным образом вырастает лошадь... Он как-то весьма ловко и даже грациозно за счет оказавшегося у него излишнего фуража приобрел лишних двух лошадей. Этот фураж он получает при помощи операции, не отличающейся чистоплотностью. Он получает его из Петроградского губпродкома из расчета четырех лошадей, а содержание двух лошадей. Разницу в фураже он «экономит» и на «экономии» приобретает себе в собственность еще двух лошадей — «Фофана» и «Миловидного». У него получается четверка. Эти лошади помещаются на Малой Бронной, 40, в конюшне, именуемой «конюшней Мишеля».

Так шло дело до 1920 года. В 1920 году Мишель потребовал, чтобы ему оплатили «Бархатку» и «Батыя», указывая на то, что он попал в неловкое положение, что сделал какой-то перерасход, что надо его покрыть. Отношения Мишеля с ЦКРКФ по поводу этих лошадей настолько запутываются, что никто не может ответить на простой вопрос: кому же принадлежат эти лошади. На предварительном следствии Мишель говорил несколько раз, что когда он обсуждал вопрос о том, кому принадлежат эти лошади, то он так и не мог решить этого вопроса ни в ту, ни в другую сторону. С одной стороны, как будто бы эти лошади куплены на экономию, которую он получал от фуража, и, следовательно, лошади должны принадлежать ему, но, с другой стороны, фураж, который он экономил, принадлежал Петрогубпродкому. Значит, лошади должны принадлежать Губпродкому.

Честный человек решил бы этот вопрос сразу: он бы сказал, что лошади принадлежат тому, кому принадлежит фураж, на который эти лошади куплены, а Мишель так и не решил этого вопроса. В доказательство этого прошу обратить внимание на его объяснения на предварительном следствии, которые содержатся в V томе и, в частности, на листе 336, например, где он просто говорит: «Задумываясь над юридическим положением этих лошадей» и т. д., рассказывает, что твердо не знает, кому эти лошади принадлежат, но фактически этими лошадьми он распоряжается, как своими.

Так рисуеться нам эта первая операция Мишеля: лошади эти долгое время все-таки значатся у Мишеля, в его распоряжении. Правда, к этим лошадям прибавляются потом новые. В одном показании Мишель говорит (том V, лист 333): «Я утверждаю, что всего у Губпродкома 13 лошадей: 9 на Малой Бронной, 2 на конюшне Гукона, 2 на излечении,— и все принадлежат Губпродкому». А Пахомов утверждает, что были три лошади и что он ни одной не получил. Из этой первой операции я делаю вывод, основываясь на всей совокупности обстоятельств, что Мишель старался присвоить себе этих лошадей и предпринял для этого ряд мер. Вот почему, как показывает Громан, он просил оплатить ему расходы по «Батыю», а когда ему отказали, он просил исключить «Батыя» из инвентаря ЦКРКФ и перечислить в инвентарь Губпродкома.

Вообще система у него была такая: Пахомову (Петрогубисполком) Мишель говорил, что это лошади Всеработземлеса, а ЦКРКФ — что это лошади Петрогубисполкома и Петрогубпродкома. Одни думают, что лошади принадлежат тем, а те думают, что лошади принадлежат другим, а лошади в это время остаются у Мишеля и обслуживают его и те учреждения, к которым он благоволил, как, например, Гидроторф, Винторг и т. д. и т. д.

Теперь вторая операция, 1921 года. Мишель становится помощником начальника Гукона, и опять начинается история с лошадьми. По распоряжению Мишеля в Петрогубкоммуне берутся на случайный период два коня — «Демон» и «Булат», а вместо «Демона» и «Булата» на время случайной кампании появляются в Петрогубкоммуне «Горлинка», «Умница» и «Кристалл». Они попадают опять-таки на Малую Бронную, 40. Интересно, что эти лошади 30 апреля неким Лившицем были получены для Петрогубкоммуны, а 2 июня появляется уже расписка о том, что они приняты от Мишеля, а не от Гукона.

И это не случайно. Это тоже система мишелевских операций. Когда появляется в каком-либо учреждении новая лошадь, она регистрируется как лошадь, принятая от Мишеля; она направляется на конюшню Мишеля; она используется по указанию Мишеля. С ней неразрывно связывается имя Мишеля, пока все не привыкают, наконец, к тому, что хозяин этой лошади — Мишель и что, в сущности говоря, никто, кроме Мишеля, и не имеет на нее никаких прав. Иногда это не выходит, операция или махинация срывается, но иногда, и так бывает, к сожалению, в большинстве случаев, эти махинации удаются. С «Горлинкой» и «Умницей» сорвалось — 5 июля их у Мишеля отобрали. Но «Кристалл» «задержался» у Мишеля, якобы для прохождения «курса лечения».

В июле Мишель выходит из Гукона на службу в Всеработземлес. Тут опять возникает вопрос о транспорте. Он обращается к секции спасения животноводства с просьбой отпустить лошадей. Ему отпускают нескольких лошадей. Лошади эти, как и прежние, попадают опять-таки на конюшню Мишеля — Малая Бронная, 40, причем Мишель получает от ЦК Всеработземлес содержание на пять кучеров и фураж на десять лошадей, и такое положение тянется до марта 1922 года. Затем мы видим Мишеля уже в качестве члена правления Госсельсиндиката. Тут опять заходит речь о лошадях. Свидетель Горов показывает, что Мишель обязался доставить четыре лошади и два выезда; полывезда он должен доставить за свой собственный счет, а за остальные должен был получать вознаграждение в размере 300 млн. руб. в месяц на фураж и на оплату всех расходов, связанных с этим делом. Сам по себе этот факт ничего собой из ряда вон выходящего не представляет. Но мы видим, что и здесь повторяется та же история: в результате на мишелевской конюшне стоит несколько лошадей, и никто не может толком установить, чьи же это лошади, а Мишель распоряжается ими, как своими, и подготавливает на этот счет кое-какие документы. Нельзя сказать, что Мишель этих лошадей присвоил, но несомненно, что он сделал все для того, чтобы запутать этот вопрос в личных интересах, в целях присвоения впоследствии, при благоприятных обстоятельствах, этого государственного имущества.

Теплов — это человек случайный в партии, примазавшийся к партии. Он попадает в атмосферу лжи, подлогов, взяточничества, казнокрадства, хищений. Как он на все это реагирует? Наталкиваясь на преступление, он предпочитает «потолковать» с Ширяевым, вместо того чтобы взять преступника за шиворот, как и полагается коммунисту, разоблачить его. Почему он этого не делает? Потому что он не коммунист, потому что в нем под маской коммуниста скрывается настоящий обыватель. Этот коммунист пал до того, что держал на ипподроме беговых лошадей, используя свое ответственное положение в личных, корыстных интересах.

Теплов сам признал ряд своих злоупотреблений, хотя и сделал затем попытку несколько опорочить следствие указанием на якобы неправильные действия следователя Захарова. Но мы вызвали следователя, под руководством которого велось следствие, и утверждения Теплова были полностью опровергнуты.

Можно считать установленным, что обвиняемый Теплов свои показания давал вполне свободно и что этими показаниями он достаточно изобличается в преступлениях, предъявленных ему на суде. Его показания совпадают с показаниями обвиняемого Топильского и обвиняемого Лаврухина; совпадают и с тем, что показывал обвиняемый Ширяев об отчислениях, перечислениях, о том, что все это шло в общий котел, что часть шла на действительные расходы, а часть — на другие расходы: полулегальные, нелегальные и т. д.

Ведь нельзя же допустить, что этот человек мог сознательно затягивать петлю на шею ни в чем не повинного своего товарища, только якобы в угоду следователю, уступая просьбам следователя. Такой поступок мог бы допустить только окончательно падший человек, какое-то чудовище, а не человек, а Теплова таким чудовищем представить себе никак нельзя. По случайности, по небрежности, по неряшливости мог прихватить в своих показаниях другого человека, это еще можно допустить. Но сознательный оговор... Я этого не допускаю, так как для такого допущения нет решительно никаких оснований.

Версию Теплова, выдуманную здесь, на суде, я решительно отвергаю. Теплов признал, что в октябре он получил аванс и сделал отчисление, что второй аванс он получил в ноябре и тоже сделал отчисление и что в третий раз отчислил 240 млн. руб. Теперь он это отрицает, говоря, что никаких ордеров он не получал, что их и в природе не было и что он их вовсе не видел. Но бросается в глаза одна странность: он назвал ту самую сумму, что называл и Топильский, говоря о получении от Теплова денег, — те же 400 млн. руб. Как же это они называют одну сумму? Как объяснить такое совпадение? Случайность? Нет не

случайность. Одна сумма названа потому, что один давал, а другой брал эти деньги. Теплов «отчислил» эти 400 млн. Топильскому. Он сам говорит об этом, и т. Кузнецов это подтвердил. А т. Кузнецову мы не можем не верить. Теплов передачу денег Топильскому объяснил тем, что его «тянули», что у него «вымогали», что его поставили в такие условия, при которых нужно было это сделать, нужно было дать, отчислить, как деликатно выражались Теплов и другие из этой теплой компании. Но давая или «отчисляя» в пользу одних, он тотчас брал или «начислял» в свою пользу. Сам давал взятки, сам и брал взятки. Теплов все это, в сущности говоря, признал

Обвиняемый Теплов по этому поводу совершенно откровенно здесь говорит: когда с меня потребовали, а я не отчислил, то меня хотели убрать, а не убрали только потому, что когда я получил 750 млн. аванса, я из них отчислил 240 млн. руб. Это совершенно совпадает с тем, что говорят и Янковский и Топильский. Важно отметить, что Янковский не связан ни с Топильским, ни с Тепловым. Это нас еще более убеждает в том, что обвиняемый Теплов действительно отчислил в пользу «Центра» известные суммы. По собственному признанию обвиняемого Теплова, он такую же систему «отчислений» применял по отношению и к своим контрагентам, накладывая на них суммы, уплаченные «Центру», т. е. применял систему взяточничества, введенную обвиняемым Топильским.

Будучи членом партии, обвиняемый Теплов опозорил высокое звание партийца. Он должен был твердо стоять на своем посту, а он со своего поста ушел в логово врагов и мародерств и стал заниматься сам таким же мародерством.

Что касается отчетов, то их он представлял лучше и более правильно, чем другие, а все-таки трех миллионов рублей и у него нехватает. Покажите эти три миллиона, положите их на стол, и суд тогда скажет: «Да, этих денег вы, обвиняемый Теплов, не присвоили и расстрелу не подлежите, а пока вы этого не доказали, пока вы не отчитались в трех миллионах, мы имеем право говорить о присвоении этих сумм».

Если мы строги к людям, присваивающим государственные средства, тогда, когда они находятся не в нашей среде, то к людям, которые стоят в наших рядах, мы должны быть еще более строгими, мы должны быть беспощадными.

Теперь я перехожу к обвиняемому Позигуну. С самого начала и до самого конца следствия Позигун утверждает, что он невиновен. Это утверждение его такое настойчивое, такое твердое, оно обязывает к особой осторожности и особой тщательности в деле проверки доказательств. Обвинение при этих условиях должно представить неопровержимые доказательства вины обвиняемого, противопоставить утверждениям факты и конкретные

данные, способные выдержать самую суровую критику. Есть ли у нас эти данные в отношении Позигуна? Я считаю, что есть.

Установлено, что Позигун — он сам не отрицает этого — бывал на собраниях, где обсуждался вопрос о Юго-восточном обществе, и, конечно, знал все, что там говорилось. Позигун знал о целях этого Юго-восточного общества, Позигун знал и об отчислениях. Я должен оперировать следующими фактами: о том, что отчисления были, говорят и кричат многие факты, я их излагал суду тогда, когда говорил о Топильском, Теплове и других обвняемых. Если эти отчисления были и если то, что говорит об этом Топильский, верно, а это подтверждается показаниями Лаврухина и Ширяева, то странно, что об этих отчислениях ничего не знал Позигун. Этого быть не могло, и этого, конечно, не было. Сам Топильский говорит об этом в своем показании 5 октября: «Обо всех махинациях знали я и Позигун».

Отсюда я делаю вывод, что поскольку отчисления были, а это доказано, поскольку в этой части показаний об отчислениях Топильский говорит правду, а это подтверждается объективными данными, поскольку он в этих же показаниях говорит о том, что Позигун знал обо всем этом, и, судя по тому, что он подписывает ширяевские отчисления и перечисления, он действительно должен был знать об этих «фокусах», об этом замаскированном виде отчислений, — из этого всего я делаю вывод, что Позигун об этих отчислениях знал, так как был близок к Топильскому, и это подтверждает и Минкин.

Следовательно, можно считать доказанным, что Позигун об этих отчислениях знал. Можно ли, следовательно, не сделать необходимых выводов, вспоминая, например, о тех безобразиях, которые творились на ипподроме, о появившихся у частных владельцев беговых лошадях, об этом расхищении государственных лошадей, на что обратили внимание Евреинов, Нечаев и Теодорович? Можно ли выбросить из памяти записку Теодоровича, в которой говорится, что Позигун не сообщил ни разу о донесениях Евреинова, о том безобразии, которое творилось с лошадьми? Наоборот, недели за три до ареста, когда от него потребовали разъяснения по поводу лошадей, он доложил, что слухи неосновательны, все это, мол, одни сплетни.

Что это такое? Чем это можно объяснить? Это объяснить можно только тем, что та близость, которая была между Позигуном и Топильским, между Позигуном и Рождественским, близость, которая его приводила на квартиру на к одному, то к другому, близость, которая позволяла ему интимно беседовать, несмотря на свою принадлежность к коммунистической партии, с этими спекулянтами на тему об организации Юго-восточного общества, эта самая близость толкала его на путь лжи, когда он сообщил Теодоровичу, что все спокойно, в то время, когда нужно

было бы кричать, так как творившиеся у него под носом безобразия переходили всякие границы. Евреинов говорит, что он неоднократно докладывал Позигуну о симбирских лошадях, об этой безобразной истории, когда этих лошадей привезли от имени секции и разбазарили по частным рукам, расхитив, таким образом, ценное государственное имущество и нарушив советский закон. Евреинов говорил, что у него создалось впечатление, что Позигун покрывает Топильского и Рождественского. Этот факт говорит о многом, и так просто отмахнуться от него Позигун не имеет никакого права. Из записки Нечаева мы видим, что часто при входе его в кабинет к Позигуну, когда там были Топильский и Рождественский, разговор смолкал, а ведь Нечаев был ближайшим помощником Позигуна. Эти разговоры были во время ревизии секции, и характерно, что, когда появлялся Нечаев, эти разговоры смолкали. Этих фактов, как слов из песни, выбросить нельзя.

Или, например, показание Воробьева, политинспектора Гукона. Я считаю себя вправе обратить внимание суда на эти показания. Воробьев говорит так: «Позигун не только нечестно относился к имуществу республики, но гораздо более того, Позигун наверное примешан к какой-нибудь контрреволюционной организации, поставившей себе целью вредить хозяйству республики». Воробьев упрекал Позигуна в том, что он тормозил работу; когда политинспектор указывал ему, что идет беспощадный грабеж, Позигун отвечал, что затерял поступивший к нему материал. Этих фактов выбросить из памяти нельзя. Раз это так, раз говорят так и Евреинов, и Нечаев, и Теодорович, и Воробьев, надо разбираться, в чем тут дело. На основании имеющегося в деле объективного материала и на основании показаний ряда свидетелей и обвиняемых я прихожу к выводу о виновности Позигуна.

Конечно, в этом позорном и печальном деле, где бессовестные мародеры пытались наживаться и наживались на несчастье наших братьев, на страданиях детей, на разорении народного хозяйства, первая роль принадлежит не Позигуну. Эта роль принадлежит Топильскому. Но Позигун был в числе мародеров и должен нести за это ответственность.

Я кончаю. Я не могу в заключение не напомнить вам, товарищи судьи, об одном моменте судебного следствия. Это было тогда, когда перед вами пронесли картины гражданской войны, картины героической борьбы наших славных красногвардейских, партизанских, пролетарских отрядов против колчаковщины.

Перед вашим умственным взором прошла картина колчаковской тюрьмы, куда белогвардейскими палачами были брошены наши братья, борцы за советскую власть, за дело рабочего класса. В этой ужасной колчаковской тюрьме томился в те дни и Позигун, честно боровшийся с нашими врагами, отдавая свою жизнь за наше общее дело. Этого не вспомнить нельзя. Нельзя не

вспомнить этого сейчас, когда Позигун сидит перед вами с низко опущенной головой, ожидая решения своей участи, сгорая от стыда и позора. Я не сомневаюсь, что вы вспомните в совещательной комнате и эту страницу жизни Позигуна и учтете это при определении ему меры наказания.

Пролетарская революция, беспощадная к врагам, великодушна к тем, кто случайно встал на путь преступлений и кто способен сойти с этого пути, кто способен вернуться к честной жизни, к благородным подвигам, к творческому труду.

* *
*

Верховный суд приговорил: Мишеля А. по ст. 109 УК — к двум месяцам тюремного заключения, но, принимая во внимание отсутствие корысти, на основании ст. 28¹ УК, вынести общественное порицание. Позигуна М. по ст. 108 УК — к двум месяцам лишения свободы, но, принимая во внимание революционные заслуги, отсутствие корысти, от наказания освободить. Торсуева М. и Михайлова А. на основании ст. 189 УК — к одному году тюрьмы, и на основании амнистии к пятой годовщине Октябрьской революции — от наказания освободить. Вогуленко П. на основании ст. 116 УК — к одному году тюремного заключения, и на основании амнистии — от наказания освободить. Рунова Сергея на основании ч. 2 ст. 114 УК — к лишению свободы сроком на три года со строгой изоляцией. Лаврухина А. на основании ст. 189 и ч. 2 ст. 113 УК лишить свободы сроком на один год шесть месяцев, и на основании амнистии к пятой годовщине — от наказания освободить. Рождественского В., Тимашкевича А., Теплова Я., Ширяева П. и Зверева С. на основании ст. 110, 2 ч. ст. 113, 2 ч. ст. 114, ст. ст. 189, 177, 116 УК и на основании ст. 30 УК — к высшей мере наказания — расстрелу. На основании амнистии к пятой годовщине расстрел заменить десятью годами тюремного заключения со строгой изоляцией. Топильского А. на основании ст. 10, 2 ч. ст. 113², 2 ч. ст. 114, ст. ст. 177³ и 189 УК — к высшей мере наказания — расстрелу без применения амнистии.

Поразить в правах на три года Рождественского, Тимашкевича, Теплова, Зверева, Ширяева, Рунова, Лаврухина, Михайлова Алексея и Торсуева.

Михайлова Г., Янковского Я., Бендера Я. и Сущкина
Верховный суд оправдал.

¹ Соответствует ст. 51 УК 1926 года.

² Статья 112 УК 1926 года.

³ Статья 95 УК 1926 года.

ДЕЛО ЛЕНИНГРАДСКИХ СУДЕБНЫХ РАБОТНИКОВ

В 1923 году группа судебных работников г. Ленинграда по предварительному между собою сговору, в нарушение своего служебного долга явно подорывая авторитет судебной власти в видах личного обогащения вступила на путь систематического взяточничества. Эта группа, а именно следователи и народные судьи Сенин-Менакер Кузьмин, Шаховнин, Михайлов Н. А., Копичко, Васильев Л. В., Михайлов А. И., Елисеев, Демидов, Флоринский и Гладков вошли в связь с нэпманами и различными преступными элементами, заинтересованными в прекращении своих дел, находившихся в производстве этих судебных работников.

Сенин-Менакер С. М., бывший следователь военного трибунала корпуса Ленинградского военного округа, он же заместитель председателя кооператива Ленинградского совета народных судей, использовал свои связи в целях личной наживы, выступая постоянным посредником между нэпманами и некоторыми судебными работниками, за взятки содействуя незakonному прекращению судебно-следственных дел и освобождению арестованных по этим делам.

а) в апреле — мае 1923 года, войдя в преступное соглашение с исполняющим обязанности начальника следственного отдела Ленинградского губернского суда Кузьминым и старшими следователями того же суда Шаховниным и Михайловым Н. А., направил к прекращению дела Антимония и Фридендера, ранее привлеченных к уголовной ответственности, за что последние и дали Сенину-Менакеру через посредника Александровского 39 000 руб.; б) тогда же и там же за прекращение дела нэпмана Левензона П. Б. привлеченного губернским судом к ответственности за незаконную торговлю спиртом, и немедленное освобождение Левензона из-под стражи получил от жены последнего, Левензон Б. С., по ее показанию на суде, 5000 руб., по показанию же старшего следователя — Шаховнина, — 10 000 руб.; в) тогда же и там же при помощи старшего следователя Шаховнина направил дела нэпманов Боришанского и Маркитанта в суд на прекращение; г) в апреле месяце был посредником между народным следователем 7 отделения Флоринским и купцом Набатовым, дело которого находилось в производстве у Флоринского, в незаконном возвращении Набатову денег, задержанных у него при аресте, за что и получил совместно с Флоринским в виде взятки крупную сумму денег.

Кузьмин В. И., исполнявший должность начальника следственного отдела Ленинградского губернского суда, вошел в преступную связь с Сениным-Менакером и использовал свое право распределения дел между следователями губернского суда в корыстных целях часть этих дел направлял к тем следователям с которыми заранее входил в соглашение о прекращении этих дел за взятки. За прекращение дел получил через посредника Сенина-Менакера 1000 руб. через посредника Шляхтера — 6000 руб. и через Шаховнина от Бродянского — 2000 руб.

Шаховнин И. С., старший следователь Ленинградского губернского суда, войдя в преступное соглашение с Сениным-Менакером, Кузьминым и Михайловым Н., принял к своему производству дело «лаборантов» с целью его прекращения, за прекращение дел получил от Сенина-Менакера 1000 руб. от Кузьмина — 2000 руб. и от Бродянского — 600 руб.; за освобождение из-под стражи нэпмана Ливензона П. Б. получил от жены последнего через Сецина-Менакера 2000 руб.; в то же время принял угощение в ресторане «Метрополь» от нэпмана Матвеева, обвинявшегося по ст. 114-а УК¹, корзину продуктов, вино и 2000 руб., за что в целях ликвидации этого дела вырвал из дела Матвеева заключительное постановление органов дознания.

Михайлов Н. А., старший следователь Ленинградского губернского суда, зная о преступном замысле названных выше лиц, согласился передать из своего производства дело «лаборантов», несмотря на прямое запрещение прокурора Ленинградского губернского суда; уничтожил протокол допроса нэпмана Антимония, избличающий последнего в преступных действиях; за ликвидацию дел нэпманов получил от Шаховнина 2000 руб. и от Сенина-Менакера — 1300 руб., из них 300 руб. — «на женщин».

Копичко Б. Ю., имея в своем производстве дело сводницы-притутки Боннель, обвинявшейся и осужденной впоследствии по ст. 171 УК (в ред. 1922 г.)², пытался прекратить это дело и незаконно освободил Боннель из-под стражи, согласился принять предложение Гольдина и Цыганкова о ликвидации дела Боннель за взятку 4000 руб.

Васильев Л. В., следователь особой камеры по делам о выделке самогона, был посредником между старшим следователем Копичко и Боннель по ликвидации дела последней за что и получил от Цыганкова угощение в ресторане «Слон» за счет Боннель; пытался через своего практиканта Елисеева получить взятку в 30 000 руб. за прекращение дела Ольтова и Доброва, находившегося в его производстве; за неоднократные угощения у самогонщиков Баллод составил постановление о прекращении дела Баллода П., также находившегося в его производстве, получил от Бородавкиной взятку в 3000 руб. за освобождение из-под стражи ее мужа — самогонщика Бородавкина; незаконно освободил из-под стражи самогонщицу Борисову, дело которой находилось в его производстве, получив за это через посредницу Лосеву взятку в размере 650 руб.; явно злоупотребляя предоставленной ему властью, произвел

¹ Соответствует ст. 118 УК 1926 года.

² Соответствует ст. 155 УК 1926 года.

незаконный обыск у Шницеровой, возбуждив против нее обвинение по ст. 171 УК без достаточных на то оснований; желая избавиться от своей жены Карельской, заключил ее в дом умалишенных.

Михайлов А. И., народный следователь особой камеры по делам о выделке самогона, получил взятку в 3000 руб. от Баллод Вероники за освобождение ее мужа из-под стражи.

Елисеев П. Н., практикант при народном следователе, на просьбу Добровой дать справку о состоянии дела Доброва и Ольтова, привлеченных к ответственности за незаконную торговлю спиртом, вступил с нею в переговоры о ликвидации этого дела за взятку. Выяснив условия прекращения дела, он получил согласие народного следователя Васильева принять взятку в 30 000 руб. Взятка не была получена лишь потому, что об этой сделке своевременно стало известно ГПУ; знал о том, что народный следователь Михайлов А. получил взятку от самогонщицы Баллод за освобождение ее мужа.

Демидов Н. С., практикант при народном следователе, участвовал в попойке вместе с народными следователями Михайловым и Васильевым на квартире Баллод; знал об освобождении Михайловой из-под стражи П. Баллода за взятку в 3000 руб., способствуя выполнению этого преступления советами и указаниями.

Цыбудьский В. С., работник прокуратуры, знал о преступной деятельности Сенина-Менакера задолго до раскрытия настоящих преступлений судебных работников и никому не сообщил об этом; по предварительному стовору с Сениным-Менакером решил за взятку в 3000 руб. освободить нэпмана Левензона; во исполнение своего преступного замысла утром 29 мая предложил Кузьмину и Шаховнину освободить Левензона якобы на основании циркуляра НКЮ № 6; узнав, что против Сенина-Менакера, Кузьмина и других возбуждено уголовное дело, он задним числом подал рапорт помощнику прокурора с указанием, что Сенин-Менакер предлагал ему взятку за освобождение Левензона.

Бродянский Н. С., член коллегии защитников при Ленинградском губернском суде, под видом адвокатской деятельности посредничал между привлеченными в качестве обвиняемых нэпманами — Боришанским, Маркитантом и Левензон Б. С., с одной стороны, и старшим следователем губернского суда Шаховниным и Кузьминым — с другой, по передаче последней взятки за ликвидацию дел нэпманов; получив для указанной цели с Боришанского, Маркитанта и Левензон Б. С. по 3500 руб., передал 6000 руб. Шаховнину, остальные оставил себе.

Флоринский М. М., народный следователь 7 отделения г. Ленинграда, незаконно вернул Набатову задержанные у последнего органами ГПУ деньги в золоте и иностранной валюте; вместе с Сениным-Менакером, заранее сговорившись, получили с Набатова взятку в размере 30 000 руб.

Иванов К. И., работавший на механическом заводе имени Юргенсона, был посредником-инициатором в даче купцом Матвеевым взятки старшему следователю Шаховнину.

Александровский М. Ф., владелец лаборатории «Парацельс», совместно с Сениным-Менакером, был посредником в передаче взяток, получен-

вых от нэпманов «лаборантов» Антимония и Фридлендера за прекращение их дела.

Матвеев Г. М., владелец продуктового магазина, будучи привлечен Ленинградским губернским судом к ответственности по ст. 114-а УК, в целях ликвидации этого дела, дал взятку судебным работникам, через посредников Иванова К. И. и Пахомова Я. Т., в размере 6100 руб.

Антимония Г. Ю., арендатор Чернышевской аптеки и владелец лаборатории «Голлендер», в целях ликвидации своего дела в Ленинградском губернском суде через посредников Александровского и Сенина-Менакера, дал первому из них 15 000 руб. векселями, которые впоследствии были им учтены.

Фридлендер А. Г., владелец лаборатории, через посредство Александровского дал за прекращение дела взятку старшему следователю Шаховнину в размере 24 000 руб.

Маркитант И. М., владелец лаборатории «Флора», дал взятку через посредника, члена коллегии защитников Бродянского, старшему следователю Шаховнину в размере 3500 руб.

Боришанский Д. С., владелец лаборатории под фирмой «Миллер», через посредника Бродянского с целью прекращения своего дела дал взятку Шаховнину в размере 3500 руб.

Левензон Б. С. дала взятку следователю Шаховнину через посредника Сенина-Менакера, в размере 5000 руб. с целью прекратить дело своего мужа, Левензона П. Б., привлеченного к ответственности за подлог и незаконную торговлю спиртом.

Боннель-Андрэ Ю. В. дала взятку старшему следователю Копичко в форме угощения его в ресторане «Слон» за прекращение дела о ней; с той же целью обещала Копичко через посредников дать взятку в 4000 руб.

Гольдин Д. А. принимал активное участие в посредничестве между Боннель и старшим следователем Копичко, в производстве которого находилось дело Боннель, вел с Копичко переговоры о ликвидации этого дела.

Добржинский-Славский С. В. обратился к Михайлову А. И., в качестве ходатая, с предложением освободить Баллода из-под стражи; с той же целью неоднократно бывал с народным следователем Михайловым А. И. на квартире Баллод, участвовал в попойках и систематически брал от нее деньги за хлопоты по освобождению ее мужа, Петра Баллода, дело которого находилось в производстве Михайлова; за освобождение Петра Баллода дал народному следователю Михайлову взятку в размере 3000 руб.

Шляхтер Ш. Д. был посредником между врид. начальником следственного отдела Ленинградского губернского суда Кузьминым и старшим следователем того же суда Шаховниным, с одной стороны, и нэпманом Гозиосским — с другой; дал якобы от имени Гозиосского взятку названным судебным работникам за прекращение дела Гозиосского, находившегося в их производстве.

Гольдина Е. Р. знала о хлопотах Цыганкова об освобождении Боннель и Гольдина за взятку; получила от Матеди 1000 руб. на предварительные

расходы по ликвидации дел вышеназванных лиц; знала о согласии Копичко ликвидировать дело Боннель за 4000 руб.

Гладков Н. Г., старший следователь трибунала стрелкового корпуса Ленинградского военного округа, будучи в дружеских отношениях с Сениным-Менакером, а через него и со следователями губернского суда Кузьминым и Шаховниным, неоднократно бывал с ними в ресторанах, а когда вся группа ставших на путь преступлений следователей узнала о начавшихся арестах (был арестован Копичко), собрал их по просьбе Сенина-Менакера в кафе и сам принял участие в обсуждении вопроса о том, как держаться на допросах в случае ареста.

Пахомов М. В., народный судья 3 отделения, Тевелев М. Г., народный судья 2 отделения, принимая к своему производству направляемые к ним следователями губернского суда дела «лаборантов», не могли не обратить внимания на то, что все эти дела квалифицировались по ст. 114-а УК и по существу обвинения являлись неподсудными народному суду, тем не менее приняли их к своему производству и прекратили в явно незаконном порядке.

Баллод В. А. передала через Добрыжинского-Славского взятку в сумме 24 000 руб. народному следователю Михайлову за освобождение из-под стражи и прекращение дела своего мужа Петра Баллода, с той же целью угощала ужином того же народного следователя Михайлова и его практиканта Демидова.

Баллод П. П., будучи привлечен в качестве обвиняемого по ст. 140 УК¹, с целью прекращения указанного дела дал взятку народному следователю Васильеву и его практиканту Елисееву в виде угощения на своей квартире.

Бородавкина А. Н. передала народному следователю Васильеву взятку в сумме 3000 руб. за освобождение своего мужа Бородавкина.

Борисова М. И., находясь под следствием по ст. 140 УК, с целью своего освобождения из-под стражи передала в разное время народному следователю Васильеву через посредницу Лосеву 650 руб.

Лосева А. В. была посредницей между народным следователем Васильевым и самогонщицей Борисовой.

Масинзон А. В., член коллегии защитников Ленинградского губернского суда, и Лондон З. М. в целях ликвидации дела «лаборантов» в марте — апреле 1923 года вели переговоры с Антимония, Маркитантом и Фрилендером, предлагая им ликвидировать все дело за взятку.

Пахомов Я. Т. по предложению Иванова К. И. был посредником при передаче взятки нэпманом Матвеевым следователям Шаховнину и Михайлову Н. А. за ликвидацию дела Матвеева, находившегося в производстве губернского суда; при передаче взятки сам получил 1400 руб. и 900 руб.

Гозиосский М. И., будучи вместе с другими «лаборантами» заинтересован в незаконном прекращении их дела, вел переговоры с различными лицами по этому делу, в том числе и со Шляхтером.

¹ Соответствует ст. 101 УК 1926 года.

Левензон П. Б., владелец лаборатории под фирмой «Девис», дал взятку Шаховнину.

Лондон и Матеди С. Л. обвинялись в посредничестве при даче взятки.

Цыганков М. Г. был посредником между Боннель и старшим следователем Копичко по ликвидации дела Боннель, находившегося в производстве Копичко.

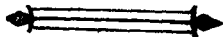
Набатов А. Л. в целях получения из ГПУ арестованных у него денег в размере 900 руб. золотом и 210 американских долларов дал взятку народному следователю Флоринскому, в производстве которого находилось дело; через Сенина-Менакера и следователя Флоринского, за взятку в 30 000 руб., добился прекращения дела и получил обратно деньги.

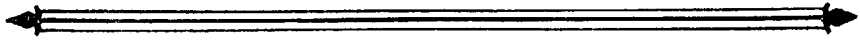
Прокуров Ф. О., добавочный народный судья особой камеры по делам о самогоне по предварительному сговору с народным следователем той же камеры Васильевым, в личных интересах последнего, произвел незаконный арест жены Васильева, Карельской, и заключил ее в психиатрический институт.

Все указанные выше лица были привлечены к уголовной ответственности по ст. ст. 114, 114-а, 105, 111 112 и 179 УК РСФСР в ред. 1922 г.¹ и преданы суду.

Дело это слушалось в г. Ленинграде выездной сессией Верховного суда РСФСР 12—23 мая 1924 г.

¹ Соответствуют ст. ст. 117, 118, 109, 114, 115, 95 УК 1926 года.

Товарищи судьи, члены Верховного суда! Мы не впервые рассматриваем дело, имеющее чрезвычайное, исключительное значение, и не только для одного какого-нибудь района нашего государства, но для всей республики, для всего Союза республик в целом; едва ли я ошибусь, сказав, что дела такого исключительного значения, как это, наша республика еще в своих летописях не записывала.

Это дело имеет исключительное значение, так как здесь мы судим судей — тех, кто призваны быть первыми помощниками в деле государственного строительства, ибо без суда нет государства, ибо без суда нет государственного строительства, ибо только в том случае государство может рассчитывать на свою жизненность, если крепки его устои, если крепки его органы, если судьба этих органов находится в руках надежных людей, если призванные защищать интересы государства — действительно достойные его защитники, какими являются и должны быть раньше всего наши судьи.

Вот почему это дело представляет такую исключительную важность. Мы, стороны, обязаны в процессе быть наиболее осторожными, мы обязаны быть наиболее объективными, мы не должны забывать того, что наша роль есть роль помощников ваших, помощников судей, которые в этом деле держат в своих руках судьбу 42 человеческих жизней. С этой точки зрения подходя к своей задаче, я должен сказать, что первое требование, которое я сам, как государственный обвинитель, ставлю себе, — это полное спокойствие, полная объективность, беспристрастность, но не бесстрастность. Я должен заранее сказать, я должен заранее перед вами, товарищи судьи, повиниться, — бесстрастным в этом деле быть нельзя, невозможно.

Всякий суд должен найти истину. Результатом всякого процесса должна быть установленная судом истина. Мы добросовестно эту истину искали здесь в течение восьми дней.

В борьбе за истину мы и защита встретимся еще в схватках. Мы еще поборемся, и истина восторжествует. Восторжествует, несмотря на то, что в этом зале в течение всех этих восьми дней мы слышали столько лжи, мы видели столько гнусных преступлений, столько безобразных и отвратительных картин человеческих пороков. Путь к истине в этом деле особенно тяжел и труден. Путь к этой истине лежит через дебри преступлений. Но

государство дало нам в руки средство преодолеть эти дебри. Это средство — наш могучий меч пролетарского правосудия. При его помощи мы проложим себе путь через дебри, через дремучий лес совершенных подсудимыми преступлений, мы выйдем на вольный воздух, на светлую дорогу, ведущую к истине... И как бы ни тяжела была наша задача и наша обязанность государственного обвинителя, эту задачу мы разрешили, эту обязанность выполним, ибо этого требует благо революции, благо народа — наш высший закон.

Сорок два человека сидят здесь перед нами. Здесь три группы людей: получатели взяток, взятодатели и посредники. О каждой из этих групп придется говорить в отдельности, о каждом входящем в отдельную группу придется также говорить в отдельности. Но все они, в сущности говоря, с точки зрения причиненного государству вреда, с точки зрения опасности для государства, одинаковы, и мы вправе были бы потребовать для них и одинакового наказания.

Вот первая группа преступников — получатели взяток: Сеинн, Кузьмин, Шаховнин, Михайлов, Копичко, Васильев, другой Михайлов, Пахомов, Тевелев, Цыбульский, Елисеев, Демидов, Флоринский, Прокуров, Гладков — 15 судебных работников, и среди них есть коммунисты.

Вторая группа — посредники: Бродянский, Пахомов, Иванов, Александровский, Цыганков, Матеди, Шляхтер, Гольдин, Гольдина, Добржинский-Славский — 10 человек, и среди них есть тоже коммунисты. Получают «коммунисты», посредничают «коммунисты». Конечно, коммунисты в кавычках. Дают же взятки эппманы. Они и составляют третью категорию. Это — Антимония, Фридлиндер, Боришанский, Маркитант, Левензон, Гоziосский, Матвеев, Набатов, Боннель-Андрэ и мелкота — Бородавкина, Лосева, Борисова. Всего 12 человек. Двух лиц я выделяю особо — Масинзона и Лондона, и о них также буду говорить особо.

Я позволю себе просить вашего, товарищи судьи, разрешения, излагая свои соображения по данному делу, придерживаться той системы, по которой было построено и само обвинительное заключение, и в таком случае раньше всего перейти к эпизоду, который мы все время называли «эпизодом Матвеева». Фабула этого эпизода весьма несложная, и, чтобы изобразить ее, красок никаких не нужно. Но эта фабула так же проста, как и грязна, и заключается она в том, что преступник, настигаемый правосудием, умел находить себе из числа служителей правосудия помощника и защитника: он покупал этого «служителя правосудия» и оставался безнаказанным.

Таков «эпизод Матвеева». Эпизод этот заключается в том, что 17 апреля 1923 года в губернский суд для производства расследования поступило дело за № 25, как это значилось на обложке.

Сейчас же нашлись приятели, товарищи, посредники, ходо-таи, и дело начало затираться. В данном деле двумя крайними точками являются Матвеев, купец, имеющий уже за собою судимость по аналогичному делу, квалифицированному той же самой ст. 114-а УК, и старший следователь Ленинградского губернского суда Шаховнин. Между этими двумя точками размещается вся эта небольшая, но теплая компания: Пахомов, Иванов и Михайлов. Через них и, в частности, через Михайлова Матвеев прокладывает себе дорожку к Шаховнину. Завязываются непосредственные деловые сношения, которые и кончаются к обоюдному удовольствию всех заинтересованных лиц. Сделка сделана, «правосудие» куплено, правосудие загажено, оскорблено!..

Посмотрим, в чем заключалась роль каждого из участников этой сделки. Здесь, на суде, Матвеев признал себя виновным и, казалось бы, нам незачем на нем и останавливаться. Он признал себя виновным на суде, и это указывает на якобы проснувшееся в нем раскаяние, на пробуждение в нем сожаления по поводу совершенного. Но это требует проверки, ибо, может быть, это раскаяние только внешнее, ибо по существу, может быть, этот преступник ничего не сделал для того, чтобы вскрыть преступление, когда в этом мы нуждались больше всего, и, может быть, свое сознание принес к судебному столу только тогда, когда был уже пойман и притащен сюда страшной петлей, уже затянувшейся у него на шее. К сожалению, с Матвеевым дело обстоит именно так. Посмотрите все его показания на предварительном следствии.

Сначала он пытался все отрицать: «Я у следователя Шаховнина на квартире никогда не был». «Я со следователем Шаховниным никогда и нигде не встречался». «Общих знакомых с ним не имел». «Для меня никто не справлялся, я никого не просил». Словом — я не я и лошадь не моя. «Ничего решительно не знаю»... Полное заперительство. В это время Матвеев усиленно замечает следы. Что делает Матвеев? — «Не знаю, не был, не просил, не давал». Полное отрицание, полное заперительство. Так он начинает и так долго, долго продолжает. Правда, через некоторое время он не выдерживает своей роли и начинает проговариваться о том, что Иванов обещал похлопотать, что Иванов требовал денег, но не как взятку, а как будто в долг, — берет в долг, хотя, впрочем, потом и не отдает. Очень характерный штрих — полупризнание, облеченное в форму отрицания. Иванов берет в долг. Матвеев — купец, почему купцу не дать в долг? Могли же быть у них и коммерческие отношения? Но проходит время, и под давлением улики, которые падают на голову Матвеева, он начинает сдавать, он начинает признаваться, он уже признается в том, что с Шаховниным у него устанавливается «контакт» и что дело, как он выражается в одном из

своих показаний, шло не худо. Хлопоты действительно дают уже некоторые результаты; но это все же стоит денег. И вот мы здесь, на суде, подсчитали, каких это стоило денег.

Можно считать установленными цифры, зафиксированные на судебном следствии. Мы видели из признаний Матвеева, Иванова и Пахомова, что они, Иванов и Пахомов, деньги получали и, в частности, — те суммы, которые установлены в обвинительном заключении. Как это подтверждено расследованием, произведенным здесь, на судебном следствии, Иванов получил 2200 руб., Пахомов получил 1400 руб. и 1200 руб., но для них это мелочи. Вот благодаря этим деньгам Матвеев получает возможность, оплачивая услуги Пахомова и Иванова, сблизиться с Шаховниным и остаться благодаря Шаховнину безнаказанным. Дальше мы встречаем Матвеева уже в другой фазе этого процесса, — как известно, всякий такой процесс проходит несколько фаз и стадий.

Одна из стадий заключалась в том, что эти господа сначала занимались угощениями за счет своих доверителей, если позволите так выразиться, садились с ними за стол и клали ноги на стол. Вот эта стадия была и в деле Матвеева, когда следователь Шаховнин влез к Матвееву и положил ему на стол свои судейские ноги. Я говорю о знаменитой попойке у Пахомова, когда Пахомов приглашает Матвеева и Шаховнина, и здесь, так сказать, венчается дело. Напомню происшедший на этой попойке характерный разговор. Шаховнин вел разговор с Матвеевым относительно своих худых подметок и отсутствия у него летнего пальто. Высчитали, что нужно 2500 руб., и тут же дается 2000 руб. Взятка дана, Шаховнин в руках у Матвеева, а теперь они оба в руках у нас.

Тут один момент чрезвычайно важен. Была попытка в течение судебного следствия так осветить этот разговор между Матвеевым, Шаховниным и Пахомовым об этих подметках и пальто, что, дескать, это свидетельствует о честности Шаховнина, ибо он говорил даже: «Знаю я ваше «поблагодарю». Если бы я брал ваши «благодарности», то у меня не было бы таких худых подметок и было бы пальто». Здесь передернута самая подкладка этого дела. Ничего подобного не было, и дело обстояло как раз наоборот. Когда Шаховнину пообещали «благодарность», он сказал: «Да, обещать-то вы охочи, вы все обещаете, а когда до дела доходит, так, чтобы дать, то у меня остаются только худые подметки. А потому (если позволите выразиться языком Сенина, человека, как он сам себя называл, реального) — дайте мне хотя что-нибудь реальное». И вот в виде реального подносятся Матвеевым 2000 руб. Матвеев дает взятку деньгами, вином, угощениями в «Москве» или «Слоне», где они были и где Иванов и Пахомов оплачивают за счет Матвеева эти

расходы и счета представляют тому же Матвееву. Дело действительно шло, как выразился сам Матвеев, не худо. Этого всего совершенно достаточно для того, чтобы признать доказанной здесь взятку, для того, чтобы роль и сущность совершенного Матвеевым преступления были оценены вами, товарищи судьи, так, как этого требует ваша судейская совесть, как этого требует наш советский закон.

Я также считаю установленным, что в этом эпизоде роль передатчика, посредника играют Пахомов и Иванов. Но ведь это не простые посредники. Ведь это бывшие члены Российской коммунистической партии. Один из них, Иванов, являлся даже организатором партийного коллектива, т. е. являлся лицом, уже поднявшимся над массой рядовых коммунистов. Он это сам отлично сознавал. Вокруг него был известный начальнический ореол. Мы знаем теперь, что благодаря этому ореолу Пахомова сравнивали не с кем иным, как с господином исправником...

Вот эти два коммуниста на словах, эти строители будущего на словах, эти люди, ниспровергающие старый мир и возводящие основы нового мира, тоже на словах, а на деле — маленькие, грязенькие, развратные обыватели, поскользнувшиеся на маленькой нэпмановской корочке, брошенной им под ноги Матвеевым, и покотившиеся по наклонной плоскости, увлекая за собой всех, кто с ними соприкасался. Пахомов играл в этих делах роль губпродкома или упродкома, во всяком случае какого-то хозяйственного организатора для Шаховнина. Шаховнин говорит: «Просил Пахомова принести мне продукты». — «Почему Пахомова?» — «Да ведь Пахомов служил в ЛЕПО¹. Я хотел, чтобы он по своей цене принес». Но, оказывается, Пахомов идет к Матвееву и берет у него в лавке продукты, приносит Шаховнину, и, таким образом, продовольственная потребность Шаховнина удовлетворяется. Это рассказывал нам здесь сам Пахомов. И, конечно, для нас, знающих дело и прослушавших все судебное следствие, не секрет, что и Пахомов, как и Матвеев, отрицавший все то, что здесь было доказано, пытался отрицать свое знакомство с Матвеевым. Нам, впрочем, известно, что если он мало знает Матвеева, то много за него хлопочет перед Шаховниным.

Мы помним, как он здесь отпирался и как, только будучи припертым к стене, признался в том, в чем он не мог не признаться. И тогда мы узнали, что он был и в «Италии» и в «Метрополе», — вот названия тех кабаков, где Матвеев спивал следователей, где следователи пропивали свою судейскую совесть за счет Матвеева. В «Италии» мы встречаем Пахомова, Иванова и Шаховнина, в «Метрополе» встречаем Пахомова, Иванова,

¹ Ленинградское единое потребительское общество.

Шаховнина и Михайлова,— Михайлова не в качестве благородного свидетеля, а в качестве одного из тех, которые «сводили» этих господ.

Вы помните, товарищи судьи, как у них в этот памятный день нехватило денег, как Пахомов решил пойти за деньгами к Матвееву. Он не постеснялся глухой ночью постучать в дом к Матвееву. И что же? Открылась дверь, и он получил необходимую сумму, и они продолжили свое «дело». Характерная подробность — просили тогда деньги не на нужду и даже не просто на пьянство, а на женщин, к которым должны были поехать. Михайлов очень упорно пытался отрицать это. Он даже раз на суде отказался отвечать на вопрос, куда они собирались ехать и кто это «девочка Надя», которая оказалась потом Поповой, кстати сказать, той самой проституткой Поповой, с которой познакомил Михайлова не кто иной, как обвиняемый Сенин, этот бывший следователь стрелкового корпуса, военный следователь. Михайлов пробовал это все отрицать, но был уличен и изобличен фактами.

Пахомов не сознается в совершенном им преступлении: по его словам, он получил только 500 руб. Это отягчает участь Пахомова.

Иванов остается некоторой загадкой. В самом деле, как же это так? Этот Иванов поднялся в партийной работе до организатора партийного коллектива. Но Иванов, несмотря на все свои попытки изобразить из себя чуть ли не потомственного пролетария, был изобличен как бывший торговец, как бывший владелец посудного магазина. Этот Иванов тоже отпирается, потом начинает сдавать, подтверждает «Италию», подтверждает «Метрополь», но опять запирается в отношении сумм, которые он получил от Матвеева. Уж здесь Матвееву надо поверить. Купеческая душа знает хорошо счет тем деньгам, на которые она покупает чужие души. Матвеев точно подсчитал — заплатил 2200 руб.; Иванов говорит — 750 руб. получил на угощение, 200 руб. получил на пиво, деньгами получил 1000 руб., но получил «в долг».

Иванов запирается, лжет, юлит. Это лишний раз характеризует этого человека, который когда-то осмеливался называть себя коммунистом. Его роль не маленькая в этом деле, товарищи судьи, хотя он представляется очень маленьким человечком. Это он познакомил Пахомова с Матвеевым. Это он ездил в губернский суд с Михайловым, это он принимал живое участие во всех этих безобразных преступлениях. Таким образом, я считаю, что в этом эпизоде с Матвеевым Михайлов, Пахомов и Иванов, отчасти собственными показаниями, отчасти показаниями друг на друга, а также другими данными, собранными следственными органами, изобличаются полностью в преступлениях, предусмотренных

ст. 114 УК, с санкцией по ч. 2 этой статьи. Взятка сама по себе — гнуснейшее орудие разврата, но она становится чудовишной, когда дается следователю или вообще работнику юстиции. Ведь едва ли можно вообразить что-либо ужаснее судей, прокуроров или следователей, торгующих правосудием.

Суд — один из величайших устоев государственного строительства. Разложение судебно-прокурорских работников, разложение суда — величайшая опасность для государства!.. Говоря об Иванове, я должен обратить внимание еще на одно обстоятельство: Иванов прибежал к таким приемам, которые никак нельзя назвать иначе, как вымогательством. Он пугал Матвеева, говоря: «Гриша, крышка, парить будут», или что-то еще в этом духе на своем воровском жаргоне. Это человек, который с точки зрения социальной опасности представляет собою явление достаточно примечательное, и я вправе просить суд на Иванова, Пахомова и Михайлова обратить свое особое внимание. В этом же эпизоде появляется и Шаховнин; это первая ласточка, хотя и не первая скрипка. Это щебечущая о взятке судейская птица. Шаховнин — это своего рода пионер взяточнической эпопеи. Даже когда он спит, скажи ему: «Сеня, взятка», — он ответит: «Готов, всегда готов». Шаховнин берет вином, продуктами, деньгами, берет подметками и пальто, берет «Метрополем», берет «Таней» и «Катей». Человек широкого размаха. С ним операция производится по делу Матвеева очень оригинально и с соблюдением установившихся в этой среде правил взяточнического кодекса. Первое правило — по возможности избежать вызова к следователю на допрос. Согласно этому правилу, вызванный на допрос Матвеев в действительности на допрос не является: его приятели, Пахомов и Иванов, по соглашению с Шаховниным, устраивают ему отсрочку, освобождая его от допроса. Второе правило — так как бесконечно нельзя не являться на допрос, в особенности, когда грозит арест, то нужно застраховать себя от ареста. Эта «страховка» осуществляется также весьма искусно.

«Я признаюсь, — говорил Шаховнин на предварительном следствии, — что Матвеев после угощения просил меня не арестовывать его до решения суда и не привлекать его в качестве обвиняемого, за что Матвеев обещал меня отблагодарить. Его слова о благодарности я не отверг. Но я даю слово и клянусь своей честью, что взятки от Матвеева я не получал». Прочтя это показание обвиняемого Шаховнина, я готов был ему поверить. Но я перевернул страницу и — увы! — здесь увидел чисто-сердечное признание того же Шаховнина в том, что он получил две тысячи рублей в качестве взятки. Я вспомнил о его честном слове, о его совести, которой он клялся, невольно поставил вопрос: как же так? Но ответа я не получил и, вероятно, ответа

и не получу. Шаховнин пропил совесть, пропил честь, продал за «угощение» все, что было доброго в душе этого человека...

В этом эпизоде, товарищи судьи, собран достаточно сильный материал против обвиняемых, но я не стану злоупотреблять вашим вниманием для более детального ознакомления с ним. Скаazanного, мне кажется, достаточно.

Теперь я перехожу к Михайлову. Роль Михайлова в этом эпизоде, так сказать, эпизодическая. Виновным себя во взяточничестве, конечно, он не признал, но очень бойко при первом допросе заявил, что признает себя виновным в дискредитировании власти. Он разбирается в Уголовном кодексе и знает, что такое ст. 109 и что такое ст. 114, знает, чем «звезда от звезды разнствует», знает, что к ст. 109 не присоединяется та формула, которая может привести к смертной санкции по ч. 2 ст. 114. Поэтому он охотно признает себя виновным в дискредитировании власти, лишь бы уйти от ответственности по ч. 2 ст. 114 УК! Но какова же его роль в этом эпизоде? По его собственному показанию, это он познакомил Пахомова с Шаховниным, это он был с Шаховниным в «Италии» и в «Метрополе», причем сначала угощались за счет Пахомова в общем зале, а потом перешли в кабинет. Собственным признанием он уличил себя — он за Матвеева просил Шаховнина, хотя и добавил, что делал это «без всякого корыстного побуждения». Оценка того побуждения, которое руководило Михайловым, будет, впрочем, принадлежать нам, а потом, выпивка за счет Матвеева и в просьбах за Матвеева перед Шаховниным, — это одно дает право говорить, что в этом преступлении он повинен не меньше, чем Шаховнин. Михайлов пробовал запереться, но на очной ставке был уличен Шаховниным. Вот весь этот эпизод. Тут пять лиц: Матвеев, Пахомов, Михайлов, Шаховнин и Иванов. Все виновны, вина их, конечно, не одинакова, хотя и одного рода. Я позволю себе просить вашего разрешения вопросу о наказании для обвиняемых отвести особое место по окончании всего изложения.

Второй эпизод — самый большой, потому что в нем участвует много лиц. Это так называемое знаменитое «дело лаборантов». Оно в сущности одно, но оно многолико, ибо дело лаборантов распадается на несколько дел. Жило-было дело, называлось «дело лаборантов» за № 2504. Жило-было — и его не стало. Есть «дело» — и нет «дела». Правда, его не съела свинья, как у Гоголя, но его съели свиньи, по предварительному между собой соглашению на общей для всех них платформе. Итак, это дело было, и его не стало. Что же с ним стало? Есть здесь Кузьмин, такой молодчик, который даже исполнял обязанности начальника следственного отдела, этот самый молодчик, кстати сказать, имел за своими плечами две судимости за кражу еще

до революции, но сумел оказаться руководителем всего следственного аппарата. Этот Кузьмин имел в своей голове «хорошие» идеи. Вы помните, как он не без гордости заявил здесь, что расшивка дела — это его «идея». Этот «идейный» человек представляет для нас особый интерес. Когда явилась возможность заработать на грязном деле, но была опасность, как бы не просчитаться, а просчитаться было очень легко, тогда у Кузьмина блеснула эта «блестящая» мысль — расшить дело. Было одно дело — будет восемь, и пойдут они по восьми направлениям, и ищи тогда ветра в поле. Одно пошло в один суд, другое пошло в другой суд. Впрочем, шли они только в два определенных, заранее обусловленных суда, где сидели их соучастники. Это была «блестящая» идея Кузьмина, и нужно отдать ему справедливость — задумана она была почти гениально. Но выполнение ее было такое, что этот Левензон, вернувшись домой из тюрьмы, сказал своей жене: «Это или провокация, или работа пьяных мужиков». Задумано правильно, а исполнено было — как будто не в Ленинграде, а в каком-нибудь Суздале: такая топорная, суздальская стряпня... Но это оказалось нам на пользу, так как эта «стряпня» и обусловила провал преступления.

Дело лаборантов обстоит не так, что дана взятка, получена взятка — и прекращено дело. Нет, это построено архитектурно, так что, я думаю, здесь главная роль принадлежит не Кузьмину, а какому-либо инженеру вроде Фридендера. Хотя он и инженер путей сообщения, но, оказывается, он в известной степени мастер и этой строго продуманной системы, этой осторожно возведенной постройки, где были предусмотрены все последствия, где нужно было пройти ряд ступеней упорно, шаг за шагом, не стесняясь никакими препятствиями, не смущаясь никакими остановками, проходить, проходить, пока не придешь к цели. И риску было бы немного, если бы, впрочем, работали не «пьяные мужики». Это сговор, товарищи судьи, редкий даже в нашей практике борьбы со взяточничеством. Целый заговор взяточников против государства, — заговор, в котором спаяны отдельные части в одно целое, где все связаны одним преступным замыслом. В этой — настоящей планетной — системе есть несколько «солнц» и около каждого «солнца» вращаются свои спутники.

Дело лаборантов — это не отдельные эпизоды, не отдельные дела. Это организованный заговор преступников, знающих друг друга, чуть не родственников, кумовьев, которые собираются, совещаются, имеют на откупу у себя защитников-юристов, следователей, судей и обдeldывают свои грязные, позорные дела, подрывая самые устои нашего государства, метя в самое наше сердце. Товарищи судьи, к этому эпизоду мы должны отнестись с особой строгостью. Мы должны им показать, что умеем

поражать их сердца раньше, чем они доберутся до нашего сердца. Этот заговор страшнее многих других. Мы имеем показания Шаховнина по этому делу. В этом показании Шаховнин говорит о том, как развивалась эта деятельность и по каким направлениям она шла. Я должен напомнить это показание: «Перед праздником пасхи,— показал Шаховнин,— когда дело лаборантов было в производстве старшего следователя Михайлова, мне Кузьмин предложил войти в их компанию по получению взяток, и я согласился». Вот первое доказательство того, что я не был голословен. Почему это так случилось, что побудило Шаховнина, Михайлова и Кузьмина вступить на этот путь преступления? Шаховнин ссылаясь в свое оправдание на тяжелое материальное положение.

Совершенно очевидно, что никакое самое тяжелое материальное положение не может оправдать такое гнусное преступление, как взяточничество. Но ссылка на тяжесть материального положения ложна. Мы знаем, что никакого тяжелого материального положения у обвиняемых не было, так как они были обеспечены не хуже, а лучше многих других. Здесь нам была представлена справка, из которой видно, что в то время, когда следователи ГПУ получали не больше полутора тысяч рублей, подсудимые получали от трех до восьми тысяч рублей. Почему же они пошли на это преступление? Из нужды? Нет! Они пошли на него потому, что, как говорил Шаховнин, «наступал праздник пасхи и нам хотелось встретить его по-хорошему»!.. Он говорил: «Вот в последний день перед праздником мы сошлись в ресторане «Москва», Михайлов и я, и получили от Сенина по одной тысяче рублей». Коммунисты берут взятку, чтобы встретить светлое христово воскресение. Умилительная картина!

Мы потом от Шаховнина узнали, как у Кузьмина мелькнула мысль о взятке, как он склонил других и как они получили от Сенина деньги, как вокруг этого Сенина все закрутилось, как они — Михайлов, Кузьмин, Сенин и Шаховнин — начали посещать этот самый знаменитый ресторан «Москва». Роль Шаховнина, однако, технически была очень скромна. Может быть, он не такой «гениальный» человек, как Сенин и Кузьмин; может быть, это объясняется другими его душевными качествами, но роль его была технически очень проста и несложна. Ему было предоставлено немного — оформлять «дела» при помощи разных постановлений по указаниям Кузьмина или по просьбе Сенина и направлять дела именно в те народные суды, где можно было рассчитывать на содействие и соучастие судей в этой взяточнической эпопее. После того, как Михайлова вызвал губернский прокурор, он почувствовал, очевидно, что над его головой собираются грозные тучи и что может грянуть гром. Тогда он сделал попытку выйти из «игры»: он попробовал передать это дело

Шаховнину, вопреки прямому запрещению губернского прокурора. Это тоже весьма характерно.

Я уже имел честь докладывать Верховному суду, что Шаховнин действовал по предварительному соглашению с рядом посредников и, конечно, за денежное вознаграждение, в чем он здесь сознался, в чем он сознался и на предварительном следствии. Если вы пожелаете проследить роль Шаховнина в деле Фридендер — Антимония, то она сводится к следующему. Во-первых, Шаховнин по уговору с Кузьминым принял от Михайлова это дело с целью отвлечь от Михайлова подозрение, возникшее у губернского прокурора. Во-вторых, он дал этому Михайлову специальное поручение передпросить Антимония для того, чтобы оправдать постановление о прекращении этого дела, вынесенное уже в это время, ибо в первом протоколе Антимония признавал себя виновным и дело, следовательно, при таком положении вещей прекратить было бы нельзя; нужно было изъять этот протокол и заменить его другим, в котором вина Антимония смягчалась бы. Это и сделал Михайлов по просьбе Шаховнина. Наконец, он получил вознаграждение за это от Сенина в размере одной тысячи рублей и получил еще вино.

Странно только то, что Сенин дает взятки вином. Ведь Сенин здесь в течение процесса неоднократно подскакивал и говорил, что он вина не пьет, и мы знаем, что, действительно, он пьет не вино, а лимонад. Так почему же он давал Шаховнину вино? Тут перед нами вскрывается новая картина — мы видим те тайные пружины, при помощи которых действовал Сенин, мы видим тот таинственный механизм, который держал в своих руках Сенин. Это нам рассказал на суде и еще раньше, на предварительном следствии, Михайлов. Он рассказал, что Сенин был человеком, который умел затягивать товарища в преступление. Он затягивал, спаивал, обволакивал или, как говорил тот же Кузьмин, обхаживал «приятеля» и, когда тот оказывался в его руках, он получал от него то, что ему было необходимо.

Не надо забывать, однако, что всего Сенин сделать не мог, ибо он был лишь следователем стрелкового корпуса, а эти дела были в губернном суде, следовательно, нужно было привлечь к участию в этих «делах» кого-либо из губернского суда.

Вот роль Шаховнина и Сенина — достаточно отчетливая и, я бы сказал, ответственная в полном смысле этого слова. А роль Кузьмина? Кузьмин на предварительном следствии решительно отпирался от всего того, что ему предъявляется: он ничего не делал, ничего не знает. Но с 1 декабря под тяжестью улик он сдает и рассказывает то, что нам уже раньше рассказал Шаховнин. Здесь он говорит о себе, как о человеке с «идеями». У него

возникла «идея», и он поделился ею со своими товарищами, а потом делился с этими товарищами и теми деньгами, которые он получал от нэпманов. Роль Кузьмина в деле Антимония — Фридлиндер сводится еще и к содействию, которое он оказал Михайлову.

Дело обстояло таким образом: Антимония вызывается на допрос, и в то время, когда Михайлов допрашивает Антимония, является Кузьмин и говорит с важным видом: «У тебя дело Антимония? Там, наверху, прокуратура интересуется». Антимония говорит: «Я струсил. Ого! Уже прокурор... Пожалуй потребует к себе да еще посадит».

Свою роль разыгрывает Кузьмин довольно успешно и именно после того, как у него на совете — на «военном совете» преступников — выясняется, что Антимония не дает денег.

Теперь нам ясно, почему Антимония говорил на суде: «Я на этот счет тугой, я два месяца думал — дать или не дать. Говорил — дам, а на самом деле думал — не дам. А пускай пройдет Фридлиндер, который заплатит, а я петушком за ним бесплатно пройду». «Вы говорите — денежки, но дайте что-нибудь реальное, докажите, что вы делаете, а то деньги брать — вас много таких». И чтобы его припугнуть, чтобы сказать: «Ты торопись думать», — устраивается фиктивный допрос Антимония Михайловым, влетает Кузьмин и с начальническим видом заявляет о том, что делом Антимония интересуется сам губернский прокурор. Кузьмин — мастер своего дела, он разыгрывает свою роль, как по нотам. Недаром один из подсудимых сказал здесь: «Первой скрипкой был Кузьмин». Тут, в этой оценке, только в одном ошибка: первых скрипачей здесь много, но это «персимфанс» — оркестр, играющий без дирижера. Все попадают в ту ноту, которая должна в данную минуту звучать. Это действительно квалифицированный «оркестр», и все участники — высокие мастера своего дела.

Иногда бывали у них и юридические разговоры. Например, Михайлов спорит с Кузьминым, можно или нельзя прекращать это дело на полном, так сказать, юридическом основании. Михайлов говорил — нельзя, другой говорит — дело пустяшное, какая-то мелочная взятка — коробка хлороформа и прочее. Спорили. Сговаривались, что если, мол, пустяк, то надо прекратить, и все будет по-хорошему, или, как Матвеев говорил, дела пойдут не худо. И действительно, дела шли не худо, но дельцы малость просчитались. Ничего не поделаешь. Без риска никто не работает.

Я особенно прошу помнить, товарищи судьи, что идея расшивки дела родилась в голове Кузьмина, хотя я вовсе не хочу сказать, что ответственность Михайлова, Шаховнина или Сенина по данному делу должна быть меньше. Но во всяком случае

для правильной перспективы нужно иметь в виду, что возникла эта «идея» в голове у Кузьмина, который своей же головой и должен отвечать за эти преступления раньше, чем кто-либо другой.

Роль Михайлова. Во-первых, он признал себя виновным в том, что он выпивал вместе с Сениным (как будто его в этом кто-нибудь обвинял). Ну, а затем он признал, что взял деньги у Сенина. Потом признал, что выпивал с Шаховниным в ресторане «Слон», но утверждал, что о получении взяток по делу лаборантов ему решительно ничего не известно. Впрочем, тогда же он признал, что Сенин деньги брал на женщин, причем он «чувствовал, что Сенин чего-то хочет от него добиться», обхаживает его, как Кузьмин и Шаховнин.

Таким образом Михайлов является страдательным лицом или, если позволите привести маленькую выдержку из одного письма Сенина, является «невинной Тамарой, которую соблазнили коварные демоны». Это — по показаниям самого Михайлова. Правда, через некоторое время эта «невинная Тамара» оказывается уже довольно потрепанной потаскушкой, которая сама признается, раздевшись перед всем честным народом, в том, что продавала свою совесть, и даже не особенно дорого: получила 300 руб. от Сенина, до 1000 руб. за «ликвидацию» дела. Это тот самый Михайлов, про которого возмущенно здесь заявил Сенин: «Когда мы разыгрывали заключительный аккорд этой нашей симфонии, Михайлов трусливо бросился в кусты». Действительно, Михайлов блудлив, как кошка, труслив, как заяц. Так его характеризуют собственные его коллеги по скамье подсудимых.

Товарищи судьи, говоря о Михайлове, я должен еще обратить ваше внимание на один эпизод, ибо ст. ст. 24 и 25 УК обязывают нас обращать сугубое внимание на характеристику личности, на прошлое подсудимого, на его облик и т. п. Я должен еще раз напомнить тот самый эпизод, который очень ярко рассказала несчастная девушка Попова, являвшаяся услужительницей этого Михайлова. «Я была в ресторане «Москва», — рассказывала Попова, — Михайлов пригласил меня поехать в Знаменскую гостиницу. Приехали, взяли номер за 75 рублей, вино 8 рублей бутылка, но платить официанту деньги он отказался. Требовал заведующего гостиницей, с которым скандалил, показывал свой мандат следователя, называл фамилию какого-то начальника, которому хотел звонить по телефону, но не позвонил».

Очень интересный штрих для характеристики личности этого самого Михайлова. Впрочем, чтобы быть справедливым, я должен это показание дополнить другим, потому что может создаться впечатление, как будто это свойство одного Михайлова, между тем как это, так сказать, нравы ряда бывших следователей Ленинградского губернского суда.

Вчера суд разрешил сослаться на все материалы дела. Я хочу обратить внимание на одно показание, имеющееся на листе 509 тома II, где рассказывается о том, как проводили время эти так называемые следователи, когда попадали в ресторан. Вот показание одного свидетеля: «Я гулял в коридоре одного ресторана. Меня заинтересовало,— говорит этот гражданин,— что там происходило. Минут через десять какая-то из девиц, полупьяная, выскочила из кабинета и направилась в уборную. Дверь осталась открытой, щель небольшая, но голоса сделались слышны. Вот среди гама голосов я слышу визгливый женский голос: «Лидка (или Нинка), ты брось Сенина, не то дам по маске». Так как по коридору все время сновали люди,— продолжает свидетель,— то подглядывать было неудобно, но я увидел компанию, состоящую из человек 8 — 9 работников губернского суда. Безусловно утверждаю, что компания была судейская и слова разговора самые судейские. Что касается ресторана «Слон», то об этом я тоже слышал неоднократно, что они там бывали с известной проституткой Дублицкой. Компания их и вообще поведение обращали на себя внимание, особенно же поведение Дублицкой». Вот как проводили время эти «сливки общества», как вчера говорил Славский, указывая на то, что он привез с собой какого-то владельца маслобойного завода. Жанр очень определенный, нравы этих работников тоже достаточно яркие, так что можно сказать, что Михайлов в этом отношении вовсе не представлял какого-то исключения; наоборот, он был явлением ординарным и делал, очевидно, то же, что и остальные, что, так сказать, ими делалось по положению их, чину и званию.

Я обращаю ваше внимание на роль Михайлова в эпизоде Антимония — Фридендер потому, что на суде он не давал искренних объяснений, пытаясь сваливать на других, и в этом отношении представляя собою гораздо худшее явление, чем рядом с ним сидящие его товарищи, которые при всей своей неправдивости были правдивее Михайлова. Например, Сенин. Он все же из семи эпизодов признал себя виновным в трех, все-таки почти 50% правды есть, а у Михайлова я не насчитал и 10% правды. Может быть, это делает защита? Пусть попробует...

В деле лаборантов, как я сказал, в сущности говоря, дирижера не было, но это нужно понимать аллегорически, это нужно понимать в том смысле, что их техника была настолько усовершенствована, что ими не нужно было дирижировать. Но здесь были такие маэстро, как Сенин, который, однако, несмотря на всю виртуозность отдельных музыкантов, вдохновлял, организовывал, управлял и объединял всех во всем этом коллективе. Сенина Михайлов называл первой скрипкой. Я уже сказал, что в известном смысле он прав. Он действительно — первая скрипка. Раньше всего позвольте указать, что Сенин — это

закоренелый взяточник. Это не просто поскользнувшийся молодой человек, это не просто свихнувшийся с истинного пути человек. Сенин в полном смысле этого слова — **закоренелый взяточник**. Корни его взяточничества уходят далеко в прошлое.

В 1922 году мы встречаем его уже достаточно оформившимся взяточником, свидетелями чего могут выступить те следователи губернского суда, которые проходили на следствии и показания которых имеются в деле. Например, Чарыхов, который указывает, как по одному делу Сенин приходил к нему на квартиру и осмелился предлагать что-то вроде взятки, во всяком случае настолько прозрачно, что Чарыхов на вопрос родителей, кто это, сказал: «Это — мерзавец», о чем он сообщил затем и официально. Затем дальше. На листе 85 тома I у нас имеются показания т. Тиктина, где говорится как раз о деле Набатова. Я здесь прошу, товарищи судьи, также обратить внимание на то, что Сенин приходил к Тиктину по делу Набатова и ясно намекал, что если он посодействует возвращению отобранных у Набатова денег, то он, Тиктин, может на этом заработать. Возмущенный подобным предложением, Тиктин доложил по начальству, что и запечатлено в рапорте. На листе 275 тома V имеются показания еще одного свидетеля — Кирзнера, сообщившего, что он встретил после ареста Сенина т. Тиктина и последний сообщил, что по делу лаборантов, уже находящемуся в производстве Тиктина, Сенин предлагал ему «благодарность».

Таким образом, мы видим, что этот человек запускал свои щупальцы в разных направлениях: у Чарыхова дело — пощупаем Чарыхова, у Тиктина дело — пощупаем Тиктина, авось клонет, авось встретим сочувствие. И он систематически, упорно, методично работал в этом направлении, пока не натолкнулся на Кузьмина, Шаховнина, Михайлова и, в конце концов, на... острие нашего судейского меча. Очень характерно для Сенина, что хотя идеи в его голове не роятся, как в голове Кузьмина, но он умело реализует эти «идеи» и энергично осуществляет другими разработанный план.

Если мы обратимся к преступлениям народных судей — Тевелева и Пахомова, то увидим, что нити от этих преступлений, от этих судей идут к Сенину. Почему нужно посылать именно к Тевелеву или Пахомову, во 2 или 3 отделение? Почему? Потому что, как это показывает целый ряд лиц, Сенин уже договорился с ними. Когда ошибочно дело попадает не туда, куда нужно, не к предупрежденному Пахомову или Тевелеву, и есть опасение, что может получиться недоразумение, кто улаживает это дело? Сенин. Он говорит: «Ничего, я улажу». И улаживает. Разве это не первая скрипка? Разве это не организатор и собиратель этого грязного «коллектива»? Разве эта характеристика не верна? Конечно, она верна, и в этом смысле роль Сенина приобретает

большое и своеобразное значение. В течение всего предварительного следствия, которое длилось долго, Сенин упорно борется против истины. Я не хочу ему ставить это в укор: он борется за свою жизнь. А его жизнь и истина разошлись и идут по разным дорогам,— им по одной дороге не идти. Сенин борется упорно. Вы помните здесь на суде его первое выступление, этот пафос почти опереточного премьера, на высоких нотах пытавшегося протестовать против всего следственного материала, пытавшегося доказывать, что это все клевета на него. Вы помните, как он потом сдал под тяжестью улик, которые падали на него ужасными, страшными ударами, и как потом он кончил — силно и хрипло, подавленный, морально уничтоженный. Вот посмотрите,— он сидит перед вами, низко опустив голову и закрыв лицо руками. Он теперь уже сдался, сил больше для борьбы у него не хватает. Он побежден. А как он боролся, как пытался нас обмануть, выскочить из петли!

В эпизоде с Антимония — Фридендер Сенин, как вы помните, действует через Александровского. Он достаточно, следовательно, осторожен для того, чтобы не действовать непосредственно. И деньги он получает через этого Александровского. Это сочетание разных качеств — упорства, настойчивости, осторожности, дерзости — делает из него действительно опасного для государства человека, опасного преступника, и жизнь этого человека, если вы придете к убеждению в его виновности, как это доказывается обвинительным материалом,— жизнь этого человека, во имя блага государства, должна быть прекращена.

О том, что он сделал по делу Антимония, рассказывал здесь Александровский, тот самый Александровский, которого, кстати сказать, Сенин считает очень порядочным человеком, прямо так и говоря в одном показании: «Александровский на меня произвел впечатление очень порядочного человека. Я был очарован его любезностью по отношению ко мне». Этот очаровательный человек Александровский, этот порядочный человек,— а кстати, Маркитант и Фридендер тоже считали его очень порядочным человеком,— этот человек является передаточным ремнем, который приводил в движение всю машину засевших в Ленинградском суде взяточников. Этот «очень порядочный человек» говорит, что Сенин постоянно звонил к нему на квартиру, требуя денег; Сенин неоднократно говорил по телефону, что если требование не будет исполнено, то будет плохо,— он примет «соответствующие меры». И Александровский уступает. И катится вниз, по наклонной плоскости, стремительно катится вслед за Сениным!..

Роль Сенина в этом эпизоде вполне определена: он вымогает, он угощается за счет клиентов Александровского. Он договаривается о ликвидации дела Антимония, он знакомит

Михайлова с Александровским и получает пять тысяч рублей от Александровского. Он расплачивается с Кузьминым и Михайловым. Он организует ликвидацию этих дел в суде, заботится о том, чтобы народный судья, который был склонен им к соучастию в этом преступлении, закончил дело так, как это было интересно преступникам. С бывшим судьей Тевелевым он уговаривается о технике этого дела. Антимония два месяца раздумывал, прежде чем пойти на совершенное им преступление, и мы вправе сказать: если ты честный человек, то ты мог, особенно после такого долгого срока раздумья, этого преступления не совершать, а если ты его совершил, то ты бесчестный человек. Эти два месяца — первый сильный удар против Антимония. Он дает 15 тысяч, дает Шаховнину через Александровского, через Сенина. Он держит по вопросу о даче взятки семейный совет, — он об этом сам здесь рассказал, — обсуждает вопрос о том, как реагировать на требование взятки. Он обдумывает, как быть, и решает действовать. Нужно обратиться... К кому обратиться?

Ведь он живет в рабоче-крестьянском государстве, в государстве, где есть закон, где есть защита этого закона. Было бы естественно, если бы на этом совете он решил обратиться за защитой к закону. Что ж он сделал на самом деле? Он обращается к какому-то Александровскому, который ему известен как привлекавшийся по ст. 114, как сидевший за это дело в тюрьме, — как к человеку, который может помочь выкрутиться из этого дела, к приятелю Сенина, Александровскому. Разве этого недостаточно, чтобы сказать, что Антимония совершил преступление и должен отвечать за него? Антимония долго думал, он советовался, он семь раз отмерил, пока отрезал, но он резал по живому телу советской юстиции и Советского государства. Этого ему простить мы не имеем никакого права.

Больше того, он и Фридлиндера рекомендовал Александровскому. Фридлиндер попал в эту историю в значительной степени благодаря Антимония; об этом говорит он сам, говорят свидетели, говорят документы. На новом «семейном» совете Фридлиндер и Антимония вырабатывают определенные условия с Александровским, договариваясь, где, когда и при каких условиях они будут платить. Александровский говорит: «У меня на квартире были Фридлиндер и Антимония, и мы выработали следующие условия, что ни я, ни Фридлиндер вперед не уплачиваем до полной ликвидации нашего дела, а потом будет рассрочка платежа». Превращают государство в какую-то зингеровскую швейную компанию, покупают совесть государственных работников не случайно, но систематически, обдуманно, по соглашению, даже в рассрочку! Много думали, совещались, договаривались, отвешивали, отмеривали, а потом резали. Фридлиндер — инженер путей сообщения, человек, который здесь дер-

жится так, как будто хочет сказать, что эта грязь к нему не пристала. Он в белом, но он такой же черный, как и все. В наше время, когда техники ценятся на вес золота, чем занимается этот инженер? Он занимается с Александровским и Антимония разработкой плана, как покупать оптом и в розницу советского чиновника. Так вас учили в вашем аристократическом высшем учебном заведении? Так привыкли поступать вы, «сливки общества», белоподкладочники? У вас один закон — «куплю». Вы и на людей смотрите с точки зрения этого закона. Вы говорите: «Все куплю,— сказала золото». Мы ответим: «Не позволим. Разгромим!!!» Фридлиндер здесь сознался, что он дал взятку, он рассчитывает на снисхождение. А мог ли он не сознаться? Смели ли он не сознаться? Пример — Сенин: не сознавался, закатил истерику, а чем кончил? Сознание Фридлиндера не искренне. Он торгует своим сознанием здесь так же, как торговал судейской совестью в темных кабинетах Сениных и Пахомовых. Два слова об Александровском. Это развратитель. Антимония рассказывает, что когда он пришел к Александровскому и рассказал о своем деле, то тот расхохотался. Чему он смеется? Так, пустое дело. Может быть, он смеется потому, что Антимония был не виноват? Нет, он виноват. Но разве Александровскому трудно при помощи Шаховниных прекратить любое дело? Нисколько. И он хохочет. Он надрывается от смеха, издеваясь над нашим правосудием... Он хохочет, но, может быть, перестанет хохотать благодаря вашему приговору, товарищи судьи? Он рецидивист. В 20-м году он был приговорен к тюремному заключению за взятку, и здесь он вновь предстает перед вами как один из соучастников дачи взятки. В самом деле, после того, как Сенин был сбит со всех позиций, он все-таки нашел в себе мужество сказать несколько слов правды, хотя и не имеющих особенного значения для его судьбы. Сенин клянется, что получил от Александровского только четыре тысячи. Почему ему не поверить? Разве это может что-либо изменить в ожидающей его судьбе? Нет. Но возникает вопрос: а остальные 15 тысяч где? У Александровского в кармане.

Корыстный, грязный, развратный человек, соучастник этого преступления, изблеченный собственными показаниями и показаниями других, Александровский должен понести наказание в полном объеме.

Во втором эпизоде, по делу Маркитанта, Боришанского и Левензона проходит тот же квартет — Сенин, Шаховнин, Кузьмин и Михайлов. Здесь, как и в каждом подобном эпизоде, три группы: дающие взятки, получающие взятки и посредники, причем в роли посредника выступает человек, от которого мы могли бы ждать больше порядочности,— бывший член коллегии защитников Бродянский.

Бродянский упорно отрицает свою вину, но он полностью уличен. Нужно обратить внимание прежде всего на то, что Бродянский уличается показаниями Шаховнина. Если он хочет защищаться как юрист, — а как адвокат он этой науке обучен, — то пусть он обратит внимание на показания Шаховнина, Маркитанта, на показания Кузьмина и Боришанского и на свои собственные показания и, наконец, на свою книгу члена коллегии защитников. Все эти данные одинаково сильно, а некоторые исключительно сильно изобличают его в том, в чем он сам упорно не сознается. Обратимся раньше всего к Шаховнину. На очной ставке 25 ноября 1923 года Шаховнин твердо говорит, что он весной 1923 года получил от Бродянского шесть тысяч рублей за прекращение дела Маркитанта, Боришанского и Левензона. Никаких не может быть разговоров, что здесь — неясность, что-то недоговорено, что он, может быть, хотя и получил, но в долг для каких-нибудь специальных целей, в качестве залога. Нет, тут говорится совершенно ясно — «за прекращение дела». Кто дал? Бродянский.

Кто такой Бродянский? Член коллегии защитников. Вот как подобные люди позорят ту коллегию, которая призвана помогать нашему пролетарскому суду. Я не сомневаюсь, что ваш приговор вызовет всеобщее удовлетворение среди наших советских защитников. Бродянский отрицает факты. Бродянский признается, что давал деньги Шаховнину, но добавляет: «Четыре тысячи дал, но в долг». Тогда встает Шаховнин и говорит, что о долге не было и речи. Шаховнин признает получение от Бродянского взятки за прекращение дела в размере шести тысяч рублей. А Бродянский признает дачу ему не шести, а четырех тысяч, и не в виде взятки, а в долг. Но можно давать взятки и одалживая те или иные суммы денег. При обстоятельствах, установленных по этому делу, дать в долг — это все равно, что дать взятку, это та же взятка.

Наша ст. 114, при всем несовершенстве нашего кодекса, формулирована так, что дает право утверждать, что взяткой является всякое, в каком бы то ни было виде, предоставление выгоды за выполнение или невыполнение тех или иных действий в интересах дающего. Если даже стать на точку зрения Бродянского, что он дал эти деньги в долг, но в связи с судебным делом, — а этого он и сам не отрицает, — то и тогда нужно признать, что это взятка. Но тут не может быть и речи о долге, потому что Шаховнин совершенно ясно говорит, что он получил деньги за прекращение дела и что о долге разговора не было. Может быть, Шаховнин оговаривает Бродянского? И здесь нет никаких сомнений. Имеются еще другие доказательства, например, показания Маркитанта. Мы знаем, что Маркитант на предварительном следствии показал, что он условился с Бродянским

уплатить ему за защиту 3½ тысячи, причем последнюю сумму дал по окончании дела. Бродянский просил эти деньги раньше, но Маркитант ответил, что когда он кончит дело, тогда он ему уплатит.

В чем же должна была заключаться помощь Бродянского? Маркитант показывает, что хлопоты Бродянского должны были заключаться в защите его интересов на суде. И даже больше того, когда Бродянский пытался получить последние деньги раньше, ему возразили: «Когда дело будет кончено, тогда и получите». Тогда возникает вопрос: если давалось обязательство платить за защиту на суде, а суда не было, то за что же ему заплатили? Этот вопрос был поставлен Бродянскому, и он разъяснил, что благодаря его деятельности произошла скорая ликвидация дела. О том, в чем заключалась деятельность Бродянского, нужно спросить Шаховнина. Тогда мы узнаем, что она заключалась в том, что он обратился к Шаховнину «за содействием» и что дело было прекращено вследствие этого «содействия». Итак, вопрос разрешается совершенно ясно. Почему Маркитант заплатил? Потому, что Бродянский выполнил свое обязательство, дело было прекращено. А если бы он не заплатил, что бы тогда было? На этот вопрос также можно получить ответ, если слегка приподнять завесу, скрывающую от нас то, что делалось в кабинете Шаховнина. Мы увидим тогда из показаний Маркитанта, что Бродянский присутствует на допросе, который производит Шаховнин по этому делу. Если принять это во внимание, то мы сумеем сделать выводы, что между Шаховниным и Бродянским была близость, недопустимая для судебных работников, — близость, нарушающая и процессуальные законы и обычные правила государственной дисциплины. Ведь благодаря этой близости Бродянскому становилось «своевременно» известным то, что по закону не подлежало разглашению, что по закону являлось тайной!

Какой разврат вносится в работу судебных работников теми отношениями, в каких находились Бродянский и Шаховнин! Мы знаем, однако, что отношения между Бродянским и Шаховниным были гораздо более близкими и более преступными. Мы знаем, что Бродянский предупреждал Шаховнина о том, что «это» его «до добра не доведет» и что он «засыплется». Чрезвычайно характерное выражение для члена коллегии защитников и следователя. Впрочем, это не член коллегии защитников и не следователь, а просто шайка жуликов, пользующихся в сношениях между собой тюремным жаргоном. Боришанский уличает Бродянского в получении от него 3500 руб. Кстати, Бродянский сговорился получить с троих по 3500 руб., но тут взятки так перепугались, что сам Сенин не распутает. Бродянский получил 10 500 руб., а уплатил семьсот руб. и таким

образом «заработал». Конечно, это делается не ради прекрасных глаз Шаховнина или Михайлова. Он посредник, и он «работает» опять-таки с корыстными целями, с целью незаконного обогащения, приобретения незаконных материальных выгод.

Если взять Боришанского, то окажется, что Боришанский тоже платил. Здесь он разыгрывает из себя совершенно невинного младенца, хотя он и рассуждает, как прожженный плут. В самом деле, у этого человека такая психология: «Я «купил» человека. Он, этот человек, должен за мои деньги мне сделать то, что обязался: мне нужен результат, и больше ничего. Если я хорошо заплачу, то результат будет такой, какой мне нужен. Все можно купить. И так как результат получается через куплю, и так как я купил, то результат должен быть и будет», — вот его психология. Так он и рассуждает. Когда мы его спрашиваем: «Вы интересовались своим делом?» — он говорит: «Нет, я не интересовался». Вы помните, он здесь вертелся, как на шарнирах, и отвечал неуклонно одно и то же. Мы знаем, что дело было прекращено. Его спросили: «Вы получили выписку?» — «За меня получили выписку». — «Вы получили выписку?» — «Не знаю, не интересовался». — Вот его ответы. Что это означает? Он пригласил адвоката (допустим, что его версия о легальном приглашении этого адвоката верна), он заплатил деньги, и интересоваться делом должен адвокат, который получает за это деньги, а ему интересоваться делом нечего.

Но Боришанский должен интересоваться делом хотя бы потому, что он знает, что адвокат на скамьях подсудимых за него не сядет. Адвокат не пойдет в суд для допроса, адвокат может быть только около него, когда он будет на допросе. Значит, надо поинтересоваться, если дело легальное, а когда дело нелегальное, то адвокат сделает так, что его и не вызовут, и не арестуют, и не привлекут к ответственности, и дело прекратят. Зачем же тогда интересоваться? Деньги заплачены на определенных условиях. Ну, в конце концов, пришлют выписку. У человека, который действует легально, должно быть постоянно ощущение возможности ответственности, возможности расплаты, возможности тюрьмы. У человека, который действует нелегально, должно быть отсутствие этого ощущения, должна быть уверенность, что он не будет отвечать перед судом. При нормальном, легальном, положении дела естественно и необходимо должны быть все эти вопросы: в каком положении мое дело? в чем меня обвиняют? будет ли суд? когда суд? Но у человека, у которого этих сомнений нет и, наоборот, есть даже уверенность, что его никогда не позовут в суд по этому делу, таких вопросов быть не может. Он знает, что он «дело» купил; такая твердая уверенность получается только за взятку.

Почему Боришанский даже с чисто внешней стороны так безразлично относится к судьбе своего дела? Откуда у него такая уверенность в безнаказанности? Она оттуда же пришла — из кармана, из бумажника, вместе с 3500 руб., которые он заплатил Бродянскому, чтобы тот потушил это дело. А что Бродянский может потушить это дело, Боришанский прекрасно знал. Он знал о продажности Шаховнина. И поэтому как будто непонятное поведение Боришанского вполне объяснимо при условии, что он идет гнусными, грязными дорогами. Тут налицо уверенность преступника, ибо он знает — я купил, купил при всех обстоятельствах, и если человек продал свое решение, то это решение против меня не будет направлено. Поэтому все объяснения Боришанского, что он дал Бродянскому деньги, но лишь как своему защитнику и, следовательно, совершенно легально, — сущие пустяки. Эти объяснения, как и отсутствие интереса к своему делу, — это самая большая улика против Боришанского. Он деньги давал не за ведение дела, а за прекращение дела, и прав Шаховнин, когда говорит, что от Боришанского он получил через Бродянского деньги именно за прекращение дела.

Маркитант изобличается таким же образом, хотя его психология несколько иная. Надо обратить внимание на то, что у Маркитанта был защитник Шимкович, тоже член коллегии защитников. Шимкович дал ему однажды юридический совет по волновавшему его делу. Как сказал Маркитант, Шимкович оказал ему содействие, успокоил его, помог ему. Случилось другое несчастье. К кому пойти? Конечно, к Шимковичу. Представьте, что я заболел, у меня воспаление легких, бросился к доктору Иванову, который рядышком живет, и он меня вылечил. Я второй раз заболел тифом. К кому пойти? Конечно, к доктору Иванову. Это вполне естественно и нормально. Но подсудимый Маркитант действует совершенно иначе. Этот Маркитант идет не к тому адвокату, который ему уже раз помог, действуя легально и честно, как и полагается советскому защитнику, а идет к новому человеку, зовет какого-то Бродянского. А почему не Шимковича, который помог? Почему Бродянского? Потому, что Шимкович есть Шимкович, а Бродянский есть Бродянский — второе я, alter ego Шаховнина, потому, что Бродянский есть человек, который может купить приговор, решение, потому, что в данном деле прямым путем идти опасно.

Разве это не странно? При одном живом консультанте обращаться к тому, который как раз сейчас изобличается в посредничестве в этой взятке! Совершенно ясно, что самый тот факт, что Маркитант обратился не к своему, в первый раз помогшему ему, адвокату, а к какому-то другому, то, что он обратился к Бродянскому — приятелю Шаховнина, показывает, что

он хорошо знал, что с этим «делом» нужно обращаться именно к Бродянскому. Вы помните характерный разговор Маркитанта с Бродянским? Бродянский сказал: «С вас, буржуев, надо драть»... Маркитант отвечает: «Дери, голубчик». Милый разговорчик адвоката со своим клиентом! Как возможен такой разговор? Он возможен лишь потому, что Бродянский приглашается для того, чтобы помочь потушить дело. Бродянский знает свою силу, и потому идет на откровенности. «Я буду драть», — говорит он, и дерет, и Маркитант платит сразу, потому что в тюрьму никому не хочется, а раз заплатят, чтобы Шаховнин дело прекратил, то оно и будет прекращено. И вот этот небольшой штришок, как будто бы случайный, маленький разговорчик, ясно говорит о том, что это был разговор нечестный, что это был разговор двух преступников, из которых один был сильнее и потому брал за горло и говорил: «Кошелек или свобода».

Маркитант согласен на все: лучше дери три шкуры, чем тюрьма... Он идет на подкуп. Соглашение заключено. Преступление совершено. Маркитант пробует уверить нас, что он заплатил 3500 руб. за «совет», что Бродянский реально ничего не сделал по этому делу. Маркитант здесь разыгрывает рыцаря: он ничего не получил, хотя и заплатил, потому что обещал заплатить. Этому поверить нельзя. Рыцари давным-давно ушли в историю. Теперь есть тоже, правда, рыцари, но это рыцари большой дороги. Это рыцари наживы, кармана, спекуляции, нэпа, рыцари, конечно, своего кармана больше, чем своего слова. От слова они откажутся десять раз, перевернут его, переделают, заложат, выкупят и еще раз заложат, если это им даст лишнюю копейку.

Объяснение нэпмана Маркитанта неправдоподобно, ибо честь, товарищи судьи, не сделана из кусочков, как мозаика: светлое пятнышко, темное пятнышко. Честь человеческая есть нечто целостное, монолитное, и если у тебя есть честь, то честь до конца. Но что же сделал Бродянский? Он взял на себя обязательство и его не выполнял? Нет, он его выполнил: дело прекратили, за это заплатили, и он получил свою мзду. И заплатили ему не за слово, а за прекращение дела. Вот тут Бродянский говорит о том, что он послал за официальной справкой своего клиента. Сам не пошел, потому что должен был уехать в Крым и, уезжая, сказал: «Вы получите официальную справку о прекращении». Что это значит, если не то, что Бродянский уже знал от Шаховнина, что дело пошло на прекращение?

Спросите этого следователя, почему он говорил Бродянскому о прекращении дела. А потому, что он получил от него деньги. И тут надо так сказать: или верьте этому следователю, который на себя надевает петлю и затягивает ее сам собственными руками, или верьте Бродянскому, который предпочитает затянуть эту петлю на шею у следователя, а сам хочет высоко-

чить из петли. Я думаю, что надо поверить Шаховнину, поверить тому логическому и психологическому анализу, который объясняет весь этот эпизод так, как это вытекает из обвинительного акта.

Вот Сенин взял с Левензон, Блюмы Израилевны. Сенин признался. А вот Левензон Петр не признался. И возникает вопрос: виновен он или невиновен? Вспомним, как он защищался, доказывая свою невинность таким образом: «Взятка была дана тогда, когда я сидел в тюрьме». Вот что он говорил. Верно. Как же он мог дать взятку, когда сидел в тюрьме? Но, во-первых, установлено, что в 20-х числах мая, по его собственному показанию, по документам дела, он, будучи препровождаем в народный суд, вместе с конвоиром зашел к себе на квартиру.

Правда, когда он был в этом уличен на суде, он сказал, что он на квартире никого не застал или, вернее, что он на квартире жену не застал, а застал только маленькую девочку и, следовательно, говорить о деле никак не мог. Но Левензон затем признался, что, уходя, он встретил свою жену, с которой успел перекинуться несколькими словами. Но для того, чтобы сговориться, что надо заплатить, достаточно нескольких слов, нескольких секунд; ведь каждому известно, что и тюремные нравы и тюремная почта дают широкие возможности сговора. В этом отношении очень характерен эпизод с Боннель, получившей в тюрьму капот. В капоте был карман, в карман вшивается письмо. Письмо получается и идет обратно такой же почтой в другом капоте, который изображает почтовый баул, и переписка осуществляется самым энергичным образом. Очевидно, у Левензона тоже был «капот», был там карман, в который было шито письмо. При этих условиях подготовка могла идти путем переписки. Он приходит домой в 20-х числах мая и здесь на секунду встречается со своей женой. И странная вещь — 29 мая он освобождается, а 1 июня Левензон появляется на квартире у Сенина и вручает ему 5000 рублей. Вот фактическое положение вещей. Но встаньте на житейскую почву, прислушайтесь к голосу жизни и спросите, как тут обстояло дело? Так ли, как рассказывал Левензон, что все сделала жена, а он ничего не знает? Этого не может быть. Как бы он ни уверял, что у нее собственные деньги, — это неправда. Не может быть, чтобы он не знал, не может быть, чтобы жена ему не говорила. Он говорит очень красноречиво, но очень неубедительно. А главное, его объяснения совершенно расходятся с правдой: 29 мая он был на свободе, а 1 июня его жена передала деньги Сенину. В таком случае, все данные говорят за то, что он в этом принимал непосредственное и активное участие в своих собственных личных целях. Вот почему я думаю, что версия Левензона несостоятельна,

против нее говорит правда жизни, и жизнь в вашем приговоре должна будет сказать о нем свою правду.

Посмотрите, как это дело Левензона быстро и скоропалительно проходит. Оно поступает 26-го числа в губернскую прокуратуру, 29-го поступает в следственный отдел, а 30 мая Левензон на свободе. Произведен допрос Левензона? Нет. Есть какие-нибудь следственные действия, произведенные следователем? Нет. Что же случилось? Дана взятка в 5000 руб., и Левензон на свободе. Если Шаховнин, выпуская Левензона, не произвел никаких следственных действий, то это не значит, что он вообще никаких действий не произвел. Все же он некоторые действия произвел, и эти действия заключались в том, что он получил от Сенина 2000 руб. и незаконно освободил арестанта из-под стражи. Об этом он говорит сам в своих показаниях на листе 195 тома V.

Здесь же, в связи с этим делом, приобретает интерес роль, а вследствие этого и сама личность Цыбульского, которого здесь именовали «камерным прокурором», как он и сам себя называл, хотя формально он занимал будто бы должность только секретаря. Темна вода во облаках. Но во всяком случае факт тот, что этот самый Цыбульский проявил чрезвычайный интерес к делу Левензона. У нас есть показания Кузьмина о том, что, придя в следственный отдел, Цыбульский попросил дать ему дела, которые находятся в производстве. Осмотрев их, он остановил свое внимание на деле Левензона, сказав, что это дело нужно рассмотреть в порядке циркуляра № 6 Наркомюста. Мы имеем далее другие показания, которые говорят о том, что этот Цыбульский поддерживал очень близкую связь в это самое время с Сениным, настолько близкую, что, если мне не изменяет память, 26 мая, гуляя около «Паризианы» с Сениным, он его предупреждал, что в ГПУ против него имеются какие-то подозрения, и рекомендовал ему быть осторожнее. Мы помним также объяснения самого Цыбульского, показавшего, что он имел поручение от прокурора понаблюдать за делом Левензона. Если это так, то, в таком случае, как объяснить то, что он предупреждает Сенина? Это можно объяснить только тем, что Цыбульский двурушничает.

В самом деле, мы не можем забыть того разговора, о котором говорил сам Цыбульский: еще в 1922 году Сенин предлагал ему устроить одну «комбинацию» за взятку, затем 29 мая 1923 года Сенин вновь ему предлагал это, но получил будто бы от него ответ: «Оставьте меня с вашими деньгами».

Спрашивается: как же вы, Цыбульский, после того, как этот человек дважды предлагал вам взятку, не изменили своих отношений с Сениным, а продолжали с ним дружить? Когда 29 мая Сенин предлагает Цыбульскому новую «комбинацию».

этот «честный советский работник» не возмутился, не донес на него. Нет! Он этого не сделал. Позвольте, мне могут сказать: вы забываете, что именно 29 мая Цыбульский заявил по начальству, что собирается разыграть взяточническую эпопею, что есть его заведение, где он указывает, что Сенин его склонял на это преступление. Грубое заблуждение! Это он сделал не 29 мая, а 31 мая. Документу с резолюцией губернского прокурора с датой 31 мая я больше верю, чем устному показанию. А что произошло 30 мая? Что произошло 31 мая? Что случилось накануне 1 июня, когда были арестованы следователи?

А случилось то, что об аресте уже узнали окружающие, об аресте стали говорить, преступление было раскрыто. Вот при каких условиях появляется заявление этого «честного советского работника», якобы «возмущенного» взяточничеством Сенина и других. Цыбульский пускается на хитрость, подавая заявление о том, что и без него уже стало известно. Он думает нас обмануть, провести, надуть, разыграв «честного» гражданина. Это ему не удалось. Он разоблачен. Я считаю роль Цыбульского достаточно выясненной во всем этом эпизоде и я поддерживаю в полной мере обвинение против Цыбульского по первоначальным выводам обвинительного заключения.

В дополнение к сказанному я должен обратить ваше внимание еще на два обстоятельства. Сенин нам рассказывает о том, как ведет себя Цыбульский. И раньше Сенин намекал на это в течение судебного следствия, и Цыбульский от этого не отказывался. Он и не может этого опровергнуть. Здесь речь идет о посещениях ими друг друга на квартире, с одной стороны, и об освобождении многих нэпманов на основании циркуляра № 6, о кутежах Цыбульского в ресторанах, о частых посещениях им Владимирского клуба в связи с делом Владимирского клуба,— с другой. Не нужно забывать и того, что Цыбульский поддерживал компанию с Копичко. Приятная компания! Ведь именно у Копичко Сенин застаёт нечаянно Цыбульского. Оказалось, что у жены Сенина в подворотне дома Копичко оторвалась нечаянно пуговица, и здесь он нечаянно натолкнулся на Цыбульского. Странное стечение обстоятельств! Наконец, мы имеем показания Кузьмина. Цыбульский прибежал во вторник утром к Кузьмину и просил его, а потом и Шаховнина об освобождении лаборантов, и Кузьмин припомнил фамилию Левензона. Вот как работал Цыбульский. Не может быть сомнений, что Цыбульский в этом деле был заинтересован, но в последнюю минуту испугался и 31 мая подал свое заявление.

На вопрос, почему он не подал этого заявления раньше, он сказал, что 27 мая праздник, 28 он был болен, а 29 подал; заявление же помечено 31 мая. Но уступим ему. Пусть он подал 29 мая. Но почему он не подал ни 26-го, ни 27-го, ни 28-го, днем,

ночью, по телефону? Ведь он накрывает преступника и откладывает это на целые два дня. Он говорит, что были два дня праздника. Что же? Может быть, из-за праздников не было ни одного прокурора в Ленинграде? Может быть, он не мог никого найти? Это невероятно и должно быть отброшено.

Вот обстоятельства дела, касающиеся Цыбульского. Я считаю, что он является соучастником преступления, предусмотренного ст. 114, что он совершил это преступление при особо отягчающих обстоятельствах, что он заслуживает особого наказания. Это человек грамотный, бывший обер-офицер Петропавловской крепости, которому поручали в особо торжественные дни палить из царских пушек. Это человек, который является достаточно умным и сильным, и то, что можно простить Прокурову или Пахомову, если бы вы пожелали говорить об этом, того ему во всяком случае простить нельзя.

Я хочу сказать несколько слов в этой связи о Шаховнине, Кузьмине и Бродянском. Шаховнин от Бродянского получил взятку и предупредил последнего, что он забыл ему сказать, что в их «деле» заинтересованы также Михайлов и Кузьмин. Бродянский на это сказал: «Ясно, даром ничего не делается». Шаховнин получил и передал Михайлову две тысячи в ресторане, сказав, что эти деньги получены им от Бродянского за дело Боришанского, Левензона и Маркитанта. На следующий день он передал деньги Кузьмину, предупредив, что это — за прекращение дела Боришанского, Маркитанта и Левензона. Он себе взял две тысячи рублей. Таким образом, показаниями Шаховнина, Кузьмина и Михайлова устанавливается, что один, и другой, и третий получили по две тысячи рублей.

Я думаю, что вопрос с Шаховниным, Михайловым и Кузьминым можно считать достаточно выясненным. В этом эпизоде интересна роль Сенина. Сенин оказал Боришанскому содействие — узнал о положении его дела! А вы знаете, что Сенин ничего даром не делает. Вы помните, когда Левензон хотела его за справку поцеловать, отблагодарить поцелуем, он сказал: «Мне нужно что-нибудь более реальное». А тут вдруг Боришанскому он будет оказывать услуги за прекрасные глаза? Не поверю! Не по Сенину такая шапка. Связь Сенина с Маркитантом также ясна. Вы помните показание, в котором он говорил, что встречался с Маркитантом у Боришанского на квартире, что Маркитант занимал у Боришанского деньги? Он помнил также, что Боришанский давал деньги, вынимая их из бумажника. Тут он заявил, что все это выдумка. Чему же верить? Конечно, тому, что более правдоподобно. Этот Сенин вертится волчком там, где пахнет взяткой. Он комиссионер, он покупает муку, меняет товары и т. д. И вот этот человек не знает, что есть Маркитант, что эти два человека — компаньоны. Он уверяет, что о знакомстве Мар-

китанта с Боришанским он ничего не знает. Можно ли этому поверить?

Похоже ли на Сенина то, что он пытается здесь изобразить? Нисколько. Это доказывает хотя бы тот факт, что дело Боришанского оказалось у Пахомова, а дело Маркитанта — у Тевелева, т. е. у тех судей, с которыми Сенин находится в преступной связи и у которых его хлопоты всегда увенчиваются полным успехом. Нам говорят: «Это случайность». Удивительная случайность! Я не верю в такие случайности.

Позвольте мне еще остановиться на Сенине для того, чтобы его, так сказать, «подчистить» и покончить с ним. Позвольте обратить ваше внимание на другие художества этого «судебного деятеля» и, в частности, с одной стороны, обратить внимание на набатовский эпизод, а с другой стороны, на вейнтраубеновский эпизод, которые, кстати, не должны занять много времени. Обратимся к Набатову. Дело чрезвычайно простое.

У Набатова арестовано 210 американских долларов и 900 рублей золотом. Эти деньги арестованы в ГПУ и остаются целыми до конца, до тех пор, пока дело не переходит к следователю Ленинградского губернского суда. Тут эти деньги попадают в карманы Сенина и Флоринского, о котором мы вчера говорили. За что дается Набатовым взятка? За то, чтобы получить то, что может быть конфисковано. Может быть конфисковано или не может быть конфисковано — юридический спор, но представление у Набатова — обывателя, купца — по этому поводу такое, что конфискация неизбежна. В этом Набатов был уверен.

Но Набатов верит в силу взятки, в силу подкупа. Закон, мол, законом, а если «дать», то можно и «взять». И Набатов «дает». Он обращается к посредничеству Сенина. Почему к Сенину, а не к кому-нибудь другому? Потому что Сенин — его старый знакомый. Они давно были связаны коммерческими связями. Это показывал вчера Набатов. У отца Сенина была продовольственная лавка, и не то он покупал у Набатова, не то он продавал Набатову. «Кооперативные», словом, как уверял Сенин, дела. Связь есть. И Набатов очень красочно и с бытовой стороны очень правдиво рассказывает: «Прибегаю к нему, — выручай, голубчик». Сенин тогда смекнул, что тут можно заработать и, по собственному показанию Сенина, можно заработать хорошо. Он говорит: «Ладно, я тебя выручу, но и ты выручи меня; как настоящий римлянин, даю, чтобы ты мне дал: *do ut des*». Итак, он ему дает и требует, этот римлянин ленинградский, от Набатова помощи в виде устройства на службу своего отца. Об этом сам Сенин рассказывал. И вот он отправляется к Флоринскому и склоняет того в пользу Набатова. Деньги Набатов получает как будто бы полностью, но на самом деле это не совсем так. Но

подсчитать это, конечно, очень трудно, потому что нам никто из них правды не говорит. Все лгут, хотя и грубо.

Вы видели Набатова, вы могли убедиться, как он противоречил сам себе, давая показания. Нам нужно в этом разобраться — нет ли тут ошибки? Здесь есть ряд объективных и субъективных данных. Субъективные данные спорны, объективные данные бесспорны. Я остановлюсь сейчас на субъективных. Это, раньше всего, показания самого Набатова, которые уличают Сенина и его самого в том, что Сенин потребовал с Набатова 30 тысяч, и он согласился дать эти деньги. Правда, впоследствии Набатов опомнился, пробовал отказаться от признания судебному следователю Каплану, говоря, что этот последний заставил его сказать неправду.

Мы имеем показание Набатова от 12 или 13 января 1924 года. Проанализируем его. У нас есть показание Комаровой, жены Набатова, которое зарезало Набатова без ножа. Оно раскрывает тайну отказа Набатова от показаний, уличающих и его и Сенина.

Я прошу Верховный суд обратить внимание на то, что двукратно мы слышали от Комаровой, что Набатов в первых своих показаниях говорил правду. Остается решить, в каких же это показаниях. Комарова говорит, что в тех, которые были первыми. Но первыми были именно показания 25 сентября, а никак не другие, и вовсе не те показания от 13 января, где он ссылался на то, будто бы Каплан предупредил его, что если он повторит разговор с Александровским, то его не арестуют. Первое показание, следовательно, не от 13 января, не от 7 февраля, а от 25 сентября. Что же в этом показании говорилось?

Говорилось следующее: «Сенин сказал, что это будет стоить 30 тысяч рублей. Видя, что деньги мне не получить, я позвал Сенина и согласился дать,— получай 30 тысяч рублей. Прошло около недели. Приблизительно через неделю после моего согласия Сенин принес все деньги — 900 рублей золотом и 210 долларов. Из них Сенин получил то, что по тому курсу составляло — 30 тысяч рублей. Деньги привез Сенин мне на квартиру, а к следователю (т. е. к Флоринскому) меня вызвали до того, как Сенин привез деньги». «Сенину я дал расписку, где написал, что деньги получил сполна». Но нам скажут и вчера уже говорили: «Посмотрите, тут Набатов говорит, что написал расписку на постановление, а на постановлении расписки нет». Да, Набатов сказал, что написал расписку на постановление, которое привез к нему на квартиру Сенин, написал, что деньги получил сполна. Но мало ли какую филькину грамоту мог привезти Сенин. В случае с Баллод у нас уже такая филькина грамота фигурировала. Но можно допустить, что эту расписку Набатов считал постановлением? Почему нет? Какой такой грамотей этот Набатов,

какой такой опытный юрист? Вполне возможно, в особенности если Сениным к этому было присоединено какое-то постановление, которое Сенин написал, а может быть, и сказал: «Постановление есть, деньги здесь, вот распишись». И у Набатова создалось впечатление, что он написал расписку на постановлении.

Неужели от Сенина нельзя ждать таких художеств? Можно всего ждать, можно все решительно предположить, но все же скажут, что все это предположения, что они должны основываться на определенных данных. Верно. Перейдем же к этим данным.

У нас есть такая лакмусовая бумага, которая даст нам нужную реакцию. Это объективные данные, которые заключаются в экспертизе. Что говорят эти данные? Они говорят, что постановление и расписка написаны разными чернилами. Что это означает? Это может означать вот что: расписка и постановление написаны не в одном месте; расписка написана дома, а постановление — в камере.

А что говорит нам Флоринский? Товарищи судьи, Флоринский является человеком, окончившим университет, юристом, квалифицированным, настоящим старым юристом, который умеет точно выбирать выражения; он говорит: «Постановление я написал при Набатове, причем Набатов тут же после этого написал расписку». Вот что он говорит. Значит, по утверждению Флоринского, расписка и постановление написаны в один день и в одном месте. Больше того, сам Флоринский утверждает, что расписка писалась из той же чернильницы, теми же чернилами, одной и той же ручкой. Что же дальше? А дальше то, что когда мы здесь спрашиваем по этому поводу Флоринского, он отвечает: «Нет, я ошибся, постановление я писал дома накануне, а расписку я получил в камере на следующий день». Это первое яркое противоречие между показаниями, данными на предварительном следствии и здесь. Это он говорит уже здесь, на суде, после того, как он ознакомился со следственным материалом и, следовательно, с экспертизой.

Больше ничего ведь ему не остается делать! Предположить, что Флоринский сбился с ноги, спутался, совершенно немислимо, потому что Флоринский достаточно опытный юрист. Однако мы и это проверим опять через объективные данные. Писал ли он постановление дома или нет? Обратимся к датам. В них мы найдем, что постановление написано 23 апреля. Расписка написана тоже 23 апреля, написана в один и тот же день. А Флоринский говорит: «Писал накануне, а датировал следующим днем»... Странно!.. Выходит, что нужно верить не объективным данным, а показаниям Флоринского, противоречащим его же показаниям, данным раньше. Вот объективная картина.

Можно обратить внимание еще на одно весьма странное обстоятельство. Мы имеем показания сотрудника ГПУ Павлова, где находим такое место, которое проливает некоторый свет на все это дело. Он указывает, что, спустя недели 2—3 после передачи дела в народный суд, следователь лично был в ГПУ и заявил, что ему необходимо в срочном порядке получить вещественные доказательства по этому делу, хранящиеся в ГПУ. Зачем Флоринскому лично идти в ГПУ и просить вещественные доказательства — 210 долларов и 900 рублей золотом? Если каждый следователь по каждому делу самолично будет ходить за вещественными доказательствами по ГПУ, то когда же он будет работать? Разве это на что-нибудь похоже? Разве так ведется работа? А ведь свидетель Павлов говорит, что Флоринский не только пришел, но срочно требовал всю сумму. Почему, гражданин Флоринский, вы были там? Сейчас он не может ответить. Но у нас этот ответ есть и без него, и я его скажу: Флоринский ходил за вещественными доказательствами потому, что был заинтересован, ибо купец Набатов срочно требует, ибо купец Набатов платит, если получает, а если не получает, то не платит. А кушать ведь надо...

Вы слышали, как здесь Шляхтер говорил: «Каждый хочет кушать кусок хлеба с маслом». Вот объективные данные. Я считаю, что показания свидетеля — субъективные данные, голос документов — это объективные данные. Пусть защита разрешит этот вопрос: я требую этого... Правда или неправда то, что говорит Павлов? И если это правда, то дайте объяснение, почему это так было.

Но позвольте мне привести еще одно объективное соображение. В каждой камере есть книга вещественных доказательств, и, конечно, все, что законно делается, находит законное здесь отражение. Вот и посмотрим, значится ли в этой книге получение 210 долларов и 900 рублей. Посмотрим и ничего не найдем, ибо такую громадную сумму, которую на столе у Флоринского видела в виде целой золотой стопочки одна из сотрудниц, он не считал нужным внести в книгу вещественных доказательств. Почему он не занес? А потому, что психология всегда бывает такова: внесу в книгу, а тут ревизия. Посмотрят, увидят, начнут копаться. Кому выдал? Набатову. Почему? Зачем? Основания? И пошла писать губерния. А так не обратят внимания. Расписка есть в деле. В случае чего, можно расписку показать.

Я не могу допустить ни на одну минуту мысли, чтобы Флоринский, работавший больше трех-четырёх лет в этой самой камере и представляющий собою такого аккуратного человека, чтобы этот аккуратный человек с высшим образованием, юрист, чтобы он такую сумму денег не занес в книгу вещественных доказательств! Конечно, если бы все рассчитать, то можно было

бы, пожалуй, и занести в книгу. Но если бы знать, где упадешь, конечно, постелешь раньше. Мы на этом процессе уже несколько раз убеждались, что пустячок какой-нибудь проваливает все дело.

Вот, например, состряпал Васильев письмо Карельской, где она пишет, что выдумала все про Васильева: он, мол, человек хороший, прекрасный отец, прекрасный муж, но что злой гений, который против него строил козни,— это следователь Тиктин. И подписала собственноручно. Все как следует. И что же оказывается? «Подпись Карельской заверяю. Следователь Васильев». Он сам заверил письмо, реабилитирующее его самого, а потом сообразил, что реабилитация-то эта белыми нитками шьется, и замазал, потому что действительно дикость получается: заверяет письмо жены, в котором она пишет о превосходных качествах мужа, того мужа, который эту жену запрятал в сумасшедший дом!.. Это ведь курам на смех!..

Вы видели Васильева? Это человек, который лишнего слова не скажет. У него все размерено: строчка в строчку, статья к статье, а как опростоволосился на этом деле! Составил документ и удостоверил его против себя самого! Васильев прожженный человек, но на гладком месте поскользнулся и упал. Флоринский менее прожженный, но он более юркий канцелярист, и он поскользнулся на «эфтом самом месте».

Взвесив все обстоятельства, я прихожу к выводу: Сенин уличен, Набатов, Александровский, Флоринский уличены. Преступление совершено, взятка дана. Преступники пойманы с поличным. Следовательно, их нужно судить по ч. 2 ст. 114 УК.

Теперь перейду к эпизоду Вейнтраубен — Сенин. Мы имеем показания Александровского, но я не хочу им верить. Я привел их только потому, что они составляют одну сотую часть улик против Флоринского, Набатова, Сенина. Если хотите, я вовсе вычеркиваю показания Александровского, хотя Александровский дает немало материала для разоблачения Вейнтраубен — Сенина. Я готов отбросить также показания и жены и сестры, хотя и их показания уличают Сенина. Я готов никому не верить: ни Александровскому, ни жене Вейнтраубена, ни показаниям Сенина. Я опираюсь только на объективные данные. И что же я нахожу?

Возникло дело Вейнтраубена. Вейнтраубен — контрабандист, переводчик через границу, прожженная душа, прошедший огонь и воду. Он дает взятку — 250 млн. руб. — двум красноармейцам — Даларову и Волкову и переводит через границу князя Куракина, который затем скрывается. Возникает дело. Попадает оно к Сенину. Что же делает Сенин? Он делает вот что: он пишет постановление, в котором сообщает, что Даларову никто никаких денег не давал, хотя у него в деле лежит показание Даларова, что 250 млн. им получены. В результате дело сводится к простому

переводу через границу незаконным образом. Но взятки нет. Вот сущность этого дела. Сенин извратил факты в пользу Вейнтраубена.

Почему он это сделал? По ошибке? Бывают, конечно, ошибки. Но тут появляется сестра жены Вейнтраубена, уехавшая за границу, которая говорит, что она слышала от самого Вейнтраубена, что Сенин вымогал 75 млрд. руб. и ему дали 30, а затем еще 10 млрд. Это подтверждает Александровский. Спрашивают Сенина. Тот лепечет в свое оправдание какие-то бессвязные слова. Говорит по ошибке. Но Сенин не мог ошибиться так непростительно грубо и бескорыстно. Я говорю: нет, это слишком дошлый и юркий человек, чтобы он в таком деле мог просто ошибиться. Вернее об ошибке можно было бы принять только в том случае, если бы не было показаний ни Александровского, ни сестры жены Вейнтраубена, которая говорит, что она сама слышала от своего шурина о взятке, слышала и вымогательства Сениным этих денег.

Допрос, о котором говорил Александровский, продолжался долго. Из этого допроса ясно видно, что следователь требовал 75 млрд. за то, что он даст свободу заключенному. Далее идут показания об обыске, произведенном следователем на квартире Вейнтраубена и о разговоре о том, что «мы должны здесь подработать». Мы имеем налицо лживо составленное постановление следователя о предании Вейнтраубена суду по ст. 116 УК¹. Мы имеем в этом деле через две страницы показания Дамарова, где он говорит, что получил эти деньги от Вейнтраубена. Как можно при таких условиях писать в исторической части, что Вейнтраубен не давал никому взятку? Впрочем, позвольте прямо сказать, что если у нас будут такие «следователи», как Сенин, и такие «прокуроры», как Цыбульский, то и не такие постановления будут приниматься! Александровский показал, сестра подтвердила, жена подтвердила, объективные факты подтвердили. Преступление налицо. Взятка получена за неправосудное постановление. Ст. 114 и в этой части является в отношении Сенина полностью обоснованной.

Теперь я позволю себе перейти к эпизоду с Гоziосским. Здесь должна обратить на себя особое внимание личность Шляхтера. Эта личность не была бы достаточно хорошо охарактеризована, если бы к нам на помощь не пришел свидетель, явившийся добровольно и даже не по зову суда, а по своей собственной инициативе, и давший те объяснения, которые действительно могут в значительной степени облегчить задачу правосудия. Это знаменательный факт. Не часто судебный процесс так волнует и привлекает к себе общественный интерес, как это мы имеем в

¹ Соответствует ст. 120 УК 1926 года.

данном случае. Не часто в суд приходят добровольцы, эти представители общественной совести, эти посланцы нашего социалистического общества, приходят с тем, чтобы бескорыстно, движимые лишь высоким пониманием своего гражданского долга, помочь правосудию, помочь выяснению истины.

Так случилось в данном процессе. Это свидетельствует о громадном общественном интересе к данному процессу, свидетельствует о его громадном общественном значении. Таким свидетелем явилась гражданка Соловкова, пришедшая сюда, чтобы выполнить свой гражданский долг, и прекрасно долг этот выполнившая.

Гражданка Соловкова — одна из белых рабынь, вырвавшаяся на волю из сетей Шляхтера, — пришла сюда, чтобы разоблачить подлинное лицо этого преступника. Она рассказала нам о подлостях этого Шляхтера, широко применявшего свой преступный «талант» в деле эксплуатации женщин «во всех направлениях», как он сам здесь цинично признавал.

Я ставлю вопрос прямо и резко: Если здесь говорилось о пауках, вроде Добржинского-Славского, то в еще большей степени следует сказать, как о пауке, о Шляхтере. Действительно, из всех паукообразных существ, плетущих свою паутину, шляхтероподобные пауки — самые ужасные. Они запутывают в свою паутину не мух, а людей; они высасывают из них кровь, они эксплуатируют их самым бессовестным образом, они физически и морально уничтожают свои жертвы.

Суд не может не учесть этой характеристики Шляхтера, не может не учесть позорного ремесла этого человека, друга и приятеля Сенина, Кузьмина, Шаховнина и других подсудимых. Штрих чрезвычайно характерный. Все это — одна компания, одна шайка, прошедшая уже значительную школу преступной выучки, практики. Шаховнин и Кузьмин бывали на квартире у Шляхтера. Они получали от Шляхтера продукты. Они были целиком в его лапах. Роль Шляхтера достаточно отчетливо выявлена и доказана его собственными признаниями.

Анализируя его показания на предварительном следствии, можно, пожалуй, в этих показаниях найти некоторые противоречия, но это так кажется только с первого взгляда. Мне представляется необходимым обратиться хотя бы к беглому рассмотрению этих кажущихся противоречий для того, чтобы убедиться, что противоречий здесь в действительности нет.

Сущность этих «противоречий» заключается в следующем: в некоторых показаниях Шляхтер говорит о 4000 руб., полученных им от Гозиосского для передачи следователю, а в других показаниях говорит о 6000 руб. Вот первое противоречие. Здесь возможно чисто логическое объяснение, которое должно быть также приведено и имеет свое значение. Во-первых, можно

предполагать, что Шляхтер стремился уменьшить сумму взятки, желая этим умалить и степень своего преступления. У людей очень часто складывается представление, что украсть на рубль — это одно, а на десять рублей — это уже другое. Подобное представление не всегда основательно. Ясное дело, что мы учитываем размер вреда, нанесенного государству, но количественные показатели не всегда играют решающую роль. В данном случае совершенно безразличен размер взятки: взятка в 1000 руб. или в 3000 руб. не составляет большой разницы с точки зрения оценки опасности этого преступления. Но не все это понимают.

В представлении Шляхтера и рисовалось, что если сказать 6000 руб., то нужно сказать, кому дал, а он этого не хотел сказать, и это вполне понятно, ибо мы знаем, что говорил Шляхтер на предварительном следствии: если он признает все, то нужно будет еще 12 человек посадить на скамью подсудимых. Нет ничего удивительного в том, что сначала он ничего не сказал о тех 2000 руб., которые предназначались, как потом выяснилось из показаний Шляхтера и Кузьмина, для Пахомова. Нет ничего удивительного, что он мог об этом сразу и не сказать. Спрашивается: сколько он дал Шаховнину и Кузьмину? Он им дал 4000 руб., а 2000 руб. он дал не им, а через них Пахомову. Мы имеем перед собой твердое заявление Шляхтера о том, что он преступление совершил, мы имеем твердое заявление о том, как он эти 6000 руб. распределил. Мы имеем указания Кузьмина и Шаховнина о получении каждым из них по 2000 руб. Были переданы еще 2000 руб. для вручения Пахомову, причем Кузьмин заявляет, что он эти 2000 руб. получил, но не успел передать и что, следовательно, передача не состоялась. Вот как разрешается первое так называемое противоречие.

Шаховнин в своих показаниях достаточно твердо признал, что он получил эти суммы. Кузьмин также не отрицает, что он эти деньги получил. Мы должны тогда еще проверить факт, который касается непосредственно получения денег Пахомовым. Здесь имеются показания, данные на предварительном следствии, с одной стороны, Шляхтером, с другой — Кузьминым. Эти показания и их анализ не оставляют сомнений в том, что Пахомов деньги получил. Основное доказательство — показания Шляхтера и Кузьмина сходятся в точности и полностью, хотя их сговор абсолютно исключен. Но здесь имеются еще и другие доказательства, связанные с делом Гозиосского. Было это дело у Пахомова? Было. Прекратил Пахомов это дело по п. 5 ст. 4? Прекратил. Вот на этом обстоятельстве и нужно остановиться.

Здесь ссылка на п. 5 ст. 4 совершенно необоснована и выдает преступников с головой. В самом деле, при чем тут п. 5 ст. 4, говорящий об отсутствии состава преступления? Пункт 5

ст. 4 к данному делу не подходит ни в коем случае, так как здесь не может идти речи об отсутствии состава преступления. Пункт 2 ст. 202 УПК говорит о недостаточности улик, хотя и этот вопрос представляется настолько спорным, что прекращать дело в данном положении было бы чрезвычайно произвольно, буквально недопустимо. К этому надо добавить еще одно странное обстоятельство — это то, что дело направляется туда, куда хочет Пахомов. Вспомните, Шляхтер, связь, существовавшую между Пахомовым и Сениным. Вспомните, как Сенин говорил: «Я улажу», — указывая, кому именно надо послать дело. Здесь перед нами прошли показания всех этих людей, которые объясняли, что дела посылались именно во второе и именно в третье отделения суда не случайно, а по обдуманному заранее решению. Посылали к «своим» судьям, зная, что эти судьи в случае чего их не подведут. Это ли не указывает на наличие преступной связи между обвиняемыми? Судья может неправильно повести судебное дело только или по глупости, или по преступной заинтересованности. Я думаю, что бывший судья Тевелев не отличается глупостью. Остается одно — преступная заинтересованность в Тевелева и Пахомова.

Подсудимых Шляхтера, Кузьмина, Гоziосского и Шаховнина уличает и следующий эпизод, где центральную роль играет Гоziосский. Гоziосский первоначально показал, что он не давал Шляхтеру денег; он, следовательно, отрицал всякое свое участие, всякую свою осведомленность в даче взятки Шляхтеру. Но, во первых, мы имеем объяснение Гоziосского, здесь, на суде, показавшего, что он, Гоziосский, не хотел сначала Шляхтеру ничего давать, но затем признавшего, что, будучи на квартире у Шляхтера в связи с переговорами по поводу маслобойного завода, он, Гоziосский, по прямому предложению Шляхтера дал последнему согласие на уплату денег Кузьмину. Гоziосский признал себя виновным в том, что дал согласие на уплату денег Кузьмину, но отрицал, что дал 6000 руб. Он говорил, что, действительно, Шляхтер требовал от него денег или ценностей, подозревал, что Шляхтер его шантажирует. Все это Гоziосский признал, но утверждал, что никаких денег он не давал.

С другой стороны, остается совершенно непонятным, почему Шляхтер вообще оказался по делу Гоziосского посредником. Как же можно ответить на этот вопрос? Можно ответить только так, как отвечает в своих показаниях Шляхтер, как он отвечал раньше и отвечает здесь, перед судом. Он сказал, что Гоziосский ему поручил это дело и что он сговорился с Шаховниным, что деньги, которые он ему передал, он передал за Гоziосского и этим считал свою миссию оконченной. Это подтверждает и Шаховнин, который говорил еще 22 октября, что получил за ликвидацию дела лаборантов 2000 руб. Эти деньги, по его

словам, привез Кузьмин и сказал: «Получай от Шляхтера за Гозиосского».

Таким образом, по словам Кузьмина, он получил пять или четыре тысячи рублей. Шляхтер является, кроме всего остального, уполномоченным кооператива судебных работников Связь осуществляется под флагом кооперации. Вот показания Шляхтера: «Получил деньги и отнес Кузьмину и сказал, что это по делу Гозиосского». Есть ссылка на Кузьмина. Посмотрим теперь, что говорит Кузьмин. Он показывает: «В конце мая ко мне зашел Шляхтер, спросил про дело Гозиосского. Я ответил, что оно подлежит прекращению. До этого я с Шаховниным занял у него 2000 руб., а после этого с Шаховнина взял 2000 руб., Шляхтер переговорил с Гозиосским и сказал: «Можете оставить у себя в зачет долга». Вот что говорит Кузьмин по делу Гозиосского. Опять-таки и для Кузьмина и для Шаховнина было совершенно ясно, что Шляхтер дал деньги за Гозиосского. Тут возникает вопрос: можно ли допустить, что такой человек, как Шляхтер, давал деньги из своего кармана за Гозиосского без его согласия, давал взятку по делу, которое его совершенно не касается, только потому, что оба — курляндские земляки? Едва ли, — я это предположение отвергаю. Итог — Гозиосский с Шляхтером ведет переговоры, дает ему согласие на дачу взятки, дает эту взятку. В результате все кончается так, как было условлено. Дело Гозиосского прекращается и прекращается благодаря хлопотам и участию в этом деле Шляхтера в качестве посредника.

Я уже говорил о роли Пахомова. Позвольте, ввиду некоторой связи, которая возникает естественно при таком изложении, остановиться еще раз на личности Пахомова, на Тевелеве и на их участии в этом деле, привести те обвинительные доводы, которые имеются в моем распоряжении, и потом перейти к следующему вопросу настоящего процесса.

Тевелев и Пахомов — два народных судьи. Мы их обвиняем в том, что они по предварительному соглашению со следователем за взятку прекратили дела нэпманов. Эти дела прекращены под различными предлогами. Пахомов ведет несколько дел — Лондона, Ангимония, Гозиосского. Все эти дела прекращаются им на основании п. 5 ст. 4 УПК, которая говорит об отсутствии состава преступления. Я уже указал на то, что эта мотивировка явно неправильна. Но мы не судим судей за то, что они неправильно формулировали. Мы судим за то, что они сознательно совершили эту ошибку, что они совершили преступление, которое заключается в лихоимстве, в мздоимстве, в получении взятки и нарушении служебного долга по отношению к государству.

Какие у нас имеются на этот счет доказательства? Это — раньше всего преступная связь между Пахомовым и Сениным. Связь необычайная, выражающаяся в том, что, по указанию Се-

нина, дела посылаются именно Пахомову. Это — с одной стороны. С другой стороны, самая личность Пахомова. Мы видели здесь свидетельницу Парфенову. Мы выслушали ее показания. То, что она показала, не было опровергнуто никем — даже теми свидетелями, которые специально для этой цели были вызваны по ходатайству подсудимого Пахомова. По поводу показаний свидетельницы Парфеновой Пахомов заявил: «Парфенова меня шантажирует, я прошу вызвать свидетельницей Загибенину». Суд вызвал Загибенину, несмотря на то, что я возражал против этого ходатайства.

Что же получилось? Парфенова выявила всю натуру Пахомова, разоблачила его до конца, а Загибенина пришла сюда, так сказать, как свидетельница защиты и начала с того, что выразила удивление, зачем вызвал ее Пахомов. Она решительно ничего не знает по делу. И когда Пахомов завертелся, я поставил резко вопрос: «Вы, свидетельница, вызваны для того, чтобы установить, что Парфенова шантажирует Пахомова. Назовите те факты, которые вы знаете». И что же нам сказала Загибенина? «Я таких фактов не знаю, я никаких данных по этому вопросу сообщить не могу».

Вышло так, как я и предполагал. Вызов Загибениной был тактическим маневром. Пахомов, вызывая эту свидетельницу, исключительно бил на психологический эффект. Он рассчитывал, что прокурор будет протестовать, что суд откажет и что он сможет впоследствии сказать: «Вы мне отказали, вы не проверили показаний Парфеновой». Этот маневр не удался. Что же сказала Парфенова, гражданка, ни чем не опороченная как свидетельница, не опороченная даже клеветой, которую возводил на нее Пахомов? Она удостоверила, что Пахомов развратник, что он пьянствует с нэпманами, она говорила не голословно, а приводила факты. Она показала, что Пахомов вел широкий, не по средствам, образ жизни. Она, кроме того, показала, что когда начались аресты, Пахомов стал нервничать и просил Парфенову не говорить, в случае чего, что Кузьмин и Сенин бывали у него, так как, может быть, ГПУ его арестует. Мы установили, что «народный судья» Пахомов дрался, приводил к себе с улицы девиц, пугал статьями Уголовного кодекса. Целый ряд бытовых моментов характеризует Пахомова как человека, разложившегося, плохого, компрометирует его в нравственном отношении.

При этих условиях можно ли не придавать особого значения той связи, которая существует между Сениным, Кузьминым, Шаховниным? Пахомов выносил незаконные определения, он прекращал дела, за прекращение которых получали взятки Шаховнин, Кузьмин, делившиеся с Пахомовым. Вся совокупность обстоятельств говорит против Пахомова. Он не пойман с поличным, как оказались пойманными Кузьмин, Сенин, Васильев, но

вся совокупность обстоятельств, вся совокупность больших и малых моментов смыкается в одну цепь, которая таким страшным ожерельем обвивает шею Пахомова.

Ваша судейская совесть должна подсказать вам, что здесь мы имеем сговор, что без сговора они не могли рассчитывать на успех своих преступных замыслов. Пахомов умнее и более ловко прячет концы в воду, у него это менее заметно, чем у Тевелева, но если обратиться к объективным данным, собранным следствием против Пахомова, то окажется, что эти данные приобретают уже катастрофическое значение. К Тевелеву попадает несколько дел: Комаровой, Борисовой, Левензона и ряда других. Мы слышали по этому поводу объяснения Тевелева, мы просмотрели журнал распорядительного заседания. И что мы увидели?

Мы увидели страшные улики, от которых уйти Тевелев никуда не может, под тяжестью которых Тевелев должен погибнуть... Эти улики говорят о подложных записях в журнале распорядительного заседания, сделанных в связи с арестами Сенина и Шаховнина. Произошли аресты, нужно было создавать вещественные доказательства, и они создаются. Своя рука владыка.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что со всей Ленинградской области дела попадают только во 2 и 3 отделения и ни в какие другие. Более того: когда оказывается случайно в адресе 18 отделение, Шаховнин исправляет и направляет дело во 2 или 3 отделения. Разве это случайность. Сенин, Шаховнин, Пахомов — передаточные пункты. Посредники — Бродянский, Добржинский, и конечная инстанция: с одной стороны — судьи, а с другой, — те дающие взятку, во имя интересов которых это все совершается.

Нам скажут: а сколько получил Тевелев? А сколько получил Пахомов? А вы схватили его за руку с зажатыми в ней деньгами? Да, я скажу, что эту руку с зажатыми деньгами мы не поймали и не раскрыли; да, это осталось скрытым от нас, и многое они сумели скрыть от нашего внимания, ибо не все их преступления раскрыты. Мы не гарантированы от того, что остался еще не вскрытым ряд преступлений. Мы должны прямо признать, что это только первая грязная волна жизни, что за нею, быть может, пойдет еще не одна волна, что этим судебным процессом очищение наших рядов от негодяев не окончится. Нам скажут, что некоторые из подсудимых, например, те же Тевелев и Пахомов, за руку не пойманы, что против них имеются лишь косвенные улики. Да, косвенные улики... Но косвенные улики бывают нередко не менее убедительными, чем так называемые прямые улики. Именно такие косвенные улики — действительно, улики — мы имеем в данном деле.

Перехожу к эпизоду с Боннель. Мне представляется, что он достаточно ярко запечатлелся в памяти суда и что нет необходимости на нем долго останавливаться. Боннель — это осколок старого Петрограда. В эпизоде с Боннель преломляются все цвета старого буржуазного, помещичьего, дворянского общества. Боннель — это известная петербургская великосветская кокотка, соблазнившая одного из коммунистов, «перестроившаяся» на соответствующий лад и воскресившая под покровительством этого так называемого коммуниста развратные нравы бывшего петербургского или петроградского «общества».

Здесь фигурировал бывший царский офицер Милобенский, варшавский шпион и агент царской охранки. Когда его спросили кто такая Боннель? Он ответил: кокотка.

Этот «коммунист» — подсудимый Копичко, бывший следователь губернского суда. Расстрелять его нужно за одну связь с этой кокоткой, вертевшей следственной работой Копичко!.. Копичко торговал своим судейским званием. Он продавал себя проститутке. Совесть судейскую продавал..

Когда Боннель и К^о попадают, Копичко не находит данных к привлечению их к уголовной ответственности и с развязностью уличного сутенера заявляет, что он дело прекратил «по закону». По какому такому «закону» он прекратил дело в отношении Боннель и ее приятеля Гольдина, этого типичного сутенера, активного посредника в этой взяточнической эпопее? Благодаря Копичко освобождаются из тюрьмы Боннель, потом Гольдин, который уже на последующий день орудует на квартире Копичко. Из этой компании я хочу выделить только несчастную Матеди, попавшую в кабалу к этой бывшей «звезде», к этой великосветской кокотке, жестоко ее эксплуатировавшей как служанку, экономку, наперсницу.

Баллод. Откуда взять краски, чтобы нарисовать картину грязи, разврата, зла и преступлений, совершенных этим человеком?

Вот Михайлов, бывший народный следователь, совершенно разложившийся и опустившийся до того, что таскается по всякого рода притонам, самогонным фабрикам и клоакам. Он не только таскался сам, но таскал за собой и других, развращая и растлеывая их своим примером. На Михайлове и Васильеве лежит за это немалая ответственность. Они — учителя разврата, растлители кое-кого из молодых работников.

Товарищи судьи, воздайте этим «учителям» по заслугам! Товарищи судьи, отнеситесь со снисхождением к двум молодым загубленным ими людям...

Вот Добржинский — паук, мало сказать: паук, — это паучище. Этот паук уже раз выскользнул из рук правосудия. Вторично ему выскользнуть не удастся! Вы не должны этого допустить!

Славский — это человек чрезвычайно интересный, человек исключительной силы воли. Он в 1920 году был бандитом, на-лётчиком, его товарищи были присуждены к смертной казни, а он ушел от этого. Он использует в преступных целях свою жену, которая, как загипнотизированная, как автомат, делает все, что он ей внушает... Он неустанно твердил ей: «Дело илет о моей голове, спасай меня, доставай мне подложные документы, доста-нь документы, что я латвийский подданный...» Уличенный в совершенном им преступлении, он бьет на искренность, обещает говорить правду, но тут же врет, обманывает, увертывается. Он действует по сговору с Михайловым, Елисеевым и Демидовым, откровенно заявившими: «Да, мы это делали, мы хотели «зара-ботать»

Славский — с ними. Он тоже хочет «заработать». Славский, как и они, рассуждает так. хочу заработать, а что касается госу-дарства, то это меня не касается, пусть государство хоть гибнет!

Но, господа Славские, государство наше живет и будет жить, — пусть погибнут Славские!

Перехожу к Васильеву. Васильев прошел перед судом как взяточник, как государственный служащий, грубо и позорно на-рушивший свой долг перед государством. Мы установили, что он врывается в чужие квартиры с необоснованными обысками, создавал в корыстных целях грязнейшие дела; арестовав свою жену, бросив на произвол судьбы своего ребенка, он склонял к преступлению судью Прокурова.

По эпизоду с Баллод установлено, что Васильев бывал у него, пьянствовал с ним, получил от него 3000 руб. и дело о нем прекратил. Это доказано показаниями ряда людей, не вызываю-щими никакого сомнения.

Васильев пробует защищаться ссылкой на то, что его поста-новление о прекращении дела Баллод утверждено прокурором. Но Васильев лжет, так как прокурор признал необходимым дополнить следствие и предложил предъявить некоторым лицам дополнительное обвинение, чего Васильев, однако, не сделал.

Возьмите дело Борисовой. Борисова судится, сидит. Но Бо-рисовой хочется освободиться. И вот является Лосева, как Бори-сова ее назвала, — «агентка», у которой есть знакомый следо-ватель, «хороший человек». Кто такой этот следователь? Василь-ев. Этот Васильев находился с Лосевой, как она выразилась, в интимных отношениях. Васильев берется за дело, соглашается это дело прекратить за взятку, за «пустяковые» деньги — 250 млн. руб. (по тогдашнему курсу. — А. В.).

Правда, для Васильева такие деньги — пустяки. Но Васильев рассуждает так: с паршивой овцы хоть шерсти клок. Васильевы

и гривенничками не брезгают. Но все свидетели по делу Борисовой утверждают, что он взял гораздо больше. Кто его изобличает? Во-первых, Борисова во-вторых, Лосева и, в-третьих, сам Васильев. Лосева всячески старалась выгородить Васильева. Она призналась, что до сих пор любит этого Дон-Жуана; это объясняет поведение Лосевой как свидетельницы. Лосева упорно защищает Васильева: она у него не бывала, она ни о каких делах не знает, она, правда, получила деньги для Васильева, но не передала их и пропила, и не с Васильевым, а с самой Борисовой. Она не останавливается даже перед клеветой, говоря, что взяла эти деньги для того, чтобы заплатить такому-то за поручительство. Она ни перед чем не останавливается, чтобы как-нибудь не напортить Васильеву. Но мы должны квалифицировать поведение Лосевой как определенное заpiresательство и ложное свидетельство. Она была у Васильева не один раз по делу, как она говорила, а 15 раз была в течение трех недель. Она сама проговорила Борисовой, что Васильев, к которому она приходила за справкой, оттягивал ей выдачу справок, чтобы она приходила к нему почаще. Васильев изобличается во взяточничестве, в частности в том, что через Лосеву стряпал делишки самого разнообразного, но всегда одинаково грязного свойства. Я считаю предъявленное Васильеву обвинение по ч. 2 ст. 114 полностью доказанным.

Интересный штрих: Лосева получает постановление об освобождении Борисовой и сама идет в тюрьму ее освобождать. Трудовую книжку Борисовой Васильев выдает Лосевой, а не Борисовой. Борисова показала, что Лосева ей прямо сказала: если ты пойдешь к Васильеву, он тебе книжку не даст, а мне даст. И, действительно, пошла получила и принесла. Вот эта наивная женщина, которая с 20 лет начала пьянствовать, и на вопрос, чем она занимается ответила: пьянством. Она не сводит концы с концами, она не может их свести, но то, что она сказала, полностью доказывает наличие крепкой связи Лосевой с Васильевым, как и совершенных Васильевым преступлений.

Дело Бородавкиной. За два года в семье Бородавкиной милиция сделала четырнадцать обысков и из них пять обысков, как говорится, с результатом. Но меня интересуют больше те обыски, которые были без результатов; таких было 9. Эта «безрезультатность» обысков указывает на хорошую связь, которую держали с следственными органами эти «бородавки», которые, будем надеяться, будут наконец срезаны.

И дело благополучно кончилось ничем.

Васильев доходил до того, что составлял подложные заявления, налетал на частные квартиры, незаконно задерживал людей и вымогал у них ложные показания против людей, которых

потом обдирал как липку. Он, например, застал на одной квартире некоего Сахарова, задержал его и стал требовать нужных ему показаний. Сахаров отказался и оказал сопротивление. Что делает Васильев? Он его арестовывает, держит под арестом шесть дней и отпускает только тогда, когда убеждается, что из Сахарова ничего выжать нельзя.

Я думаю, что совершенно достаточно обратить внимание на показания Сахарова, показания Петрова, который то же самое показывает, достаточно прочитать показания Аушева, чтобы убедиться в преступлениях Васильева.

То же самое мы видим в деле Добржинской. Здесь фигурируют Елисеев и Васильев. Елисеев — друг его детства, десять лет не виделись. Дело возникло по обвинению мужа Добржинской в «самогонных» делах. Дело попало к Васильеву. Началась наглая, циничная торговля, закончившаяся преступным соглашением.

Елисеев здесь говорил: «Когда я стал советоваться с Васильевым, он рассердился и сказал: «Бери». Я и взял...».

Сам Васильев показал об этом 6 октября следующее: «По поводу сердитого тона я не помню. Елисеев говорил, что предлагают сумму денег, я указал, что ничего нельзя сделать, так как у них серьезное преступление, и я должен перечислить их за уголовным розыском, который все равно арестует». На самом деле было иначе: возьмем, а потом посмотрим, как быть. Вот как дело.

Наконец последний эпизод, с Карельской. Этот эпизод мне представляется достаточно важным, и я остановлюсь здесь на двух моментах. С одной стороны, важно остановиться опять-таки на Васильеве уже с точки зрения нравственных качеств его как человека, который посадил свою жену в сумасшедший дом, откуда она, страдающая, потрясенная, писала своему «мужу»: «Уважаемый товарищ, Михаил Владимирович. Неужели же у вас каменное сердце, что вы запихали меня, вместо больницы, в эту клоаку». Вот что это за человек!.. Я прошу обратить внимание на тот лист дела, где содержится экспертиза профессора Оршанского, установившего, что жена Васильева была совершенно здорова.

Я не сомневаюсь, товарищи судьи, что вы вынесете приговор, соответствующий тому, что им содеяно.

Перехожу к Прокурову, который запутался решительным образом во внутренних противоречиях, который не может дать никакого объяснения по поводу совершенного им. Я обращаю внимание на одно обстоятельство: Прокуров ссылается на заявление, написанное Васильевым, в котором Васильев как будто бы говорил, что его жена ненормальная, что ее нужно спрятать за ее дерзкий характер, что он может представить данные, ука-

зывают на ее ненормальное состояние, и просил заключить ее в диагностический институт.

Товарищи судьи, вопрос о психиатрическом освидетельствовании даже обвиняемых в уголовном преступлении поставлен достаточно серьезно. Надо сказать, что имеется особая глава 16 и целый ряд статей, от 196 до 201, Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих этот вопрос и защищающих каждого от неправильного заключения в диагностический институт. Закон подходит к этому вопросу очень тщательно и осторожно и обязывает судей к такому же отношению. В ст. 196 указывается, что для этого достаточно указания на душевную болезнь. А их нет, так как Васильев только говорил, что он может их представить. Закон обязывает следователя проверить эти данные. Это тоже не было сделано. В этом виноват Прокуров и должен понести за это соответствующее наказание.

Мне осталось сказать еще несколько слов о двух подсудимых: Масинзоне и Лондоне. Показания, данные здесь на суде, достаточно авторитетным товарищем, губернским прокурором, облегчают нашу задачу. Взвешивая, оценивая и сопоставляя эти показания, мы должны, однако, иметь в виду, что это говорит не простой свидетель, а судебный работник, партийный товарищ, говорит объективно, и его замечания о Масинзоне показывают нам, что если Масинзон и ходил по острiu, на котором он мог порезать себе не только ноги, но и шею, то он все же с него сошел и помог следственным органам раскрыть дело Антимония и Александровского.

Я должен добавить, что считаю обвинение в отношении Масинзона недоказанным. Аналогичное заключение я должен дать и относительно Лондона. В отношении обоих — и Масинзона и Лондона — обвинение по ст. 114 УК должно отпасть. Но суд должен учесть преступные связи этих людей и применить к ним ст. 49 УК.

Я кончаю. Я исполнил свой долг, свою обязанность, изложив свои соображения, подчеркнув наиболее важные, как мне представлялось, моменты и постаравшись по мере своих сил обрисовать роль и характер преступной деятельности наиболее важных из занимающих эту скамью подсудимых.

В отношении остальных подсудимых я поддерживаю обвинение, как оно сформулировано в обвинительном заключении и в пределах обвинительного заключения.

Несколько слов позвольте, товарищи судьи, сказать по поводу наказания. В древнеиндусских сказаниях есть легенда, посвященная наказанию. Старая индусская мудрость говорит: наказание бодрствует, когда люди спят. Наказание — это сама справедливость. Вот этого наказания я и требую для подсудимых именем нашей республики. Я требую сурового наказания.

беспощадного наказания, которое разразилось бы здесь грозой и бурей, которое уничтожило бы эту банду преступников, посягнувших на честь судейского звания, запятнавших своими преступлениями великое имя советского судьи. Я требую беспощадного приговора. Пусть этот приговор очистительной грозой пронесется над головами преступников... Я требую расстрела всех главных виновников — Сенина, Кузьмина, Васильева, Шаховни-на, Михайлова одного, Михайлова другого, Копичко, Цыбуль-ского, Флоринского, Тевелева, Пахомова — всех этих людей, по-смевших опозорить звание революционного судебного работника. Я требую сурового наказания для посредников, вымогателей, пауков и скорпионов: Шляхтера, Добржинского, Александров-ского, Иванова, Цыганкова, Гольдина, другого Пахомова. Я тре-бую расстрела всех, кто давал взятку, кто систематически рас-тлевал и развращал следователей и судей.

Я требую сурового наказания для Боннель, Левензона, Мар-китанта, Боришанского, рецидивиста Матвеева, Антимония, Фрид-лендера, Гоziосского, купца Набатова. Товарищи судьи, благо-революции — высший закон, и да свершится удар этого закона во имя нашей великой, священной революции.

* * *

Верховный суд по недоказанности обвинения Левензона П. и Ма-теди оправдал.

Остальных приговорил:

Прокурова от занимаемой должности отстранить.

Бородавкину и Борисову лишить свободы на два года каждую, но, принимая во внимание, что преступление совершено было ими по неве-жеству, применить к ним п. «д» ст. 25 и в порядке ст. 36 УК наказание считать условным.

Масинзона выслать в Нарымский край на три года, признав его социально-опасным.

Пахомова М. и Тевелева лишить свободы на два года каждого без поражения в правах.

Гольдину, Лосеву, Лондона и Гоziосского лишить сво-боды на три года со строгой изоляцией и поражением в правах на пять лет в порядке ст. 40 УК.

Гладкова, Елисеева, Демидова и Пахомова Я. лишить свободы на три года каждого без конфискации имущества и без поражения в правах.

Баллод Петра и Баллод Веронику лишить свободы на пять лет каждого со строгой изоляцией и поражением в правах в порядке ст. 40 УК на тот же срок.

Михайлова Н., Коничко, Цыбульского, Добржинского-Славского, Левензон Б., Цыганкова и Набатова лишить свободы на десять лет каждого со строгой изоляцией и поражением прав на пять лет в порядке ст 40 УК.

Александровского, Антимония, Боннель, Боршанского, Бродянского, Васильева Гольдина Давида, Иванова, Кузьмина, Маркитанта, Матзеева, Михайлова А., Сенина Менакера, Флоринского, Фридлендера, Шаховина и Шляхтера — к высшей мере наказания — расстрелу.

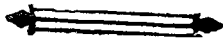
ДЕЛО КОНСЕРВТРЕСТА

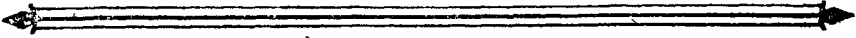
В целях развития и организации консервного производства на началах хозяйственного расчета в середине 1922 года президиумом ВСНХ был учрежден Консервтрест. В задачу треста входило объединение 9 консервных заводов для организации на них консервного производства как для изготовления заказов военного ведомства, так и для широкого потребления.

Руководители этого треста и ряд других должностных лиц треста злоупотребляли своим служебным положением и совершили должностные преступления, за что и были привлечены к ответственности. Основное обвинение, предъявленное им, говорило о срыве поставленных государством перед трестом задач, в результате чего государство понесло крупный материальный ущерб.

Дело это рассматривалось 2—13 декабря 1924 г. Верховным судом РСФСР.

Суду были преданы: бывший председатель правления Консервтреста — Розенберг П. С., бывший заместитель председателя правления того же треста — Файно Г. И., бывший заведующий торгово-заготовительным отделом — Браиловский А. М., заведующий финансово-счетным отделом — Эймонт, директор Астраханского консервного завода — Бердяев В. А., заместитель директора того же завода — Ковалев М. А., заведующий заготовительным отделом того же завода — Монаков П. Т., заместитель председателя Консервбюро — Позин Т. А. и Трофимов Ф. М., от обвинения которого обвинитель в процессе судебного следствия отказался.

Товарищи судьи! Всякий судебный процесс всегда имеет одну чрезвычайно большую трудность. Эта трудность, мне кажется, связана с тем, что для правильного разрешения каждого судебного дела обязательно точное, ясное и отчетливое представление о той эпохе, когда совершались преступления, составляющие предмет судебного рассмотрения. Трудность настоящего дела заключается в том, что наш процесс от времени совершения преступлений, вменяемых обвиняемым, отделен двумя годами — двумя годами нашей революции, каждый миг которой равен по своему значению целому десятилетию, каждый год которой составляет целую эпоху. За эти два года многое успело измениться. Жизнь не ждет, жизнь идет, и идет так быстро, и в беге своем меняет форму так своенравно, что два года, отделяющие момент судебного разбирательства по настоящему делу от момента совершения преступлений, кажутся даже вечностью... А это так усложняет вопрос, что трудность, о которой я говорил выше, может показаться непреодолимой.

В каждом судебном деле прежде всего нельзя упускать из виду этой особенности, нельзя упускать того, что можно назвать исторической перспективой судебного процесса. В забвении этого правила лежит для суда величайшая опасность.

В самом деле, если бы суд на одну минуту упустил из поля своего зрения значение именно этого момента, если бы суд, иначе говоря, стер историческую перспективу рассматриваемого им дела, то его приговор не имел бы, конечно, того значения, которое он должен иметь как судебный приговор, во-первых, и как приговор советского суда, творящего волю рабочего класса, во-вторых.

Историческая перспектива... Это обязывает нас и в оценке тех деяний, которые вменяются в вину каждому из подсудимых, оглянуться назад и вникнуть в ту объективную обстановку, на почве которой родились и возникли эти самые преступления. Это тем более важно и тем более кажется необходимым, что те преступления, которые мы здесь рассматривали в течение нескольких дней и в итоге рассмотрения которых мы призваны помочь суду вынести свое авторитетное решение, — эти преступления разделяются, мне кажется, на две основные категории:

преступления собственно хозяйственного порядка, т. е. преступления, направленные против интересов советского хозяйства, преступления в чистом виде, если можно так выразиться, и преступления обычного уголовного характера.

Какова была та объективная обстановка, в которой жили и действовали подсудимые и творили то, за что они призваны сейчас отвечать перед советским судом?

Уже к концу 1921 года — к началу 1922 года правительством и партией был поставлен вопрос о тех новых началах, какие необходимо осуществить в нашем хозяйственном строительстве, дабы обеспечить наиболее успешное и плодотворное его развитие в интересах быстрой и решительной победы социалистической революции. Ведь победа революции, успех революции, благо революции — это та цель, та путеводная звезда, которая ни на один миг не гаснет в нашей жизни и светом которой мы обязаны освещать всякое общественное явление, всякое наше общественно-политическое, культурное или хозяйственное начинание.

Хозяйственное строительство наше с точки зрения именно интересов пролетарской революции требовало обеспечения дальнейшего развития тех успехов, которые, несмотря на все трудности предыдущей эпохи, были уже налично, которые были добыты и закреплены трудами, усилиями, жертвами и кровью рабочего класса и крестьянства. На основе этой экономической политики, укрепившей еще больше нерушимый союз рабочего класса и трудящегося крестьянства, наше хозяйство быстро стало зализывать свои раны, быстро подниматься в гору. И тут оказалось, что одной из лучших форм, одним из наиболее удачных способов воссоздания нашей промышленности, этой могучей базы дальнейшего развития пролетарского государства, является трестирование, т. е. создание ряда крупных объединений предприятий, обеспечивающих пролетарскому государству возможность решительно влиять на все народное хозяйство, добиваясь наиболее высоких хозяйственных результатов. Ведь трест в советских условиях — это не просто хозяйственная организация. Трест в наших условиях — это вовсе не обычный трест, какие мы видим в капиталистических государствах. Задачи трестированной промышленности у нас не просто хозяйственные задачи, и не только хозяйственные задачи. Наши тресты должны построить свою работу так, чтобы на базе их хозяйственных успехов закрепить и обеспечить дальнейшие победы нашей революции, оживляющей рабочий класс и нашей страны и всех других стран и зовущей нас на новые и еще более великие подвиги. Это отчетливо объясняет громаднейшее политическое значение хозяйственных успехов наших экономических организаций и особенно таких, которые объединены в виде трестов.

Поднять на высшую ступень нашу государственную промышленность — это значит обеспечить наибольший успех наших революционных достижений.

Лучшим способом, как я уже сказал, поднятия государственной промышленности на высшую ступень явилось трестирование нашей промышленности. В этом моменте заключается величайшей важности политическое значение работы наших трестированных организаций и предприятий. Это обстоятельство также не нужно упускать ни на один миг, имея в виду ту историческую перспективу, о которой я имел уже честь докладывать суду.

На IX Всероссийском Съезде Советов говорилось о том, что и принцип хозяйственного расчета и принцип концентрации предприятий, применяемые в нашей промышленности, требуют реорганизации самого управления этими предприятиями и неизбежно выдвигают задачу найти наиболее совершенный тип организации крупных промышленных предприятий, заставляя сосредоточить ряд крупных единиц в одном управлении, иными словами — стать на путь трестирования. На съезде говорилось, между прочим, о том, что наша хозяйственная организация должна быть тверда, «ибо перед нами стоит целый ряд рифов, целый ряд опасностей, которые нам приходится преодолевать...» Трест — это одна из высших форм нашего государственного хозяйственного строительства, трест — это форма, способ подъема нашего промышленного хозяйства на высшую ступень развития; трест — это одна из тех форм, при помощи которых мы можем укрепить наше хозяйство, нашу промышленность, являющуюся прочной базой дальнейших успехов нашего революционного социалистического движения.

Для того чтобы оценить важность и государственное значение деятельности трестированной промышленности, добросовестности отдельных представителей этой нашей промышленности и возглавляющих эти промышленные предприятия и их объединения правлений, нужно помнить, что перед ними должна была стоять одна цель — великая и священная цель: создание и укрепление той базы, на которой строится Советское государство. Вот почему я утверждаю, что всякий, кто шел на эту работу, всякий, кто вступал в эту область борьбы, вступал в нее не просто в качестве специалиста, не просто в качестве технического работника или коммерческого деятеля, — он вступал в эту область работы как государственный деятель, как политик, как боец, как солдат пролетарской революции. А если он вступает в эту область как государственный муж и политик, то он должен нести за свои действия и всю ту ответственность, которая подобает его высокому положению.

Вот почему я полагаю, что рассматривать деятельность Консервтреста просто как деятельность треста, хозяйственного органа, коммерческого предприятия нельзя, неправильно, ошибочно,

и такой взгляд на настоящее дело я должен с самого начала отвергнуть.

Я прошу вас, товарищи судьи, рассматривать Консервтрест и «подвиги» его деятелей не только с точки зрения узко хозяйственных задач и интересов. Эту деятельность нужно рассматривать как деятельность государственного учреждения, и не просто государственного учреждения, а советского государственного учреждения, т. е. такого учреждения, которое участвует в строительстве советского пролетарского государства, совершающего пролетарскую революцию. Хозяйственное строительство — это один из наших фронтов. И Консервтрест, как и каждый трест, и каждая наша фабрика, — это одна из крепостей этого фронта. И тот, кто входит в эту самую крепость, должен знать, что за все те неудачи, которые являются результатом его неумения, небрежности, тем более его преступлений, он будет отвечать, как за сдачу крепости, как за измену. Вот основная позиция обвинения в этом деле. С этой позиции мы и должны установить ту историческую перспективу, о которой я говорил выше и которую нельзя упускать из вида.

Я считаю необходимым остановиться еще на одном предварительном вопросе. Мы помним изданный в апреле 1923 года декрет, которым задачи трестированной промышленности очерчивались именно как задачи государственных промышленных предприятий, которым вверяется советское народное достояние в целях развития нашего народного хозяйства. В этом декрете, говорившем о государственных трестах и предприятиях, указывалось на то, что эти предприятия действуют на началах коммерческого расчета и имеют своей целью извлечение прибыли. И это вполне естественно и правильно, ибо если трест не может дать прибыли, то не может быть и треста.

Здесь мы переходим в область уже чисто хозяйственных задач, хотя и имеющих громадное политическое значение. В этих задачах мы видим глубочайшее отличие треста как формы организации промышленности от всяких других форм промышленности. Мы знаем, что тресты заменили собой главки. По самому существу своему народное хозяйство переходит на высшую ступень своего развития — создание треста окончательно сводит со сцены «главкизм» как известный тип организации.

Бывают случаи, что в лице трестов возрождаются главки. Это возрождение старых главков означает, что тресты действуют неправильно, что тресты не осуществляют тех задач, которые поставлены перед ними новой нашей хозяйственной политикой, иначе говоря, — что тресты не достигают тех целей, которые стоят перед ними. В своем отчете IX Съезду Советов, о котором я выше говорил, в то самое время, когда мы переходили на новую экономическую политику, ВСНХ указывал на те глубокие

изменения, которые должна была внести новая экономическая политика в промышленность и, в частности, в консервную промышленность. Полагали, что под влиянием новой экономической политики консервная промышленность, во-первых, перестанет быть отраслью, ограничивающей свою сферу производством жестяночных консервов военного образца, и что она объединит производство по переработке мяса, рыбы и овощей, что, во-вторых, производства, носящие побочный характер, разовьются в значительно больших пределах, чем переработка отходов, что, в-третьих, она включит в сферу своего влияния новые производства, имеющие для консервного производства подсобное значение (печатание по жести и др.).

Вот три положения, которые были выставлены тогда, когда мы начали строить нашу консервную промышленность, когда совершался переход от Главконсерва, от Консервуправления к Консервному тресту. Три задачи ставились перед трестом, среди которых важнейшей задачей было — стать отраслью хозяйства, не ограничивающей свою сферу производством жестяночных консервов военного образца.

Первая задача, поставленная перед Консервтрестом накануне IX Съезда Советов, — я цитирую по отчету ВСНХ IX Съезду Советов, — это задача удовлетворить полностью потребность армии. Но рядом с этим было указано, что побочные производства должны будут эксплуатироваться на коммерческих началах, причем — и этот момент очень характерен, так как он дает новое понятие о задачах этих трестированных предприятий — необходимо, говорилось в отчете, за счет дивидендов от коммерческих операций удешевить стоимость жестяночных консервов. Задача состояла, таким образом, не просто в том, чтобы создать консервную промышленность, не только раздвинуть те границы, которые замыкаются изготовлением консервов военного образца, а задача состояла в удешевлении производства этих консервов через развитие побочных производств. В значительной мере в этих именно целях Рабоче-крестьянское правительство и создало трест консервной промышленности взамен существовавшего до того главка. Переходя далее к непосредственной оценке тех объективных условий, в которых протекала эта деятельность Консервного треста и всей консервной промышленности вообще, я должен буду обратить внимание Верховного суда еще на одно обстоятельство, стоящее в тесной связи с тем, что я только что изложил. Я хочу указать на то, что 19 июня и 10 июля в окончательной форме было утверждено «Положение о тресте консервной промышленности», в котором следует обратить внимание на ст. 1, где также говорится о хозяйственном расчете, но одновременно подчеркивается и другое обстоятельство, имеющее весьма существенное значение для оценки того, насколько были

осуществлены подсудимыми по настоящему делу, бывшими членами правления Консервтреста, стоявшие перед ними задачи. Это обстоятельство заключается в том, что в задачу правления треста входило не только развитие консервной промышленности на началах хозрасчета, но и задача наилучшей организации управления этой промышленностью, наилучшей организации эксплуатации консервных заводов. Для этого-то и был учрежден трест. Он был учрежден для того, чтобы осуществлять, с одной стороны, те общие политические и хозяйственные задачи, о которых я говорил выше, и чтобы, с другой стороны, создать, развить и укрепить консервную промышленность на тех началах, которые были изложены в отчете ВСНХ IX Съезду Советов.

Наконец, стояла задача позаботиться не только о создании хозяйственного расчета, но также и о целесообразном ведении дела, которое можно назвать наилучшей организацией управления консервных заводов. Вот задачи, стоявшие перед трестом и прежде всего перед правлением треста. Для того чтобы ответить на вопрос, были ли выполнены эти задачи, нужно обратить внимание именно на то, в каком положении оказались те местные заводы, наилучшая организация управления которых являлась одной из существеннейших и важнейших задач самого треста и, в частности, того правления, которое возглавляло трест и которое призвано сейчас отвечать за всю деятельность этого треста. Товарищи судьи, здесь нужно с самого начала остановиться на фактах, совершенно бесспорных и не вызывающих никакого сомнения, что переход Консервтреста от той формы существования, в какой эта консервная промышленность находилась до «Положения о трестах», т. е. что переход от главкизма к трестизму совершился в достаточно тяжелых объективных условиях. Этот момент имеет значение для дела, так как он касается исторической перспективы, о которой я сказал в самом начале.

Нам известно, что оборотный фонд, состояние которого является чрезвычайно важным моментом в развитии деятельности всякого хозяйственного учреждения, что этот оборотный фонд был получен трестом в недостаточных размерах. Потом мы скажем и о том, что он представлял собою по своему качеству, но все-таки это положение совершенно бесспорное: оборотный фонд был слабый, оборотный фонд был недостаточный. Но как было в других случаях?

Конечно, если мы возьмем тяжелую индустрию, то увидим, что на нее государство обращает сейчас больше внимания, чем на какую бы то ни было иную отрасль промышленности, и это понятно, ибо тяжелая промышленность есть основа всей промышленности, и требовать равенства ее с Консервтрестом, конечно, нельзя. Требовать одинакового отношения к ним с точки

зрения их финансирования, предоставления равноценных товаров или одних и тех же оборотных капиталов нет никакой решительно возможности, и сравнивать эти отрасли народного хозяйства было бы неправильно.

Но позвольте сравнить тот оборотный фонд, который получил Консервтрест, с оборотными фондами, которые получали другие подобные ему тресты. Такое сравнение и логично и законно. Я воспользуюсь официальными данными, которые содержатся в докладе ВСНХ IX Съезду Советов. Я здесь нахожу данные, которые говорят о том, что из трех консервных трестов первым является Центральный консервный трест, эпопею преступлений руководства которого мы сейчас рассматриваем, вторым — Крымконсервтрест и третьим — Одесский трест. Соотношение между основным и оборотным капиталами этих трестов оказывается весьма благоприятным в пользу Консервтреста. В то время, когда основной капитал Одесского треста выражался в 506 тысячах золотых рублей, его оборотный фонд выражался в 88 тысячах золотых рублей, т. е. оборотный фонд составлял меньше $\frac{1}{5}$ основного капитала; в то время как баланс Крымконсервтреста на 1 июля 1923 года имел основной капитал в 569 тысяч золотых рублей, его оборотный капитал выражался в 137 тысячах золотых рублей. Консервтрест — тот Консервтрест, правление которого занимает сейчас скамью подсудимых, имел в основном капитале 1119 тысяч товарных рублей, а в оборотном фонде — 1447 тысяч товарных рублей. Таким образом, совершенно объективно подходя к этому вопросу, можно сказать, что соотношение между оборотным капиталом и основным капиталом в значительной мере было более благоприятно для Консервтреста, возглавлявшегося подсудимым Розенбергом, чем это наблюдалось в других трестах однородной промышленности, однородного промышленного характера.

Я это говорю не для того, чтобы усилить в какой бы то ни было степени значение тех объективных условий, которые для этих трестов оказываются так же тяжелы, как они оказались и для данного треста. Я хочу сказать, что когда мы говорим о том, что данному тресту не было отпущено нужных средств в той мере, как это следовало бы при всех нормальных условиях, то не надо забывать того обстоятельства, что этих средств неоткуда было отпустить, но что Консервтресту, во всяком случае, эти средства были отпущены лучше и больше, чем другим однородным трестам.

Вот как я ставлю вопрос. Мы говорим об этом оборотном фонде, великолепно учитывая его состав и соотношение его отдельных частей. Мы учитываем, что денежная часть этого оборотного фонда была очень незначительна — всего 70 тысяч золотых рублей — на громадную массу в 1700 тысяч рублей,

отпущенных первоначально. Денежная ценность здесь — ничтожнейшая величина. Мы знаем, что 70 тысяч золотых рублей были не все в наличных деньгах, а известная часть была во всякого рода обязательствах Наркомфина, в выигрышном займе, словом, в таких ценностях, которые, можно сказать, имели весьма ограниченное значение и связывали трест при реализации, вследствие чего он терпел известный ущерб. Мы видим, что из оборотного фонда известная часть лежала на счете завода и правление этой частью не распоряжалось. Нужно считать также установленным, и с этой стороны необходимо внести в дело ясность с самого начала, что оборотный фонд Консервтреста был и недостаточно высокого качества. Правда, когда мы подходим к оценке продукции, полученной трестом в виде фонда, то даже у самих деятелей этого Консервтреста возникает целый ряд разногласий. Однако во всей этой неразберихе, которая царит в этой области, мне представляется возможным установить нечто общее и бесспорное. Розенберг говорил, что продукция была качества среднего. Эймонт говорил нам, что большое количество товара было даже хороше. Бердяев, когда защитник Орловский пробовал его опровергнуть и пытался утверждать, что консервы были негодные, доказал обратное. Показание Бердяева было подвергнуто проверке, и оказалось, что у защитника Орловского не было достаточных оснований говорить о негодных консервах.

Можно считать, что оборотный фонд был недостаточен. Но если оборотный фонд по своему составу был и невысокого качества, потому что в нем было мало денежных знаков, — а они являются в настоящее время лучшим средством обращения, лучшим рычагом развития хозяйственного оборота, — то мы должны сказать, что та продукция, которая была предоставлена в распоряжение треста, отнюдь не была «вонючими тушенками», как здесь выражались. Такие «авторитетные» деятели Консервтреста, как Розенберг, Эймонт и Бердяев, все сошлись на том, что продукция треста была хорошего, среднего, но во всяком случае не негодного качества.

Это, мне кажется, также нужно считать совершенно точно установленным. Если это установлено, то в таком случае можно считать, что при всех тех объективных условиях, на которые подсудимые ссылались и которые, действительно, мы не в праве упускать из виду, так как они несомненно играли известную роль в судьбе треста, затрудняя его деятельность, — при всем этом объективном положении вещей ничего безнадежного, катастрофического, ничего стихийного в положении треста, как в этом хотели нас здесь уверить, не было. Было действительно тяжелое положение: отпускали мало ресурсов, отпускали недостаточно хорошего качества ресурсы, отпускали ресурсы такие, с которыми работать нужно было с громадным трудом и энергией, чтобы

достичь какого-нибудь эффекта. Действительно, с самого начала деятельности треста были серьезные, большие препятствия в работе. Такого положения, когда можно было бы, закрыв глаза, запустить куда-то руку, а потом, разжав, увидеть на ладони настоящее блестящее золото, — такого положения в тресте, действительно, не было. Нет. Тут надо было потрудиться, преодолеть великое множество всяких препятствий. Но препятствия есть везде и всегда. В том-то и заслуга, чтобы их преодолеть, а преодолевая, создать дело и развить его...

Мои противники, конечно, укажут еще раз на те объективные причины, которые мешали нормальному развитию деятельности треста. Им это уже необходимо будет сделать, потому что ничего иного в защиту подсудимых они сказать не могут. Конечно, трест был в довольно тяжелом положении. Но я утверждаю, что ничего катастрофического, ничего безнадежного не было... Не было того, что было у Акакия Акакиевича с шинелью, которую он однажды принес Петровичу, любившему косить по понедельникам левым глазом. Вы помните, как однажды принес Акакий Акакиевич шинель Петровичу и попросил заштопать ее... «Что ж тут штопать? — возразил Петрович. — В одном месте заштопаешь, в другом разлезется. Это не шинель, а дерюга»... Такого положения в Консервтресте, как у Акакия Акакиевича с шинелью, повторяю, не было. Было тяжелое положение, были тяжелые объективные условия, были препятствия, нужно было их преодолевать. Иначе говоря, нужно было не вздыхать, как вздохнул член правления Файно, а работать. Тут самой большой объективной «причиной» провала треста был персональный состав его правления. Если нужно работать, а тут сидят вздыхающие, вроде Ильи Ильича Обломова, «деятели», то даже то, что само по себе не является катастрофой, способно превратиться в катастрофу, то, что не является бедой, делается бедой. Это тоже объективная причина — «ассортимент» правленцев, если позволено будет так выразиться в отношении лиц, занимающих скамью подсудимых.

Итак, исходная точка моего обвинения не игнорирует ряда объективных моментов, но она не игнорирует и тех задач — задач развития консервной промышленности, которые приняли на себя руководители Консервтреста, отправившиеся воевать и в результате бесславно проигравшие сражение и проигравшие по своему преступному разгильдяйству.

Вот концепция обвинения. Дальше должен следовать анализ.

Обратимся к анализу. Первый вопрос: как расценивали положение треста сами ответственные работники, сами руководители треста?

Заведующий финансово-счетным отделом Эймонт подает 15 октября 1923 года докладную записку о финансовом положении треста. Он здесь говорит очень подробно (справка

находится в деле — том I, лист 200), в каких знаках и в каком сорте денег заключается капитал этого треста: Мы здесь видим наркомфиновские обязательства, мы видим неаккуратную расплату Главхозупра, которая создает задолженность на 15 октября в 25 тысяч червонцев. Здесь мы видим указание на готовый товар — на 43 тысячи червонцев. Оказывается, что даже на это самое 15 октября 1923 года актив треста все же превышает пассив на 80 тысяч червонцев. Тогда возникает вопрос: что это — катастрофа или не катастрофа? Что думал этот финансовый деятель о положении своего треста? Что он говорил этой самой запиской, которая вовсе не бьет тревоги и не рисует положение вещей таким образом, что все, мол, расплзается по всем швам?

Можно считать доказанным, что он говорил, — и это лишний раз подчеркивает правильность моей точки зрения, — будто нет никакой катастрофы, а просто есть, в худшем случае, некоторая трудность финансового положения. Этот момент мне представляется чрезвычайно существенным и важным для правильной оценки всей деятельности правления.

Товарищи судьи, мы неоднократно в течение процесса слышали, как здесь говорилось о материалах так называемой комиссии Шейна, давшей точную и будто оправдывающую правление картину. Говорили, что комиссия Шейна все точно учла, все размерила, все оценила, все вывела и все точно определила. Комиссия Шейна и есть та печка, от которой все время пробуют танцевать подсудимые. Отчет комиссии, говорили они, дает ясное представление о том, как рассыпался трест от объективных причин — падающей валюты, денежных суррогатов и т. д. и т. д. Я готов обратиться к анализу этой докладной записки, чтобы показать, как недостаточны, как условны и неубедительны содержащиеся в ней данные. Что мы находим в записке? А вот что. Здесь говорится раньше всего об оборотном капитале по отдельным заводам.

Вот Астраханский завод. Записка указывает, что по Астраханскому заводу оборотный капитал, при оценке мясных консервов по 25 копеек золотом, преувеличен в оценке «примерно вдвое». Можно ли считать это сколько-нибудь прочной оценкой? «Примерно вдвое» — это что-то уж очень неопределенное. А когда комиссия Шейна сталкивалась с уменьшением оборотного фонда и интересовалась причиной этого уменьшения, то что оказывалось? Оказывалось, что «оборотный капитал точно не может быть выяснен». Почему? «Да потому, что остаток готовых изделий завод сдавал тресту в сентябре, в советских денежных знаках, без курсовых начислений, по себестоимости апреля, при калькуляции в советских знаках». Вот ответ шейновской комиссии. И такими данными комиссии подсудимые

хотят защититься от обвинения их в бесхозяйственности. Да ведь данные этой комиссии доказывают чистейшую их бесхозяйственность.

Ставропольский завод. Здесь тоже уменьшился оборотный капитал. Это произошло, как говорит шейновская комиссия, «главным образом вследствие подготовки завода к работе». А не «главным образом» вследствие чего? Неизвестно. Опять-таки получается что-то совершенно неопределенное.

Уральский завод. Здесь отмечают расходы по консервированию завода и говорится, что эти расходы «незначительные». Позвольте спросить эту комиссию, так долго работавшую и так тщательно якобы все определившую, в чем же именно, в каких знаках выражается эта «незначительность», каковы объем и цифры этой «незначительности»? Этого опять-таки в записке мы не находим.

Далее идет Курганский завод, и о нем говорится: «Оборотный капитал уменьшился, примерно, до 117 тысяч товарных рублей» И вывод дается следующий: «Кредитовый остаток по балансу не дает возможности установить действительную сумму уменьшения, и точный вывод оборотного капитала затруднителен».

Можно было бы процитировать всю сплошь эту докладную записку шейновской комиссии с одинаковым успехом: в ней ничего точного, определенного вы не увидите. Где должна итти речь об определенном реальном вопросе, там вместо реальности стоит сплошная метафизика — «некоторые затруднения», «небольшое увеличение», «незначительное уменьшение», «главным образом» уменьшение, «незначительные» расходы — и ничего, решительно ничего конкретного. О чем это нам говорит? Это говорит, что и с тем оборотным фондом, который был дан правлению Консервтреста в начале его деятельности, с тем фондом, который был и незначителен, и качества недостаточно высокого, и прочее, — Консервный трест не справился, как не справился и с основной задачей учета этого своего небольшого хозяйства. И сама эта шейновская комиссия, работавшая много месяцев над выяснением балансов треста, ничего реального не сделала, ни в чем не разобралась. По каким причинам? Да по тем причинам, что в тресте был хаос, в котором никто и ни в какой срок ничего разобрать и понять не был в состоянии, будь он семи пядей во лбу...

Я должен еще раз подчеркнуть: даже небольшой трестовский оборотный фонд не был правлением учтен и не был как следует использован.

Трестовское хозяйство складывалось из хозяйства девяти заводов, часть из коих была в законсервированном состоянии,

т. е. не работала, существовала, но бездействовала, а часть заводов работала.

Интересно посмотреть, как обстояло дело на этих заводах. С этой стороны я прошу вас бегло посмотреть ряд документов, относящихся к четырем заводам — Курганскому, Петропавловскому, Пореченскому, Астраханскому.

Если мы обратимся к Курганскому заводу, то оказывается, что ревизионная комиссия, посетившая этот завод 16 декабря 1923 года, установила следующее: производственной программы на 1923—1924 год не существует, производственной сметы не существует, финансового плана тоже не существует, отчетность за 1922 — 1923 год не начата. У правления не было нужной связи с заводами. Так и подчеркнуто здесь, что при старом правлении не было нужной связи с заводами и все правление было не в курсе дела. Это говорится в акте ревизионной комиссии, где указывается, что в области торговой это вело к убыточности.

Здесь мы начинаем подходить к вопросу о том, из каких элементов складывается та злополучная убыточность, природу которой бухгалтерским путем расшифровать оказалось невозможным. Тут возникает новый вопрос: если нельзя точно установить природу убыточности бухгалтерскими исследованиями и расчетами, то нельзя ли эту природу установить другим путем — путем ревизионных обследований и путем восстановления той картины, которая существовала в действительности. Курганский завод дает нам для этого некоторый материал и — я бы сказал — весьма солидный. 18 октября 1923 года был составлен акт обследования Курганского завода, и оказалось, что завод имеет возможность развернуть производственную деятельность в значительных размерах, что он имеет большое экономическое значение для всего района, что он может расширить и развить свое колбасное производство. Курганский завод при всем том не требовал вовсе никаких средств от центра, он требовал только руководства, он требовал только помощи, которая заключалась, главным образом, в направлении работы, а остальное он мог сделать сам. У нас есть официальный документ, указывающий на это. Однако правление палец о палец не ударило в этом направлении. И за это оно должно теперь отвечать сурово, по законам пролетарской революции.

По Петропавловскому заводу. Официальный документ — акт ревизионной комиссии — говорит о том, что производственная программа трестом не составлялась. Тут отмечаются серьезные недостатки материального порядка, недостатки такого рода, что завод из-за них должен был остановиться. Отмечается характерный момент. Правление отправляет жезл из Петропавловского завода в Курганский, а из Курганского завода гонит

ее обратно на Петропавловский, а тем временем отсутствие жести угрожает Петропавловскому заводу остановкой. Это тоже момент, указывающий, откуда и как создавалось уменьшение фонда, создавался убыток, природу которого мы ищем и никак не можем найти, несмотря на ослепительный свет, царящий в этом зале. В акте прямо говорится, что остановка завода происходит благодаря малой его нагрузке в данное время, хотя была возможность развернуть работу всюю. Это утверждает совещание, на котором присутствовали представители и партии, и профорганизаций, и хозяйственники. Характерно, что и самое восстановление завода произошло благодаря энергии и вниманию местных органов, ссужавших заводу необходимые на оборудование средства, а вовсе не благодаря правлению треста

Пореченский завод. Согласно акту 3 сентября 1923 года, здесь дело также запущено в полной мере. «Бухгалтерии, — говорится в акте, — на заводе не имелось вплоть до конца августа... Обещанного на завод инструктора-бухгалтера до сего времени послано не было...» Здесь нам надо на минуточку отвлечься от этого документа и вспомнить свидетеля Ленского, который выполнял в Консервтресте роль инструктора и рассказал нам, как он ездил на Астраханский завод инструктировать. После того как он возвратился, должен был поехать другой инструктор — Никитин. Здесь ему был задан вопрос, достаточно ли он был силен, чтобы обслуживать заводы в качестве инструктора. Он сказал, что вообще правление не предполагало высылать инструкторов на места. Но это не верно. Из акта, который составлен на Пореченском заводе, ясно, что инструкцию прислали, а инструктора обещали, но не прислали.

Отчетной калькуляции нет. В акте делается характерная приписка. «Нужен энергичный директор, могущий вдохнуть жизнь. Консервтресту нужно более внимательно и хозяйственно относиться к своим местным органам. До сего времени ни один член правления не был на заводе, несмотря на близкое расстояние от Москвы...»

Если обратиться к Астраханскому заводу, этому лучшему заводу не только в самом составе треста, но и лучшему заводу, как говорили здесь, во всей республике, то как обстояло дело там? Дело и там обстояло весьма плачевно. Вот у меня имеется в руках заключение эксперта Собгайца (лист 213 тома III). На вопрос: «Правильно ли велась калькуляция, можно ли было пользоваться ею при торговле, если нельзя было пользоваться, то можно ли было по книгам бухгалтерии составить точную калькуляцию?» — эксперт ответил: «Исполнительные калькуляции никуда не годятся, и если ими руководствовались при торговле, то этим приносили большие убытки делу»...

Можно было бы не согласиться с этим экспертом, с его заключением, если бы у нас не было достаточного количества контролирующего материала.

В этом же акте указывается, что на Астраханском заводе существовал целый ряд упущений, которые уменьшили стоимость фабриката: в калькуляцию не включалась, например, амортизация, не предусматривалась масса и других неизбежных и имевших место расходов...

Вот какова эта «калькуляция» на заводе, вот как обстояло дело, как это явствует из документов, составленных экспертами. Возьмем контрольный материал. Возьмем доклад эксперта Смирнова от 14 января 1922 года, где он говорит об отсутствии сметных калькуляций, о том, что заводы не знали стоимости продукции и продавали товары процентов на 35 ниже себестоимости... Здесь мы находим, между прочим, ответ и на тот вопрос, который интересовал защитника Матушева, когда мы говорили о договорах, заключенных Монаковым. Ясно, что эти договоры нужно брать не сами по себе, а в связи с торговыми и производственными условиями. От первых может быть убыток, а от вторых может быть прибыль. Этого взгляда, вообще говоря, нельзя разделять, но по отношению к Монакову мы должны это сделать, так как нам нужно рассмотреть именно его деятельность, т. е. деятельность по производственным заданиям.

Но вот здесь мы находим ответ на тот вопрос, которым интересовался тогда защитник, мы узнаем, что продукция Астраханских заводов продавалась ниже себестоимости на 35%. Имеется целый ряд документов, которые говорят о том, что на Астраханском заводе дело обстояло совсем неблагоприятно. Я обращаю ваше внимание на документ, подписанный секретарем губкома, председателем отдела союза пищевиков и целым рядом других ответственных лиц, которые рассматривали материал обследования Астраханского завода и пришли к весьма неутешительному выводу. Я возьму некоторые лишь выдержки, имеющие отношение к данному вопросу. Вот они: «Финансового плана, построенного на производственном плане, и финансовых смет на заводах не было» Далее: «Отчетные калькуляции составлялись в совзнаках и имеют значительные дефекты» Комиссия эта, словом, констатирует те же самые факты, что и Собгайд и Смирнов, т. е., что калькуляции нет, что продажа осуществлялась ниже себестоимости, что продажа шла в убыток, что сметы нет, что производственного плана нет, сметного плана нет, финансовой сметы тоже нет. Словом, ничего нет. Есть только Бердяев, Ковалев и Монаков, — тройца единосущная и нераздельная, как это видно из целого ряда материалов по делу, которая требует к себе особого внимания. Вот как об-

стояло дело на этих заводах, о которых я говорил для характеристики положения на местах. Какой же можно из этого сделать вывод? Очевидно, только один и очень печальный... Но тут опять выкатывается на позиции тяжелая артиллерия объективных условий, под прикрытием которых подсудимые спешно перестраивают свои ряды...

Какие бы трудности объективных условий ни были, как бы ни был плох товарный фонд, как бы ни был слаб оборотный капитал — истинные причины развала и убытков лежат внутри самого завода, внутри самой организации, внутри самого предприятия. И наша обязанность, обязанность суда, будет отделить субъективное от объективного и поставить вопрос именно так, чтобы объективные условия не закрыли собой субъективной ответственности.

Вы знаете, что на Астраханский завод была послана комиссия Шейна... Она не то ревизовала, не то обследовала, не то в чем-то разбиралась. Мне важно указать здесь на одно обстоятельство: в этой комиссии был свидетель Ленский, правда, с душой совсем не геттингенской, Ленский, успешный уже быть приговоренным к двум годам тюрьмы по ст. 128 УК¹. Этот Ленский, хотя и с оттенком некоторой поэзии, дал, однако, весьма прозаические показания по вопросу о состоянии на Астраханском заводе бухгалтерии: «Положение бухгалтерии было блестящим»... Так прямо и сказал: «блестящим», а потом оказалось, что организация хороша, а постановка плоха, а потом и постановка не хороша, и выполнение плохо. Словом, оказалось, что все его показание требует таких поправок, после которых от его показания ничего не осталось. Этот самый Ленский был послан в Астрахань для того, чтобы проконтролировать калькуляцию.

Я никогда не позволил бы себе ссылаться на Ленского, если бы то, что говорил Ленский, не вошло в докладную записку, если бы то же самое не отметила целая комиссия, с секретарем губкома во главе. Нет калькуляции, нет финансового плана, нет смет, нет калькуляционного расчета и... ничего решительно нет. И это — лучший завод. Это — краса и гордость консервной промышленности, как сказал Бердяев. Так говорил и Розенберг... Что же было на других заводах? Мы это видели. А как было в центре — в той самой голове, относительно которой сказал с колкой откровенностью Бердяев, — что рыба начинает «пахнуть» с головы, и совершенно правильно сказал. Как обстояло дело с этой самой головой? Мы видим сейчас, как с ней обстояло дело. Плохо, очень плохо обстояло дело.

Займемся этим подробней.

¹ Соответствует ст. 128 УК 1926 года.

Обратимся раньше всего к старшему инструктору управления счетоводства и отчетности т. Карлику. Мы его здесь допрашивали подробно. Я не буду злоупотреблять вашим вниманием и временем, я не буду повторять все то, что мы здесь выслушали, но считаю все же необходимым остановиться на некоторых основных моментах, обратить на них ваше внимание, просить вас зафиксировать их в своей памяти. Тов. Карлик говорит определенно: «К моменту ревизии обнаружилась совершенно неудовлетворительная отчетность с недопустимой запущенностью не только главных книг, но и вспомогательных. Отсутствовало даже разделение поставщиков и покупателей. Фрахты, комиссионные и скидки, составлявшие до 50% всех расходов, не распределялись по соответствующим товарным счетам, а целиком списывались на счет убытков. Балансов не было, ибо то, что называлось балансами, никакого значения иметь не могло».

Мы знаем, что и Лапицкий, работавший в тресте в качестве главного бухгалтера, а в действительности являвшийся только счетоводом третьего разряда, этот самый Лапицкий тоже подтвердил, что о балансах нельзя и говорить. Он скромно называл их «оборотными ведомостями». Но мы говорим о балансе, а не об оборотных ведомостях. А балансов-то нет. Есть какие-то «оборотные ведомости». Но если на основании этих ведомостей начать балансировать, то в конце концов оказывается такое «балансирование», которое грозит правлению катастрофическим штормом, настоящим крушением. Нет баланса, а это значит: полное отсутствие связи между торгово-заготовительным отделом и бухгалтерией. Констатируется, что учет товаров на складе и параллельно центральной бухгалтерии ведется более чем с месячным опозданием, без обязательной еженедельной сверки с книгами кладовщиков, и отсюда — хаос, беспорядок, излишние выдачи...

Посмотрим теперь, как обстояло дело с учетом.

Что такое трест без учета? Конечно, ничто. А был ли учет в Консервтресте? Если спросить тех, кто там работал, ревизовал и контролировал, то те говорят решительно в один голос, — за все эти дни процесса я не слышал ни одного намека, который говорил бы, что в Консервтресте был какой-то учет. Все говорят, что учета не было. «Учет, существовавший в управлении треста без теоретического обоснования и без практической постановки, нельзя считать действительным учетом», — вот что говорит об учете треста ревизор. Тут надо обратить внимание и на то обстоятельство, что, как я уже говорил, наш трест не просто коммерческое предприятие, а большое государственное дело.

Как же это большое государственное дело было поставлено с бухгалтерской стороны? Давайте говорить откровенно, и я

уверен, что мы сойдемся на том, что бухгалтерии никакой не было. И я думаю, что суд это знает, ибо он видел здесь этого доморощенного главного бухгалтера, гражданина Лапицкого. Я думаю, что того сдержанного смеха, который раздавался в зале во время его объяснений, было мало. На его объяснения нужно было бы ответить гомерическим хохотом, чтобы плясала вот эта люстра, дрожали стекла этого зала. Подумайте только, Лапицкий — главный бухгалтер! Тот самый Лапицкий, который, работая дома по переводу валюты, сажал за вычисления свою жену, потому что он «обалдевал», как он выражался, от прыгающих в его глазах цифр. Этот карикатурный Лапицкий — главный бухгалтер!.. Все воробьи на крышах смеются над этим «главным бухгалтером»... Правда, он сказал, что он был главным бухгалтером «номинально», был номинальным носителем высокого звания главного бухгалтера, а фактически он был делопроизводителем или счетоводом третьего разряда. Вот это совершенно правильно, это более подходит для Лапицкого.

Во всяком процессе всегда находятся интересные моменты. Вот мы сходимся на процессе: мы еще не знаем всех обстоятельств дела, не знаем подсудимых, не знаем друг друга. Мы только читаем «дело» и вот видим, что на одном из листов дела написано: «Лапицкий негоден совершенно». Сначала мы не знаем, как это понимать; мы не представляем себе в полной мере, что это значит. Но через некоторое время процесс развертывается, на сцену выходит сам Лапицкий, и вдруг становится ясным до предела, что представляет собой этот человек и насколько он годится для своего поста. А вместе с тем становится ясным и то, что представляет собой его работа.

Хотите характеризовать бухгалтерию треста? Тогда не нужно никаких слов и аргументов. Достаточно просто сказать: «Лапицкий» — и кончено, и все ясно, — ясно, что все никуда не годно, ибо в действительности не существовало никакой бухгалтерии. Был еще, правда, заведующий финансово-счетным отделом Эймонт, которого бывший директор Астраханского завода Бердяев назвал человеком острым на язык, хотя, правда, и крепким на руку, «великим комбинатором». Этой «комбинированной» бухгалтерией и управляли Лапицкий и Эймонт. И мчалась эта несчастная бухгалтерия в сумасшедшей трестовской упряжке — в корню — Эймонт, с одного боку — Лапицкий, с другого боку — Никитин (тот самый Никитин, который упал в обморок после третьего вопроса обвинения) — неведомо куда, неведомо зачем...

Товарищи судьи, можно совершенно спокойно, не чувствуя на себе излишне взятой ответственности, утверждать, что в отношении бухгалтерии дело в Консервтресте, в самом правлении, центре обстоит ниже всякой критики. Счетоводство, как

говорил т. Карлик, находилось в чрезвычайно хаотическом состоянии. «Я возмущился,— говорил он,— состоянием расчетов с третьими лицами, ибо не было разделения должников на покупателей и поставщиков, все — и покупатели и поставщики — смешалось в одну кучу».

Но тут было еще немало других ненормальностей. Одна из этих ненормальностей была отмечена экспертом Карликом. Переменилось три заведующих магазином, которые передавали магазин натурой, не сверяя с книгами. А вся эта натура была покрыта мраком неизвестности. Сверки складских книг в бухгалтерии правления не было.

Экспертизой отмечается неналаженность счетоводного аппарата, ограниченность штатов, неподготовленность работников, запутанность расчетов с заводами, отсутствие контокоррентных выписок. Экспертиза установила, что если эти выписки и получались, то они залеживались и, как утверждают и Бердяев и Ковалев, превращались в ворох бумаг, покрывшийся пылью и никого не интересовавший. Следовательно, если даже и присылались сюда контокоррентные выписки, то это еще не гарантировало какого-либо учета и порядка в расчетах. Если поставить перед собой задачу, говорит Карлик, выяснить природу убытков, то за отсутствием отчетов и отчетности определить было ничего нельзя. Определить было объективно невозможно. Вот эти, товарищи судьи, объективные причины и должны быть учтены и приняты вами во внимание. В бухгалтерии была такая запутанность, такое отсутствие учета и отчетности, что если пожелать определить природу убытков, то сделать это нет никакой решительно возможности, даже затратив, как говорит эксперт Себенцов, на это целый год.

Вот в каком положении была бухгалтерия. Я не знаю, может быть, со стороны моих противников будет сделана попытка доказать, что бухгалтерия была не в столь хаотическом состоянии, как это я только что показал, но я уверен, что эта попытка немедленно же потерпит неудачу. Этот вопрос достаточно нами разобран.

Итак, в центре бухгалтерия никуда не годится. Я предвижу все возражения, которые мне делались и во время судебного следствия. Могут сказать: эксперт Себенцов говорил, что порядок работ в бухгалтерии Консервтреста был установлен вполне правильный. Несколько раз защита подчеркивала этот момент. Однако позвольте установить, что когда этот вопрос был поставлен Себенцову, то Себенцов сказал: «Да, порядок работ организован был правильно, ордера писались правильно и передавались правильно, записывались в ту или иную книгу правильно. Но что из себя представляло все это не формально, а материально, именно в смысле качества тех цифр, которые записывались

во все эти книги,— об этом нужно сказать, что все это никуда не годилось». Эксперт Себенцов несколько раз подчеркнул, что по внешнему виду все было в бухгалтерии правильно, но внутреннего порядка, материального содержания в работе бухгалтерии треста не существовало.

В самом деле, если просмотреть тот же самый акт Себенцова, то можно легко увидеть, что там совмещаются такие дефекты, при которых нельзя говорить об удовлетворительной работе бухгалтерии. Организацию внешнего порядка бухгалтерии, т. е. порядка, в котором проходят отдельные операции, та или иная бумага, ордер, принимать за правильную организацию бухгалтерии никак нельзя. Эксперт говорит: «За июль — август на все работы составлены мемориальные ордера, но они в мемориал не записаны и по книгам не разнесены за пять месяцев, в том числе и счета дебиторов и кредиторов...». «Требуется досоставить путем мемориальных ордеров до 400 статей, в которые войдут обороты сорока авансовых отчетов...». Вот так бухгалтерия!.. И нас будут уверять, что бухгалтерия работала удовлетворительно. Дальше мы наталкиваемся на явление, к устранению которого ничего реального не было сделано правлением Консервтреста благодаря слабой связи с местами, благодаря отсутствию необходимых информации и данных из этого прекрасного, блестящего «европейски поставленного», как сказал Розенберг, Астраханского завода. «Надо иметь в виду,— говорится в этом акте,— что с 1 января завод не представил ни одного исчерпывающего отчета, а с мая прекратил вообще их представление»... И вот заключение, к которому пришел эксперт: «Ожидать скорого окончания заключительного баланса на 1 октября и определение срока приведения в порядок книг для составления такого — невозможно»... И пишется это в ноябре 1923 года. Вот уж действительно нужно ожидать обещанного, как говорится, три года и не дождешься...

В этом самом акте совершенно ясно указывается, что бухгалтерия была негодная, не отражала реального положения вещей, что, следовательно, тот самый инструмент, тот аппарат, посредством которого трест мог осуществлять свою основную задачу — учить, производить, торговать,— этот инструмент никуда не годится, потому что раз нет бухгалтерии, то не знаешь, как торговать, как продавать, почему продавать. Работать тресту без бухгалтерии — это все равно, что близорукому человеку без очков выйти на улицу — налетишь на первый столб и разобьешь голову вдребезги. Так случилось и с Консервтрестом. Нет бухгалтерии — нет возможности работать...

Но ведь люди видели, что нет бухгалтерии, люди понимали, что бухгалтерский аппарат не налажен. Никитин видел же, понимал, говорил, требовал... И на следствии он говорил:

«Характеризуя общее состояние бухгалтерии за время работы Эймонта, указываю, что вследствие неорганизованности аппарата материальные книги никогда не велись ажур; запуски были за три месяца; склады ни разу при мне не были проверены, что бесспорно давало возможность злоупотреблений; сверки книг центральной бухгалтерии с заводами не было»... Это говорит второй главный бухгалтер, обвиняемый Никитин. Спора здесь не может быть. Бухгалтерии нет, а если нет бухгалтерии, то нет ничего. Есть одно пустое место. Конечно, формально может быть там кое-что на бумаге и значилось. Были отделы, сидели там люди, в отделах был сложен какой-то ассортимент книг, скрипели перья,— словом, жизнь как будто бы и была налицо, в действительности же это была не жизнь, а смерть, потому что содержания в этой «жизни» никакого не было. Все было формой, а того реального, что эта форма должна была бы в себе заключать, мы не видим. Вот почему и получилось в конце концов, что когда мы углубляемся в это дело, идем от одного тома к другому, мы всюду натываемся на одно и то же: нет учета, нет бухгалтерии, нет данных. Все в «нетях». В «нетях» и Консервтрест.»

Посмотрим теперь на положение с производством. Позвольте обратиться к свидетельству Бердяева. Он здесь доказал, что он лучше всех трестовиков знает производство, даже лучше самого члена правления по производственному отделу Файно. И вот как Бердяев здесь характеризовал положение с производством: производственная программа, говорил он, для всех заводов — это просто набросок, ничем не обоснованный, никакими финансовыми расчетами не мотивированный. Вот вам и «производственная» программа Консервтреста. Иногда просто думается: да позвольте, не во сне ли это происходит, не в сказке ли это рассказывается?.. Что это? Консервтрест советской республики или мелкая, затрапезная лавочка, какое-то кустарное учреждение? «Производственный план», «производственная программа!» Увы, это оказывается просто «набросок», черновой набросок. Конечно, Бердяев как производственник смеется над этим «производственным планом». Конечно, очень плохо, что над этим планом можно смеяться. Но, товарищи судьи, кто-то должен будет здесь и поплакать. Зря так смеяться нельзя, мы не позволим безнаказанно так смеяться над нашим кровным делом, делом нашей республики.

Задолженность... Что говорил по этому поводу в правлении Розенберг? «Покрою задолженность, разыщу средства, сведу концы с концами». И эти разговоры он называет «организацией дела». «Продавали жечь, продавали олово», говорит Бердяев, а жечь и олово — основные материалы для производства, и заниматься их продажей значит подрывать производство. Хозяй-

ственный расчет... Бердяев здесь смеялся над хозяйственным расчетом, потому что в тресте на самом деле не было никакого хозяйственного расчета, был бесхозяйственный расчет. Трест на бесхозяйственном расчете, — вот это верно, вот это правда. Как было при главах, так и осталось. Никакого расчета не было, делали, что хотели, делали, как хотели. От центра не получали ни одной копейки.

Нужно было иметь аппарат, который мог бы реализовать все эти сотни вагонов, знать цены, рынок... Нужен был торговый отдел, а вместо этого сидел один Браиловский, а около него, как вы знаете, вился Мокрович. Но торгового отдела не было, не было ни порядка, ни склада консервов, ни аппарата. Гноились десятки вагонов, их не выкупали, консервы лежали месяцами в пакгаузе. Недостачи, убытки, нарастание стоимости — и потом оказывается: рынок консервов не принимает. Конечно, рынок не принимает и не примет консервов, когда их вогнали в такую копеечку, что небу жарко.

Здесь немного пренебрежительно разъяснил председатель правления профессор Розенберг: «Плотниковское предприятие — там просто вытаскивают из воды рыбу в чан, из чана в банку, закупоривают и посылают». Но эта плотниковская организация была золотое дно, миллионное дело. А они не поинтересовались, чтобы ее поднять, чтобы ее расширить и использовать это золотое дно на благо Советской республики. Вот как велось дело. Лежали товары, нарастало на них полежалое, потом приходилось выкупать, а когда выкупали, то никто не хотел покупать, потому что это выходило слишком дорого.

Торговый отдел... Это тоже нечто вроде бухгалтерии и главного бухгалтера Лапицкого, страдавшего хроническим обалдешением... В этом торговом отделе был некий помощник заведующего Козьмодемьянский. Что представлял собой этот Козьмодемьянский? А вот что: по словам Бердяева, он думал, что белуга называется красной рыбой, потому что она красного цвета. Это анекдот, хотя и скверный анекдот... И это помощник заведующего торговым отделом.

А вот как торговал этот торговый отдел. Открыл торговый отдел в центре магазин. Розенберг говорил, что посредством магазина он хотел «прощупать» рынок. Здесь даже Розенберг вступил в спор с Футоряном: сколько было магазинов — один или два. Но это безразлично, потому что магазин-то был... пустой. Это даже был не «магазин», а, как здесь говорили, так что-то, какое-то помещение и дверь на улицу. И вот через эту «дверь на улицу» они хотели «прощупывать» рынок, делать рыночную политику. Ведь это же смешно, товарищи судьи. Впрочем, это не только смешно, это и очень грустно, так как в конце концов налицо 590 тысяч рублей убытка. Дело сделано.

Дело развалено. Что же, расхитили, разграбили? Я этого утверждать не могу. В моем распоряжении нет достаточно твердых данных, чтобы сказать: да, расхитили... Может быть, расхитили, может быть, разграбили, а может быть,— и нет. Поэтому в расхищении я никого не могу обвинять и не обвиняю, но я обвиняю Розенберга и иже с ним в преступной халатности, в беспредельной бесхозяйственности, причинивших Советскому государству крупный ущерб. В этой части обвинение полностью доказано.

Перейдем к вопросу о реализации. Бердяев говорит: «Реализовали все небрежно, реализовали все ниже себестоимости». На складах не знали, что там есть. Рассказывали такие случаи. Нужна была резина,— спрашивают в правлении: «Есть ли у вас резина?» — «А кто ее знает! — отвечают там, подобно тому мужичку из Тамбова: «Мы не здешние». Пойдемте в склад». — В складе, конечно, есть заведующий, спрашивают его: «Есть резина?» — «А кто ее знает! — отвечает заведующий. — Я не здешний. Идите, посмотрите сами». И вот покупатель идет на склад, сам копается в складе, ищет, отыскивает и забирает, что ему кажется подходящим. Сам Бердяев раз всю резину забрал и увез: как хороший хозяйственник утащил в свой угол, преследуя интересы своей астраханской колокольни. Приходит он в правление, его спрашивают: «Нашел резину? Всю взял?» — «Нет, говорит, не всю. Ее там много», — а там ничего и не осталось. Я спрашиваю, что же это — хозяйственное ведение дела? Розенберг опять поморщился: какой, мол, неделикатный, несправедливый обвинитель. Ну, подсудимый Розенберг, как хозяин, попросту, по советски скажите: хозяйственно ли велось у вас дело? (Розенберг: Этих фактов не было). За факты, конечно, отвечает Бердяев, и вы в свое время их не отвергали на следствии. Теперь, конечно, вы можете сказать: «Этих фактов не было». Ну, а если бы они были? Хозяйственно это или бесхозяйственно, а вы как будто бы грамотный человек, вы профессор, должны были бы это понимать...

Товарищи судьи, для того, чтобы сказать об этой по крайней мере бесхозяйственности, не достаточно ли разве было бы напомнить вам об этом «колдуне», члене правления Шекине. У Шекина была какая-то скромная книжечка, в которую он вписывал все то, что ему, члену правления, надлежит знать. «Гражданин Шекин, брось своего «колдуна», ведь у тебя есть бухгалтерия», — говорили Шекину правленцы: «Ну ее, бухгалтерию, она же «здешняя». И заводит Шекин своего «колдуна», которому доверяет больше всякой бухгалтерии. И не только он. Если нужно было что узнать о расчетах и т. п., бежали к Шекину: «Поколдуй», он действительно колдовал, смотрел в свою книжечку, где, что, сколько чего — и давал справки. При

таких обстоятельствах можете ли вы смело смотреть в глаза и говорить, что вы хозяйственно работали, добросовестно, аккуратно работали? Этого сказать нельзя, и вы не смеете говорить, что вы работали добросовестно. Вы должны были бы так сказать: действительно работали хозяйственно, виноваты...

Что касается краж, то один-другой из подсудимых могут сказать: я не крал. Розенберг сказал: «К моим рукам не прилипло». Верно, я проверил и не обвиняю, — не прилипло. А вот насчет бережности, рачительности, хозяйственности, — неужели у вас, Розенберг, в самом деле нет сознания того, что вы были не на своем месте? Я жду, что вы скажете в последнем слове в конце процесса то, что должны были сказать в начале.

Может быть, кто-нибудь со скамьи подсудимых воскликнет, что и бесхозяйственности не было, что нет таких фактов. Нет, факты есть, и один из этих фактов был искренно рассказан Бердяевым и не был опровергнут в течение всего судебного следствия. Дело в тресте делалось по-семейному. Товарищи судьи, семьи бывают разные. Семья бывает добрая, хорошая, разумная, и дело в такой семье бывает крепкое, хорошее. Но бывает семья склочная, гнилая, расползающаяся, трескающаяся и треснувшая. Что за семья была в тресте? Бердяев вам рисовал бытовую картину: «Прихожу в правление к Розенбергу, говорю — дай мне совет, папаша». Видите ли, приходит такое «дитя малое» — полуторасаженный Бердяев, приходит к «папаше, убеленному сединами», к тридцатипятилетнему «розовому» Розенбергу и говорит: «Папаша, поделись со мной житейским опытом, научи меня, советского молодца, как советское хозяйство вести». И «папаша» (так, говорит Розенберг, его все называли в тресте) говорит: «Подожди, не до тебя, не до советского хозяйства... Тут дело посерьезнее. Японские промыслы, астраханские кильки, а за японскими промыслами и американские концессии». Тут, говорит Бердяев, вваливаются «американцы» и начинаются пустопорожние разговоры. Дело стоит, Шекин слушает, да как хватит кулаком по столу, и идет в кабак... Заседание правления прекращается. Деловой день кончился. И вот это-то безобразие Бердяев называет «делать дело по-семейному...».

Вот, товарищи судьи, ответ на вопрос о том, как работал «центр», что творилось в центре. Фантастические замыслы, фантастические предприятия, фантастические планы и предположения, беспочвенность, теоретизация, непонимание жизни, отсутствие практичности, — вот чем характеризуется, в сущности говоря, «работа» правления. А если к этому добавить еще несколько моментов, то окажется полная бесталанность, полная бесхозяйственность.

Никто не знал и не интересовался живой и реальной работой, никто ничего в деле по-настоящему не понимал, никто

ничего не понимал в производстве, но все разыгрывали из себя производственников. Один Бердяев кое-что смыслил, но и тот больше шеголял на счет рулетки, казино и присвоения казенных денег. Эймонт и Файно 25% своего времени проводили в командировках. Это одно уже объясняет, как могли они из центра руководить местами, когда в центре они не сидели, когда не работали над материалом, который присылался с мест, над теми данными, которые на местах собирались. При таких условиях, конечно, работа не могла итти удовлетворительно. Впрочем, у нас имеется основание утверждать, что даже тогда, когда с мест получались материалы по специальному заданию правления, то, в сущности говоря, ни Эймонт, ни Розенберг не работали над этими данными. Нам Бердяев уже указывал, что контокоррентными выписками в центре не интересовались, но Бердяев здесь взял определенную линию, которая прокуратуре понятна. Здесь шла борьба, так сказать, «классовых» интересов правления и местных заводов, и несомненно тут многое из показаний Бердяева и Ковалева нужно будет отбросить и отметить как продиктованное не деловыми и не объективными соображениями.

Возьмем более авторитетные и более беспристрастные в этом отношении показания самого Розенберга. Что он говорит нам? Он говорит, что было обследование Астраханского завода Файно, Эймонтом и Лапицким с целью проверки правильности постановки бухгалтерии, которые и представили Розенбергу акты обследования. А что он с ними сделал? Вот что сделал: «Я,— говорит Розенберг,— за отсутствием времени их не читал» (том VIII, лист 183). Это великолепно... Посылается специальная комиссия из трех человек с членом правления во главе на Астраханский завод. Отрывают от дела самого Файно — правда, его специальностью было больше вздыхать во всех случаях, при всех оказиях, хотя и на казенный счет, на советские деньги... В самом деле, пусть бы он вздыхал на свой счет, а то едет он вздыхать в Астрахань. А там за полторы тысячи были отремонтированы специально для Файно две комнаты, целая дача. Я бы назвал эти комнаты «комнатами вздохов» (в публике смех). Правда, первоначально Розенберг отремонтировал их для себя, но обстоятельства так сложились, что его замещал Файно и как заместитель пользовался этими комнатами, стоившими 2000 рублей золотом.

Эймонт тоже едет туда. Серьезный человек, заведующий финансово-счётным отделом. Он говорит про себя: «Я изыскивал средства, я занимался финансовыми операциями». Он едет в Астрахань поставить бухгалтерию, берет с собою этого самого поэтического Ленского. Работают, пишут, веселятся... Привозят материалы обследования Розенбергу, а Розенберг... не читает.

(Обращаясь к Розенбергу) Почему вы не прочитали? (Розенберг, с места: «Потому что устный доклад слушал»). Нет, вы, Розенберг, отвечали на судебном следствии иначе; вы сказали: потому что у меня не было времени читать всякую дребедень... А сколько стоила государству эта дребедень?

Вот каково положение вещей в тресте. Я бы мог без конца — пять, шесть, восемь часов называть факты за фактами, рисовать панораму за панорамой, строить целые музеи таких картин и панорам. Что ж, все это было хозяйственно? Рачительно? Добросовестно? Нет. Все было бесхозяйственно, недобросовестно, нерачительно. Так государственная хозяйственная работа не ведется, а если в результате этого через пальцы уплывают десятки, сотни миллионов рабочих рублей, то отговариваться тем, что природа убытка не установлена, что это зависело от объективных условий, — так говорить добросовестные люди не станут, они не имеют права так говорить, но мы зато имеем право требовать: покажи мне «природу» убытков, а не показал — отвечай...

В частности, о Розенберге. Я вообще не знаю, может ли работа быть продуктивной, практически целесообразной, дающей какие-нибудь положительные результаты при тех отношениях, которые создались у Розенберга с Ковалевым, у Розенберга с Бердяевым, у Розенберга с Горбуновым. Я думаю, на этот вопрос можно ответить прямо и решительно: нет. В самих этих отношениях уже крылась причина развала треста.

Товарищи судьи, ставится вопрос конкретно: комиссия обследует завод; она требует документы — этих документов не дают, потому что председатель правления подучивает бухгалтера завода книг не давать. Это что такое? Ведь если это даже по глупости, по легкомыслию, то что же это, как не разложение аппарата! Нам опять скажут, что этого факта не было. Мы оглашали показания, мы оглашали протокол очной ставки на предварительном следствии Горбунова с Розенбергом, когда Розенберг, хотя со всякими оговорками, все-таки подтвердил уличающие его показания Горбунова. И я убежден, что Розенберг действительно не хотел, чтобы в руки ревизионной или обследующей комиссии попали эти документы, потому что ему нужно было скрыть тантёмы. И в Москве, — Розенберг это признал на суде, — на квартире Зайцевой, он сказал Горбунову: «Делайте, что хотите, скажите, что книги в дороге».

Вот иллюстрация той разложившейся, гнилой атмосферы, в которой не могла ладиться никакая работа. Пусть оборотный фонд был бы богатейшим и самого высокого качества, — все равно это не помогло бы делу, ибо в тресте в корне все построено было на лживом, гнилом начале, и это гнилое начало лежит в этом разврате, в этом лганье, в этих манипуляциях и всевозможных махинациях, которыми занимались эти не только

«великие комбинаторы», как говорит Бердяев, но и великие «махинаторы». Вот обстановка, в которой проходила деятельность государственного учреждения. Мы к этому не можем отнестись спокойно. Мы должны сказать другим через этот зал Верховного суда, сказать на всю страну, что так работать нельзя, что так не работают, и так мы вам работать не позволим, ибо это не работа, это разложение, это преступление. Это есть как раз та почва бесконечных злоупотреблений, на которой расцветают бердяевские цветочки.

Товарищи судьи, я думаю, что в других условиях Бердяев, например, не был бы тем преступником, каким он сделался. Я убежден, что он пал жертвой того разврата, который был кругом него, этой гнилой атмосферы, всех этих махинаций, этого преступно легкомысленного отношения правления ко всякого рода обязательствам, лежавшим на государственном предприятии, этого унижения, этого падения треста до уровня мелкой уличной торговли, которая не стесняется в средствах и занимается подозрительным колдовством, не стесняется занимать то у одного, то у другого на ростовщических и бесхозяйственных условиях, производит всякие комбинации, махинации, переплетает их всевозможными манипуляциями. Горе тем коммунистам, которые попадают в такую среду. Горе им, если они плывут по течению. Мы строго с них взыскиваем. Товарищи судьи, взыщите и с тех, кто эту среду создает, кто заражает и разлагает всю обстановку нашей работы.

Я считаю, и этим закончу общую часть, что в данном деле, с учетом самым строгим, самым требовательным к себе, с учетом всех объективных условий, всей той исторической перспективы, с почвы которой я не хотел бы сходить, я считаю, что имею право сказать суду, что здесь отсутствует хозяйственность, планомерность, система, добросовестность, вдумчивость, внимательность; отсутствует то, что вкладывается в понятие «рачительного хозяина», что мы требуем от каждого производственника, от каждого хозяйственника, от каждого работника советского треста.

Перед нами люди со стажем, люди с образованием, начиная с Розенберга и кончая хотя бы Монаковым,— и к ним должно быть предъявлено строгое требование.

Они понимали, что делали или, вернее, что должны были делать и чего они не делали.

И если в оправдание свое они скажут, что они не понимали, не вдумывались в то, что делали, то я как государственный обвинитель буду просить суд своим приговором внушить им необходимость в будущем задумываться над своими поступками, над тем положением, которое они занимают, над тем, как они должны действовать в этом положении. Если даже учесть, что тяжелое положение, в котором трест оказался, создалось в изве-

стной мере в силу объективных условий, то нужно будет все же признать, что правление Консервтреста, в лице Розенберга, Файно и заведующего финансово-счетной частью Эймонта, не проявило необходимой, внимательности, добросовестности, вдумчивости, бережливости, осмотрительности, которые входят в понятие хозяйственного отношения к вверенному им имуществу; они не приняли в этом отношении должных мер. Они не делали даже минимума того, что могли сделать, а государство вправе требовать максимума. Я полагаю, что картина бездеятельности треста, того действительного развала, иллюстрацией чего служат эти несчастные «уходы» Шекина в кабак — прочь от греха, нарисована здесь достаточно ярко. Так же ярко зафиксированы в нашей памяти и работа бухгалтерии и отсутствие плана, производственной программы, финансовой сметы, калькуляционного отчета, калькуляционной сметы и т. д. и т. д. Учитывая все это, надо сказать, что налицо бесхозяйственность, налицо ст. 128 УК, которая требует применения к подсудимым серьезного наказания.

Товарищи судьи, я прошу разрешения перейти сейчас к отдельным моментам, связанным с деятельностью того или другого подсудимого.

Вопрос в части, касающейся Розенберга, ставится обвинением таким образом. Розенберг обвиняется в целом ряде конкретных действий, совокупность которых создает ту бесхозяйственность, про которую я говорил в общей части; в частности же он обвиняется в том, что игнорировал одну из основных задач правления Консервтреста, заключающуюся в необходимости создать и завоевать рынок. Объяснение, которое в свое оправдание дал Розенберг, указывает на то, что для него, как и для всего правления, это был вопрос праздный, что о рынке говорить в тогдашних условиях было невозможно, что рынка не было, и — как я понимал Розенберга в течение всего судебного следствия — создавать рынок нельзя было. Он прямо говорил, что рынок было чрезвычайно неблагоприятен, и, конечно, для того, чтобы завоевать этот рынок, — так, очевидно, рассуждает Розенберг, — необходимы были иные силы, иные средства, иные ресурсы, чем те, какими располагал Консервтрест. Здесь я должен сказать, что в известной степени это так. Конечно, конкурировать с иностранными консервами этими самыми «тушенками», которые качеством, вероятно, были не лучше самого правления треста, было невозможно, тем более, что иностранные консервы на наших рынках все-таки завоевали себе довольно большое место. Но вот как я ставлю вопрос. У нас часто в процессе перегибают палку в другую сторону, в сторону объективности, — объективно все против обвиняемого, но субъективного момента не хватает. В данном процессе наоборот. Объективно многое за обвиняемого.

А субъективно? Посмотрим на это субъективное, и мы скажем, что и в тех условиях, как я уже говорил, бесспорно объективно трудных, было возможно сделать то, чего не сделали подсудимые, и не сделали потому, что не умели, не хотели, не интересовались, не работали, а время проводили больше в мечтаниях и во вздыханиях и всяких своекорыстных предприятиях.

Я должен прежде всего сказать, что и по вопросу о том, были ли какие-либо перспективы на рынке и в отношении рынка, существует мнение совершенно обратное тому, которое здесь защищает Розенберг и которое, вероятно, будет поддерживать защита. Если говорить, что не было рынка, что обстоятельства были неблагоприятные в рыночном отношении, то позвольте сослаться на иные данные, которые свидетельствуют о том, что эти обстоятельства были чрезвычайно благоприятны в отношении известной части консервной продукции, в частности, в отношении рыбных консервов. Я просил разрешения суда, и суд удовлетворил мое ходатайство, сослаться на все опубликованные документы, которые заключаются в отчете под заголовком «Русская промышленность» за 1920—1921 годы. Я обращаю ваше внимание среди этих материалов на одну статью, подписанную неизвестным нам Боголеповым, тем самым Боголеповым, о котором не раз говорили здесь с разных точек зрения. Несомненно, этот человек знает свое дело. Вы помните, что защитник приобщил газету с инициалами «А. Б.», которые один из свидетелей расшифровал как инициалы этого же Боголепова. Боголепов — журналист, консервщик, специалист по данному вопросу. Вот что он говорит насчет рынка. Он указывает, что мясной рынок был в тяжелом положении, и добавляет: «А что касается рыбного сырья, то положение консервной промышленности было чрезвычайно благоприятно, благодаря низким ценам как на высшие сорта рыбы, так и на частичковую рыбу»...

Консервный трест не концентрировал своей рыбы там, где бы это имело значение для производства рыбконсервов при тех благоприятных условиях, о которых говорит автор этой статьи и которые позволяли начать работу по завоеванию самого рынка, по созданию этого самого рынка. Конечно, хорошо известно всякому, что рынок не родится и не сваливается с неба в готовом виде, а создается, строится. Создание рынка требует планомерной хозяйственной деятельности, как постройка дома. Если нет рынка, то его можно создать, лишь бы к этому были предпосылки, были необходимые условия, которые позволили бы рассчитывать на известный экономический эффект. Только что процитированное мною свидетельствует о том, что эти условия были, и этот эффект можно было получить, но его необходимо было подготовить, вместо того, чтобы заниматься фантазированием насчет американских концессий или японских промыслов и астраханских килек.

Когда же, наконец, Консервтрест попытался выйти на рынок, то он встретил затруднения, которые ему нужно было преодолеть и которые преодолеть он и не сумел, и не захотел...

Спрашивается, можно ли было их преодолеть, эти затруднения, или нельзя? Были ли данные для преодоления или нельзя было ничего сделать для того, чтобы победить затруднения? Вот три вопроса, на которые я отвечаю: условия были, возможность была, а сделано ничего не было, потому что ведь нельзя же считать охотнорядский магазинчик, смешную скверную лавчонку, «выходом на рынок», как нельзя было считать эффективными операции Мокровича, «комиссионную» деятельность которого здесь расхвалила защита, хотя 30% его сделок приходится на кооперативные и государственные учреждения, которые могли обойтись без содействия Мокровичей. Это не рынок. А что можно было сделать в этом направлении, то сделано не было. Специалисты по консервной промышленности прямо говорят, что вместо всего этого трест занимался консервированием зеленого горошка, который у нас не шел, а для заграницы не годился по низкому качеству. С другой стороны, трест вверх, близ Урала, варил пиво, а внизу, в Астрахани, продавал вино. И это называлось — «консервная промышленность». Консервный трест варит пиво и продает вино, а что касается рыбы, то ею интересуется мало, а если и интересуется, то лишь той, которая, вроде килек, у нас не ловится...

Говоря о конкретных преступлениях Розенберга и правления треста, необходимо обратить внимание на действия персонально Розенберга в связи с его торговыми операциями. Это вот те два договора, которые он заключил с Торгуловым и Хачатуровым на продажу им рыбы по таким ценам, при таких условиях, которые дали убыток на шесть вагонов около четырех тысяч рублей золотом.

Можно всячески защищаться против выдвинутого обвинения, можно представлять более или менее остроумные возражения, но факты говорят сами за себя, факты, на которые обращалось внимание суда, которые до сих пор не опровергнуты. Эти факты говорят, что розенберговские сделки дали убыток в четыре тысячи рублей золотом. В это же самое время цены на рынке стояли достаточно твердо, хорошие цены были достаточно реальны, так что можно было обойтись и без этого убытка.

Здесь Розенберг говорил в свое оправдание, что цены ему указал Бердяев и что он вообще в этой сделке пошел за Бердяевым. В данном случае, таким образом, обычная «семейная» картина меняется. Если Бердяев относился до сих пор к Розенбергу, как сынок к папаше, то в данном эпизоде Розенберг оказался послушным сынком, а Бердяев превратился в «папашу». Положение оказывается совершенно обратным тому, что все они

рассказывали о своих отношениях. Нетрудно догадаться, что ссылка Розенберга на то, что цены определил Бердяев (тем более, что Бердяев категорически отрицает это), говорит против Розенберга, а не за него.

Есть еще эпизод, который характеризует хозяйственный талант Розенберга. Розенбергу нужны были деньги, будем считать, что для Консервтреста, других данных у нас нет. И вот он заключает договор с кооперативом Реввоенсовета, — с кооперативом, а не с Реввоенсоветом, — договор фиктивного характера. Когда договор заключался, Бердяев указывал Розенбергу, что этот договор нереален, но Розенберг, наоборот, говорил, что эти 10 тысяч пудов рыбы можно поставить. Сам договор великолепно говорит за себя. Заключили договор, по которому Розенберг обязался поставить 10 тысяч пудов рыбы кооперативу; однако в договоре указывается, что кооператив по прибытии этой рыбы в Москву может от нее отказаться, и Консервтрест обязан взять ее обратно. Конечно, эти условия выдают с головой всю фиктивность этой сделки. Но и сам Розенберг не скрывает, что эта сделка была ему нужна как выход из тяжелого финансового положения. Посмотрите, он и сейчас одобрительно качает головой.

Но я не буду, как Розенберг, качать одобрительно головой. Я скажу, что так действуют в разложившейся, нездоровой атмосфере. Нужны деньги... Что делает Розенберг? Во-первых, он заключает фиктивную сделку. Какое это влияние может иметь на весь трест, на весь его аппарат? Разве это не разлагает аппарат? Ведь всякому очевидно, что это фикция, что это обман. Всякому очевидно, что то, что здесь написано, написано зря, и мы знаем, что вот на этой-то почве и выросла злая трава бердяевских преступлений. Розенберг, заключив этот договор, получает деньги под проценты, которые выражаются в сумме 240 годовых. Розенберг даже остроумно заметил во время судебного следствия: «Вы берете исчисления на год». Но я продолжу его остроумное замечание и скажу, что если взять эти проценты не на год, а на десять лет, то получится еще более колоссальная сумма. Но разве в этом дело? Возьмем ту сумму, которую он действительно истратил, когда занимал эти деньги, окажется, что он заплатил за заем 4671 рубль золотом. Вот вам расход по этому займу. Не вправе ли я сказать, что это уже расточительность, которая больно бьет по Консервтресту, бедствовавшему от безденежья?

Нам могут сказать, что иначе ничего нельзя было сделать. Но, позвольте, во-первых, если ничего нельзя было сделать, если это была единственная возможность получить деньги и получить так убыточно для государства, то что должен сделать серьезный и добросовестный человек? Он должен пойти в ВСНХ, должен

забить тревогу, должен практически поставить вопрос, т. е. должен, примерно, сделать то, что при всей своей бесхозяйственности, о которой свысока говорили обвиняемые «хозяйственники», сделал Чекуруль-Куш, назначенный в правление вместо Розенберга. Пусть прав Розенберг, но то, что он делает при этих условиях, не работа, а перевод шила на мыло, от которого государство может только страдать. Это расточительность. Это значит толочь воду в ступе, но толочь вместе с этой водой и народное достояние. Мы не так богаты, чтобы могли себе позволить бросаться золотыми рублями, как это делал Розенберг. Вы, подсудимый Розенберг, должны были это понять, потому что вы профессор и высококвалифицированный специалист. Не понять этого вам нельзя. А вы не поняли, не почувствовали, потому что в вас нет той души, которая нужна для светского строительства. Вы не почувствовали, что резали по живому телу. Не почувствовали потому, что резали не по своему телу, а по телу Советского государства, которое вам чуждо. Если правление треста действительно поставлено было в такое положение, что вынуждено было платить такие колоссальные проценты, как 240 годовых, и платить при всем своем безденежье четыре и даже почти пять тысяч рублей золотом, то это невозможное положение. Так ни один честный купец, ни один предприниматель работать не будет, работать не будет потому, что это не работа, а карикатура на работу. Да и всякий добросовестный, понимающий дело специалист тоже так не поступил бы. А Розенберг поступил.

Итак, во-первых, мы видим здесь — и нам помогает в данном случае признание самого Розенберга — фиктивный договор, лживый договор, против чего он возражал на предварительном следствии и в чем он сознался здесь, пытаясь доказать, что этот договор был вынужденным; во-вторых, бесхозяйственный договор, расточительный, бессмысленный, против чего спорить никому не придет в голову.

К этому примыкает и история с кильками. Суду представлены объединенными усилиями Розенберга и Позина две книги — одна очень толстая и большая, другая очень тонкая и маленькая. Две весьма поучительные книги — в доказательство того, что вопрос о кильках стоял не толсто и не тонко, но во всяком случае серьезно и крепко.

Что хотят доказать этими книгами? Хотят доказать два обстоятельства. Во-первых, что в Каспийском море есть какая-то порода маленьких рыбок, которая называется на ученом языке «гаренгула макрофтальма», имярек — килька. А с другой стороны, что она не только съедобна, но что предположения Розенберга об ее улове исходили из хозяйственного расчета и были направлены к тому, чтобы легкой петлей и рыбачьей сеткой

ловить эту маленькую рыбку на благо республики. Для осуществления этих планов был призван некий Ковалев, который должен был обследовать килечный улов, причем первое слово, произнесенное Ковалевым, было: «Дай денег, мне они очень нужны; потом уже будет дело». Вышло почти по-библейски: сначала бе слово, то бишь деньги, потом бе дело... Розенберг сказал: «На, получай»...

Секрет операции заключался в том, в чем не было никакого секрета. Кильки сюда, к деньгам, выданным Ковалеву, были приплетены, хотя и за маленький, но все-таки за хвостик, и именно так, как собирались ловить кильки — «легкой петлей».

Обратимся к книге Суворова. Суворов в ней авторитетным образом доказывает, — и я очень рад обогатиться этими знаниями, — что экспедиция 1912 года дала улов в 37 тысяч килек (22 пуда), из коих промысловых имеется 0,3%, что означает чрезвычайно богатую перспективу улова. Правда, экспедиция эта была исследовательская, не промысловая. Это я понимаю. Но замечательно, что промысловой рыбы оказалось лишь 0,3%. Я не знаю, входили ли в план Розенберга непромысловые кильки. Но я, грешный человек, каюсь — я заранее соглашаюсь выслушать с удовольствием лекцию ученого человека Розенберга по этому вопросу, т. е. о непромысловых кильках и о том, что он намеревался с ними делать, но я думаю, что ему с ними делать было нечего. В Каспийском море имеется 0,3% промысловых килек, а Розенберг утверждает, что каспийскими кильками он спасал, если не республику, то, по крайней мере, Консервтрест...

Была представлена еще другая книга, на французском языке, под редакцией проф. Книповича, в которой говорится, что кильки Каспийского моря в настоящее время не являются промысловыми. Правда, он льстит себя надеждой, что в будущем они станут промысловыми.

Это, конечно, утешительно, но это дело будущего. На стр. 727 этой книги говорится: «Килька большеглазая, как и другие виды килек, находится ныне в стадии развития личинок и молодых рыбок и ведет пелагический образ жизни на сравнительно значительных глубинах». И то утешительно. Но совсем неутешительно, что при этих «пелагических условиях» Ковалев получает бесконтрольно известную сумму на исследование килечного улова. Теперь, когда я прочитал книгу Книповича, я проникся уважением не только к кильке, но и к Розенбергу, и, кроме того, понял, почему председательствующий так удивлялся, серьезно ли Розенберг ставит этот вопрос об улове кильки или изволит шутить. Пусть будет так, как пишут в своих книгах Суворов и Книпович и даже вся экспедиция 1912 года. Но что означает вся эта затея в конкретной обстановке, в которой жили и работали Розенберг и его братья? Это означает то, что зани-

маться подобными вопросами, которые могут иметь лишь академическое значение, а не практическое, может быть допустимо в будущем, в будущем и еще раз в будущем, что этими вопросами надо заниматься тогда, когда есть для этого какие-либо средства и силы, а когда этих средств и сил нет, когда Консервтрест не может восстановить простое, но ценное дело Плотникова, в это время нельзя окуна́ться в каспийские глубины за этими кильками, живущими в каких-то «пелагических условиях».

Я утверждаю, что в наших конкретных условиях это фантастично, это, действительно, чепуха, какой-то анекдот. Этот вопрос серьезно в хозяйственном порядке ставить нельзя. В профессорском порядке можно поставить, в исследовательском можно поставить, а в промысловом можно поставить лишь тогда, когда удовлетворены другие насущные нужды. Я думаю, что вся эта история с кильками, если о ней серьезно думает Розенберг, лишний раз показывает, что это человек, абсолютно не понимающий своих хозяйственных задач и хозяйственного положения страны. Задаваться такими планами в этих условиях ни один хозяйственник, живущий реальными интересами государства, не станет. Он скажет, что серьезно ставить вопрос о кильках, живущих на значительных глубинах, в стадии развития личинок, в данных условиях, при данном положении Консервтреста, нельзя было. Но посмотрите и с другой стороны на это дело. Действительно ли есть данные, позволяющие нам думать, что Розенберг этим делом хотел заняться серьезно? Во-первых, нам известно, что для исследования килечного улова экспедиции выезжали целыми пароходами, которые даже были обставлены «по-настоящему», «по-заграничному». Мне кажется, у Ковалева никакого парохода не было, аппарата не было, и если бы не тренинские несчастные шаланды, то они вообще не могли бы двигаться по водам, которые омывают консервные астраханские заводы. Каким образом Ковалев мог на 200 червонных рублей обследовать эту работу и так обследовать, чтобы Розенберг — как он показывает — мог зимой написать целый доклад об организации килечного улова? Конечно, это чепуха.

Конечно, гораздо реальнее, гораздо естественнее и жизненнее то, что показывает Ковалев, что подтверждает Бердяев и что, в известной степени, подтверждает, вопреки своему желанию, и сам Розенберг. Они показывают, что Ковалеву нужны были деньги и он обратился к своего рода «американскому дядюшке», к Розенбергу, который сказал, что, в сущности, денег он дал, что уже была выдана тантиема и что затруднительно давать вторично. Но так как Ковалев настаивал, Розенберг дал предписание «выдать деньги сверх тех, что были у него под отчетом».

Итак, деньги Розенберг выдать разрешил. Деньги были выданы и Ковалевым получены. Розенберг говорит, что Ковалев

должен был с рыбаками разработать технические вопросы, которые были связаны с кильками, что нужно было создать план работы, собрать материалы и т. д. В действительности же дело совсем не в рыбаках и не в кильках. Деньги просто были выданы Ковалеву под предлогом обследования. Это подтверждает Бердяев, в присутствии которого Розенберг сказал Ковалеву: «Нужно сделать обследование, а как — я тебя учить не буду». «Папаша», а учить не хочет, потому что, очевидно, ученого учить — только портить.

Розенберг сказал Ковалеву: «Я даю тебе выход. Дальше сам смекай».. Вот что это были за кильки... Деньги Ковалев получил? Получил. Заявление на кильки подал? Подал. Розенберг деньги дал? Дал. Ковалев на обследование выезжал? Нет, не выезжал. Розенберг заинтересовался, почему не выезжал? Нет, не заинтересовался. Ковалев ничего не обследовал, никакого отчета не представил и ничего не сделал. Впрочем и делать он ничего не должен был. Так, в сущности говоря, обвиняемые концы с концами и не свели. Ковалев вполне правильно говорит, что вопрос для него был серьезный, что нужны были деньги, что их-то он и попросил, что об обследовании килек и не думал, что все это знал и Розенберг. В дальнейшем ему было предоставлено Розенбергом право представить преувеличенный отчет, который он сам называет подложным отчетом, фиктивным отчетом. Я обращаю внимание Верховного суда на то, что Ковалев несколько раз убедительным образом это подчеркнул: «А я утверждаю,— говорил он,— что было именно так»... — и Розенберг ничего не мог сказать в опровержение. Вот как стоит вопрос.

Я думаю, товарищи судьи, если это сопоставить с тем, что действительно вопрос о кильках чрезвычайно серьезный и что всплыл он в разговоре Розенберга с Ковалевым совершенно нечаянным образом, то станет ясно, что версия Розенберга выдумана, и плохо выдумана. Да разве серьезно можно ставить так вопрос, как поставил его Розенберг? Что же вы, в самом деле, думали обследовать на 200 рублей? Вы думали не обследовать, а как-нибудь на бумаге расход провести... Конечно, обследование — это пустая фраза. Все обстоятельства дела, которые имеются налицо, свидетельствуют о том, что ни о каких кильках в действительности речи не могло быть, но Ковалеву нужны были в данное время деньги, и Розенберг согласился их дать под каким-нибудь фиктивным благовидным предлогом. На это Розенберг — мастер. Вы слышали, как заключался фиктивный договор на получение денег из кооператива Реввоенсовета. Розенберг за этим не постоит. Нужно деньги дать? — Пожалуйста, получай, якобы на кильку. У Розенберга это был обычай.

Поэтому я и говорю: по всей совокупности обстоятельств, вопрос о кильках был приплетен сюда для благовидности. Нуж-

но было дать деньги своему человеку. Компания теплая, семейка почтенная. «Ну, как не порадовать родному человечку»?.. Нельзя так — дадим этак. Тантьема не пройдет — кильки придут, благо килька — рыбка маленькая. К этим эпизодам примыкают, по моему, знаменитые 15 и 30 тысяч, тоже якобы полученные Ковалевым. Розенбергу нужны были деньги на покрытие процентов по каким-то займам — занимал он у Дружинина, у Хачатурова, у кооператива Реввоенсовета, даже у тех, кого он, вероятно, не знает или не помнит, или не называет. Он говорит Ковалеву: «Поддай заявление о том, чтобы тебе выдали деньги на операционные расходы». Ковалев пишет: «В правление треста. Прошу выдать на операционные расходы 30 тысяч рублей». Потом бумажка исчезла, и мы в деле ее не видим, но вместо этого заявления есть другое, где значится: «Выдать Ковалеву на операционные расходы 30 тысяч рублей». А в чем заключаются операционные расходы? Да ни в чем. Ковалев говорит: «Никаких операционных расходов не было, да и денег мне не выдали». Выписали ордера на 30 тысяч да еще на 15 тысяч, а выдали только 4 тысячи, а остальные деньги он не получил, и он это признал. Это было в марте месяце, а записанными на счет Розенберга они оказались в июле месяце, — это уже во время ревизии...

Разве суд не замечает этого самого розенберговского метода действия? Опять те же самые фокусы и манипуляции, опять эти фикции, опять этот разврат. Нет прямых путей в работе, а все какие-то закоулочки, переулочки, зацепочки. Петлями он идет все время. Петлю за петлей он набирает и петлю за петлей забрасывает и запутывает своих товарищей, компаньонов, сотрудников, и сам попадает в петлю... Сплошная цепь этих петель. 15 тысяч рублей и 30 тысяч рублей Ковалев не получил, получил всего 4 тысячи рублей. А ордера выписаны на всю эту сумму, и его заставили расписаться во всей сумме. Он расписался. А в результате Розенберг покрыл этими деньгами какие-то проценты. Вот как делается «дело».

Теперь о том моменте, который следствием в отношении Розенберга не установлен. Это корысть. Для себя все это проделывал Розенберг или не для себя? Если в боковом кармане Шеккина лежал «колдун», в котором были учтены, хотя и по-доморощенному, государственные средства, то у Розенберга не было и «колдуна», где были бы разграничены государственные средства и личные средства. И мы не знаем — по представленным отчетам этого не видно, — почему он занял, для чего он занял, когда он занял, кому отдал, почему отдал и когда отдал. Ничего не записано, все перемешалось. Но для обвинения в корыстном присвоении этого недостаточно. Мы знаем только тот факт, который твердо установлен. Розенберг злоупотреблял властью,

действовал, хотя и не в личных целях,— это не установлено, но какими-то чрезвычайно запутанными, темными, фальшивыми средствами; шел даже путем, если хотите, подлогов; пользовался какими-то надписями, подписями, расписками. И вот таким образом строил хозяйство, вот таким образом разрешал хозяйственные затруднения, вот таким образом разрешал сложные хозяйственные задачи.

Вот почему, товарищи судьи, я говорю: бесхозяйственность уж во всяком случае здесь налицо. Нездоровая, гнилая бесхозяйственность в деятельности Розенберга выпячивается вперед своим отвратительным лицом. Это установлено с несомненностью.

Но я думаю, что и другой факт — именно то, каким способом и какими приемами работал Розенберг при помощи своих подручных, что этот способ работы Розенберга должен заслужить достаточно решительное осуждение со стороны Верховного суда республики. Нужен здоровый способ работы, а не такой глестворный, разлагающий наш аппарат, как это было в Консервтресте.

Заканчивая этот эпизод, я прошу иметь в виду, что по этому эпизоду Розенберг обвиняется в том, что склонил в апреле месяце 1923 года Ковалева подать в правление треста два заявления якобы на получение авансов. В одном заявлении написано «на операционные расходы», а в другом — «аванс», причем в эту историю влез и Эймонт. Он, Эймонт, выдал Ковалеву из 565 рублей, значащихся в заявлениях, только 14, а остальные — 551 рубль — были при его содействии Розенбергом оставлены в своем распоряжении, как он говорит, на покрытие расходов по займу в виде процентов. Если даже поверить ему, поверить, что он не обратил их в свою пользу, ибо доказательств, что он платил проценты, нигде нет,— то и тогда он должен быть признан виновным и подвергнут уголовному наказанию.

Перехожу к вопросу о танъемах. Раньше всего позвольте условиться о следующем: что мы доказываем и что мы не должны доказывать, как очевидное само собой.

Я думаю, что мы не должны доказывать следующее положение, как аксиому, не требующую доказательств. Во-первых, в 1922 году 22 октября было издано распоряжение ВСНХ, которым вводилась в действие инструкция о порядке выдачи наградных государственных управлениями. И вот в этой инструкции говорится, что танъему можно выдавать. Танъема — допустимая вещь и узаконенная правительством, но та танъема, которая выдается, во-первых, из особого фонда, образуемого из чистой прибыли предприятия или треста, и, во-вторых, на основании постановлений особой междуправительственной комиссии при Наркомтруде. Это надо считать совершенно твердо установленным инструкцией от 22 октября 1922 года. Что же делается в Консерв-

тресте? Во-первых, в Консервтресте на эту инструкцию попросту наплевали. Правда, когда мы здесь на суде притянули их к ответу, нам на это сказали: «Мы не знали закона». А для того, чтобы придать большую достоверность тому, что они не знали закона, добавили: мы в это время находились в Астрахани, а до Астрахани хоть девять лет скачи, не доскачешь, и инструкции туда не доходят. Это первое положение, из которого вытекает, что Розенберг грубо нарушил инструкцию. Но пусть Розенберг не знал инструкции. У меня есть и другие доказательства. У меня имеется то «Положение о консервной промышленности», о котором я уже говорил, которое, конечно, Розенберг знал и в котором сказано, что всякие выдачи наградных, премиальных и т. п. могут иметь место не иначе, как с разрешения президиума ВСНХ. Это сказано в самом положении о тресте консервной промышленности в п. 10, и, следовательно, если статья на оборонительную линию Розенберга, что он был в Астрахани и инструкции 22 октября не знал, то окажется, что он все-таки знал «Положение о консервной промышленности», которым воспрещается выдача всяких вознаграждений вопреки установленному порядку, без разрешения президиума ВСНХ. Розенберг великолепно это понимает и чувствует, что попал в тупик, ибо, когда мы спросили его, на каком основании, выдав Ковалеву и Трофимову тантьему, вы хранили у себя их расписки и расхода не провели по книгам, он отвечал: «Я их не провел потому, что рассчитывал обратиться в ВСНХ за разрешением на выдачу этой тантьемы». Итак, Розенберг сам расписывается в том, что нами установлено и без него: тантьема была выдана без разрешения ВСНХ и с грубым нарушением законов, которые на этот счет существуют.

Товарищи судьи, как мы должны отнестись к подобным фактам с точки зрения нашей судебной и карательной политики? Мы знаем, что вопрос тантьемы — большой вопрос, что по этому вопросу шли и идут горячие споры. Но мы знаем, что споры разрешены, что есть точно установленное, закрепленное положение, и наша обязанность — держаться этого.

Тантьема — это острое средство. Тантьема раздражает мало-сознательных людей, возбуждает, подстрекает. Мы это хорошо знаем и чувствуем. Мы знаем, что когда специалисты получают всякого рода сверхставки, то на это кое-кто указывает всеми десятью пальцами, что на этой почве нередко ведется самая недопустимая, носящая буквально контрреволюционный характер демагогия, что на этой почве разжигаются нездоровые, антиспецовские настроения, шушукание, сплетни, распускаются всякие слухи и шепотки... Но тантьема — это необходимость, это государственная необходимость... Поэтому тантьема должна применяться осторожно, лишь в строго законных рамках и на строго законных основаниях.

Можно ли допустить, чтобы за пределы установленного законом самовольно, самоуправно и бесхозяйственно переходили Розенберги, Бердяевы, Ковалевы? Нельзя этого допустить. Ни партия, ни профсоюзы, ни государственная власть, ни суд не имеют права на это закрывать глаза и оправдывать подобное беззаконие тем, что это всегда так делается, всеми так делается. Все это пустяки. На этом вопросе, товарищи судьи, наши враги пробовали делать «политику». Я вам напомним 1921 год, всякие премиальные выдачи, спецставки, — на этом вопросе мы держали свой политический экзамен, на этом вопросе наши враги пробовали потрясти основы нашего государства. Поэтому к этому вопросу нужно отнестись внимательно, спокойно, твердо и решительно. Если мы вынуждены пойти на тантъему, стать на эту дорогу, то мы должны твердо идти по этой дороге в пределах, установленных законом, и никаких отступлений, никаких лазеек, никаких дорожек, никаких закоулочков здесь допускать нельзя.

Этот вопрос, который представляется многим простым, пустым и формальным, мне представляется политически важным. Он представляется мне государственным вопросом, большим и серьезным, и здесь суд должен поставить знак предела. Суд должен сказать: «Граждане специалисты, государство вас максимально обеспечивает, оно вам дает тантъемы, премиальные, — работайте, творите, создавайте, руководите технической деятельностью рабочего класса, но — в пределах закона, а сверх того, за эти пределы мы не позволим вам и полшага сделать, мы не позволим вам срывать нашу политику и работу»...

Вопрос о политике зарплаты есть величайший вопрос в рабочем движении и в условиях социалистической революции вопрос исключительной важности. Нужно понять, нужно оценить его, а понять данный вопрос — это не то, что говорит французская поговорка: «понять — это простить». Понять в данном вопросе — значит осудить. Розенберг признал себя виновным, что он преступил в этом вопросе закон, и пусть он несет ответственность, и пусть на приговоре о Розенберге учатся наши специалисты не преступать советские законы. Незаконная выдача тантъемы есть нарушение не только формального порядка, а нарушение самих основ нашей тарифной политики. Нарушение тарифных законов — это разнузданность, которая допускается группой людей, не считающихся с этой политикой, и мы эту группу людей судебным приговором призовем к порядку.

Здесь есть еще и другая сторона дела, которую мы увидели уже на процессе. Надо сказать, что всякий судебный процесс имеет своей задачей не только разобрать дело и наказать виновных, но он всегда имеет своей задачей разобрать и показать,

где гнило и плохо, и научить нас, как избавиться от этого гнилого и плохого. Наш суд не просто карающий орган. Это старое буржуазное представление о суде, как о карающем органе. Наш суд является оздоравливающим органом; мы в результате не только караем, но и оздоравливаем, намечаем пути оздоровления жизни; не только учим, но и учимся сами, как строить молодое государство. Я говорю, что здесь есть еще другая сторона дела. Разве мы не видим, на какой скользкий «тантьемный» путь становятся некоторые не в меру «смелые и решительные» люди. Им кажется, что их образ действий здоровый, а в действительности он является самым настоящим, доподлинным преступлением. Лучшую иллюстрацию этого дал нам этот процесс, показав, как тантьемы ведут к злоупотреблениям корыстного порядка, развращая людей. Вот тоже «объективные» причины, толкающие людей к тем преступлениям, на которые они, может быть, и не пошли бы сами по себе. Вот вам история с Бердяевым. Бердяев, выдавая тантьемы, прикрывал ими воровство; он сам не мог установить границу, здесь и не было для него реальных границ. Кто разнуздан, у кого нет внутренней дисциплины, тот кладет в карман, не заботясь о том, что это будет называться тантьемой, воровством или как-нибудь иначе.

В отношении Бердяева установлен целый ряд моментов, позволяющих вменить ему в вину присвоение государственных средств под видом тантьемы. Когда я буду говорить о Бердяеве, я освещу этот вопрос применительно к нему полнее. Но палка — о двух концах. Один конец бьет Бердяева, а другой конец не может не ударить Розенберга. Я думаю, товарищи судьи, вы не забудете этого в своем приговоре. Вы не забудете опустить эту палку на каждую голову, которая этого заслуживает, а раньше всего этого заслуживает розенберговская голова, потому что он ведь «папаша», он ведь знаток, он даже занимается толкованием всех законов, положений и т. д. Тут есть показание Розенберга на предварительном следствии о п. 10: «Я понимал этот пункт таким образом, что без президиума ВСНХ нельзя членам правления выдавать тантьем, а остальным — можно». Детские сказки. Кто говорит это? Монаков, неудавшийся студент, слесарь Трофимов или профессор Розенберг? Детские сказки он мастер рассказывать. Вы, Розенберг, сами отлично это понимаете. Просто у вас тогда не было смелости сказать то, что вы здесь сказали, что вы сознаете свою вину и согласны, что за это преступление вы должны понести наказание.

К Розенбергу по правлению примыкает Файно. Здесь мы вступаем в царство вздохов. Обвинение, которое предъявляется Файно, во-первых, носит, так сказать, общий характер, поскольку он, будучи членом правления, заместителем председателя

правления Консервтреста, на протяжении известного периода времени, точно указанного в обвинительном заключении, не принял мер для налаживания взаимной связи заводов и мест, отчего заводы фактически бездействовали и, конечно, что совершенно естественно, в результате этого были убытки. Обвинение, которое в этом смысле предъявляется Файно, целиком вытекает из той бесхозяйственности и бездеятельности, которые свили себе крепкое осиное гнездо в правлении Консервтреста. Все, что в этой части относится ко всему правлению, относится и к Файно как к члену правления, заведующему производственным отделом. Я должен перед вами поддерживать обвинение в отношении Файно, и я его поддерживаю. Преступление Файно квалифицируется по ст. 108, с санкцией по ч. 1 ст. 105¹. Файно, кроме того, конкретно предъявляется обвинение, заключающееся в следующем: на ревизии в Астрахани (слова «ревизия», впрочем, здесь избегают,— пусть будет так) были обнаружены незаконные выдачи так называемых таньем Бердяеву, Ковалеву и Трофимову. Раз обнаружено, это надо отметить в ревизионном акте. Но это не делается; этот факт скрывается и, таким образом, совершается интеллектуальный подлог документа — преступление, которое квалифицируется по ст. 116². Таков фактический состав преступления. Защита, вероятно, будет ставить вопрос таким образом: подлог есть обман, обман — это сокрытие истины. От кого же Файно и Эймонт скрывали эти выдачи? От Розенберга? Но Розенберг это знал, значит истину не надо было скрывать, значит нет обмана, нет подлога. Нет обмана — нет подлога, и все обвинение рассыпалось.

Посмотрим, как же обстояло дело в действительности. Так ли это все просто или нет. Дело-то вот в чем. Конечно, эта ревизия или комиссия по обследованию есть, так сказать, правленческая комиссия, и правлению незачем было сообщать об обнаруженных таньемах как о новом обстоятельстве. Это было правлению известно. Но когда приходит другая ревизия, которая интересуется этими делами и тем, что содержится в актах обследования, произведенного хотя бы во внутреннем порядке, то такая ревизия (уже не правленческая, а государственная), увидев такой документ, требует у управления отчета; если же она этого документа не видит, то все остается шито-крыто. Незаконные действия остаются скрытыми — факт, имевший место здесь,— и ревизия проходит дальше, и только после того, как она тщательно покопалась в делах, как это произошло в данном случае, ревизия открыла эпопею с таньемами и с чрезвычайным опозданием открыла ее не для Розенберга, а у Розенберга. Вот как

¹ Ст. 108 соответствует ст. 111 УК 1926 года, ст. 105 — ст. 109 УК 1926 года.

² Соответствует ст. 120 УК 1926 года.

ставится вопрос. Что же в этом случае сделал Файно и что сделал Эймонт? Они обнаружили тантъемы, они увидели эти незаконные выдачи и понимали это, ибо Файно возмущался этим. Он говорил об этом и на суде, и на предварительном следствии, и говорил, что с этими шуками Розенберг засыплется, закрутится. Но он решил сначала покрыть, а потом фиксировать. По крайней мере, Файно — и я держусь этой версии, так как он это показывал неоднократно — приказывал Эймонту это зафиксировать и был удивлен, когда впоследствии увидел, что это не было сделано. Теперешняя же версия Файно о том, что он решил не фиксировать, потому что его убедил в этом Эймонт, неправильна, так как Файно, наоборот, по его собственным словам, приказывал фиксировать. Поэтому, когда мы говорим об этом самом подлоге, мы должны помнить, что дело заключается не в том, конечно, что были обнаружены какие-то расписки Трофимова и Ковалева, которые они скрыли. Об этих расписках была речь и об этом было известно в Астрахани Файно и Эймонту. Дело не в этом, а в том, что ими было установлено незаконное получение тантъем Ковалевым и Трофимовым и не было в акте отмечено, а это имело следствием то, что это беззаконие ускользнуло от ревизирующего органа. И только 28 ноября это было открыто и с большими трудностями, ибо по книгам это не проводилось как тантъемы, а проводилось под каким-то другим соусом, ничего общего с тантъемами не имеющим.

И Файно, и Эймонт в этом одинаково изобличаются, и они должны нести одинаковую ответственность. Поэтому в отношении Файно я поддерживаю обвинение так, как оно изложено в обвинительном заключении. Я еще остановлюсь на третьем моменте, который связывается с присвоением Файно денег, вырученных Бердяевым за три вагона рыбы. По данным предварительного следствия дело обстоит так. Тут я для связи должен перейти — по возможности сокращая время — к эпизоду с Бердяевым, продавшим три вагона судака.

Вы помните обстоятельства дела. Бердяев получил возможность, взамен тех башек, или, как здесь говорили, «башков», рыбы, получить три вагона судака на Астраханской хладобойне. Эти три вагона судака Бердяев гонит в Москву. 23 декабря отправил из Астрахани, 2 января они прибыли в Москву, а 3-го их выкупили. Мы видели это из документов, которые были здесь получены. И таким образом эти даты твердо установлены. Когда эти три вагона прибыли в Москву и Бердяев их выкупил, он их продал за 32 тысячи и деньги положил в карман. По его объяснениям, он 12 тысяч оставил у себя, 10 тысяч отдал Файно и 10 тысяч Розенбергу. Вот как обстояло дело. Что же выяснилось на суде? Бердяев остается при всех своих объяснениях. Розенберг решительно отрицает факт получения денег. Никаких

объективных доказательств, которые были бы по этому вопросу против Бердяева или за Бердяева; у нас не существует. Итак, есть показание Бердяева, есть показания других лиц, заинтересованных в вопросе. Вот и все, что у нас есть. Попытка защиты поставить вопрос таким образом, что эта сделка произошла тогда, когда Файно не был в Москве, а был в Астрахани, потерпела полный крах. Она прожила только одну ночь. Можно считать установленным, что эта сделка была совершена тогда, когда Файно был в Москве.

Здесь мы упираемся в вопрос: верить Бердяеву или нет? И вы, товарищи судьи, должны этот вопрос разрешить правильно, и вы, конечно, его разрешите по своей судейской совести. Но я как представитель обвинения, мне кажется, должен тоже ответить на этот вопрос. Бердяев у меня не вызывает к себе доверия. Недаром контрольная комиссия, исключившая его из партии, указала, что это «разложившийся элемент», а если он разложившийся элемент, то чего же от него и ждать?

Почему я не могу верить Бердяеву? Во-первых, потому, что Бердяев сам по себе, без подкрепления другими объективными фактами, доверия внушить не может и доверия не заслуживает. Он вычищенный коммунист. Он «коммунист», который имеет почетный билет в казино, в Эрмитаж, который играет в рулетку, который выдает себя за инженера, тогда как инженером не является, который имеет уже солидное досье с большим количеством рекомендаций. Я убежден, что ни один из вас, товарищи старые партийцы, и десятой доли не имеет этих рекомендаций. У Бердяева все это заранее подготовлено. Но чем больше рекомендаций, тем хуже, так как если люди ходят с большими папками прекрасных рекомендаций «на всякий случай», то это плохо их рекомендует. Вы посмотрите, каких только у него нет рекомендаций! На одну секунду опустите завесу над фактами, которые нам теперь известны о Бердяеве, попробуйте нарисовать себе портрет Бердяева по тем отзывам, которые имеются в этом деле. Блестящий получится портрет. Идеальный получится портрет. Рабочие собрания преподносят ему коллективные адреса с благодарностью, члены губисполкомов дают блестящую характеристику. Больше того, тут эту характеристику по партийной линии дают даже непартийные люди. Например, блестящую характеристику — я бы сказал даже через край хвадившую — дал Розенберг, и куда? В московскую контрольную комиссию, когда последняя потянула Бердяева на партийный суд. Что в это время делает высококвалифицированный Розенберг? Он спешит на выручку Бердяева, даже впадая в некоторую хлестаковщину.

Кстати, не надо забывать, что когда мы говорим о том, что Бердяев, не будучи инженером, присваивал себе это звание, то

же самое надо сказать и о Розенберге, который дал блестящую характеристику этому Бердяеву. Он характеризует его способности как исключительные. Говорит, что Бердяев сделал крепкий шаг вперед... Это действительно «крепкий шаг». Бердяев-де делал большое государственное дело. Из этой характеристики вы видите, что у Бердяева «идеальная постановка товарного, торгового отдела и пр.». С того момента, как астраханские предприятия были вручены Бердяеву, «их развитие и рост достигают наивысшего предела». Нет, Розенберг, еще не «наивысшего предела». Бердяев еще себя покажет. «И в данный момент военные постановки можно считать не только образцовыми для военного периода времени (какой профессорский язык!), но совершенной постановкой в промышленных предприятиях и по сравнению с Европой». Что же вы забыли про Америку и Японию? Тогда бы можно было сказать: «чуть ли не со всеми странами света»! Причем этот Бердяев, оказывается, умел «сочетать высокие производственные качества с качествами большого и подлинного общественника» и т. д., и т. д. Это писалось 13 августа, а широкая «культурная его работа» в четырех казино была 23 — 27 июня. Культурная работа — это, товарищи судьи, я прошу отметить в вашей памяти как материал нравственного порядка уже для Розенберга. «Характеристикой этой высокой постановки дела может служить факт полного отсутствия хищничества на предприятиях». А три вагона судака? «В данный момент астраханские заводы заняли выдающееся место, стали ярким пятном» (язык-то, язык какой!) и т. д., и т. д.

Тут Розенберг, пожалуй, прав: Бердяев — действительно яркое пятно, очень яркое пятно. Я повторяю еще раз, товарищи судьи, я говорю об одном моменте. Задернем завесу, скрывающую от нас реального Бердяева со всей совокупностью предъявляемых к нему обвинений, учтем эти характеристики, эти адреса, где говорится об отеческом отношении доброго «хозяина» Бердяева к своим «братцам-рабочим», и нам покажется чудовищным предъявление к Бердяеву тех обвинений, которые мы сейчас предъявляем, если бы... если бы этот человек сам не сознался во всех своих преступлениях.

Кто же такой Бердяев? Если он был здесь так тароват на всякого рода оценки и характеристики, то позвольте, во имя справедливости, воздать ему тем же. «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться». Он сам комбинатор, мистификатор и т. д., и прочее. Все то, что он говорил о других, — все это может быть применено к нему самому: он является авантюристом, крупным, ярким авантюристом и как нравственная личность, на мой взгляд, не заслуживает никакого к себе доверия. И вот по эпизоду с 32 тысячами рублей он-то и является сейчас здесь перед вами единственным

обвинителем этих людей, против которых других материалов мы не имеем.

Я не знаю Розенберга. Из всей мистификации, лжи, «европейских» рекомендаций и прочего можно вывести заключение, что это человек, очевидно, не особенно разбирающийся в путях и средствах. Но это, конечно, предположительно, и я не могу обвинять его в том, что он присвоил себе те деньги, которые якобы дал ему Бердяев. Может быть, я в этом ошибаюсь. Судебный приговор эту ошибку в таком случае исправит.

Но мне представляется, что Бердяев, обвиняя Розенберга и Файно в присвоении денег, сделал просто хороший шахматный ход. Ему нужно выходить из положения. Он попал впросак. Тантьемы — это благовидный предлог, благовидный прием, и, пожалуй, можно окопаться на этих тантьемах и как-нибудь с чьей-нибудь помощью выбраться из этой истории: Розенберг, с одной стороны, и Файно, с другой стороны, может быть, помогут.

Ему одному из этого дела не выкрутиться, и он запутывает двух других. Мне представляется его ход тактическим, дипломатическим, стратегическим и т. д., но во всяком случае лишенным всякой реальности. Зачем нужно было Розенбергу среди бела дня и на глазах у Бердяева класть в свой карман эти деньги, да притом такие небольшие деньги, когда это Розенберг мог сделать и без помощи Бердяева? Зачем было Розенбергу и Файно вмешиваться в историю с тремя вагонами судака, когда у них и без судака были пути и способы? Три лица порют такую горячку, становятся сообщниками преступления — из-за чего? Из-за нескольких десятков червонцев? Пустяки. Я этому не верю. Это защитительная версия Бердяева: «Три вагона судака продали мы все, а деньги положили в карман». Но тут есть еще одно соображение. Мы слышали, что Бердяев упорнейшим образом твердил: «Я еще получил 35 тысяч», — но этих 35 тысяч мы нигде не нашли. На что, кажется, лучше: Бердяев говорит: «Я получил 35 тысяч», — а мы не можем найти... Почему? Потому ли, что «великий комбинатор» Эймонт ему помог скрыть концы в воду, потому ли или по другому, — во всяком случае Бердяев упорно говорит, что он получил еще 35 тысяч. Не путает ли Бердяев? Не 32 ли тысячи он получил? Эти самые 32 тысячи, вырученные им, а может быть и 35 тысяч, вырученные за эти три вагона? Тем более, что эти 32 тысячи не установлены никем, даже самим Бердяевым. Эта сумма могла быть на тысячу больше или на тысячу меньше. И, таким образом, я думаю, что 35 тысяч — реальная цифра, зафиксировавшаяся в его памяти, и какая-то сумма, вырученная за три вагона судака, — это одна и та же сумма, а о ней-то и говорит Бердяев, что он получил ее полностью.

Товарищи судьи, было бы очень просто сказать: «Вот Бердяев говорит, — поверьте ему, и кончено». В мою задачу не входит произносить защитительные речи, но вы знаете, что советский закон обязывает обвинителя, если он сомневается в предъявленном обвинении, формулировать это перед судом ясно и точно. Уголовно-процессуальный кодекс прямо так и говорит. Поэтому я, предоставляя все остальное защите, думаю, что имеющиеся у нас данные, связанные с тремя вагонами судака, не дают оснований обвинять в присвоении сумм ни Файно, ни Розенберга. Отсутствие улик требует прекращения дела в процессе следствия, как это предусмотрено п. 2 ст. 202 УПК, или оправдания в случае, если дело дошло до суда.

Я не могу говорить о невиновности, о благонамеренности, нравственности и тому подобных качествах Файно или Розенберга. Я говорю лишь, что против них — против Файно и против Розенберга — по этому эпизоду недостаточно улик, и я не могу поддерживать поэтому против них обвинение, связанное с тремя вагонами судака. Но относительно Бердяева я это обвинение поддерживаю. Здесь есть классический случай присвоения и расхищения народного достояния, и это не один случай.

У Бердяева целая система. Вот он заключает договор с Кочмарем, кооперативом Политуправления — Коопуром, заключает договор весьма странный. Он у кооператива Реввоенсовета покупает 60 тысяч аршин мануфактуры. Скажите, пожалуйста, разве нельзя найти в Москве мануфактуры, кроме как в кооперативе Реввоенсовета, в кооперативе, который днем с огнем не сыщешь? Бердяев, как всякий преступник, может привести тысячу объяснений, но у него дела с текстильным синдикатом, которому он должен 4 тысячи червонцев. Почему же он заключает договор с Кочмарем, конечно, пройдохой, который все совершенно свободно купит и продаст и оптом и в розницу?

Кочмарь берет 2400 миллионов рублей (знаками 1922 г.) и возвращает их спустя месяц без начисления курсовой разницы. Что это такое? Бердяев не ребенок, он отлично понимает, в чем тут дело. Афера общая. А когда Кочмарь беспричинно расторгает договор, он ссылается, как на мотив к расторжению договора, на то, что ему невыгодно при повышении цен на мануфактуру получать свои комиссионные проценты, и деньги возвращает. Бердяев попросту кладет себе их в карман, нигде их не приходя. Когда его спрашивают, что это такое, он говорит, что это «тантьема». Хорошее, удобное словечко... Тут и Розенберг виноват. Но это все цветочки, а ягодки будут впереди.

Такая же история с Вокарыбой. 2400 миллионов рублей по этому договору Бердяев получает обратно, денег этих не приходует и кладет себе в карман, и когда мы спрашиваем, почему он это делает, он опять отвечает: тантьема. Тантьема стала

чем-то вроде всеспасающего средства; это источник счастья, элексир жизни. Как только произнесут слово «тантьема», так зло превращается в добро, черное становится белым и добродетель торжествует. Но Бердяев говорит, что он это делал с разрешения Розенберга. В действительности же никакого разрешения не было, потому что если бы оно было, то Бердяев нам доказал бы это более обстоятельно, а он нам сказал, что он это сделал с разрешения Розенберга, данного ему «в общих выражениях». Но это, конечно, курам насмех. В общих выражениях не даются такие разрешения.

Мы знаем, что когда Розенбергу нужно было выдать Бердяеву тантьему, он написал бумажку о выдаче 20 тысяч рублей. Правда, он скрыл там, что это тантьема, как было между ними условлено, и спрятал концы в воду. Это опять тот фокус, к которому Розенберг нередко прибегал, совершая незаконные действия и пряча концы в воду. Но все-таки здесь есть какие-то следы произведенной выдачи денег. Тут же никаких следов нет. Просто Бердяев воспользовался тем злоупотреблением властью, которое позволял себе Розенберг, устанавливая выдачу ему тантьем, использовал сложившуюся для него благоприятную ситуацию и стал расхищать те средства, которые попадали ему в руки. Так поступил он с суммой, вырученной за три вагона судака, так он поступил с деньгами от Кочмаря и от Вокарыбы и, таким образом, трижды совершил преступления, которые характеризуются ст. 113 УК¹. В силу же достаточно серьезных материальных ценностей, которые были присвоены им,— ведь этими тремя вагонами рыбы можно было бы накормить целый завод,— и в силу занимаемого им положения, я считаю, что ч. 2 ст. 113 имеет полное основание быть к нему примененной.

Бердяев виновен также и в том эпизоде, на котором мы долго останавливаться не будем и который заключается в похищении у него государственных средств в ту знаменитую ночь в «Париже», где он был, очевидно, не совсем в трезвом виде, после бесконечных путешествий и на автомобиле и пешим порядком, после всех тех происшествий, которыми он заполнял свое свободное время. Это предусматривается ст. 108, с санкцией по ч. 1 ст. 105 УК.

Вопрос с Бердяевым стоит ясно и твердо, но суд, когда он будет оценивать его деятельность для определения ему наказания, должен будет, однако, принять во внимание целый ряд обстоятельств, учесть, что самая атмосфера, его окружавшая, была тяжелая, больная, вредная — и мы условились в этом с самого начала,— что «объективные» обстоятельства толкали и разлагали и, в конце концов, разложили, не могли не разложить

¹ Соответствует ст. 116 УК 1926 года.

этого человека. Кроме того, нужно принять во внимание то, что из общей суммы убытков, которые были причинены Бердяевым, — 28 тысяч рублей золотом, — 20 тысяч у него были похищены, а им присвоены были лишь уцелевшие 8 тысяч рублей.

Положение Ковалева в процессе тоже достаточно ясно. Ковалев, во-первых, получает эту самую тантьему, 10 тысяч рублей, по распоряжению Розенберга, не имея на это никаких законных оснований и отлично понимая, что это вовсе не тантьема, которой он только прикрывается. Да, если бы он получил из прибыли, тогда можно было бы еще говорить о тантьеме. Но о прибыли говорить не приходится. Это, таким образом, не тантьема, а простое присвоение денег, которое было им учинено по соглашению с Розенбергом. Затем он получает 200 рублей, — это те самые фиктивные «килечные» деньги, — скрывает это от бухгалтерии и, следовательно, опять попадает под ст. 113, но, поскольку его положение недостаточно ответственно, — под ч. 1 ст. 113. И, наконец, те деньги, которые он получил в виде свадебного подарка, 115 рублей, которые он взял якобы на «операционные расходы», — это тоже присвоение, и оно целиком укладывается в ч. 1 ст. 113 УК.

Преступления Эймонта. Во-первых, я здесь имею право, мне кажется, просить суд освободить меня от необходимости давать объяснения по общефинансовой части, так как все это достаточно хорошо выяснено было на судебном следствии, но в выводе обвинительного заключения необходимо внести некоторые поправки. Калькуляционный отдел в ведении Эймонта не находился. Это можно считать твердо установленным.

Бесхозяйственность в постановке всего финансового дела в Консервтресте была уже очерчена выше. Здесь нужно лишь сказать, что эта бесхозяйственность своим косматым крылом сильно задевает и Эймонта, он должен быть за это ответственным.

Я уже докладывал суду, что есть свидетельство самое яркое, классическое, как здесь говорила защита, — свидетельство бесхозяйственности, небрежности, свидетельство того, что Эймонт занимался не тем делом, которое ему было поручено, — фактически не руководил, не инструктировал, потому что те бумаги, которые писались, ничего не давали.

Вспомните свидетельство Никитина. Если потребуется, я дам объяснения во всей полноте, но суд, я думаю, хорошо помнит о том, что говорил Никитин: было 6—10 человек штата в бухгалтерии. Никитин неоднократно указывал на недопустимость такого положения вещей, но все оставалось безрезультатным. И когда, наконец, 20 августа 1923 г. (т. е. месяца за два до ликвидации треста) штат был увеличен, то лишь «под упорным давлением Никитина».

Характеризуя бухгалтерию, можно сказать одно только слово «Ланицкий», и довольно. Кто ответит за Лапицкого? Эймонт, конечно. Говорят: штаты были малы. А кто отвечает за то, что были малы штаты? Заведующий финансово-счетным отделом. Когда мы допытывались у Никитина, почему не взяли лишних 2—3 человек, он сказал: «Недостаток материальных средств». Ах, вот что! А две тысячи рублей на дачу? А 211 червонцев Бердяеву подъемных после того, как он уже пропустил 1300 червонцев в «Париже»? А были средства ремонтировать комнаты? Были средства покупать на 10 тысяч рублей золотом прокисшее вино, которым торговали-торговали, а в результате оказалось, что за 3—4 месяца всего 8 бутылок продали, а остальное вино окончательно скисло? Это что — «недостаток средств»?

Очевидно, средства были, но не было хозяйственного, делового, добросовестного отношения к ним. Эймонт имел громадное влияние на Розенберга. Как показывает председатель месткома, он мог добиться всего, чего хотел. Очевидно, увеличения штатов он не добивался; он говорил, что это несвоевременно, что надо подождать. Все его отношение к бухгалтерии свидетельствует о том, что Эймонт хотя и понимал, что такое бухгалтерия, ибо он достаточно грамотный человек, но по своей преступной халатности и бездеятельности не проявлял к ней нужного внимания, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 108 УК.

Далее вопрос идет относительно акта и незаписи в него незаконных выдач тантъемы. Они не внесли в акт это обстоятельство. Оно обнаружилось только при последующей ревизии, благодаря тому, что бухгалтер Горбунов явился и рассказал об этом, раскрыв именно тот подлог, о котором я говорил. Таким образом, здесь налицо ст. 116 УК.

В истории с Ковалевым Эймонт тоже участвует. Какое основание было для получения Ковалевым 15 тысяч рублей? Кто этому помогал? Эймонт выписывал, Эймонт разговаривал, Эймонт помогал. Объяснения Ковалева по этому вопросу против Эймонта находят себе подтверждение в объективных фактах, в документах, и я полагаю, что здесь виновность Эймонта также несомненна.

Товарищи судьи, остаются еще три фигуры: Монаков, Позин и Браиловский.

Обвинение Браиловскому предъявляется в том, что им были совершены три фиктивные выдачи комиссионеру Мокровичу по трем договорам: 26 августа с Моссельпромом, 29 августа с 1-й колбасной фабрикой и в октябре с Коопсахом, представителем коего был допрошенный нами свидетель Дмитриев. Обвинение по этим трем сделкам обосновано достаточно. Были заключены договоры. То, что эти договоры были заключены

на невыгодных условиях, это Браиловскому в вину не вменяется — вопрос о невыгодности спорный; то, что он платил комиссионерам проценты, это тоже не вменяется; то, что он не создал торгового отдела — были к тому «объективные» причины, была вина правления, — в этом он тоже не обвиняется, а обвинение ему предъявляется в фиктивных уплатах по цесовершенным сделкам. Была Браиловским выдана Мокровичу какая-то сумма. Обвинение заключается именно в том, что он выдавал деньги, когда не следовало выдавать. Это есть растрата, как бы защита ни протестовала и ни удивлялась такой квалификации операции Браиловского.

Что касается двух других фигур — Позина и Монакова, я думаю, что с Позиним дело тоже обстоит просто, как в этой части и с Розенбергом. В конце концов вопрос сводится к формальному нарушению правил, регулирующих монополию. Нарушение налицо. Здесь было доказано, что Розенберг и Позин без разрешения НКВТ заключили два договора — один 22 мая 1922 года, а второй — 5 октября 1922 года. Эти договоры были заключены с Русско-Балтийской заграничной фирмой, представителем которой является некий Дарзан. Тут нарушение правил о монополии внешней торговли, которые изложены в законе от 11 июня 1920 года. От НКВТ не было получено предварительного разрешения. Велись переговоры, заключались договоры. Та ссылка, которую делает Розенберг, что в практике Наркомвнешторга были случаи, когда проекты договора рассматривались как разрешения на предварительные переговоры, неправильна. Эту ссылку на практику Внешторг опровергает документами, которые находятся в томе X, — это просьба Наркомвнешторга привлечь к ответственности за нарушение законов о монополии внешней торговли Позина и Розенберга. Нарушение налицо, и оно бесспорно. Один из защитников подсудимых сказал, что они — Позин и Розенберг — просят снисхождения к ним ввиду того-то и того-то; но туда, где речь идет о снисхождении, я не вмешиваюсь. Это целиком дело суда.

Остается Монаков. Монаков — фигура довольно колоритная. Как-то незаметно выплыл этот человек, про которого можно было бы сказать, как сказал Тургенев в своих «Записках охотника» про Сучка: «Эх, и видал же ты, Кузьма, виды». И действительно, этот Кузьма — Монаков — виды видал: он был и в подотделе снабжения Астраханского завода, и в Главконсерве, и в Областьрыбе, и вторым помощником директора, и так далее, и так далее, но никогда не был ни производственным, ни красным купцом. Нет ничего удивительного, что он заключал договоры, которые приносили одни убытки. Все это было в процессе судебного следствия разжевано и растолковано, и я не буду останавливаться на всех этих договорах в отдельности, потому

что их характер не оспаривался, а подвергался лишь толкованию.

Хотя производственная часть была убыточной, но производственная часть — это только часть, а торговля могла быть прибыльной, а следовательно, он и не ответственен за убыток по производственной части. Вот как ставит вопрос защита, но по существу дела это неправильно. Если один заключает бесхозяйственный, бесполовый договор, убыточный для производства, то может ли он не нести ответственности за это потому только, что в торговле другой человек восполнил эти недостатки? Постановка вопроса неправильная, потому что по принципам уголовной ответственности каждый отвечает за себя. А если это так, если Монаков действовал бесхозяйственно, то и надо его судить за бесхозяйственность по ст. 128¹, как и Бердяева, который договоры утвердил целиком. И отговорка этого «бедного» человека с таким богатым прошлым и биографией, со всем его торговым и деловым «опытом» тургеневского Сучка, отговорка, что он не знал цен, по которым заключал договоры, лишней раз доказывает, какие хозяева сидели на Астраханском заводе. У него под носом биржевое совещание, на бирже устанавливались цены, а он защищается тем, что цен не знал, на совещании не был. Бердяев, как умный человек, говорит: мы знали эти цены и могли их видеть. Тут определенно нанесен ущерб государству по бесхозяйственности, налицо состав ч. 1 ст. 128, и я поддерживаю это обвинение.

Я полагаю, товарищи судьи, вы учтете также связь Монакова с поставщиками через своего брата, служившего у одного из них.

Я кончаю. Я чрезвычайно быстро, чуть ли не кавалерийским маршем, проделал свой путь, стараясь, поскольку хватило сил, выявить общую картину преступлений, конкретизировать преступления отдельных подсудимых, будучи кратким и избегая повторения того, что мне казалось достаточно и без того запечатленным в вашей, товарищи судьи, памяти в результате судебного следствия.

Мне кажется, что, подводя итоги всему изложенному, можно прийти к такому заключению. Та бесхозяйственность, которая так резко выпячивается в этом процессе, которая носит действительно, можно сказать, классический характер, которая поражает и своей циничностью, циничностью тех откровенных форм, в которых эта бесхозяйственность проявляется, и тем циничным падением государственного треста до уровня мелкой торговли, без каких бы то ни было элементов серьезного государственного строительства, не подлежит никакому сомнению. Мне представляется, что это можно считать совершенно твердо установлен-

¹ В редакции постановления ВЦИК от 10 июля 1923 года.

ным и что в данном случае, оценивая преступления Розенберга как председателя правления, Файно как члена правления, Эймонта как заведующего одним из отделов, Браиловского как заведующего другим отделом, вы имеете право сказать, что во всех своих действиях они не проявили необходимой хозяйственности, качеств рачительного хозяина; больше того, они не приложили никаких усилий к тому, чтобы трест мог в трудных условиях своей работы быть победителем, вместо того, чтобы оказаться побежденным. Это основная линия, которую вы должны, мне представляется, одобрить в моем обвинительном заключении.

Оценивая общую хозяйственную деятельность подсудимых и те преступления, которые они совершили, нужно, однако, сказать, что эти преступления — к счастью для нас — ничего исключительного в уголовном смысле, ничего феерического собой не представляют. Здесь, в этом зале, перед Верховным судом, конечно, проходили гораздо более тяжелые преступления, гораздо более гнусные преступления. Но и то, что прошло здесь перед нами в течение всего судебного следствия, представляет собой такой «букет», так отдает тлетворным запахом разложения, что суд не может со всей тщательностью и строгостью не реагировать на создавшееся положение. Верховный суд должен со всей силой советского закона произнести свое слово осуждения виновных, чтобы все другие крепко запомнили, как в Советском государстве нужно беречь народное добро, заботиться о хозяйственном благе государства трудящихся. О таком приговоре я и ходатайствую, товарищи судьи.

Верховный суд приговорил:

Розенберга, Ковалева и Браиловского — к лишению свободы на один год без строгой изоляции каждого; Бердяева — к трем годам лишения свободы, со снижением ему наказания, в силу ст. 28 УК, до двух лет лишения свободы со строгой изоляцией.

Эймонт, Файно, Монаков и Позин были оправданы, причем в отношении Эймонта дело было направлено в дисциплинарном порядке.

ДЕЛО О НЕКОМПЛЕКТНОЙ ОТГРУЗКЕ КОМБАЙНОВ

В целях планового обеспечения совхозных и колхозных полей сложными сельскохозяйственными машинами правительство Союза ССР категорически запретило некомплектную отгрузку этих машин. Однако чем ближе дело шло в 1933 году к уборке, тем чаще из многих областей, краев и районов страны стали поступать тревожные сигналы о том, что комбайны прибывают на места в некомплектном виде и не имеют таких основных частей, как магнето, карбюраторы, свечи и пр.

Заместитель начальника Союзсельхозснаба И. Я. Реттель и находившийся под его непосредственным руководством начальник сектора сельскохозяйственных машин Л. Б. Шахновский, зная о запрещении некомплектной отгрузки сельскохозяйственных машин, нарушили это запрещение при заключении генерального договора с Союзсельмашем на 1933 год, установив возможность некомплектной отгрузки; в нарушение закона дали свое согласие заводу «Коммунар» (Запорожье) на некомплектную отгрузку комбайнов, установив трехдневный лимит для раздельной от комбайна отгрузки магнето, карбюратора и других ответственных частей; чем и толкнули завод на путь дальнейшей незаконной отгрузки, на путь срыва социалистической дисциплины; не установили действительного и строгого учета, в какие сроки и в каком состоянии комбайны прибывают с завода на поля, и не приняли должных мер даже тогда, когда установленный ими незаконный лимит из трехдневного разрыва в отгрузке превратился в заводской практике в разрыв пятнадцатидневный и даже в сорокадневный, что фактически и приводило к омертвлению значительного количества комбайнов.

Инспектор Союзсельхозснаба Н. И. Ремеров, посланный на завод «Коммунар» для наблюдения за выполнением заводом договора и в первую очередь обязанный не допускать некомплектной отгрузки комбайнов, преступно-халатно отнесся к своим обязанностям, допустив противозаконную некомплектную отгрузку комбайнов и приняв лишь некоторые меры по сокращению существовавших на заводе разрывов в отгрузке комбайнов и ящиков с магнето и другими частями.

Начальник управления сбыта Союзсельмаша Г. А. Моев, в ведении которого находились вопросы комплектной отгрузки комбайнов с завода «Коммунар», не интересовался порученным ему делом и не проверял факти-

ческого положения с отгрузкой комбайнов на заводе. Не интересовался Моев также ходом внедрения в заводскую практику унифицированной упаковки, которая должна была содействовать наиболее целесообразной отгрузке комплектного комбайна. При заключении генерального договора с Союзсельхозснабом на 1933 год Моев пренебрег постановлениями правительства о запрещении некомплектной отгрузки, ввел в проект договора примечание, разрешающее некомплектную отгрузку, которое перешло в локальный договор и дезориентировало хозяйственников «Коммунара».

Даже тогда, когда Моеву стал известен, с одной стороны, устанавливающийся незаконный порядок отгрузки, а с другой — вредные последствия этого порядка, он не только не принял мер к пресечению беззакония, но и не осведомил об этом свое, руководство. В результате такого отношения Моева к своим обязанностям завод продолжал оставаться без оперативного руководства по этому важнейшему вопросу и продолжал углублять свою преступную практику отгрузки. Не получал завод указаний и от своего непосредственного руководства — треста Укрсельмаш. Л. Г. Поляков, заведующий группой технического контроля в тресте, ограничился посылкой на завод письменных указаний, которые в основном вопросе — о комплектной отправке комбайнов — противоречили постановлениям правительства. Подобные указания не могли не повлиять на работу завода самым вредным образом.

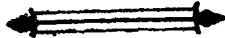
Директор завода С. М. Шабашвили и заместитель директора, главный инженер завода П. И. Дик, зная о запрещении правительством некомплектной отгрузки комбайнов и об обязанности завода вести унифицированную упаковку, самонадеянно уклонились от строжайшего выполнения этих постановлений и противопоставили порядку отгрузки, установленному правительством, свой, незаконный порядок, заключающийся в раздельной и одновременной отгрузке комбайнов и важнейших их частей. Начальник комбайного цеха завода П. Д. Заходяченко, начальник финансово-бытового отдела С. В. Череватенко, его заместитель И. И. Кобрисов и заведующий подотделом сбыта И. К. Кордик слепо пошли за своим заводским руководством, хотя и знали о незаконности его распоряжений.

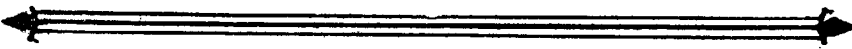
Так как установленный незаконный порядок отгрузки требовал ряда сложных операций, как-то: снятия магнето и карбюратора с мотора, упаковки в особые ящики с номером мотора, а затем комбайна и т. п., то неизбежно происходила задержка с этими частями, путаница в номерах, приводившая к обезличке магнето и карбюраторов. В результате отгрузка ящиков происходила с разрывом до 40 дней после отправки комбайнов, а обезличенные части, попадая даже во-время на место, или не подходили к комбайну, или требовали для установки высокой квалификации техников, которые не всегда были в то время на местах.

В результате этой антигосударственной деятельности комбайны в ряде МТС и районов в период уборки 1933 года пошли на работу с запозданием, а в некоторых МТС и вовсе не пошли на работу.

Дело это 16—22 августа 1933 г. рассматривалось Верховным судом СССР по Уголовно-судебной коллегии в Москве.

Суду были преданы по обвинению по ст. 111 УК РСФСР: Моев Г. А., Шахновский Л. Б., Реттель И. Я., Ремеров Н. И., Поляков Л. Г., Шабашвили С. М., Дик П. И., Заходяченко П. Д., Череватенко С. В., Кобрисов И. И., Кордик И. К.

Товарищи судьи! Значение настоящего процесса далеко выходит за пределы узко хозяйственных интересов. В этом процессе вопросы техники — а на этих вопросах некоторые подсудимые пытались сделать особое ударение — занимают подчиненное место. В этом процессе на первый план выдвигаются вопросы гораздо более серьезного и важного значения, чем, скажем, вопрос только о некомплектной отгрузке комбайнов.

Техника в наших условиях — условиях второй пятилетки социалистического строительства — имеет решающее значение. Мы хорошо помним слова нашего вождя, товарища Сталина, указавшего на то, что техника в реконструктивный период решает все. Громаднейшее значение вопросов овладения техникой своего дела, громаднейшее значение техники как одного из могущественнейших, решающих средств в борьбе за успешное завершение плана социалистического переустройства нашего хозяйства, за построение в нашей стране социалистического общества, конечно, не подлежит никакому решительно сомнению. Если бы в этом процессе играли основную роль только узкие вопросы техники, мы и тогда имели бы все основания говорить о громадном общественно-политическом значении этого процесса. Однако смею утверждать, что хотя в этом процессе вопросы техники играют значительную роль, — значение этого процесса выходит далеко за пределы только технических интересов.

Этот процесс не есть процесс только о некомплектной отгрузке комбайнов. Этот процесс вскрыл вопиющие недостатки, извращения, прямые преступления в системе работы некоторых наших хозяйственных и советских организаций. Он вскрыл, в сущности говоря, ту борьбу, которая ведется и не перестает вестись на всем фронте социалистического строительства между основными принципами, с одной стороны, советского пролетарского государства, социалистического хозяйства и, с другой — мелкобуржуазного и буржуазного, противосоветского, хаотического, лишнего планового начала, по самому своему существу анархического хозяйствования, той капиталистической партизанщины, которая принципиально не вяжется ни с каким планом, ни с каким регулированием, ни с какой хозяйственной дисциплиной.

Я поэтому беру на себя смелость утверждать, что значение этого процесса определяется именно этой второй стороной дела, которая сама по себе является не чем иным, как своеобразным

преломлением логики классовой борьбы в этих конкретных условиях работы некоторых хозяйственных организаций. И это несмотря на то, что мы видим на скамье подсудимых, в отличие от многих других процессов громадного политического значения, отнюдь не классовых врагов, отнюдь не политических противников, а видим в основной массе наших людей, неплохих людей, будь то коммунисты или беспартийные. И я даже, не колеблясь, выскажу свое убеждение в том, что многие из них, вероятно, являются искренне преданными делу социалистического строительства людьми.

И тем не менее все то, что прошло перед нашими глазами, говорит о том, что это есть эпизод классовой борьбы. Все то, что прошло перед нашими глазами в эти дни, убеждает нас в том, что факты, являющиеся предметом нашего судебного, а еще раньше — предварительного следствия, являются не просто фактами, имеющими техническое, хозяйственное или юридическое значение, а являются фактами, свидетельствующими о том, что в этой новой, своеобразной форме срыва комплектной отгрузки комбайнов нашло свое проявление влияние той мелкобуржуазной стихии, той мелкобуржуазной распушенности, недисциплинированности, хаоса, который является первым и заклятым врагом социалистических принципов, первым и заклятым последовательным врагом планового социалистического хозяйства.

Хотят этого подсудимые или этого они не хотят, будут протестовать они против такого вывода или они молча и сокрушенно примирятся с неизбежностью этого вывода, можно утверждать, что их действия — вольно для них или невольно или, как здесь говорили, субъективно или объективно — явились проводниками враждебных советскому социалистическому строительству направлений, традиций, привычек, взглядов, методов работы. Эти действия переросли в преступления, ибо они оказались направленными против дела социалистического строительства.

Этим определяется то глубокое значение этого судебного процесса не только для данных обвиняемых и не только для тех организаций и хозяйственных учреждений, которые здесь, к их несчастью, оказались представленными их ответственными сотрудниками, но и для всех вообще хозяйственных и советских учреждений и организаций нашей страны. Через голову подсудимых из этого зала судебного заседания приговор по данному делу прозвучит не только печальным итогом работы для обвиняемых по настоящему делу, но и грозным предупреждением для тех, которые еще не привлечены к ответственности, но которые неизбежно будут привлечены, если из этого судебного процесса они не извлекут для себя всех необходимых уроков.

Приговор суда по этому делу прозвучит как грозное предостережение всем тем, кто работает методами Шахновских и

Моевых, всем тем, кто работает методами хозяйственников вроде Шабашвили и Дика.

Процесс должен кое-кого очень многому научить, кое-кого от очень многого предостеречь. Он должен мобилизовать внимание нашего общества к вопросам, которые до сих пор, очевидно, еще не у всех хозяйственников стоят на почетном месте, а у многих и вовсе находятся в загоне; он должен мобилизовать внимание к этим вопросам и хозяйственников и всей нашей хозяйственной и советской общественности в целом.

Вопрос о значении пролетарской дисциплины в борьбе за социализм и тесно связанное с этим вопросом точное и беспрекословное выполнение советских законов — это важнейшие вопросы в деле социалистического строительства. Это вопросы, которые приобретают особенное значение в наше время, когда все усилия и партии и правительства, всего рабочего класса и всех лучших передовых людей нашей страны, всех трудящихся СССР направлены на максимальное укрепление мощи Советского государства, направлены на максимальное укрепление пролетарской диктатуры в сознании того, что только величайшая мощь, крепость и сила государства пролетарской диктатуры могут развеять в прах последние остатки капиталистических классов и обеспечить окончательную в ближайшее же время победу социализма в нашей стране.

Я напомним слова товарища Сталина на январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) о том, что «сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации», что нам необходимо максимальное усиление государственной власти, ибо только через ее максимальное усиление можно «добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»¹.

Я не думаю, чтобы под теми воровскими махинациями, о которых говорил вождь нашей партии на январском пленуме, мы не имели бы права разумеать и такие махинации, как очковитательство, как хозяйственная «аллилуйщина», как прямой обман, как это имело место с «знаменитым» рапортом о 154-процентном выполнении плана отгрузки комбайнов по заводу «Коммунар».

Этот рапорт есть тоже одна из разновидностей тех мошеннических махинаций. Этим способом преступники пускают пыль в глаза, усыпляют бдительность, преследуют цели, в конечном итоге всегда отражающие собой влияние чуждых,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 210—211.

враждебных принципам социалистического строительства взглядов и настроений.

На том же самом январском пленуме товарищ Молотов подчеркнул необходимость всемерного усиления и улучшения аппарата управления, дальнейшего усиления мощи пролетарской диктатуры. Вопреки оппортунистическим «теориям» об «отмирании государства», о «потухающей кривой» государственной власти, вопреки оппортунистическим и прямо-таки контрреволюционным басням о ближайших перспективах ослабления государственной власти пролетариат, партии и правительство, как известно, ведут энергичную борьбу за всемерное укрепление государственной власти.

В этой связи стоит вопрос и о значении в наше время советского, социалистического закона. Социалистическая законность является одним из могущественнейших рычагов укрепления пролетарской диктатуры. Социалистическая законность является одним из могущественнейших средств обеспечения рабочему классу и трудящимся, строящим под руководством нашей партии, во главе с нашим ЦК и товарищем Сталиным, социалистическое общество, возможности легче, быстрее, лучше одерживать свои блестящие победы.

Роль советского закона, роль социалистической законности и требование, предъявляемое ко всему населению, ко всем гражданам нашей страны и к коммунистам в первую очередь, о точном и святом, как говорил Ильич, исполнении законов, в настоящее время приобретают особенно важное значение. Это обстоятельство объясняет самый факт неоднократного подчеркивания партией и правительством важности соблюдения революционной социалистической законности. Об этом говорят постановления наших партийных съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б); об этом говорит целый ряд декретов и постановлений, особенно за последнее время; которые неуклонно подчеркивают нерушимость, непререкаемость наших социалистических законов. Это не хотели признать и усвоить подсудимые по настоящему делу. Они не поняли и не усвоили всей глубочайшей принципиальной разницы между нашей законностью и так называемой «законностью» капиталистических стран. Там, в странах капитализма, по крайней мере в наиболее враждебных социализму, никакой законности, в сущности говоря, не существует. В странах фашистской диктатуры законность подменена беззаконием. В этих странах, как это предсказал еще в 1910 году Владимир Ильич Ленин, законность расстреляна и низложена: в стражах фашизма открыто и цинично попираются закон и право, место которых заняли бесправие и грубый, чудовищный произвол.

Социалистическое государство, наоборот, бережно и тщательно охраняет закон и право, борется за максимальное укрепле-

ние своей законности, сурово наказывая всякого нарушителя социалистической законности. Социалистическое государство нуждается в прочном порядке, в прочной дисциплине, в твердой законности.

Величайшее значение советского закона должно быть продумано и осмыслено каждым гражданином советской страны. Каждый гражданин, каждый трудящийся человек нашей страны должен научиться уважать советский закон как нерушимый и непререкаемый, как стража интересов пролетарской революции и диктатуры рабочего класса, как стража интересов многомиллионных масс трудящихся, рабочих, колхозников-передовиков и вообще честных граждан нашей страны. Тем недопустимее оказывается малейшее игнорирование требований социалистической законности, тем энергичнее должна быть наша борьба с теми, кто осмеливается проявить малейшее пренебрежение к советским законам. Борьба за законность — важнейшая задача не только органов советской юстиции, но и всего советского общества. Совершенно естественно, что борьба за точное и неуклонное исполнение советских законов стоит в прямой связи с задачей укрепления и улучшения самого нашего государственного советского аппарата, улучшения и методов его работы.

Совершенно естественно, что в связи с теми крупнейшими всемерно-исторического значения проблемами, которые я только бегло наметил, стоят и вопросы качества работы наших государственных учреждений и вопросы качества самих кадров наших работников.

С этих трех точек зрения нам, очевидно, и придется впоследствии, расценивая индивидуальную роль каждого из обвиняемых по настоящему делу, осветить вопросы, намеченные мною в вводной части моей обвинительной речи. Задачи укрепления пролетарской диктатуры, обеспечение неуклонного исполнения всем населением нашей советской страны социалистических законов требуют крепкого, преданного своему делу, гибкого, политически воспитанного, вооруженного знанием своего дела, в совершенстве владеющего техникой своей работы, дисциплинированного аппарата.

Без этих условий невозможно говорить ни о каком укреплении мощи Советского государства. Без этих условий все разговоры относительно мероприятий по укреплению мощи Советского государства, государства пролетарской диктатуры, будут пустыми, фальшивыми, лицемерными разговорами.

На январском пленуме в 1933 году товарищ Молотов говорил именно об этом, подчеркивая необходимость дальнейшего и всемерного улучшения аппарата Советского государства. Товарищ Молотов говорил: «Все это требует... такого роста его мощи, чтобы рабочие и колхозники, во всей их многомиллионной массе,

могли в еще большей мере убедиться в растущей силе пролетарского государства, чуткого к защите интересов трудящихся и беспощадного в отношении к его классовым врагам. Провести на деле осуществление этой важнейшей задачи и, вместе с тем, обеспечить лучший подбор хозяйственных и технических кадров и действительную повседневную проверку их работы — таковы первоочередные задачи нашей политики. Только на этой основе, — говорил товарищ Молотов, — мы с успехом будем идти вперед в деле выполнения стоящих перед нами хозяйственных задач»¹.

Это громадная программа, непосредственно, вплотную подводящая нас к вопросам, характеризующим наш аппарат, качество его работы, своеобразие и особенности методов его работы. Эта программа намечает и те мероприятия, которые необходимо принять и провести в жизнь для того, чтобы улучшить методы этой работы. Без разрешения этой задачи мы не можем двигаться вперед, мы не можем реально, по-настоящему, практически давать каждый день осязательные результаты нашей работы в деле социалистического строительства. Все это вопросы глубокой политики, действительно первоочередные, важнейшие политические вопросы. Подсудимые этого не понимают. Этого не понимают и такие крупные люди, как, например, инженер Дик. Впрочем, об инженере Дике я буду говорить особо и тогда скажу, почему он этого не понимает.

Настоящий судебный процесс не только показал значение затронутых выше вопросов, но и вскрыл извращение и недостатки нашего хозяйственного аппарата, обратил внимание всех хозяйственников и всей нашей советской общественности на то, какое значение в работе имеют проверка и самоконтроль.

На этом деле мы получили возможность проверить состояние одного из ответственных участков нашего социалистического фронта, особенно ответственного потому, что на этом участке осуществляется та производственная смычка между социалистической или перестраивающейся в социалистическом плане деревней и социалистическим городом, между деревней, победившей, хотя окончательно не добившей еще кулака (ибо остатки кулачества еще существуют, доживая свои последние дни), между городом, в котором успехи социализма стоят на прочных основах социалистической индустриализации, являющейся ведущим началом и для всего перестраивающегося на социалистический лад сельского хозяйства. С этой точки зрения такие учреждения, как Союзсельмаш, Сельхозснаб, со всеми своими разветвлениями по линии трестов и по линии заводов, являются аванпостом социалистического строительства в деревне, твердыней нашего

¹ В. Молотов, В борьбе за социализм. Речи и статьи от XVI до XVII съезда ВКП(б), Партиздат, 1934, стр. 383.

социалистического строительства, мощной крепостью социалистической индустриализации. Будучи вооружена всей мощью сельскохозяйственной техники, опирающейся на последние достижения науки, социалистическая индустриализация сокращает остатки кулачества в деревне, пробивает брешь в рутине старых капиталистических хозяйственных традиций, в мелкобуржуазном крестьянском индивидуальном хозяйстве, прокладывает широкую дорожку для победного и триумфального шествия на социалистические поля социалистических колонн, поднявших высоко над землей победоносное красное знамя Союза Советских Социалистических Республик.

Этим определяется та роль и то место, которое занимает в системе советских организаций и такая организация, как Союзсельмаш, этим определяется та ответственность, которая лежит на таких руководителях организации, как руководители Союзсельмаша. То же самое надо сказать о Сельхозснабе, о республиканских трестах, вроде Укрсельмаша, и о каждом заводе, и особенно о таком, каким является завод «Коммунар».

Подсудимый Шабашвили понимает это значение «Коммунара». Шабашвили понимает и ту ответственность, которую он, как директор «Коммунара», несет за работу этого завода, являющегося одним из важнейших заводов в борьбе за внедрение в сельское хозяйство нашей социалистической техники.

Поэтому Шабашвили и говорил: «Я думал, что приеду в Москву не на скамью подсудимых, а как кандидат на первую премию по производству». И он имел определенные основания так думать. Но случилось не так. И случилось не так потому, что мало думать о первых премиях, мало даже так работать, как работал Шабашвили, — нужно еще уметь подниматься на высоту государственного понимания своих задач. Шабашвили — неплохой хозяйственник, неплохой производственник. Но он свои задачи понял очень узко, односторонне и в известном смысле превратно. Он забыл о необходимости сочетать интересы производства с интересами государства и государственной политики в целом. Больше того. Интересы государства он подчинил узким интересам своего заводского хозяйства, нарушив шесть исторических условий товарища Сталина. Он нарушил важнейшее условие — уметь руководить своим делом по-настоящему и государственно. Он нарушил советский закон и поэтому попал на скамью подсудимых, хотя и является неплохим директором завода. Печально — но факт. Впрочем, от Шабашвили целиком зависит исправить эту ошибку и восстановить свое положение...

Я сказал о том, что этот судебный процесс имеет громадное политическое значение и что в тех преступлениях, которые являются предметом рассмотрения на этом процессе, несомненно

нашла свое отражение еще не оконченная в нашей стране классовая борьба, борьба против социализма враждебных социализму элементов. И мне кажется, что то, что мы здесь слышали и видели, является очень яркой иллюстрацией к тому, что Владимир Ильич Ленин писал еще в 1918 году в своих знаменитых «Очередных задачах Советской власти».

Он там писал: «Нельзя забывать ни на минуту (и это должны особенно внимательно прослушать подсудимые с завода «Коммунар» и коммунисты среди них, в первую очередь.— А. В.), что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; — с другой стороны (Шабашвили, я это особенно отношу к вам.— А. В.), эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса»¹.

Я смею утверждать, что при всех тех положительных сторонах деятельности завода «Коммунар», при всех тех несомненных хозяйственных успехах, которые, хотя временно, но омрачались некоторыми неудачами (невыполнение плана во-время и необходимость потом нагонять так, что в течение чуть ли не месяца выполнялась вся полугодовая программа, что, конечно, не могло не отражаться на качестве работы и что само по себе является свидетельством болезни производства и организации работ), несмотря на это, несмотря на имеющиеся на заводе ошибки и прорывы в производстве, все же нужно сказать, что завод «Коммунар» в основном справился со своими производственными задачами. Это свидетельствует о том, что там крепкий и преданный социалистическому строительству пролетарский коллектив, коллектив инженерно-технических работников. Тем не менее нужно сказать, что именно на примере этого завода «Коммунар» и, в частности, на примере его отношения к вопросу о комплектной поставке комбайнов, блестящим образом подтверждается мысль Ленина о том, что мелкобуржуазная, капиталистическая, враждебная делу социализма стихия пытается действовать, используя недисциплинированность отдельных рабочих, а иногда и групп рабочих, для усиления хаоса, распушенности и разгильдяйства, еще сохранившихся у нас как наследие, как традиция старого капиталистического общества.

Вопросы дисциплины — это вопросы не простые. Вопросы дисциплины — это вопросы, являющиеся основными вопросами организации социалистического общества и социалистического

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 235 — 236.

труда. Социалистическая дисциплина — это величайшая культурная сила.

Здесь царила стихия и расхлябанность. Между тем, как говорил Ленин, «успех социализма немислим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией...»¹.

Пролетарская сознательная дисциплина является одним из условий победы пролетариата над мелкобуржуазной стихией, является залогом невозможности реставрации керенщины и корниловщины.

И совершенно поэтому естественно, что когда мы требуем соблюдения дисциплины, когда мы бичуем недисциплинированность, мы это делаем именно потому, что исходим из значения пролетарской дисциплины как одного из важнейших факторов победы социализма. Мы прекрасно знаем, что нарушение этого принципа пролетарской дисциплины открывает лазейку для этой мелкобуржуазной анархичности, партизанщины, угрожающей подорвать самые основы социалистического строительства. Мы знаем, что эта мелкобуржуазная стихия, притаившаяся, приглушенная, но окончательно еще не побежденная, на каждом шагу угрожает нам, особенно часто несет опасность неустойчивым и недисциплинированным из наших людей.

Ленин предупреждал: «...Рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества»². Старые пережитки и предрассудки, старые капиталистические традиции до поры до времени остаются под спудом, а в известных условиях классовой борьбы они вырываются наружу и крепко дают себя чувствовать.

Глетворное влияние этих «проклятых традиций капитализма» мы не редко видим в различных областях нашей жизни. Мы видим это влияние на таких явлениях, как хищения общественной, социалистической собственности, покушения на которую со стороны нашего врага сплошь и рядом питаются почвой этих «традиций» и пережитков.

Вот почему вопросы пролетарской дисциплины — это вовсе не вопросы только товарищеского воздействия, как об этом говорилось здесь в самом начале нашего судебного процесса. Вопросы дисциплины, конечно, включают в себя и вопросы товарищеского воздействия, но этим дело далеко не исчерпывается. Дисциплина нередко требует и пролетарского принуждения, принуждения со стороны тех органов пролетарской власти, которые умеют и беспощадно подавлять всякое сопротивление врага и жестко и сурово принуждать к выполнению требований и директив, предъявляемых партией, рабочим классом, правительством.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 229.

² Там же, стр. 397.

Вопросы дисциплины — это те же вопросы классовой борьбы, и должны они решаться так, как решаются все вопросы борьбы с классовым врагом и его агентурой, с одной стороны, и с теми, кто оказывается под влиянием враждебных делу социализма настроений, с другой. Конечно, нельзя рассуждать по поговорке: «Ночью все кошки серы». Нужно различать врага от неврага, хотя бы попавшего под вражеское влияние. Нужно уметь отличать классовое сопротивление, классовую вылазку врага от дисциплинарного проступка, ошибки, от простой недисциплинированности. Нужно, однако, помнить, что нередко так называемый должностной проступок, простая недисциплинированность бывают не менее опасны, чем прямое вражеское нападение. Раскрыть, разоблачить эту опасность и составляет одну из задач настоящего процесса.

Но задача этого процесса даже несколько шире. Это определяется тем, что преступление совершалось на таком ответственном участке, как комбайностроение. Об этом я уже говорил и поэтому остановлюсь на этом вопросе очень кратко. В самом деле, некоторые подсудимые, вероятно, думают, что комбайностроение, вооружение МТС, совхозов и колхозов комбайнами — это вопрос техники, а между тем это вопрос глубочайшей политики.

В условиях тех успехов, которые одержаны колхозным движением, вопросы технического вооружения колхозов имеют в высокой степени важное и буквально политическое значение. И не случайно, конечно, товарищ Сталин еще на XVI съезде партии, анализируя поворот нашего крестьянства к колхозам, в сторону коллективизации, указал на те обстоятельства, на те условия, которые логически и исторически неизбежно подготовили этот поворот. Поворот этот подготовлялся всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Не преувеличивая значения техники в классовой борьбе, развернувшейся в СССР, но ни в какой мере и не преуменьшая этого значения, мы можем сказать, что поворот к колхозному движению, повлекший за собой окончательный переход на рельсы колхозного строительства основных масс крестьянства, был обусловлен в известной степени успехами внедрения в сельское хозяйство машинной социалистической техники. Товарищ Сталин говорил о тех мероприятиях ЦК партии, которые подготовили этот переход, называя три линии этих мероприятий: организационное и финансовое укрепление совхозов, организация и финансирование колхозов и, наконец, организация строительства тракторов и сельскохозяйственных машин и снабжение ими деревни через МТС, через тракторные колонны и т. д.

Этим же определяется громадное политическое значение той работы, которую призваны были осуществлять подсудимые.

И если мы говорим о машинной технике и о той ее величайшей не только культурной, но и политической роли, которую она сыграла в деле борьбы с нашим классовым врагом, в деле окончательного решения в деревне вопроса «кто кого» в пользу социализма, то в свою очередь вопросы сельскохозяйственной техники, вопросы комбайностроения занимают одно из почетнейших мест.

Я прошу вашего разрешения огласить еще одну цитату, прежде чем перейти к конкретным вопросам судебного следствия.

На январском пленуме в 1933 году товарищ Молотов, поставив вопрос: «Чем же берут верх колхозы и совхозы над единоличным крестьянским хозяйством?» — отвечал: «Тем, что *объединенные* в своем труде, они опираются на передовую сельскохозяйственную *технику*, используя лучшие сельскохозяйственные машины и тракторы.

Возьмите факты. К началу первой пятилетки вся стоимость машин и орудий в нашем сельском хозяйстве составляла 1150 млн. руб. За 4 года первой пятилетки в сельское хозяйство поступили машины и орудия стоимостью в 1600 млн. руб. Таким образом, за одну пятилетку, за большевистскую пятилетку в 4 года, в сельское хозяйство поступило значительно больше орудий и машин, чем у него было к началу пятилетки. К тому же, новые сельскохозяйственные машины значительно производительнее старых. За первую пятилетку произошло коренное изменение основ техники сельскохозяйственного производства в нашей стране — вот в чем наша сила!».

Конечно, некоторая доля заслуг в этих успехах принадлежит и заводу «Коммунар» и, следовательно, руководителям этого завода. Но это ни в какой мере не освобождает их от ответственности за совершенные ими преступления; наоборот, это усиливает их ответственность. Это тем более обязывает нас предъявить им суровые требования с точки зрения дисциплины, с точки зрения необходимости проведения и осуществления на деле во всем объеме, а не только в какой-нибудь части своей работы тех требований и директив, которые к ним предъявляют партия и правительство.

Далее товарищ Молотов сказал: «Даже перед началом пятилетки *соха* играла довольно заметную роль в сельском хозяйстве. С тех пор произошли здесь большие перемены. В конце пятилетки крупнейшую роль стала играть уже *вспашка тракторами*.

К началу первой пятилетки *ручной посев* занимал господствующее положение. За годы пятилетки дело коренным образом

изменилось. Основным и решающим орудием сева стала сеялка, причем громадную роль уже играет *тракторная сеялка*.¹

Эта страница из речи товарища Молотова замечательна тем, что она в высокой степени характерно показывает ту громадную разницу между принципами социалистической политики и политики других государств, будь то государство дворянско-помещичье, вроде дореволюционной царской России, будь то самое демократическое буржуазное государство.

Если такая громадная роль в деле социалистической промышленности, в деле социалистической политики принадлежит технике, и в частности сельскохозяйственной технике, то, в свою очередь среди технических орудий особую роль и особое место занимает этот интереснейший из интереснейших инструментов, который называется комбайном, который одновременно жнет, молотит и сортирует.

Какое огромное сбережение человеческого труда, какая блестящая демонстрация действительной победы человека над силами природы несет эта наша советская машина, вышедшая на социалистические поля!

Вот некоторые, правда, весьма краткие общие соображения, в свете которых, мне кажется, необходимо рассмотреть и вопросы, касающиеся индивидуальной вины и ответственности подсудимых по настоящему делу.

Наша советская судебная политика преследует две задачи: одна задача — это борьба с конкретным преступлением и, как иногда выражаются, с конкретными носителями зла, и другая задача — не менее важная и ценная, — это задача общей превенции, профилактики и пропаганды советского закона, воспитания к дисциплине, о которой говорил Ленин, обрисовывая задачи советского суда.

Вот почему я счел необходимым подчеркнуть то действительно большое — я бы сказал, выходящее из ряда вон — политическое значение этого дела. Еще раз повторяю, что здесь на скамье подсудимых сидят не политические враги, что перед нами на скамье подсудимых сидят люди, как я уже сказал, имеющие ряд заслуг перед советским социалистическим строительством, люди, преданные делу социализма, заслуги которых отмечены даже наградами. Но они совершили преступления, направленные против Советского государства. Мы должны объективно и по справедливости оценить эти преступления и определить соответствующие наказания.

Я предвижу, что обвиняемые будут защищаться ссылками на количества, проценты выполнения плана и т. п. Но в данном

¹ В. Молотов, В борьбе за социализм. Речи и статьи от XVI до XVII съезда ВКП(б), Партиздат. 1934, стр. 373 — 374.

деле главное не в этом. Главное здесь и не в том, сколько не послано или не дослано или не получено на полях магнето и карбюраторов, не в процентах простаивающих комбайнов, хотя и это имеет, конечно, громадное значение, так как в условиях ожесточенной борьбы против нас капиталистического мира, в условиях борьбы с остатками капитализма в нашей стране мы не можем допустить, не можем позволить кому-нибудь бросаться даже сотней, даже десятком неиспользованных комбайнов, недосланных магнето и карбюраторов.

Во время судебного следствия защита несколько раз пыталась сосредоточить внимание суда именно на этом вопросе, — дескать, сколько всего отгружено комбайнов и какой процент из них составляют комбайны без магнето и карбюраторов. Ну что же, пусть процент комбайнов, оказавшихся без магнето, очень невелик, хотя имеющиеся об этом данные далеко не достаточны и не исчерпывающи. Причина этого в отсутствии надлежащего учета и контроля в этом деле. Но я еще раз хочу подчеркнуть: мы не можем позволить никому бросаться ни одним магнето, не можем допустить такого безобразия, при котором хотя бы один десяток магнето где-то застрял и не попал к комбайну, для которого он предназначался. Если бы дело шло даже только о десятке этих магнето, во-время не погруженных и в силу этого лишивших комбайны возможности работать, мы и тогда должны были бы подойти к такому случаю с самым суровым порицанием и наказанием.

Но здесь дело идет не о единицах и десятках. Дело идет, как уже выяснилось по ряду областей и краев, об очень серьезных цифрах.

Напомню еще раз. Для Западной области было отгружено 1000 комбайнов, но к началу уборки значительная часть этих комбайнов не получила ни одного магнето, а следовательно, была омертвлена, убита, парализована. Таких комбайнов оказалось 460, что составляет 46% всего количества комбайнов, отгруженных в Западную область. Подсудимый Шабашвили здесь заметил: «Да, но в настоящее время их меньше». — «Сколько?» — «200». Возьмем эту цифру, ибо всякое сомнение я готов толковать в пользу подсудимого, — пусть 200 штук. Это составляет 20%. Что это такое? Преступление!.. Разница в процентах дела не меняет.

Нам здесь свидетель Синицын демонстрировал карту Казахстана. По Казахстану, по третьей части Казахской республики, из 202 комбайнов оказались лишенными магнето и карбюраторов 92. Это что означает? Это означает преступление, это означает омертвление 45% комбайнов.

По Западной Сибири, по словам самого Шабашвили, комплект комбайнов к моменту начала уборки урожая был тоже

очень высок. Шабашвили пробовал доказывать, что впоследствии здесь дело несколько изменилось в лучшую сторону. Мы имеем, однако, в деле документ — письмо председателя Западно-сибирского крайисполкома на имя товарища Молотова с жалобой на то, что положение с комбайнами на 28 июля является катастрофическим, так как «значительное количество комбайнов прибыло и прибывает некомплектным».

Когда это было? Письмо датировано концом июля. А Шабашвили здесь пытался заявлять: «В Западной Сибири еще хлеб не созрел». Но мы спросим его: «А когда хлеб созрел, пришли эти комбайны на место?». И оказалось, что они не пришли. (Председатель: Часть их пришла.) Да, часть пришла; из 1000 комбайнов пришло 540 штук. Но если бы не пришло не 460 штук, а только 46, я считал бы себя вправе настаивать на предъявленном обвинении. Мы не должны забывать, что в наших условиях каждый снаряд, которым мы бьем по врагу, для нас имеет громадное значение и что всякого, который думает этот снаряд где-то припрятать или поставить в такие условия, когда он не может быть использован в бою, мы можем и должны рассматривать как изменника, как предателя.

Поэтому такая «философия», которую пытались разводить здесь некоторые подсудимые, такие нотки, какие мы слышали здесь во время их допроса, я должен квалифицировать как абсолютно не государственную точку зрения, ибо здесь дело не определяется количествами и процентами, хотя это, конечно, имеет громадное значение, но отнюдь не в том смысле, что чем меньше процент, тем меньше ответственность. Я скажу больше. Важность и опасность совершенного подсудимыми преступления не исчерпывается даже тем конкретным вредом, который причинили государству подсудимые.

Правда, этот вред сам по себе требует очень серьезного внимания. Но мы должны особенно внимательно подойти к анализу причин, вызывающих этот вред, к анализу обстоятельств, по которым можно и нужно судить о болезни, проявившейся в конкретных преступлениях, вскрытых следствием по настоящему делу.

Несколько дней нашего судебного процесса дали громадный и политический и бытовой материал, ориентирующий нас в поставленном выше вопросе, позволяющий еще раз проверить всю систему работы некоторых наших учреждений, проверить методы их работы и качество работников как возглавляющих эти учреждения, так и исполняющих те или другие функции.

Что мы можем считать установленным в этом отношении данным процессом? Мы можем считать установленным наличие в ряде наших учреждений крупных недостатков, обязывающих нас, невзирая на лица, их возглавляющие, показать те действительно черные точки, те отдельные мрачные пятна, которые гово-

рят о неблагополучии в системе работы некоторых наших государственных учреждений, имеющих громадное значение. Я говорю о Сельхозснабе и Союзсельмаше, я говорю об Укрсельмаше.

Говоря об этих отрицательных явлениях, об этих мрачных и черных точках, характеризующих недостатки работы ряда наших учреждений, я далек, разумеется, от того, чтобы обобщать эти факты и представлять положение в сплошном мрачном свете. Но я должен сказать то, что есть, не преуменьшая недостатков в работе этих учреждений, в самой системе этой их работы, обусловивших или облегчивших возможность совершения таких преступлений, какие совершены подсудимыми. В этом отношении настоящий судебный процесс сигнализирует об этих серьезных и важных явлениях. Этот процесс является сигналом к особой бдительности, призывом к особому вниманию к этим вопросам, напоминанием о необходимости срочного принятия мер к их устранению.

Что мы раньше всего должны здесь констатировать?

Первое. Наличие в ряде хозяйственных наших организаций грубейших фактов бюрократизма — родного брата волокиты, за которую еще Владимир Ильич обещал кое-кого повесить на воюющих веревках.

Мы видели здесь, — и когда я буду характеризовать отдельных подсудимых, я укажу персонально на каждого представителя этого бюрократизма, — мы видели здесь, что бюрократизм и волокита, хаос, недисциплинированность и разгильдяйство свили себе в этих учреждениях крепкое гнездо. На мой вопрос свидетель Борисов свои действия квалифицировал словом «прошляпил». Это самое «прошляпил», «не проверил», «не проконтролировал», «на слух воспринял, то, что мне доложили» — обычный «метод» некоторых руководителей, руководивших из кабинета, не показываясь на производстве. Так делал, например, свидетель Эдельсон, который руководил опытом по конструированию комбайнов в ЦЧО из кабинета в Малом Черкасском переулке в Москве и в течение двух лет не удосужился ни одного дня провести на полях в непосредственном соприкосновении с комбайном. Картина, достойная богов! Хорошие, нечего сказать, руководители.

Мы должны констатировать, в ряде случаев, на отдельных участках нашего хозяйства грубые и преступные извращения партийных и правительственных директив и законов. Мы должны констатировать эти факты, вскрывая социально-классовые и политические корни этих явлений, показывая, что в этой своеобразной форме проявляется нередко сопротивление тех капиталистических традиций, выкорчевывание которых XVII партийная конференция поставила задачей второй пятилетки не

только в экономике, но и в сознании людей. Задача наша — на основе того богатого опыта и материала, который дал нам этот процесс,— заключается в том, чтобы показать рабочему классу, как люди умеют в высокой степени изощренно, тонко и, я бы сказал, строго юридически нарушать советские законы, издеваться над законом на законном основании, действуя так, как это отметил В. И. Ленин,— «формально правильно, а по существу издевательство».

Эта история с некомплектной отгрузкой комбайнов — яркая иллюстрация к этому «формально правильно, а по существу издевательство».

И в самом деле, что говорили нам все подсудимые? Они говорили: «Позвольте, постановление СТО от 17 марта 1932 г. говорит о недопустимости некомплектной отгрузки. То, что у нас делалось, было отгрузкой комплектной. Почему? Потому, что мы отгружали комбайны и части к ним с разрывом в один-два дня, а это никак нельзя считать некомплектной отгрузкой»... Такое рассуждение, однако, явно неудовлетворительно. «Разрыв» тут ни при чем.

Правительство приказало производить комплектную отгрузку. Они пишут: слушаемся, производим комплектную отгрузку, а сами устраивают «разрыв»!.. Но это-то и есть некомплектная отгрузка! Формально получалось как будто правильно, а по существу — сплошное издевательство. Почему? Потому что «разрыв» означает, что комбайны отгружались без магнето, без карбюраторов и т. д. и т. п. Так действовал подсудимый Дик, технический директор, с благословения подсудимого Шабашвили. Это продельвает вместе с Диком начальник комбайнового цеха Заходяченко. Это воспринимает, как узаконное, Череватенко. Это осуществляют вместе с Череватенко подсудимые Кобрисов и Кордик.

Таким образом, в сущности говоря, получается прямой разговор группы государственных служащих против советского закона.

Тут кто-то говорил,— кажется, Череватенко,— что получилось так, что правительство говорит так, а я, Череватенко, говорю вот этак. Правительство говорит: нельзя отгружать некомплектно. А мы говорим: можно,— и отгружаем так, как хотим, хотя это и воспрещено законом. Что это такое? Это изощренная замаскированная форма саботажа, который к тому же прикрывается всякими благовидными предложениями и ссылками на «добрые намерения». Известно, однако, что «добрыми намерениями» путь в ад вымощен».

Настоящий процесс должен напомнить об обязательности для всех и каждого строгого соблюдения советских законов, напомнить о том, что нарушение советских законов пагубно для

дела социализма, что, нарушая наши законы, наши люди могут легко попасть в лапы к подлинным врагам социализма. Это должны были признать здесь сами подсудимые. Они начали с полного отрицания своей вины. Они даже недоумевали, за что и почему их посадили на скамью подсудимых. Они пробовали нас уверить в своей правоте, доказывая, что в этом деле они правы, а не ЦКК и даже не правительство. Но потом, под ударами следствия, после того, как мы здесь, по моему несколько вольному выражению, «потыкали их носом в эту вонючую лужу», они, нахлебавшись вволю этой жижицы, в конце концов должны были сказать: «Признаем себя виновными».

Из этого процесса многие хозяйственники должны извлечь урок, как нужно относиться к советским законам. Этот процесс и те преступления, которые проходят здесь перед нашими глазами, показывают, что классовый враг действует нередко в высокой степени своеобразно. Классовый враг умеет мобилизовать против советского правительства, против планового хозяйства, против дела социализма отдельных людей, еще оставшихся в душе мешанами, хотя и прикрывающихся партийным билетом, сохранивших мелкобуржуазные предрассудки, «проклятые» капиталистические традиции.

Судебное следствие вскрыло и уже заклеимило совершенные подсудимыми преступления против Советского государства. Нельзя сомневаться, что этот процесс мобилизует рабочий класс, лучшую часть инженерно-технических сил нашей страны и всю нашу общественность против расхлябанности, недисциплинированности, хаоса, которыми запятнали себя подсудимые.

Но прежде чем перейти к отдельным подсудимым и совершенным ими преступлениям, я считаю необходимым напомнить о том, как наше правительство из года в год, а в пределах года — из месяца в месяц вместе с партией борется за то, чтобы к началу сельскохозяйственных кампаний (будь это уборочная кампания и посевная кампания) сельхозмашины были на полях, в нужном комплекте и в должном количестве, соответствующем государственному плану. Эта задача — обеспечить социалистические поля необходимыми сельскохозяйственными машинами — задача в высокой степени политически ответственная. Эту задачу всегда и своевременно партия и правительство ставят перед нашими хозяйственниками, требуя от них максимального внимания к этому делу.

Еще 17 марта 1932 года Совет труда и обороны, рассматривая вопрос о состоянии снабжения сельскохозяйственными машинами сельского хозяйства, констатировал тяжелую болезнь, которой страдали некоторые наши хозяйственные организации и которая заключается в систематической некомплектности поступающих на поля сельскохозяйственных машин, и вынес

специальное постановление, воспрещавшее некомплектную отгрузку машин.

3 января 1933 года Совет народных комиссаров Союза ССР издал специальное постановление о поставке сельскохозяйственных машин, которое в пункте 8 подчеркивало, что договоры должны заключаться на комплектные машины, что комплектность машин является обязательным условием этих договоров.

26 марта 1933 года РКИ и президиум ЦКК, проверяя работу отдельных организаций в этой области, констатировали наличие, и продолжение той же самой недопустимой практики и категорически потребовали ее прекращения. В этом постановлении указывается, что РКИ и ЦКК приняли к сведению заявление Союзсельмаша в лице т. Борисова о том, что разработана и с апреля месяца будет внедрена в производство так называемая унифицированная упаковка всех отгружаемых комбайнов.

Что же происходит в действительности? В действительности 18 января Череватенко издает внутриотдельскую инструкцию, которая содержит в себе указания о том, как нужно производить «раздельную» и «некомплектную» отгрузку. Оказывается, Череватенко делает этот явно антиправительственный, противозаконный шаг на основании постановления технического совещания, которое происходило в кабинете Дика, заместителя директора завода по технической части, под его председательством и было утверждено директором завода Шабашвили.

Таким образом руководство завода — Шабашвили, Дик, начальник комбайнового цеха Заходяченко, в сущности говоря, составляют, да позволено будет так сказать (с оговоркой о том, что на скамье подсудимых сидят не классовые враги, а наши люди), — составляют настоящий «заговор» против этого закона, направляя все свои усилия и старания на то, как бы обойти этот закон. Но свои преступные действия они пытаются замаскировать, хотя это им не очень удается. В самом деле, к чему сводится эта маскировка? К чему сводится их аргументация? Она сводится к рассуждению о том, что постановлением правительства запрещена некомплектная отгрузка, а у них отгрузка не некомплектная, а раздельная, с разрывом всего лишь в два дня. Но всем ясно, что это рассуждение надумано, что этим рассуждением подсудимые пытаются замаскировать подлинные свои преступления. Под прикрытием этой «теории» о раздельной отгрузке нарушают закон и Заходяченко, и Череватенко, и Кобрисов, и Кордик. Это основная группа заводских работников, виновных в нарушении указанного выше постановления правительства.

Но на заводе сидит Ремеров, являющийся уполномоченным Сельхозснаба, функции которого заключаются в том, чтобы специально наблюдать за правильной отгрузкой комбайнов. Что это

означает для Ремерова? Это означает обязанность наблюдать за тем, чтобы производилась отгрузка так, как требует закон, как требует правительство. А как правительство требует отгружать? Комплектно. А комплектно — значит нераздельно. А нераздельно — значит комбайн должен отгружаться вместе с мотором, вместе с магнетом, вместе с карбюратором, вместе со свечами. А как же быть с хищениями в пути? О хищениях нужно подумать. Нужно позаботиться, чтобы их не было. Нужно отгрузку организовать так, чтобы не было хищений. Это обязанность завода. И это вполне возможно осуществить. Ведь 26 марта т. Борисов, возглавляющий эту систему, заявил, что с апреля месяца комплектная отгрузка по унифицированной системе упаковки будет внедрена в производство и обеспечена полностью.

В чем же здесь дело? Дело в том, что Ремеров, вместо того, чтобы воспретить некомплектную отгрузку, раздельную отгрузку, идет по линии наименьшего сопротивления. Он точно так же попадает в общий фарватер этого плавания и лавирования вокруг да около советских законов, а по существу против советских законов. Что он делает? Вы это помните из судебного следствия.

Вчера защита, анализируя переписку Ремерова, хотела доказать, что он боролся против некомплектности. Я целиком присоединяюсь к этому утверждению с маленькой только оговоркой: Ремеров боролся, но лишь путем переписки. Это верно, но это борьба бумажная, переписочная борьба, а следовательно, это не борьба. Во всяком случае на языке государственного обвинения это не борьба, а бумагомарание.

То, что Ремеров с кем-то переписывался, нас ни в коей мере не убеждает, что он действительно боролся, тем более, что если рассмотреть эту переписку по существу, то в ней нельзя найти возражений против некомплектной отгрузки. В лучшем случае здесь можно найти лишь попытки ослабить вредоносные последствия этой некомплектной отгрузки, попытки придумать кое-какие паллиативные средства, чтобы скорректировать, смягчить тот вред, который неизбежно получался от практики некомплектной отгрузки комбайнов.

Но у нас есть другая переписка, которой защита вчера не касалась и которая говорит прямо о том, что Ремеров очень серьезно беспокоился о результатах этой практики. Но и эта переписка ни в коей мере не защищает Ремерова именно потому, что Ремеров фактически ничего не делал, если не считать этой двусмысленной переписки для прекращения этой критики. Почему? Сказать определенно затрудняюсь. Может быть, и не сумел, может быть, не хотел. Может быть, и то и другое: и не сумел и не хотел. За «не хотел» он подлежит наказанию. За «не сумел» ему можно несколько смягчить наказание...

В чем мы обвиняем Дика? Дика мы обвиняем в том, что он, как технический директор и как заместитель директора завода, явился инициатором этой идеи о том, чтобы рассматривать ту раздельную, некомплектную отправку как комплектную отправку при условии двух-трехдневного разрыва в сроках отправки комбайнов и магнето.

Это, конечно, был первый шаг к тому, чтобы сорвать постановление правительства. Дик сорвал это постановление, и Дик должен за это нести полную ответственность. С отгрузкой комбайнов, правда, были некоторые затруднения. Но Дик не пытается найти какой-нибудь иной способ и средства для выхода из затруднений. Даже тогда, когда Денисенко выдумал какой-то щиток к магнето и Дик признал, что нужно было только ввести некоторые изменения в этот щиток, понадобилось два месяца для того, чтобы ввести эти изменения, но изменения так и не были сделаны. Во всяком случае мы не могли установить, что этот щиток был введен в действие.

Это свидетельствует о том, что если даже допустить, что Дик не хотел срывать постановления правительства, он просто этому вопросу не придавал того значения, которое он должен был ему придавать. Если принять объяснение Дика так, как он говорил, то он этого не делал, в лучшем случае, будучи слишком увлеченным производственными процессами. Но наше хозяйство таково, что нельзя быть, как говорил Кузьма Прутков о специалистах, «односторонним, подобно флюсу». Наш советский специалист должен видеть дальше того участка, на котором он стоит, советский техник должен быть передовым, активным строителем социалистического хозяйства; он должен знать, что ничего не будут стоить наши успехи на производстве, если результатами этих успехов не могут воспользоваться в колхозе, МТС, совхозе, во всей стране.

Этой стороне дела Дик не уделял должного внимания. Это в лучшем случае. Он не осуществлял контроля за своевременной отправкой комбайнов с завода, за соблюдением им же установленного условия двух-трехдневного разрыва. Я убежден, что если бы эти два-три дня разрыва соблюдались, то все равно путаница была бы неизбежной. Но на заводе «Коммунар» эта путаница удесетерилась.

Защита, вероятно, недоумевает, почему эта путаница была бы неизбежной. Потому, что у нас нет никакой гарантии, что посланные с разрывом в два-три дня магнето придут, во-первых, к началу, во-время, как и комбайны, к уборке, а во-вторых, подойдут к данному комбайну. Никакой гарантии. Тем более, что ряд свидетелей-техников очень авторитетно и весьма убедительно доказал, что магнето — дело довольно капризное. Дик не опроверг ни одного из утверждений ни Сеницына, ни Годува-

нова, ни Жиделева. И особенно я обращаю ваше внимание на тот поединок, который произошел между старым производственным инженером Диком и молодым рабочим Годувановым, который показал суду, что тут есть особенности, которые не позволяют обезличивать магнето и которые требуют, при обезличке этих магнето, на местах от сборщиков такой квалификации, при которой только и можно было позволить себе такой рискованный метод отгрузки, а этой-то квалификации у наших сборщиков на местах и нет. Подсудимый Дик не доказал обратного. Он не смог опровергнуть показаний Годуванова. Он пытался это сделать вчера, когда мы не могли уже допросить Годуванова, но и вчера его показания были так жалки, что стыдно было за старого производственника. Ясно было, что Дик просто притягивал некоторые доводы за волосы.

Мы обвиняем поэтому подсудимого Дика в том, что он не осуществлял контроля за своевременной отправкой с завода и получением на месте такой ответственной детали к комбайну, как магнето, что он пренебрегал советами рабочих, которые искали выхода из создавшегося положения, предлагая некоторые изобретения, улучшения, рационализацию, что он недопустимо волокитил с этими предложениями, как это было с щитком Денисенко, и, таким образом, проявил всю ту отрицательную сторону своей деятельности, которая, по-моему, по заслугам привела его на скамью подсудимых. Он не обеспечил такого рода отправки магнето, которая гарантировала бы, по крайней мере, быстрое продвижение и своевременное получение комплектного комбайна на месте.

В самом деле, за все то, что делалось в комбайновом цехе, когда скоплялось до 200—300 ящиков с магнето, когда приходилось обезличивать магнето, когда на ящиках ставили мелом номерки, говорящие о том, к какому комбайну относится данное магнето, и когда дождь эти номера смывал, так что потом ничего нельзя было разобрать,— за все это отвечают подсудимые Заходяченко и Дик.

Я обвиняю подсудимого Дика в том, что он допустил обезличку магнето. Если вы, подсудимый Дик, стали на такой путь — посылать отдельными посылками, да еще страховать по 500 рублей каждое магнето, если вы стали на путь посылки магнето отдельно от комбайна, тогда вы должны были добросовестно, внимательно, ответственно отнестись к самому процессу этой отправки. А у вас что делалось? Кто за это отвечал? Никто. Дик занят производством. Шабашвили занят тем, что торжественно рапортует об успехах производства, а кто отвечает за дело отправки? Поставили Кобрисова, а он говорит, что я не я, что я, мол, был только заместителем начальника финансово-сбытового отдела, получал то, что ко мне присылали, а потому отвечать за

это дело не могу. По существу говоря, никто, таким образом, за отправку не отвечал. Я считаю, что предъявленное Дику обвинение по ст. 111 УК доказано. Он и сам на мой категорический вопрос, после всяких колебаний, виляний, вынужден был это подтвердить, сказать: «Да, виноват в пределах, которые определены обвинительным заключением».

Я считаю, что вина Шабашвили также доказана, Шабашвили это тоже признал. Нет нужды разбирать тщательно все улики, которые направлены против него. Улик много. Если Шабашвили, защищаясь, попытается пойти против этих улик, то у меня в реплике будет время, чтобы сказать об этом подробнее.

Я считаю, что нужно обратить внимание на разницу между Шабашвили и Диком, разницу, заключающуюся в том, что Шабашвили — коммунист и директор, что он, кроме того, коммунист не со вчерашнего дня. Я считаю, что это усугубляет его вину и его ответственность, что он строже должен отвечать за те преступления, которые он совершил против советских законов.

В связи с этим я хочу напомнить следующие слова товарища Сталина:

«Знаменательнее всего, — говорил товарищ Сталин, — то, что у беспартийных замечается иногда более бережное отношение к средствам нашего государства, чем у партийных. Коммунист действует в таких случаях смелее и решительнее. Ему ничего не стоит раздать ряду служащих пособие, назвав его тантьемой, хотя тут тантьемой и не пахнет. Ему ничего не стоит перешагнуть через закон, обойти его, нарушить его. Беспартийный тут осторожнее и сдержаннее. Объясняется это, пожалуй тем, что коммунист иногда считает законы, государство и т. п. вещи делом семейным. (Смех.) Именно поэтому иному коммунисту не стоит иногда большого труда перешагнуть, наподобие свиньи (извиняюсь, товарищи, за выражение), в огород государства и хапануть там или показать свою щедрость за счет государства. (Смех.) Надо положить конец, товарищи, этому безобразию. Надо открыть решительную борьбу против разгула и расточительности наших управляющих органов и в нашем быту, если мы хотим действительно приберечь наше накопление для нужд нашей промышленности»¹.

Товарищ Сталин, выступая против безобразного отношения отдельных советских чиновников к государственной собственности, предостерегает против снисходительности к такого рода преступлениям.

Корни этих преступлений уходят в привычку смотреть на законы, как на дело семейное. Есть среди нас коммунисты, кото-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 135.

рые к советским законам подходят по-домашнему, как будто соблюдение законов — это их частное, домашнее дело. Это вредная, безобразная точка зрения. С такой точкой зрения нужно покончить решительно и бесповоротно. Нужно на примере Шабашвили и других подсудимых по этому делу показать, что Советское государство и наша партия так относятся к советскому закону, что не позволят никому нарушать его, ибо советский закон — непреложный, непререкаемый, священный для всех закон, и раньше всего и более всего священный для коммунистов.

Вот почему я думаю, что когда вы будете определять меру уголовной репрессии, если вы согласитесь с доводами обвинения, что и Шабашвили и Дик виновны в приписываемом им преступлении, — вы примените к Шабашвили, несмотря на его заслуги как коммуниста, как участника гражданской войны и директора одного из лучших заводов, более строгую меру наказания, чем по отношению к Дику, хотя и его ответственность достаточно серьезная.

О Ремерове я уже сказал. Я думаю, что оценивая роль Ремерова, нужно принять во внимание то, что хотя и с большими колебаниями и влияниями, он все-таки, пожалуй, единственный во всей этой группе, в конце концов пытался выполнить требования советского закона. Это очень маленькое утешение, но все-таки это является соломинкой, за которую он, очевидно, ухватится. Пусть ухватится. Я не буду возражать.

Заходяченко был начальником комбайнового цеха завода «Коммунар». Я его обвиняю в том, что он, во-первых, систематически задерживал у себя в цехе ящики с магнето, предназначенные к отправленным комбайнам, не упорядочил отправку этих самых магнето, не упорядочил хранения ящиков с ними, вследствие чего имели место случаи, когда оказалось невозможным найти ящики с магнето — в частности, случай с 47 пропавшими магнето. Я считаю, что это дает основание считать Заходяченко столь же виновным, как Шабашвили и Дика.

Кстати сказать, вчера на суде Заходяченко пытался перенести всю тяжесть ответственности за путаницу с номерами на отдел технического контроля. Я хотел бы напомнить по стенограмме судебного заседания ту часть его показаний, где при допросе Козловского ему был поставлен вопрос относительно того, кто же ставил эти номера на комбайнах. Вот это показание:

«Заходяченко: — Номера на комбайнах и ящиках ставил техник.

Козловский: — Не трафаретчик?

Заходяченко: — Трафареты ставили мы. Мы ставили,

мы отвечали за трафареты. Я поставил двух техников писать трафареты».

Да и вчера он подтвердил, что он ставил техников писать трафареты. Значит он за это дело все-таки отвечает: за ящики с номерами отвечает отдел технического контроля, но трафареты ставил он, его отдел.

И, кроме того, мы имеем в деле очень интересный документ — приказ, подписанный Шабашвили, в котором как раз на Заходяченко возлагается ответственность за состояние этой части работы завода. Директор в этом приказе говорит: «Отмечаю безобразное положение с ходом укомплектования и отгрузки комбайнов по причине, главным образом, неумелой организации со стороны начальника комбайнового цеха т. Заходяченко, что привело к невыполнению календарного количественного плана отгрузки, даже несмотря на оказанное содействие, подкрепление людьми,— последний не сумел использовать для правильной расстановки рабочую силу. 27 мая 1933 г.».

Кто отвечает за безобразия в комбайновом цехе с отправкой этих магнето? По приказу 27 мая 1933 г. за № 202 отвечает Заходяченко. Поэтому совершенно напрасны были его усилия и потуги доказывать, что я — не я и лошадь не моя, а что за это должен отвечать отдел технического контроля, который, конечно, определенную ответственность тоже должен нести за это дело, но что, однако, не освобождает от ответственности и подсудимого Заходяченко.

В этом деле мы должны прежде всего выделить первую группу обвиняемых и предъявить к ним наиболее серьезное обвинение. В эту группу входят Шабашвили, Дик, Заходяченко. Вот тройка, наиболее ответственная за получившиеся на месте безобразия, фактически продолжавшиеся в течение января — июля этого года, т. е. 7 месяцев, ответственная за систематический срыв постановления правительства о комплектной отгрузке комбайнов. Эта группа должна отвечать в первую очередь.

О Череватенко я уже сказал, а теперь несколько слов о роли Кобрисова и Кордики. Первый — заместитель начальника финансово-сбытового отдела, второй — заведующий подотделом сбыта.

Оба они точно так же отвечают за некомплектную отгрузку.

В самом деле, нельзя же допустить, чтобы Кобрисов, заместитель начальника финансово-сбытового отдела, плыл по течению и никогда не поднял голоса против того безобразия, которое делалось у него под носом и при его собственном участии. Конечно, до известной степени его вина смягчается его второстепенной ролью в этом деле, но все-таки вина у него есть, хотя и второстепенная.

То же надо сказать и о подсудимом Кордики. Это тем более

справедливо, что по распоряжению от 9 июня по заводу ответственным за погрузку комбайнов был Кордик, который должен был вести учет деталей и узлов. А как он вел учет этих деталей и узлов, мы видим из судебного следствия, — вел он очень неудовлетворительно.

В чем заключается преступление Полякова?

Поляков был заведующим отделом технического контроля Укрсельмаша. Отдел технического контроля, а следовательно, и Поляков, обязаны отвечать за правильную отправку, отгрузку, выпуск с завода изделий. А правильный выпуск изделий означает комплектный выпуск. Если бы мы имели дело с часовой фабрикой, с часами, то мы, конечно, привлекли бы к ответственности такого технического контролера, который разрешил бы выпускать с фабрики часы без маятника с тем, что потом этот маятник будет вручен покупателю по специальному, особому какому-нибудь вкладочному листу. Здесь получалось, тоже самое. Комбайн вручался покупателю без магнето. Все равно, что часы без маятника.

Кто должен был следить, чтобы такого безобразия не было? Технический контролер. Поляков этой обязанности своей не выполнил, и в этом заключается суть его преступления.

Перехожу к Сельхозснабу и, наконец, к Союзсельмашу.

Здесь у нас тоже, по-моему, совершенно ясные, совершенно определенные и совершенно определившиеся три фигуры обвиняемых — это Шахновский, Реттель и Моев.

Что их характеризует? Их всех троих характеризует прежде всего — одних больше, других меньше — отсутствие до сих пор понимания того, что они сделали. Это для меня совершенно несомненно.

Посмотрите, как под давлением улик Шахновский отступал: не шаг за шагом, а буквально сантиметр за сантиметром, пока пришел к тому, чтобы сказать: «Да, виновен». Вы помните, как он в первый день отрицал, как он во второй день крутил, как он в третий день продолжал заперяться и, наконец, как он заявил, что после того, что здесь произошло, он не может не признать, что совершил ошибку, — ошибку, а не преступление. Нет, вы, подсудимый Шахновский, совершили преступление. Больше того, вы совершили достаточно тяжелое преступление, потому что своим опытом работы, своим знанием дела, своей должностью в Сельхозснабе, своим положением в руководящем и контролирующем работу мест учреждении вы не только сами совершали преступления, но вы развращали и вам подчиненных людей, вы не только не поправляли их ошибок и, следовательно, не только не руководили ими, но, наоборот, вы их заставляли эти ошибки делать своим одобрением, своими указаниями.

И если какой-нибудь Ремеров или кто-либо другой может говорить о том, что он, не знал всех законов, которые он должен был знать, то Шахновский, сидящий в центре, в Москве, не смеет этого говорить. А если он знал эти законы, то он, конечно, должен был бы в таком случае поступать соответственно законам. Он поступал против законов. Чем прикрывал? Прикрывал ссылками на кражи в пути.

Товарищи судьи, надо в конце концов потребовать от подсудимых ответственного отношения к своим заявлениям. Эти господа подсудимые представляют себе дело так, что вся наша страна состоит из одних жуликов и воров, что нельзя отправить ни комбайна, ни магнето, так как его обязательно слямзят, стырят, сопрут.

Что это за постановка вопроса? Что же, в представлении этих граждан все решительно воруют и некому поручить охрану государственного имущества? Я должен протестовать против такого рода постановки вопроса. Они ссылаются на кражи в пути, якобы мешающие отправлять комбайны с магнето. Я их спросил, я потребовал сказать, сколько же было таких краж хотя бы за последние полгода? Они не могли назвать ни одной цифры.

Вы говорите, что вынуждены были перейти к отправке без магнето из-за краж в пути. Скажите же, сколько комбайнов в 1932 году вы отправили и сколько украли, и также скажите, почему крали под носом на вашем собственном заводе, и не рабочие крали на улице или на базаре, где у вас стояли комбайны, а крали профессиональные жулики, босяки, крал классовый враг?

Вы ничего на это ответить не могли, если не считать какого-то лепета насчет 200, не то еще меньшего количества комбайнов, но ведь факт, что в этом году пришло к началу уборки, при вашем методе раздельной отправки, 500 комбайнов неукomплектованных, а следовательно, и непригодных к немедленной работе!.. Это по вашим же собственным словам! Поэтому я говорю, что нужно дать решительный отпор такого рода практике, и я прошу суд специально отвести в приговоре место этому вопросу, разоблачить эту попытку прикрываться якобы имеющимися массовыми случаями хищения, попытку прикрыть это безобразное отношение к советскому закону, нежелание принять действительные меры против действительных случаев хищения, разоблачить нарушителей советских законов и государственной дисциплины.

Мы имеем постановление ЦКК ВКП(б) от 6 марта, запрещающее пользование проводниками (так как подбор этих проводников весьма труден, и практика пользования проводниками себя не оправдала) и требующие организации надлежащей охраны

комбайнов в пути. Однако Шабашвили и Шахновский с Реттелем и Моевым грубо нарушили и это постановление. Здесь они выступили со всякими объяснениями, ничего не объясняющими, кроме одного — попытки прикрыть свое неумение организовать охрану, нежелание, непонимание необходимости дать комбайны на поля в комплектном виде, и притом дать их во-время, нежелание выполнять в этом направлении твердо и ясно сформулированные требования правительства. Да ведь самый факт дискуссии у них на заводе, среди техников и даже на страницах печати, по вопросу о том, что такое комплектная отправка, возможна ли и целесообразна ли комплектная отправка, разве не свидетельствует о том развороте, который был внесен в этот вопрос и в среду производственников господами вроде Шахновского и Реттеля. Они находили даже теоретические основания для дискуссии по этому вопросу, «теоретически» пытались обосновать и самый срыв правительственного постановления. Это доказано. Это установлено, и поэтому подсудимые должны нести за это полную ответственность.

Последняя фигура процесса — Моев. Что о нем можно сказать? Что представляет собой Моев? Лишенный сознания ответственный за свою работу и как советский человек и как партиец, в самый разгар работы Моев собирается в отпуск. В разгаре уборочной кампании Моев в отпуску. Но почему он уехал в отпуск? Может быть, потому, что он был болен, может быть, он измучился на работе? Ничего подобного. Первого августа ему нужно было начать учиться. Учение — похвальная вещь. Советская власть старается, чтобы работники, от простого технического работника до самого ответственного, учились, переквалифицировались, овладевали теорией марксистско-ленинского учения и техникой своего дела. Но это надо делать так, чтобы не страдала работа, а чтобы на базе своей переквалификации вы как работник становились более полноценным.

А что было у вас в правлении Союзсельмаша? Ваша работа для вас была не что иное, как синекура, как теплое местечко у казенного порога, чтобы кормиться. Моев, зная о всех безобразиях с некомплектной отправкой, зная, что это запрещено законом, не принимал никаких мер и тем самым совершил преступление. Больше того, он знал о генеральном договоре, разработанном Шахновским и Реттелем, где был пункт, прямо противоречащий постановлению правительства, о том, чтобы «отгружать комбайны комплектно, а отступления допускаются с согласия потребителя».

Вот почему вместе с другими и даже в несколько большей степени должен отвечать Моев, потому что он, как и Шахновский, стоял наверху, в центре, он управлял периферией, ему дано было

много власти и прав, а кому много дано, с того больше должно быть и взыскано.

Товарищи судьи, я с самого начала своего сегодняшнего выступления указывал на то особое значение, которое имеет этот процесс. Я должен, заканчивая свою обвинительную речь, еще раз подчеркнуть именно это обстоятельство.

Суд в своем приговоре должен дать не только характеристику того или иного преступления и опасности этого преступления с точки зрения интересов Советского государства и интересов трудящихся, но также определить те или другие меры социальной защиты для каждого из обвиняемых. Я считаю лишним, не вызывающимся необходимостью, как это иногда делается на процессах, излагать сейчас рецепты наказаний для каждого из подсудимых. Я тем более считаю это нецелесообразным осуществлять сейчас, потому что весь смысл этого процесса, как я его понимаю, заключается не только в наказании, а в том, в чем заключается смысл и величайшее культурное значение советского суда.

Ленин нас учил, и в наши дни нас продолжает учить и в этом направлении воспитывать товарищ Сталин, что советский суд есть школа к дисциплине для трудящихся, одновременно являясь грозным орудием подавления и сокрушения нашего классового врага Советский суд и, в частности, в данном процессе должен выполнить главным образом именно это свое предназначение — разоблачить, показать перед широкими трудящимися массами опасность для интересов государства, для хозяйственных интересов, для дела социалистического строительства тех или других преступлений трудящихся, и уже этим самым оказать на них моральное воздействие и вокруг этого дела создать ту моральную атмосферу, которая сама по себе является лучшим залогом невозможности иметь в будущем повторение этих преступлений.

Я прошу суд, определяя меру социальной защиты в отношении каждого из обвиняемых, учесть это обстоятельство, которое мне кажется для настоящего дела особенно важным и имеющим особенное значение.

• •
•

Верховный суд Союза ССР приговорил:

И. Я. Реттеля и Г. А. Моева к году принудительных работ каждого; Шахновского Л. Б. к шести месяцам принудительных работ; Ремеров Н. И. к трем месяцам принудительных работ; Полякова Л. Г. к трем месяцам принудительных работ; в отношении С. М. Шабашвили и П. И. Дика, которые имеют значительные заслуги перед советской властью на фронте социалистического строительства, с одной стороны, а с

другой — ввиду их искреннего раскаяния в совершенном преступлении и руководствуясь ст. 51 УК РСФСР, суд ограничился — в отношении Шабашвили вынесением общественного порицания, а в отношении Дика — предупреждением. В отношении П. Д. Заходяченко, С. В. Череватенко, И. И. Кобрисова и И. К. Корлика, учитывая их многолетний производственный стаж, активную работу на заводе, а также их искреннее раскаяние в совершенном преступлении и руководствуясь ст. 51 УК РСФСР, суд постановил ограничиться вынесением им всем предупреждения.

ДЕЛО О ГИБЕЛИ ПАРОХОДА «СОВЕТСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН»

26 мая 1935 г. в Красноводске пароход «Советский Азербайджан» принял 1027 тонн нефтедагской нефти с температурой вспышки 26°С по аппарату Бренкена, что означало, что нефть эта является особо огнеопасным грузом I категории. Между тем, пароход «Советский Азербайджан» был отнесен ко II категории и, следовательно, такого груза принимать не имел права.

28 мая 1935 г. на этом пароходе, буксируемом пароходом «Совет», в 2 ч. 15 м., в момент следования из Красноводска на Астраханский рейд, произошел взрыв и возник пожар.

Часть команды погибла от взрыва, часть осталась в живых.

Непосредственно после взрыва пароход «Совет» отдал буксир и с максимальной для него скоростью, в течение 45 мин., удалялся от парохода «Советский Азербайджан».

Оставшиеся в живых на горящем пароходе после отдачи буксира и бегства парохода «Совет» взывали о помощи; отчаявшись в ней, 7 человек спустили шлюпку, а остальные бросились в море.

Лишь через 45 мин., пройдя 8 миль, «Совет» повернул обратно и медленно, затратив на возвращение 2 ч. 40 м., приблизился в 5 ч. 40 м. к горящему пароходу. Подобрал двух из числа оставшихся в живых, «Совет» оставил горящий пароход и направился на Астраханский рейд к месту своего назначения.

К месту аварии с Астраханского рейда был направлен пароход «Алеша Джапаридзе». Пароход этот подошел к «Советскому Азербайджану» 31 мая в 5 ч. 10 м. Капитан парохода не только не принял мер к тушению пожара, но даже не распорядился закрыть открытую цистерну с нефтью на пароходе «Советский Азербайджан».

В 20 ч. 50 м. взрыв на пароходе «Советский Азербайджан» повторился, и 1 июня в 4 ч. 15 м. судно на глубоком месте скрылось под водой.

В ночь с 29 на 30 мая в управлении Каспийского пароходства стало известно, что «Совет» оставил горящий пароход «Советский Азербайджан».

Вплоть до 17 час. 31 мая никаких мер к спасению парохода и выяснению обстоятельств взрыва не было принято.

Посланный из Баку 31 мая в 19 ч. 45 м. пароход «Лафарг» прибыл за 45 мин. до гибели парохода.

В результате гибели парохода «Советский Азербайджан» погибло в огне и утонуло 27 человек.

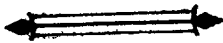
Дело о гибели парохода «Советский Азербайджан» слушалось 25 августа — 1 сентября 1935 г. выездной сессией водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР в г. Баку.

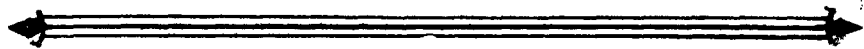
Суду были преданы бывший начальник службы эксплуатации Каспийского пароходства Занько Б. М., начальник каспийской инспекции Регистра Устимович М. И., его заместитель Беляков М. Н., инспектор Регистра Багненко А. Ф., капитан парохода «Совет» Кривоносов Т. И., помполит этого же парохода Мигушенко А. А., механик парохода Чеботарев А. И., старший помощник капитана парохода Михель А. А., второй помощник капитана Настасьев Г. Д., третий помощник капитана Токаренко М. Д., боцман парохода Купцов И. Г., первый помощник механика парохода Мхитарян Г. И., второй помощник капитана Будилин М. В., донкерман парохода Елкин С. П., машинист парохода Тренин И. Ф., кочегар парохода Харафиос И. Н., рулевые парохода Берковский И. И., Бузулуков И. Д., Фишман Б. И. и Соколов В. В. и матросы парохода Афонин С. М., Шабалин Г. С. и Рыбин А. Д., начальник Красноводского порта Жуков Д. Е., капитан Красноводского порта Величко Я. С., капитан парохода «Алеша Джапаридзе» Синенков П. А. — по ст. 79¹ УК Азербайджанской ССР¹, начальник 4 отдела ВОХРвода Штейнгольц А. З. и начальник пожарно-технической части 4 отдела ВОХРвода Гибшман Г. Э. — по п. «а» ст. 256 УК Азербайджанской ССР².

Обвиняемых защищал ряд членов Бакинской коллегии защитников.

¹ Соответствует ст. 59^{3в} УК РСФСР.

² Соответствует ст. 193¹⁷ УК РСФСР.

Товарищи верховные судьи! Не без трепета и волнения приступаю я к исполнению последней части своих обязанностей государственного обвинителя по настоящему делу. Не без волнения приступаю я к этой тяжелой обязанности, потому что еще слишком свежи следы той раны, которая нанесена была нашей общественной совести позорным, предательским поступком командования парохода «Совет» и ряда обвиняемых, привлеченных по этому делу к уголовной ответственности. Я не без тревоги и волнения приступаю к исполнению этих обязанностей еще и потому, что государственное обвинение призвано помочь вам, товарищи судьи, вынести справедливый приговор по делу, на которое обращено сейчас внимание всех трудящихся нашей страны, внимание работников нашего транспорта — и водного транспорта в первую голову, — потому, что от вашего приговора ожидают тысячи, десятки, сотни тысяч трудящихся ответа на вопрос о том, кто виноват в гибели наших братьев, их жен, их детей, нашего государственного имущества, нашего корабля.

От вашего приговора, от всего этого судебного процесса наши моряки и все честные советские граждане ждут ответа на вопрос и о том, что привело Каспийский флот к такому положению, когда в его историю оказалась предательской рукой Кривоносова и его сподвижников вписанной позорная страница небывалого среди советских моряков преступления. Ваш приговор должен будет ответить на вопрос о том, какие дальнейшие усилия должны быть предприняты всеми честными строителями нашего советского флота, чтобы никогда больше не повторялись подобные позорные явления.

Нужно, чтобы этот процесс был первым и последним процессом этого рода, чтобы этот процесс раз навсегда покончил с возможностью повторения подобных явлений, раз навсегда и окончательно излечил те отсталые слои моряков Каспийского флота, которые еще находятся в рядах его строителей, от болячек, недостатков и безобразий, какие являются порождением и пережитками старого капиталистического флота, старого капиталистического строя, пережитками таких отвратительных, проклятых «традиций капитализма», как анархия и беспорядок, на которые указывал наш великий учитель В. И. Ленин. Это большая задача, и я в своей обвинительной речи постараюсь представить суду и

всей нашей стране, от имени которой я здесь выступаю государственным обвинителем, те мотивы, соображения, доводы и требования, которые должны будут прозвучать грозным наказанием для виновных в позорном, кошмарном преступлении 28 мая на борту парохода «Совет» и грозным предостережением для всех тех, кто так же, как они, попытается стать на путь дезорганизации нашего советского флота, на путь нарушений своего морского служебного долга.

Известна фактическая сторона этого тяжелого дела. 28 мая этого года, всего три месяца назад, в 2 ч 15 м ночи, вследствие неосторожности, явившейся в свою очередь результатом распушенности, разгильдяйства и упадка служебной дисциплины на пароходе «Советский Азербайджан» произошел пожар и взрыв, погубивший 27 человек и стоивший, кроме того, Советскому государству самого парохода и груза. Несчастье может быть всегда и везде. Но трагизм данного случая заключается не только в самом факте взрыва, катастрофы и гибели парохода «Советский Азербайджан». Трагизм заключается в том, что пароход «Советский Азербайджан» в момент катастрофы был не один, что на расстоянии 200 метров на буксире его вел пароход «Совет», что этот пароход предательски бросил на произвол стихии своего гибнущего собрата и постыдно, с предельной скоростью, ушел прочь от места катастрофы, не оказав погибающим решительно никакой помощи!

Известно, что вместо организации помощи гибнущему пароходу «Советский Азербайджан» пароход «Совет» по приказу капитана этого парохода Кривоносова, действовавшего совместно с помполитом Мигушенко и ст. механиком Чеботаревым, при попустительстве ряда работников команды этого парохода, о чем я буду говорить более конкретно дальше, бросился бежать с места катастрофы, развив полный ход, и в течение 40—45 минут удалился от бедствующего судна на 8 миль, а вернувшись к нему только через три с лишним часа после взрыва, не принял всех должных мер к спасению корабля и вторично постыдно и трусливо бежал с места катастрофы. Факт беспримерный, невероятный, не знающий себе подобного в истории советского флота, давящий нас всей тяжестью и гнусностью этого преступления, запятнавший тячайшим образом флаг советского флота, который давал и дает ежедневно образцы подлинно героической работы.

Именно поэтому самое преступление командования и части команды парохода «Совет», самое оставление ими парохода «Советский Азербайджан» без помощи, постыдное бегство с места катастрофы, отказ в помощи и оставление без помощи бедствующего судна представляют собой такое явление, которое привлекло к себе не только все внимание трудящихся нашей страны, но и вызвало справедливый и заслуженный гнев страны

строящей социализм, готовой вашим приговором беспощадно наказать основных виновников этого дела.

В историю советского флота наши доблестные советские моряки вписали и продолжают вписывать героические страницы своих беспримерных подвигов, страницы, говорящие об их легендарных успехах, об их легендарной борьбе, о подлинном героизме, двигающем их поступками, о высоком сознании ими своего гражданского долга, долга советского человека и советского гражданина, доказавших на деле, на фактах, что они умеют жертвовать и своим здоровьем и даже своей жизнью, когда дело идет о спасении погибающих, когда дело идет о жизни и интересах человека, об интересах пролетарского государства.

Ледовые походы «Литке», «Сибирякова», «Красина» и «Седова», величественная эпопея затертого во льдах, погибавшего, но не уstraшившегося ни на одну секунду легендарного «Челюскина», ведомого ледовым капитаном Ворониным и доблестным академиком и исследователем арктических морей профессором Шмидтом, создали величайшие образцы доблести и героизма, венчающие славную работу советских моряков.

Никогда мы не забудем даты 16 мая 1932 г., когда советский корабль-танкер «Советская нефть», заметивший в Индийском океане огни, превратившиеся через несколько секунд в кошмарное пламя горящего и гибнущего океанского корабля, бросился на помощь погибающему французскому судну и, несмотря на то, что вез бензин, сумел организовать спасение людей и в течение каких-нибудь 2—3 часов принял на свой борт 437 гибнущих пассажиров парохода «Жорж Филиппар», команду и самого командира.

Перед лицом таких и им подобных фактов, составляющих наше украшение и позволяющих нам гордиться подвигами наших моряков, тем отвратительнее, тем безобразнее, тем гнуснее и позорнее слышать о преступлении предателей, сидящих сейчас на позорной скамье подсудимых.

Не только на севере и юге, но и на востоке и западе наши моряки умеют совершать чудеса героизма. Я мог бы привести ряд фактов и из жизни Каспийского флота, говорящие о том, что и в Каспийском флоте не перевелись герои, умеющие прямо и честно, по-советски и по-пролетарски смотреть в глаза подстерегающей их на море ежесекундно смертельной опасности.

В качестве примера я мог бы сослаться на случай с пароходом «Юпитер» на Каспийском море, когда при погрузке сырой нефти от искры электропроводов произошел взрыв газа, охвативший капитанский мостик пламенем. Боцман Кузнецов, рискуя своей жизнью, закрыл люк, предотвратил распространение пожара и спас корабль от тяжелой опасности.

Я мог бы привести другой случай, когда весной 1935 г. пароход «Киров» в сильный шторм, ночью, рискуя сесть на мель и взорваться от удара о сидевший на мели бензиновоз «Галилей», благодаря героизму капитана Носкова, помполита Павловича и всей команды снял бензиновоз «Галилей» с мели и не допустил гибели корабля.

Можно привести таких примеров немало, и моряки Каспийского флота знают эти примеры лучше меня. Если я сейчас говорю об этом, то лишь для того, чтобы еще раз защитить честь советского моряка от предателей, оскорбивших имя Каспийского флота.

Пять дней судебного следствия, проходившего перед всеми нами, с исчерпающей полнотой и всесторонностью вскрыли основные причины как происшедшего, так и ряда других имеющих еще, к сожалению, в Каспийском пароходстве недостатков.

Эти пять дней со всей очевидностью показали нетерпимость тех болезней и извращений, которыми еще, к сожалению, страдают отдельные участки работы нашего Каспийского флота.

Эти пять дней судебного следствия, на мой взгляд, исчерпывающим образом вскрыли корни и причины этих пороков и дали нам в руки средства для их искоренения.

Судебное следствие еще раз вскрыло и показало во весь рост, что отдельные звенья системы нашего водного транспорта, и, в особенности, Каспийского водного транспорта, еще далеко не освободились от пережитков прошлого, что еще значительная часть работников Каспийского флота не перевоспиталась в новом, социалистическом духе, в соответствии с новыми требованиями социалистического строительства, что многие работники водного транспорта и Каспийского водного бассейна все еще находятся в плену старых, унаследованных от капитализма, от капиталистического строя пережитков и традиций, борьба с которыми не ведется с должной настойчивостью ни по линии политико-воспитательной работы, ни по линии администрирования и развертывания различного рода профилактических, организационно-материальных и бытовых мероприятий. Судебное следствие показало, — не только на примере такого обвиняемого, как б. начальник ВОХР Штейнгольц, опереточная фигура которого вчера была показана здесь с исключительной яркостью, не только на примере такого обвиняемого, как «начальник» пожарной охраны Гибшман или как представители службы эксплуатации в лице начальника службы эксплуатации Занько, не только на примере такого начальника порта, как начальник Красноводского порта Жуков, как помощники капитана Настасьев и Токаренко, как рулевой Соколов, не только на примере такого преступника, каким является помполит Мигущенко, но и на примере

ряда свидетелей вроде Петрухова, Бовина и Габель,— как глубоко вкоренились в психологию каспийских моряков, в их нравы, в их методы работы капиталистические пережитки и извращения, как эта буржуазная старая психология, воспитавшая рваческие, шкурнические, чисто волчьи навыки, привычки и настроения, еще далеко не искоренена из сознания многих и многих людей, работающих на водном транспорте. Даже Бузулуков, этот, несомненно, наиболее честный, наиболее прямодушный и явно способный на самопожертвование молодой моряк, и он тоже, правда, не по собственной инициативе, а соблазненный некоторыми вопросами защиты, обнаружил все же непонимание новых требований, предъявляемых советской властью и пролетарским государством к морякам.

Я просил бы вас вспомнить тот разговор, который произошел между его защитником и мной несколько дней назад по вопросу о том, несет ли какую-либо ответственность матрос 1 класса Бузулуков за свое поведение в ночь с 27 на 28 мая 1935 г. на борту парохода «Совет». Я просил бы вас вспомнить объяснения, которые давал здесь обвиняемый Бузулуков по вопросу, затронутому одним из членов Верховного суда Союза ССР, напомнившим Бузулукову о многочисленных его дисциплинарных взысканиях, напомнившим ему относительно того, как он дважды был списан на берег за отказ от работы. Бузулуков очень характерно, для моряков этой категории, с некоторой, этаким портовой развязностью здесь заявил: «Ну что же, отказался от работы потому, что не хотел работать. Не хотел и отказался». Нам нужно было затем потратить добрых два десятка минут судебного следствия для того, чтобы в сознании этого честного, но уже испорченного молодого моряка пробудить понимание всей ошибочности, всей преступности этой точки зрения, зажечь искру гражданского понимания, искру чувства ответственности за свое отношение к работе в Советском государстве. Даже Бузулуков, не худший — я это утверждаю на основании и материалов дела и изучения людей, — а лучший из сидящих на скамье подсудимых, и он дал образец того душевного гниения, от которого и он оказался несвободным, будучи испорченным такими воспитателями, как Мигушенко и Кривоносов.

О чем говорит поведение Бузулукова в этой части? Оно говорит очень много о глубоко залегающих еще в жизни, в нравах, в психологии известной части моряков Каспийского флота отрывках старого капиталистического строя, старого капиталистического мировоззрения, миропонимания. Оно говорит о том, что немало еще среди нас Бузулуковых, не понимающих того, что в пролетарском государстве, где власть принадлежит трудящимся, где проявляется величайший энтузиазм, величайший героизм и самопожертвование трудящихся, где под руководством

нашей партии и великого вождя народов нашей страны и всех трудящихся мира товарища Сталина строится новое социалистическое общество,— нетерпимо подобное отношение к трудовой дисциплине, нетерпимо подобное отношение к обязанности трудиться на славу и благо нашего Советского пролетарского государства. В капиталистическом обществе уместно и законно, когда рабочий взрывает капиталистический строй и разрушает плочную капиталистическую дисциплину на предприятиях, принадлежащих заводчикам, фабрикантам и банкирам. В Советском государстве, при диктатуре рабочего класса, при господстве советской власти, такой образ действий незаконен и преступен, и это надо понять, и понимание этого надо положить в основу своей работы и всей своей жизни.

Понимают ли это Бузулуковы, Берковские, Елкины, Рыбины? Я нарочно назвал тех, которые являются лучшими из сидящих на скамье подсудимых. Я должен на этот вопрос ответить: не понимают... Не понимает этого и Бузулуков, только в результате последующего допроса усвоивший, и то только частично, свою вину перед пролетарским государством.

Такое преступное отношение к задачам пролетарской дисциплины само по себе является нередко результатом кулацко-капиталистических настроений и пережитков, таящихся еще в глубине психологии некоторых слоев трудящихся людей, которые, как говорил Владимир Ильич, не отделены китайской стеной от старого капиталистического общества.

С этим надо покончить, покончить надо с непониманием принципиальной разницы между капиталистической, крепостнической дисциплиной и нашей пролетарской дисциплиной труда, с непониманием того, что мы не можем допустить в нашем хозяйстве, в нашем государстве таких отношений к государству, которые в какой бы то ни было мере были способны поколебать самые устои нашей советской пролетарской дисциплины.

«Крепостническая организация общественного труда, — писал в свое время Владимир Ильич, — держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 387.

Вот что представляет собой крепостническо-помещичья дисциплина труда и буржуазно-демократическая дисциплина труда.

От этой буржуазной дисциплины принципиально отличается коммунистическая дисциплина труда.

«Коммунистическая организация общественного труда,— писал В. И. Ленин,— к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов»¹.

Эта новая дисциплина держится на свободном труде, на труде, лишенном и тени какой бы то ни было эксплуатации, на труде, все более и более становящемся, как учит наш великий вожьд и учитель товарищ Сталин, делом чести, делом, славы, делом доблести и героизма миллионов и миллионов рабочих и крестьян нашей страны. «Эта новая дисциплина,— писал Ленин,— не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом Этот класс — пролетариат»². И я думаю, что наша задача, как и задача любого отряда строителей нашего социалистического общества, в том числе и тех, которым поручена политико-воспитательная работа во флоте, заключается в том, чтобы всю свою работу построить так, чтобы в результате ее были еще более высокие показатели, еще более высокое ее качество, еще более грандиозные успехи, создаваемые усилиями организованного, сплоченного, обученного, просвещенного и закаленного в классовых боях рабочего класса. С этой точки зрения то, что мы здесь слышали относительно политико-воспитательной работы на судах Каспийского пароходства, не выдерживает никакой критики. Если судить о представителях этой политической работы по таким работникам, как помполит Мигущенко, то надо прямо сказать, что здесь мы имеем пустое место в лучшем случае. Так вести политработу, как вел Мигущенко, значит воспитывать лодырей, дезорганизаторов производства, значит служить не делу пролетарской революции, а делу контрреволюции. То преступное отношение к делу укрепления пролетарской дисциплины на производстве, в труде, в быту, в опасностях, обнаруживаемое до сих пор, к сожалению, еще значительным количеством людей, работающих в Каспийском флоте, вытекает из непонимания всей важности и значения этих задач,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 387.

² Там же.

непонимания того, что правильное решение этих задач является одним из самых верных ключей к решению основной задачи организации пролетарского социалистического флота, умеющего на требования Советского государства и советской власти отвечать всегда и при всех условиях единодушным старым морским одно-
сложным: «Есть».

На XVI съезде партии товарищ Сталин в числе основных мероприятий по повышению производительности труда указывал на товарищескую трудовую дисциплину. В исторической речи 30 июля 1935 года на приеме в Кремле награжденных железнодорожников, работников железнодорожного транспорта, товарищ Сталин, говоря на эту тему, обращал внимание на необходимость так строить работу на транспорте, чтобы она отличалась слаженностью всех частей, чтобы она велась в строго определенном порядке. Это, говорил товарищ Сталин, и есть то, что называется дисциплиной на транспорте.

Здесь пытались проташить взгляды, которые еще имеют хождение и за стенами этого судебного зала. Я знаю, что, когда стало известно о привлечении к ответственности команды парохода «Совет», в головах некоторых людей возникал вопрос: «А что же могла сделать команда, что мог сделать Иванов, Петров, Сидоров, люди подначальные, если у них оказался такой руководящий состав, такой так называемый треугольник?».

Я постараюсь показать, что ни с одного члена коллектива, ни с одного члена команды, кто не принял необходимых мер воздействия на шкурников, не снимается ответственность, даже если вы оправдаете того или иного обвиняемого, сидящего на скамье подсудимых, а я буду просить вас в отношении некоторых лиц вынести оправдательный приговор. Даже оправданные должны будут выйти отсюда, из этого процесса, если вы вынесете им оправдательный приговор, не с высоко поднятой головой, а с низко опущенными глазами, стыдясь того, что совершилось на их глазах в трагическую ночь 28 мая, того, что они не сумели свою попытку организовать спасение погибавших довести до конца и уступили оказавшимся во главе парохода «Совет» негодяям.

Товарищ Сталин говорил 30 июля о том, что товарищескую, трудовую, советскую, пролетарскую дисциплину мы познаем по слаженности всех частей коллектива. Это указание товарища Сталина дает нам право провозгласить ответственность каждого члена коллектива за неказание помощи, так как на том и стоит советская земля, что здесь, у нас, на советской земле, господствует принцип: один за всех и все за одного. Это — принцип советского строительства в противоположность принципу капиталистического строя, где «всяк за себя, а бог — за всех»...

По поводу дисциплины у железнодорожников товарищ Сталин говорил, что у железнодорожников есть работники на больших постах и работники, стоящие на небольших постах, но нет на транспорте людей ненужных или незначительных. Начиная от самых больших руководителей и кончая «малыми» работниками вплоть до стрелочника, вплоть до смазчика, вплоть до уборщицы — все велики, все значительны, ибо транспорт является конвейером, где важна работа каждого работника, каждого винтика. «Когда вы это поймете, товарищи железнодорожники, — говорил товарищ Сталин, — когда вы установите слаженность всех частей, всех работников в механизме транспорта — это и будет настоящая, большевистская дисциплина».

Товарищ Сталин указал далее и на средства и пути создания этой настоящей большевистской дисциплины. Она создается не приказами, содержащими в себе выговоры и взыскания, хотя, конечно, без выговоров и взысканий обойтись иногда нельзя. Едва ли я ошибусь, если скажу, что в некоторых наших советских учреждениях, — а Каспийское пароходство в этом отношении не составляет никакого исключения, — выговорами и взысканиями слишком злоупотребляют, думая, очевидно, по старой русской поговорке, что за одного битого двух небитых дают и что, следовательно, чем больше бить людей приказами, выговорами, перемещениями, снятиями с должностей и т. д., тем лучше вырабатывается, я бы сказал «выбивается», работник.

Товарищ Сталин и вся наша партия не раз предостерегали против такого отношения к этому вопросу.

Историческая речь товарища Сталина 4 мая на выпуске военных академиков в Кремле, говорящая о выращивании кадров, указание товарища Сталина в речи от 26 декабря 1934 г. о том, что к кадрам нужно подходить, как садовник подходит к своему дереву, которое он любовно растит и воспитывает, подчеркивает необходимость воспитательной работы, необходимость широкого развертывания самокритики как способа воспитания кадров, как средства создания подлинной большевистской трудовой дисциплины.

— Необходимо, — говорил товарищ Сталин в речи от 30 июля 1935 г., — строить свою работу так, чтобы вскрывать недостатки при помощи смелой и решительной самокритики. Без критики двигаться вперед нельзя. Эта истина, — говорил товарищ Сталин, — чиста и прозрачна, как чиста и прозрачна ключевая вода...

На этом процессе мы видели, что на ряде участков работы Каспийского пароходства этой чистой и прозрачной ключевой воды не видать.

Как обстояло дело на этом самом злополучном пароходе «Совет»? Когда молодой состав команды пробовал требовать

от своего командования добросовестных действий, раздался один ответ: «Пошли вон с мостика, не суйтесь не в свое дело, без вас знаем, что делать». Помполит Мигушенко, очевидно, так понимал свои задачи по осуществлению в своей работе большевистской самокритики. А это действительно могучее оружие, дающее возможность нам исправлять самые, казалось бы, неисправимые и вопиющие недостатки.

Разве не благодаря критике мы сумели здесь на процессе разоблачить фигуру Устимовича, который, как вы помните, на мой вопрос на вчерашнем заседании, есть ли у него братья, забыл о том, что у него имеются целых четыре брата, и заявил, что у него братьев нет?

Разве не в порядке критики мы сумели разоблачить спекулянта Штейнгольца, прикрывавшегося с 1920 года партийным билетом?

Наш судебный процесс — это одно из самых острых орудий нашей большевистской критики. И, разумеется, только широко используя методы критики и самокритики, мы сумеем создать настоящую дисциплину, настоящие советские кадры.

И при помощи этой дисциплины, при помощи сознательного, социалистического отношения советских кадров к своему долгу, к своим обязанностям, мы сумеем и дальше двигаться вперед, каждый день принося на алтарь нашего отечества новые и новые успехи великого социалистического строительства. Без дисциплины нет транспорта, как нет и всего социалистического строительства. Враги дисциплины — это враги пролетарского государства, — это враги социализма. Эти враги — шкурники, бузотеры, лодыри, сонные тетери вроде третьего помощника капитана Токаренко, дезорганизаторы вроде бросившего руль Соколова, прямые предатели вроде Кривоносова, Мигушенко и Чеботарева, саботажники и рвачи вроде Гибшмана и Штейнгольца. По всем этим шкурникам и саботажникам пролетарская революция бьет сокрушительным огнем, вырывая из рядов работников водного транспорта этих слизняков и прямых врагов народа, своими преступлениями позорящих честное имя советского моряка!..

Я буду просить суд, определяя степень вины и ответственности каждого из них по этому делу, руководствоваться именно этими соображениями, требующими от нас беспощадной расправы со шкурниками, лодырями, дезорганизаторами, требующими решительных мер подавления подобных преступлений, решительных мер защиты интересов социалистического государства и всех трудящихся.

Наш сегодняшний процесс должен, наконец, заставить кое-кого из работников Каспийского флота подумать о том, что пришло время по-настоящему построить советскую дисциплину.

Приказ наркома водного транспорта 16 июня 1935 г. о борьбе с авариями на водном транспорте говорит, что без решения этой основной задачи того решительного и необходимого улучшения в этой области, которое мы ожидаем от нашего транспорта, сейчас же и немедленно, мы не получим.

Ведь только за один 1934 год по одному нашему речному транспорту мы имели пять с половиной тысяч аварий. По морскому транспорту мы имели до 400 аварий.

Аварийность судов Каспийского пароходства характеризуется тоже серьезными цифрами.

В 1934 году по Каспийскому бассейну мы имели 272 аварии. Из них на один нефтяной флот падает 177 аварий, причем основная причина аварий лежит в недисциплинированности личного состава флота. По крайней мере 50% всех аварий падает на этот счет.

В 1935 году мы имеем, к сожалению, не улучшение в отношении аварий на Каспийском море, а ухудшение. Только за 8 месяцев 1935 года мы уже имели 207 аварий, считая в том числе и гибель парохода «Советский Азербайджан», причем из общего числа аварий свыше 70% относится к судам нефтяного флота. И здесь в большинстве своем аварии имели место по вине как раз командного состава. Число аварий растет. Если в июне их было 20, то в июле их стало 36.

Вот почему я подчеркиваю с такой энергией значение состояния трудовой дисциплины в борьбе с авариями и подобными им преступлениями.

Положение в Каспийском флоте с дисциплиной стоит не на должной высоте, а в отношении отдельных участков, надо прямо сказать, — далеко не удовлетворительно. И, являясь далеко не удовлетворительным, это положение заставляет нас думать о тех средствах борьбы с этим явлением и о той ответственности, которую должны нести за это и непосредственные руководители тех или других частей Каспийского флота.

Как характеризуется положение дела в Каспийском пароходстве по данным правительственной комиссии, материалы которой находятся в настоящем деле? Мы видим, что плавсостав ряда мелких нефтеналивных судов Каспийского флота в сильнейшей степени засорен хулиганствующими элементами, что этим судам внимания почти не уделяется, ибо главным образом оно было сосредоточено на крупных танкерах. Подбор личного состава на мелкие суда производится в ряде случаев помимо капитана отдельными службами Каспийского пароходства, которые направляют на суда людей без всякой проверки, подготовки и отбора. И это мы видели на этом процессе очень ярко. Когда мы спрашивали Мигушенко, знает ли он, что у Бузулукова имеется пять взысканий, оказалось, что о половине их, по крайней мере, он

не знает, да если бы и знал, это ничего не означало бы, потому что и у самого капитана Кривоносова имеется также чуть ли не пять взысканий, если не больше. В Каспийском флоте на взыскания принято смотреть как на обычное явление. Кто-то из подсудимых прямо так и сказал: «Я с такими мелочами не считаюсь». Для него неважно, что один раз ему объявили выговор, другой раз — строгий выговор, потом сняли с парохода и т. д. Это считается здесь «мелочью»... Имеется масса случаев, когда уволенный с одного судна за хулиганство, за какой-нибудь дезорганизаторский поступок, за пьянство, сейчас же принимается на соседнее судно, принимается как ни в чем не бывало. Таким образом, не ведется никакой борьбы с хулиганствующими элементами.

Мы имеем вследствие отвратительной постановки дела подбора кадров на суда такое положение, когда Каспийский флот поражает текучестью своего личного состава.

Мы имеем на большинстве нефтеналивных судов и, в особенности, мелкотоннажных такую текучесть, пример которой мы видели на пароходе «Лафарг».

На этом пароходе вся команда, состоявшая из 28 человек, дала в день обследования 78 уволенных и 56 вновь принятых, т. е. личный состав этого парохода переменялся за какие-нибудь полгода три раза!

В Каспийском флоте, как правило, мы не видим должного отношения к кадрам, к воспитанию, к подбору кадров, которое является основным рычагом правильной организации работы. Я не говорю уже о том, что мы имеем здесь такие возмутительные факты, как направление Каспийским пароходством на пароход «Советская Украина» некоего Муратова, девять раз до того уволенного за хулиганство. Девять раз человек увольняется за хулиганство, а отдел кадров Каспийского пароходства направляет его в десятый раз на пароход «Советская Украина», вместо того чтобы направить этого хулигана в концентрационный лагерь!.. Мы имеем возмутительнейшие случаи, когда на этом же самом пароходе «Совет» личный состав менялся по нескольку раз. Несколько матросов с парохода «Совет» переменяли за год по 5—7 судов.

Ясное дело, что при таком составе, при таком состоянии кадров ни о какой дисциплине на море говорить не приходится.

Еще более неудовлетворительно была поставлена здесь техническая учеба и политическое воспитание. Формально, конечно, имеются на всех пароходах помполиты. Формально проводятся разного рода беседы и занятия, но что они представляют собой, видно из того, что на танкере «Советская Украина» после беседы о бдительности и коммунисты и беспартийные работники

сразу же отправились на вахту спать. Поговорили о бдительно-сти, пошли на вахту и заснули! Это свидетельствует о том, что по-настоящему политработа здесь не велась. А это в свою очередь привело к крайней расхлябанности, к безобразно-преступному отношению ряда работников Каспийского пароходства к своим обязанностям. В самом деле, разве не безобразно-преступно поведение таких господ, как Штейнгольц, который, получив телеграмму или телефонограмму о происшедшей на море катастрофе, в течение двух дней ничего не сделал для того, чтобы организовать помощь, чтобы отправить на место спасательный пароход. Штейнгольц палец о палец не ударил, по его собственному признанию, чтобы прийти на помощь терпящему страшное бедствие пароходу.

Вот, товарищи, обстоятельства, которые характеризуют состояние на Каспийском море трудовой дисциплины, которые говорят о глубоком развале дисциплины на ряде судов и на отдельных участках береговых служб Каспийского пароходства.

Эти обстоятельства надо решительно вскрыть, их надо взвесить, понять.

Французская поговорка говорит: «Понять — значит простить». Но с таким же правом можно сказать: «Понять — значит осудить и наказать». Я уверен, что если ваша совесть и подскажет вам слова прощения в отношении некоторых подсудимых из нижней и верхней команды, то в отношении других обвиняемых, особенно же в отношении руководства парохода «Совет», она подскажет вам необходимость вынесения сурового и даже беспощадного приговора.

Каспийский флот играет громадную роль в хозяйственной жизни нашей Советской страны. На Каспийский флот возложена одна из самых ответственных задач — снабжать топливом нашу страну, всю страну, питающуюся бакинской нефтью, азербайджанской нефтью, давать пищу и нашему железнодорожному транспорту и самым разнообразным отраслям нашей новой социалистической индустрии. На Каспийский флот возложена, таким образом, громадная хозяйственная, а следовательно, и политическая ответственность. И поэтому задача выполнения плана перевозок есть важнейшая хозяйственная задача, поставленная перед всеми трудящимися Азербайджана. Советский флот обогащается новыми судами. Правительство делает все для того, чтобы поднять техническое и материально-организационное состояние флота на необходимую и должную высоту. Но, к сожалению, этого нельзя сказать про целый ряд работников Каспийского пароходства, отдельные представители которого сидят здесь на скамье подсудимых. Больше того. Подсудимые из числа работников Управления Каспийского пароходства создали и широко распространяли глубоко вредную, буквально

контрреволюционную «теорию» о том, что техническое состояние Каспийского флота якобы не позволяет выполнять план перевозок без угрозы самим наливным судам. Это они пустили в обращение преступную мысль, что технические и противопожарные требования, предъявляемые к Каспийскому флоту, невыполнимы, что выполнение этих требований невозможно, что подчиняться этим требованиям и выполнять правила перевозки — значит ставить наливной флот на прикол... Эта насквозь гнилая, не только оппортуническая, но прямо контрреволюционная клевета на наш флот, на людей нашего флота, должна получить в нашем приговоре суровый отпор, жестокий отпор. Эта «теория» прикрывает разгильдяйство, халатность, бездействие, влекущие за собой такие преступления, как те, которые привели пароход «Советский Азербайджан» к гибели.

Не трудно доказать, суммируя материалы судебного следствия, что при всех тех недостатках, какие имеет, к сожалению, часть судов Каспийского флота, мы можем прекрасно выполнять план, не противопоставляя задачам выполнения плана задачу сохранности самого флота, интересы его безопасности. И мы должны подчеркнуть, что никто не позволит и никому не позволят выполнять план перевозок, рискуя судами и жизнью людей. У нас в этом деле, правда, есть трудности, но эти трудности должны быть преодолены, потому что нет таких трудностей, которых большевики не могли бы преодолеть, как нет крепостей, которых они не могли бы взять. Чем больше трудностей, тем более необходимо мобилизовать внимание на преодоление этих трудностей; чем труднее выполнять те или иные задачи, в силу тех или других особенностей самого технического состояния дела, тем важнее, тем более необходимо мобилизовать все силы на то, чтобы создать условия, обеспечивающие выполнение этих задач, преодоление этих трудностей. Здесь выступает на первый план профилактическая работа. А как обстояло дело с профилактической работой в Каспийском флоте в бытность Занько начальником службы эксплуатации, в бытность Устимовича начальником Регистра, в бытность всех этих Багненко, Беляковых и других? Я буду об этом говорить более подробно дальше, сейчас же ограничусь только общей характеристикой. Положение в Каспийском пароходстве под руководством и благодаря участию в этом руководстве Устимовича и Занько было крайне неудовлетворительно. Профилактическая работа не велась, никаких технических мероприятий по существу не проводилось. Служба Регистра своих обязанностей не выполняла. Служба эксплуатации свои обязанности нарушала. Достаточно вспомнить их отношение к такому вопросу, как принятие мер по спасению потерпевшего тяжелую аварию парохода, чтобы сказать, что в Каспийском пароходстве было полное

разложение. Занько сам говорит, что порядка в Каспийском пароходстве не было. Но если начальник эксплуатации, хотя и ссылающийся на то, что он проработал лишь четыре месяца и не мог за этот срок преодолеть всех старых традиций, которые он тут застал, если он так характеризует положение вещей, то можно легко представить себе, как действительно здесь обстояло дело!.. На вопрос о том, в чем заключается этот беспорядок в Каспийском пароходстве, которого якобы не преодолел или не сумел преодолеть, или не захотел преодолеть Занько, он ответил прежде всего указанием на обезличку, причем указал, что в Каспийском пароходстве не было даже человека, который бы наблюдал за качеством перевозимой нефти.

«Я, — сказал обвиняемый Занько, — как начальник службы эксплуатации виновён в недостаточном принятии мер по обеспечению этого наблюдения».

А между тем именно здесь лежали основные задачи службы эксплуатации, потому что если служба эксплуатации не заботится о том, чтобы качество или разряд перевозимой нефти соответствовали разряду или технической подготовленности корабля, то эта служба эксплуатации не выполняет основной своей задачи, основной своей роли, ради которой эта служба эксплуатации по существу и создана.

Характеризуя общее положение в Каспийском пароходстве, обвиняемый Занько не постеснялся признать, что капитаны не были инструктированы, как обращаться с нефтью, плохо знали правила нефтеперевозок, а он, Занько, и его подчиненные не принимали мер к тому, чтобы эти правила они знали, чтобы это дело было поставлено так, как это соответствует интересам флота и государства.

Вы знаете, что причины той катастрофы, которая случилась с пароходом «Советский Азербайджан», лежат в грубом, преступном нарушении правил перевозки нефтегрузов.

На судебном следствии мы установили, что в этом отношении существовало самое преступное поведение руководящего состава Каспийского флота, Каспийского пароходства. Достаточно сказать, что начальник службы эксплуатации Занько вообще не имел никакого понятия ни об аппарате Абель-Пенского, ни о температуре вспышки перевозимой на наливных судах нефти, ни о соответствии судов качеству и особенностям этой нефти, т. е., иначе говоря, не знал самого основного, что должен был знать и без чего нельзя работать, т. е. не знал, не имел понятия о том, может ли данный конкретный груз быть погружен на данный пароход и какие технические условия надо соблюсти для того, чтобы этот груз не взорвался и чтобы не погибли и люди и сам пароход. Именно эта задача не была поставлена по

существу перед службой эксплуатации. Достаточно констатировать эти факты для того, чтобы прийти к заключению о серьезной ответственности начальника эксплуатации и ему подчиненных лиц за такого рода халатно-преступное отношение к своим обязанностям.

Когда мы спрашивали Занько, признает ли он себя виновным в том, что он не знал системы определения температуры вспышки, и несет ли ответственность за это, то он — надо отдать ему справедливость — прямо и честно сказал: да, виновен в этом и должен нести ответственность за это, как и за то, что под нефтедагскую нефть подавались суда второго и даже третьего разряда.

Но чудовищно было слышать из уст начальника службы эксплуатации объяснение, которое он дал суду по этому вопросу. Мы, сказал Занько, знали, что анализ в Красноводске сделан по Бренкену, а не по Абель-Пенскому, но мы не знали других методов определения вспышки. Для того чтобы обеспечить надлежащую постановку производства анализа, надо было, говорит он, сломать существующую в Каспийском пароходстве систему. А почему вы не сломали ее? Неужели вам недостаточно было 3—4 месяцев вашей работы для того, чтобы сломать эту систему? Чтобы сломать эту систему, надо было, во-первых, знать, что нужно ее сломать, во-вторых, нужно было желать ее сломать и, в-третьих, нужно было уметь ее сломать. Вы не знали, вы не желали и вы не умели ломать бюрократические извращения, и за это вы должны отвечать.

Что собственно представляет собой обвиняемый Занько, видно из того, что он даже после катастрофы с пароходом «Советский Азербайджан» давал распоряжения грузить нефтедагскую нефть на суда несоответствующих категорий. Это он сам здесь подтвердил и в качестве оправдательного довода сослался на то, что это неизбежно, что и сейчас это продолжается. Сейчас, гражданин Занько, это уже не продолжается. Это первый реальный результат нашего судебного процесса, а если это будет продолжаться, то и остальные чиновники, которые посмеют нарушать правила перевозок, будут также привлечены к суду и будут так же строго наказаны, как, я надеюсь, будет наказан сам подсудимый Занько. Я тут же должен сказать, что при определении наказания обвиняемому Занько нельзя забывать, что Занько не впервые вообще несет наказание. С должности начальника Черноморского пароходства он был снят с понижением; он подвергался четырем партийным взысканиям. Я думаю, что соответственно вине, которая была установлена в этом процессе и признана самим Занько, он должен будет нести и уголовное наказание.

«Инструктирование экипажа судов нами не производилось, каких-нибудь предохранительных специальных мер нами также принято не было», — говорит Занько.

Зная абсолютную опасность нефтедагской нефти, Занько не может не признаться в том, что он не имел достаточного представления о размерах этой опасности. Это одно уже является признанием его тяжелого преступления перед государством, потому что мы не можем стать на такую точку зрения, что раз я не знал, то значит и не отвечаю. Мы требуем ответственности и за незнание, мы требуем, чтобы лица, возглавляющие те или иные управления или даже отдельные части управления, знали то, что они должны знать, а если они этого не знают, то они должны отвечать за это незнание, если это незнание явилось причиной развала всей порученной им работы или явилось причиной какой-либо катастрофы.

Поэтому подсудимый Занько пусть не надеется на то, что ссылка на невежество может освободить его от ответственности. «Я не знал, мне было неизвестно, я знал только Бренкена, об Абель-Пенском не имел понятия», — вот как оправдывается Занько. Именно потому, что вы, гражданин Занько, не имели понятия о том, что обязаны были знать в силу своего служебного положения, вы и должны отвечать и отвечать вдвойне: если вас назначили начальником службы эксплуатации, доверив вам руководство делом использования и эксплуатации флота, отдав в ваши руки судьбу всего флота и живых людей, то мы вправе требовать, чтобы вы знали свое дело и добросовестно и честно выполняли свои ответственные обязанности.

Характерно, и я едва ли ошибусь, говоря, что именно это и характеризует Занько, что он тут, на суде, это незнание, это невежество как будто бы даже пытался выдать за некую свою добродетель. Во всяком случае это свое невежество он пытался превратить в средство защиты и спасения от обвинительного приговора суда. Такая защита порочна в корне, и я надеюсь, что суд решительно отвергнет подобные мотивы защиты.

Вина Занько усугубляется тем, что он не принимал никаких мер для того, чтобы обеспечить флоту безопасность перевозки нефтегрузов.

В подкрепление этого пункта обвинения я хотел бы напомнить показания свидетеля Байкина, говорившего здесь о том, что он предупреждал начальника службы эксплуатации Занько о крайней опасности перевозки нефтедагской нефти, настаивая на дополнении подробных данных анализа этой нефти, которые требовались инженером-химиком Леоненком. Тем не менее и несмотря на то, что Занько предупреждали об особой опасности нефтедагской нефти и Байкин и Леоненок, он никаких мер как начальник службы эксплуатации для предотвращения

катастрофы с перевозкой подобного груза не принял, и катастрофа произошла. Может ли теперь Занько говорить, что на нем не лежит крупнейшая доля ответственности за взрыв на пароходе «Советский Азербайджан» и за гибель парохода? Может ли Занько отрицать и смеет ли он отрицать, что он должен нести эту ответственность и перед советским судом и перед Советской страной? Я утверждаю, что он эту ответственность должен нести и что эта ответственность является очень серьезной.

Мы здесь видели свидетеля Петрухова — начальника наливного участка в Красноводском порту. Оказывается, Петрухов тоже о вспышках нефтедагской нефти, о ее своеобразии и опасности ничего не знал. Мы спрашивали капитанов судов, и они, оказывается, об этом тоже не знали. Больше того, капитаны судов даже, оказывается, не знают категорий своих судов, т. е., иначе говоря, они не знают того, какие вообще грузы они могут перевозить и какие грузы они не имеют права перевозить. Они обнаружили громадное невежество и в отношении других мероприятий, связанных с перевозкой опасных грузов, и в частности — пожарных мероприятий. Все это вместе взятое ставит с полной силой вопрос о вине Занько как начальника службы эксплуатации, ставит вопрос о том, что служба эксплуатации была доверена, к сожалению, человеку, не оправдавшему этого доверия, отнесшемуся к своим обязанностям преступно-легкомысленно, формально-бюрократически, не умевшему работать и не сумевшему поставить работу на надлежащую высоту.

Свидетель Леоненок говорил, что у него нет всех материалов исчерпывающего и полного анализа нефтедагской нефти, что, однако, эта нефтедагская нефть, по тем данным, какие у него имелись, принадлежит к легкой нефти, т. е. что она очень огнеопасна, что ближе всего она подходит к тем нефтяным группам, которые содержат бензин, широкие бензиновые фракции или лигроин, что она может быть перевозима только на нефтесудах, на каких перевозились такие огнеопасные нефтепродукты, как нефтесмесь. Таким образом, со своей стороны свидетель Леоненок принял меры, которые должны были быть учтены Занько для предотвращения опасности и катастрофы. Занько и в этом направлении ничего не сделал. Занько в этом отношении проявил преступную небрежность, преступное нарушение своих служебных обязанностей. Поэтому я полагаю, что то обвинение, которое ему предъявлено по настоящему делу, является достаточно обоснованным и что я вправе требовать для Занько заслуженного им наказания.

Обвиняемый Занько должен нести ответственность по всей строгости уголовного закона и, в частности, по ст. 79³ УК Азербайджанской ССР.

Не лучше обстояло дело и с Регистром. Я уже не говорю о том, что, в сущности говоря, Регистр здесь существовал только формально. Устимович не выполнил как начальник Регистра своих основных обязанностей, которые заключаются в осуществлении технического надзора за состоянием судов, их корпусов, котлов, оборудования и т. д., потому что ту работу, которую он проделал здесь вкуче с Занько, никак нельзя назвать действительным осуществлением тех задач, которые на них были возложены постановлением СТО Союза ССР о Регистре Союза ССР.

Вспомните хотя бы такой факт, как вот этот знаменитый перевод, скоропалительный, кабинетный перевод целого ряда судов III категории во II категорию с оговоркой: «проверить на II категорию». Совершенно очевидно, что это были обычные бюрократические оговорки, имеющие целью самостраховку. Совершенно ясно, что никакой проверки производить не предполагалось, да она и не производилась, что самым фактом составления этого исторического мартовского протокола суда III категории уже были переведены во II категорию. Устимович пытался оспорить даже участие Занько в разбивке флота на категории. Он пытался принять это целиком на себя. Я против этого не возражаю. Устимович приписывает всю «заслугу» этой «работы» себе, — пусть будет так, но пусть он целиком тогда берет на себя и всю ответственность за эту безобразную бюрократическую работу. Она была именно безобразно-бюрократической потому, что прошло лишь 2 месяца, и те же суда, которые были отнесены ко II категории, тем же Регистром, теми же самыми Устимовичем и Занько были вновь переведены в III категорию, т. е. тем самым полностью было подтверждено, что первоначальный перевод во II категорию не имел достаточных оснований. Но этот факт свидетельствует о безобразно-легкомысленном отношении б. начальника Регистра Устимовича и б. начальника эксплуатации Каспийского пароходства Занько к одной из основных задач их работы. Преступность действий Устимовича и Занько усугубляется еще тем, что этот обратный перевод судов II категории в III категорию был осуществлен лишь после того, как взорвался и погиб пароход «Советский Азербайджан».

Я обвиняю Устимовича в отсутствии наблюдения за техническим состоянием судов и безопасностью плавания. То, что здесь мы на суде узнали по этому вопросу, целиком подтверждает правильность предъявленного в этом отношении Устимовичу обвинения. Мы знаем также, что Устимович не организовал и правильного наблюдения за тем, чтобы суда имели права на плавание. Ведь то, что здесь на суде так отчетливо раскрылось с «Советским Азербайджаном», который вышел в море, не

имея права плавания, и плавал почти месяц или даже больше без права плавания, свидетельствует о том хаосе, о том беспорядке, о том безобразии, которые существовали в этом деле в Управлении Регистра. Когда явились к обвиняемому Белякову для того, чтобы получить разрешение на выход в море, он даже не постарался проверить, а есть ли у «Советского Азербайджана» право плавания. Оказалось, что это право истекло чуть ли не 1 февраля... А Регистр этого не знал, Регистр этого не проверил, и танкеры плавали, как бог на душу положит.

Эти факты прошли перед нашими глазами. Они свидетельствуют о том, что в этом отношении работа не стояла на должной высоте. За это дело отвечает Устимович, фигура которого для нас совершенно ясна. Ведь это тот самый Устимович, который в начале процесса на мой первый вопрос, есть ли у него братья, не моргнув глазом, ответил: «Братьев нет», — и вслед за тем на мой вопрос, а есть ли у него брат Василий, ответил: «Да, есть брат, но это, знаете ли, не брат, это так, — это от первого брака моего отца»... Оказывается, что для Устимовича сын его отца не является его братом. Ложь Устимовича тут же была вскрыта. Оказалось, что у Устимовича есть еще два брата и что все эти братья — бывшие царские офицеры, как и сам Устимович, а один из братьев — не только бывший офицер царской армии, но еще и бывший пристав, а Устимович об этом «забыл». Он очень упорно доказывал, что он ничего не скрывал, ссылаясь на то, что если он, этот брат своих братьев, и не говорил об этом своей парторганизации (а ведь Устимович пролез в партию), то только потому, что об этом не спрашивали. Устимович был нами полностью изобличен. Это тот самый Устимович, который забыл совершенно о том, что жил-был на свете такой лейтенант Кедров, забыл, что была в г. Або гостиница «Штандарт», и, что всего интереснее, забыл, что у этого лейтенанта Кедрова в гостинице «Штандарт» пропала некая шкатулка, в которой находилась некая сумма денег, и что подозрение в связи с пропажей этой шкатулки, по существу в краже денег, пало на б. лейтенанта Устимовича. Оказалось, что б. лейтенант Устимович обвинялся в краже шкатулки с деньгами у своего товарища по службе, тоже офицера царского флота, но Устимович об этом ничего не помнит. Больше того, оказалось, как мы и выяснили это со слов самого Устимовича, что это был не единственный случай.

Оказалось, что был и второй случай, когда доктор Беспальчиков обвинял Устимовича в краже денег, причем оказалось, что кража денег, по признанию самого Устимовича, действительно имела место. Однако Устимович предъявленное ему его товарищами по службе обвинение объяснил «несчастливым стечением обстоятельств». Мы заинтересовались, в чем именно заключалось

это «несчастное стечение обстоятельств». Оказалось, что в номере гостиницы, где жил Устимович, был найден тот самый носовой платок, в котором были завернуты деньги, украденные у их владельца. Действительно, гражданин Устимович, это «несчастное стечение обстоятельств» для вас могло окончиться более счастливо, если бы этого чужого платка не обнаружили в вашем номере. Но увы, он был обнаружен, и вас, обвиняемый Устимович, привлекли к товарищескому суду, и матросский суд 15 декабря 1917 г. постановил направить вас в бессрочные каторжные работы, как это было сказано в постановлении матросского округа.

Вот что представляет собой этот б. начальник Регистра, пробравшийся в партию, обманывавший партию и продолжавший пакостить трудящимся нашей страны. На Устимовиче, как и на Занько, лежит ответственность за то, что в Каспийском море плавали нефтеналивные суда с полным игнорированием правил пожарной безопасности. Это они несут ответственность за то, что на Каспийском море имеются такие нефтеналивные суда, в каютах которых матросы задыхаются от нефтегазов, угрожающих взрывом каждую минуту. Этого они не хотят признать. Но нам их признаний и не нужно. И Регистром, и службой эксплуатации, и богоспасаемой пожарной охраной, представляемой Гибшманом и его патроном Штейнгольцем, наши моряки на Каспийском море поставлены в недопустимые условия плавания и работы, в положение совершенно недопустимого и ненужного риска. Они — эти Устимовичи, Занько, Штейнгольцы и Гибшманы — несут ответственность в первую очередь за безобразную, преступную организацию и службу эксплуатации, и Регистра, и пожарной охраны на Каспийском море. Вот почему в отношении этих лиц я поддерживаю обвинение полностью.

Мы спросили Устимовича, отвечает ли он за огнеопасность судов, за проникновение газов? Он ответил уклончиво. Он ответил: «Если дефекты обнаружены». Мы спросили: «А обязаны ли вы эти дефекты обнаружить?» Он ответил: «Обязан, если я эти суда осматриваю». Спросили: «А обязаны ли вы осматривать эти суда?» Ответил: «Обязан, если я на этих судах бываю». Спросили: «А обязаны ли вы бывать на этих судах?» Ответил: «А бывать на судах я не могу за недостатком времени..».

Вот такими ответами Устимович думал выйти сухим из воды, как думал выйти сухим из истории со «Штандартом», шкапулкой и кражей денег у своих товарищей. Мы ставили экспертам вопрос относительно того, в каком состоянии был пароход «Советский Азербайджан» до момента взрыва и выполнил ли Регистр по отношению к этому пароходу свои обязанности.

Экспертиза ответила, что с конструктивной стороны судно имело следующие недостатки:

1. Наличие негерметической горловины в поперечном коридоре спардека, что приводило к насыщению спардечных помещений нефтепродуктами.

2. Отсутствие вентиляции в межпалубном пространстве в районе второго и третьего трюмов, что особенно важно для района пятого трюма, находящегося целиком под спардеком; недостаточность вентиляции в носовых и кормовых подпалубных помещениях.

3. Поперечная переборка носового коффердама (32-й шпангоут) не доведена до главной палубы.

В отношении технического состояния судна экспертиза отметила:

1) газопроницаемость главной палубы (деревянной), что отмечено в дефектной ведомости на 1934—1935 годы;

2) наличие водотечности в машинной переборке кормового коффердама в районе бортового стрингера;

3) в актах осмотра Регистром судна по части корпуса, после капитального ремонта (1931 года), нигде не отмечен факт пресовки второй палубы, что обязательно согласно требованиям правил Регистра для наливных судов.

Исходя из вышеизложенного, экспертиза признала, что это судно могло быть использовано под перевозку грузов II разряда лишь после устранения указанных недостатков и дефектов.

В отношении размещения электрооборудования экспертиза установила, что электрооборудование судна имело следующий основной недостаток: установка умформера, радиостанции и главного распределительного щита, а также грузового насоса была произведена в одном и том же помещении, не разделенном поперечной переборкой, что противоречит правилам Регистра. Помимо этого в указанном помещении не было установлено искусственной вентиляции, каковая также должна была быть установлена согласно правилам Регистра.

Указанные выше недостатки, по утверждению экспертизы, также не разрешали до их устранения использовать судно под перевозку грузов II разряда.

В силу изложенного экспертиза пришла к общему заключению, что основным техническим недостатком данного судна следует считать слабую вентиляцию межпалубного пространства и наличие водонепроницаемого люка в поперечном коридоре под спардеком.

Таково заключение авторитетной экспертизы.

Это заключение говорит с достаточной убедительностью о том, что служба Регистра своих обязанностей не выполнила, что эта служба была поставлена формально, что инспектора, под руководством Устимовича и ближайшего его помощника Белякова, своих обязанностей не выполняли. Они должны были наблюдать

за техническим состоянием нефтеналивных судов, но не наблюдали. Лучшим доказательством их преступного, бюрократического, канцелярско-формального отношения к важнейшим обязанностям служит такой факт, как акт Багненко, не заметившего на пароходе «Советский Азербайджан» никаких дефектов, несмотря на то, что их было немало. Что же вы скажете о таких инспекторах Регистра, которые посещают суда, которые осматривают их и не видят никаких дефектов, а спустя каких-нибудь 20 дней после этого это самое судно гибнет вследствие вопиющих дефектов и технических неполадок, которые на нем имелись и которые были установлены экспертизой именно на этом самом корабле? И смеет ли после этого Багненко выходить сюда, делать наивное лицо и отводить предъявленное ему обвинение? Нельзя не констатировать без возмущения, что в Регистре Каспийского флота засела кучка бюрократов и лодырей во главе с Устимовичем, б. царским лейтенантом, общественным мнением клейменным за воровство, систематически злоупотреблявшим своим положением, бездействовавшим, в результате чего явилась гибель парохода «Советский Азербайджан» и гибель находившихся на этом корабле людей.

Экспертизе был поставлен прямой и четкий вопрос о состоянии «Советского Азербайджана». И вот авторитетная экспертиза в лице гг. Короткина, Друккера и Фрика 10 июня 1935 г. дала на этот вопрос исчерпывающий и четкий ответ.

«На пароходе «Советский Азербайджан», — так говорит экспертиза, — имелись в наличии условия для проникновения и накопления паров нефти из трюмов в межпалубное пространство и из межпалубного пространства — в помещения под спардеком». Экспертиза пришла к заключению, что перевозка нефтедагской нефти на пароходе «Советский Азербайджан» являлась абсолютно недопустимой и что этот пароход абсолютно не имел права перевозить эти грузы. А между тем он их перевозил на глазах портового начальства, на глазах службы эксплуатации, на глазах Регистра Каспийского флота. «Советский Азербайджан» грузится очень опасным грузом при крупных недостатках конструктивного и эксплуатационно-технического характера, а команда даже не инструктируется об опасности этого груза. Команда не дисциплинируется соответствующим образом: по показаниям свидетелей и по другим данным, которые мы имели в своем распоряжении, на пароходе «Советский Азербайджан» всюду курили — и в каютах, и в салоне, и на палубе. На пароходе всюду были мазутные пятна, однако капитана это вовсе не интересовало, хотя это представляло прямую угрозу безопасности танкера. Кто отвечает за эту преступную небрежность капитана, доведшего судно до гибели? Кроме самого капитана, за это отвечает служба эксплуатации, за это отвечает командир Красновод-

ского порта Жуков, который здесь действительно поразил нас своей вопиющей безграмотностью и вопиюще чиновничьим, бюрократическим отношением к своим обязанностям.

Я говорил о службе Регистра, я говорил об ответственности Устимовича. Я не могу не сказать несколько слов об ответственности его ближайших помощников — обвиняемых Белякова и Багненко. Я считаю, что эпизод с актом 20 февраля надлежит вычеркнуть из обвинительного заключения. Но это я не склонен рассматривать как основание для смягчения ответственности Белякова. Дело вовсе не в том, что, сверившись с планом, Беляков перенес срок с 1 апреля на 1 июня, исправив ошибку Векиловой. Дело в той системе работы, одним из организаторов которой был Беляков в качестве старшего инспектора Регистра и заместителя Устимовича.

В сущности говоря, все то, что мы здесь обнаружили с точки зрения беспаспортизации, если можно так выразиться, «Советского Азербайджана», целиком относится к вине не только Устимовича, но и Белякова и Багненко. Беляков выдавал разрешение на выход в море, не проверив права плавания этого парохода. Он вообще не задумывался, в каком состоянии этот пароход, которому он дает право плавания. В этом отношении он несет ответственность за то, что «Советский Азербайджан» ушел в плавание с такими недостатками, которые и послужили причиной его гибели.

Я считаю доказанным; что если бы служба Регистра, за которую отвечают Устимович, Беляков и Багненко, была на высоте тех требований, которые закон предъявляет к этим должностным лицам, едва ли мог иметь место такой случай, какой мы имели с «Советским Азербайджаном», когда он в непригодном техническом состоянии оказался загруженным очень опасной, легко взрывающейся нефтью. На этом танкере не было проведено предварительного соответствующего инструктирования команды; здесь не было развернуто соответствующих мероприятий противопожарного и вообще профилактического характера, и, таким образом, этот танкер был поставлен в такое положение, когда недисциплинированность отдельных людей из его команды подвергала этот корабль крупнейшей, катастрофической опасности. Как мы знаем, эта катастрофа и произошла, приведя танкер к взрыву и гибели с людьми и грузом.

Вот почему я полностью поддерживаю обвинение против Устимовича, против Белякова и против Багненко.

Для того чтобы покончить с этой частью своей обвинительной речи, я должен остановиться на роли начальника Красноводского порта Жукова и его заместителя — капитана этого порта Величко. И Жуков и Величко обвиняются в нарушении правил технической безопасности и правил плавания, выразившемся в

том, что грузы I разряда они допускали перевозить на судах несоответствующей категории и что, в частности, допустили погрузку нефтедагской нефти на пароход «Советский Азербайджан», который не имел права перевозить груз этой категории. Преступные действия администрации Красноводского порта также явились одной из причин гибели этого танкера.

Мы видели, что собой представляет Жуков, и видели, как строились его отношения к работе. У Жукова не было инструктажа и проверки работы подчиненных ему людей. В сущности говоря, едва ли можно было назвать Жукова командиром порта, потому что, я это смею утверждать, Жуков портом не командовал. Основной его обязанностью было контролировать работу подчиненных ему агентов, у которых в свою очередь основной обязанностью была работа по контролю за погрузкой нефтедагской нефти. Ясное дело, что если государство строит систему различных учреждений, обслуживающих нефтеналивные суда, то это делается для того, чтобы обеспечить максимальный успех этой работы. В этом отношении Жуков не выполнил своего долга. Он уже сам признал себя виновным в предъявленном ему обвинении. Да и как ему не признать себя виновным, когда, оказывается, он даже не знал, что такое «вспышка»! Он не инструктировал соответственно подчиненный ему личный состав, он не знал разрядов судов, он не знал категорий грузов. Над этим вообще он «не думал», как он здесь выразился. Иначе говоря, он бездействовал, как выражаюсь я. Несмотря на телеграмму службы эксплуатации, он не предупреждал капитанов об особой опасности нефтедагской нефти. Он не только не инструктировал их в этом направлении, но даже просто не предупреждал об этом, т. е. опять-таки преступно-халатно относился к своим обязанностям, создав все условия для того, чтобы при том самотеке, который царил в Каспийском пароходстве и до сих пор еще кое-где продолжает царить, нефтяные суда были буквально отданы «на волю волн», на волю случая.

Жуков виновен в преступном бездействии, в том, что нефтеналивные суда оставил без всякого контроля, в том, что в Красноводском порту в деле погрузки нефти господствовали хаос и полный беспорядок.

В этом отношении вина Жукова, как и капитана порта Величко, доказана полностью.

В самом деле, как относились эти люди к своим обязанностям,— обязанностям, достаточно серьезным и ответственным, чтобы следовало серьезно наказать тех, кто их нарушает?

Известно, что вся нефтедагская нефть поступала на пароходы из одного места — из Красноводского порта, причем другой нефти, кроме нефтедагской, в Красноводске не было.

Это обязывало начальника порта, как представителя Каспийского пароходства, иметь исчерпывающее точное представление о качестве этой нефти, тем более, что служба эксплуатаций дважды запрашивала об этом обвиняемого Жукова — начальника Красноводского порта.

Внимание Жукова к этой нефти было тем более необходимым, что температура вспышки, даже по Бренкену, все время быстро падала, дойдя к началу мая до 20° Ц, о чем, кстати сказать, Жуков не потрудился во-время сигнализировать Каспийскому пароходству. Однако обвиняемый Жуков не только не сигнализировал об этом службе эксплуатации, но вообще этим вопросом не интересовался. Жуков прямо заявил: «...Этим вопросом я не интересовался, так как был перегружен другой работой».

К слову сказать, нефть в общем объеме перевозок порта занимала, по словам того же Жукова, не менее 40%.

Жуков получил от Каспийского пароходства 7 апреля 1935 г. телеграмму следующего содержания: «Предупреждайте суда при погрузке принятия мер предосторожности применительно к грузам II категории».

Эта телеграмма по существу, конечно, не соответствовала истинным размерам опасности, так как эта нефть относилась, как это указывалось выше, к грузам не II разряда, а I разряда, но все же эта телеграмма должна была мобилизовать внимание Жукова на перевозку этой нефти.

Жуков же, получив телеграмму, ничего не предпринял для ее исполнения и положил ее под сукно. Он здесь признал это, сказав: «Я считаю своим упущением то, что я не издал надлежащего приказа по порту, чтобы капитанов предупреждали обо всех предосторожностях, также я должен был сам заняться этим вопросом и обеспечить это мероприятие. Я не запрашивал о категориях судов, считая, что и эксплуатация не знает этих категорий».

Обратимся теперь к обвиняемому Величко, который был капитаном Красноводского порта. На его обязанности лежало осуществление портового надзора, в частности проверка соответствия категорий судов разрядам груза.

От обвиняемого Величко непосредственно зависело не выпустить из порта судно, которое по своему техническому оборудованию не подходило под перевозку нефтедагской нефти; в частности, от него зависело запрещение перевозить эту нефть «Советскому Азербайджану». Но роль этого капитана в Красноводском порту и преступно-халатное его отношение к своему делу достаточно ясно охарактеризованы им самим в его показаниях. Обвиняемый Величко показал, что он знал, что «там вообще наливают нефть». Он говорил: «Имеются у меня правила

перевозки огнеопасных грузов, там есть сведения о нефти, а какие требования предъявляются в отношении судна,— не помню. Я спрашивал диспетчеров о нефтедагской нефти. Узнал, что имеет вспышку даже при 25°. Что значит эта температура, теоретически не знаю, только из практики знаю, что груз очень опасный. Никаких мер не принял, хотя и имел право не допускать выхода из порта судна, не приспособленного для этого груза. Вина моя, понятно, есть, нужно было больше внимания обратить на это дело. Воздерживался проявить свои права, основываясь на Баку, потому что распоряжения шли оттуда».

Вот как работали Жуков и Величко, эти ничего не делающие, ничего не видящие, не понимающие, не знающие и ничего знать не желающие чиновники.

В свою защиту и Жуков и Величко выдвигали такие аргументы, как «не знали», «не думали», «не понимали»... Плохая защита. Плохие аргументы.

Мы требуем от начальников, чтобы они думали, понимали и знали то дело, на которое они поставлены.

И за незнание и недумание мы тоже взыскиваем и будем взыскивать.

Мы выдвигаем нередко на командные должности людей, хотя и не дипломированных и даже не имеющих формально образования, но отличающихся организаторскими и административными способностями.

Но доверив таким товарищам управление той или иной частью государственного аппарата, мы ожидаем от них ответственного и добросовестного отношения к возложенным на них обязанностям, требуем, чтобы они быстро и энергично восполнили свои пробелы в образовании, в овладении техникой своего дела, чтобы они подняли уровень своей общей и технической подготовки на дальнейшую и соответствующую их должностному положению степень развития.

Вот обвиняемый Настасьев,— мы его подняли от матроса до второго помощника капитана. Сами Жуков и Величко тоже вышли на командирские должности снизу. Это прекрасно. Это полностью соответствует принципам нашего советского строительства.

Но выдвигая товарищей на новые и более высокие должности, мы обязаны помогать им учиться, совершенствоваться, квалифицироваться, чтобы соответствовать этому высокому своему званию, чтобы отвечать этой высокой своей должности. Но и сами работники должны учиться, должны всеми силами бороться за свою квалификацию, не спать, не лежать на боку, ссылаясь на свое незнание и свою неподготовленность.

Мы никому не можем прощать невежества, а тем более, когда это невежество возводится чуть ли не в какую-то новую добродетель.

«Мы мол, люди маленькие, темные, неученые». Это не наша «философия». В Советском государстве нет маленьких людей. Здесь каждый человек — человек, каждый работник имеет свое значение и свою ценность как часть всего государственного аппарата или как участник всего социалистического строительства. У нас нет маленьких людей и не должно быть и не может быть неграмотных, невежественных в своем деле людей, особенно занимающих командирские и капитанские должности.

И Жуков и Величко должны были знать, что такое «вспышка», что такое аппарат Бренкена или Абель-Пенского, потому что без этого нельзя знать качество подлежащей перевозке нефтедагской нефти. Они должны были знать категории судов; должны были знать сами и научить других — своих агентов, своих сотрудников — тому, что от них требуют правила перевозки, являющиеся для них законом. Они ничего этого не знали, службы своей не исполняли, халатно, преступно-халатно относились к своим обязанностям и теперь за это посажены на скамью подсудимых. Их необходимо лишить свободы или, по крайней мере, наказать их исправительно-трудовыми работами, запретив занимать ответственные должности на водном транспорте.

Перехожу к Штейнгольцу и Гибшману, сыгравшим в трагической гибели парохода «Советский Азербайджан» не последнюю роль. О Штейнгольце мы говорили очень много на судебном следствии. Поэтому я на нем останавливаться долго не буду. Эта личность в лучшем для него случае, надо сказать, подозрительная, требующая еще большей лабораторной проверки. Я думаю, что срок наказания, который ему суд определит своим приговором, будет достаточным для дополнительного всестороннего изучения этого человека. Но во всяком случае я уже теперь могу с полным сознанием своей ответственности сказать, что это лицо принадлежит к категории тех социально опасных типов, изоляция которых необходима, и чем скорее, тем лучше.

В двух словах, однако, позвольте охарактеризовать преступление Штейнгольца, занимавшего высокий пост начальника вооруженной охраны Каспийского водного бассейна.

Нужно считать установленным, что Штейнголец, узнавший о взрыве на пароходе «Советский Азербайджан» ночью 29 мая, в течение двух суток бездействовал, не принимал никаких, решительно никаких мер к организации помощи горящему и гибнущему судну.

29 мая обвиняемому Штейнгольцу по телефону на квартиру было сообщено о катастрофе. Штейнголец спросил у сообщившего это сотрудника: «Что делать?» — и, получив ответ, что нужно ждать дополнительных сведений, на этом успокоился.

Мы здесь установили, что известие это Штейнголец получил, придя из театра. Очевидно, Штейнголец был в неплохом

настроении. По крайней мере, он спокойно лег спать, спал до 10—11 часов утра следующего дня, потом пошел в управление, о чем-то там говорил с Гибшманом, потом вернулся домой, и все,— а «Советский Азербайджан» в это время продолжал в открытом море гореть, тщетно ожидая помощи, о которой и Штейнгольц и Гибшман меньше всего думали в эти трагические дни!

Что говорят в свое оправдание эти «пожарные Аяксы»? Они говорят, что были убеждены в полной гибели парохода «Советский Азербайджан», думая, что пароход потонул и что, следовательно, всякие меры по его спасению беспредельны.

Но откуда они взяли, что «Советский Азербайджан» потонул, когда в действительности он держался на поверхности, объятый пламенем, целых четверо суток? Они говорят, что так они поняли телеграмму, извещавшую о катастрофе. Однако мы установили, что телеграмму эту они сами не читали и даже ее не видели. Между тем — это особенно важно отметить, — в телеграмме ясно говорилось, что пароход «Советский Азербайджан» продолжает гореть.

Это в конце концов вынуждены были признать и Штейнгольц и Гибшман.

«Лично я радиogramм не читал, — показал обвиняемый Штейнгольц, — нам их не давали, а читал ли их Гибшман, мне неизвестно. Я полагался на начальника пожарно-технической части, так как это дело подведомственно ему. У меня оснований не доверять ему не было...»

Впрочем, в тех же показаниях Штейнгольц говорил:

«...В течение 30 и 31 мая Гибшман жаловался на болезненное состояние, хандрил, просил отпустить его в Астрахань к жене, и я, исходя из этого, боялся ему доверить непосредственное руководство тушением пожара...»

Что же касается начальника пожарно-технической части Гибшмана, то его участие в деле спасения парохода «Советский Азербайджан» выразилось в том, что, узнав 29 мая о катастрофе, он, вместо того, чтобы заняться своими прямыми обязанностями, утром 1 июня уехал в Астрахань.

Гибшман, точно так же как и Штейнгольц, до 31 мая не знал и не пытался узнать, в каком состоянии находится горящее судно. Он показывает: «...Я не знал, что судно горит на плаву, мерк выяснению положения судна я не принял».

Приведенных данных достаточно для признания вины Гибшмана.

Нелишне здесь же дать и общую характеристику работы Гибшмана по организации противопожарных мероприятий в связи с перевозкой нефтедагской нефти. Послушаем, что об этом говорит сам обвиняемый Гибшман:

«...Не зная об особенностях нефтедагской нефти, я специальных указаний Красноводску не давал. Об особенно неблагоприятных в пожарном отношении условиях налива на Уфре мне стало известно только в последних числах апреля, когда я побывал в Красноводске. На Уфру я не ездил, так как не мог достать пропуска, в дивизион за пропуском не обращался, а только спросил командира отряда, и он уверил, что нельзя достать...»

Вот как, с позволения сказать, «работали» эти господа из ВОХР!

Я не думаю, чтобы Гибшман был менее социально опасным, чем Штейнгольц, хотя с внешней стороны Гибшман произвел как будто бы несколько лучшее впечатление. По его объяснениям, в совершенном им преступлении сыграло роковую роль его рыцарское отношение к женщине. В действительности Гибшман — просто чиновник, отравленный ядом бюрократизма до мозга костей, отъявленный лодырь. Гибшман — не просто Гибшман, а начальник пожарной охраны — в минуту катастрофы танкера, погибающего в огне, позорно бежит в Астрахань, ища женских утех и семейной радости... Уже одно это обстоятельство достаточно ярко характеризует этого человека, забывшего свой долг, изменившего своему долгу...

Но, товарищи судьи, я хочу обратить ваше внимание еще на одну деталь. Гибшман принадлежит к категории людей, прекрасно ориентирующихся в любой обстановке. Он хорошо понял глубоко трагическое положение на суде Штейнгольца, который был вчера в положении карася, поджариваемого на медленном огне. Положение, конечно, не из завидных. Гибшман понял, что следовать методу самозащиты Штейнгольца опасно, что, следуя этому методу, он неизбежно и сам попадет в положение карася. И Гибшман быстро усваивает новую тактику: кое в чем он начинает каяться, стараясь спрятаться за спину Штейнгольца, стараясь разыграть из себя честного человека, но несчастного мужа своей жены, явившейся причиной его позорного поведения. И хотя Гибшман — не Штейнгольц и в Харбин не ездил и не занимался покупкой и перепродажей харбинских товаров, но по своему моральному облику он от этого Штейнгольца недалеко ушел.

Про Штейнгольца и Гибшмана можно прямо сказать: один — «светило», а другой — его спутник... Оба преступники в этом деле, кругом виноватые перед погибшими людьми и их семьями, перед всей нашей страной... В самом деле, обратимся на миг еще раз к тому, как вели себя 29, 30 и 31 мая Штейнгольц и Гибшман — лица, которым вверена пожарная и общая охрана Каспийского водного бассейна и которых в первую очередь должна была касаться задача организации помощи танкеру «Советский Азербайджан».

Что делал Гибшман? Ничего. Он говорит, что позвонил по телефону Штейнгольцу; Штейнголец это отрицает. Кто-то из них лжет. Это надо оставить на совести обоих, а совесть Гибшмана и Штейнгольца — дело темное. Оба они смотрят друг друга в глаза бойко, и каждый говорит про другого, что он врёт. Может быть, они оба врут. Проверять их приходится фактами. А факты говорят о том, что они оба позорно бездействовали, ограничиваясь пустопорожними разговорами. Бездействовал Штейнголец, узнавший об этом пожаре от Дудинского или Гибшмана. Бездействовал и Гибшман. Ответственные лица — начальник охраны Каспийского бассейна и начальник всей пожарной охраны Каспийского флота — не стараются установить во всех подробностях, что произошло с пароходом «Советский Азербайджан», установить действительное его положение. Поставленные на столь ответственные посты, эти люди в эти трагические дни и ночи страшного бедствия, испытываемого танкером, думают каждый о своих личных, мелких, мешанских интересах. Гибшман прямо сказал, что пришел 30 мая к Штейнгольцу поговорить о поездке в Астрахань к жене, что это было главной целью его прихода, а о пароход «Советский Азербайджан» он затронул вопрос только попутно, между прочим. Гибшман так вчера и сказал: «По совести говоря, я думал больше всего об устройстве своего отпуска...» Ну, а как он устраивал отпуск, вы вчера видели. Непосредственное его начальство в отпуске ему отказывает. Тогда он прибегает к разным другим путям, обращается в МорУГБ НКВД. Почему-то обращается к Занько. Срывается здесь, срывается там. Штейнголец берет этого бычка на веревочку и тащит на совещание. Воспользовавшись случаем при разноске чая, когда уборщица закрыла его своей спиной, Гибшман проскользнул в полуоткрытую дверь и был таков. Вот как вел себя начальник пожарной охраны Каспийского бассейна в трагические дни гибели танкера.

Я прошу вас, товарищи судьи, приговорить его к такому наказанию, которое заставило бы его продолжительно поработать на каком-нибудь строительстве, которое дало бы ему возможность научиться лучше к своему отношению к своему долгу. Гибшман — человек неглупый, толковый, но его надо воспитать; для такого человека, как и для Штейнгольца, Устимовича, Багненко и Белякова, лучшее средство воспитания — это реальное лишение свободы, связанное с трудом в крепких, дисциплинированных условиях наших исправительно-трудовых лагерей.

Позвольте теперь перейти от береговых служб Каспийского пароходства к тому, что происходило в эти дни на море. Восстановим в своей памяти картину событий на пароход «Советский Азербайджан» и на пароход «Совет».

Как только произошел на «Советском Азербайджане» взрыв, капитан «Совета» Кривоносов выбежал на мостик, приказал рубить буксир, стал нервно дергать ручки телефона и настойчиво, неистово кричать: «Полный ход!» И вот несколько человек, вооружившись топорами, бросаются рубить буксир, чтобы скорее уйти от горящего факела, уйти без оглядки; 40 минут длится это постыдное бегство. Но тут в головах и сознании кое-кого из команды начинает возникать мысль о необходимости положить предел этому стыду и позору.

Трудно сказать, кто первый бросил мысль о необходимости потребовать от капитана возврата: не то Бузулуков, не то Михель, но интересно, что Будилин, председатель судкома, оказался в хвосте, тогда как именно он должен был возглавить это движение лучшей части команды. Помполит Мигушенко, как говорит Михель, «либеральничал с капитаном», а капитан трусливо старался как можно дальше уйти от горящего «Советского Азербайджана», полагая, что на более близком расстоянии, чем 8 миль, ему оставаться опасно. Факт остается фактом. Бегство «Совета», оставление «Советского Азербайджана» без помощи — и гибель людей и гибель судна. Кто виноват в этом постыдном, позорном преступлении? В какой мере правильно или преступно действовали капитан Кривоносов, его помощник Мигушенко и старший механик «Совета» Чеботарев? Кривоносов говорит, что у него был груз, который мог взорваться под влиянием пожара на «Советском Азербайджане». Он говорит, что у него была команда, за которую он также нес ответственность. Он говорит, что он ушел не потому, что струсил и предал своих товарищей, а потому, что он считал это целесообразным с точки зрения интересов корабля и вверенных ему живых людей. Задача судебного следствия заключалась в том, чтобы установить, соответствуют ли эти объяснения действительности, так ли происходило в действительности, как говорят Кривоносов и его сподвижники, действительно ли они виноваты в приписываемом им преступлении. Надо сказать, что на все эти вопросы судебное следствие дало исчерпывающий ответ, не оставляющий никакого сомнения в предательском поведении Кривоносова и К^о, дающий полное основание сказать о них: «Да, виновны и не заслуживают никакого снисхождения...»

Но предварительно я считаю нужным остановиться на «теории» Кривоносова о собственной опасности, «теории», которая пытается предательское поведение по отношению к гибнущему судну оправдать опасностью, якобы грозившей судну, обязанному принять меры спасения.

Это насквозь гнилая, лицемерная, трусливая, предательская «теория». Мы решительно отвергаем ее, как абсолютно чуждую принципам советского строя, советского понимания долга.

В известных условиях, в известной обстановке риск неизбежен и обязателен. Когда речь идет о гибели наших братьев, никто не смеет уклоняться от исполнения своего долга, от обязанности прийти находящемуся в опасности на помощь, хотя бы и подвергая опасности и самого себя.

Дело спасения погибающих — это не коммерческое дело, где уместно примерить, взвесить и оценить условия с точки зрения выгоды окончательных результатов.

Когда речь идет о спасении гибнущих, обязанность каждого — спасать. И всякий, кто нарушит эту свою обязанность, кто долгу спасения гибнущих предпочтет спасение самого себя, тот заслуженно должен быть заклеен и будет заклеен как трус и предатель. Его не спасут ни в глазах нашего общества, ни перед лицом нашего советского закона никакие отговорки, никакие ссылки на опасность, якобы угрожавшую ему самому или «вверенному» его попечению судну.

Капитана, который стал бы на почву такой «теории», мы будем рассматривать как шкурника, как врага нашего общества, врага народа.

Но Кривонос не смеет прикрываться даже такой, абсолютно преступной, «теорией», так как в действительности никакая опасность ему не угрожала, так как та опасность, которая заставила его позорно бежать от «Советского Азербайджана», была мнимая, воображаемая иллюзорная опасность.

Ведь если бы Кривонос отошел от горевшего танкера на 20—50, наконец, на 100 метров, он был бы вне всякой опасности. Он мог бы спустить шлюпки, выбросить за борт спасательные снаряды и развернуть спасательные работы. Вместо этого он бежит за 8 миль. Вместо этого он возвращается через 2 ч. 45 м, когда на воде борются, изнемогая в последних смертельных схватках с морской стихией, два последних уцелевших матроса с «Советского Азербайджана» — Сериков и Митин

Митин явился в суд и дал свои свидетельские показания.

Свидетель Митин, один из двух спасшихся с этого несчастного судна, восстановил нам во всех подробностях картину катастрофы. Он рассказал нам, что сначала их спаслось семеро. С трудом спустив шлюпку, двое — он и боцман Сериков — приняли в эту шлюпку бегавших по борту горящего парохода своих товарищей и потом их последовательно потеряли. Сначала волны опрокинули шлюпку и унесли двоих из них; осталось 5, продолжавших отчаянную борьбу за жизнь, с ужасом смотревших на уходящий от них пароход «Совет». Потом новые волны снова опрокинули лодку, и эти несчастные отважные люди потеряли еще двух своих товарищей. Они с громадными усилиями эту лодку перевернули, окоченевшими руками и зубами впились в эту лодку и, борясь за каждую секунду своей жизни, с ужасом продол-

жали видеть, как огни «Совета» уходили все дальше и дальше. Тут волны перевернули их в третий раз. Они снова выпрямили лодку, но в лодке осталось уже двое. Боцман Сериков в отчаянии кричал: «Что же это? «Совет» уходит! Мы погибли!!!»

Судебное следствие установило здесь вопиющую, возмущающую, раздирающую душу подробность катастрофы. Следствие установило, что в то время, когда на «Совете» рубили буксир, когда там 30 человек здоровых, сильных и опытных моряков старались как можно дальше уйти от «Советского Азербайджана», помполит Мигущенко заметил бегавшего по борту горевшего парохода человека Он сказал об этом Кривоносову. Но это ни Мигущенко ни Кривоносова ни остановило. Они продолжали бежать Они это отрицают, но их уличает Бузулуков. Под влиянием этой неоспоримой улики Кривоносов вынужден был признать, что Мигущенко ему действительно говорил, что видел на борту «Советского Азербайджана» пробиравшегося сквозь огонь человека. Этот факт надо считать установленным.

Надо считать установленным не только то, что «Совет» постыдно бросил «Советский Азербайджан», но и то, что на «Советском Азербайджане» люди гибли в огне на глазах Мигущенко и Кривоносова.

О том, в каком состоянии было командование, которое всячески старалось спасти только свою жизнь, твердя о вторичном взрыве, и панически, возможно быстрее, с предельной быстротой удрать от места гибели «Советского Азербайджана», — показывает целый ряд свидетелей, непосредственных очевидцев этой ужасной ночной катастрофы.

Берковский показал: «Сразу же после отдачи буксира мы — я, Михель, Елкин и Бузулуков — стали кричать капитану, что люди гибнут, давайте спустим шлюпки и начнем спасать». Это не отрицал и Кривоносов Но Кривоносов остановил этот порыв молодых моряков. Он сказал: «Не торопитесь, не вмешивайтесь не в свое дело удалитесь с мостика. Мы сами знаем, что нам делать». Берковский показывает, что он обрушился нецензурными словами на капитана за то, что он не разрешает спускать шлюпку для спасения людей. Но Кривоносов сказал: «Меньше выражайтесь, не вмешивайтесь, не расстраивайтесь, дело не ваше» Это значило: не ваше дело спасать гибнущих людей. Так говорил Кривоносов, не желая спасать людей, потому что он трус и предатель. Он сам признал, что был в «нервном состоянии». Телеграф показывал полный ход, а он кричал: «Полный ход!». Пароход шел полным ходом, а он кричал: «Прибавьте еще!», и ушел на 8 миль от места катастрофы. Помощник капитана Михель говорит: «Виновность капитана парохода «Совет» заключается еще в том, что он своим настроением создал большую панику на судне». Правда, и Михель отчасти повинен в этой

панике. Как первый помощник капитана Михель оказался не на высоте своего положения. Он не сделал того, что он должен был сделать в этом случае, о чем я буду говорить дальше. В первые минуты катастрофы он явился в известной степени пассивным созерцателем того, что происходило у него на глазах, и в этом его вина. Но сейчас мне важно отметить то состояние, в котором находился капитан Кривоносов, который, несмотря на свою панику, несмотря на свой животный страх, несмотря на свою решимость оставить «Советский Азербайджан» на волю бушующей стихии, лишь бы как можно скорее уйти отсюда, отлично понимал, что он делал, ибо он хладнокровно отводил от себя всякие указания и требования изменить свое поведение, вернуться к «Советскому Азербайджану» и оказать хотя бы самую элементарную человеческую помощь гибнущим товарищам.

Обвиняемый Тренин показал: «Сразу после этого в машину вбежал механик и стал у поста управления. После этого по телеграфу последовало распоряжение дать полный ход. Механик приказал прибавить горение в форсунках и усиленно наблюдать за машиной и котлами. После этого последовало распоряжение с мостика: дать полный ход, и после этого еще несколько раз все требовали полного хода, так что пришлось сообразительный клапан от котлов на главную магистраль открыть на полный; помимо звонков, требовавших полного хода, приходил помощник капитана и говорил, чтобы дали самый полный ход, и когда уже у нас клапаны были открыты на полную, с мостика еще звонили, требуя полного хода».

Вот яркая характеристика предательского, панического поведения Кривоносова и Чеботарева.

Вот что говорит об этом же обвиняемый Мхитарян: «Как только механик вышел из машины, тут же по телеграфу последовало распоряжение дать полный ход, на что мною было отвечено: «Даю полный ход». После того к нам подошел сам механик и дал распоряжение открыть стопорный клапан, что мною было выполнено...»

Вот дополнительная характеристика механика Чеботарева.

Подведем первые итоги. На «Советском Азербайджане» — взрыв и пожар. Что делает командование «Совета»? Рубит буксир, дает полный ход, бросает «Советский Азербайджан» на произвол судьбы и бежит, бежит, бежит...

«Полный ход» — требует капитан, «полный ход» — требует Мигущенко, «полный ход» — требует Чеботарев. Они заботятся о том, чтобы как можно скорее, полным ходом, как можно быстрее уйти от места катастрофы. Можно было бы говорить о снисхождении к этим людям, если бы действительно им угрожала какая-либо опасность, но, ознакомившись на суде со всеми

обстоятельствами дела, нужно сказать, что опасности фактически у них никакой не было. Но если бы и угрожала их судну какая-либо опасность, они могли бы поступить иначе. Они могли бы, по крайней мере, спустить свои шлюпки. Но они ушли вместе с шлюпками, ушли вместе с людьми, способными оказать помощь, ушли на 8 миль, ушли с предельной быстротой, а вернулись назад, пройдя это же расстояние, в 2 ч. 45 м., т. е. потеряв 3 с лишним часа с момента катастрофы.

Ведь «Совет» спустил шлюпку только после того, как увидел двух тонувших людей, махавших в изнеможении какой-то тряпкой, обессиленных от трехчасовой борьбы с волнами, почти полутрупов!

Матрос Кондратьев показал на предварительном следствии, что все его требования были направлены на то, чтобы Кривоносов дал возможность спустить шлюпки и пойти спасать людей, но когда они взошли на мостик, капитан приказал им сойти с мостика и не мешать ему, так как он сам знает, что делать. И мы, обвиняемый Кривоносов, знаем, что с вами делать. Я требую расстрела этого предателя. (Голоса: «П р а в и л ь н о!» А п л о д и с м е н т ы).

Вы слышали здесь показания свидетеля Митина. Я не сомневаюсь, что вы, так же как и я, и все присутствующие в этом зале, испытывали чувство гордости, слушая простые слова этого подлинного героя, организовавшего в невероятных условиях ночного пожара спасение своих товарищей и в течение нескольких часов бесстрашно боровшегося с морской стихией за свою жизнь и за жизнь своих близких.

Таких Митиных в нашей великой стране немало. Их тысячи, скромных, безвестных, но сильных исключительной отвагой, самоотверженностью и бесстрашием. Они беззаветно исполняют свой долг, как бы тяжелы ни были обрушившиеся на них опасности или несчастья.

Это Митин вместе с боцманом Сериковым, вырвавшись из пламени и дыма горящего танкера, спустили лодку и подобрали 7 человек, оставшихся после взрыва живыми из числа команды. Дважды и трижды они с честью выходили из ужасного положения, думая не столько о себе, сколько о своих товарищах по несчастью.

Это он, Митин, по пояс в воде берет к себе на плечо двенадцатилетнего юнгу, плачущего и дрожащего от холода и страха. Этот юнга держится омертвелыми рученками за майку Митина, отбивается от волн, захлебывается.

Вы помните, как Митин говорил об этом эпизоде: «Юнга держался за мое плечо и все время фыркал на меня водой, а я все думал — значит жив братишка, значит держится, и вдруг он перестал фыркать, я оглянулся и нет юнги...» А где в это время

были вы, трусы и предатели? Вы постыдно бежали на своем корабле, как можно дальше стараясь уйти от места катастрофы! «Командного состава на «Азербайджане», — рассказывает Митин, — уже не было, и мы действовали каждый по своему.

Помошник капитана Галкин, раненый, висел на какой-то веревке, кочегар надел на себя круг, взял также спасательный прибор и третий помощник капитана, тоже раненый. С кормы раздался крик: «Готовить шлюпку». Кое-как при помощи ручки спустили правую шлюпку, но она упала на воду, и все плавательные принадлежности из нее выпали вместе с веслами и уключинами. В шлюпке оставались я и боцмау Сериков...

«Совет» в это время быстро уходил. Наш радист кричал по направлению «Совета»: «Спасай, чего уходишь!», — но «Совет» уходил, и под влиянием этого зрелища надежды на спасение у всех пали».

Вот что происходило на море вокруг горящего «Советского Азербайджана» в эти страшные ночные часы, когда Кривоносов, Мигушенко и Чеботарев спешили увести пароход «Совет», отказываясь от спасения погибающих.

Я не буду повторять всего, что произошло на море после того, как шлюпкой Митина было подобрано 7 человек. Вы знаете, что из этих 7 осталось в живых только 2. Вы знаете, что погибшие 5 человек могли быть спасены, если бы «Совет» не ушел и если бы он выполнил свой долг по отношению к погибающим.

Я лишь напомню вам, что, удалившись на 8 миль от места катастрофы и взяв затем обратный курс, Кривоносов сделал все от него зависящее, чтобы возможно больше замедлить ход парохода.

Я напомню вам о том, что на обратный путь Кривоносов затратил 2 ч. 45 м., в то время как первоначально он прошел это расстояние в 40 мин.

Я вас буду только просить сопоставить эти две цифры: от «Советского Азербайджана» пройден путь в 40 мин., по направлению к «Советскому Азербайджану» — на помощь — этот же путь пройден в 2 ч. 45 м.

С места катастрофы — полный ход, обратно на место катастрофы — тихий ход.

Это одно уже достаточно характеризует всю глубину предательства и мерзости совершенного Кривоносовым и его соучастниками преступления.

Я хочу также напомнить о том, что, возвращаясь к «Советскому Азербайджану», Кривоносов, по показаниям Мигушенко и других, дважды делал попытки вернуться опять назад. Он объяснил это мерами предосторожности. Мы знаем уже действительные мотивы такого поведения Кривоносова. Кривоносов оттяги-

вал момент своего приближения к «Советскому Азербайджану», ожидая второго взрыва. Он делал все, что было в его силах, чтобы вдали от «Советского Азербайджана» переждать этот ожидаемый второй взрыв, чтобы вернуться к месту катастрофы тогда, когда все уже будет кончено, когда на поверхности не будет ни людей, ни парохода. И он дождался этого. Он сделал все, чтобы как можно больше погибло людей, о которых он меньше всего беспокоился, и если двое из погибавших оказались спасенными, то это произошло вопреки тем мерам, которые принимал Кривоносов, вопреки и несмотря на его позорное поведение.

Я не могу в этой связи не сказать и о преступных действиях Мигушенко. Мигушенко — помполит капитана на этом корабле. Как ведет себя Мигушенко в минуты катастрофы? Единодушные показания команды говорят о том, что Мигушенко вел себя как второй Кривоносов. Может быть, чуть-чуть совестливее, если можно в отношении этих людей говорить о совести. Мигушенко помогал Кривоносову бежать от «Советского Азербайджана». Мигушенко сам своевременно не понял всего позора этих действий. Если он и говорил капитану о том, что нужно повернуть назад, то только потому, что на него влияли низы, ибо в это время и Берковский, и Бузулуков, которые сконтактировались Михелем, и Елкин, и Рыбин, и Мхитарян начали громко требовать немедленно организовать помощь. И только под влиянием этих требований Мигушенко посоветовал капитану повернуть назад, на помощь. Но, вернувшись, он не сделал ничего, что должен был сделать, чтобы обеспечить реальное приближение «Совета» к «Советскому Азербайджану» и возможную помощь и людям и самому «Советскому Азербайджану» в борьбе с огнем и в деле спасения танкера от надвигавшейся на него опасности гибели.

Для нас каждый человек представляет величайшую ценность. 27 погибших людей это в 27 раз увеличенная ценность одной человеческой жизни. Но для нас дорог и пароход, для нас дорог и «Советский Азербайджан» как одна из единиц Каспийского флота. Мы вправе требовать, чтобы не только спасали людей, что составляет первую, важнейшую и священнейшую обязанность каждого моряка, но чтобы были приняты меры и для спасения парохода, и в этом деле роль помполита представляется громадной, ибо он должен был организовать судовую общественность, он должен был поднять дело спасения корабля и людей на необходимую политическую высоту, поднимая на эту высоту и достоинство каждого моряка как человека и советского гражданина. Ведь моряки наши — это советские моряки, это граждане величайшего из государств мира, это граждане единственного в мире строящегося социалистического общества. Мы

поэтому вправе требовать от каждого из них, в особенности же и в первую очередь от политического руководства на судне, чтобы каждый дело спасения гибнущих людей и гибнущего корабля принимал как свой священный долг, как дело громадной общественной важности, как общественное служение, как подвиг, не позволяющий останавливаться перед всякими отдельными формальными условиями, связанными с полномочиями предающего корабль и команду командира.

Мигушенко пытался изображать дело так, будто оказать противодействие Кривоносову означало чуть ли не поднять настоящий бунт. Мигушенко в свое оправдание сослался на единоначалие капитана и невозможность вмешательства в его распоряжения подрывать дисциплину на судне. Не нужно тратить много слов, чтобы разоблачить все лицемерие и всю несостоятельность таких рассуждений. «Что я мог сделать, если капитан не соглашался организовать спасение?» — спрашивал Мигушенко, прикидываясь наивным человеком. Что вы могли и должны были сделать, гражданин Мигушенко? Я, не колеблясь, отвечаю, отвечаю со всей решительностью и категоричностью: «Вы должны были властью помполита снять капитана с поста, вы должны были запереть его в каюту, как чумного, как прокаженного, как врага корабля, как врага советского народа». (Голоса из публики: «Правильно, совершенно верно!»).

Мигушенко этого не сделал, он прикрылся формальной отговоркой, он пытался нас запугать призраком бунта «Я, — говорил он, — помполит, я обязан поддерживать дисциплину на судне и не поднимать бунта против капитана». Но ни о каком бунте речи не было и быть не могло. Речь шла не о бунте, а о том, чтобы скovyрнуть гнилой прыщ, вскочивший на теле советского флота. Что должен был сделать помполит в той обстановке? Он должен был потребовать у капитана исполнить свой долг, действовать по всем правилам морской нравственности, морской службы, морского советского долга; он должен был заставить капитана подчиниться этому требованию или устранить капитана. Не может быть никакого сомнения, что Кривоносов немедленно бы уступил. Если бы Мигушенко, опираясь на единодушный протест лучшей части команды против действий капитана, занял в этом вопросе более решительную позицию, подлинно большевистскую позицию, Кривоносов был бы смят этим натиском честных и решительных людей. Мигушенко же действовал совсем обратно своему долгу. Он, как выразился Михель, либеральничал с Кривоносовым, потакал ему, действовал с ним заодно, вместе с ним предал «Советский Азербайджан», предал своих товарищей.

Чеботарев — старший механик, кандидат партии, один из «углов» этого «треугольника». Этот человек пытался изобразить дело так, что во время катастрофы он был в машинном отделе-

нии, что он ничего не видел, ничего не знал, и поэтому ни за что отвечать не может. По расписанию, на случай тревоги он, дескать, обязан был находиться в машинном отделении и смотреть за котлами, а что люди погибали, — это его не касается.

Во-первых, позвольте напомнить, что, по показанию свидетеля Елкина, Чеботарева во время взрыва застали в каюте в довольно растерянном виде. Елкин прибежал его будить и застал его сидящим на койке, крепко вцепившимся в эту койку, в трусах и носках. Герой нашего времени! Он, очевидно, уже не спал, но, очевидно, и не выходил из каюты, так как у него, очевидно, как говорил Кривоносков на своем жаргоне, «было нервное состояние». Наконец, Чеботарев все же вышел из каюты. Что он делал в это время, — трудно установить. Но, по словам Михеля, Чеботарев «стал метаться по палубе в одних трусах и охать: ох, ох, ох». Весь, что называется в мыле. Чеботарев говорит: «Это ложь, я был в машине», — но против этого возражает Михель. Против этого возражает Будилин, утверждая, что Чеботарев не все время был внизу, что он выходил из машинного отделения Чеботарев — старый моряк, старший механик, он мог и должен был принять активное и энергичное участие в организации спасения «Советского Азербайджана», если бы он был на высоте своего положения. Он мог бы организовать это спасение, он мог бы воздействовать на Кривоноскова, если бы он этого хотел, но он этого не хотел. Он, так же как и Кривоносков, хотел как можно скорее удрать отсюда, опасаясь «как бы чего не вышло»... Доказательством этого может служить тот факт, что когда, вернувшись через 2½ часа к месту катастрофы, прекратив поиски погибших людей около «Советского Азербайджана», они стали обсуждать вопрос, могут ли они взять «Советский Азербайджан» на буксир, Чеботарев заведомо ложно сказал, что у него не хватает топлива, что топлива имеется только на два дня, тогда как топлива было больше, чем на два дня, и, как показал здесь Мигущенко, топлива было значительно больше, чем на два дня.

Я обвиняю Чеботарева, как и Кривоноскова и Мигущенко, в полном преступном бездействии в деле спасения парохода «Советский Азербайджан». Они должны были принять все меры к тому, чтобы по возможности скорее потушить пожар. Экспертиза доказала, что во всяком случае они имели возможность уменьшить огонь, могли локализовать этот огонь, могли взять это судно на 300-метровый буксир и оттянуть его навстречу тем пароходам, которые могли бы быть брошены им на помощь. Но они ничего в этом направлении не сделали, они убежали. Затем они с преступной медлительностью возвратились на место катастрофы, они не организовали тушения «Советского Азербайджана», хотя обязаны были это сделать независимо от того, какой

был бы результат. Они не организовали буксировки «Советского Азербайджана», хотя обязаны были и это сделать. Они постыдно продолжали свое бегство, а придя на Астраханский рейд, составили лживый акт, скрыв, что дважды позорно бежали от «Советского Азербайджана». Вот как действовали эти герои предательства, этот, с позволения сказать, «треугольник». Я не буду утверждать, что вина Мигущенко и Чеботарева равносильна и равноценна вине Кривоносова. Я не требую от вас по отношению к Мигущенко и Чеботареву высшей меры наказания, но надеюсь, что вы не приговорите их меньше чем к 8—10 годам лишения свободы каждого. (Аплодисменты.)

В данном вопросе для нас первостепенную роль играет система действий этих людей, их целеустремленность, их психика и их политическая направленность.

Обсудив этот вопрос со всех сторон, нужно сказать, что эти люди совершили гнуснейшее предательство, совершили вопиющее преступление против Советского государства, против интересов трудящихся.

Позорное поведение командования парохода «Совет» становится особенно очевидным, когда вспомнишь и сравнишь героический подвиг парохода «Советская нефть», спасшего 437 человек с горевшего океанского французского парохода «Жорж Филиппар»... Я не могу не напомнить об этом выдающемся героизме наших моряков, особенно ввиду той удивительной аналогии, какая имеет место в обоих этих случаях.

В самом деле, в 1932 году, тоже в мае и тоже ночью, в Индийском океане, в районе мыса Гвардафуй, на большом французском пароходе «Жорж Филиппар», в 22 тыс. тонн водоизмещения, произошел пожар. Пожар распространился по пароходу с молниеносной быстротой.

Наш танкер «Советская нефть», груженный бензином, получил извещение о пожаре с маяка Гвардафуй и тотчас же ответил: «Иду на помощь»...

И вот что рассказывает о дальнейшем капитан «Советской нефти» т. Алексеев, говоря об организации спасения пассажиров этого горящего корабля.

«Подняв на ноги весь свой экипаж, закрыв люки танкера, мы приготовили к действию пожарные средства, открыли прожектор и весь свет, вынесли за борт гребные суда и моторный катер, вынесли на палубу все нагрудники, спустили все забортные трапы, выпустили бурандуки и продолжали полным ходом идти на сближение с бедствующим судном...

В 4 часа утра было еще темно, расстояние до горевшего судна «Жорж Филиппар» оставалось 300 сажен, на море плавали светящиеся спасательные буйки. Пароход весь был объят пламенем.

Остановились, — продолжает Алексеев, — с его надветренной стороны Здесь мы услышали у себя с левого борта в стороне на воде захлебывающиеся женские вопли.

В мгновение весь экипаж, будучи в крайне приподнятом настроении, спустил по команде приготовленные заранее спасательные шлюпки, которые под умелым управлением помощника капитана понеслись к бедствующему судну, а также на жуткие крики людей, находящихся на море».

Так действовали настоящие герои, отважные моряки с «Советской нефти».

Подумайте только о количестве спасенных, подумайте только об обстановке, в которой действовала команда «Советской нефти», и вы только тогда сумеете правильно оценить подвиг наших моряков!.. Несмотря на страшную опасность для судна, груженого бензином и могущего взорваться от любой искры, «Советская нефть» немедленно ответила: «Иду на помощь». Вынесла за борт шлюпки, приготовила все спасательные средства, подняла на ноги всю команду; здесь не было ни одного спящего человека, тем более из числа командования, как это было на «Совете», где помощник капитана Токаренко спал непробудным сном! Это маленькое советское судно, под командой капитана Алексева, с 40 человеками команды, отважно бросилось навстречу горевшему гиганту и, приблизившись на минимальное расстояние, организовало спасение тонущих людей, и за какие-нибудь 2—3 часа самоотверженной героической работы первым из всех подошедших на помощь к «Жоржу Филиппару» судов «Советская нефть» спасла 437 человек Вот как действуют герои!

Слава героической команде «Советской нефти»! Позор шкурникам и предателям, не сумевшим спасти 27 человек с парохода «Советский Азербайджан», имея у себя на борту 30 человек команды!

Среди героических моряков «Советской нефти» не было ни одного, который бы не принял самого горячего, самого активного участия в спасении погибавших Даже повар был на руле одного из спасательных ботов, не желая отставать от своих замечательных товарищей!..

Интересно отметить, что наши моряки работали не только на своих шлюпках, но и на шлюпках «Филиппара» Капитан Алексеев рассказывал, что горевший «Филиппар» дрейфовал правыми галсами, никем не управляемый.

«Наш экипаж, — говорил Алексеев, — как один человек, забыв о своей опасности и усталости с нервным напряжением лихорадочно торопился успеть спасти от огня всех людей»

Вот как вела себя команда «Советской нефти» давая образцы подлинного героизма, подлинной советской дисциплины, отваги,

бесстрашия, высокого сознания своего долга, организованности, настоящей большевистской работы...

А вы? Трухляки, слизняки, вы что сделали? И неужели вам не стыдно? Неужели вы не ощущаете жгучего стыда за свое преступление?

Моряки «Советской нефти» были награждены. Французское правительство прислало нашим героям золотые и серебряные медали. Наградил героев и Наркомвод. Важно отметить: наградили всю команду «Советской нефти», как мы посадили на скамью подсудимых всю команду «Совета». Наградили и каждого в отдельности из тех, кто был достоин награды. А награду там заслужили все, как здесь все заслужили порицание, позор и наказание...

Вот, товарищи судьи, суть краткой исторической справки, говорящей не только о великих подвигах наших героев, но говорящей о великой мерзости, трусости, предательстве вот этих людей, к которым я вас прошу отнестись со всей нашей пролетарской беспощадностью.

Есть еще одна группа обвиняемых с парохода «Совет», к которым я причисляю и капитана парохода «Джапаридзе» Синенкова. С него я и начну.

Синенков — фигура весьма и весьма родственная Устимовичу. Не знаю, кому из них это приятно, кому неприятно, но факты таковы.

Кто такой Синенков? Синенков служил в Керчи у нас, большевиков. Когда пришли немцы, а большевики отступили, Синенков, этот бывший офицер царской армии, остался служить немцам. Затем он был мобилизован и оказался в Махач-Кала на службе у Деникина. Когда из Махач-Кала мы Деникина погнали, то вместе с Деникиным в Баку к муссаватистам прибыл и Синенков. Добро пожаловать!

Я ставлю такой вопрос: что же это — случайность или это явление органического порядка? Когда большевики уходят из Керчи, а немцы приходят, Синенков остается, а когда белые уходят из Махач-Кала, а большевики приходят, он не остается, а уходит с белыми. Случайность это или система?

Потом оказалось, что он жил у своего тестя — кулака, торговца, который продавал, покупал, торговал, что сродни уже Штейнгольцу. Вот этот Синенков оказался капитаном парохода «Джапаридзе», и этому человеку пришлось идти по телеграмме из Баку на спасение «Советского Азербайджана». Интересно, как он отнесся к этой задаче. Зная о слабом вооружении парохода «Джапаридзе» противопожарными средствами, Синенков ничего не сделал, чтобы оказаться максимально подготовленным к выполнению своей задачи. Уходя с Астраханского рейда, где имеется дебаркадер, достаточно оснащенный техническими средствами,

Синенков не постарался взять у него брандспойт, пеногенератор, запасные порошки, кошмы, наконец, шланги, которые, по его объяснениям, хотя и были у него длинные, но были дырявые. Несмотря на то, что на рейде был пароход «Каганович», у которого также можно было позаимствовать кое-что из пожарного оборудования, несмотря на то, что в это время пришел «Совет», у которого тоже можно было кое-что взять, он не только ничего не взял у них, но и свое пожарное оборудование не привел в должный порядок, и отправился к горящему «Советскому Азербайджану», считая, что у него нет задания тушить пожар. Он знает, что пароход горит, что его посылают на помощь горящему судну, но заявляет, что тушить пожар ему не поручали, что таких директив он не получал. И вот он, наконец, через 36 часов прибывает на место катастрофы. Тут темная история с дрейфом и с записью в журнале. Синенков телеграфировал, что лег в дрейф, а записал в журнал, что шел 5 миль. Кто его разберет, что он писал и когда писал! Своя рука — владыка!

Как бы то ни было, «Джапаридзе» нашел «Советский Азербайджан» в двух часах пути от мелкого места, от острова Жилого; если бы «Советский Азербайджан» был приведен туда, он был бы спасен. Что же делает Синенков для спасения «Советского Азербайджана»? Он направляет на гибнущий танкер лодку с неопытным Черновым, который не догадался закрыть горловину цистерны, полной кипящего мазута, и зря потерял два часа времени... Чернов в конце концов открывает на «Советском Азербайджане» люки. Синенков берет «Советский Азербайджан» на буксир и доводит дело до второго взрыва и до окончательной гибели корабля. Вот вам и спасательная работа! Шли спасать, а сами потопили пароход! Именно потопили, потому что второй взрыв произошел, несомненно, от «спасательных» мероприятий Синенкова.

Эти «спасательные» работы были организованы крайне безответственно и безобразно. Как я уже указывал, на «Советский Азербайджан» был послан помощник капитана Чернов, недостаточно подготовленный к выполнению возложенного на него поручения. Экспертиза в точности установила, что при правильной организации работ по спасению «Советского Азербайджана» второй взрыв был бы предотвращен и танкер мог бы быть спасен. Достаточно было капитану Синенкову самому непосредственно взяться за дело, чтобы ориентироваться в обстановке и принять необходимые меры к локализации огня. Достаточно было накрыть горловину цистерны кошмой, чтобы положение парохода было улучшено.

Но Синенков от непосредственного руководства этими операциями уклонился, а мало подготовленный к этому Чернов допустил ряд грубых ошибок. Я считаю, что Синенков не выполнил

задачи, которая была на него возложена. Он был послан тушить пожар и спасти корабль. Он не тушил и не спасал. Своими преступными действиями, которые, я прямо скажу, не считаю случайными, своим преступным бездействием по отношению к «Советскому Азербайджану», к советскому имуществу Синенков способствовал гибели танкера. Психология Синенкова в этом аналогична психологии Кривоносова, оба они наплевательски относятся к государственному имуществу: пусть, мол, советское добро гибнет, — об этом беспокоиться нечего. Они беспокоятся лишь о себе, отсюда — их трусость и трусливая заботливость о собственной безопасности.

Ведь не случайно, что пароход «Алеша Джапаридзе» не рискнул подойти к «Советскому Азербайджану» так близко, как этого требовали интересы дела, интересы спасения горевшего танкера, как, наконец, подошел «Лафарг»...

В самом деле, почему Синенков не приблизился к «Советскому Азербайджану» хотя бы на длину своих шлангов, как это сделал «Лафарг»? Потому, что Синенков не хотел «рисковать», не хотел спасать. Никакие доводы не смогли поколебать уверенности в том, что если бы Синенков захотел спасать, он мог бы спасти корабль. Синенков не хотел спасать и не спасал: 48 часов он топтался почти на одном месте, пока добрался до места гибели и пока подошел на расстояние $1\frac{1}{2}$ миль к «Азербайджану». Собственное признание Синенкова устанавливает, что в трех часах хода от места гибели «Советского Азербайджана» было мелкое место, около острова Жилого, и поэтому если бы он сэкономил эти 3 часа, пароход был бы спасен. Три часа из 48 часов — это экономия лишь 6% времени. Если бы Синенков хотел спасать добросовестно и честно, как требует советская власть от советского моряка, он должен был найти, выкроить из 48 часов 6% экономии, и танкер был бы спасен. Он этого не сделал. Не сделал не случайно. Я его в этом обвиняю и прошу соответственно этому определить ему строгое наказание.

Перехожу к следующей группе обвиняемых, которые должны нести ответственность за гибель парохода «Советский Азербайджан» как люди, принадлежавшие к командному составу парохода «Совет», — это первый помощник капитана Михель, второй помощник капитана Настасьев, третий помощник капитана Токаренко и боцман Купцов. К этой же группе я отношу председателя судового комитета Будилина и, наконец, рулевого Соколова ввиду индивидуальных особенностей совершенного им преступления.

В чем заключается вина каждого из этих людей?

Вина каждого из них различна, но в отношении всех их доказана полностью.

В течение всей этой страшной ночной катастрофы второй помощник капитана Настасьев оставался совершенно безучастным к совершавшейся на его глазах драме. Будучи вторым помощником капитана, он должен был бы вести себя иначе, чем вел, он должен был бы вместе с Михелем и Токаренко прекратить безобразное бегство «Совета», положить предел позорному преступлению Кривоносова. Между тем он палец о палец не ударил в этом направлении, и за это он должен отвечать.

Третий помощник капитана — Токаренко — во время взрыва, как это установлено следствием, спал в своей каюте, будучи свободен от дежурства. Защита пыталась здесь во время судебного следствия ставить вопрос о Токаренко таким образом, будто его обвиняют в том, что он спал. Я могу успокоить защитника обвиняемого Токаренко, не без лукавства спрашивавшего, что это за состав преступления — сон. Токаренко не обвиняется в том, что он спал; Токаренко обвиняется в бездействии после того, как он проснулся, вышел на палубу и стал очевидцем всего происшедшего. Этот третий помощник капитана вел себя не лучше самого капитана, во всяком случае не лучше Настасьева, трусливо ожидавшего естественной развязки разыгравшейся в его присутствии трагедии, тогда как по долгу моряка и командира он должен был бы принять вытекающие из его обязанности и положения меры к организации спасения гибнущего парохода.

Купцов — это старый типичный боцман. Вы видели этого боцмана. Это человек себе на уме, действующий так, чтобы не обсчитаться, человек, который умеет лавировать между рифами и подводными камнями, лавировать так, чтобы и команда не была в обиде и чтобы начальство было довольны. Купцов понимает всю мерзость своего пассивного отношения к катастрофе. Он понимает подлость действия своего капитана. Он, вероятно, понимает и то, что за свое бездействие в конце концов и ему придется отвечать. И вот он начинает лавировать. Он не идет к капитану, он не требует от него вернуться назад, а обращается к молодому матросу Бузулукову и посылает его к капитану: иди, мол, иди, скажи. Посылает мальчишку, чтобы воздействовать вот на этого Кривоносова!

Вы помните, что в самом начале пожара на «Советском Азербайджане» была отдана команда: «Готовить шлюпки», — и вот Купцов стоит у шлюпки, именно с т о и т. Боцман, который обязан руководить работой матросов, стоит, как вкопанный, у шлюпки, ссылаясь на то, что это так требуется «по расписанию» на случай тревоги. Купцов неподвижно стоит у шлюпки, хотя отлично понимает, что нужно что-то делать, а не только стоять и выжидать дальнейшего. Купцову все равно, что делается за бортом судна, — он выполняет «расписание».

За бездействие в минуту тяжелой опасности, за неоказание помощи погибающим боцман Купцов должен нести уголовную ответственность. Его надо поучить и так поучить, чтобы это было уроком всем боцманам подобного склада.

Соколов. О нем можно сказать два слова: это рулевой, бросивший в минуту взрыва руль и поставивший свой собственный пароход под угрозу. Его ответственность определяется этими пределами.

Сложнее дело обстоит с первым помощником капитана Михелем и председателем судового комитета Будилиным. И Михель и Будилин, конечно, виноваты, причем Будилин виноват больше Михеля. В Михеле проснулась совесть: он, хотя и с запозданием, стал требовать от капитана вернуться назад, чтобы оказать «Советскому Азербайджану» помощь. Это ему отчасти удалось при поддержке Бузулукова, Берковского и других. Это смягчает вину Михеля, особенно если принять во внимание его молодость: ему всего 23 года, он неопытен в морском деле. Нужно, в сущности говоря, удивляться тому, как могли этого молодого комсомольца назначить на такую ответственную должность, как должность первого помощника капитана!..

Если я в отношении Михеля поддерживаю обвинение, то главным образом учитывая именно это его должностное положение первого помощника капитана парохода. Ведь те 40 минут, в продолжение которых пароход «Совет» при попустительстве Михеля удалялся с места катастрофы, были решающими для жизни людей, находившихся на борту охваченного пламенем «Советского Азербайджана», и в этом попустительстве Михель виноват. Но он один из первых понял преступность действий Кривоносова и своего первоначального бездействия. Он энергично стал требовать возврата к месту катастрофы. Стараясь исправить свою первоначальную ошибку, он с опасностью для собственной жизни бросился по прибытии на место катастрофы спасать упавших, и это нельзя не учесть при разрешении вопроса о его виновности.

Я не могу поэтому поддерживать обвинение против Михеля в полном объеме. Я вынужден просить о снисхождении к нему.

Будилин — председатель судового комитета, руководитель профессиональной организации на судне, представитель профсоюза, организатор профессиональной общественности.

Какую позицию занял он в этом деле? Проявил ли он инициативу в деле организации помощи, пытался ли он воздействовать на капитана, организовать вокруг себя здоровые элементы парохода? К сожалению, на все эти вопросы мы должны ответить отрицательно.

Он сам оказался в стороне от охватившего группу молодых моряков стремления сломить упорство Кривоносова и заставить

своего преступного командира вернуться к горевшему судну. Его вина усугубляется именно тем, что он председатель судебного комитета. Его вина усугубляется и тем, что он член партии. Будилин — не просто рядовой член команды, — это представитель нашей партийной и советской общественности, это накладывает на него серьезную ответственность. Будилину доверило государство, партия, профессиональная организация воспитание и руководство людьми. Он должен был быть образцом поведения советского моряка. Этот долг он грубо нарушил.

Вот почему он должен серьезно отвечать за нарушение этой своей высокой обязанности.

Есть еще три обвиняемых — Тренин, Афонин и Шабалин. Это рядовые члены команды, которые должны получить в пределах предъявленного им обвинения за возмутительное равнодушие, за свое пассивное отношение к событию, за бездушное бездействие.

Особо нужно сказать о группе молодых матросов — Бузулукове, Рыбине, Берковском, Елкине, Мхитаряне, Фишмане, Харафиос. Они виноваты перед своими товарищами, перед нашей страной, перед советской властью в том, что, поддавшись общему паническому настроению на судне, поддавшись преступному влиянию командования парохода «Совет», слишком поздно опомнились, а опомнившись, недостаточно твердо и решительно потребовали от капитана выполнения своего морского долга.

Но это все — молодежь, не получившая, к сожалению, должного воспитания.

Посмотрите на Бузулукова. Это не плохой матрос. Это он предложил капитану взять с него расписку в том, что в случае гибели он не будет иметь никаких претензий, лишь бы ему было позволено броситься в воду спасать гибнущих товарищей. Но и этот Бузулуков был сбит с правильного пути, был уже в значительной мере испорчен старыми, унаследованными частью моряков от капиталистического флота дурными традициями; я подчеркиваю: испорчен дурными традициями дурной части старых моряков, привыкших рассуждать так, что моя хата с краю, отвечай за себя, а до другого тебе нет никакого дела, думай в первую очередь о собственной шкуре, а остальное как-нибудь обойдется. Даже в старом флоте подобные взгляды и настроения всегда вызывали жестокое осуждение и презрение со стороны матросской массы. В советском флоте эти рассуждения и настроения еще более нетерпимы, еще более позорны.

Носителем таких настроений является, например, боцман Купцов или вот эти Тренин, Афонин и Шабалин.

Не таковы Рыбин, Бузулуков, Берковский, Елкин и несколько других уже перечисленных мною обвиняемых. Хотя и с опозданием, но они поняли свою ошибку. Они потребовали от

Кривоносова возвратиться к месту катастрофы, они явились, в сущности говоря, единственными, которые пытались заглядеть совершенное в самом начале преступление, положить предел преступному поведению командования «Совета».

Эти обстоятельства обязывают меня как государственного обвинителя отделить эту группу от других обвиняемых. Эти обстоятельства обязывают меня, строго осуждая их растерянность и нерешительность в первую минуту катастрофы, правильно оценить их последующее поведение, позволяющее просить о снисхождении к ним, даже об их оправдании.

Таковы итоги этого процесса. Государственное обвинение в моем лице и в лице главного водного прокурора на протяжении всех этих пяти дней судебного процесса прилагало все усилия к тому, чтобы наиболее объективно и исчерпывающим образом определить роль каждого из привлеченных к ответственности по этому делу и наметить те пути, которыми суд должен будет в своем приговоре прийти к окончательному решению судьбы людей, сидящих на скамье подсудимых.

Государственное обвинение тщательно, вместе с вами, товарищи судьи, исследуя все обстоятельства дела, стремилось вникнуть в каждую подробность, в каждую деталь, стремилось понять и правильно оценить каждый шаг и каждое движение любого из обвиняемых, преданных настоящему суду.

Государственное обвинение руководствовалось в этой своей сложной работе, проделанной вместе с судом, не только задачами установления вины и ответственности каждого из обвиняемых, строго дифференцируя и взвешивая все обстоятельства индивидуальных поступков и действий обвиняемых, но одновременно ставило перед собой и ряд общих задач, решение которых должно помочь Каспийскому флоту освободиться от все еще имеющих место в его работе недостатков.

Государственное обвинение представило на ваше усмотрение, товарищи судьи, свои соображения и по поводу мер наказания в отношении каждого обвиняемого.

Наша основная задача заключается не только в разгроме нашего классового врага и в подавлении его преступных происков. Наша задача — и в воспитании новой дисциплины, в воспитании новых кадров, в воспитании новых людей такими, чтобы каждый из них отвечал тем требованиям, какие предъявил в своем историческом приветственном слове к туркменским колхозникам, приехавшим за 4 тыс километров из далекой Туркмении с колхозным приветом в нашу советскую столицу, наш вождь и учитель, вождь и учитель трудящихся всего мира товарищ Сталин.

Поздравляя туркменских всадников с успешным проведением беспримерного в истории кавалерии пробега, товарищ Сталин

сказал: «Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия, — могли обеспечить такую славную победу» Сталин сказал: «Партия коммунистов может поздравить себя, так как именно эти качества культивирует она среди трудящихся всех национальностей нашей необъятной родины».

Эти замечательные слова имеют прямое отношение к поднятому нашим процессом вопросу о дисциплине в рядах каспийских моряков.

На уроках этого процесса мы имеем возможность глубже понять и лучше оценить величие исполнения каждым трудящимся своего долга. В этом заключается важнейшая сторона настоящего дела и настоящего судебного процесса.

Смысл и основное значение этого процесса заключаются в стремлении поднять на более высокую политическую высоту понимание каждым работником нашего водного транспорта той громадной ответственности, которая лежит на нем в области разрешения громадных задач, стоящих перед нашим транспортом.

Смысл и основное назначение этого процесса — помочь укреплению на водном транспорте пролетарской дисциплины, являющейся одним из обязательных и могучих средств строительства нового, социалистического общества.

Ваш приговор должен будет помочь разрешению этой задачи на общее благо, славу и процветание нашей великой родины.

*
*
*

Выездная сессия Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР приговорила:

Кривоносова Т. И. к высшей мере наказания, к расстрелу; Мигушенко А. А. к лишению свободы на десять лет; Чеботарева А. И. к лишению свободы сроком на восемь лет; Гибшмана Г. Э. и Синенкова П. А. к лишению свободы сроком на пять лет каждого; Устимовича М. И., Штейнгольца А. З., Настасьева Г. Д. и Токаренко М. Д. к лишению свободы сроком на три года каждого; Величко Я. С., Соколова В. В. и Будилина М. В. к лишению свободы сроком на два года каждого; Купцова И. Г. к лишению свободы сроком на один год шесть месяцев; Жукова Д. Е., Афоина С. М. и Багненко А. Ф. к исправительно-трудовым работам сроком на один год каждого по месту работы с вычетом по 15% из заработной платы каждого, кроме того, Жукову запрещено в течение одного года занимать ответственные должности на водном транспорте; Занько Б. М. и Михеля А. А. к лишению свободы сроком на три года каждого, но имея в виду, что Занько на Каспийском бассейне работал всего около четырех месяцев, причем впервые за это время столкнулся с работой по нефтелеревозкам, что Занько полностью осознал и понял значение и тяжесть совершенных им преступных

действий, суд нашел возможным приговор в отношении Занько на основании ст. 59 УК Азербайджанской ССР считать условным с испытательным сроком в три года, запретив Занько в течение двух лет занимать ответственные должности на водном транспорте.

Учитывая, что Михель выделяется из всего командного состава парохода «Совет» своим настойчивым желанием оказать действительную помощь погибающим, кроме того, ввиду его молодости, суд нашел возможным назначенное ему наказание считать условным с испытательным сроком в два года; Беякова М. Н., Мхитаряна Г. И. и Елкина С. П. — к исправительно-трудовым работам на три месяца каждого, считая это наказание условным, с испытательным сроком на один год для каждого; Берковского И. И., Бузулукова И. Д., Рыбина А. Д., Фишмана Б. И., Шабалина Г. С., Тренина И. Ф. и Харафиоса И. Н. суд оправдал.

ДЕЛО БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА ЗИМОВКИ НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ СЕМЕНЧУКА И КАЮРА СТАРЦЕВА

Летом 1934 года Главным управлением Северного морского пути была организована группа зимовщиков во главе с Семенчуком К. Д. и отправлена на остров Врангеля на зимовку.

Свои обязанности начальник зимовки Семенчук рассматривал как право неограниченного, бесконтрольного командования зимовщиками. С первых дней своего появления на острове Врангеля Семенчук начал воскрешать нравы капиталистических торговцев в отношении к местному населению. показал, что ему совершенно чужды интересы местного населения, и проявлял к нему безжалостно-бездушное отношение.

Семенчук за короткий срок своего пребывания на острове разрушил начавшее укрепляться хозяйство эскимосов, довел их до такого состояния, что промышленники и охотники эскимосы со своими семьями, исчерпав все имевшиеся у них с прошлых лет запасы продовольствия, начали голодать.

Несмотря на то, что на полярную станцию было завезено разных продуктов в значительном количестве (не менее чем на три года), Семенчук упорно отказывал в выдаче им продуктов со складов станции, сопровождая этот свой отказ заявлением, что «туземцы все лодыри, кормить их не буду». Сорвав охоту туземцев и оставив их благодаря этому без мяса. Семенчук в то же время отказывался авансировать их продуктами (хотя эта система практиковалась на острове Врангеля при прежних начальниках и вполне себя оправдала, так как туземцы всегда честно погашали свою задолженность).

На почве голода начались заболевания. Однако это мало смущало Семенчука. Последовательный до конца в своем преступном отношении к местным жителям, нужда и страдание которых его совсем не беспокоили, он отказывал в выдаче продовольствия даже больным.

Ярким примером такого зверского отношения Семенчука к больным явился случай, имевший место при заболевании детей одного из лучших охотников острова Врангеля т. Таяна. Семенчук не хотел выдать консервированного молока детям. Только по категорическому настоянию врача Вульфсона он выдал на больных детей четыре банки консервированного молока, но при следующей выдаче удержал это молоко, и дети вновь заболели.

Несмотря на наличие на зимовке больших запасов топлива, Семенчук отказывал местному населению в его выдаче.

Преступная деятельность Семенчука не ограничилась только бесчеловечным отношением к местному населению. Его деятельность как начальника зимовки ознаменовалась целым рядом преступных действий и по отношению к зимовщикам. Приблизив к себе в качестве главных своих помощников биолога Вакуленко, алкоголика, по общей характеристике, разложившегося человека, антисемита (покончившего в марте 1935 года по невыясненным причинам самоубийством), Карбовского, трусливого, безвольного парторга, беспрекословно исполняющего распоряжение Семенчука (привлеченного к судебной ответственности специальным определением Верховного суда), Старцева, целиком ему преданного и послушного жителя острова Врангеля, и свою жену Надежду, Семенчук создал группу, с помощью которой он, запугивая всех других зимовщиков, прикрывал свои преступные действия. Эти лица являлись у него постоянными свидетелями при составлении всяких актов, рапортов, показаний, часть из которых, как было установлено судом, являлась подложной, искажающей факты.

Творимые ими безобразия оставались безнаказанными. Вакуленко пьянствовал, крал спирт. На Старцева поступило заявление от эскимоса Пала, что он изнасиловал его дочерей,— это заявление Семенчук даже не рассматривал. Надежда Семенчук в столовой была по лицу рабочего Зарубу,— никаких мер воздействия не принималось, между тем как в отношении всех других Семенчук был исключительно строг, грозил, что он на острове Врангеля представляет все органы советской власти и облечен всеми правами. «Я здесь прокуратура, ГПУ и суд»,— обычно говорил Семенчук.

Для подтверждения этих якобы принадлежавших ему прав он устроил в бане арестное помещение, куда сажал провинившихся зимовщиков.

Такова была обстановка, созданная Семенчуком в 1934—1935 гг. на острове Врангеля. Безвольный, трусливый, абсолютно лишенный всяких чувств товарищества, коллектив зимовщиков молчал, видя преступное безобразие действий Семенчука, и не протестовал, подавленный угрозами Семенчука. В этом отношении коллектив зимовщиков на острове Врангеля в 1934—1935 гг. представлял собою печальное исключение по сравнению со всеми другими советскими зимовщиками, показавшими примеры высокого героического чувства товарищества, коллективности и величайшей заботливости к местному населению.

Только два человека во всем коллективе вели борьбу против Семенчука: врач Вульфсон и его жена врач Фельдман.

Вульфсон, врач-общественник, со всем рвением взявшийся за работу на зимовке, сразу встретил резкое противодействие со стороны Семенчука. Это противодействие еще более усилилось после того, как Вульфсон, возмущенный поведением Семенчука, начал свою разоблачительную работу. Семенчук отказывал ему в различного рода законных требованиях, связанных с организацией медицинской помощи населению. Отказывал ему в выдаче теплых вещей, необходимых для поездки по острову. Дошло до того, что Вульфсон вынужден был подать рапорт об освобождении его от работы,

так как в создавшихся условиях он не мог обеспечить нормальную медицинскую помощь населению. Но, несмотря на это, доктор Вульфсон до своей гибели добросовестно вел свою работу.

26 декабря доктор Вульфсон, по приказанию Семенчука, выехал в сопровождении Старцева на двух нартах с мыса Роджерс к большим туземцам в бухту Предательскую и на мыс Блассон. 31 декабря Старцев возвратился один на мыс Роджерс и сообщил, что 27 декабря, выехав с доктором Вульфсоном из бухты Сомнительной в бухту Предательскую, во время пути потерял доктора, что он пытался из бухты Сомнительной вместе с туземцем Кмо искать его, но не нашел и поэтому приехал на полярную станцию сообщить о потере доктора.

По настоянию нескольких зимовщиков в ночь с 31 декабря 1934 г. на 1 января 1935 г. с полярной станции выехало в бухту Сомнительную несколько нарт с зимовщиками и охотниками для розысков. В первый день поисков, 1 января, зимовщик Куцевалов нашел нарту доктора к северу от бухты Сомнительной на расстоянии примерно шести километров. Нарта оказалась крепко застопоренной, из восьми собак семь были живые, а одна мертвая. На нарте — овчинный тулуп и оленья постель.

Труп доктора Вульфсона был найден зимовщиком Вакуленко и охотником Тагью примерно в двух километрах от места, где была найдена нарта, только 5 января 1935 г. По показаниям Вакуленко, доставившего труп доктора в бухту Сомнительную, труп был найден лежащим на снегу вверх лицом со сбившейся с головы шапкой, около него на расстоянии пяти метров лежали рукавицы и недалеко поломанный винчестер с одной стреляной гильзой. Согласно акту первого осмотра, произведенного в бухте Сомнительной, лицо доктора было обезображено, покрыто ссадинами, лицо и шарф вокруг шеи в крови, нос приплюснут и оторван носовой хрящ; на руках у запястья кольцевые ссадины; одна пола кухлянки оторвана.

7 января труп доктора был привезен на мыс Роджерс и там, без вскрытия, 11 января похоронен.

Несмотря на то, что ряд обстоятельств давал все основания предположить насильственную смерть доктора, и несмотря на то, что разговоры о Старцеве, как о виновнике смерти доктора, появились в первые же дни после нахождения трупа, Семенчук сам проводил следствие и без вскрытия трупа, без всякого анализа всех обстоятельств гибели доктора, исключительно основываясь на показаниях самого Старцева, составил заключение о том, что доктор, потеряв Старцева, заблудился, бросил нарты и сам в пьяном виде замерз.

Когда доктор Фельдман, сразу заподозрившая насильственную смерть Вульфсона, потребовала сообщения в Москву о присылке постороннего лица для расследования гибели доктора Вульфсона, Семенчук начал своими привычными методами преследовать ее. Он задерживал ее телеграммы и письма и не отправлял их. Он снял ее с довольствия, мотивируя это тем, что она якобы отказывается лечить больных, тогда как в действительности Фельдман в оказании медицинской помощи никому не отказывала. Он запрещал зимовщикам и туземцам посещать ее квартиру. Большую, с маточным

кровотечением и с температурой в 40°, он хотел заставить ее поехать по острову якобы для лечения больных. И когда она отказалась, мотивируя этот отказ своим болезненным состоянием, он отдал приказ 23 февраля о ее немедленном выселении «из пределов зимовки в другой район острова, малонаселенный пункт». Только вмешательство некоторых зимовщиков заставило его отказаться от этого выселения Фельдман.

Акт медицинского вскрытия трупа Вульфсона от 19 апреля, произведенного доктором Крашенинниковым, исключал смерть Вульфсона от замерзания или от какого-нибудь несчастного случая (падение с нарта, падение на лед, на камень и т. п.). По всем внешним и внутренним признакам трупа Вульфсона, Крашенинников пришел к выводу что смерть Вульфсона могла последовать только от удара, нанесенного в лицо убитому и вызвавшего сотрясение мозга.

Материалами дела установлено, что Старцев всегда был послушным и абсолютно преданным исполнителем приказаний Семенчука. У Старцева и Вульфсона не было каких-либо столкновений. Убить Вульфсона Старцев мог только по указанию другого лица и в интересах этого лица. Семенчук был заинтересован в устранении Вульфсона — единственного человека на зимовке, выступавшего против него и опасного для него как возможного разоблачителя его преступных действий на острове.

По показаниям свидетелей, до убийства Вульфсона Семенчук угрожал ему расправой. Предвидя, повидимому, такую расправу, доктор Вульфсон перед отъездом 25 декабря оставил дома записку, в которой писал, что в случае своей гибели он просит винить только Семенчука. Семенчук, приказывая доктору Вульфсону ехать в бухту Предательскую и на мыс Блассон, выдумал, что туда вызывался врач, а между тем такого вызова не было. Семенчук назначил Вульфсону проводником Старцева, ранее никогда проводником не ездившего, в то время как на мысе Роджерс находились два охотника с запада (Таграк и Итуй), которые могли ехать с доктором; Семенчук, однако, их отправил на север за керосином, в то время как на мысе Роджерс керосин был. Семенчук 31 декабря, получив известие о потере Старцевым доктора, пытался отложить выезд на розыск до следующего дня.

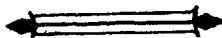
По приезде в бухту Сомнительную Семенчук направил Старцева на поиски на восток, в направлении, обратном тому, где, по словам Старцева, он потерял доктора. При нахождении трупа он вместе с Вакуленко пытался сбросить труп в лунку, что сделало бы невозможным раскрытие причины гибели доктора. Без всякого основания, более того, вопреки всем обстоятельствам, сопутствовавшим нахождению трупа, и его внешнему виду, он сразу пустил версию о том, что доктор, будучи пьян, погиб, заблудившись.

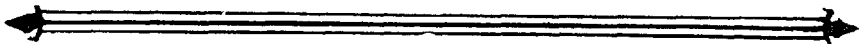
Он задерживал всякие сообщения о гибели доктора, особенно со стороны Фельдман, проявляя исключительную заботу, чтобы не ускользнуло из его рук проводимое им следствие, и держал это следствие в секрете от всех (кроме Вакуленко). Он систематически, последовательно начал сейчас же после гибели Вульфсона травлю Фельдман, вплоть до попытки выселения ее в малообитаемую часть острова, что было бы для нее равносильно

смерти. Того, что он именно намеревался с ней расправиться, Семенчук не скрывал; он говорил об этом Старцеву, что последний подтвердил.

Все эти преступные действия Семенчука — развал зимовки, бессердечное, жестокое, колонизаторское отношение к местному населению, полное пренебрежение к его интересам, доведение его до голода, антисоветское, граничащее с вредительством, поведение как начальника зимовки, как представителя советской власти на важнейшем форпосте советской Арктики, организация с помощью Старцева убийства преданного зимовщика — врача-общественника Вульфсона и, наконец, подлоги актов, рапортов, следственных материалов, издевательства над Фельдман как единственным возможным разоблачителем всех его преступлений — являются тягчайшими преступлениями, за совершение которых Семенчук К. Д., а также Старцев С. П. и были преданы суду по ст. 59³ УК РСФСР.

Дело это рассматривалось в Москве 17—23 мая 1936 г. Верховным судом РСФСР.

Товарищи судьи, в течение почти полных шести дней вы со всей тщательностью, удаляясь в самые мелкие подробности, исследовали дело, которое сейчас, в процессе прений, должно получить свою окончательную оценку. Мы, стороны, должны изложить в окончательно сформулированном виде свои точки зрения по поводу основного вопроса каждого судебного дела, и настоящего дела в частности, вопроса о самом событии, представляющем собою предмет обвинения, и об отношении к этому событию со стороны обвиняемых, привлеченных по настоящему делу к уголовной ответственности.

Было бы неправильно связанную с гибелью доктора Вульфсона тяжелую трагедию, занявшую в процессе судебного следствия достаточно много времени и сосредоточившую на себе общее внимание, рассматривать как центральный вопрос настоящего судебного дела. Было бы неправильно трагедию, которая унесла, вычеркнула из жизни одного из прекрасных представителей нашей работы в полярной Арктике доктора Николая Львовича Вульфсона, делать центром всего этого судебного дела, полагая, что именно в убийстве Вульфсона и сосредоточено основное обвинение, предъявленное по настоящему делу. Это было бы неправильно, это было бы неверно, грубо ошибочно и в политическом отношении с точки зрения задач настоящего процесса.

Это было бы неправильно раньше всего потому, что убийство доктора Вульфсона является лишь одним из звеньев, хотя и кошмарных звеньев, ряда чудовищных преступлений, совершенных Семенчуком, пробравшимся на должность начальника арктической зимовки. Это значило бы заслонить кровавой драмой, разыгравшейся 27 декабря 1934 г. на острове Врангеля, все то действительно громадное политическое содержание и тот громадный политический смысл, который государственное обвинение вкладывает в оценку деятельности Семенчука с первых же дней его появления на врангельской зимовке. Это было бы неправильно еще и потому, что убийство доктора Вульфсона может быть раскрыто и может быть понято, может быть объяснено и правильно оценено лишь в связи и на основе всей деятельности Семенчука в целом, деятельности, проникнутой теми отрицательными качествами, тем своеобразным антигосу-

дарственным и антисоветским его поведением, которое позволяет государственному обвинению, руководствуясь ст. 59^а Уголовного кодекса РСФСР, квалифицировать его преступления как бандитизм.

Вот почему в моем сегодняшнем изложении и соображениях, которые я кладу в основание обвинения Семенчука, будет уделено и не может, конечно, не быть уделено достаточно внимания и места убийству доктора Вульфсона; но этому ужасному и кошмарному преступлению будет уделено, если можно так выразиться, лишь подчиненное место.

Враги наши каждый акт уголовного преступления склонны возводить в степень политического акта. Враги наши склонны приписывать тем или другим лицам, совершающим уголовное преступление, роль чуть ли не политических деятелей. Это особенно часто делается тогда, когда мы имеем дело с преступлением не обычного уголовного порядка, а с преступлением, окрашенным некоторыми своеобразными чертами; когда это преступление совершается на передовых участках нашего социалистического строительства, совершается людьми, примазавшимися, присосавшимися к нашему обществу, а иногда и к органам нашей власти, людьми, о которых в свое время говорил еще Владимир Ильич как о той накипи революции, без которой ни одно глубокое народное движение, к сожалению, не обходится.

Этим отчасти объясняется и то внимание, которое сосредоточивают враги Советского государства на таких отрицательных фактах, которые так понятны и так естественны в жизни громадного, гигантского государства, в жизни государства, ведущего колоссальную, героическую борьбу за новое, социалистическое общество, ведущего борьбу против остатков эксплуататорских классов и против старых предрассудков, против старых привычек, против всей этой старой нравственной слякоти, мешающей нашему движению вперед, против всего того, что мы стараемся преодолеть, разоблачить, отбросить в сторону:

Враги пользуются каждым такого рода моментом для того, чтобы изобразить дело в свете высоких политических событий, извращая действительность и представляя каждое судебное дело как одно из проявлений болезни нашего государственного организма. Именно этим объясняется поведение газеты «Карьяла» — органа финской коалиционной партии, поместившей сообщение о том, что на Земле Франца-Иосифа раскрыт целый заговор среди зимовщиков, возглавляемый комендантом острова Семенчуком, и что доставленные Водопьяновым и Махоткиным агенты ГПУ ликвидировали этот заговор и доставили виновных в Москву, где они и находятся на скамье подсудимых в Верховном суде.

Пять с лишним дней, почти шесть дней судебного разбирательства, конечно, не оставили камня на камне от этой гнуснейшей выдумки, вранья, от этой вражеской брехни...

Настоящее дело характерно двумя особенностями: оно лишено политического характера, того характера, который позволил бы вам квалифицировать его по соответствующим статьям о контрреволюционных преступлениях, но в то же время оно далеко выходит за пределы обычных уголовных преступлений. Оно, если можно так выразиться, представляет собой яркую иллюстрацию того, как бытовые преступления приобретают значение громадной государственной важности, перерастают в государственные преступления.

Особое значение сейчас приобретает борьба развивающегося и строящегося молодого советского социалистического государства против всех тех элементов, которые мешают ему встать на свои прочные ноги, творить свою новую, счастливую, радостную для всех трудящихся жизнь. Это обстоятельство объясняет и некоторые особенности этого процесса.

Эти особенности данного процесса должны быть подчеркнуты с самого начала. Имея в виду именно эти особенности, разрешите мне перейти к тем вопросам, которые в этом деле должны представлять особый и специальный судебный интерес, к тем обстоятельствам, которые объясняют позиции в этом деле и обвинительной власти.

Советским правительством отмечены большие успехи в научном и хозяйственном изучении советского Крайнего Севера. Указывалось, что ныне положены основы хозяйственного освоения нашего Севера, что, опираясь на гигантскую работу северных окраин, сейчас возможно значительное расширение разворачивания мероприятий, обеспечивающих полное освоение Северного морского пути и развитие хозяйства Крайнего Севера Союза ССР.

При этом отмечались первые итоги гигантской и героической работы наших полярников, то гигантское значение, которое принадлежит нашему Крайнему Северу, в том числе и в первую очередь таким пунктам, как остров Врангеля, являющийся форпостом советской культуры, передовым форпостом нашей советской, подлинно человеческой цивилизации.

Это обстоятельство объясняет и то исключительное внимание и заботу, которые проявляются к задачам освоения Крайнего Севера со стороны нашей партии, нашего правительства, раньше всего и больше всего со стороны нашего гениального учителя и вождя народов Советского Союза товарища Сталина. И эти успехи действительно огромны, и нашим полярникам есть чем гордиться. И нашему Северу также есть чем гордиться, и не только по сравнению с тем, что представлял собой Север до Великой пролетарской революции, но даже и по сравнению с тем,

что он представлял собой еще так недавно. Это явилось результатом героической, самоотверженной и неустрашимой работы наших полярников. И когда Отто Юльевич Шмидт 16 января 1936 г. на собрании работников Арктики подводил итоги 1935 года и намечал как начальник Главного управления Северного морского пути новые задачи, стоящие перед нашими советскими полярниками, он с полным основанием имел право говорить о тех громадных успехах, которые сейчас подытоживают трудную работу советских полярников.

1935 год в морском транспорте был годом пробной эксплуатации Северного морского пути, который отныне существует уже как практически действующая транспортная артерия. Чтобы оценить все историческое значение этих итогов, надо только себе представить, что речь идет о Ледовитом океане, который был впервые пересечен советскими моряками, советскими учеными, советскими полярниками с востока на запад и с запада на восток. Надо только вспомнить, что речь идет о совершенно неосвоенной водной стихии, превращенной творчеством Советской страны в нормально действующую практическую транспортную артерию! Речной транспорт и его рост отмечены в 1935 году даже по сравнению с предыдущим годом. Норильское строительство и река Пяси́на свидетельствуют о тех успехах, которых никто не вычеркнет, которых не запятнают никакие преступления никаких Семенчуковых!

О нашей авиации не нужно много говорить. Надо только назвать это слово, чтобы в нашей памяти встали образы наших замечательных полярных летчиков, один из лучших представителей которых находится в составе суда, которому правительство правильно вручило судьбу людей, поднявших свою дерзновенную руку против авторитета и славы Советской Арктики.

Шпицбергенские копи перевыполнили в 1935 году свой производственный план; промыслы прекрасно прошли в отношении морского зверя и, в частности, в горле Белого моря, укрепились северные совхозы, являющиеся теперь прочной базой развития Советской Арктики, позволяющие в дальнейшем это хозяйство развернуть еще шире и еще более мощно.

Вот итоги 1935 года, итоги работы наших полярников, наших строителей Советской Арктики — сотен и тысяч замечательных людей, воспитанных и выращенных нашей партией, нашим Советским государством, людей сталинского стиля работы, сталинской складки, неустрашимых, не сгибающихся и не отступающих ни на один шаг ни в каких условиях.

Этого мы не должны забывать, рассматривая вопросы, составляющие предмет изучения в настоящем судебном деле. Мы не должны забывать именно потому, что на фоне этих прекрасных успехов тем тяжелее становится предательский удар,

нанесенный, хотя и кратковременным, но, к сожалению, все же губительным хозяйничаньем в Полярной стране, на новой земле этим прибывшим с «большой земли» «представителем» советской власти, обвиняемым Семенчуком и его окружением.

В 1924 году на острове Врангеля были устранены национальные флаги других государств, посягавших на эту часть нашей советской государственной территории, и был поднят наш советский флаг, который с тех пор гордо реет над Арктикой, над полярными льдами, как знамя, как символ победы, как символ новой, радостной, счастливой жизни, принесенной с «большой земли» Великой пролетарской революцией, победившим в нашей стране социализмом.

Что представляет собой, в результате именно этой победы, остров Врангеля под сенью нашего красного знамени?

Период Ушакова. «Своей задачей, — говорит т. Ушаков, — я как начальник первой зимовки или одной из первых советских зимовок ставил завоевание авторитета у эскимосов, т. е. у тех людей, с которыми мне нужно было работать, жить и проводить генеральную линию партии и линию нашей советской политики».

«Этот авторитет, — с полным правом здесь мог заявить т. Ушаков, — мною был завоеван». Мы видим, как он завоевывал этот авторитет и как он действительно этот авторитет сумел завоевать. «Нужно было показать, — говорит он, — что большевик — друг эскимоса, — они ведь мало имели дело с большевиками, — друг туземного населения, а не враг, не колонизатор, не купец, с которыми они имели дело раньше. А эскимос с купцами дел имел много, и у него уже создалось соответствующее отношение к белому человеку, а это отношение строилось на отношении колонизаторской пропаганды, колонизаторского характера».

Тов. Ушаков правильно поставил перед собой задачу — разгромить это старое представление о белом человеке, пришедшем с «большой земли», создать новое представление о советском человеке, о большевике, показать все принципиальное различие между большевиком, пришедшим на остров, и старым купцом, промышленником, колонизатором, которые тоже приходили на остров и которые грабили и эксплуатировали жителей этого острова.

Нужно было изменить отношение к белым людям, дать почувствовать эскимосам, что о них заботятся, что их уважают как братьев. Тов. Ушаков в свободное время ведет с эскимосами политические беседы, рассказывает о том, что такое советская власть, объясняет задачи нашей коммунистической партии, задачи нашего великого социалистического строительства, описывает и характеризует нашу великую родину, нашу замечательную страну, родину нового, социалистического общества. Он показы-

вает, как большевики заботятся о развитии отсталых народностей, как растет и расцветает на «большой земле» национальная по форме, социалистическая по содержанию культура.

Но мало говорить, надо делать, и Ушаков делает. Шаг за шагом, в тяжелых, трудных, часто совершенно невероятных условиях. Нужно было организовать охоту эскимосов, нужно было научить их, как ловить песца, нужно было научить их этому искусству и этим самым дать им в руки одно из средств дальнейшего улучшения их материального положения и поднятия культурного уровня.

«Эскимосы, — говорит т. Ушаков, — народ беспечный в известном смысле; эскимос может сидеть дома до того момента, пока у него не исчезнет последний кусок мяса. Поэтому нужно организовать эскимоса чтобы в период иммиграции они могли отдавать все свои силы охоте».

Так работал т. Ушаков, так каждый шаг своей практической, хозяйственной работы он освещал светом великой ленинско-сталинской национальной политики. Этим светом ленинско-сталинской национальной политики он согрел холодное сердце эскимоса, он расплавил и разбил лед, который сковывал отношение эскимосов к белому человеку, он воспитал уважение и любовь к большевикам как к своим старшим братьям, друзьям и помощникам.

Эту линию блестяще, прекрасно продолжал сменивший т. Ушакова т. Минеев, пять лет проработавший на острове Врангеля в качестве начальника зимовки 1929—1934 годов.

И нет ничего удивительного, нет ничего странного в том, что, разбирая это дело уже в 1936 г., мы встречаемся с таким документом, который пришел с этой «малой земли» на «большую землю», как письмо одного из старых охотников острова Врангеля — Таяна. Это письмо здесь было оглашено. На этом письме я считаю необходимым остановиться еще раз. Это письмо дышит такой непосредственностью, простотой, свежестью, таким прямотушием, теплотой и любовью, что мимо этого письма нельзя пройти, разбирая настоящее дело.

«Здравствуй бывший мой начальник (умилик) Минеев. Я получил все посылки с самолета, книжка, журнал и конфеты, фотографии. Учин ряд посылками и получил с парохода л/к Красинах посылки и письмо от т. Казанского все эскимосы рады посылками, фотографиями. Я роздал всем кому написану. Ждем аскрыни. Привет тебе и Анахаку. Мы вас эскимосы помним и не забодем скучаем оп вас», — пишет Таян, добавляя, что он «хотел бы что-нибудь прислать, но не может».

«Мы бы вам что нибудь прислали, — пишет Таян, — но у нас ничего нет. Ну мы знаем, вы проживете как не буд. Ну помни

если по чиму не буд нужно будет денег пиши телеграмму, а мы поможим Вам пошлем денег с Власовой».

Это письмо — живое свидетельство любви и доверия, которое сумели завоевать у эскимосов тт. Ушаков и Минеев — эти настоящие, подлинные большевики. Они сумели внушить им уважение, доверие, любовь, симпатию к себе, а следовательно, и к нашему государству, к нашей партии.

Неудивительно и то, с какой болью в сердце расставался Ушаков, а потом Минеев с эскимосами. Нечего удивляться и тому, что, например, Минеев, как он здесь признался, до сих пор скучает по своим северным друзьям.

Письмо Таяна — достойная и прекрасная награда за правильное проведение нашими товарищами нашей национальной политики, хозяйственной и культурной работы, которую они вели в Арктике. В итоге, — говорит Ушаков, — и это подтверждает и ряд других объективных материалов, остров Врангеля на всем Чукотском полуострове прославился как «земной рай».

За три года пребывания т. Ушакова на острове, благодаря его прекрасной организаторской работе, песцов было собрано 800 штук, медведей убито 225, моржовых клыков собрано 2 тонны и не малое количество было собрано мамонтовых костей. Это громадное богатство свидетельствует о громадном материальном благосостоянии острова. Так же обстояло дело и при Минееве. И когда мы здесь стали задавать вопросы, а не было ли там недоедания, переходящего порой в голод, и не было ли на этой почве болезней, и не было ли на этой почве смертей — то, должен признаться, я почувствовал себя несколько сконфуженным перед картиной, которая открывалась перед нашими глазами и которая характеризовала положение острова Врангеля в период времени с 1926 по 1934 год.

«Туземцы, — говорит т. Минеев, — мясом были вполне обеспечены. Нужно знать, что для туземцев главный продукт питания — это мясо, как для нашего крестьянина главный продукт питания — это хлеб». Нас это удивило, и председатель суда спросил, достаточны ли были нормы питания? Это вновь вызвало удивление. Минеев сказал: «Совершенно достаточны, и вообще никаких норм у нас не было. Я давал туземцам столько, сколько они просили. Если они приезжали и просили два мешка муки, а у нас были мешки по 50 английских фунтов, то я им отпускал; если они приезжали и просили сахару, то я им отпускал, впрочем, до тех пор, пока они из этого сахара не начали варить себе бражку». Эскимосы очень скоро поняли, что сахар не только сладок, но сладок и в горечи своей, и т. Минеев, как большевик, как хозяйственник, как организатор, сейчас же настоятельно: «из сахара вы, друзья мои, варите бражку, отравляете сахарным пивом, — я сахару вам больше не дам». И не дал, и правильно

и хорошо сделал. Выходит, что и Минеев иногда отказывал в выдаче продуктов; но сравнивать отказы Минеева с теми отказами в выдаче продуктов, которые позволял себе Семенчук, абсолютно нельзя.

Туземцы, рассказывал здесь Минеев, очень падки до ярких вещей, а у зимовщиков были никелированные подносы, и эскимосы хотели иметь эти подносы и мельхиоровые ножи и вилки во что бы то ни стало.

На этих ножах, вилках и подносах они могли бы проесть все свое состояние Минеев и это учел. Тов. Минеев старается этих мельхиоровых ложек эскимосам не продавать. Когда эскимосы приезжали к нему в гости, он выкладывал на стол мельхиоровые ножи и ложки, и эскимосы с удовольствием ели этими ложками и ножами, получая весь максимум эстетического удовольствия, но купить их не могли: т Минеев их не продавал, так как не хотел играть на слабых струнах характера эскимосов, не хотел обирать их, получая за мельхиор пушнину в убыток охотникам. Так поступали с эскимосами, грабя наивных людей, эксплуататоры, колонизаторы. Советский полярник так не делает.

Высоко держа знамя советской политики и свято охраняя принцип советской культуры, т Минеев поступал как подлинный большевик, борясь за укрепление эскимосского хозяйства. Он отлично понимал, что та грошовая выгода, которую он мог бы здесь получить, благодаря которой он мог блеснуть рапортом о перевыполненном плане при очень небольших сравнительно экономических затратах, означала бы крах нашей политики в условиях Арктики. И он опять-таки как достаточно дисциплинированный и политически воспитанный работник на это не идет. Он продавал эскимосам сахару сколько угодно до тех пор, пока это не угрожало подрывом самого благосостояния эскимосов. Он готов был продать им вещи, которые не являлись предметом первой необходимости, но лишь в том случае, если эскимосы обеспечены были уже предметами первой необходимости. Всю заботу свою он направил к тому, чтобы обеспечить эскимоса предметами первой необходимости, укрепить его хозяйство в своей основе, поднять это эскимосское хозяйство на дальнейшую высоту расцвета и на основе этого расцвета эскимосского хозяйства уже дальше раздвинуть круг его потребностей, всемерно и всячески эти потребности удовлетворяя. И так должен делать всякий, кто идет на Крайний Север полпредом нашего великого государства.

«У нас осталось, — говорит т Минеев, — после пяти лет хозяйничания, когда люди ни в чем не нуждались, такое количество муки, риса, сливочного масла, что могло бы хватить на много лет вперед. Из предметов ширпотреба, — говорит он, —

осталось много мехов». Минеев и оставил мехов несколько тысяч шкур, тысячу пыжиков, пять тысяч лап для сапог, даже была россомáха, готовые кухлянки, т. е. полный ширпотребовский ассортимент, которым могли бы похвастаться лучшие, а не только полярные «Мосторги».

На вопрос — много ли при вашем отъезде оставалось продуктов? — Минеев ответил: «Невероятно много. Я даже уговаривал Семенчука отправить половину муки, потому что она была бы обузой». И уточняя, что это за «невероятно много», Минеев сказал: «У Семенчука было муки лет на десять».

Я просил Семенчука дать свои объяснения по поводу показаний т. Минеева и т. Ушакова. После того как мы заслушали показания Ушакова и Минеева, я поставил перед Семенчуком вопрос: «Обвиняемый Семенчук, что вы можете сказать по поводу этих показаний?».

И что же? Нехотя и вяло, как всегда во время процесса, поднявшись, Семенчук пробормотал: «Ничего». И действительно, нечего ему сказать, и ничего он не может сказать в свое оправдание.

Что мы можем констатировать? В результате правильно организованной работы девяти советских лет на зимовке острова Врангеля остров Врангеля действительно превратился в цветущий земной рай, поднялся на громадную высоту своего материального благополучия, и вместе с тем поднялось на громадную, недостижимую до нашего прихода на этот остров высоту и материально-культурное положение эскимосского населения. Семенчук получил, таким образом, большое и прекрасно устроенное хозяйство, большое и прекрасное наследство.

А что же он с этим наследством сделал? Он превратил это хозяйство в дым и прах, в прямом смысле слова!

Спросили Минеева, что собою представляла зимовка, на которой хозяйничал Семенчук. Он сказал: «Зимовка, на которой хозяйничал Семенчук, была какая-то дикая, странная, и я думаю, что нормальные люди не могут жить в таких условиях; люди по доброй воле, с нашей точки зрения, не могли бы достигнуть таких результатов. Мы жили пять лет, у нас люди, извините за выражение, — говорит Минеев, — не дошли. Там прожили несколько месяцев, и люди начали умирать пачками. Ничем другим, — говорит Минеев, — кроме как вредительством, я этого объяснить не могу».

«В 1921 году канадцы начали хищнически эксплуатировать остров, они завезли туда группу людей, которые все погибли, за исключением одной эскимоски. Мы, советские люди, при освоении острова стремились к тому, чтобы не прибавлялось крестов, а Семенчук эти кресты умножил». Вот как охарактеризовал т. Минеев итоги «работы» Семенчука на острове Врангеля.

Если сравнить некоторые данные хозяйственного порядка, то и в этом отношении будет виден тот развал, до которого довел свою зимовку Семенчук.

При Минееве готовилось 280—380 песцов в год, при Семенчуке было заготовлено 50 песцов; при Минееве было заготовлено немалое количество моржовых клыков, при Семенчуке — ничего; при Минееве заготовлено было немалое количество моржового мяса, при Семенчуке — ничего. 50 песцов и 25 медведей за 8 месяцев, вот итог так называемой «работы» Семенчука!

Может быть, Минеев не объективен; может быть, Минеев говорит, несколько поддаваясь человеческой слабости, стараясь чужое умалить, а свое возвеличить? Но нет оснований так думать, ибо все это подтверждается материалами, имеющимися и в книге Зинаиды Рихтер «Во льдах Арктики» и в материалах настоящего дела. Это целиком подтверждается и т. Ушаковым.

Минеев в одной только бухте Роджерс оставил около 25 моржовых туш. Семенчуку нужно было только хранить это мясо, чтобы, имея его запас, улучшать и дальше благосостояние острова: но он не только не пополнил эти запасы, он не сумел даже сберечь оставленного ему мяса, и большая часть этого мяса была смыта, а частично съедена собаками. Тов. Ушаков говорит, что все запасенное мясо, оставленное Семенчуку Минеевым, пропало. Конечно, это — вредительство, конечно, это — развал!...

Я спросил т. Ушакова, какое количество песцов заготовил Семенчук, и он ответил: «Точно не знаю, но все это были единичные экземпляры, потому что основная часть эскимосов-охотников погибла от голода, а остальные охотники бдели».

Семенчук пытался в своем полуторачасовом объяснении все это поколебать и опровергнуть. Он заявил, что на 98% свидетели говорят неправду, и только лишь на 2% свидетели говорят правду.

98% свидетельских показаний — ложь... Неубедительный аргумент!

Семенчук пытался опорочить характеристику его управления островом Врангеля, его хозяйничания, которую мы получили здесь от свидетелей. Но позвольте сослаться на письмо Таяна. Вот человеческий документ, который пришел к нам в суд с острова Врангеля, будучи составлен еще 21 августа 1935 г., т. е. в то время, когда и речи не было о том, что мы будем сегодня, 22 мая 1936 г., судить Семенчука. Это письмо так ярко и глубоко проникнуто большим человеческим горем этих маленьких северных людей, истерзанных Семенчуком! Вот что пишет т. Таян:

«Болея очиня сельно хорошо, что доктора были хороший» — это он говорит про тех самых докторов, которых травил Семенчук, а потом одного из которых — доктора Вульфсона — убил руками одного из своих «адъютантов», Старцева.

«Если бы не было докторов я бы умер, а мой сын Володка умер, жалием его, он уже начал говорить по-русски здоровался докторами когда я лежал Инкали сама пешком ходила за дровами на кошку на себя тащила нарту потому что говорить Семенчук дров не давал. Насчет других охотников чем оне болели я не знаю почему мало поймали песцов оне говорят потому, что работы много было и проболели все охотники заболели также умерло охотников умерли Тагеу Етуй Новок Таграй (новый приезжий) Синоми (жена Старцева) Кивуткак (жена Анакак) эти охотники умерли после гибели доктора он сам замерз оне уехали в Лоссом с Степкой Бурга их застала по дороге друг другу подерали и он погоб так я слышал от Степки еще оден русски Биолок. Сам застрелился то я не знаю почему он застрелился по тому что я только на чал ходит немного Я пролежат 4 -мц даже был без памяти говорит простудился на севери, была большой город семя Пиакуля ели собак и кожи лахтачи у меня собаки подошли и воче мало осталось по тому что мало было корма, у меня мясо не убрали с косы та собаки обглатали мясо. Насчет продуктов нам выдавали по одной банке на м-ц мясных на человека охотникам сахару спирва по 2 кгр а потом по 1 кгр, рису 0,25 на человека. Компот тоже и крупы охотникам выдавали спирва в кредит и 6 м-ца потум только под пушнину».

Вот как хозяйничал Семенчук. Охотнику — одна банка консервов на месяц, а семья, а жена, а дети, а старики?

Хорошо, что сравнительно скоро на смену Семенчука прилетел Жердев, — прибавили продуктов.

И бедный Таян пишет: «Он охотникам дал поддержку и он помуг охотникам дажи мы хотели его оставит» (начальником зимовки).

Они хотели оставить Жердева своим начальником; они считают, что начальник зимовки — это их представитель и им должно принадлежать здесь слово в решении этого вопроса. С сожалением г. Таян вспоминает, что Жердев отказался остаться, потому что был болен, хотел лечиться. Таян кончает письмо новым упреком Семенчуку: «И на счет моржевы охоты; она с Роджрсе совсим было плохо пому что, не зная, нам начальник Семенчук руководствовал даже носовому стрелку не лъзя было махат рукой, сказывает направление».

Какая же может быть охота, когда пришел человек, не знающий охоты, и мешаает «носовым махать». А моржи славу Се-

менчуку поют: вот приехал с «большой земли» настоящий морж, всем моржам морж, за ним, как за крепкой каменной стеной. Охота сорвана, носовой не машет, охотник не стреляет, моржи по берегу гоголем ходят.

Семенчук доволен. Все, говорит, в порядке. Но люди начинают голодать; его это мало трогает. Люди начинают умирать, — его это тоже не смущает. Ему говорят товарищи зимовщики: «Обрати внимание, помоги». Он говорит: «Они лодыри, чего им помогать». — «У них, — говорят, — мяса не осталось свежего». Он говорит: «Да им свежего и не нужно, пусть тухлое едят». Вот «политика» Семенчука.

Я понимаю возмущение свидетелей, которые прошли перед судом, говоривших по этому поводу, что это вредительство, антисоветское дело, настоящая контрреволюция.

Тов. Ушаков говорил:

«Я мог бы расценивать деятельность Семенчука как вредительство и желание скомпрометировать национальную советскую политику и всю работу на острове Врангеля». Он говорил: «По-моему, он эту свою задачу — скомпрометировать советскую власть, Советское государство, Советскую страну, советский народ — народ «большой земли» — он эту задачу частично выполнил, и если бы не приехал Жердев, который за короткий период времени сумел выправить положение, сумел восстановить нормальное положение, если бы еще некоторое время Семенчук был на острове Врангеля, к тем смертям, которые были, прибавились бы еще новые. Все население и вся работа на острове Семенчуком были бы разгромлены».

Семенчук это отрицает. Но что он противопоставляет этим убийственным фактам, кроме голого отрицания? Что он может противопоставить этим, в высшей степени обоснованным, достоверным, полным жизненной правды фактам, кроме голого «нет»? Только ложь. Ничего кроме лжи, ибо нет у него ничего, что бы можно было противопоставить выдвинутому против него тяжчайшему обвинению. И если я в качестве одного из важнейших и тягчайших обвинений против Семенчука дам такую характеристику результатов его управления: разгром, разложение, развал советской зимовки, созданной в невероятно трудных условиях упорным героическим трудом лучшими представителями нашей страны под руководством нашей партии, — то это будет правильно и непоколебимо сформулированное обвинение.

Я предъявляю Семенчуку тяжчайшее обвинение от имени Советского государства, советской власти в том, что он довел до гибели охотников, и если я скажу, что за эти, по тогдашним и тамошним условиям, многочисленные человеческие смерти вся ответственность лежит на Семенчуке, я не допущу никакого преувеличения!..

Вот, товарищи судьи, основное обвинение, которое не сумеет поколебать никто, никто не сумеет и не сможет и даже не осмелится и попытаться здесь колебать.

Лучшим доказательством этого является приказ Главного управления Северного морского пути от 2 ноября 1935 г. Это официальный документ. Это не показания свидетелей. Это даже не заключение экспертов, это не описание путешествия. Это официальный приказ, который не может быть поколеблен никакими разговорами и оговорками.

«1. Отметить, что во время зимовки 1934/35 года:

а) На важнейшей полярной станции «Остров Врангеля» во время зимовки 1934/35 года основные научные и промысловые работы были сорваны.

б) Местное туземное население в количестве 63 человек было предоставлено самому себе, не велось с ними никакой работы и не было даже элементарной заботы, особенно в части питания, результатом чего явились массовые заболевания населения и даже смертельные случаи как следствие недоедания (при наличии на станции продуктов на 3 года).

в) На станции царили беспорядок, порча ценнейших продуктов, недисциплинированность, антисемитизм, разложение и большая склока среди работников станции. В свете такого состояния зимовки загадочными явились гибель врача т. Вульфсона, самоубийство биолога т. Вакуленко и смерть каюра эскимоса т. Тагью.

2. Все это явилось прямым результатом преступной беспечности, административного произвола и бездушного отношения к людям со стороны начальника станции Семенчука, который довел зимовку до полного хозяйственного и политического развала.

3. Даже после снятия Семенчука с работы и вызова его на станцию «Мыс Шмидта», он «не понял» происшедших событий на Врангеле, не подчинялся распоряжкам на станции «Мыс Шмидта», отказался работать и вел по существу паразитический образ жизни».

Но это не все. Этот приказ констатирует наличие на станции беспорядков, порчи ценнейших продуктов, недисциплинированность, антисемитизм. Мы проверяли в течение судебного следствия, что собой представляет Семенчук и его друг — приятель-наперсник Вакуленко. Общее мнение — отъявленный антисемит. Это говорили все свидетели, начиная от Клечкина, Каймука и кончая Смирновым и даже Карбовским, о котором речь будет специально дальше, хотя и небольшая, но вразумительная, надеюсь, речь.

«...И в свете такого состояния зимовки загадочной явилась гибель врача Вульфсона, самоубийство биолога Вакуленко и смерть каюра эскимоса т. Тагью».

Загадочно. Но мы постараемся сегодня, в конце концов, эту загадку разгадать.

«..Все это явилось прямым результатом преступной беспечности, административного произвола и бездушного отношения к людям со стороны начальника станции Семенчука, который довел зимовку до полного хозяйственного и политического развала».

Может быть, Отто Юльевич очень строг? Может быть, герой челюскинской эпопеи предъявляет к своим работникам требования сверх сил человеческих? Нет, это не так. Тов. Шмидт остается на почве строго установленных фактов, проявляя в высшей степени объективное отношение к делу и не беря на себя здесь решения задач, которые должны быть или могут быть решены лишь в результате всестороннего проведения предварительного следствия и проверки материалов этого предварительного следствия на следствии судебном.

Перейдем же к этой проверке. Проверим их. Посмотрим на факты, которые позволили т. Шмидту издать свой приказ за № 628.

Впервые стало известно о безобразиях, творящихся на острове Врангеля, в результате приезда или, вернее, прилета на остров Врангеля инспектора Главного управления Северного морского пути т. Жердева. Тов. Жердев целым рядом фактов подробно освещает и характеризует деятельность Семенчука, показывая нам эту деятельность с разных сторон, повертывая Семенчука, начальника зимовки на острове Врангеля в период 1934/35 года, всеми сторонами его лица. Но раньше всего т. Жердев должен был поставить перед собой вопрос о взаимоотношениях Семенчука с местным населением. После всестороннего ознакомления с положением вещей, как говорит т. Жердев, «окончательно убедившись», он пришел к заключению о том, что «Семенчук раньше всего по совершенно непонятым соображениям вводил в заблуждение Главное управление Северного морского пути. Например, Семенчук посылал телеграммы, что эскимосы болеют какими-то эпидемическими болезнями, вроде тифа, что в условиях Арктики исключается и чего в действительности не было». Мы из сообщения доктора Крашенинникова видели, что люди заболели и умирали в действительности из-за недоедания. Вот это первый документ, который проливает свет на действительное положение на острове Врангеля в период командования островом Семенчука.

Вместо того, чтобы использовать небольшое количество дней, когда можно вести охоту на морского зверя — нерпу, моржа, тюленя, Семенчук собирал всех охотников и заставлял их таскать ящики, совершенно спокойно относясь к тому, что для охоты бесполезно уходит время. Теперь в свете письма т. Таяна,

которое я огласил, это становится совершенно бесспорным, это становится абсолютно доказанным. Были охотники, которые советовали ему поступить иначе,— он таких охотников не слушался и, в результате, все население, 63 человека, осталось без корма, осталось без продовольствия, а между тем склад был полон продовольствием. Если бы Семенчук захотел и не проявлял безжалостного, бездушного совершенно жестокосердного, бесчеловечного отношения к окружающим, он, по крайней мере, видя свои неудачи, мог бы помочь населению из собственных складов: там было продовольствия на три года, а Минаев говорит — муки на десять лет, и это подтверждают все свидетели. Но Семенчук этого не сделал. Почему?

На это один ответ — потому, что это был человек, которому абсолютно чужды были интересы и эскимосов и советского строительства; абсолютно были чужды, ибо он сам чужд Советской стране, интересам организации социалистического советского хозяйства, интересам социализма.

Я не думаю, чтобы Семенчук имел какую-то политическую программу, по которой он действовал в таком направлении. Нет. Он действовал так потому, что он — Семенчук. Он действовал так потому, что не понимал и не понимает до конца, что такое ленинско-сталинская национальная политика. Но могут сказать: но разве за то, что люди не понимают, можно привлекать к уголовной ответственности? Если он не понимал, то разве за это можно его судить, да еще по такой строгой статье, как 59³, которая грозит самым грозным наказанием, имеющимся в системе наших уголовных наказаний? Конечно, нельзя. Если бы он так действовал только потому, что он не понимал,— так действовать по отношению к Семенчуку было бы нельзя. Но не понимать этого мог только сумасшедший человек, как это говорил т. Ушаков; а Семенчук, хотя он и пытался симулировать психическую болезнь, изображая в Бутырской тюрьме марсианина, является совершенно нормальным и абсолютно вменяемым; а раз он человек совершенно нормальный, значит, он должен был это понимать, значит, он должен был видеть, к чему это ведет. Значит, дело далеко выходит за пределы простого «непонимания».

Семенчуку были чужды, как чужды могут быть только врагу, интересы и задачи социалистического строительства острова. Семенчук так рассуждал: «Пусть все идет прахом, пусть вымрут эти самые эскимосы, которым от природы суждено есть тухлое мясо». Такова идеологическая установка Семенчука. И он действовал в соответствии с этой установкой, беря твердый курс на бессердечное отношение к людям, результатом чего явились голод, болезни и смерть. Ему говорили, ему указывали, ему советовали, против него пытались бороться, не так бороться, как

«боролся» Карбовский, который как крайнюю меру борьбы применял роспуск производственных совещаний, а пытались бороться по-настоящему, как это делала Фельдман, как это делал Вульфсон, эти непартийные большевики, оказавшиеся в этот раз на зимовке Врангеля настоящими большевиками, чего, к сожалению, нельзя сказать о тех большевиках, у которых были в карманах партийные и комсомольские билеты.

Мы спросили т. Жердева: «Можно ли было избежать на острове Врангеля человеческих жертв?» Жердев ответил: «Можно. Продовольственные склады были заполнены запасами пищи не меньше, чем на три года. Можно было авансировать эскимосов из запасов станции, и эскимосы это с лихвой вернули бы в течение года».

«На мой вопрос Семенчуку,— рассказывал здесь т. Жердев,— почему ты не снабдил эскимосов?— он отвечал: «Существует какая-то инструкция, какой-то закон»,— которого, однако, никто не видел и он сам не видел, потому что такого закона не существует. Он говорил: «Надо беречь государственное добро». А люди — это не государственное добро? По представлению Семенчука, люди, создающие добро,— это не добро, их беречь не нужно.

Ведь дело дошло до того, что эскимосская семья Аналько на севере острова, на косе Луч, если не ошибаюсь, питалась околешней собакой и моржовой шкурой, снятой со старой байдары. Хотя Семенчук и это обстоятельство пытался, как вы помните, отрицать, но оно подтверждается и показаниями Старцева. (Вот он кивает и сейчас головой утвердительно.) Это подтверждается показаниями и целого ряда свидетелей. Вот почему радист Богданов говорит и справедливо говорит: «Семенчук вел антисоветскую политику в отношении туземцев, жестоко с ними обращался, срывал заготовку морского зверя, не выдавал продуктов, обрек туземцев на голод. Дошло до того, что туземцы питались оболочкой байдары».

Вот профорг Золотовский, механик, прямо показывает, что поведение Семенчука было преступно, что он вел антисоветскую политику по отношению к туземцам, и перечисляет ряд фактов, подтверждающих это. То же говорит и Смирнов — гидролог, и Каймук, и, наконец, т. Долгий — начальник полярной станции на мысе Шмидта, который приехал на остров Врангеля по специальному заданию провести расследование творившихся там безобразий.

Показаниям Долгого я придаю особенное значение, потому что Долгий был в хороших отношениях, или как он говорил сам, «в самых хороших отношениях с Семенчуком». Это, правда, не к чести т. Долгого, но к чести то, что он это добросовестно здесь признал, к чести то, что он не стал это отрицать,

а, наоборот, признав это и отбросив затем эту условность, дал развернутые показания, которыми он ярко характеризовал преступную деятельность Семенчука в период зимовки 1934/35 года.

Тов. Долгий говорит о жутких безобразиях, которые творил Семенчук, что он вел себя, как «сатрап», издевался над людьми. Мы знаем, что у Семенчука процветало и рукоприкладство, и не только с его стороны, но и со стороны его жены Надежды, которая один раз крепко прошлась по физиономии Зарубы, что, конечно, осталось совершенно без всяких последствий со стороны Семенчука. Она сама не отрицала здесь факта происшествия, смягчая его вопреки действительности и говоря, что она «нетактично дотронулась» до плеча или до щеки, или до скулы Зарубы.

Вот положение вещей, которое было создано на острове Врангеля Семенчуком: «Жестокое, нечеловеческое отношение к туземцам, которых он обрекал на голод, смерть», — говорит свидетель Долгий.

Куцевалов, молодой гидролог, который на меня произвел — не знаю, как на вас, товарищи судьи, — впечатление наиболее свежего человека из всех зимовщиков 1935 года, этих (я исключая из этого числа т. Фельдман) протухших людей, — пусть они на меня не обижаются, — этого бессильного, гнилого коллектива, который не носит в себе ничего коллективного. Это был не коллектив, а какое-то механическое соединение фигур, называемых людьми. Куцевалов, мне кажется, является лучшим из них. Он говорит: «Семенчук сорвал заготовки морского зверя, не давал разрешения производить охоту». Это, заметим кстати, опять-таки целиком подтверждается письмом Таяна. Когда Семенчука спрашивали, чем же будут питаться туземцы, — Семенчук, по показаниям Куцевалова, отвечал: «Не ваше дело, у меня имеются свои соображения». Куцевалов правильно добавляет: «Какие были у него соображения, я так и не знаю, но туземцы остались без мяса». В самом деле, «соображениями» Семенчука нельзя же быть сытым.

Вы видели здесь молодого Клечкина, который говорит то же самое. Был такой характерный случай. Клечкин приехал к Кмо и увидел всю его семью в чрезвычайно тяжелом состоянии. У них не было пищи. Клечкин отдал им все свои продукты и вернулся обратно. «Когда, — показывает Клечкин, — я рассказал об этом Семенчуку и просил его послать Кмо продукты для больных, то Семенчук отказал и заявил: «Они лодыри, продуктов не дам». В результате продукты так и не были посланы, и спустя несколько дней Етуи и Таграк умерли, умерли голодной смертью. Это — не старуха, которой все равно пришло время умирать и которую поэтому Семенчук не считал себя обязанным

снабжать продовольствием. Это — охотники, и лучшие охотники умирали от голода!..

В течение полутора часов говорил Семенчу и ничего не мог сказать, не мог выдвинуть ни одного факта, не мог привести ни одного аргумента в защиту своей позиции, в опровержение всех этих фактов. Он бессилён их опровергнуть, потому что фактов у него нет, потому что то, что здесь говорилось, это есть подлинная, настоящая правда.

Можно, пожалуй, так поставить вопрос: но где же люди не умирают? Везде умирают, везде есть больные. Но я прошу учесть то обстоятельство, что на острове Врангеля в период 1934/35 года подавляющее большинство смертей зарегистрировано от голода. Подавляющее большинство смертей на острове Врангеля явилось прямым последствием голода, организованного Семенчуком.

И второе — вот что: этот голод и недоедание явились не результатом какого-нибудь стихийного бедствия, а явились результатом сознательно, планомерно осуществлявшейся преступной, бандитской деятельности Семенчука, направленной к тому, чтобы, пренебрегая интересами людей и пренебрегая интересами Советского государства, расшатать, поколебать весь советский правопорядок, который существовал на острове Врангеля.

Позвольте кратко объяснить обстоятельства, требующие квалификации преступлений Семенчука по ст. 59³ как бандитизма. Бандитизм есть не просто и не только, как это принято представлять себе, разновидность имущественных преступлений, преступных действий грабительского, разбойного характера. Бандитизм — это не есть только разновидность разбоя или грабежа. Бандитизм — это прежде всего — и я данный случай считаю классическим примером бандитизма в собственном смысле этого понятия — преступление, своим острием направленное против государственного управления или направленное именно на то, чтобы подорвать самые основы советского строительства, советского правопорядка. Для лучшего понимания конструкции настоящего обвинения по ст. 59³ УК я обращаюсь к анализу преступлений, кодифицированных в главе об особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления и, в частности, к ст. 59¹ УК, вводящей нас в круг понятий об особо опасных против порядка управления преступлениях.

«Особо опасными для Союза ССР преступлениями против порядка управления признаются те, совершенные без контрреволюционных целей, преступления против порядка управления, которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик».

Я постараюсь доказать, что деятельность Семенчука была построена именно так, что она колебала основы хозяйственного

строительства и правового строя Советской страны, ибо остров Врангеля — это часть нашей страны, это наша страна.

Правда, в деятельности Семенчука имеются элементы вредительства, о котором здесь говорили свидетели и которое можно было бы квалифицировать по ст. 58⁷, есть и элементы, позволяющие говорить о ст. 58⁸ УК, элементы, которые, однако, покрываются и перекрываются общим понятием бандитизма, бандитской деятельности, направленной к тому, чтобы подорвать основы советского правопорядка, подорвать самые основы экономического, культурного и политического строительства Союза ССР.

Обычное представление о содержании ст. 59³, как и о самом бандитизме, сводится к тому, что предусмотренное этой статьей преступление рассматривается как один из видов имущественных преступлений. По общераспространенному представлению, бандитизм есть лишь разновидность разбоя. Вот почему способна вызвать возражение квалификация в качестве бандитизма таких преступлений, которые не носят характера преступления имущественного и ни в какой мере не напоминают разбоя или грабежа. Между тем сведение бандитизма к простой разновидности имущественных преступлений, к своеобразному виду разбоя является совершенно неправильным и совершенно не вытекающим из действительной природы этого преступления. Бандитизм — это преступление особого характера, преступление *sui generis*. Не случайно это преступление отнесено к особо опасным преступлениям против порядка управления.

Бандитизм является преступлением опасным раньше всего именно для государства, так как он колеблет основы государственного управления, приводит к нарушению правильной деятельности органов управления, извращает эту деятельность, приводит в конечном итоге к колебанию государственного правопорядка и защищающих и охраняющих этот правопорядок законов, вызывает ослабление силы и авторитета власти.

Уже тот факт, что бандитизм включен во второй раздел государственных преступлений, подчеркивает его основную особенность, далеко выходящую за пределы преступления, нарушающего лишь интересы частных лиц.

Точный текст ст. 59³ говорит о бандитизме как об организации вооруженных банд и об участии в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан. Но этот точный текст ст. 59³ не может исключить необходимость и правомерность квалификации в качестве бандитизма и таких преступлений, которые совершаются людьми, пробравшимися к той или другой должности, занимавшими то или другое официальное положение в системе органов управления и использовавшими это свое положение в преступных целях пу-

тем издевательства, населения всякого рода обид и неправильностей, преследования, травли и даже прямого убийства своих жертв.

Но именно так обстояло дело на острове Врангеля при Семенчуке, который вместе со Старцевым и Вакуленко, имевшими в своем распоряжении, хотя и на легальном основании, оружие, образовали фактическую группу вооруженных людей («вооруженную банду»), позволявших себе бесчинства по отношению к населению, установивших преступно-бесчеловечный режим на зимовке и в отношении всего населения, приведших к подрыву хозяйственного благополучия и материального благосостояния населения острова, приведших к болезням, голоду и голодным смертям и завершивших свою «деятельность» предательским убийством доктора Вульфсона. Весь характер деятельности Семенчука и его соучастников, вся совокупность творимых ими безобразий и преступлений полностью вкладываются в понятие бандинизма и дают все основания для квалификации этого преступления по ст. 59³ УК РСФСР.

В документах, приобщенных к делу, есть телеграмма, мимо которой я не могу пройти именно потому, что это телеграмма с острова Врангеля. Эта телеграмма от туземцев, имена которых стали для нас не только знакомыми, но и родными,— это Таян, Кмо, Инкали и другие, и наших зимовщиков — Петрова, Казанцева и других. Этой телеграммой они откликаются на наш процесс, на судебный процесс, где фигурируют Старцев и Семенчук.

Я просил бы разрешить мне привести из этой телеграммы несколько выдержек.

«Зимовщики и туземцы,— читаем мы в этой телеграмме,— целиком присоединяются к письму начальников полярных станций по поводу судебного процесса над Семенчуком и Старцевым. На острове еще не изгладилось воспоминание о времени преступлений Семенчука, которые лежат тяжелым и темным пятном на светлом десятилетии советского освоения острова». Не изгладилось до сих пор. Не изгладилось до сих пор на острове жуткое воспоминание о Семенчуке, о семенчуковщине, как они пишут.

Осиротевшие семьи лучших охотников-эскимосов, погибших в результате бесчеловечного отношения к ним Семенчука, лишившего их самого необходимого, лишившего помощи в суровых условиях Арктики, требуют сурового приговора над этим человеком.

Он втоптал в грязь почетнейшее в мире имя советского человека. Весь наличный состав охотников-эскимосов, десятый год живущих под руководством лучших советских людей, «с чувством негодования вспоминает Семенчука, ставшего в их памяти проклятием того времени, рабского времени, когда их народ

был предметом угнетения, бесправия и издевательства. Нет возврата к прошлому, — пишут они. — Нет и не должно быть места в Советской стране человеку, который пытался оживить прошлое».

Это пишут Таян, Кмо. Это пишут далекие северные охотники, по радио откликнувшиеся на наш процесс. Они этой своей телеграммой прислали свой отклик, приняли активное участие в нашем процессе. Это — живые свидетели.

Этот документ — живой человеческий документ. Я прошу вас, товарищи судьи, оценивая все обстоятельства дела, собранные по этому делу доказательства и улики, не забыть и об этой радиотелеграмме. Это тоже живой свидетель, имеющий полное право сказать свое слово о злодействах Семенчука, проявленных им в бытность начальником полярной станции на острове Врангеля.

У Семенчука был свой — волчий, семенчуковский закон. Вы помните, как здесь Семенчук сказал, что в условиях Арктики приходится говорить одно, а делать другое. Он, таким образом, принципиально стоит на такой позиции, что в основе отношений между людьми в условиях Арктики должны быть ложь и обман, должны быть лицемерие, предательство, двурушничество. Этот волчий закон объявил Семенчук святым законом Арктики и действовал и пытался управлять зимовкой в соответствии с этим законом. Семенчук просчитался. Его «закон» — не закон Советской Арктики. Настоящий закон Советской Арктики говорит иначе и требует от людей иного, чем думает Семенчук. Это тот закон, который сформулировали охотники и зимовщики острова Врангеля в только что мною оглашенной, полученной из Арктики телеграмме. Этот закон говорит о чувстве высокого товарищества друг к другу в этой суровой, полной опасности обстановке. Именно это чувство высокого товарищеского отношения друг к другу и есть основной закон Советской Арктики. Но этот закон — не закон Семенчука. Минеев сказал, что на Севере к людям вообще относятся бережно. И что еще одним законом, законом Севера и Арктики, является обязанность дорожить человеческой жизнью больше, чем своей собственной.

Семенчук попрал и этот закон. Он не дорожил человеческой жизнью, а если когда-нибудь какой-нибудь жизнью дорожил, так это только своей собственной.

Теперь анализ деятельности Семенчука как начальника зимовки может быть выражен немногими словами — развал зимовки, издевательства, колонизаторское отношение к эскимосам, антисоветская деятельность, деятельность человека, не защищавшего интересы Советского государства, а, наоборот, направлявшего свои усилия против этих интересов. Он действовал не как организатор, а как дезорганизатор, не как советский человек, а как враг советской земли. Вся деятельность Семенчука, и это

подтверждают все материалы¹ и предварительного и судебного следствия, была направлена на подрыв авторитета советской власти, вселяя в душу людей чувства обиды и тяжелых и незаслуженных оскорблений, представляя собой удар по основным принципам нашей национальной политики, по ленинско-сталинской национальной политике в целом. Семенчук в качестве начальника зимовки действовал грубо-преступно, нарушая все принципы ленинско-сталинской национальной политики, позволяя себе чудовишные извращения указаний нашей партии и вождя народов Союза ССР товарища Сталина.

На совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства 4 декабря 1935 г. товарищ Сталин говорил, что «есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок — это дружба народов нашей страны»... «А дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, — говорил товарищ Сталин, — народы нашей страны будут свободны и непобедимы»¹.

Семенчук осмелился игнорировать один из основных социалистических принципов, принцип дружбы народов, о котором наш вождь и учитель товарищ Сталин говорил в указанной выше речи

На совещании передовых колхозников и колхозниц Узбекистана, Казахстана и Кара-Калпакии по вопросу, проливающему полный свет на принципы нашей национальной политики в наших нынешних новых условиях социалистического строительства, выступил товарищ Молотов. И я считаю необходимым сегодня напомнить об этом, ибо слова товарища Молотова определяют наше отношение к тем извращениям, к преступным, бандитским извращениям советской национальной политики, которые допустил и продолжал систематически допускать Семенчук. «Чем особенно велика, — говорил товарищ Молотов, — сила Советского Союза? Тем, что трудящиеся нашей страны, принадлежащие к разным национальностям, по-братски помогают друг другу. В свое время рабочие промышленных районов центра России первыми сбросили власть помещиков и капиталистов, а затем помогли крестьянам и дехканам построить колхозы. Теперь растет мощь наших колхозов, и колхозники самых различных районов Советского Союза являются в Москву с сообщением о своих больших успехах и об улучшении жизни в колхозах. На вашем примере мы видим также, как передовые колхозники с радостью отдают свои силы борьбе за лучшую жизнь

¹ И Сталин. Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнеров СССР с членами ЦК ВКП(б) и правительства. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства, Госполитиздат, 1939, стр. 13—14.

не только для себя, но и за лучшую жизнь для трудящихся всех национальностей, всех народов Советского Союза.

Дружба народов Советского Союза — наша великая сила в борьбе за лучшую жизнь для трудящихся нашей страны. Но мы строим новую жизнь на территории, которая составляет не только значительную часть Европы, но и немалую часть Азии. А надо вспомнить, что четыре пятых населения земного шара — 1600 млн. из 2 млрд. с лишним — составляют жители Европы и Азии. Если, с одной стороны, к тому, что происходит в Советском Союзе, внимательно присматриваются рабочие и крестьяне Европы, а с другой — трудящиеся Азии, как и трудящиеся других частей света, то каждый наш действительный успех в улучшении жизни трудящихся и в росте национальных культур в Советском Союзе является не только вопросом борьбы народов нашего Союза, но и живым, заразительным примером для народов всего мира.

Мы можем только радоваться тому, что такие слова, как «совет» и «колхоз», стали уже понятными трудящимся во всех частях земного шара. Чем успешнее мы будем двигаться вперед в строительстве новой, лучшей для трудящихся жизни и чем больше трудящихся других стран будут знать¹ о том, что мы достигаем этого путем уничтожения классов помещиков и капиталистов, на основе уничтожения господства одного народа над другим, на основе укрепления дружбы между рабочими и крестьянами всех национальностей, тем заразительнее наш пример будет для трудящихся других стран. Мы добились этого благодаря тому, что слова «большевик» и «большевизм» сделались понятными трудящимся во всех уголках земного шара, как знамя освобождения трудящихся, как основа нашей победы¹.

Так говорил товарищ Молотов, так учит нас товарищ Сталин.

— А как действовал Семенчук? Семенчук сделал все, что от него зависело, сделал все, что только мог, чтобы эту национальную политику взорвать, чтобы слова «большевик», «большевизм», «советы» превратились из родных и близких каждому трудящемуся понятий в чуждые, а может быть, и враждебные понятия. Это, правда, Семенчуку не удалось. Несмотря на всю слабость коллектива зимовщиков 1934/35 года карта Семенчука оказалась битой, преступления Семенчука оказались разоблаченными, честь и достоинство Советской страны защищены. Ваш приговор в этой части должен будет закрепить эти наши усилия по охране достоинства и чести нашей советской земли.

Я сказал уже, что карта Семенчука оказалась битой, преступления оказались разоблаченными. Почетная роль в деле разобла-

---

¹ В. М. Молотов, Статьи и речи 1935 — 1936, Партиздат, 1937, стр. 207 — 208.

чения преступлений Семенчука выпала на долю трагически погибшего 27 декабря 1934 г. врача-общественника Николая Львовича Вульфсона. Разбору этого обстоятельства я уделю место несколько дальше; сейчас я только подчеркну, что результатом разоблачения преступных действий Семенчука явилось и разоблачение самого Семенчука. В период зимовки 1934/35 года он показал себя как преступник во весь рост, этот примазавшийся авантюрист. Об этом достаточно свидетельствует факт, которому мы не уделили достаточно большого места на судебном следствии, потому что он так очевиден, что не требует большого анализа, — это его эпизод со спекуляцией серебром, которое он пытался украсть у советского полпредства в Персии.

Напомню, что об этом говорила его жена Надежда Семенчук: «Арестован он был за провоз из Персии серебра. В Персии Семенчук работал в качестве коменданта полпредства. Сколько он сидел (его тогда АзЧК арестовала), — говорит Н. Семенчук, — я не знаю. Должна сказать, что сколько я ни расспрашивала его потом, за что он сидел в ЧК, Семенчук мне ответа не давал и разговоры на эту тему прекращал».

Это тоже не случайно. Это очень характерно для Семенчука. Это — человек, который ответов давать не любит, посвящать в свои тайны, большие и малые, никого не любит и не склонен; это человек, который очень крепко замыкается внутри себя. Этим объясняется и та его позиция, которую он занимает на данном процессе. Он сам не отрицает истории с этим серебром, но как он ее объясняет? Это объяснение тоже совершенно в семенчуковском стиле. Это объяснение совершенно аналогично целому ряду объяснений, которые он здесь давал на процессе по другим причинам. Например, когда его спрашивали относительно бани, превращенной им в острог, вы помните, как он уверял, что, во-первых, бани не было, что, во-вторых, если баня и была, то она не была острогом и что, в-третьих, если и был острог и если этим острогом и была баня, то он приказов сажать в баню не давал, а если и давал, то арестованные отправлялись «садиться» добровольно, «сами себя сажали». «Я не сажал, я давал приказы, а они садились добровольно», вот что он говорил про Клечкина, два раза сидевшего у Семенчука под арестом в этой бане. Вот стиль и манера «объяснений» Семенчука. Так он объяснялся по поводу серебра. «Действительно, я из Персии привез серебро, но серебро я нечаянно нашел в дачной местности недалеко от Тегерана. Эти деньги лежали на поверхности земли в саду полпредства».

Знаете, так, случайно лежат деньги, мешок с серебром, в саду полпредства. Надо обладать большой смелостью, чтобы давать такие объяснения, чтобы говорить так, как говорит Семенчук. Но Семенчук старается скрыть настоящую историю

с серебром. В своей анкете и в личном деле Семенчук об этом ничего не говорит, не говорит и при приеме в партию, и в процессе партчистки. Он вообще считает, что это момент второстепенный, ничего не значащий. Я же этому моменту придаю для характеристики Семенчука большое значение. Этот эпизод лишний раз убеждает, что это — авантюрист из числа тех, о которых говорил в «Очередных задачах Советской власти» В. И. Ленин, когда подчеркивал, что ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены, — без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов. Как будто прямо сказано о Семенчуке!..

Но Семенчук не просто авантюрист, это авантюрист вооруженный, и не только тем наганом, который он постоянно имел при себе в открытой кобуре, но и всем своим положением, служебным авторитетом, которым он так энергично злоупотреблял. А это последнее оружие — сильное оружие, порой — оружие несокрушимое. Его поведение с товарищами и с эскимосами единодушно характеризуется в очень ярких, но отрицательных красках. Его описывают все без исключения как деспота по отношению ко всем остальным. Вы помните, сколько раз проходило на процессе указание, как Семенчук постоянно бросал фразы, что он — и суд, и прокуратура, и ГПУ и что всякого, кто посмеет его послушаться, он накажет вплоть до расстрела? Вы помните его поведение с Фельдман после трагической гибели Вульфсона? Семенчук здесь действует буквально, как разбойник на большой дороге. Ведь эту беспомощную и — правильно кто-то говорил в процессе судебного следствия — раздавленную горем женщину он пытается выбросить на мыс Блассон за 100 километров от зимовки в совершенно необитаемый пункт этого острова. Он вызывает к себе Клечкина и издает приказ: «Вывези эту жидовку». Клечкин, набравшись смелости, возразил: «Лучше посадите меня еще на 20 суток под арест, но не повезу я Фельдман на гибель».

Так действовать, как действовал Семенчук, может только разбойник, только бандит, пробравшийся на место начальника зимовки. Но Семенчук вместе с тем трус. Это так часто вскрывалось в процессе следствия

Семенчук — лживая натура Я прошу вас припомнить по крайней мере четыре эпизода, имевшие место в судебном следствии, для того, чтобы понять, что же собой представляет Семенчук. Вот история ареста Клечкина Семенчук старается доказать, что он его не арестовывал, что он его не сажал; потом оказывается, что Клечкин сам сел под арест Это яркий эпизод, показывающий лживую изворотливость Семенчука

Возьмем историю с выселением Фельдман. Сначала Семенчук говорил, что он не хотел ее выселять. Тогда показали ему его

же приказ, в котором он клеветает на Фельдман, говорит, что она дезорганизует зимовку, ведет антисоветскую агитацию, отказывается в медицинской помощи нуждающимся в этой помощи, и приказывает вывезти ее в отдаленное место, которое будет объявлено потом, и уличили его в том, что он сам являлся к ней на квартиру и вручил ей предписание — немедленно собраться и выехать в район, который будет дополнительно установлен.

Семенчук хотел запрячь доктора Фельдман на мыс Блассон, обречь ее на голод и холод. Это было попыткой расправиться с женой убитого доктора Вульфсона, беспощадно вскрывавшего преступления Семенчука. Но Семенчук пойман, документы на столе, отпираться нельзя. Тогда Семенчук сейчас же избирает новую версию — приказ был, но выселять Фельдман он, в сущности, не хотел. Я, говорит Семенчук, думал... Что думал? Попугать? Он боится слова «попугать» и говорит, что поугать тоже не думал. Что же он думал делать, когда издал приказ о выселении Фельдман, с какой целью он издал этот приказ? Вопрос остается без ответа, как это было нередко, когда Семенчук видел, что он прижат к стене. Мы вызвали в качестве свидетеля Клечкина. Клечкин все подтвердил, это же подтвердили и другие товарищи, выступавшие здесь на процессе свидетелями. Приказ в отношении выселения Фельдман был издан, сказал Клечкин. Об этом же сказала и сама Фельдман, об этом же сказал и Куцевалов. И не только был издан приказ, но Семенчук принимал реальные меры к выселению Фельдман, но встретил отпор и осекся. Припомните, как Семенчук здесь крутился, как он здесь вертелся и как он каждую минуту менял свои ответы и версии, каждую минуту старался придумать что-нибудь новое. Но ни одного слова правды в его объяснениях не было.

Припомните третий эпизод — историю с выселением и изоляцией Фельдман.

Я обвиняю Семенчука в том, что после того, как он избавился от Вульфсона, он стал принимать всяческие меры к тому, чтобы не проникли на материк сведения о действительном положении вещей на острове. Он старался изолировать Фельдман: запретил ходить к ней, приказал не давать ей угля, не поддерживать с ней связи. В прямом смысле слова, он лишил ее огня и воды. Мы опять поймали его за руку. Он начал вертеться, отказываться, но в деле есть документы — в деле семь телеграмм Фельдман не пропущенных на материк Семенчуком.

Что же Семенчук сказал в оправдание своих действий? Он сказал, что он не мог пропустить на материк телеграмм, в которых сообщается или намекается на гибель Вульфсона, что это можно было сообщить только в секретном порядке. Мы развернули эти телеграммы, изучили их одну за другой и увидели, что в них сообщались самые невинные вещи вроде — «здоров ли

Валерик?» (сын Вульфсона от первой жены). Семенчук и тут не мог ничего ответить и должен был ограничиться молчанием. Но вот мы нашли его письмо — очень характерное письмо — к Долгому, в котором он прямо пишет Долгому: «Смотри в оба, Фельдман посылает на материк материал, не пропускай, все задерживай; она сама едет с большим материалом, не пропускай. Она может быть попытается устроиться на мысе Шмидта — знай и учти, что я, — говорит он, — категорически протестую против предоставления ей работы на мысе Шмидта».

Мы поймали его во лжи в трех случаях. Все эти случаи — калейдоскоп выкруживания, попыток как-нибудь оправдаться, объяснить. Нет оправдания, нет объяснения преступным действиям Семенчука. История с тифом. Вы помните, что Семенчук послал 22 февраля 1935 г. в Главное управление Северного морского пути радиограмму, в которой писал: «Эскимосы поголовно больны видами (!) эпидемий брюшного тифа». «Видами» они больны! На каком основании давал эту информацию Семенчук? Абсолютно без всяких оснований. На острове Врангеля был ряд смертных случаев, но сообщение о тифе, как установлено было это дальше, являлось заведомой ложью, заведомо ложной информацией, вызванной боязнью Семенчука, чтобы его не раскрыли. О цынге он не пишет. Он боялся, что откроется его преступная деятельность, благодаря которой он довел население острова до голодной смерти. Ему телеграфируют из Главного управления Северного морского пути: «Как вы это допустили развитие эпидемии, когда этого не было никогда ни при Ушакове, ни при Минееве. Примите меры к ликвидации заболевания». Речь идет о тифе.

Семенчук через несколько дней отвечает: «Заболевания прекратились, больных нет, цынга ликвидирована, было одно заболевание эскимоса, и умерло всего 5 эскимосов». Телеграмма, которую можно было бы сделать образцом лжи и изворотливости.

Таков этот Семенчук, разложившийся до мозга костей авантюрист, ни перед чем и никогда не останавливающийся в осуществлении своих намерений.

Перейду к окружению Семенчука. Вот Вакуленко. Даже Семенчук должен был признать, что он алкоголик, этот его близкий друг. Этого Вакуленко Надежда Семенчук тоже характеризовала как разложившегося алкоголика. И это действительно был алкоголик, истерик, или, как его называл правильно в одном случае Семенчук, — «псих». Но этот «псих» из молодых да ранний. Вакуленко — склочник, он провоцирует ссоры, он ябедничает. Ябеда, сплетня, склока, провокация — это стихия Вакуленко, и это его приближает к Семенчуку. Семенчук понимает опасность этой близости, он знает, что с Вакуленко ему будет на этом процессе немало взыскивать, и он старался отгородиться от

Вакуленко! Нет, Вакуленко — не друг его, не приятель, с Вакуленко он был, как со всеми.

Но у нас есть документы, у нас есть письмо Вакуленко — это то самое предсмертное письмо Вакуленко, где он клянется в преданности и верности Семенчуку. Он пишет ему: «Вы и ваша супруга были единственные люди из коллектива, относящиеся ко мне хорошо». Действительно ни один человек в этом коллективе, коллективе, в котором — да простят мне присутствующие здесь члены этого коллектива — ни один человек, кроме доктора Фельдман и Вульфсона, не стоял на должной моральной высоте, ни один человек в этом коллективе действительно не относился к Вакуленко хорошо. Больше того, все относились к нему очень плохо, настолько плохо, что однажды, 19 марта, сильно помяли Вакуленко во время драки, как мягко здесь выразился Семенчук по поводу этого события. Мы пытались расшифровать эту «драку». Оказалось, это была не драка, а что просто все присутствующие на этой оригинальной «вечеринке» били смертным боем Вакуленко, как доносчика и провокатора.

В письме на имя четы Семенчук Вакуленко меланхолически писал:

«Теперь все решилось, поступайте по своему усмотрению». И дальше:

«Если желаете, я еще раз пойду на унижение...»

Он еще раз пойдет на унижение, если пожелают Константин Дмитриевич и его супруга.

Вот до какой степени близок был этот человек Семенчуку, до какой степени он был предан Семенчуку. Семенчук пытался здесь доказать, что ничего подобного не было, что, в сущности говоря, он был не более близким человеком к нему, чем и ко всем другим членам зимовки. Я потом покажу, почему это нужно было так говорить Семенчуку. Сейчас же нужно только установить как непреложный факт, что Вакуленко был ближайшим другом и наперсником Семенчука. Вакуленко пишет: «Теперь я смело могу смотреть всем в глаза, и никто больше не посмеет что-либо говорить о вас в моем присутствии», так писал Вакуленко, этот рыцарь «печального образа» в своей предсмертной записке.

Мы знаем, что не один раз писал Вакуленко предсмертные записки. Мы знаем, что он не раз проявлял желание покончить с собой самоубийством, но на этот раз он в действительности покончил самоубийством. У меня нет сомнения в том, что Вакуленко покончил самоубийством, но для меня также нет никакого сомнения в том, что причины этого самоубийства лежат гораздо глубже, чем обстоятельства, связанные с «мамаевым побищем» 19 марта 1935 г.

На этом вопросе я еще несколько остановлюсь дальше. Вот этот Вакуленко — первый друг Семенчука, низкопоклонник, льстец, склочник, запутавшийся, как говорили здесь, «в женском вопросе», запутавшийся в отношениях к своим товарищам, которые по справедливости смотрели на него, как на доносчика и клеветника ненавистного Семенчука. Даже Надежда Семенчук, находившаяся с ним в самых близких и интимных отношениях, и та должна была признать здесь на суде, что это был невозможный человек, который всюду вносил раздор, человек, создававший склоку, человек, абсолютно нетерпимый в обществе. И это — первый друг Семенчука, и от этого Семенчук никуда не уйдет.

Но около Семенчука был не один Вакуленко. Около Семенчука был еще и Старцев. Этот Степан Старцев, который здесь вот сидит на скамье подсудимых таким простачком и иногда делает над собой большое усилие, чтобы изобразить на своем лице детское простодушие и спокойствие, — хитрый, коварный и опасный человек. Старцев прикидывается простаком. В действительности он не так прост и не так глуп, как хочет казаться.

Вспомните историю с его службой в колчаковской армии. Когда я поставил перед ним вопрос, служил ли у Колчака, он говорит: «Нет». Когда я прочел документ, который изобличает его службу у Колчака, он развязно, цинично, нагло-развязно заявил: «А как раз не угадали, никогда я не служил у Колчака». Я знаю, что кое на кого это уверенное заявление произвело даже некоторое впечатление. Разве может быть этот человек убийцей? Ведь он так искренне заявляет: не было этого. У Колчака служили? — «Ничего подобного, никогда». А потом — «не угадали». Не угадал? А возьмем ваши показания, Старцев, — вот что в них сообщали вы сами: «В 1918 г. служил рядовым у Колчака». Было так или нет? «Нет». Читаю его показания дальше: «После захвата власти белыми.. служил у Колчака..» Было это или нет? — «Нет». У Старцева такая манера разговаривать, немного смахивающая на чудачество. Если бы меня спросили, кто умнее — Старцев или Семенчук, я бы сказал — Старцев. Кто хитрее? Я бы сказал — да простят меня защитники того и другого — Старцев; хотя в остальных отрицательных качествах я отдал бы преимущество и предпочтение Семенчуку.

При выяснении этого эпизода нам надо было потратить минут 20 времени, чтобы, шаг за шагом следуя за фактами, которые называл сам же Старцев, привести его к признанию того, что, действительно, он был в армии Колчака. Припертый к стене, он сказал: «Ну да, был в армии Колчака, выходит, что был». Это совершенно так же, как и с доктором Вульфсоном. — Спрашиваю: «Выходит что вы убили?» — говорит: «Выходит». И я думаю, что выходит...

Очень хорошо Ушаков охарактеризовал Старцева:

«Старцев по своему развитию стоит низко, но нельзя сказать, что он тупой, ограниченный или глупый человек». А Ушаков его изучал в природе, «о натюрель», в природных арктических условиях. «Старцев не высоко развит. Но он соображает, когда это нужно, и он может быть и рассудительным, особенно тогда, когда рассудительность эта направлялась в ту сторону, которая могла принести ему пользу». Это замечательная характеристика.

Я назвал бы это качество Старцева кратко: умен с корыстной целью. Он умен в меру того, насколько ему это выгодно, и, наоборот, когда это ему невыгодно, он прилагает все усилия, чтобы казаться абсолютно неумным. Защитник Семенчука вероятно будет доказывать, что Семенчук никакого отношения к убийству Вульфсона не имел, что Старцев не был орудием в руках Семенчука, а, может быть, наоборот, Семенчук был орудием в руках Старцева. Но возьмите заявление Старцева, где он писал, что, «чувствуя себя оскорбленным доктором Фельдман», он требует «реабилитации». Когда мы спросили Старцева, что значит это слово, он сказал: «Не знаю». Не знает, потому что это слово ему подсказали Семенчук с Вакуленко. Эта «реабилитация» ясно говорит, кто на кого влиял.

Старцев не любит работать. Эскимосы относились к Старцеву с презрением, потому что высшая добродетель у эскимосов, говорит т. Ушаков, это уметь работать, уметь жить. Они как самое большое ругательство на своем языке знают выражение «не умеющий жить» — не умеющий добыть себе пропитание, не умеющий охотиться, т. е. не умеющий работать. «Вот Старцев зывал к себе в силу этих качеств полупрезрительное и полунасмешливое отношение со стороны эскимосов. Старцев не всегда говорит правду, любит иногда присочинить, приврать, это еще более усиливало презрение к нему со стороны эскимосов. Это — человек, которого можно было направлять в разные стороны, — говорит т. Ушаков, — то в одну, то в другую. При желании можно было направить его в сторону отрицательную с такой же легкостью и успехом».

Я думаю, что т. Ушаков прав. К этой характеристике едва ли нужно что-либо прибавить. Эта характеристика абсолютно точна. Говорить правду — не в правилах Старцева. Это показал процесс на всем своем протяжении с первого до последнего дня. Мы имеем множество эпизодов, в которых эти качества Старцева очень ярко проявляются. Этот вот Старцев являлся, по выражению, кажется, Смирнова, «тайным советником Семенчука», во всяком случае очень близким к нему человеком, для которого слова Семенчука — закон, по собственному признанию Старцева. Что сказал Семенчук, то и надо делать, рассуждать нечего.

Но Старцев — тип паразитический. В книге Зинаиды Рихтер «Во льдах Арктики», которую т. Коммодов просил приобщить к делу с разрешением ссылаться на нее, имеется характеристика Старцева именно как паразитического типа. У него и вся психология паразитическая, и говорить о каких-либо моральных устоях этого человека можно только в минуту трудную для судебной защиты. Мы не можем использовать в целях обвинения тех фактов, которые не были проверены судебным следствием. Поэтому я не хочу и не могу использовать в качестве обвинительного материала против Старцева те факты, которые не были проверены и абсолютно не были подтверждены судебным следствием, как, например, сообщения Фельдман, Куцевалова и других о том, что Старцева обвиняли на острове в изнасиловании двух малолетних девочек — дочерей Паля, что приходила с жалобами на насилия со стороны Старцева и со слезами мать Ловак. Я не хочу использовать эти данные против Старцева, хотя я вполне допускаю, что это так было. Но именно потому, что я только допускаю, я не хочу их использовать. Поэтому пусть суд это сбросит со счета тех грехов и преступлений, которые совершены Старцевым и в которых он обвиняется по данным обвинительного заключения.

Семенчук затушил историю с Крохиным, обвинявшимся в изнасиловании или покушении на изнасилование девочки, половые органы которой, по словам зимовщиков, он натирал снегом. Доктор Крашенинников тоже говорит об этом. Я готов отбросить обвинение Старцева в том, что он собирал какие-то «царские налоги», хотя сам Старцев не особенно отказывается от этого. На вопрос: «Собирали ли вы царские налоги?» — Старцев ответил вопросом: «А в каком году?» Это можно понять как допущение, что такие факты имели место и требуется лишь их уточнение. Но опять-таки допущение не есть доказательство, и я готов отбросить в сторону показания свидетелей по этому поводу.

Старцев, говорят, грабил население. Это то же самое, что собирать царские налоги. Это и есть грабеж. Собирал царские налоги — это и значит грабил население. Когда мы спрашивали его об этом, он прямо не отвечал на этот вопрос. Он хитро прищуривался и спрашивал: «А в каком году?» Об этом говорил весь остров, вся зимовка. Почему Семенчук не расследовал это обстоятельство, почему он не выяснил, что это за история с собиранием царских налогов? Почему он, Семенчук, не определил, что собой представляет Старцев? Потому что Старцев нужен Семенчуку, потому что Семенчук знает и понимает, что такие люди, как Старцев, весьма удобны и не только в условиях далекой Арктики.

Состояние зимовки 1934/35 года было неудовлетворительно. Один тот факт, товарищи судьи, что парторгом этой зимовки

оказался всем хорошо памятный Карбовский, говорит достаточно красноречиво о том, что собой представляла эта зимовка 1934/35 года, набранная в буквальном смысле слова «с бора да с сосенки». Тут, конечно, сказано отсутствие политуправления. Оно еще не было организовано в этот период времени, здесь оказалась некоторая недооценка тех условий, в которых будут работать зимовщики, и отсюда такие факты, как появление на зимовке на острове Врангеля таких элементов, как Семенчук, Старцев и Карбовский. А Карбовского вы видели. Это «парторг», на глазах которого развернулась вся эта безумная, кошмарная панорама безумных, кошмарных преступлений Семенчука; парторг, к которому приходят пострадавшие от этих преступлений люди с просьбой, с мольбой о помощи и получают от него «миссионерский», поповский циничный ответ: «Терпеть надо, братцы, терпеть». Этот Карбовский здесь, на суде, начал с высоких материй, так сказать, в тоне штатного партийного оратора — «проблема кадров», «проблема подготовки», «живые люди», «внимание к живым людям», «наши задачи», «оппортунизм» и пр. и т. п.

Когда мы его спустили с этих «идеологических высот» и поставили на почву конкретных фактов и спросили: «Вы видели эти безобразия? Почему не приняли никаких мер борьбы с ними?» — он смяк, скис, забормотал: «Видел, боролся, недостаточно боролся» и т. д. и т. п.

Карбовский здесь хлопотал, чтобы доказать, что хотя работа его и была неудовлетворительна, зато его линия была удовлетворительной. Но у этого человека не было ни линии удовлетворительной, ни, тем более, работы удовлетворительной. Карбовский не принял никаких мер борьбы против безобразий и преступлений Семенчука. Карбовский в виде крайней меры борьбы с преступлениями Семенчука распускал производственные совещания, оправдываясь тем, что у него нехватало «последовательности», что он встал на «оппортунистическую позицию». Прямое преступление свое он хочет свести к оппортунизму. Ему это не удалось. Определение Верховного суда о привлечении Карбовского к уголовной ответственности явилось достойным уроком этому гнилому человеку — кандидату на открывающуюся после Семенчука вакансию на скамье подсудимых.

Если таков парторг, то что собой представляет партгруппа? Если такова партгруппа, то что собой представляли зимовка и зимовщики? В результате погиб доктор Вульфсон. Но могло быть и хуже. Могла погибнуть и Фельдман, которую чуть не зарубил однажды Семенчук, ворвавшийся к ней в квартиру с топором. Зарубил бы, а потом сказал, что Фельдман белые медведи задрали...

Почему все это произошло? Это произошло потому, что зимовщики 1934/35 года были не люди, а какие-то людские футляры. Но этого, конечно, уже нет, это было в 1934 году. Этого не будет, это никогда не повторится. И наш судебный процесс послужит крепким уроком и тем на ком лежит обязанность и ответственность по подбору людей для зимовки в нашей Арктике.

Вот обстоятельства, товарищи судьи, обстановка, которая позволяет сказать, что зимовка 1934/35 года на острове Врангеля разложилась, что она потеряла способность сопротивления и противодействия тем преступлениям, которые таким пышным цветом расцвели на острове Врангеля, в бытность здесь Семенчука и Старцева. Склоки, интриги, сплетни, издевательства и подсиживание друг друга, жестокосердие, травля и молчание, молчание прежде всего — вот что было на этой зимовке.

Невольно хочется сравнить зимовку 1934/35 года с несколькими месяцами ледяного лагеря Шмидта, с героизмом, организованностью, величайшей советской социалистической пролетарской дисциплиной, отвагой, самоотверженностью, продиктованными глубокой любовью к своей стране, любовью к своей родине, великим пониманием задач пионеров советского арктического строительства. И когда товарищ Сталин, вместе с товарищами Молотовым, Ворошиловым, Куйбышевым и Ждановым телеграфировали шмидтовцам, мужественным челюскинцам, боровшимся с суровой полярной стихией, слова приветствия и поздравления, мы в этом приветствии слышали и слышим слова любви к нашей великой родине. И здесь же мы слышали слова сурового осуждения зимовщикам 1934/35 года, оказавшимся в плену семенчуковщины, слова осуждения всему «коллективу» этой зимовки, где царил развал, дезорганизация, где царил политический и моральный разврат, политическое и моральное разложение.

Единственным человеком, представлявшим собой просвет на мрачном, черном фоне этой в моральном отношении сплошной полярной ночи, поднявшим голос протеста, начавшим борьбу против этих безобразий и доведшим ценою жизни своей до конца эту борьбу, был доктор Вульфсон Николай Львович и поддерживавшая его верная его спутница Гита Борисовна Фельдман. Если бы не они, может быть, мы не так скоро и решительно сумели бы вскрыть этот позорный антисоветский гнойник! Как рисуется обстоятельствами дела образ Николая Львовича Вульфсона?

До острова Врангеля — это врач Московского завода «Манометр». До острова Врангеля — это врач, сумевший, несмотря на свою молодость, стяжать себе всеобщее пролетарское уважение двухтысячного коллектива завода «Манометр». Коллектив завода «Манометр», получив извещение о том, что умер их врач Николай Львович Вульфсон, публикует письмо, в котором характе-

ризует т. Вульфсона как чуткого товарища и прекрасного врача, которого постоянно видят и в цехах завода, и в мастерских, и в клубе, и в столовой, и в буфете. Они пишут, что они постоянно встречали его заботу, видели его неустойно выполняющим свой долг врача и общественника: «Память о докторе Вульфсоне будет долго жить на нашем заводе», — пишут рабочие завода «Манометр». Память о докторе Вульфсоне живет и на острове Врангеля, как об этом свидетельствуют присланные нам телеграммы с острова Врангеля. Память о нем будет жить в сердце каждого честного гражданина нашей советской земли.

И таким Николай Львович был и в Арктике — героически выполняющим свой долг, борясь, не покладая рук, за здоровье и жизнь эскимосов. Надо сказать к чести его друга-спутницы Гиты Борисовны, что она так же самоотверженно боролась в Арктике вместе с доктором Вульфсоном, выполняя свой долг советского врача. И стыдно и позорно было слушать, когда Семенчук, барахтающийся в океане своих преступлений, пытался оклеветать Гиту Борисовну Фельдман, рассказывая, что она чуть ли не на другой день после смерти Вульфсона стала торговаться с ним об условиях, на которых она согласна остаться в Арктике.

Судебное следствие полностью опровергло эту клевету, опровергло все измышления Семенчука.

Доктор Вульфсон был не просто врачом. Он был подлинно советским врачом, о чем прекрасно говорит документ — рапорт доктора Вульфсона на имя Семенчука от 4 декабря 1934 г. За 23 дня до своей гибели доктор Вульфсон писал Семенчуку: «Ваше распоряжение о сокращении угля до полбанки для отопления квартиры больной семьи служащего Таяна, где находятся трое тяжело лихорадящих больных, может привести к значительному ухудшению состояния их здоровья, а посему прошу разрешить им пользоваться углем для топлива в количестве, необходимом для поддержания соответствующей температуры в помещении, где находятся больные».

Это действительно советский врач. Это не просто врач, который приходит к больному, щупает пульс, трогает голову, прописывает рецепт и уходит. Нет, это врач, который борется за больного, за улучшение условий его жизни, способных обеспечить его скорейшее выздоровление. Вот почему этот врач прописывает больным в своем рецепте известное количество угля, а не только валерьяновых капель или касторового масла.

А Семенчук? А Семенчук не слушает, или, вернее, — «а Васяка слушает да ест». Ведь это позор, что комсомольцы должны были тайком таскать уголь, которого было на острове Врангеля более чем достаточно, для того, чтобы отопить квартиру, утлую хижину больного — а может быть умирающего — эскимоса и его семьи! А это было. Это мы слышали здесь на процессе: это

отношение Семенчука к больным позволяет сравнивать этого человека с зверем, позволяет утверждать, что он не видел и не хотел видеть человеческой нужды, не хотел помочь человеку в нужде и горе, хотя мог бы этому горю помочь.

Ушаков его характеризовал как либо сумасшедшего, либо дегенерата. Нет. Это не сумасшедший. Это не дегенерат. Это бандит, пробравшийся на высокое место начальника зимовки и действовавшего так, как это соответствовало всему складу его мыслей, характеру, желаниям, ощущениям, всему его мирозерцанию преступника. Но продолжим печальную повесть о гибели доктора Вульфсона. В том же рапорте доктор Вульфсон пишет: «Одновременно считаю недопустимым удерживать продукты, выданные в счет текущей месячной нормы (вместо нормы 9 банок молока выдано только 5), ввиду того, что трое тяжело больных находятся исключительно на молочном питании, для которых и полная месячная норма будет недостаточна. Прошу пока выдать семье Таяна удержанные 4 банки молока». Удержанные 4 банки молока! Дальше этого цинизма итти некуда. Такие действия доктора Вульфсона не нравились Семенчуку, вызывали с его стороны вспышки ярости и гнева. Это видела вся зимовка. Об этом говорят все свидетели.

Золотовский говорил здесь, что «Вульфсон был честный и прямой человек, открыто выступал на собраниях с критикой действий Семенчука. В результате Семенчук возненавидел Вульфсона».

Свидетель Смирнов, гидрограф, помощник Семенчука по научной части, показал на суде следующее: «В коллективе зимовщиков выделялся покойный доктор Вульфсон, добросовестный и прямой человек. Надо сказать, что Семенчук срывал работу Вульфсона в части медицинского обслуживания населения. И вот Вульфсон открыто выступал на собраниях с критикой неправильных действий Семенчука. Естественно, что Семенчук при его самодурском характере возненавидел Вульфсона. Я не могу не поставить в связь это обстоятельство с фактом гибели Вульфсона, произошедшей при довольно загадочных и, я бы сказал, подозрительных обстоятельствах».

Свидетель Каймук: «Гибель доктора Вульфсона и у меня и у других зимовщиков вызвала определенное подозрение. Мы думали и думаем, что эта гибель находится в связи с той ненавистью, которую питал Семенчук к Вульфсону за его открытое выступление против него».

Свидетель Богданов, радист: «Вульфсон был прямой и честный человек. Он открыто выступал против Семенчука, который его за это возненавидел».

Вот общий хор голосов, уличающих Семенчука во враждебном отношении к доктору Вульфсону, павшему жертвой нена-

висти и злобы этого человека. В этом хоре голосов, блестяще характеризующих доктора Вульфсона, есть один голос против Вульфсона, и этот голос принадлежит Семенчуку. Именно Семенчук всячески старался дискредитировать Вульфсона. Не чем иным, как этой дискредитацией, была вызвана записка Вульфсона от 4 февраля, в которой он писал, что «в связи с создавшейся склочной обстановкой, возглавляемой Карбовским и поддерживаемой вами, систематического игнорирования меня как врача, считаю, что возложенные на меня обязанности как в отношении медобслуживания местного населения и зимовщиков, так и в отношении научной работы выполнять не смогу, а потому категорически прошу освободить меня от занимаемой должности и при первой возможности отправить меня с женой обратно».

Эта записка не случайна. Ведь Фельдман рассказывала, и это ничем не опровергнуто, что однажды, когда они с Вульфсоном устроились по приезду на остров Врангеля свою лабораторию и Вульфсон помогал ей переносить ящики, в комнату с криком ворвался Семенчук со словами: «Вон отсюда, негодяй, на работу». И доктор Вульфсон вынужден был оставить ящики, и Фельдман должна была носить их на своих плечах.

Фельдман показывала, что в последних числах сентября, как раз тогда, когда Вульфсон подавал Семенчуку свое заявление, Вульфсон пришел от Семенчука в истерике, потому что на общем собрании Семенчук клеймил Вульфсона как лентяя и лодыря, не желающего работать. Это показание Фельдман подтверждается объективными данными дела. Во-первых, в деле имеется документ за подписью Вульфсона от 24 сентября и, во-вторых, имеется живой Семенчук и живое обвинение Семенчуком Фельдман в этом же духе. Ведь обвинял Семенчук Фельдман в том, что она лодырь! И нужно было поставить всех свидетелей, всех 11 человек, кончая доктором Крашенинниковым, лицом к лицу с Семенчуком, чтобы доказать, что Семенчук лжет, что Фельдман никогда не отказывала в медпомощи, никогда, ни при каких условиях, даже тогда, когда у нее была температура 40°. Даже тогда, когда у нее было маточное кровотечение, она с помощью Смирнова, Куцевалова и Клечкина шла оказывать помощь Старцеву, которого тогда уже считала убийцей своего мужа. И здесь Семенчук пытался обвинить Фельдман в тех же самых преступлениях, в которых он тогда обвинял ее публично, травя доктора Вульфсона, организуя против него общественное мнение зимовки, подготавливая почву для того, чтобы расправиться, рассчитаться с доктором за его критику, за его бесстрашие, за его преданность своему делу, за систематическое разоблачение, невзирая на высокое положение начальника зимовки Семенчука и не пугаясь постоянно открытой кобуры нагана, за который Семенчук

постоянно хватался, когда он к кому-нибудь обращался с каким-нибудь распоряжением

Таков Семенчук, таков его сподвижник Старцев, таковы организаторы и исполнители смертной казни над Вульфсоном. Убийством доктора Вульфсона Семенчук доказал, что он имеет «власть вплоть до расстрела».

Я перейду специально к Семенчуку, я покажу, что Семенчук в одном месте прямо говорил, что он покажет, как он умеет расправляться с людьми, которые позволяют себе выступать против него. А теперь позвольте перейти непосредственно к убийству Вульфсона.

Разберем версию Старцева о якобы имевшем здесь место несчастном случае. Эта версия должна быть решительно отвергнута, и раньше всего на основании показаний самого Старцева. Напомню эти показания: гибель доктора Вульфсона произошла, примерно, в 9—10 километрах от бухты Сомнительной. При каких условиях? В метель, пургу. Вы помните, что здесь на этом вопросе останавливались немало. Метеорологическая сводка позволяет думать, что в это время пурги не было. Объяснения т. Ушакова говорят о том, что поземок, поднимающий снег до груди, — не пурга, при которой можно заблудиться. Но я согласен, что была пурга, я сразу эту защитительную позицию уступаю защите без боя. Пусть пурга была, и посмотрим, как они справятся с пургой.

Напомню первые показания самого Старцева от 31 декабря.

В этих показаниях Старцев говорит о том, что 27 декабря в 5 часов утра он с доктором Вульфсоном выехал из бухты Сомнительной на запад, по направлению к бухте Предательской. В 9 часов началась метель, поземок, и они повернули обратно; видимость была до 1 километра на равнине, а горы видны были на 10—12 километров. Замечательная пурга! Но пусть это будет пурга, я не возражаю. На обратном пути, проехав километров 5—6, они выехали на косу, ехали по направлению к бухты Сомнительной к селению Кошка и берегу. Первым ехал Старцев, вторым — доктор Вульфсон, на расстоянии друг от друга метров 15—20. Потом Старцев рассказывает эпизод, когда врач потерял сумку и они вернулись ее искать; не нашли и поехали дальше; как потом у Старцева сломался баран, вернее не сломался, а выскочил остов, и ему надо было его поправлять, на что ушло 15—20 минут, и в этот момент его обогнал доктор Вульфсон. Старцев крикнул доктору: «Остановись!». Тот не послушал и скрылся из виду. Следом отправился Старцев, не нашел доктора и приехал в 15 часов в бухту Сомнительную. Спросил у Кмо, не приезжал ли врач, и узнал, что врач не приезжал.

Дальше он показывает — и я прошу на это обратить особое внимание — следующее: «Я, Старцев, послал охотника Кмо, что-

бы он пересек дорогу и сообщил, если заметит след; а я, Старцев, поехал обратно на розыски». Таким образом, первое обстоятельство, которое бросается в глаза, это то, что Старцев, вернувшись 27 декабря в Сомнительную, поговоривши с Кмо в 15 часов, т. е. в 3 часа дня, отправился сейчас же обратно на розыски якобы потерянного Старцевым доктором Вульфсона. Старцев показывал: «Объехал бухту Сомнительную два раза, поехал до тундры по направлению к Сомнительной, к северо-западу, к скалам, куда мы поехали вместе, повернул обратно по льду моря; время было позднее. В селение Сомнительное прибыл 28 декабря в 3 часа ночи».

Следовательно, картина по первому показанию Старцева, такова: 27 декабря в 9 часов утра или около этого времени Старцев потерял доктора, направился в бухту Сомнительную, отправил на поиски Кмо, сам обратно возвратился на поиски и продолжал поиски до 28 декабря до 2 часов ночи, т. е. непрерывно искал доктора Вульфсона в течение 35 часов. Вот первое показание Старцева.

Старцев, товарищи судьи, как вы знаете, это показание дискредитирует. Он говорит, что это писал Семенчук, что он слепо подписал его, что он не знает, что тут написано и что он за это не отвечает.

Но внимание Старцева при этом сосредоточивается на другом моменте — на передовых собаках, ибо здесь в конце показания 31 декабря Старцев заявляет, что он обменялся с доктором Вульфсоном передовыми собаками и что передовые собаки были Старцевым отданы Вульфсону. Это обстоятельство теперь Старцев упорно отрицает, отлично понимая и зная, что будет установлено, что передовые собаки Старцева едва ли стали слушаться Вульфсона и что это, может быть, в какой-нибудь степени явится против него уликой. Почему это может быть так, я скажу дальше. И вот Старцев начинает замечать следы, отказываться от этого показания, отказываться от всего протокола целиком.

В показании, данном в Прокуратуре Союза 19 февраля, Старцев уже забыл о том, что говорил 31 декабря. О событии 27 декабря Старцев показывает уже иначе: здесь он рассказывает, что ехали они на разных нартах. «Вульфсон ехал рядом со мной, а затем моя нарта перевернулась и сломался баран». Оказывается, остов выскочил: сломался баран — это одно, а остов выскочил — это другое. Старцев это забыл. «В это время Вульфсон меня объехал и скрылся из виду».

Позвольте кстати напомнить третье объяснение Старцева, данное уже на суде. Здесь Старцев уже говорит, что собаки дернули его в сторону — этого самого Старцева — и он тогда перевернулся, а Вульфсон уехал. Это уже третья версия. А почему дернули собаки? — «Не знаю». И он всегда говорит — «не знаю».

А собаки не дергали, и нечего им было дергать! А почему Вульфсон уехал так быстро? Старцев сейчас же соображает: очень просто, — собаки Вульфсона, вероятно, заметили, как там пробежал песец, и они побежали за этим песцом. Замечательное охотничье соображение!..

Итак, баран сломался, он начал чинить, Вульфсон его объехал. В первый раз Старцев говорит так: «Я крикнул ему — остановись!». Во второй раз, в кабинете следователя, он уже добавляет: «А затем я шесть раз выстрелил из винчестера». В кабинете следователя он выстрелил из винчестера шесть раз, а на суде он стреляет уже семь раз. В действительности же он не стрелял ни одного раза, — это не может подлежать никакому сомнению, потому что в первый раз, 31 декабря, он ни звука не проронил об этих выстрелах. Не может быть никакого сомнения, что об этих выстрелах он никак не мог забыть 31 декабря, если бы это в действительности имело место. А он, оказывается, забыл о таком маленьком факте, как шесть выстрелов из винчестера! Не может быть этого — это выдуманные выстрелы. Сами по себе они не имеют никакого значения. Но это выдуманно, и это компрометирует Старцева, которому нельзя верить ни в чем.

Что же дальше? Дальше Старцев починил баран, пытался догнать доктора, но не догнал, и вернулся обратно к месту поломки. Прошу на это обстоятельство обратить особое внимание.

По этому показанию Старцева выходит так: Старцев починил баран, поехал за Вульфсоном, не мог его догнать и вернулся к месту поломки, а потом обратно от места поломки вернулся туда, куда поехал Вульфсон. Зачем он вернулся к месту поломки, что он там потерял? Зачем он вернулся второй раз на место поломки? Непонятно. Очевидно, он не возвращался. Очевидно, это выдумка.

А дальше? «Следов Вульфсона не было, я вернулся в Сомнительную и там Вульфсона тоже не оказалось; я там заночевал, а в 6 часов утра 28-го выехал с эскимосом Кмо на розыски».

Итак, при первом показании, он выехал 27-го в 3 часа и вернулся в 2 часа 28-го, а по второму показанию, он никуда не выезжал, ночевал и впервые выехал на розыски только 28-го. Наврал Старцев? Выходит так. 28-го выехал в 6 часов, однако проехал километр и вернулся обратно. Почему? Потому что была сильная пурга. Пурга выручает. «Я просидел сутки в Сомнительной и на вторые сутки, т. е. 29-го, поехал на розыски; поискал несколько часов, не нашел и вернулся обратно. На третий день опять поехали, но искали мало, так как была пурга, а 31-го мы приехали на мыс Роджерс».

Вот как «искрал» Старцев потерянного доктора. Что он делал 27-го? Спал. Это мы доказали, об этом как раз говорит Кмо. Да и сам Старцев признался, что у него отмерзли ноги, и он «не

поехал больше искать доктора». В первом показании говорит, что искал, а потом говорит — не искал, — как верить?

Анализ показаний Старцева и Кмо подтверждает, что Старцев ни 28, ни 29, ни 30, ни 31 декабря, т. е. в течение всех этих четырех дней, никаких мер к поискам не принимал и врача не искал. В протоколе, написанном Семенчуком, описывается бурная энергия Старцева, якобы искавшего Вульфсона. Но это описание было продиктовано исключительно желанием Семенчука не дать возникнуть каким-либо подозрениям и исключить возможность проверки его действий, которая могла бы изобличить Старцева, а вместе с ним и Семенчука.

Таким образом, первое и основное в версии Старцева, утверждающего, что он потерял врача, — то, что он якобы врача искал (естественно, раз потерял — надо искать), — рушится: он не искал, он не терял.

Но если потерял и если искал, то почему же он не то показывает, что показывает Кмо? Почему он в своих показаниях впадает в грубое противоречие? Объяснить это можно только тем, что Старцев говорит неправду.

Беру второй вопрос — относительно того, что собаки доктора Вульфсона обогнали Старцева. Мы здесь вызывали в качестве эксперта г. Ушакова.

Тов Ушаков очень полно нарисовал картину того, что могло быть и что было в действительности. На мой вопрос, мог ли доктор Вульфсон, будучи неопытным человеком в езде на нартах, получивши передовых собак, да еще лучших, чем были у Старцева, обогнать Старцева, т. Ушаков ответил буквально следующее:

«Вульфсон мог ехать только за нартой Старцева, объехать ее он не мог и по другим еще причинам. По материалам следствия выходит, что они разлучились во время метели. В метель вообще он не мог объехать. В метель может объехать передовую нарту только опытный каюр на хороших собаках. Собаки, видя впереди себя остановившуюся нарту, не обгоняют ее, а тут же ложатся» Он сказал: «Уткнутся мордой в снег и ложатся».

Я допустил уже, что 27 декабря была пурга. Пусть пурга была самая сильная. Тогда тем более становится невероятным, чтобы собаки могли обогнать идущую впереди нарту, как это утверждает такой опытный полярник, каким является т. Ушаков, как это говорит такой опытный полярник, каким является т. Минеев. Я поставил эксперту вопрос: мог ли Вульфсон, совершенно неопытный человек, обогнать Старцева на его, старцевских, собаках? Это же немалозначашее обстоятельство! Ушаков сказал: «Да, это могло случиться в полутора километра от Сомнительной, в первое время после выезда, когда собаки еще были в азарте, когда они быстро бегут, когда они стараются обогнать».

А во время метели, с чужими передовиками, с передовиками хозяина, который ехал тут же, этого я не допускаю».

Попробуйте опровергнуть. Пусть защита опровергнет. Я далее поставил следующий вопрос: «Если обгон имел место в 10 километрах от Сомнительной, то этот обгон не является ли сомнительным?» И т. Ушаков твердо ответил: «Такой обгон безусловно места иметь не мог».

Таким образом, я имею право считать, что версия Старцева о том, что доктор Вульфсон, не умевший ездить на собаках, в метель, в пургу мог обогнать Старцева да еще на старцевских же собаках, бита и не выдерживает никакой критики. После того как прошла экспертиза таких компетентных полярников, какими являются гг. Ушаков и Минеев, для меня нет уже сомнения в том, что версия Старцева бита, версия эта выдумана, что нужно отбросить ее — чем скорее, тем лучше. Не мог обогнать и не обогнал Вульфсон Старцева; Старцев это выдумал, как он выдумал такие подробности, как то, что пробежал песец, и вульфсоновские собаки, почуяв песца, побежали за ним. Это курам на смех. Объективно это не подтверждается. Версия с потерей врача Вульфсона отпадает.

Но все-таки может быть ошибаются полярники Ушаков и Минеев?

Может быть, в данном именно случае сложилась такая игра обстоятельств, что, вопреки всяким правилам логики и жизненному опыту, дело пошло в ином направлении, чем это логически могло бы быть представлено? Допустим, это так. Я согласен допустить сейчас, что, действительно, собаки Вульфсона обогнали собак Старцева, что Старцев стрелял, кричал, потом искал доктора без конца. Доктор пропал. Но в каком виде был найден доктор? Мы это знаем. Доктор был найден обезображенным до такой степени, что Семенчук не хотел показывать его труп Фельдман. У нас имеются фотографические снимки, акты Жердева и доктора Крашенинникова и блестящая судебно-медицинская экспертиза доктора Семеновского, я бы сказал — классическая экспертиза.

Мы можем не сомневаться вот в чем: что бы ни случилось с Николаем Львовичем Вульфсоном — он не замерз. Это Семенчук, клеветник Семенчук, пустил слух, что доктор был пьян и замерз. Когда Семенчук добивался и старался обязательно включить в акт указание на то, что у Вульфсона был найден спирт, тогда как для всякого было ясно, что это был денатурат, Семенчук фальсифицировал документы. Он это делал для того, чтобы поддержать свою версию о том, что доктор Вульфсон был пьян. Но доктор не был пьян. Это установлено доктором Крашенинниковым, прилетевшим на остров Врангеля и вырывшим отлично сохранившийся, абсолютно свежий труп доктора. Доктор Кра-

шенинников произвел тщательнейшее расследование, которое не могла раскритиковать и защита. Надо считать установленным и незыблемым тезис обвинения, что Вульфсон не замерз, и тем более не замерз в пьяном виде, ибо его лицо разбито, ибо его голова разбита, ибо череп треснул, ибо нос сплюснен.

Мы видели здесь винчестер, аналогичный тому, который был в руках у Старцева и которым Старцев, очевидно, ухлопал доктора. Какие у меня доказательства этого? Есть ли такие доказательства? Есть. Вот они.

Если бы Вульфсон действительно обогнал собак Старцева (я хочу допустить на минуту эту версию), запутался, заблудился, он бы не пристопорил нарту и не отправился бы в неизвестном направлении пешком. Инстинкт самосохранения подсказал бы ему не уходить от собак. Инстинкт самосохранения не полярника, а человека, не потерявшего рассудка, говорит: не уходи от собак, ибо собаки — это спасение заблудившегося в неизвестной местности человека.

Более того, если допустить, что Вульфсон действительно ушел от собак, то надо сказать, что он, очевидно, оказался во власти психоза; это момент умопомешательства. Тогда зачем ему было стопорить нарту? Он ушел бы в таком случае, не застопорив нарты. А стопорить нарту не просто. Тов. Ушаков и Минеев подтвердили, что это не трудно, но так застопорить, чтобы четыре дня и ночи собаки не могли сдвинуть ее с места, — это требует искусства, а Вульфсон этим искусством не обладал. Мы удостоверились, что 26—27 декабря он впервые ехал самостоятельно на нарте. Что вы будете делать с этой уликой? Я послушаю, как будет защита объяснять эту улику, а сейчас я утверждаю, что версия о том, что Вульфсон бросил нарту с восемью собаками и ушел в неизвестном направлении, — бессмысленная версия. Эту версию, по-моему, нельзя поддерживать, опасно поддерживать, не стоит поддерживать. Застопорена нарта как следует, искусно; застопорена нарта опытным человеком, опытным врангельцем, т. е., простите, колчаковцем, жившим на острове Врангеля, — Старцевым. Это дело требующее искусства. Нарту Вульфсона застопорил Старцев. Мы спрашивали экспертов: «Если бы нарта не была застопорена и человек ушел бы от нее, что сделали бы собаки?» Ушаков говорит, что собаки пришли бы домой сами, может быть, через день, не через день — через три, но все-таки пришли бы домой... пришли. Были случаи, приходили. Кому из нас, людям, прожившим больше полувека, не известны случаи, когда лошади, заблудившись в безлюдных местах, приходили домой? Версия о потере доктора неправдоподобна и категорически должна быть отвергнута.

Но, товарищи судьи, есть еще одно серьезное обстоятельство против Старцева и против этой его версии, и я постараюсь

разобрать все его версии по порядку, хотя это и займет продолжительное время. Семенчук удостоверяет, что когда, наконец, нашли нарту Вульфсона, то в этой нарте были запряжены передовые собаки Старцева. Семенчук не знает, что это значит. Может быть, если бы своевременно он понял это, он не сказал бы того, что сказал. Но это окончательно разрушает версию Старцева. Мы спросили г. Ушакова, как управляют собаками. Он объяснил, что на острове Врангеля собаками управляют только криком, что надо знать крик; этот крик изучить не трудно, но собаки-передовики привыкают не только к крику, но и к голосу. Следовательно, голоса человека, к которому они не привыкли, они бы не послушались. Почуявши, что сидит вместо Старцева Вульфсон, старцевские передовики, запряженные в вульфсоновскую нарту, перестали бы слушаться Вульфсона, а если бы они перестали слушаться, они, конечно, повернули бы по собственным следам и пошли бы обратно. Итак, мы приходим к окончательному выводу: версия с потерей доктора не выдерживает никакой критики.

Во время метели, говорит г. Ушаков, есть опасность потерять нарту, охотник-новичок не может оставить нарту, ему лучше ехать на нарте на ту точку, где он хочет быть. Когда человек заблудится, он доверяется больше всего инстинкту собак. На вопрос, был ли случай на острове Врангеля, чтобы человек застопорил нарту и пошел пешком, Ушаков отвечает: «Это абсолютно невозможно», а затем, узнав, что труп доктора был найден на расстоянии 2—2½ километров от Сомнительной, г. Ушаков заявил: «Я считаю бессмысленным предположение, чтобы доктор Вульфсон мог отойти от нарты на такое большое расстояние». Тов. Ушаков пояснил, что ему за пять лет работы не приходилось уходить от нарты больше, чем на один километр, а во время метели человек вообще не расстается с нартой. На вопрос, можно ли допустить, все-таки, что был обгон, г. Ушаков ответил, что это бессмыслица, что во время метели на чужих собаках Вульфсон не мог обогнать Старцева. Это бессмыслица. А Старцев говорит — это не бессмыслица, а обгон, — может быть, собаки приманку почуяли, песец пробежал. На ловца и зверь бежит. Песца не было, и это Старцев выдумал здесь.

Вульфсон заблудиться не мог по той простой причине, что он от нарты никуда не отходил. Но я готов допустить, что Вульфсон ушел от нарты — ушел и заблудился. Что тогда? Тогда я спрошу, почему у него переломлен нос, почему он так обезображен, что Семенчук не хотел его показывать его жене? Может быть, он упал с нарты в пьяном виде и разбился? Это категорически опровергается. Может быть, он шел пешком, упал и разбился? Но вы слышали доктора Семеновского, который тщательно разобрал все возможные версии и все их решительно

отверг. Первая — падение с нарты — исключается, как не дающая вредных последствий. Вторая — падение во время пешего хождения и ушиб о лед — исключается по характеру повреждений. Падение и удар о ребро тороса исключается, так как в таком случае имелись бы повреждения другого характера. Падение и удар о специально оказавшийся здесь камень — категорически исключается характером повреждений.

Доктор Семеновский, подробно разобравший все варианты падения с нарты и удар о снег, лед, камень или ребро тороса, исключает категорически происхождение этих повреждений от подобных причин. И что мне особенно здесь важно подчеркнуть — это категорически подтверждает и доктор Крашенинников, который не только доктор, но и полярник, прекрасно знающий Арктику. Это позволяет мне говорить с уверенностью о том, что все эти старцевские версии должны быть решительно отвергнуты.

Вульфсон убит, товарищи судьи, доктор Вульфсон предательски, вероломно убит, убит 27 декабря. Возьмите акт доктора Крашенинникова, возьмите экспертизу доктора Семеновского, и вы увидите, что он убит.

Тов. Коммодов пробовал внести кое-какие поправки в экспертизу в части вопроса, которая касается моментального, мгновенного или длительного процесса смерти. Я не знаю, какова будет его позиция в этом вопросе, скажу лишь, что доктор Крашенинников согласился с тем, что его первоначальное заключение, как хирурга, а не как судебно-медицинского эксперта, что смерть последовала не мгновенно, — неправильно. Доктор Крашенинников согласен с тем, что его заключение о постепенно наступившей смерти ошибочно. Он согласен с заключением доктора Семеновского, что смерть последовала мгновенно.

Основное доказательство, которое играет бесспорную, безусловную роль в руках доктора Семеновского, заключается в том, что если бы смерть последовала не мгновенно, то в этом случае у Вульфсона кровь была бы найдена в трахеях и в пищевode. Крови там не обнаружено, а это свидетельствует о том, что она не успела туда проникнуть, так как при мгновенной смерти Вульфсон не успел ее проглотить. Но зато кровь в изобилии сочилась у него изо рта и из носа. И это остается абсолютно установленным и не подлежащим никакому опровержению доказательством того, что смерть доктора Вульфсона наступила мгновенно.

А какое это имеет значение для нас? Я потом разберу точку зрения защиты и постараюсь показать, что это не имеет никакого значения. Я готов уступить защите и эту версию. Пусть смерть наступила не мгновенно. Что это доказывает? Ничего. Я это потом докажу. Но сейчас я готов допустить, что смерть доктора наступила именно мгновенно. Если она наступила

мгновенно, то спрашивается, почему доктор Вульфсон был найден лежащим навзничь, на спине, хотя он упал и разбил нос и лоб? Значит, его кто-то перевернул. Значит, он упал, наступила ментальная смерть, а затем что? Затем его кто-то должен был перевернуть. Потому что, если смерть наступила от падения и была мгновенна, то лежать он должен был лицом вниз, он должен был лежать (может быть, я несколько грубо выражусь), уткнувшись носом в землю, а он лежал на спине, носом кверху. Что это означает? Это означает, что его ударили, что он упал от удара, нанесенного ему посторонней рукой. Тут приобретает глубокое значение то объяснение, которое дал доктор Крашенинников о кровоподтеке на затылке. Это говорит о том, что он упал навзничь, ударившись затылком о землю, будучи кем-то сшиблен ударом спереди.

Но допустим, что доктор умирал постепенно, я готов стать и на эту точку зрения. Он постепенно умирал — отчего? Умирал от замерзания, не будучи никем ушиблен или убит? Но доказано, что он погиб не от замерзания, доказано, что пятна, имевшиеся на трупе Вульфсона, которые давали бы основание считать смерть Вульфсона наступившей от замерзания, — не пятна Вишневого. Доктор Семеновский доказал это со всем научным авторитетом; кроме того, бесспорно, что если бы Вульфсон погиб от замерзания, то у него были бы следы обмороживания других частей тела: щек, рук, лба и т. д. Странная вещь: человек замерз, а признаков замерзания нигде нет. Почему? Потому что он не замерз.

Пытались построить еще такую версию, что доктор был пьян, шел и упал, разбившись насмерть. Также говорили, что гнилостный запах трупа может отбить запах алкоголя и что поэтому при вскрытии могли не обнаружить присутствия в желудке трупа алкоголя. Доктор Семеновский со всей ясностью показал, что алкоголя не было в желудке, что гнилостного запаха не могло быть, так как желудок прекрасно сохранился, и что, следовательно, Вульфсон не был пьян. Значит, он не был пьян, не упал и не замерз. Значит, он убит. И вот теперь, когда мы переходим к этому последнему обстоятельству, то мы видим ряд признаков, которые объективно доказывают, что Вульфсон был действительно убит.

Вот они.

Удар, нанесенный доктору Вульфсону, был нанесен сравнительно небольшим предметом с твердой поверхностью; это соответствует характеру ребра винчестера. Установлено также, что это был резкий, сильный, решительный удар, который не может получиться при падении, если не упасть с высокой горы, а этого, к несчастью для Семенчука и Старцева, в данном случае не было.

Наконец, мы имеем такие убедительные доказательства насильственных действий, причиненных Вульфсону, как ссадины на руках. Вы помните все возможные варианты, которые были приведены по этому поводу.

Высказывалось предположение, что у доктора Вульфсона была завязана кухлянка, отчего образовались ссадины; или что, может быть, они образовались от привязывания трупа к нарте и т. п. Все это было тщательно исследовано и проверено, и оказалось, что все ссадины — прижизненного происхождения, ссадины расположены чрезвычайно симметрично и могли образоваться либо в результате схватывания руками рук убитого или от завязывания рук убитого веревкой. Я допускаю, что убийца связал свою жертву, убил, развязал и ушел. Я допускаю это, но это только допущение, не исключающее и иных предположений. Но, товарищи судьи, никто, никогда ни в одном процессе не может потребовать, чтобы все детали преступления были установлены с фотографической точностью.

Безусловно доказано, что ссадины — прижизненные, и эти ссадины такого характера, который говорит о том, что они являлись результатом каких-то насильственных действий. Эти ссадины, — говорит Семеновский, — с кровоподтеком; это указывает на большую силу, приложенную к тому месту, где образовались ссадины. Ссадины образуются в результате скользящего действия, и когда соединены с кровоподтеком, то это говорит, что была применена большая сила. Поэтому от завязывания рукавов кухлянки это не может быть. А от привязывания мертвого к нарте? Это также исключается, потому что, как утверждает Семеновский, ссадины у мертвого желтого цвета, а эти ссадины прижизненные. Как же объяснить эти ссадины? Что же, Вульфсон сам себя схватывал за руки? Ссадины прижизненные, и кто-то их причинил. Как же может быть иначе? Ссадины прижизненные, нанесены посторонней рукой. Это свидетельствует о том — и это подтверждает анализ актов Крашенинникова и Семеновского, — что их образование предшествовала борьба. Этой смерти насильственной предшествовала какая-то борьба.

Доктор Семеновский установил, что ссадины не могли произойти от связывания. Перчатки не были завязаны, а рукавицы держались на тесьме, перекинутой через плечо, причем часть тесьмы — это тоже не случайное обстоятельство — оказалась на баранке, а часть кухлянки оказалась надорванной, — на это мы уже обращали внимание, а надорванная одежда также говорит о том, что тут происходила борьба.

Ссадины на руках, нарыв одежды.. А расположение перчаток, винчестера и шапки? Все это оказалось разбросанным здесь и там, не оставляя никакого сомнения в наличии борьбы, в наличии, вероятно серьезного сопротивления со стороны погибшего

доктора Вульфсона. Вот доказательства насильственной смерти, от которой погиб Николай Львович 27 декабря 1934 г.

Я предложил доктору Семеновскому еще один вариант. Я предположил, что доктор Вульфсон действительно в пурге заблудился, и ушел от нарты, не мог найти выхода, что его охватил какой-то безотчетный страх смерти, какое-то паническое состояние. Кто бывал в тяжелых жизненных передрягах, тот знает, что такие минуты возможны, когда человек готов от ужаса кричать на весь мир. Я предположил, что доктор Вульфсон, имея в руках винчестер, — вы помните, что один патрон был использован, один патрон оказался выстреленным, — стал стрелять в воздух для того, чтобы обратить внимание на свое тяжелое положение, что получилась отдача, причинившая доктору смертельное ранение. Эта версия тоже исключена. Доктор Семеновский показал, что характер повреждений исключает мое предположение, тем более что доктор был ворошиловским стрелком. А какой ворошиловский стрелок стал бы стрелять, прикладывая ложе к носу?

Что же остается? Что же еще может быть? Скажите, что еще может быть, чем можно подтвердить, что смерть была ненасильственной? Не может быть иначе.

Смерть доктора — насильственная. Доктор Вульфсон не упал, не замерз, не расшибся. Доктор Вульфсон убит предательской рукой. Это не подлежит никакому сомнению. Нет никаких оснований для какой-либо иной версии, никаких нет в деле данных, которые позволяли бы говорить о том, что здесь несчастный случай, что доктор Вульфсон погиб вследствие несчастного и трагического стечения случайных обстоятельств. Доктор убит, и это не подлежит никакому сомнению. Мы должны ответить теперь на следующий вопрос: кто же его убил?

Анализ улик против Старцева дает достаточно оснований, чтобы и на этот вопрос дать совершенно отчетливый, ясный, твердый и категорический ответ. Кто мог убить доктора Вульфсона? Надежда Семенчук хотела в этом отношении нам помочь. Она сказала: «Вероятно, шаман». Почему шаман, откуда взялся шаман и откуда взялся именно в последний день судебного следствия, несмотря на то, что расследование велось достаточно длительный срок и давным-давно всех духов и чертей можно было вывести на чистую воду? Конечно, никакого шамана не было, и оснований говорить о том, что убил доктора кто-нибудь из эскимосского населения, хотя бы шаман, решительно нет никаких.

Старцев выдвигает другую версию. Он даже вполне допускает, что после того, как он потерял доктора, доктора действительно убили. Он говорит так: «Выходит, что его убили». Но кто же убил? По мнению Старцева, убил Вакуленко. Вероятно,

эту позицию будет он поддерживать до конца, и, вероятно, мой уважаемый противник, т. Казначеев, попытается обосновать эту версию.

Я заранее могу сказать, что версия о том, что Вакуленко был физически убийцей доктора Вульфсона, исключена. Почему? Можно допустить, что Вакуленко принял участие в убийстве Вульфсона. Первое, что может дать основание для такого рода предположения,— это указание на то, что Вакуленко в день гибели доктора куда-то уезжал. Во время судебного следствия выдвигалось предположение, что Вакуленко ездил именно туда, где оказался убитым доктор, убил его и вернулся домой, в бухту Роджерса.

Это предположение мы тоже подвергли анализу. И что же получилось? Получилось, что никаких сколько-нибудь твердых данных, подтверждающих отъезд Вакуленко, нет. Нет данных, которые говорили бы о том, что, действительно, Вакуленко в день убийства Вульфсона куда-нибудь уезжал. Был разговор об его отъезде на север. Но если Вакуленко уезжал на север, то это одно доказывает, что он не мог быть на западе, а убит доктор был ведь на западе. Конечно, можно сказать, что убил шаман, Вакуленко или еще кто-нибудь, но в деле данных для этого никаких нет, и данные дела такого предположения подтвердить не могут.

Может быть, пойти путем, так сказать, процессуальной логики и, устанавливая ряд недружелюбных высказываний и выступлений Вакуленко против Вульфсона, прийти к заключению, что раз были недружелюбные, враждебные выступления и высказывания, как это имело место в действительности и против чего спорить нельзя, то не исключено, что убил Вульфсона именно Вакуленко.

Действительно, Вакуленко не раз высказывался враждебно в отношении доктора. Эта враждебность Вакуленко к доктору могла, конечно, породить соответствующие подозрения, но подозрения всегда останутся подозрениями, если не будут подкреплены фактами, способными выдержать самую строгую критику.

Подозрения в отношении Вакуленко должны быть проверены рядом фактов, уже установленных и не подвергающихся никакому оспариванию. К таким фактам надлежит отнести раньше всего то обстоятельство, что Вульфсон не мог обогнать Старцева и что, следовательно, Вульфсон не мог очутиться в одиночестве. Доказано, что Старцев не мог потерять доктора и что доктор не мог заблудиться, а если допустить, что он заблудился, то доказано, что он не мог упасть и замерзнуть. Если все эти версии исключены, в таком случае остается один вопрос, который надо разрешить прежде всего.

Если Старцев не терял Вульфсона, значит Старцев был вместе с ним. Если Старцев был вместе с Вульфсоном в момент его смерти и если смерть Вульфсону причинил Вакуленко, то спрашивается, какова же при этом была роль Старцева? Если Старцев «допускает», что Вульфсона убил Вакуленко, и если Старцев не терял Вульфсона, — а это надо считать твердо установленным, — то спрашивается, где же был Старцев? Почему Старцев не защитил доктора? Почему, наконец, не сообщил о Вакуленко властям? На все эти вопросы дать ответ Старцев не может, и это вполне понятно, так как ссылка на Вакуленко — выдуманная. Подозрения против Вакуленко как фактического убийцы Вульфсона тем более неосновательны, что при этом предположении нужно еще допустить, что Вакуленко должен был заранее знать ту точку нахождения Вульфсона, где он оказался убитым 27 декабря; надо допустить, что Вакуленко, не выехавши вместе с Вульфсоном и Старцевым из бухты Роджерса и из бухты Сомнительной, а выехавши, очевидно, следом за ними и незаметно для них или, по крайней мере, для Вульфсона, вдруг оказался в том месте, где оказался труп Вульфсона через 4—5 дней после того, как Вульфсон выехал из бухты Роджерса. Надо предположить какую-то сложную комбинацию обстоятельств для того, чтобы доказать, что именно Вакуленко принимал непосредственное участие в убийстве доктора или даже сам убил его. Это можно допустить, по моему представлению, только в одном случае: если Старцев заранее сговорился с Вакуленко, где он будет крутиться, чтобы вместе со Старцевым убить доктора. Если обвиняемый станет на такую позицию, если защита попытается защищать такую версию, то для судьбы Старцева положение решительно не изменится. Убил ли он доктора один или вместе с Вакуленко, — убил он и он должен отвечать, как убийца.

Но повторяю: предполагать, что Вакуленко мог один найти Вульфсона, очень кстати потерянного Старцевым, и убить его без всякого отношения к этому убийству Старцева, — невозможно, решительно и абсолютно невозможно.

Ведь нужно принять во внимание еще одно обстоятельство — это отдалявшее Вакуленко от Вульфсона расстояние. Расстояние это надо было преодолеть. На судебном следствии это изучено с такой полнотой, что предположение о том, что Вакуленко принимал участие в убийстве, надо признать исключенным в полной мере, как исключается версия, что Вакуленко не застрелился, а его застрелили. Отношение к убийству доктора Вульфсона Вакуленко мог иметь. Я допускаю, что он имел к этому событию некоторое отношение, но не в качестве одного из исполнителей семенчуковского приговора над доктором Вульфсоном, а лишь как один из вдохновителей этого убийства.

Убить мог только Старцев. И Старцев мог убить, раньше всего, по всем тем обстоятельствам, которые здесь были уже достаточно подробно нами рассмотрены

Повторяю кратко: если действительно исключается возможность обгона доктором Вульфсоном нарты Старцева, то исключается потеря Старцевым доктора. Если исключается потеря Старцевым доктора, то, следовательно, они не были разъединены. Если они не были разъединены, то, значит, Старцев был с Вульфсоном в момент его смерти. Если Вульфсон умер насильственной смертью, то, следовательно, единственный кто мог эту насильственную смерть причинить, был Старцев, ибо никого, кроме Старцева, здесь не было.

Характерна здесь позиция самого Старцева. Я должен обратить внимание суда на то, что Старцев ни разу, в сущности говоря, на судебном следствии категорически своего участия в убийстве доктора Вульфсона не отрицал. Он говорил: «Я потерял», он говорил: «Я удара не наносил». Но он нигде ни разу не сказал: «Я никакого вреда доктору не причинил».

Кроме Старцева, убить доктора было некому. Старцев, конечно, отлично понимает безвыходность своего положения. Он поэтому выдумывает шамана или Вакуленко. Обосновать физическое участие того или другого, видимо, невозможно. Была на судебном следствии попытка поставить вопрос так — не Семенчук ли сам убил доктора? Именно в этой связи ставился вопрос о выезде Семенчука из Роджерса 25 или 27 декабря якобы для проверки приманок для песцов. Я считаю, что и это предположение надо отбросить. Семенчук 25-го уехал, это верно, но он в тот вечер вернулся, — так говорят все. У нас нет оснований сомневаться в этом. Есть предположение, что он вторично выехал 27-го. Но, во-первых, это только предположение; он сам это отрицает, а данных, что он действительно выезжал, у нас нет. Поэтому я отвергаю предположение, что Семенчук выезжал для того, чтобы непосредственно принять участие в убийстве доктора Вульфсона. Да это и не нужно было, не нужно было и самому Семенчуку демонстрировать перед всеми, кто случайно мог его встретить, свой отъезд в том же направлении, куда уехал доктор, куда уехал Старцев. Это была бы лишняя улика, абсолютно для Семенчука невыгодная. Старцев прекрасно справился с доктором один. Помощь Семенчука ему здесь была не нужна, как не нужна была и помощь Вакуленко. Вот почему на вопрос «кто убил», я, не колеблясь, отвечаю: доктора убил Старцев. Старцев непосредственно убил доктора Вульфсона. Я обвиняю Старцева в преднамеренном и предательском убийстве доктора Вульфсона

Какова же здесь роль Семенчука? Для обвинения Семенчука важно установить ряд обстоятельств. Прежде чем перейти

к рассмотрению этого вопроса, я хотел бы напомнить некоторые замечательные места из исторической книги Уильяма Уильза «Опыт теории косвенных улик, объясненной примерами» Из этой книги я для себя черпаю в целом ряде случаев немало поучительных данных в области уголовного процесса и прихожу к поучительным выводам

Уильз пишет, что «каждое преступление, подлежащее судебному преследованию.. должно быть совершено в известном времени и пространстве, что должны быть поводы к этому действию, приготовления к нему, предметы преступления и орудия, которыми оно совершено; все это, как и средства, употребляемые для того, чтобы избавиться от законного преследования, — бегство и укрывательство... и бесчисленное множество других обстоятельств, имеющих связь с поведением человека и с нравственным, общественным и физическим его положением, — представляет основания для суждения».

Уильз говорит о том, что «нет никакой возможности исчислить бесконечное множество обстоятельств, которые могут служить уликами, потому что они так же разнообразны, как видоизменения и комбинации событий в действительной жизни» Но, читаем мы дальше у Уильза, в уголовном процессе все важно: «Все поступки подсудимого, все, что бросает какой-нибудь свет на его поведение, все действия других лиц, прикосновенных к делу, все, что доходило до сведения подсудимого и могло иметь влияние на него; его дружеские и враждебные отношения, его обещания, угрозы, правдивость его речей, лживость его оправданий, притязаний и объяснений; его наружность, тон речи, молчание на вопросы; все что может объяснить связь между этими частностями, и, наконец, каждое обстоятельство, как предшествовавшее и современное преступлению, так и последовавшее за ним, — все это представляет обстоятельственные или косвенные улики»

Вот как широк круг обстоятельств, которые могут и должны быть исследованы в качестве улик по каждому делу и, в том числе, по такому делу, как настоящее.

Тщательное и всестороннее исследование этих улик, несомненно, может гарантировать успешное расследование преступления, так как сила и значение косвенных улик — при известных условиях — огромны.

«Сила и значение обстоятельственной улики, — замечает по этому поводу Уильз, — заключается в несовместимости и несообразности какого-либо другого объяснения известного факта, кроме того предположения, в доказательство которого она представляется»

Это замечание глубоко верно. В нем заключается один из важнейших принципов теории косвенных улик, и я не вижу ни-

каких оснований отказываться от пользования этим принципом и всей этой теорией и в данном деле.

Наличие в деле лишь косвенных улик создает громадные процессуальные трудности, но они неизбежны, с ними необходимо считаться, их надо уметь преодолеть. Да, в этом деле имеются лишь косвенные улики, отдельные черточки, отдельные замечания, обрывки мыслей или фактов.

Вот эти кусочки и обрывки нужно собрать воедино, сопоставить друг с другом и с другими фактами, дать их анализ и синтез, привести в одну систему, в одно гармоническое целое. Будучи гармонически сведены в систему, косвенные улики вырастают в страшную, неотвратимую силу, превращаются в цепь доказательств, окружающих обвиняемого глухой стеной, через которую нельзя прорваться, нельзя никуда уйти. Но для этого улики должны быть сами по себе безупречны и гармоничны, логически между собой связаны, должны быть связаны между собой всеми звеньями. Одним из важнейших таких звеньев является мотив преступления.

Вот с точки зрения этих принципов уголовного процесса, с точки зрения этого доказательственного процессуального права, в основном, несомненно, обоснованного огромнейшим опытом судебного разбирательства, я и хочу подойти к рассмотрению ряда обстоятельств, которые необходимо понять, объяснить и соединить в цепь обстоятельств, изобличающих Семенчука в убийстве доктора Вульфсона.

Первый вопрос, который я ставлю,— это вопрос о мотивах преступления, это то, что выражено было еще в римском праве в формуле «*cuī prodest?*» — «кому на пользу», в чьих интересах совершено преступление?

Не следует думать, что в каждом деле легко открыть мотив преступления, побуждения, которые можно было бы считать вполне достаточными, особенно с точки зрения, как говорит Уильз, правил нравственности. Кроме того, нужно иметь в виду, что «сущность нравственной испорченности в том и состоит, что при ней являются ложные представления о предстоящих выгодах, а потому между предметами желания и средствами, употребляемыми для приобретения их, нет правильного отношения. Кинжал убийцы можно купить за несколько червонцев; между теми и другими побуждениями к преступлению может быть только качественная разница».

Установить мотив не так легко и не всегда возможно. Известна категория так называемых «безмотивных» преступлений, т. е. таких преступлений, в которых мотив оказался неустановленным. Тем не менее мотив в каждом преступлении, если оно совершено не в состоянии невменяемости, должен быть и не может не быть. Это так же верно, как и то, что все же в ряде

случаев мотив остается нераскрытым. В данном случае с мотивом обстоит дело благополучно, на вопрос «сui prodest?» я отвечаю: «Семенчуку», и это я постараюсь детально обосновать. Больше того, я постараюсь доказать, что убийство Вульфсона было в интересах только Семенчука, и никого другого.

Убийство совершено по мотивам, которые руководили Семенчуком. Оно совершено по мотивам, которые совершенно отчетливо установлены нашим процессом, которые не подлежат никакому сомнению, достоверность которых является совершенно очевидной.

Мотив один — устранить доктора Вульфсона как опасного разоблачителя Семенчука, как бесстрашного критика семенчуковщины. Это обычный мотив, когда оружие убийцы направляется против общественного деятеля, когда оружием убийцы руководит стремление убрать со своего пути ненавистного ему и опасного разоблачителя его преступлений. Мотив здесь один — ясный, отчетливый: устранить доктора Вульфсона за критику, за борьбу против семенчуковщины, против безобразных преступлений, которые творил Семенчук вместе с Вакуленко, вместе со своим адъютантом Старцевым; еще Крохин остался в тумане, мы его не нашли в обществе таких фигур, как Надежда Семенчук, фигурировавшая здесь в качестве свидетельницы и сейчас привлеченная также к уголовной ответственности.

Какие основания у нас говорить, что этот мотив беспорен?

Обратимся к показаниям свидетелей. Я возьму только четверых: Золотовского, Куцевалова, Богданова и Каймука. Я не беру Фельдман, — она жена трагически погибшего человека. Я не беру Фельдман, — она сама пережила ужасную травлю и бесчинства Семенчука и может внести в свои объяснения вполне законный и вполне понятный, но все же субъективный момент. А я хочу отказаться от всякого рода наслоений, которые могут помешать суду найти полную и безусловную истину. Я поэтому отбрасываю все, что может поколебать эту задачу, и беру показания только четверых — абсолютно объективных — людей: Золотовского, Куцевалова, Богданова и Каймука. А что они говорят?

Они говорят: мы подозревали убийство Вульфсона, потому что считали, что здесь имела место расправа Семенчука с Вульфсоном как с человеком, который его разоблачал и в будущем может разоблачить. А были ли действительно основания для разоблачения Семенчука? Были. А были ли основания для Семенчука бояться именно Вульфсона как разоблачителя? Были. Я показал уже, что среди зимовщиков 1934/35 года был один смелый человек, способный на разоблачение, хотя бы ценой своей жизни, хотя бы с риском собственной жизни, — это доктор Вульфсон. Семенчук это прекрасно понимал и чувствовал.

И поэтому все единодушно говорят, что ненависть, не просто недовольство, не просто недоброжелательство, а именно ненависть к Вульфсону руководила Семенчуком во всех его действиях и поступках.

Куцевалов говорил на суде: «Я считаю, что убийство Вульфсона организовали Семенчук и Вакуленко». Я с этим согласен; я не исключаю, что Вакуленко участвовал в организации этого убийства вместе с Семенчуком. Это подтверждается одним обстоятельством, связывающим обоих, о котором я буду говорить дальше.

«Бывший в качестве физического исполнителя Старцев способный на все, очень скрытный, упрямый (я бы сказал, и лживый), который никогда не сознается». Куцевалов утверждает, что Старцев притворяется дурачком, что он хитер и способен на всякие преступные комбинации.

Богданов: «Слово Семенчука было для Старцева законом».

Каймук: «Мое и других зимовщиков убеждение, что в данном случае имела место расправа Семенчука с Вульфсоном как с человеком, критиковавшим его действия».

Вот мотивы убийства.

Мотив налицо, мотив установлен. Мотив подтвержден доказательствами. Этот мотив никоим образом, что бы здесь ни говорили, нельзя поколебать. Нам могут сказать, что все свидетели лгут, что 98% их показаний — ложь. Так пробовал защищаться Семенчук. Но разве это может кого-нибудь убедить? Мотив преступления, который толкал Семенчука на убийство доктора Вульфсона, таким образом, можно считать абсолютно установленным. Он налицо. Не только показания свидетелей — рапорт самого Вульфсона, не только рапорт самого Вульфсона — письмо, которое в ночь на 26 декабря было им написано, — все это говорит с абсолютной ясностью, что мотив установлен с точностью.

Утром 26 декабря доктор Вульфсон уехал в бухту Сомнительную. Доктор Вульфсон оставил в бумагах на своем столе для того, чтобы не пугать свою жену возможной, надвигающейся на него катастрофой, — письмо. Это письмо вычеркнуть из ряда улик нельзя. А это письмо говорит: «В случае моей гибели прошу винить только Константина Дмитриевича Семенчука». Откуда это знал доктор? Он это чувствовал. Он чувствовал, что он центр ненависти, центр преследования, центр борьбы, которую вел против него, доктора Вульфсона, именно Семенчук. Он, вероятно, хорошо понимал, что Семенчук, который кричал на весь остров и не встречал никакого противодействия ни с чьей стороны, кроме как со стороны Вульфсона, что «я — и ГПУ, я — и суд, я — и прокуратура, я — вплоть до... расстрела», — ни перед чем не остановится... И Вульфсон,

подозревая что-то неладное в своей командировке на мыс Блассон, оставляет письмо с прямым обвинением Семенчука в убийстве. Это серьезная и опасная для Семенчука улика.

Такова была обстановка на острове, когда все буквально трепетало перед Семенчуком.

Можно ли в условиях такого режима допустить, чтобы кто-нибудь осмелился пальцем шевельнуть против Семенчука? Это было бы совершенно невероятным, как невероятно было бы предположение, что на острове кто-либо мог задумать и осуществить убийство одного из зимовщиков за спиной Семенчука, без его ведома и благословения, за свой собственный риск и страх!..

Без Семенчука в этих условиях убийство совершено быть не могло. Но одних этих соображений мало. В деле достаточно данных, чтобы утверждать, что Семенчук систематически подготавливал убийство.

Какие это данные? Вот они.

Во-первых, установлено, что 26 декабря Вульфсон уехал не по собственной своей инициативе, а по прямому приказанию Семенчука. Семенчук пытался доказывать обратное; Семенчук понимает, что при известных условиях это обстоятельство не может не быть серьезной уликой; поэтому Семенчук пытался доказывать, что доктор Вульфсон уехал по собственной инициативе.

«Вызова в больницу, — говорит Семенчук на первом допросе, — не было, и врач уехал по собственному желанию. Вызов был 15 ноября, а 26 декабря врач выехал по своей инициативе для научной работы». Я подчеркиваю последнее обстоятельство, ибо на суде он сказал, что Вульфсон выехал не для научной работы, а для оказания помощи больным.

Семенчук говорил: «Я не настаивал на отъезде Вульфсона, он уехал по собственному желанию».

Так можно считать установленным, что Семенчук хотел доказать, что отъезд был по инициативе самого врача Вульфсона и что он тут ни при чем.

Надежда Семенчук говорит: «Отъезд Вульфсона был вызван необходимостью оказать помощь больному туземцу в бухте Сомнительной. Я это слышала от мужа, который узнал это от приехавшего туземца».

По этому показанию, инициатива отъезда уже приписывается Семенчуку, который узнал о болезни какого-то туземца от приехавшего в бухту Роджерса. Итак, узнал о болезни кого-то от приехавшего туземца Семенчук. Это обстоятельство я прошу запомнить. Оно имеет большое значение, так как судебное следствие установило, что в эти дни никто из туземцев с сообщением о чьей-либо болезни не приезжал и, следовательно, ни-

кто Вульфсона к больному не вызывал. Но также установлено, что именно Семенчук пустил слух о приезде туземца и вызове доктора.

Это подтверждает и Старцев, показавший: «Помню хорошо, что Семенчук велел доктору уехать к больному туземцу в бухту Предательскую».

Можно считать установленным, что отъезд доктора был по инициативе Семенчука, который установил якобы необходимость выехать для оказания помощи больному сыну Тагью, так как якобы сын Тагью болен и ждет в Предательской врача, которого он просил прислать. В действительности было не так; в действительности никакого вызова к больному сыну Тагью не было, потому что 29-го на мыс Роджерс приехал сам больной Тагью и заявил, что никакого врача к себе не ждал и, следовательно, никак не мог его вызывать.

Поэтому я считаю совершенно установленным то обстоятельство, что выезд доктора Вульфсона 26 декабря в Предательскую был действительно предательским. Он был организован Семенчуком, который сослался на якобы полученный им вызов доктора из бухты Предательской. В действительности никакого вызова не было, хотя сын Тагью был действительно болен. Но он сам выехал в Роджерс, куда и приехал 29 декабря, разъехавшись с доктором в пути.

Зачем же Семенчуку было выдумывать этот вызов? Зачем нужно было ему скрыть истину? Затем, что это была одна из улик и остается одной из улик, которая действительно изобличает Семенчука в подготовке к убийству доктора Вульфсона.

Фельдман говорит: «24 декабря возвращается Вульфсон от больных. Подходит Старцев и говорит: есть распоряжение от Семенчука отправиться в бухту Предательскую к сыну Тагью и на мыс Блассон к Ноко, есть приказ Семенчука немедленно собраться». Это все подтверждает и Старцев. У нас есть подтверждение, что никто доктора к Тагью не вызывал. У нас есть показания Тагью, переведенные Псповым, и из этих показаний совершенно отчетливо вытекает, что никто его не вызывал.

Свидетель Смирнов показывал здесь, в каких условиях был организован отъезд доктора «к больному». Это действительно кошмарные условия. Доктору пришлось выдержать целую баталию с Семенчуком, — по поводу чего? По поводу кухлянки и спального мешка, которых не хотел доктору дать Семенчук, отправлявший доктора чуть ли не за 100 километров. Идет ссора, идет спор. Этот спор идет на глазах многих людей и всеми подтвержден. Семенчук отправляет доктора чуть ли не в легких брюках. Свидетель Смирнов говорит, что доктору дали обычный тулуп, но в таком тулупе ехать в командировку было нельзя. «У нас в Ленинграде, — говорил Смирнов, — дворники

ходят в таком тулупе, походят, походят и идут греться. Тулуп в тундре — преступление». И вот в таком дворником тулупе Семенчук хотел отправить доктора Вульфсона на мыс Блассон!

Мы имеем рапорт Вульфсона от 3 декабря 1934 г. Конечно, Вульфсон не мог предположить, что он погибнет 27 декабря, не мог предположить, что Семенчуку будет предъявлено обвинение в убийстве и что обвинители используют этот рапорт, чтобы поддержать обвинение против Семенчука. В этом рапорте доктор Вульфсон писал: «Ставлю вас в известность... полученные меховые брюки малы, я в дальнейшем к больным в плановом порядке выезжать не буду... я отморозил правую пятку».

Вот почему эта улика, говорящая о том, что сама подготовка событий 26 декабря, имела плановый характер, носила заранее обдуманый характер, позволяет говорить о том, что Семенчук в этом деле участвовал полностью.

Я хочу обратить внимание еще на одно подозрительное обстоятельство. Вы помните, что 24 декабря в Роджерс приехали Таграк и Етуй за керосином. Они с запада приехали за керосином на мыс Роджерс. Если бы они получили керосин и уехали обратно, то возможно, они были бы спутниками Вульфсона и Старцева. Приобретает силу обвинительной улики тот факт, что 25 декабря Семенчук Таграка и Етуя, приехавших с запада, отправляет за керосином на север, где керосина не было, если не считать полумифической бочки, выброшенной на остров после гибели «Челюскина». Но если даже допустить, что там была бочка с керосином, то спрашивается, зачем за этой бочкой посылать из Роджерса людей, когда керосин был на Роджерсе?

Мало здесь логики Семенчук говорит: «Бочка текла и поэтому нужно было послать туда за керосином». Кто там отпустит этот керосин? — Аналько; но Аналько, говорят, этот керосин считал своей собственностью. Семенчук путает. Сначала он говорил, что послал на север за керосином; а потом на суде стал говорить, что послал не за керосином, а на охоту за медведем, что вызвало улыбку на лицах Ушакова и Минеева, подтвердивших, что в январе месяце за медведями на острове не охотятся. Явное противоречие, которое не в пользу Семенчука. Тогда Семенчук дал третье по счету объяснение: он послал за охотниками, чтобы организовать поиски пропавшего доктора. Но как бы то ни было, Вульфсон пропал и надо его искать. Как же ищет доктора Семенчук?

Раньше всего, надо считать совершенно точно установленным, что Семенчук вечером на поиски отправляться и отправлять кого-нибудь не хотел, — показания Фельдман и показания Куцевалова и ряда других свидетелей говорят о том, что Семенчук предлагал поиски доктора отложить до утра и что только под напором вот этих уже встревожившихся людей, почувствовав, что он по-

пал в очень тяжелую обстановку, он согласился и организовал этот выезд 31 декабря в 11 часов вечера.

Что говорит Фельдман? «Несмотря на мои просьбы разрешить мне выехать на поиски, Семенчук мне это запретил, не желая, видимо, чтобы я видела труп. Семенчук хотел, чтобы на поиски врача поехали одни туземцы. Когда я потребовала, чтобы сам Семенчук тоже поехал, то он крикнул: «С кем вы разговариваете, кому вы указываете!» Я ответила: «Губернатор вы здесь, а в Москве я с вами поговорю» Видимо, испугавшись, Семенчук решил ехать, но потом отложил отъезд на утро. Я начала протестовать, и Семенчук тогда выехал в 11 часов ночи. Старцев и Вакуленко остались. 1-го Старцев поехал в бухту Роджерса к Семенчуку, а Вакуленко поехал на север. Вернувшись оттуда, Вакуленко поехал на запад, несмотря на мой отвод. 1 января Паля и Куцевалов нашли застопоренную нарту, но трупа не было. 2-го и 3-го продолжали «поиски», но не «нашли». 4-го Вакуленко поехал и сразу нашел труп».

И Куцевалов подтверждает, что Семенчук хотел отложить розыски до следующего дня, и Смирнов подтверждает, что Семенчук хотел отложить розыски до следующего дня.

Я хочу отказаться от всякой предвзятости, от всякой презумпции: оценим объективно поведение этого начальника острова. Ему заявляют, что пропал доктор, заявляют в четыре часа дня. Кому придет в голову отложить поиски, тем более, что прошло уже четыре дня после его пропажи, когда каждый час последующего промедления решает жизнь пропавшего человека? Кому же придет в голову, добросовестно рассуждая, отложить поиски до утра? А Семенчук откладывает поиски до утра, он не хочет ехать, и если едет, то только благодаря настойчивым требованиям ряда лиц, раньше всего Фельдман, потом Куцевалова и других.

Вы помните, товарищи судьи, как стоял вопрос о том, почему не был направлен Семенчуком Старцев по тому направлению, где был потерян Старцевым доктор Вульфсон. Вопрос вполне законный: если я где-нибудь что-нибудь потерял, никто лучше меня не определит, где я потерял. Если допустить, что Старцев потерял врача, самое естественное, что и на поиски врача будет отправлен раньше всего Старцев, и именно туда, где Старцев потерял этого доктора. И поэтому мы на судебном следствии над этим вопросом достаточно долго бились. Мы хотели выяснить, почему, в самом деле, Семенчук отправляет на запад Кмо, отправляет на запад еще одну нарту, отправляет три нарты на запад, а нарту со Старцевым направляет не на запад, а в прямо противоположном направлении, т. е. на восток.

Семенчук говорит: «Я это сделал потому, что в тот момент, когда Старцев приехал в Сомнительную, все нарты были

распределены и отправлены на места. Я отправил три нарты на запад, три на север, и, следовательно, мне нельзя было отправлять четвертую на запад или на север, и я направил эту новую нарту на восток, чтобы охватить все возможные направления и районы поисков». Это объяснение казалось вероятным, правдоподобным, и мы склонны были этому поверить. Но вот пришел Куцевалов, который нашел нарту погибшего доктора, и подтвердил; и вслед за тем подтвердил это и Старцев; и вслед за тем замолчал Семенчук...

Что сказал Старцев, что сказал Куцевалов? Они сказали, — и Семенчук этого опровергнуть не сумел, — что в тот момент, когда Старцев приехал в Сомнительную, нарты еще не уезжали ни на запад, ни на север. Старцев видел Куцевалова с его нартой, он видел и другие нарты и тем не менее Семенчук не послал Старцева в место предполагаемой потери доктора, а послал его по противоположному направлению. Зачем? Семенчук объяснить не смог. Объяснения Семенчука были отвергнуты. Ясно, что Семенчук не хотел, чтобы сравнительно быстро доктор был найден, ибо он полагал, что чем дольше его будут искать, тем будет лучше с точки зрения результатов реализации и осуществления задуманного Семенчуком преступления.

Самый факт лжи по этому эпизоду целиком и с головой выдает Семенчука.

А как он направляет на поиски Куцевалова? Он направляет Куцевалова тоже в противоположную сторону. Это тоже улика против Семенчука. В результате того, что рассказал и объяснил Семенчук Куцевалову о направлении по которому нужно ехать на поиски доктора, Куцевалов никогда бы не нашел доктора. Куцевалову было дано указание ехать по прямой, параллельно линии берега. Куцевалов сообразил, что параллельно берегу ехать нельзя, ибо здесь никак нельзя обнаружить следы нарты доктора. И он совершенно правильно поступает, взяв направление на пересечение с возможными отыскиваемыми следами.

Куцевалов сделал правильно, а Семенчук посылал его по ложному направлению. Может быть, это случайность? Но случайность хорошо допустить раз, два, но двадцать две случайности, допускаемые обвиняемыми, превращаются уже в двадцать два несчастья для обвиняемых.

Главным деятелем в поисках Вульфсона оказался Вакуленко. Вакуленко отводят все зимовщики, — Семенчук доверяет ему поиски доктора, и он, действительно, находит груп Вульфсона.

Я считаю неправильным предположение, которое, как мне кажется, будет выдвигать защита о том, что Вакуленко убил доктора Вульфсона, но мне не так важно сейчас спорить по этому вопросу, как важно подчеркнуть то обстоятельство, что Семенчук с Вакуленко несомненно были одинаковой точки зрения на

необходимость устранения доктора Вульфсона. Не исключено — это прямо вытекает из материалов дела, — что Вакуленко был посвящен в тайну гибели доктора Вульфсона. Не исключено даже его подстрекательство к убийству доктора, его задушевные разговоры и тайные намерения убрать доктора, использовав с одобрения и по прямому указанию Семенчука для этой цели такого подходящего для «сих дел мастера», как обвиняемый Старцев. Ясно, что в этом отношении именно Вакуленко был для Семенчука «разлюбезнейшим» следователем по важнейшим делам.

Куцевалов показывает, что, несмотря на единодушные требования не допускать Вакуленко к расследованию, Семенчук его допустил. Когда Куцевалов нашел застопоренную нарту и когда труп Вульфсона привезли на мыс Роджерс, был разговор между Семенчуком и Вакуленко о том, чтобы труп бросить в лунку, — разговор, который не может не вызвать известного и весьма серьезного подозрения. Странно и то, что когда прибыли в бухту Сомнительную, то оказалось, что здесь застали около трупа Вульфсона Вакуленко в полупьяном виде и Тагью, впоследствии умершего при невыясненных обстоятельствах.

А обыск трупа, который произвел Семенчук с Вакуленко, изрезав до лоскутков всю одежду, в которой был найден погибший доктор! Старцев показал, что когда труп лежал на нарте, Семенчук начал производить обыск и на вопрос Старцева: «Зачем?» — ответил: «Не твое дело». По поведению Семенчука, говорит Старцев, можно было понять, что он что-то искал. Что он искал? Может быть документы, записки, письма? Может быть он искал ту записку, которую Вульфсон оставил на столе в бумагах, где он обвиняет в своей гибели не кого другого, как одного Семенчука? Трудно сказать, так как ни Семенчук, ни Вакуленко протокола «космотра» трупа здесь не составили; но если бы они такой протокол и составили, то какую ценность имел бы этот протокол? Свидетелей нет, своя рука — владыка..

Но Семенчук идет на прямой подлог. Обнаружив бутылку с денатуратом, он пишет в акте, что это спирт. Это нужно было ему для того, чтобы доказать, что доктор Вульфсон был пьян, для того, чтобы версия Семенчука о разбившемся и замерзшем пьяном докторе получила больше достоверности и вероятия. А что делает Семенчук дальше?

Несмотря на то, что Фельдман упорно добивается присылки из Москвы для следствия не заинтересованных в деле лиц, Семенчук упорно это отстраняет, упорно устраняет эту возможность, не пропуская ее телеграмм в Москву, всячески стараясь изолировать Фельдман. Семенчук никого, кроме Вакуленко, не допускает к расследованию даже на пушечный выстрел.

Я хочу обратить внимание Верховного суда и на следующее обстоятельство: мы здесь подробно исследовали, как потерял Старцев доктора, и я не могу не напомнить вам, пользуясь стенограммой одного из наших последних заседаний, следующий диалог, который произошел между обвинением и Старцевым.

Я спросил Старцева: «Не говорил ли вам Семенчук что-нибудь по поводу доктора?» — «Нет».

Второй раз спросил: «А не предлагал ли вам Семенчук потерять доктора?» Старцев говорит: «Так». Тогда председатель суда переспросил Старцева: «Обвиняемый Старцев, вам Семенчук говорил по поводу доктора?».

Старцев: «Да, он сказал: оставьте его в дороге».

Прошу обратиться к стенограмме.

Я понимаю, что это не очень приятно для защиты, но что же тут делать, я стенограмму держу в руках.

Старцев передавал нам здесь, подтвердив свои показания на предварительном следствии, что он слышал разговор Семенчука с Вакуленко. «Труп Вульфсона, — говорит Старцев, — я привез по распоряжению Семенчука в Роджерс и хотел положить на квартиру. Тогда Семенчук категорически предложил положить в склад, говоря: «Брось в склад». Вакуленко это подтвердил и добавил: «Семенчук, теперь берегись», а Семенчук ответил: «Тебе больше нужно беречься, чтобы жена доктора Вульфсона не застрелила».

Такой разговор был. Это в точности установлено. Этот разговор — тоже улика, и не малая. Такие разговоры ведут люди в известных условиях, находящиеся в известных отношениях к самому событию, такие разговоры ведут сообщники.

Старцев показывает: через несколько дней Семенчук, будучи выпивши, у него на квартире в присутствии Вакуленко говорил: «Я тут вся власть, я погранохрана, я ГПУ, и вот как расправлюсь я с плохими людьми и если кто станет мне на пути, тоже уберу. Я и судья, я и начальник острова, и того, кто мне не подчинится, я уберу». Касаясь жены Вульфсона, Семенчук тут же сказал: «Эту жидовку нельзя слушать, я ее вывезу отсюда в два счета».

Такие разговоры Старцев слышал. Как можно их сбросить со счета? Старцев, правда, сам заинтересован в этом деле: ведь это он говорил, что Вакуленко убил доктора

Конечно, дело суда дать надлежащую оценку этому факту. Моя обязанность — напомнить суду об этом факте. У меня нет оснований не поставить этот разговор в связь с целым рядом других обстоятельств и не сделать из них определенных выводов.

Небезынтересно обратить внимание на ряд последующих действий Семенчука. Семенчук замечает следы, Семенчук дает

телеграмму Ушакову, в которой он категорически сообщает, что доктор пошел пешком. Откуда Семенчук знал, что доктор пошел пешком? Семенчук телеграфировал в Москву, что Вульфсон погиб в первый день. Откуда он все это знает? По каким данным Семенчук пришел к такому заключению? Таких данных у Семенчука не было; но Семенчук писал так, как действовал, а действовал так, как ему было выгодно. Я утверждаю, что акт от 8 марта Семенчук составил в целях объяснения и обеления своих действий. Эта его цель сквозит чуть ли не в каждой строчке акта, стремящегося доказать во что бы то ни стало, что Вульфсон был пьян и погиб в пьяном виде.

Особенно характерен в этом отношении пункт второй акта, где говорится, что врач Вульфсон захватил с собой «нетребуемое количество чистого спирта и в пути употреблял его». «С таким количеством спирта, — пишет Семенчук в этом акте, — найденного в личных вещах Вульфсона, растерянных в районе бухты Сомнительной, не только растерять сумки, вещи, но даже можно уехать в разные стороны. Спирта у врача, очевидно, был запас и им был взят в дорогу без моего ведома, который обнаружили в найденных сумках до двух литров, и по данным, это был еще не весь. Несмотря на мои неоднократные напоминания, Вульфсон по день гибели не дал мне отчета об израсходовании взятого у меня спирта, который выдавался ему два раза по его требованию, и в последний раз ему было уменьшено до представления отчета об израсходовании».

Это — замечательный документ. Во-первых, мы знаем совершенно точно, что количество спирта, найденное при Вульфсоне, не превышало 100 граммов, и, следовательно, было совершенно недостаточно не только для того, чтобы «уйти в разные стороны», но и чтобы потерять вещи. Семенчук фальсифицирует документ, составляет его как заключение, как акт, опираясь якобы на показания разных людей. Он составляет документ, из которого видно, что и 2 марта Семенчук остается на позиции предположения или уверенности, или, вернее, уверения других, что Вульфсон погиб вследствие того, что был пьян. Семенчук утверждает, что спирта у врача было много, что спирт он взял без ведома его, Семенчука, и что у Вульфсона было целых два литра спирта! Все это — вымысел. У Вульфсона было всего 100 граммов спирта, а Семенчук в акт внес указание на 2 литра. Акт составлен Семенчуком явно тенденциозно. Это одно уже толкает на предположение, что Семенчук замазывает следы преступления. Максимум, в чем он готов обвинять Старцева, это в том, что Старцев не привязал своей нарты к нарте доктора и не проявил должной бдительности, которая исключила бы возможность потери и гибели доктора Вульфсона. Обвинение Старцева очень скромное и очень удобное для Семенчука!

Перейду к следующей улике.

Вы помните историю с изоляцией Фельдман. Все обстоятельства дела говорят, что в плане Семенчука было уничтожить и доктора Фельдман. Иначе нельзя понять этот приказ и распоряжение вывезти ее на мыс Блассон. И здесь, в этой истории с выселением на мыс Блассон Фельдман, замешан Вакуленко, говоривший Семенчуку, что «эту жидовку нужно убрать», выражавший готовность вывезти Фельдман с зимовки «в два счета». Здесь было с точностью установлено, что Вакуленко обращался к Семенчуку с просьбой «разрешить ему убрать Фельдман, — разрешить ему пустить ее в расход».

Почему Семенчук не принял мер против Вакуленко, почему Семенчук не положил предела подобного рода преступным высказываниям Вакуленко? Потому, что сам Семенчук был такого же мнения, вел такую же «линию». Он сам принимал меры к тому, чтобы действительно, если не извести, то вывезти Фельдман на мыс Блассон.

Если обратиться к переписке Семенчука с Долгим, то можно точно установить попытки Семенчука изолировать Фельдман, отрезать ее от внешнего мира, лишить ее возможности что-либо писать о событиях на острове Врангеля. Все это свидетельствует о том, что он принимал меры к тому, чтобы изолировать Фельдман от внешнего мира, после того как ему не удалось ее физически уничтожить. Поэтому вся сумма обстоятельств, характеризующих поведение Семенчука до убийства доктора Вульфсона и после убийства доктора Вульфсона, с несомненностью устанавливает факт систематической травли Семенчуком доктора Фельдман. Семенчук дышал ненавистью к Фельдман, разоблачившей его причастность к убийству доктора Вульфсона, как дышал ненавистью к Вульфсону, разоблачившему преступления Семенчука. Все это говорит о том, что Семенчук в этом деле принимал главное участие как подстрекатель и организатор убийства доктора Вульфсона.

Мог ли Старцев совершить убийство на свой страх и риск? Нет. Он в этом заинтересован гораздо меньше Семенчука. Ведь если даже предположить, что Семенчук рассказывал Старцеву о Вульфсоне, который приходил к Семенчуку и требовал привлечь Старцева за изнасилование дочерей Паля к ответственности, если допустить, что это вмешательство Вульфсона в «женский вопрос» Старцева могло вызвать у последнего страх и злобу, то и в этом случае нет никакой возможности думать, что Старцев мог бы решиться действовать самостоятельно. Но в руках Семенчука этот факт мог сыграть и — я уверен в этом — сыграл свою роль.

Итак. *Cui prodest?* Кому нужно было убийство Вульфсона? Отвечаю: оно было в интересах Семенчука, оно нужно было ему,

раньше всего ему, и доказательством этого служит посмертное письмо доктора Вульфсона. Я считаю, что обвинение, предъявленное Семенчуку в подстрекательстве Старцева к убийству доктора Вульфсона, и обвинение, предъявленное Старцеву как фактическому исполнителю убийства, полностью доказаны.

Я прошу вынести обоим подсудимым суровый приговор. Если вы согласитесь с доводами обвинения, вы вынесете обвинительный приговор. Если вы вынесете обвинительный приговор, то в этом приговоре вы должны будете сказать, не можете не сказать — «убийц расстрелять»...

Верховный суд приговорил обоих обвиняемых к высшей мере уголовного наказания — расстрелу. Ходатайство о помиловании, поданное осужденными, было отклонено, и приговор был приведен в исполнение.

ДЕЛО О ВРЕДИТЕЛЬСТВЕ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СТАНЦИЯХ В СССР

В течение 1931—1932 гг. на крупных электростанциях СССР — Златоустовской, Челябинской, Ивановской, Бакинской и др. — имели место систематические аварии отдельных котлов моторов, турбин, генераторов и т. д., выводившие их из строя на более или менее длительные сроки и понижавшие мощность электростанций.

Образованная в стадии предварительного следствия и вызванная в судебное заседание специальная техническая экспертная комиссия на основе представленных ей данных пришла к заключению о наличии во всех обследованных случаях аварий либо преступной небрежности, либо прямого вредительства со стороны технического персонала, обслуживающего перечисленные станции.

Следствие установило, что причиной указанных аварий была вредительская деятельность контрреволюционных групп, состоявших из государственных служащих электростанций, в большинстве своем из высшего технического персонала, действовавших в соучастии с некоторыми служащими частной английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», работавшей в СССР по договору.

Как установило следствие, начальник Златоустовской электростанции Гусев В. А., совместно со своим помощником Соколовым В. А. и рядом других лиц, систематически выводил из строя в течение 1931 и 1932 годов мотор в 1400 л. с., приводивший в действие крупносортовый стан прокатного цеха Златоустовского металлургического завода. В результате одной из таких аварий снарядные цехи не работали полтора месяца, в конце 1931 года он заморозил котел № 8 для ослабления котельного хозяйства электростанции. Тогда же Гусев вывел из строя углеподачу № 1, после чего вся углеподача по его распоряжению, была разобрана и выведена из строя на полтора года; с вредительской целью Гусев задержал монтаж котлов №№ 1, 2, 11, в результате чего мощность электростанции была снижена с 12 000 до 6000 киловатт.

Начальник Златоустовской электростанции Гусев и его помощник Соколов в то же время готовили ряд аварий, которые должны были вывести из строя электростанцию и лишить электрической энергии Златоустовские заводы в момент ожидавшегося вредителями военного нападения на СССР.

Эта преступная деятельность Гусева и Соколова совершалась по договоренности с монтажным инженером английской фирмы «Метрополитен-Виккерс» Макдональдом В. Л., принимавшим участие в разработке планов аварий.

Кроме того, по поручению того же Макдональда, Гусев и Соколов непосредственно и через третьих лиц собирали для Макдональда и передавали ему секретные сведения военно-государственного значения. За эти действия Гусев и Соколов получили от Макдональда: Гусев одновременно 2500 руб. и Соколов — 1000 руб.

Макдональд действовал с ведома и по заданию главного монтажного инженера московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» Торнтонна Л. Ч., с которым, так же как и с Макдональдом, Гусев лично обсуждал планы аварий в Златоусте в 1931 году и на станции Харцызск в 1932 году. При этом Гусев передал Торнтону ряд секретных сведений военно-государственного значения.

Основным вредителем на Зуевской электростанции был заведующий турбинным цехом станции Котляревский М. Л., который произвел аварию турбогенератора № 3 в июне 1932 года и, совместно с умершим впоследствии Васильевым, организовал аварии с масляными насосами турбин №№ 1 и 3 путем умышленного засорения этих насосов.

Эти вредительские акты были совершены Котляревским в соучастии с тем же Макдональдом, от которого Котляревский получил за эти преступные действия 1000 руб.

На Ивгрэсе вредительство осуществляли: заведующий эксплуатационным отделом Лобанов А. Т. вместе с мастером этой же электростанции Лебедевым В. П., служащим фирмы «Метрополитен-Виккерс» английским подданным Нордволлом Ч. и другими лицами.

Лобанов систематически выводил из строя моторы цепных решеток путем перелома кабеля, питающего эти моторы; умышленно засорял песком подшипники мотора питательного насоса котлов, вследствие чего мотор выбыл из строя; умышленно вывел из строя мотор дымососа котла № 5 путем закрытия вентиляции мотора и т. д.

В результате вредительских действий Лобанова имели место перебои в работе станции и сокращалось электроснабжение заводов и фабрик, питаемых Ивгрэсом.

За это Лобанов получил от Нордволла 5000 руб., из коих около 300 руб. передал Лебедеву.

На той же Ивгрэс, вне связи с указанными лицами, по прямому предложению Торнтонна, мастер станции Зиверт тормозил в 1931 году монтаж трансформатора, за что получил от Торнтонна в два приема 800 руб.

На электростанции Мосэнерго вредительство осуществлялось начальником эксплуатационного отдела 1-й московской городской электростанции Сухоручкиным Л. А., Зориным Н. Г. и начальником ремонтно-монтажного отдела 1-й московской городской электростанции Крашенинниковым М. Д.

Сухоручкин на протяжении 1928—1932 гг. систематически скрывал по договоренности с Торнтоном серьезные дефекты поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования, что привело к ряду аварий, снижало работоспособность станции и лишало возможности взыскать с фирмы «Метрополитен-Виккерс» в порядке рекламации убытки.

В 1930 и 1931 годах Сухоручкин, неоднократно встречаясь с Торнтоном, договаривался с ним о способах разрушения электростанции в момент начала войны против СССР.

Зорин по договоренности с тем же Торнтоном в 1931—1932 гг. провел на 1-й МГЭС и на Ореховской теплоэлектростанции ряд вредительских мероприятий, скрывая органические дефекты поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования, что привело к систематическим авариям на этих станциях, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм.

Крашенинников на протяжении 1928—1932 гг. провел на 1-й МГЭС ряд вредительских актов и скрывал дефекты поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования и его монтажа, что привело к систематическим авариям на станции и потере рекламационных сумм.

Сухоручкин, Зорин и Крашенинников получили от Торнтонна: Сухоручкин — 2000 руб. и 350 руб. торгсиновскими бонами, Зорин — 1000 руб. и Крашенинников — 500 руб.

Среди служащих фирмы «Метрополитен-Виккерс» руководящая роль по совершению контрреволюционных преступлений принадлежала Торнтону Л. Ч. — главному монтажному инженеру этой фирмы, под руководством которого осуществляли вредительство на отдельных электростанциях СССР и инженеры и монтеры фирмы, английские подданные Макдональд и Нордволл, а равно и английский инженер Кушни и монтер фирмы «Метрополитен-Виккерс» Олейник П. Е.

Через этих лиц, а также и непосредственно Торнтон вступил в связь с контрреволюционными группами советских служащих на электростанциях, договаривался с ними о совершении аварий, о сокрытии дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» (Крашенинников, Зиверт), и давал взятки государственным служащим за совершенные ими преступные действия; занимался военным шпионажем на территории СССР, собирая через Макдональда, Кушни, Грегори и Олейника секретные сведения военно-государственного значения, и давал за полученные сведения через указанных лиц взятки советским государственным служащим.

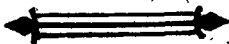
Уполномоченный московской конторой фирмы «Метрополитен-Виккерс» Монкгауз был осведомлен о действиях Торнтонна по организации аварий на этих электростанциях совместно с вредительскими контрреволюционными группами советских государственных служащих электростанций и принимал участие в даче взяток государственным служащим электростанций за сокрытие дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», а также за сокрытие дефектов монтажа этого оборудования, что приводило к авариям.

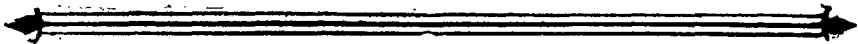
Исполнителем вредительских заданий Торнтонна на Бакинской электростанции был монтажный инженер фирмы «Метрополитен-Виккерс» Кушни, организовавший в 1928 году на этой станции аварию с турбиной № 11 и собиравший секретные сведения военного характера для передачи Торнтону.

Исполнителем преступных заданий Торнтонна на ряде электростанций (1 МГЭС, Макеевка, Мотовилиха) был служащий московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» Олейник, систематически скрывавший дефекты оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», что привело к ряду аварий. Кроме того, Олейник собирал секретные военные сведения и вербовал агентуру для Торнтонна.

Обвиняемая Кутузова А. С., состоя на службе в Московской конторе фирмы «Метрополитен-Виккерс» в качестве секретаря и зная о контрреволюционной работе служащих этой фирмы, систематически передавала и пересылала денежные вознаграждения отдельным участникам контрреволюционных групп государственных советских служащих электростанций за их шпионскую и вредительскую деятельность.

Дело это рассматривалось в Москве 12—18 апреля 1933 г. Специальным присутствием Верховного суда СССР.

Может быть, какие-нибудь сутки отделяют нас от того решительного момента, когда будут подведены окончательные итоги всей нашей работы этих дней, когда в этих итогах будет произнесено авторитетное слово Верховного суда по настоящему делу. Нас отделяет не много времени от того момента, когда со всей отчетливостью, точностью, ясностью, определенностью и категоричностью будет дана последний раз в этом деле квалификация и всех тех отдельных событий, которые были предметом рассмотрения всего нашего судебного следствия, а до того — предварительного расследования и всей суммы тех общественных и политических фактов, которые лежат в основе настоящего процесса.

Эти итоги должны быть и будут весьма значительными, ибо настоящее дело даже среди других дел, проходивших перед Верховным судом в предшествующие годы, имеет исключительное значение, ибо это дело даже среди других дел, уже являвшихся предметом рассмотрения Специального присутствия Верховного суда за последние годы, характеризуется как дело, имеющее исключительное, мировое значение, как дело, к которому сейчас приковано внимание всего мира, трудящихся нашей страны, трудящихся всех стран, всех наших друзей и всех наших врагов.

Всех тех врагов, которые, ослепленные своей классовой ненавистью, охваченные своим чувством классовой вражды и злобы, в преддверии этого процесса забыли границы, поставленные им суверенностью нашего государства, забыли пределы допустимого в международных отношениях и сделали попытки оказать на все направление этого процесса, этого дела такое моральное давление, которое свидетельствует о том, что часто антисоветские круги, бьющиеся в истерике, теряют необходимое и широко возмещенное хладнокровие, переступают границы допустимого и, конечно, получают должный и заслуженный отпор.

Я не сомневаюсь в том, что и впредь они будут получать такой же решительный отпор, который заставит их понять, что в стране строящегося социалистического общества, что в стране, сбросившей 15 с лишним лет тому назад иго капиталистов и помещиков, не будут считаться с какими бы то ни было требованиями, расходящимися с интересами пролетариата, пролетарской

революции, государства пролетарской диктатуры, откуда бы эти попытки ни исходили.

Дерзкие, наглые требования некоторых иностранных кругов, как я уже сказал, получили заслуженный отпор. Они будут получать его и впредь, когда хотя на мгновение забудут, что имеют дело с СССР, страной великой социалистической стройки, страной, отвоевавшей себе свободу от собственных капиталистов и помещиков, ликвидированных Октябрьской революцией, отвоевавшей себе государственную независимость, укрепившуюся и укрепляющуюся с каждым годом нашего существования на основе великих социальных, экономических и политических завоеваний великого Октября, на основе великих успехов нашей первой пятилетки, на основе великих и неисчерпаемых творческих сил трудящихся масс нашей страны, строящей под руководством нашей великой Коммунистической партии новое, социалистическое общество.

Мы никогда и никому не позволяли, не позволяем и не позволим вмешиваться в наши внутренние дела, несмотря ни на какие маневры, истерики, крики, шум и гам. Нельзя не напомнить сейчас об этом, об этих криках, об этих истериках некоторых кругов Англии, потерявших равновесие, плохо усвоивших или вовсе не успевших еще усвоить мысль, высказанную еще три года тому назад товарищем Сталиным в связи с вопросом о «камне преткновения» в деле улучшения наших экономических связей с буржуазными государствами.

Товарищ Сталин на XVI партийном съезде в политическом отчете ЦК говорил:

«Говорят, далее, что камнем преткновения является наш советский строй, коллективизация, борьба с кулачеством, антирелигиозная пропаганда, борьба с вредителями и контрреволюционерами из «людей науки», изгнание Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т. п. лакеев капитала. Но это уж становится, — говорил товарищ Сталин, — совсем забавным. Им, оказывается, не нравится советский строй. Но нам также не нравится капиталистический строй... Не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет миллиардными богатствами. Но раз мы уже согласились, — говорил товарищ Сталин в этом своем историческом политотчете, — не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит возвращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т. п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян СССР, закрепленное нашей Конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей последовательностью. Понятно,

следовательно, что кто не хочет считаться с нашей Конституцией — может проходить дальше, на все четыре стороны»¹.

Этим господам, видите ли, не нравится наша Конституция, наш советский строй, наш советский суд, и они выражают это свое недовольство и Конституцией, и советскими порядками, и советским судом — клеветой, инсинуациями, извращениями, фальсификациями, — словом обычными методами «морального давления» на свое собственное общественное мнение в своих узких, грубых, жестоких, бесчеловечных, капиталистических классовых интересах. Им не нравится, что советский суд — это классовый суд, и они пытаются клеветать, что раз это — классовый суд, то есть суд, который стоит на страже интересов рабочего класса и пролетарского государства, то это вовсе не суд, и что в этой стране, где суд состоит из трудящихся, где суд действует во имя интересов трудящихся, где суд направляет свое и моральное и политическое влияние против эксплуататоров, против врагов трудящихся, — то в этой стране нет правосудия.

Мистер Пэтрик, как об этом мы можем судить по недавно состоявшимся в английской палате общин прениям по вопросам, связанным с биллем против ввоза советских товаров, заявил: «Вся идея правосудия (очевидно в Советской стране, ибо говорилось о советском суде) лежит на классовой основе. Это обстоятельство мной усвоено пару лет тому назад в Москве, когда я был в Верховном суде на одном из процессов, сидел на очень жестком стуле и смотрел на громадное красное полотнище, подвешанное позади судейского стола, за которым судьи сидели и курили». Мистер Хенон — с места: «Судьи курили?» Мистер Пэтрик: «Да». «На этом полотнище, — продолжал мистер Пэтрик, — большими белыми буквами было написано: «Суд — орган пролетариата».

«Это одно, — говорит он, — из классических высказываний Ленина, цитируемое при всяких случаях».

«Эти слова означают как раз то, что они говорят, — суд есть орган пролетариата и по простой логике коммунистической доктрины суд есть орган классовой борьбы и существует для этой главной цели».

«Но, — продолжал Пэтрик, — сама классовая борьба давно уже перестала быть реальностью. Я не сомневаюсь, — говорит далее Пэтрик, — что она была в достаточной степени действительна в первые дни революции и гражданской войны... Много времени прошло с тех пор, и сопротивление буржуазии окончательно и совершенно сломлено».

Этим самым Пэтрик хотел сказать, что раз классовой борьбы

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 259 — 260.

нет, то, следовательно, суду ничего не останется делать с точки зрения логики коммунистической программы, которая считает и признает суд органом, осуществляющим защиту интересов пролетариата.

Мы никогда не скрывали и не скрываем подлинной классовой природы нашего суда, подлинных классовых задач, стоящих перед нашим правосудием.

Мы всегда и везде и устами наших учителей и нашей постоянной работой на теоретических и на практических участках социалистического строительства признавали классовую природу нашего суда, как и всего нашего государства, никогда не отрывали ни одной нашей задачи от общих и основных задач осуществления и защиты интересов рабочего класса и никогда не отрывали нашей судебной работы от этих задач и задач нашей судебной деятельности.

Владимир Ильич в самом начале революции указывал именно на эту действительно величайшую особенность нашего советского правосудия: «На место старого суда, — говорил он про нашу Октябрьскую революцию, — она стала создавать новый народный суд, вернее, советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, — и только этих классов, — в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или оставить свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий»¹.

Советский суд есть суд Советского государства, суд рабочего класса, есть суд трудящихся нашей страны, осуществляющий величайшие исторические задачи построения в нашей стране социалистического общества, служащей примером и образцом для наших братьев по классу во всех других странах, борющихся за свое социальное освобождение.

В противоположность этому суду, во всех капиталистических странах суд всегда был и остается судом, осуществляющим и защищающим интересы капиталистических классов, классов, эксплуатирующих и угнетающих человеческий труд.

«Суд был, — говорит Ленин, — в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации»².

И когда нам говорят о том, что вот наш советский суд — классовый суд, и вы, сидя в этом суде, творите неправосудно свои дела, потому что вы стоите на почве классовой доктрины, то это не что иное, как обычные выпады, свидетельствующие об

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 191.

² Там же.

обычных приемах фальсификации и клеветы, при помощи которой эксплуататоры пытаются замазать подлинную классовую эксплуататорскую сущность своего собственного суда, как и всего своего государства.

Кое-какие господа из английской палаты общин пытаются противопоставить нашему суду свой суд и свое правосудие, указывая на то, что между нашим правосудием и правосудием, скажем, английским существует та разница, которая заключается в том, что в английском суде творится правосудие, а в советском суде правосудия искать нельзя. Вот, например, майор Хильс (Hills), выступая не так давно в палате общин в связи с делом «Метро-Виккерс», прямо заявил: «Правосудие в этой стране (то есть в Англии) и правосудие в других цивилизованных европейских странах, а также капиталистических, как Америка, не сравнимо с правосудием в России».

Полемизируя против Криппса, он далее говорит: «Криппс пускает диалектическую дымовую завесу о том, что будто бы в России есть система правосудия. Он очень хорошо знает, что ее нет».

Майор Хильс — храбрый майор, если он решается говорить то, что я сейчас, к сожалению, вынужден был, оскорбляя ваш слух, цитировать на заседании Верховного суда. Но этому майору не плохо ответили его же сограждане, другие члены парламента.

Вот, например, Криппс, в том же заседании в палате общин заявивший: «Достопочтенный и ученый джентльмен, лорд-адвокат, если бы он был здесь, я уверен, поддержал бы меня в том, что я говорю относительно дела шотландского шелка. Прошел целый месяц после ареста и освобождения под залог, прежде чем обвинение было полностью сформулировано».

Прошел целый месяц, прежде чем было полностью сформулировано только обвинение!

Или Керквуд, заявивший, что в 1913 году член парламента от Дэмбартона был арестован в 1 час 30 минут ночи, брошен в тюрьму и выслан без суда. Его оторвали от его жены и семьи на 16 месяцев. Это не я говорю. Это говорит Керквуд. Это говорит Криппс. Это говорят члены английского парламента, англичане, не потерявшие чувства действительности и умеющие видеть неразвращенными глазами эту действительность, каждый день издевающуюся в капиталистических странах над тем, что там именуется правосудием.

Не нравятся господам капиталистам и наши процессуальные порядки и наши процессы, направленные против контрреволюционеров и вредителей, всегда и неизменно встречающих горячую поддержку, сочувствие, защиту со стороны определенных кругов буржуазии и, в частности,— я об этом должен сказать

именно на этом процессе,— со стороны некоторых определенных кругов английской буржуазии.

Министр торговли Рэнсимен сказал по поводу нашего процесса, т. е. именно того дела, которое сейчас является предметом нашего обсуждения: «Инсценировка процессов вроде этого, по обвинению в саботаже, часто случается в России. Были произведены тщательные изыскания, и мы не могли найти ни одного примера, чтобы один из таких процессов не окончился осуждением».

Что это может означать? Только то, что мы зря, огульно не сажаем людей на скамью подсудимых. Обвинительная власть и органы предварительного расследования, прежде чем посадить на скамью подсудимых по обвинению в том или другом преступлении граждан своей или чужой страны, в высокой степени тщательно взвешивают все обстоятельства, в высокой степени осторожно относятся к этому акту.

Но если британский министр торговли имел в виду сказать, что ни в одном из таких процессов мы не встречаемся с оправдательными приговорами, то это уже переходит в прямое искажение имеющих место фактов. И для того чтобы долго на этом вопросе не останавливаться и чтобы так, на ходу, опровергнуть подобного рода утверждения, я обращаюсь к одной исторической справке, которая касается Шахтинского процесса, по которому были оправданы Потемкин, Штельбринк, Отто и Мейер — четверо из обвиняемых по этому крупнейшему вредительскому процессу, по процессу контрреволюции в Донбассе, о контрреволюционной организации, пытавшейся взорвать нашу всесоюзную кочегарку, нанести тяжелый удар по нашему тепловому хозяйству.

Как же можно после этого говорить о том, что у нас процессы кончаются всегда осуждением? Правда, английский министр торговли говорит о тщательных изысканиях, которые им были предварительно произведены, чтобы сделать тот вывод, которым он поделился в палате общин со своими согражданами. Но нужно сказать, что эти тщательные изыскания столь же очевидно дефектны, как и кое-какие турбины фирмы «Метрд-Виккерс», о которых вчера здесь говорил гражданин Монкгауз.

Вы знаете, что буржуазия всегда пытается скрыть истинную классовую природу всех своих учреждений и, в частности, такого, каким является суд. Можно было бы привести целый ряд в высокой степени авторитетных и ценных фактов, которые говорят именно об этой исторической и постоянной практике капиталистических и эксплуататорских классов, пытающихся скрыть и замазать истинную, эксплуататорскую сущность своих государственных учреждений, в частности — своего суда.

Но, товарищи судьи, это давно, давно уже было очень хорошо и исчерпывающим образом разоблачено, в частности и в отношении того, что собой представляют хваленые суды хотя бы английского государства. У Энгельса в его «Английской конституции» с исчерпывающей и убийственной характеристикой дается анализ классовой природы судов капиталистических стран. Говорится, что «английский суд присяжных, как самый выработанный, есть завершение юридической лжи и безнравственности»¹. И в самом деле, что представляет собой любой суд капиталистической страны.

Энгельс об английском суде говорит так: «Кто слишком беден... получает на предварительный просмотр только обвинительный акт, первоначально данные мировому судье показания и, следовательно, не знает в подробностях собранных против него улики (а это как раз для невинных опаснее всего); он должен тотчас же, по окончании обвинения, отвечать, говорить, может только один раз; если он не исчерпает всего, если не достанет свидетеля, которого он считал нужным, — он погиб»².

После этого нам говорят о том, что правосудие как раз царит в тех странах, где имеет место порядок, нашедший себе уже много десятков лет тому назад такую беспощадную оценку, какая дана этим учреждениям одним из основоположников научного социализма и одним из величайших наших учителей — Фридрихом Энгельсом. Но с тех пор прошло много лет, и каждый год приносит новые и новые примеры, подтверждающие исключительную правильность именно этой оценки. И на сегодня мы могли бы таких примеров найти несчетное число.

Классовая юстиция всем своим острием направлена против интересов трудящихся и по существу не является юстицией, правосудием. Английский журнал «Нью лидер» характеризует мирутский процесс «как величайший скандал в области политических преследований, наиболее позорный в судебных анналах мира». И кто же из людей, следящих за печатью, не знает, что уже больше 4 лет тянется этот чудовищный процесс, в котором над 30 революционерами индусами и англичанами, обвиняющимися в коммунистической деятельности и в организации революционного профессионального движения, в буквальном смысле слова издевается классовая юстиция. 4 года тянулось следствие с допросами при помощи всех тех методов, которые нашли свое применение и в недавно прошедшем в Англии процессе по обвинению в шпионаже офицера Стюарта: «третья степень», содержание в нечеловеческих условиях, все меры подлинного физиче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 383.

² Там же, стр. 385.

ского и морального воздействия,— все это было пущено в ход этим буржуазным так называемым правосудием, в защиту которого сейчас выступают буржуазные парламентарии, осмеливающиеся со своих парламентских трибун бросать столь же голословные, сколь оскорбительные обвинения по отношению к единственной подлинно свободной в мире стране — к Советской стране, по отношению к единственному в мире подлинному правосудию — правосудию советского суда, где осуществляется воля пролетариата, творящего новую жизнь, строящего новое, социалистическое общество.

Этим господам не нравится и наш процессуальный порядок, касающийся предварительного следствия, которому в тех же самых дебатах уделялось очень много внимания, как и всему этому делу и общим вопросам наших судебно-процессуальных порядков, которых я не могу не коснуться сейчас. В этой связи в этих дебатах говорилось, в частности, о том, что у нас на предварительном следствии обвиняемые не пользуются никакой защитой. Один из этих «остроумных» парламентариев заявил: «Прежде признание, а юридическая помощь потом...» Мы видели уже по реплике Криппса, по реплике Керквуда, где именно действительно бывает так, что люди, привлеченные к ответственности, в действительности лишаются всякой защиты. Да, наш процессуальный кодекс и наше процессуальное право в стадии предварительного расследования не знают участия защиты, но это потому, что самый наш закон — и я должен об этом напомнить сегодня — и, в частности, статьи 111 и 112 Уголовно-процессуального кодекса на самые государственные органы возлагают обязанность всестороннего и полного исследования дела — обязанность исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие привлеченных к ответственности, как усиливающие, так и смягчающие ответственность.

И когда наши враги говорят в порыве классового гнева и слепой классовой ненависти, что при этих условиях не может идти речь о гарантиях, обеспечивающих установление судебной истины, и хотят сослаться на другие, так называемые цивилизованные страны, то очень нетрудно будет отвести подобного рода нападения хотя бы ссылкой на один из новейших германских уголовно-процессуальных кодексов, именно на кодекс 1924 года. Я говорю именно о тех годах, а не о сегодняшней эпохе, связанной с торжеством в Германии фашизма. В соответствии с параграфом 147, защита, допускаемая к участию в предварительном следствии, допускается к просмотру материалов предварительного следствия лишь в том случае, «если это не угрожает каким-либо ущербом целям и задачам предварительного расследования».

Мы гарантируем права обвиняемых не только на суде, но и в процессе предварительного расследования и, в частности, при помощи той ст. 206 Уголовно-процессуального кодекса, о которой мы уже не раз говорили в процессе судебного следствия.

Я этим вопросом занимаюсь только потому, что все те общие разговоры, которые имели место в палате общин о нашем правосудии, о нашей судебной системе, о наших процессуальных порядках, имели место не абстрактно, — они имели место в связи с настоящим делом и в прямом расчете определенных кругов английской буржуазии дискредитировать и предварительное расследование по этому делу и самый суд, который, конечно, должен иметь в виду и материалы предварительного расследования.

Больше того, мы были здесь свидетелями того, как некоторые подсудимые — я назову Торнтон, я назову Монкгауза, — по крайней мере, пытались осуществить здесь перед нашим судом, в ходе нашего судебного следствия, в сущности говоря, ту линию, которая была им заказана и нашла свое отражение в первом выпуске известной нам всем так называемой «Белой книги»: басня Торнтон о «моральном давлении», с которым он так постыдно оскандалился, басня Монкгауза о 18-часовом допросе, который в английском парламенте превратился в 19-часовой допрос (еще час набежал), версия, — я не знаю, кто был инициатором ее, — но версия, здесь публично испробованная Монкгаузом в качестве метода своей защиты, за которую он должен был заплатить необходимостью принести Верховному суду свое извинение.

Все это, товарищи судьи, стоит в прямом соответствии с одной телеграммой, опубликованной в «Белой книге» за подписью сэра Ванситтарта, на имя сэра Эсмонда Овия, которую я хотел бы здесь продемонстрировать, — это документ, носящий номер 27. Эта телеграмма приподнимает кой-какую завесу в инциденте с выступлением на суде Монкгауза. «Советский посол, — телеграфирует Ванситтарт сэру Овию, — был у меня по моему требованию». Так сказано в документе 27, опубликованном в «Белой книге». «Я сказал, — читаем мы дальше, — что из того, что произошло вчера в палате общин, он должен знать причины данного свидания. Негодование в этой стране (в Англии) по поводу произвольных арестов и грубого обращения с британскими подданными в России растет, будет продолжать расти и будет продолжать расти обоснованно. Широко распространено чувство, что обвинения против этих людей нелепы и истеричны и что эти аресты были инсценированы и к тому же очень плохой были инсценировкой, поставленной просто для того, чтобы путем выставления козлов отпущения (это Торнтон и Монкгауз — козлы отпущения!) замаскировать неудачи кой-каких промышленных мероприятий в России».

«Советское правительство,— говорится в этом документе,— может говорить, что хочет, но общественное мнение здесь никогда не посмотрит на эту постановку в каком-либо ином свете».

Итак, 16 марта была послана, занесенная в историю данного процесса и английской дипломатии, эта телеграмма под номером 27, а вчера, 15 апреля, в утреннем заседании имело место выступление Монкгауза, который пытался, как он заявил, довести до сведения суда свою декларацию о том, что «этот процесс есть инсценировка против фирмы «Метро-Виккерс» путем показаний запуганных подсудимых. Но даже такой «пугливый» человек, как Торнтон, не мог привести ни одного факта, который говорил бы о том, каким именно образом он был напуган, и единственно, что он сказал в этом случае,— это следующее: «Я сам не знаю, чего я испугался».

Я уже сказал, что я не знаю, кто кого здесь соответствующим образом инспирирует, но для меня несомненно, что английское общественное мнение введено в заблуждение целым рядом искусно предпринятых маневров. Я думаю, что будет величайшей заслугой этого процесса, нашего суда по этому делу, разоблачение этих извращений, восстановление действительности, какой она была на самом деле, что показало бы общественному мнению Англии и даже тем кругам, которые настроены враждебно против нашего государства, что они оказались и на этот раз жестоко введенными в заблуждение. И в самом деле, мы имеем заявление министра иностранных дел о том, что Монкгауз, «не имея предъявленного ему обвинения и будучи увезенным в тюрьму в ранние часы утра, был подвергнут в 8 часов утра первому допросу, продолжавшемуся 19 часов без перерыва».

«Я,— говорит оратор,— справлялся у посла относительно допрашивающих,— со стороны допрашивающих были три смены следователей, которые сменяли один другого, но со стороны допрашиваемого (как само собой разумеется) все время было одно и то же лицо».

Интересное, конечно, сообщение, которое могло, разумеется, внушить очень печальные настроения даже самым непредубежденным против наших процессуальных порядков джентльменам. В самом деле, непрерывные 19 часов допроса, бедная жертва этого допроса джентльмен Монкгауз, один против трех смен следователей — все один за другим атакуют этого несчастного Монкгауза.

19 часов. Вероятно, первый солгавший был сам Монкгауз. Это он солгал, это он пустил в ход версию о 19 часах. Ее подхватили те, кому это было удобно и выгодно, ее пустили широко в оборот, мобилизовали общественное мнение и хотели на этом построить свои требования в связи с этим процессом,— требования, с негодованием нами отвергнутые.

И когда здесь вчера Монкгауз заявил: «Я признаю свою ошибку, я извиняюсь», — то мне казалось, что он извиняется не перед нами, товарищи судьи, он извиняется перед теми, кого он обманул. А как обстояло дело на самом деле? Мы вчера об этом говорили достаточно подробно, но разрешите мне очень кратко коснуться этого и сегодня. Я продолжу сообщение, которое было сделано в палате общин министром иностранных дел: «Мистера Монкгауза отвели обратно в его камеру около 3 часов утра 13 марта, где он и оставался до 7 час. 30 мин. В 7 час. 30 минут он был подвергнут второму допросу, который продолжался около 17 часов. Итого за двое суток — 36 часов, 36 часов почти непрерывного допроса».

36 часов. А оказалось что? Оказалось то, что Монкгауз уличен во лжи, что ничего подобного не было, что все то, что говорилось в палате общин, над чем трудятся почтенные джентльмены, в связи с этим заявлением является прямыми издержками производства, и я на их месте обязательно предъявил бы гражданский иск Монкгаузу... за потерянное время.

Мы не впервые встречаемся с инсинуированием, с фальсифицированием, с клеветой на наш суд, на наши судебные процессы. Так было, когда мы рассматривали Шахтинское дело. Так было, когда мы рассматривали дело «Промпартии». Так было, когда мы рассматривали дело так называемого Центрального бюро меньшевиков. Нам особенно нечего удивляться этому методу борьбы, которая ведется против нас, и не только остатками той буржуазии, которая испровергнута и Октябрем и всеми 15 годами нашей эпохи социалистического строительства, но и господствующей в разных капиталистических странах буржуазией, и идейно и очень часто материально через свои определенные круги связанной с остатками разбитых и разгромленных Октябрьской революцией капиталистических эксплуататорских классов в нашей стране, находящих всегда поддержку в этих наиболее агрессивных и реакционных кругах мировой буржуазии.

Однако особенности настоящего процесса не в том потоке клеветы и инсинуаций, о которых мы только что говорили и которыми наши враги, как я уже сказал, встречают обычно каждый процесс о вредительстве, каждый наш удар по контрреволюционным заговорам, по контрреволюционным заговорщикам.

Особенности этого процесса заключаются в том, что он отражает собой величайшую классовую схватку, являясь в подлинном смысле этого слова актом классовой борьбы, борьбы двух миров. Особенность процесса в том, что все эти пять дней нашей судебной работы являются по существу пятью днями классовой битвы, в которой столкнулись два мира идей, два мира принципов, два мира понятий, два мира социальных стремлений и принципиально противоположных классовых интересов. При всем от-

личии этого процесса о вредительстве от процессов о вредительстве прошлых лет особенностью этого процесса является именно то, что это процесс о вредителях, которые остаются еще на нашей земле, несмотря на то, что все их попытки, до сих пор направлявшиеся против успехов социалистического строительства, неизменно оканчивались жестоким поражением.

Говоря о положении вещей в этой области в период Шахтинского процесса, товарищ Сталин указывал, что «вредительство составляло тогда своего рода моду», что тогда «одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между Советской властью и вредителями»¹. С тех пор положение в среде старой производственно-технической интеллигенции изменилось. Сейчас имеются «определенные признаки поворота известной части этой интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону Советской власти»². Но товарищ Сталин предупреждал, что это не значит, что у нас нет больше вредителей. «Вредители,— говорил товарищ Сталин,— есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение»³. Вот почему очень важно сейчас отметить, что вредительские акты еще имеют место, что они организуются в таких важнейших отраслях социалистического хозяйства и социалистической промышленности, какой является область электростроительства, электрификации, электроснабжения,— область, являющаяся одной из важнейших отраслей нашего хозяйственного строительства.

Правда, сейчас мы имеем иные формы классового сопротивления, чем это было несколько лет тому назад. Еще по поводу Шахтинского дела апрельским пленумом ЦК нашей партии было указано на своеобразие этого вида преступления, именно как проявления особой, новой формы классового сопротивления буржуазии успехам нашего социалистического строительства. Это нужно будет сказать, и это нужно будет с особой силой подчеркнуть и в настоящее время.

Однако-одновременно нужно будет сказать, что, несмотря на всю новизну оттенков и форм, в которых выражается это сопротивление низвергнутых, разгромленных, пущенных ко дну, ликвидированных в своем экономическом и политическом господстве капиталистических эксплуататорских классов, за этими новыми формами скрывается старая, не ослабевающая, но, наоборот, усиливающаяся классовая ненависть наших врагов к делу социалистического строительства.

«Надо иметь в виду...— говорил товарищ Сталин,— то обстоятельство, что наша работа по социалистической реконструкции

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 69.

² Там же, стр. 71—72.

³ Там же, стр. 72.

народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно. Злостное вредительство верхушки *буржуазной интеллигенции* во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба *кулачества* против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны *бюрократических элементов* аппарата, являющихся агентурой классового врага,— таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны. Ясно, что эти обстоятельства не могут послужить к облегчению нашей работы по реконструкции народного хозяйства.

Надо иметь в виду...— продолжал товарищ Сталин,— то обстоятельство, что сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения. Капиталистическое окружение нельзя рассматривать, как простое географическое понятие. Капиталистическое окружение — это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае, путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал прочно на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР»¹.

Одной из иллюстраций, тяжелой и яркой иллюстрацией этой классовой борьбы является этот процесс, отразивший собой преступную деятельность отдельных контрреволюционных групп, гнездящихся еще кое-где в СССР, пытающихся не только сорвать, задержать, замедлить работу наших предприятий, но даже взорвать отдельные предприятия, отдельные участки нашего социалистического строительства, нанести урон нашей социалистической стройке.

И вот то, что мы здесь видели в течение этих дней, все то, что мы слышали от самих подсудимых, будь то Гусев или Лобанов, Сухоручкин или Зорин, будь то Торнтон или Монкгауз, будь то Олейник — один из наиболее непривлекательных типов из числа подсудимых, или Кутузова, характеристику которой мы дадим несколько позже,— все это убедительно говорит, действительно, о тех классовых отношениях, о том своеобразии нынешних

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 302 — 303.

форм этой классовой борьбы, проявляющейся, в частности, и в актах вредительства.

Было бы, однако, в высшей степени ошибочным представлять себе положение вещей так, что этот процесс электриков-вредителей свидетельствует о том, о чем свидетельствовал в свое время Шахтинский процесс,— что и сейчас мы имеем дело с широко распространенным явлением вредительства в кругах технической интеллигенции. Шахтинское дело свидетельствовало о том, что это вредительство являлось своего рода модой: одни вредили, другие прикрывали, третьи помогали. Шахтинский процесс отражал довольно распространенное, к стыду нашей технической интеллигенции, в то время явление в ее среде. Ныне дело обстоит не так. Было бы в высокой степени ошибочно допускать какую бы то ни было в этом отношении параллель между этим процессом и Шахтинским процессом, между тем и нынешним отношением к вредительству нашей технической интеллигенции.

Несомненно, за эти годы в силу и в зависимости от тех величайших процессов, которые произошли в нашей стране, одержавшей крупнейшие, гигантские победы в деле социалистического строительства, произошел перелом и в настроении и в сознании широких кругов технической интеллигенции. Этот вывод ни в какой мере не может быть поколеблен тем фактом, что в 1931/32 году еще нашлась какая-то группа вредителей, что, оказывается, еще не все вредители перевелись на нашей советской земле. В этом нет ничего ни неожиданного, ни удивительного. Но они лишь ничтожные отщепенцы, отбросы технической интеллигенции.

Когда товарищ Сталин в своей исторической речи о новой обстановке и новых задачах хозяйственного строительства говорил о том переломе, который произошел в среде технической интеллигенции за время от Шахтинского процесса примерно к моменту опубликования этой его исторической речи, он говорил одновременно и о том, что этот перелом еще не означает того, что в среде этой технической интеллигенции у нас не будет больше вредителей. И здесь, как всегда, товарищ Сталин оказался прав. «Вредители есть,— сказал товарищ Сталин,— и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что колы скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшая ранее вредителям, повернула теперь в сторону Советской власти,— активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье»¹. А те, которых мы из подполья сейчас вытаскиваем за ушко да на солнышко, производят впечатление, в своей

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 72.

подавляющей массе, в своем подавляющем большинстве, я бы сказал, «вредителей второго сорта».

Правда, среди них есть еще доцент Зорин, правда, среди них еще есть достаточно крупные инженеры, например Сухоручкин, но среди них преобладают Олейники, Гусевы, Лобановы, люди, которые вредят потому, что это лежит не столько в их убеждении, сколько лежит в их социальной природе. Мы должны, однако, констатировать, что и впредь еще будет вспыхивать вредительство то здесь, то там, поскольку будут оставаться классы, поскольку будут оставаться еще неисчезнувшие и неустраненные классовые противоречия, поскольку будет еще существовать капиталистическое окружение, неизбежно влияющее на возникновение контрреволюционных, вредительских рецидивов в СССР. Именно поэтому мы должны будем и впредь попрежнему сохранять нашу классовую бдительность, ни в какой мере не ослабляя нашей решительности в борьбе с этими явлениями, ни в какой мере не ослабляя и нашу беспощадность в истреблении этих позорных контрреволюционных явлений.

В чем основное содержание преступлений, которые инкриминируются по данному делу этим людям на скамьях подсудимых?

Государственное обвинение формулирует эти обвинения, главным образом направляя свое внимание по трем основным линиям, по трем основным группам совершенных подсудимыми контрреволюционных преступлений, а именно: 1) умышенная порча механизмов, агрегатов, оборудования; 2) военный шпионаж; 3) подкуп. Тягчайшие преступления, совершенные подсудимыми против государства пролетарской диктатуры, против Советской страны, против своего народа!

В высокой степени характерно, что именно здесь, как во всех вредительских контрреволюционных группах, всегда так называемые идейные побуждения смешиваются или переплетаются с грубой, низменной, материальной заинтересованностью, именно в этом процессе это особенно ярко сказывается.

Я напомню здесь объяснения некоторых подсудимых, которые на мой вопрос: «Чем же вы руководствовались?» — и даже на вопрос своих собственных защитников: «Руководствовались ли вы материальными побуждениями или идейными побуждениями?» — мялись, разводили руками и говорили, что они затрудняются определить, затрудняются ответить на этот вопрос, до такой степени у них все это перепуталось, до такой степени они оказываются и политически и морально разложившимися. Это не случайно, это тоже есть явление времени, явление, как раз характерное для той эпохи, когда, с одной стороны, рабочий класс гигантски растет во всех областях своего творческого строительства, растет культурно, растет экономически, растет политически, в то же самое время как эти последние остатки,

эти разбитые осколки капиталистических классов все более и более проявляют свое и культурное, и духовное, и моральное ничтожество, разложение и вырождение.

Почему вредительство, шпионаж и подкуп здесь так причудливо сплетаются в действиях чуть ли не любого из обвиняемых по настоящему делу? Мы судим электриков-вредителей, организовавшихся в контрреволюционные группы, чтобы нанести свой удар по советскому хозяйству, борющемся за свои все новые и новые успехи. Конечно, мы заранее были уверены — и действительно это красноречиво подтверждает, — что все и всякие подобного рода попытки никогда и ни в какой мере не сумеют привести к тем результатам, о которых мечтают вредители, что все эти вредительские карты будут биты и в лучшем случае могут превратиться, как это доказывает и настоящий процесс, в кратковременные остановки турбин, в непродолжительные по времени затруднения, которые благодаря бдительности, творческой энергии, энтузиазму пролетарских масс быстро и решительно устраняются и исправляются, парализуя действия этих вредителей, нейтрализуя и ликвидируя их растлевающее влияние. И действительно, несмотря на все вредительские усилия, несмотря на всю их подрывную работу, мы имеем в области электрификации поразительные успехи. Об этих успехах говорят такие факты, как наличие у нас 10 станций мощностью свыше 100 тысяч киловатт — Кашира, Штеровка, Шатура, «Красный Октябрь» (Ленинград), Могэс, Зугрэс, Днепрогэс, Нигрэс, Челябингэс, Бакинская «Красная звезда». Мы имеем громадные успехи в области электрификации, являющейся, по историческому замечанию Владимира Ильича, важнейшим элементом коммунизма, ибо, как вы помните, по словам товарища Ленина, «коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Мы имели в 1928 году только 18 районных станций, с мощностью 610 тысяч киловатт, а в 1932 году мы имеем 44 станции с мощностью $2\frac{1}{2}$ миллиона киловатт. Мы имеем теперь мощность всех станций в 4 600 000 киловатт против 1 875 000 киловатт в начале первой пятилетки.

Мы имели в 1928 году количество электроэнергии, измеряемое в 5 миллиардов киловатт-часов, а в 1932 году мы имеем $13\frac{1}{2}$ миллиардов киловатт-часов в год.

Ну-ка, вредители, — что вы на это скажете? Пропали ваши усилия и не могли не пропасть, потому что против вас стоит непобедимой стеной пролетариат, против вас стоит непобедимой стеной честная советская интеллигенция, вместе с рабочим классом строящая социалистическое общество, против вас стоит во всеоружии пролетарская диктатура, а вы — лишь жалкая группа отщепенцев технической интеллигенции, группа, отмеченная клеймом позора.

Я уже указывал на то, что мы благодаря величайшим усилиям, величайшим жертвам, величайшему самопожертвованию, настойчивости, труду имеем 10 станций мощностью свыше 100 тысяч киловатт. Среди них имеются те самые станции, с которыми нам сейчас, к сожалению, приходится иметь дело, когда мы говорим о вредительских группах, о контрреволюционных гнездах, пытавшихся разрушить молодой организм этого еще строящегося участка нашего социалистического хозяйства.

В настоящее время, как я уже сказал, изменились в значительной степени по сравнению с тем, что мы имели в прошлые годы, и методы вредительства.

В данном деле со всей отчетливостью сказались основные четыре способа вредительства: во-первых, заведомое, умышленное сокрытие государственным служащими, поставленными на ответственные посты, тех дефектов, устранение которых являлось их первой и прямой обязанностью.

Второе — затягивание работ всякими искусственными способами: ненужным ремонтом, плохим монтажом и т. д., удлинением пусковых периодов, отсрочиванием испытательных сроков, наибольшим удлинением этих сроков.

Третье — прямая порча агрегатов, как это мы видели, например, в случае, о котором здесь так эпически спокойно повествовал Гусев, когда рассказывал о порче им мотора в 1400 л. с., или Котляревский, когда говорил о том, как он сунул болт в междужезное пространство между ротором и статором и вывел таким приемом турбогенератор из строя.

Четвертое — более утонченные, более искусные, более хитрые и более скрытые, замаскированные методы вредительства, удара по нашему хозяйству, когда сознательно подбираются соответствующие вредительским целям кадры, когда сознательно ставятся на более ответственные участки работы менее подготовленные для этой работы люди, когда более ответственная и важная работа заведомо и сознательно для организующих это вредительское дело поручается тем, кто менее подготовлен или вовсе не подготовлен к этой работе, с прямым расчетом, что непроверенный кочегар заснет, что неопытный механик не поймет, в чем дело, не сумеет во-время открыть клапан, который нужно открыть, или, наоборот, закроет клапан, который не нужно закрывать, и т. д. и т. п. Вот нынешние методы и способы вредительства, которые обладают всеми необходимыми для успеха этого вредительства качествами, когда вредитель может действовать с очень малым риском, когда, действуя таким образом, он может рассчитывать на очень большую безнаказанность, когда он, наконец, может рассчитывать на длительность самого срока своей вредительской работы. Эти вредительские действия тем и опасны, что они, очень часто сами по себе мелкие, в то же время произ-

водимые систематически изо дня в день, на каждом шагу, за-трагивая каждый агрегат или множество отдельных агрегатов, именно этой своей обыденностью и повседневностью способны у некоторых притуплять чуткое и настороженное отношение к этим явлениям.

Здесь характерна именно форма этих вредительских актов, очень удобная для того, чтобы прикрыть это вредительство всякого рода «объективными причинами», «неполадками», тем, что как будто вовсе не зависит от злой человеческой воли.

Это в высшей степени характерно сказывается на анализе целого ряда аварий, с которыми мы встречаемся в настоящем деле и которые будут дальше служить предметом моего более подробного анализа.

Мы знаем, что в настоящее время классовый враг, разгромленный, разбитый, не сможет, не сумеет, как бы он этого ни хотел, пойти прямой атакой против советской власти, против социалистического строительства, на каком бы участке этого строительства он ни обнаружил свое присутствие. Мы знаем, что от этих прямых, лобовых ударов классовый враг, потерпевший жесточайшее поражение, перешел к другим методам, действуя так называемой тихой сапой. Именно этим объясняется то, что он становится менее легко уловимым, менее легко уязвимым и менее, следовательно, доступным для изоляции.

Но в этом и заключается громадная опасность этих преступлений, самих по себе, может быть, мелких, но во всей своей совокупности составляющих громадную социальную опасность. Социальная опасность преступлений, составляющих содержание данного дела, заключается не в том, что взорваны станции, не в том, что выведены из строя сильные, крупные, обладающие большой мощностью турбины, что разрушена и расстроена вся система электроснабжения.

Нет. Но этого и быть не могло, этого и быть не может, потому что фабрики у нас находятся в руках пролетариата, потому что рабочий класс достаточно бдителен для того, чтобы предотвратить такие тяжелые последствия, какие могли бы быть при условии безнаказанной деятельности вредительских групп и отдельных вредителей. Опасность этих преступлений, которыми мы занимаемся в нашем деле, заключается не в этом, а в том, что преступники пытаются бить по мелочам, создавая непрерывные затруднения, непрерывное «аварийное состояние», как это мы видели на отдельных примерах, по отдельным станциям — по Зуевке, по Мосэнерго, по Ивгрэсу, по Златоусту, по Челябинскому и т. д. и т. п.

Здесь, на протяжении всего этого процесса, несколько раз некоторыми обвиняемыми были сделаны попытки объяснить свои действия тем, что они-де оказались вовлеченными в эту контрре-

волюционную деятельность другими лицами, и в частности английскими монтажными инженерами, сидящими на скамье подсудимых. О вине английских монтажных инженеров по этому делу мы будем говорить особо. Сейчас я говорю об этом для того и потому, чтобы сразу же наметить основные линии обвинения.

Нужно сразу же сказать, что мы к государственным служащим, нарушившим свой долг перед государством, потерявшим чувство своей родины, забывшим свой долг перед своим социалистическим отечеством, должны подходить и подойдем самым суровым образом, безотносительно к тому, явились ли они «жертвой» чьего-либо коварства или же пошли по пути преступления самостоятельно, независимо ни от каких посторонних влияний.

Мы должны раз навсегда и, пользуясь высокой трибуной Специального присутствия Верховного суда, на всю нашу страну заявить о том, что государственные служащие есть государственные служащие, к которым у нас будет отношение как к государственным изменникам в тех случаях, когда они будут действовать так, как действуют подсудимые, привлеченные к уголовной ответственности по настоящему делу.

Я должен буду напомнить постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 14 марта этого года, которое, хотя и обращено непосредственно к ОГПУ, имеет для нас глубочайшее принципиальное значение, постановление, которое говорит об особо строгой ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты, ими совершаемые, за которые они должны отвечать особо строго, и что эта особая строгость будет применена по отношению ко всем уличенным в этих преступлениях служащим в государственных учреждениях и предприятиях. Каждый гражданин нашей страны, состоящий на службе в наших государственных учреждениях и предприятиях, которому вверен определенный участок работы, на ответственности которого лежит правильное функционирование того или иного учреждения или предприятия, являющегося элементом, составной частью всей системы нашего государственного устройства, должен нести особую ответственность перед своим обществом, перед своим народом. От этой ответственности он не может быть освобожден ни в малейшей степени, независимо от того, сам ли он пошел по пути преступления, или его кто-то повел по этому пути преступления, или с ним еще кто-то пошел по этому пути преступления.

Вот почему государственное обвинение, поддерживающее обвинение по настоящему делу против лиц, сидящих на скамье подсудимых, будет и в дальнейшей своей оценке и квалификации

степени ответственности и вины отдельных подсудимых исходить именно из этих соображений, имея в виду, что мы должны самым суровым образом ответить на каждую попытку изменить своему долгу государственного служащего, и я бы сказал даже больше,— даже независимо от степени и объема причиненного государству этими преступлениями вреда.

В этом деле государственное обвинение считает основными и главными виновниками государственных служащих, и против них обвинение в первую очередь направляет свое острие, улики, доказательства и требования суровой уголовной репрессии. Ибо именно они — государственные служащие — обязались честно работать на пролетарское государство и изменили этому обязательству, изменили своему долгу, предали свое пролетарское государство. Мы к ним относимся поэтому иначе, чем относимся к служащим частных фирм, частных контор и своих и чужих. Мы должны особенно подчеркнуть сугубую ответственность наших государственных служащих по сравнению с ответственностью специалистов-иностранцев или вообще иностранцев, может быть, не специалистов или иных специалистов, чем те, за которых мы их принимали, явившихся к нам работать, участвовать в нашем общем государственном строительстве. Конечно, отвратительны, безобразны преступления, совершенные Торнтонами и Монкгаузами, Кушни и Макдональдами. Но нет слов, чтобы выразить все чувство негодования, чтобы найти формулу презрения, говоря об ответственности государственных служащих нашей страны, забывших свой долг перед страной, изменивших своей социалистической родине. Они изменяли, изменяли настолько систематично, настолько повседневно, что, в сущности говоря, некоторые из них даже забывали, чьи они служащие, и вели себя так, как будто они являются служащими не государственного учреждения, а служащими тех коммерческих предприятий, которые сами несут очень высокие обязательства и очень высокую ответственность перед нашим государством, с которым они вступают в те или иные деловые отношения.

Я хочу воспользоваться этой частью своей речи, чтобы решительным образом отвергнуть всякие попытки, которые делались Монкгаузом, направить обвинение на путь нападения на отдельные иностранные фирмы, в частности, на фирму «Метро-Виккерс». Сегодня ряд вопросов, которые были заданы Монкгаузом экспертизе, в сущности говоря, нельзя было расценить иначе, как попытку спровоцировать нас, попытаться изобразить дело так, как будто бы на скамье подсудимых сидит не Монкгауз, а фирма «Метро-Виккерс». Я тогда же предостерегал от подобного рода недоразумений и должен сейчас от этого так же решительно предостеречь. Если бы у нас были достаточные данные для предъявления обвинения к фирме «Метро-Виккерс», мы не

остановились бы на полпути. Но в данном случае мы должны сказать, что у нас для этого оснований нет, что судить «Метро-Виккерс» в связи с настоящим делом в уголовном порядке или в каком-нибудь ином, чем это предусмотрено существующим договором по отношению к фирме «Метро-Виккерс», мы не собирались и не собираемся. Преступления отдельных должностных лиц московской конторы «Метро-Виккерс» или даже преступные действия отдельных лиц за пределами СССР, имеющих отношение к этой конторе, мы никак не склонны рассматривать как действия, совершенные этой фирмой, за которые эта фирма должна нести ответственность как таковая. Мы говорим об отдельных лицах, будь то Монкгауз или Ричардс, мы говорим об отдельных преступлениях как тех, которые находятся сейчас на нашем рассмотрении, так и тех, которые не находятся на нашем рассмотрении в данное время, вне какого бы то ни было отношения к фирме, по отношению к которой Монкгауз сегодня сделал попытку поставить вопрос так, как будто это не он, а фирма сидит на скамье подсудимых. Монкгауз должен забыть, что он здесь фигурирует в каком-нибудь ином качестве, кроме одного — обвиняемого в тяжчайших государственных преступлениях служащего этой фирмы и не больше. Точно так же, как он должен забыть, что он здесь может фигурировать в качестве уполномоченного по московской конторе, принимающего на себя обязанность защищать всех остальных служащих этой конторы, привлеченных к ответственности по настоящему делу.

Я уже сказал, что государственное обвинение строит свое обвинение по отношению к подсудимым по настоящему делу по трем основным направлениям.

Это раньше всего умышленная порча агрегатов, оборудования. Это, во-вторых, военный шпионаж и, в-третьих, та система подкупов, с которой мы столкнулись в очень широком виде при рассмотрении индивидуальных преступлений отдельных, привлеченных к ответственности по настоящему делу, подсудимых.

По вопросу о военном шпионаже в ходе судебного следствия было много разговоров, и некоторые из подсудимых делали вид, что они, в сущности говоря, недостаточно ясно себе представляли содержание этого понятия. Это очень упорно и настойчиво пытался нам здесь внушить Торнтон, который говорил, что шпионаж в его представлении (а эту версию поддерживал и Монкгауз, а за ними двумя шли потом и другие обвиняемые из английских граждан, например Кушни) очень серьезно расходится с теми представлениями, какие он получил в процессе предварительного расследования из формулировок предъявляемых ему обвинений. Все они делали вид, что шпионаж по нашему советскому праву в их представлении есть собирание «всяких» сведений и что там, когда они говорили о признании себя виновными

в собирании шпионских сведений, они говорили, если хотите, и правду и неправду. Правду потому, что они употребляли эти слова «шпионские сведения», а неправду потому, что под этими словами они представляли себе совершенно не то содержание, которое соответствует статьям нашего Уголовного кодекса.

Я думаю, что в этот вопрос нужно внести полную ясность. Мы словом «шпионаж» не играем. Мы имеем совершенно точное и ясное представление о том, что такое шпионаж как контрреволюционное преступление, и мы вправе требовать от каждого прибывающего на территорию нашей страны такого же ясного и точного представления о том, как наш закон и наше государство понимают значение этого слова, значение и содержание этого преступления.

Индивидуализируя и характеризуя положение в этом процессе каждого отдельного подсудимого, я остановлюсь дальше специально на вопросе о том, как ни Торнтон, ни Монкгауз не имели никакого права прикидываться по-своему понимающими значение шпионажа, сводя это понимание не к шпионажу, а к добыванию каких-то «обывательских» слухков и слухов. Но сейчас я хочу остановиться на теоретическом, если позволено будет так сказать, хотя и очень беглом, изложении понятия шпионажа по нашему праву.

Я хотел бы также просить разрешения, ввиду интереса некоторых параллелей, коснуться этого вопроса и с точки зрения иностранного права, права иностранных государств и в том числе английского права, статутного права.

Мне кажется, это будет не бесполезно для нашего дела с точки зрения характеристики или оценки индивидуальной ответственности того или иного подсудимого по настоящему делу в связи с предъявленными к ним в этой области обвинениями.

Мы знаем, что и отдельные лица, находящиеся на нашей территории, и даже целые группы этих лиц занимаются собиранием разнообразных сведений на территории нашей страны. Но мы никогда не предъявляли и не думаем предъявлять кому-нибудь обвинение в шпионаже на основании только того, что кто-либо, возвращающийся в тех или иных кругах нашего общества, вполне легальными путями получает те или иные сведения и об экономическом положении нашей страны, и об урожае, и о ходе той или другой хозяйственно-политической кампании, скажем, посевной или хлебозаготовительной, или о тех или иных даже затруднениях, которые переживает та или иная отрасль нашей промышленности или нашего хозяйства, неизменно растущего в процессе постоянного и победоносного преодоления возникающих на его пути затруднений. Мы не вменяем никогда в вину и не можем рассматривать как основание для привлечения к ответственности по обвинению в шпионаже, экономическом или

политическом и тех, кто пользуется различного рода сведениями о политических настроениях тех или иных кругов нашего общества, даже если он эти сведения о политических настроениях этих кругов попытается в той или иной обстановке направить против наших интересов. Мы не можем, скажем, требовать, чтобы лица, принадлежащие к другим классам, стоящие на почве совершенно иных, свойственных им классовых интересов, имеющих совершенно определенное миропонимание и отношение к окружающей их действительности, воспринимали явления нашей действительности так, как воспринимаем мы, советские люди.

Мы никогда не ставим и не поставим вопроса об ответственности по статье 58^б Уголовного кодекса, когда будем иметь дело с получением или даже собиранием сведений такого рода, о которых я только что доложил суду, т. е. таких сведений, как сведения об экономическом положении, о политических настроениях, об урожае, о разного рода хозяйственных кампаниях и т. д. и т. п.

Но, разумеется, это не дает и не должно давать никому никаких оснований пытаться прикрывать действительно шпионскую работу в настоящем значении этого слова указанием на то, что это «обывательские сведения», как пытался утверждать здесь Торнтон, ссылаясь к тому же на якобы очень широкое понимание шпионажа с точки зрения нашего советского права. А Торнтон так и говорит, что, признавая себя виновным в шпионаже, он думал, что у нас шпионскими сведениями считаются не сведения, имеющие военно-государственное значение, как это есть на самом деле, а всякие сведения, и в том числе такого рода сведения, о которых мы говорили уже выше. Почему он мог так говорить? Может быть, потому, что хотел использовать действительно достаточно широкие определения в этой области права капиталистических стран, согласно которым под шпионаж можно подвести и такие действия, которые направляются и против интересов отдельных капиталистических групп или даже отдельных капиталистов.

Наше право для этого не дает никаких оснований. Мы имеем совершенно точное понятие о шпионаже. Оно в высокой степени точно изложено в наших действующих законах, и с точки зрения именно наших действующих законов мы и постараемся строить свое обвинение в шпионаже, которое мы предъявляем по нашему делу целому ряду обвиняемых.

Но предварительно несколько слов о том, как смотрят на вопрос о шпионаже различные иностранные государства. Если обратиться к английскому праву, то мы здесь для ответа на данный вопрос имеем материал в виде закона 22 августа 1911 г. о государственных тайнах и такой же закон под аналогичным названием от 1920 года. Статья 2-я закона о государственных тайнах

от 22 августа 1911 г., представляющего собой новую редакцию закона 1889 года, гласит следующее: «При уголовном преследовании на основании этой статьи не требуется, чтобы вина обвиняемого была установлена каким-либо определенным действием, доказывающим цель, угрожающую безопасности и интересам государства. Обвиняемый может быть осужден, хотя бы такое деяние и не было установлено, если из обстоятельств дела, из его поведения или из доказанных свойств его характера явствует, что цель, которую он преследовал, заключала в себе угрозу и опасность интересам государства».

Вот так буржуазия защищает интересы своего государства, свои классовые интересы, когда ставит вопрос об ответственности по статьям о шпионаже.

И дальше: «Если какой-нибудь снимок, план, образец, материал, заметка, документ или сведения, имеющие отношение к месту, запрещенному в смысле настоящего закона, или к предмету, находящемуся в таком месте, или используемые в нем, будут собраны, оглашены или переданы лицом, не имеющим на то законных полномочий, то до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться, что названные предметы или сведения были изготовлены, добыты, собраны, записаны, оглашены или переданы с целью, угрожающей безопасности интересов государства».

Вот как буржуазия защищает свои интересы в этой области.

А что такое с точки зрения английского закона 1911 года эти самые «запретные места», т. е. «места, запрещенные в смысле настоящего закона»? Ответ на этот вопрос, и очень ясный ответ, дает следующая 3-я статья, которая состоит из целого ряда разделов, в том числе и раздела, содержащего следующий перечень:

«Все железнодорожные пути, дороги, проезды, каналы и иные средства сообщения по суше или по воде, включая все постройки, которые составляют их часть или находятся в связи с ними, все места, используемые для производства газовой, водяной или электрической энергии или для иной работы государственного значения» и т. д.

Вот что говорит эта статья, вероятно хорошо известная Торнтону, как бывшему военному и как настоящему военному шпиону.

Мы имеем посвященный тому же вопросу и другой английский закон, являющийся дополнением к только что оглашенным мною двум статьям из этого закона 1911 года,— это закон 23 декабря 1920 г., где точно так же, даже еще более решительно, буржуазия в своих интересах — я это еще раз подчеркиваю и повторяю — защищает и охраняет при помощи закона о шпионаже свои кровные, государственные интересы.

Я имею здесь в виду вторую статью этого закона, которая излагает чрезвычайно интересные мысли.

«При производстве дел, — говорится здесь, — о ком-нибудь по обвинению в преступлении, предусмотренном первой статьей Основного акта, факт, что лицо было в сношениях или сделало попытку установить сношение с иностранными агентами в пределах или за пределами Соединенного королевства, должен рассматриваться как доказательство того, что лицо с целью, угрожающей безопасности и интересам государства, получило или пыталось получить информацию, дающую повод предположить, что она прямо или косвенно полезна неприятелю или может быть полезна неприятелю, или получена с расчетом того, что она может быть ему полезна».

И дальше: «Должно считаться установленным, если только противное не будет доказано, что лицо было в сношениях с иностранным агентом» и т. д. и т. д.

Вот какие законы существуют, гражданин Торнтон, в вашем государстве, защищающем тайны военно-государственного характера, за нарушение которых применяются чрезвычайно серьезные наказания, за нарушение которых виновный в этом подвергается чрезвычайно серьезной ответственности. И после этого Торнтон пытался здесь прикинуться каким-то политическим младенцем, наивным человеком, не знающим; что такое шпионаж, хотя и признавшим себя виновным в собирании, как он сам собственноручно писал в своих показаниях, шпионских сведений.

Наряду с этим право капиталистических государств знает еще понятие экономического шпионажа в смысле охранения так называемых промышленных тайн. Для примера можно сослаться хотя бы на германский закон от 9 марта 1932 г. Мы не знаем промышленных тайн в смысле капиталистического права, но и у нас есть понятие экономического шпионажа, под которым понимается собирание и разглашение экономических сведений, являющихся сведениями, специально охраняемыми государством и перечисленными в перечне, специально указанном в соответствующих законодательных актах, в данном случае — постановлении Совнаркома СССР от 27 апреля 1926 г., которое содержит исчерпывающий перечень тех сведений, при разглашении которых имеется основание для предъявления обвинения в преступлении, подходящем под понятие экономического или военного шпионажа.

Конечно, различные мерки, различный подход к этим вопросам в различных государствах объясняются различной природой этих государств. Нужно вообще иметь в виду, когда мы говорим о государстве пролетарской диктатуры, о Советском государстве, что мы имеем дело с государством особого рода, которое осуществляет задачи защиты интересов рабочего класса, интересов

трудящихся масс. Основная и единственная цель и задача нашего государства заключается в защите и охране этих интересов, в борьбе против всякого рода эксплуататорских явлений, против эксплуататорских классов. Конечно, наше государство совсем иного типа, иного рода, иной породы, чем эксплуататорские государства. Мы никогда не должны забывать, что самая природа нашего государства в отличие от буржуазных государств обязывает нас к иному подходу в решении различных задач нашего государственного строительства, чем это имеет место в буржуазных государствах.

Так обстоит дело, в частности, и с вопросом об ответственности наших государственных служащих, о которой я говорил в предыдущем моем изложении, когда я подчеркивал особое значение, которое мы придаем ответственности за совершенные против нашего государства преступления нашими служащими. Это объясняется тем, что наши служащие являются слугами трудового народа, что они являются служащими нашего государства, которое является государством трудящихся масс, государством рабочих и крестьян, создающих все ценности, все блага, являющиеся основой и источником самого существования нашего государства. Этого нет ни в каком капиталистическом государстве. Отсюда различие в подходе к решению этого вопроса и в сфере уголовной политики. В то время как буржуазия, создавая законы, направляемые и против служащих и против трудящихся вообще, действует исключительно в своих классовых интересах, в интересах меньшинства, противостоящих интересам масс, мы, направляя свои законы против служащих, изменяющих нашему государству, действуем в интересах трудящихся и в интересах государства трудящихся, которое защищается таким образом против изменников, против всяких попыток противопоставить себя и свои интересы интересам государства как государства трудящихся. То же самое и с особой силой нужно сказать и по вопросу, который я сейчас затрагиваю в связи с вопросом о шпионаже как преступлении, направляемом против государства трудящихся и с этой точки зрения перерастающем в наших глазах в величайшее преступление против рабочего класса, против пролетариата и против всего будущего всей человеческой цивилизации, создаваемой победоносными успехами нашей пролетарской революции.

Отсюда — и те суровые уголовные репрессии, которые падают на головы всех тех, кто только попробует пустить в ход шпионаж против интересов пролетарского государства.

Третью группу преступлений, с которыми мы сейчас имеем дело в данном процессе, я озаглавил словом подкуп. И здесь нужно опять-таки исходить из принципиальных особенностей нашей советской жизни, нашего советского строя, с одной

стороны, и принципиальных особенностей, которыми характеризуются быт, привычки, нравы и система взаимоотношений в различных кругах различных капиталистических стран, с другой. Монкгауз не мог согласиться с обвинением в оценке трех тысяч рублей, которые были даны Долгову в качестве взятки, утверждая, что это была не взятка, что это был подарок. Конечно, понятие взятки, понятие воровства, как и другие понятия, о которых я уже раньше говорил, у нас и в буржуазном обществе бывают очень часто различными, и это вполне естественно.

В. И. Ленин говорил об этом различии, что когда рабочий украдет булку, то его в буржуазной стране посадят за это в тюрьму, а когда богатый украдет железную дорогу, то его назначают сенатором... Это действительно свидетельствует о величайшем принципиальном различии взглядов на вещи: воровство бедняком куска хлеба в глазах буржуазии — преступление, воровство богатым целой железной дороги — это проявление большого государственного ума и большой государственной виртуозности, за это нужно назначить сенатором.

Так и в области взятки. Мы говорим о взятке как о разъедающем наш организм зле, с которым нужно самым жестоким, самым беспощадным образом бороться, стараясь выжечь каленым железом из системы наших отношений такие явления, как взятничество. А между тем мы знаем, что в буржуазных кругах, отдельных, конечно, — я не хочу делать слишком широких здесь обобщений, — в отдельных буржуазных кругах: предпринимательских, деляческих, банкирских и т. д. и т. п., да и во всем буржуазном обществе в целом, когда мы говорим об этом принципиально, взятка не считается преступлением, ибо на взятке держится нередко все благополучие разных выскочек, карьеристов, парламентских и биржевых дельцов и т. д. и т. п.

Все ваши, граждане Монкгауз и Торнтон, разговоры о том, что это «подарок», потому что он «небольшой», потому что он дается за «работу», за то-то и то-то, для нас не убедительны. Такие «подарки» мы рассматриваем как взятку, потому что это есть такого рода действия, которые влекут за собой переключение внимания, энергии, стремлений, желаний, обязанностей от интересов государства к частным интересам, очень часто в определенных случаях противоположным интересам государства.

Да, да... и так это и с вашей фирмой, в отношении которой мы — я еще раз это повторяю — не имеем данных для привлечения по этому делу к уголовной ответственности, но которая, по вашим же собственным словам и показаниям, гражданин Монкгауз, от которых вы пытались уйти после того, как вы их зафиксировали собственной подписью, — выполняет очень часто, сплошь и рядом недобросовестно свои обязанности по отношению к Советскому государству. Последнее вы здесь сами харак-

теризовали таким образом, что если бы вы были покупателем, то не стали бы покупать такого оборудования, которое вы как продавец осмеливаетесь, однако, продавать за трудовые народные деньги, выплачиваемые вам нашей страной за это оборудование.

Пусть тот же самый Монкгауз, и пусть тот же самый Торнтон, и пусть те же самые другие их сограждане, о которых я индивидуально буду говорить в следующей части своей речи, передавая взятки нашим государственным служащим, подкупая этими взятками этих государственных служащих, переводя их на сторону своих интересов и противопоставляя их интересам нашего пролетарского государства,— пусть они не смеют прикрываться тем, что у них понятия об этих действиях связываются с понятием не о взятке, а о подарке. Законы их собственной страны не позволяют им ни думать, ни говорить, ни защищаться такими соображениями.

Я хочу напомнить здесь несколько законов английского статутного права, посвященных именно этому вопросу о взяточничестве. Вот, например, мы имеем закон 1889 года о взяточничестве в публично-правовых организациях. Из этого закона видно, как буржуазия умеет свои общественные организации, свои организации публично-правового характера защищать строже и сильнее, чем частные предприятия, когда эти частные предприятия и организации осмеливаются вступать в противоречие с государственными интересами.

Мы имеем закон 1906 года, который носит характерное название: «О предупреждении коррупции», той самой коррупции, которой обвиняемые систематически здесь занимались под прикрытием своей фирмы, и аналогичный закон 1916 года.

По закону 1889 года взяткой считается «данное кому-либо (так и сказано, гражданин Монкгауз) в качестве взятки обещание, предложение подарка; ссуды, вознаграждения или чего-либо иного, имеющего ценность, что должно побудить его что-либо сделать или воздержаться от выполнения чего-либо, имеющего отношение к делу, в котором принимает участие публично-правовая организация».

Вот как ставится дело. Если государственный чиновник стоит на страже интересов учреждения, в котором он выполняет ту или иную функцию, то всякого рода подарки, предоставление ему каких-либо материальных ценностей, которые могли бы его заставить что-либо сделать или чего-либо не сделать, вопреки его долгу, служебным обязанностям,— являются уже взяткой, рассматриваемой в соответствии с этим законом как уголовное преступление.

То же самое по закону 1906 года, где говорится следующее: «Если кто-либо, действуя недобросовестно, в качестве чьего-либо

представителя примет или добьется, чтобы ему были даны, или согласится получить от кого-либо для него самого или для другого лица подарок или что-либо, имеющее ценность, для побуждения к выполнению или воздержанию от выполнения» и т. д.,— это есть уже взятка.

В законе 1916 года говорится то же самое, причем создается очень интересная презумпция, что «до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться установленным, что деньги, подарок или что-либо иное, имеющее ценность, были уплачены, предоставлены или получены в качестве взятки для побуждения или вознаграждения за что-либо, как это предусмотрено в названных актах...».

Вот как говорят законы, законы той страны, которая вас, обвиняемые Монкгауз, Торнтон и другие, сюда послала для определенных целей в силу договора, существующего между нашими учреждениями и вашей фирмой, представителем которой вы, Монкгауз, здесь, в Москве, являетесь. Взятка есть взятка. Как бы ее ни называли, она не изменит своего существа и по законам буржуазного государства и тем более по нашим законам.

Может-встать юридический вопрос о том, почему в нашем обвинении не предъявлена специальная статья, говорящая о взяточничестве, тогда как мы обвиняем во взяточничестве. Почему ее здесь нет? Почему среди всех этих статей — 58⁶, 58⁷, 58⁹ и 58¹¹ — не нашлось места и специальной статье, говорящей о взяточничестве,— ст. 118 Уголовного кодекса? Ответ на этот вопрос очень прост: потому, что взятка в тех условиях, при которых является достаточно обоснованным предъявление обвинения и, буду надеяться, осуждение по этому предъявленному нами обвинению в преступлениях контрреволюционных, является лишь своеобразной формой проявления этого контрреволюционного преступления, потому что в этих условиях и при этих обстоятельствах взятка по самому существу своему является контрреволюционным преступлением, является крупнейшим и тягчайшим государственным преступлением.

Это не просто взятка, которая дается за оказание той или другой «услуги», не затрагивающей и не способной затронуть самих основ государственной системы отношений. Когда взятка приобретает характер способа, при помощи которого пытаются контрреволюционеры нанести удар именно этим отношениям, затронуть именно эти основы государственных отношений, тогда мы не можем рассматривать уже ее как обыкновенную взятку в ее специфической форме, как это выражено в ст. ст. 117 и 118 Уголовного кодекса РСФСР, т. е. как получение каким-либо должностным лицом вознаграждения за выполнение или невыполнение каких-либо служебных действий,— а рассматриваем это лишь как своеобразное проявление контрреволюционного

преступления, посредством которого оказывается то же самое классовое сопротивление делу социалистического строительства, которое оказывается и при помощи контрреволюционной агитации и при помощи других самых разнообразных средств в деле вредительства и сопротивления врагов нашей страны успехам нашего социалистического строительства.

Аналогичный случай мы имеем и с декретом 7 августа, когда при определенных условиях воровство (хищение) рассматривается не как простое воровство, но поднимается до значения крупнейшего политического акта, который вырастает в крупнейшее контрреволюционное действие, квалифицируемое этим декретом 7 августа, как всем известно, именно как крупнейшее, как величайшее государственное преступление, покушающееся на самую основу советского строя, какой является наша священная и неприкосновенная социалистическая собственность.

Вот почему и здесь не должно быть места удивлению по поводу того, что мы не предьявляем специальной статьи, говорящей о взяточничестве, мобилизуя ее из множества статей нашего Уголовного кодекса, но включаем состав предусмотренного этой статьей преступления в общий состав преступлений, поглощаемых всеми теми статьями, которые перечислены в обвинительном заключении и которые направлены против обвиняемых всем острием статей о контрреволюционных преступлениях, — 58⁶, 58⁷, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса.

Переходя к характеристике отдельных преступлений, совершенных каждым из подсудимых, необходимо дать характеристику тех событий, которые имели место в связи с этой преступной деятельностью на тех или иных электростанциях, и дать, наконец, квалификацию этих преступлений с точки зрения требований нашего уголовного закона.

Мы имеем ряд станций, о которых уже говорилось очень детально и обстоятельно на всем протяжении судебного следствия. Мы имеем Златоустовскую станцию, Зуевскую электростанцию, Ивановскую электростанцию, Бакинскую электростанцию и целую группу электростанций, объединяемых в этом деле и в наших материалах общим именем — Мосэнерго.

Позвольте мне и перейти к краткой характеристике положения дел, создавшегося на каждой из этих станций в связи, а отчасти и в прямой зависимости от преступно-вредительской, контрреволюционной деятельности связанных с этими станциями и работающих на этих станциях контрреволюционеров и вредителей, привлеченных по настоящему делу.

Златоустовская электростанция. В период времени 1931—1932 годов на Златоустовской электростанции мы наблюдаем ряд систематически повторяющихся из месяца в месяц аварий. Мы имели здесь ряд аварий, не одну аварию, а ряд

аварий с мотором в 1400 л. с., обслуживающим, как вы помните из данных нашего судебного следствия, крупносортный стан прокатного цеха, который непосредственно обслуживал производство ряда заводов и в том числе военные цехи и военные заводы.

Мы имели аварии с мотором в 1400 л. с. на Златоустовской электростанции — 10 апреля, 12 мая, 13 июня и т. д. и т. д. в течение этих двух лет, но это не значит, что этих аварий не было раньше. Эти аварии были и до этого. Если мы говорили об этих авариях, то только потому, что, во-первых, именно эти несколько аварий дали нам нити к тому, чтобы вскрыть истинные и подлинные причины этих аварий, а, во-вторых, потому, что по поводу этих аварий были составлены акты, вопреки тому методу действий вредителей, который между прочим заключался и в том, чтобы или вовсе не составлять актов об авариях, или составлять акты заведомо таким образом, чтобы в них не были установлены действительные причины этих аварий. Мы имеем ряд аварий с мотором в 1400 л. с., которые были вызваны с целью нанести удар по тому производству, которое имело основное значение для прокатки и, в частности, для военного производства. 5—6 раз подряд выводится мотор из строя вследствие сознательной, умышленной вредительской работы нескольких лиц — Гусева, Соколова, Макдональда, на этом именно участке сосредоточивших свое основное внимание и напрягавших все свои усилия, чтобы бить по этому очень важному, с точки зрения нормального хода производства и, в частности, военного производства, агрегату этой электростанции.

Но этим дело не ограничивается. Мы имеем факт замораживания котла № 8, когда не были закрыты шибера — тоже совершенно сознательно — и когда это привело тоже к аварии.

В конце 1931 года выводится из строя на той же электростанции углеподача. При двух углеподачах, из которых одна играет резервную и очень важную роль, умышленно и опять-таки очень тонко, под видом некоторого рода переустройства, — тоже своего рода рационализация, о которой здесь говорил подсудимый Гусев, — разрушают фундамент, а затем начинают ремонт углеподачи, выводя ее из строя и оставляя станцию в таком состоянии, которое на их вредительском языке получило специально техническую формулу — «аварийного состояния» станции.

Мы имеем, наконец, задержку в переоборудовании котлов № 1, 2 и 11, что привело станцию в такое положение, когда она должна была иметь и имела в действительности только сниженную мощность, и сниженную очень значительно, примерно наполовину: с 12 000 киловатт нормальной мощности станция могла развить едва только 6000 киловатт. Вы помните, товарищи судьи,

как эти аварии производились. Нельзя сказать, чтобы они производились уж очень сложным способом. Наоборот, как показывал здесь уже Гусев, авария с мотором в 1400 л. с. была вызвана очень легким путем — введением в межжелезное пространство между статором и ротором постороннего металлического предмета.

Анализируя причины этих аварий, и в частности и прежде всего аварии 10 апреля, мы видим, что целый ряд других аварий с тем же мотором, о котором я говорил сейчас, — аварии 12 мая и 13 июня и другие — явились прямым результатом недоброкачественного, недобросовестного устранения причин первой аварии, сознательного и умышленно плохого ремонта после первой аварии. Именно этот плохой, умышленно плохо произведенный ремонт мотора после первой аварии был причиной и ряда последующих аварий, с которыми мы встретились затем на этом моторе в 1400 л. с. Анализируя причины этой аварии, экспертная комиссия пришла к заключению, что смещение статорного железа могло произойти из-за попадания в межжелезное пространство постороннего металлического предмета и что в нормальных эксплуатационных условиях постороннее железо не могло попасть в мотор и может быть втиснуто туда только искусственно.

Но тогда, когда экспертная комиссия анализировала эти данные, опираясь на аварийный акт, она, конечно, не имела в виду показаний Гусева, которые прошли здесь перед судом, в которых Гусев рассказывал сам, как в действительности это постороннее железо попало в мотор, как оно было туда вложено сознательно, умышленно, согласно вредительским планам, на основе которых развертывалась вся деятельность Гусева в этот период.

Зимой 1932 года на Златоустовской электростанции произошла новая авария с котлом № 8, который стоял в холодном резерве. И эта авария была произведена умышленно, и, как оказалось, не бог весть каким мудреным способом, — не были закрыты шиберы, не была спущена вода, а когда пришла зима, котел замерз, и произошел разрыв ряда трубок. По заключению экспертной комиссии, и эта авария могла произойти либо от халатного отношения котельного персонала к оборудованию, либо от злого умысла.

Защита могла бы стать на почву этой альтернативы и сказать: экспертиза установила, что авария могла произойти или по причине злого умысла, или по причине халатности. Экспертиза не может сказать иначе, ибо она добросовестно, объективно обследовала этот вопрос, не имея в виду субъективной деятельности того или иного лица. Экспертиза исходила лишь из общих технических условий, в которых эти факты, чисто объективные, имели место. Характеризовать же эти факты с точки зрения персональной деятельности — это уже наше дело. Наше дело показать,

что и здесь причиной являлась не халатность, а именно злой умысел. Из этих двух возможных причин в данных конкретных условиях с аварией котла № 8 и играла роль только одна причина, и это опять-таки злой вредительский умысел, контрреволюционный акт, направленный против нормальной работы этой электростанции.

На той же электростанции в начале 1932 года была произведена, как я сказал, разборка резервной углеподачи. При каких условиях возможна была разборка этой резервной углеподачи — вот первый вопрос, который следствие поставило перед экспертной комиссией. И получило ответ: «Разбор резервной углеподачи может быть допущен лишь в том случае, если эта углеподача является неудовлетворительной или недостаточной и вместе с тем может быть быстро заменена новой, для монтажа которой имеются все необходимые части и сделаны все подготовительные работы».

Таким образом, возникает второй вопрос, поставленный перед экспертизой, — были ли все эти три условия налицо в момент, когда происходила разборка углеподачи. Экспертиза ответила: «В данном случае этих условий не было, ибо для монтажа этой углеподачи должны были иметься все необходимые части, должны были быть предварительно осуществлены все подготовительные работы». Не было сделано ни первого, ни второго. А потому, на основании строго объективного анализа имеющегося в деле материала, экспертиза пришла к заключению, что «разборка углеподачи была произведена с явно вредительской целью». Здесь даже не нужно иметь сознания преступника, здесь даже не нужно иметь живого автора этих вредительских действий. Достаточно иметь заключение экспертизы, чтобы сказать, что здесь не может быть и речи ни о какой халатности, здесь не может быть речи даже о преступной халатности. Здесь могут быть только прямые вредительские действия, в лоб направленные против нашего советского и в данном случае силового хозяйства, ибо то, что совершали подсудимые, свидетельствует только об одном и не может свидетельствовать ни о чем другом, — свидетельствует о злом вредительском умысле, о сознательной вредительской работе, о сознательном вредительском разрушении, о том, что мы называем диверсией.

Мы имеем, таким образом, ряд аварий, которые все являются результатом умышленной, контрреволюционной, диверсионной деятельности людей, которые, будучи поставлены властью, поставлены рабочим классом, нашей пролетарской революцией на посты, на которых им было доверено государственное имущество, не только не хранили и не охраняли его, но пытались его портить и калечить, подготавливая и совершая диверсионные акты, ведя хотя и в скрытой, замаскированной форме, но подлинную

войну с рабочим классом путем разрушения, путем уничтожения нашего государственного имущества.

Мы имеем далее на этой же станции ряд актов сознательного выведения из эксплуатации котлов. Котлы Стерлинга № 1 и № 2, каждый поверхностью по 260 кв. метров, с мая 1928 года выводятся из строя по прямому поручению и с прямым соучастием Макдональда, по плану, который разрабатывается, проводится систематически и методически в жизнь и притом по совершенно легальным основаниям: ремонт, переделка, перестройка. Тоже «реконструкция»!

Переделываются топки и переделываются таким образом, что, несмотря на то, что в 1930 году необходимое для успешного окончания этой переделки импортное оборудование уже лежит на площадке этой станции, тем не менее эта переделка длится около или даже свыше двух лет.

И дальше, здесь же третий котел, котел № 11 ЮМТ, который переделывается, монтируется в течение двух с половиной лет.

А здесь какие причины? Экспертная комиссия говорит: «Наличие злого умысла и по меньшей мере преступная халатность». Но и преступная халатность также есть не что иное, как проявление этого преступного умысла. А в результате — задержка в монтаже котлов №№ 1, 2 и 11 послужила причиной того, что станция развивает примерно половинную мощность от установленной мощности турбогенераторов.

Зуевская электростанция. В июне — июле 1932 года на Зуевке произошла авария с генератором № 3. Как она произошла? Об этом говорил здесь Котляревский, очень спокойно говорил. Я даже думал, что Котляревский, как я это дальше должен буду сказать и о некоторых других, например о Сухоручкине, вероятно чувствовал себя здесь как бы на академическом заседании какого-нибудь научно-технического общества, где он делал спокойный академический доклад о своих достижениях в области вредительства. Поразительная картина, чудовищная картина! Чудовишно, когда инженер, действительно призванный создавать, когда инженер, на советские пролетарские средства вскормленный и вспоенный на груди пролетарской революции, змеиным жалом пытается вонзиться в самое сердце этой революции! Котляревский здесь говорил о том, что он вложил в генератор болт и вызвал аварию. Хорошо, что эта авария не повлекла за собой таких последствий, какие она вообще могла повлечь. Но разве это был один единственный случай и разве там не находились другие посторонние болты в таких местах, где им никак не надлежало находиться? Мы это установили здесь на судебном следствии, — куски доски, камень, какая-то щетка для обметания в недрах наших машин.

Экспертная комиссия по этому поводу пришла к совершенно категорическому выводу. Она говорит: «Случаи нахождения в генераторе № 3 разных посторонних предметов (болтов, кусков доски, камня и пр.) не могут рассматриваться иначе, как следствие преступной халатности монтажного персонала или чьего-либо прямого злого умысла». «Всякий техник (добавляет она) не может не понимать, что попадание посторонних предметов, особенно болтов, в междужелезное пространство генератора может привести к серьезному повреждению статора и выходу из строя всего агрегата».

Мы имеем также на Зуевке ряд аварий, которые произошли с турбинами №№ 1—3, с масляными насосами, по поводу которых я также хотел бы напомнить заключение экспертной комиссии, установившей, «что состояние масляного насоса, которое наблюдалось на этих турбинах №№ 1—3 на Зуевской электростанции, ставило под прямую угрозу надежность турбины и могло иметь место лишь при явно недобросовестном отношении к делу лиц, производивших монтаж».

На основании всех материалов, которые прошли перед нами на этом судебном следствии, мы можем прямо сказать, что это не только явно недобросовестное отношение к делу лиц, производивших монтаж, а то, что мы характеризуем опять-таки как умышленную, вредительскую деятельность.

Я не буду останавливаться на других авариях этой же самой Зуевской электростанции. Я должен буду только просить суд обратиться к материалам экспертной комиссии, вспомнить об этих фактах в своей совещательной комнате и также вспомнить о той оценке, которая экспертами-техниками была дана этим авариям, свидетельствующим о том, что в результате своей работы в известной мере, в известные периоды времени эта группа зуевских вредителей добилась того, что Зуевская электростанция на некоторых своих участках была действительно в течение некоторого периода времени приведена в аварийное состояние.

Ивановская электростанция — Ивгрэс. В течение времени с января 1932 года по день возбуждения расследования по настоящему делу — начало 1933 года — здесь равным образом происходит целый ряд разнообразных аварий, в своем результате выводивших из строя те или другие агрегаты. Эти аварии являлись следствием различных причин — и ненадежного регулирования турбин, и ненадежного облопачивания турбин, и неправильной работы контрольно-измерительной аппаратуры. Кроме того, здесь имел место случай неоднократного, я не скажу выхода, а вывода из строя моторов цепных решеток котлов путем очень примитивным — путем перелома кабеля, питавшего эти моторы. Мотор кабеля выводился из строя вследствие засорения мотора песком.

Имели место неоднократные ложные выключения фидеров собственных нужд. Мотор дымососа котла № 5 умышленно сожгли путем умышленного закрытия вентиляции этого мотора, был произведен взрыв контактной коробки мотора пожарного насоса тоже путем введения туда посторонних предметов, а кроме того, осуществлялись систематические расстройтва телефонной станции, что прерывало связь между отдельными агрегатами всей электростанции, что, разумеется, вело к тем же самым последствиям, ослаблявшим производственные возможности этой станции, к чему была направлена и вся деятельность этой ивгрэсовской вредительской группы.

Я хотел бы теперь кратко коснуться Бакинской государственной районной электростанции, где тоже мы имеем ряд систематических аварий с турбогенераторами № 11 и 12, ряд простоев машин, начиная с 1928 года. Аварии продолжались и дальше: в 1930 году — авария 11 марта, в 1931 году — авария 15 февраля, 21 февраля и 22 марта. Эти аварии были обнаружены только при вскрытии турбины № 11 для ревизии перед производством испытания машин согласно договору, хотя, учитывая размеры этих аварий, нужно было признать, как утверждает экспертная комиссия, что эти аварии должны были сопровождаться внешними признаками — стуком машины, усиленным шумом и вибрацией, нарушением плавности хода, а все это не могло не обратить на себя внимания рачительного и добросовестного персонала, обслуживающего эту станцию, мотор которой монтировал обвиняемый Кушни. Правда, эти последние аварии были тогда, когда он уже был здесь, в Москве, но оставленное им наследство, связанное с авариями 1928 года, сыграло, очевидно, свою роль и в дальнейшем.

И, наконец, последняя электростанция или, вернее, группа электростанций, которые объединяются тем, что я здесь уже сказал, — Мосэнерго, тоже говорит о систематических авариях на протяжении целой пятилетки.

Можно сказать, что у вредительской группы Мосэнерго была своя вредительская пятилетка, начинающаяся в 1927—1928 годах и, нужно надеяться, прерванная, и окончательно, с изъятием вредителей, арестованных по этому делу.

Мы имеем ряд аварий на 1-й ГЭС с турбинами № 27 и 28. Я прошу обратить внимание на это действительно совершенно невероятное множество аварий, систематически следующих одна за другой, — 9 марта, 10 мая, 16 июня, 28 ноября и т. д. и т. п. Вредители остановили работу циркуляционных насосов турбин: 4 декабря 1931 г. происходит авария на Шатурской станции, входящей также в систему Мосэнерго, 22 мая, 18 ноября 1931 г., 9 мая 1932 г. происходят аварии на Орехово-Зуевской электро-теплоцентрали. Все это дает нам полное право задуматься,

наконец, над тем, где же причины этих аварий, в чем секрет этих аварий на этих станциях, которые, как это было выяснено на судебном следствии, как раз обслуживают чрезвычайно важные и ответственные участки красной Москвы — «Серп и молот», «Спартак», Кремль, Крутицкие казармы, казармы имени Дзержинского. Вся радиопередача выключается в результате одного только удачно проведенного вредительского акта, выводящего из строя распределительные турбины, сидящие на распределительном щите в 6600 вольт.

Мы имеем связанные со станцией Мосэнерго, однако, не только отдельные предприятия, отдельные учреждения нашей красной столицы, мы имеем связанные с Мосэнерго крупнейшие промышленные центры всей Московской области: Коломна, Егорьевск, Подольск, Сергиево, Тула, Зарайск, Рязань, Ногинск, Кашира — вот целая система крупнейших, важнейших, имеющих общегосударственное и военно-государственное значение предприятий, на работе которых стоит и держится известной своей частью мощь и сила нашего советского хозяйства, нашей социалистической промышленности — крупнейшие заводы Электростали, Тульские заводы, «Серп и молот», «Амо», «Трехгорная мануфактура», целый ряд текстильных, металлообрабатывающих, химических, цементных заводов и фабрик, не говоря о системе мелких заводов, питающихся электроэнергией от станции МОГЭС. Вот почему, естественно, на МОГЭС было направлено основное внимание вредительской группы, вот почему, естественно, нужно было здесь действовать наиболее умело, тонко, решительно, при помощи наиболее квалифицированной агентуры. И вы видите, товарищи судьи, что если мы в других случаях имеем перед собой такие фигуры, как Олейник или Лебедев, второстепенные сравнительно фигуры, попавшие в сеть этих разведчиков, шпионов, провокаторов и вредителей, то мы здесь, на МОГЭС, имеем другую группу, группу гораздо более квалифицированных, гораздо более опытных, гораздо более солидных людей, которым и платить-то как-то не особенно было удобно, и платить-то не особенно прилично, хотя все-таки платили и, надо сказать, плохо платили. Доцент Зорин — о нем речь будет дальше, инженер Сухоручкин — вы его показания здесь помните, инженер Крашенинников — и его вы тоже помните, — три надежные опоры вредительской контрреволюции, заговорщиков на Мосэнерго. Это — опытные, спокойные, не теряющие мужества, как некоторые из их участников, умеющие скрывать свои вредительские действия, «работу», «деятельность», люди, умеющие понимать друг друга с первого слова, я скажу больше и дальше, — с первого взгляда. Тут кое-кто из защитников пытался так построить защиту в отношении тех или других подсудимых: «Что же, вы разговаривали первый раз 10 минут, другой раз

20 минут, третий раз 30 минут, в общей сложности за все встречи 2 часа, и что же за такой 2-часовой разговор можно сделать?» Наивное рассуждение, тоже свидетельствующее о недостаточно ясном представлении, о ком идет речь и о каких делах идет речь. Именно это люди — Зорин, Сухоручкин, Крашенинников — это люди, понимающие с одного слова, что от них требуется, это люди, понимающие, что говорит выражение глаз, что говорят складки губ, умеющие воспринимать эти вредительские «песни без слов» контрреволюции. И меня нисколько не удивляет, что у них был мгновенный разговор, что у них был быстроходный разговор, — нисколько не удивляет!

Что мы видим на Мосэнерго? Я сказал — авария на 1-й МОГЭС, на Шатурке, на Орехово-Зуевской ГЭС. Мы имеем, таким образом, достаточно длинную серию аварий, организованных достаточно умело и опытно.

Заканчивая перечень этих аварийных вредительских случаев, я должен все-таки с удовлетворением констатировать, что как ни многочисленны были эти аварии, они не смогли причинить нашим социалистическим предприятиям сколько-нибудь значительного вреда, что все эти вредительские акты разбились о мощь и прочность наших предприятий. Я должен констатировать бессилие, ничтожество этих людей, такое же бессилие этих вредительских актов, какое некоторые из их соучастников, и в частности Торнтон, обнаружили здесь, такое же бессилие и ничтожество в организации своей собственной защиты.

Позвольте перейти к характеристике преступлений, роли и ответственности отдельных преступников.

Мы имеем перед собой такой факт, как собственное признание ряда людей. Это могло бы освободить в иных случаях вообще от исследования каких бы то ни было других доказательств. Мы знаем, что по процессуальному праву и любого капиталистического государства, и в частности по процессуальному праву Англии, одно только сознание обвиняемого перед судом дает право суду не производить никакого судебного следствия. Такая же процессуальная норма имеется и в нашем праве, ибо не всегда при наличии сознания обвиняемого является необходимость проверки всех обстоятельств дела в целях проверки правильности этого признания. Но в буржуазном праве этот принцип — не случаен. В буржуазных странах продолжает царить старое средневековое представление о значении и качестве доказательств, среди которых личное сознание обвиняемого считалось лучшим, считалось «царицей всех доказательств».

Поэтому с точки зрения тех, кто следит за каждым шагом судебного следствия и так нервно следил и следит за ходом предварительного следствия, что терял по временам хладнокровие и ударялся в истерику, мы могли бы сказать, что, даже

исходя из объяснений подсудимых, надлежит признать обвинение полностью доказанным.

Но надо подчеркнуть, товарищи судьи, что в этом процессе, который имеет величайшее значение, наряду с признанием самих обвиняемых мы имеем целую сумму объективных доказательств, против которых не могут устоять никакие враждебные нам силы.

Мы никогда не имели такого богатого обличительного, обвиняющего, доказательного, объективного материала, каким является эта папка экспертизы, опирающейся на имевшие место факты аварий, на обследование этих фактов аварий, на тщательный анализ причин этих аварий и на выводы совершенно категорического порядка, говорящие о том, что эти аварии были, что они были организованы умышленно. Таким образом, у нас имеются в руках все эти объективные материалы, которые говорят о том, что даже при самом пылком воображении нельзя выдумать того, что в действительности имело место, что зафиксировано, запечатлено и в актах, и фотографиями, и даже в лживой защите тех из обвиняемых, которые пытаются вообще опорочить все то, на что мы ссылаемся, на что еще недавно ссылались они сами, как на имевшие место достоверные и безусловно установленные факты.

Я хотел просить Специальное присутствие Верховного суда, когда оно будет обсуждать приговор, обратить внимание именно на эту сторону дела и еще раз просмотреть, хотя бы для этой цели, с точки зрения оценки позиции обвинения в этом вопросе, представленное нами Верховному суду наше обвинительное заключение, где мы в основу кладем экспертизу, где мы кладем в основу наших обвинений твердо установленные факты, где мы в основу кладем материал с точки зрения техники, с точки зрения технической экспертизы, — те самые факты, из анализа которых мы приходим к оценке субъективных показаний и субъективных признаний.

В моем присутствии на предварительном следствии следователь по важнейшим делам вел допрос Макдональда, и Макдональд в первые же 10 минут нашего разговора с ним по поводу предъявленного ему обвинения на дознании в ГПУ подтвердил правильность своих показаний и дал дополнительные — я думаю, я уверен в этом — искренние и добросовестные показания, которыми не отличаются показания других его сограждан, привлеченных к этому делу, в частности — показания Торнтон.

Этот штатский скромный инженер, который к тому же и не играет такой роли в этом деле, как Торнтон, а может быть именно поэтому, в этом процессе нашел в себе достаточно мужества, чтобы сознаться, будучи схвачен за руку, в тех преступлениях, которые он действительно совершал. Он действовал, этот штат-

ский инженер, мужественнее, чем действовал этот месопотамский храбрый воин. Когда мы спросили Макдональда: «Чем же объясняется то, что вы дали такие показания?», Макдональд ответил: «Двумя обстоятельствами,— я хочу внести полную и возможную ясность в это дело, и я должен дать эти показания под тяжестью предъявленных мне улик и доказательств». Вот был ответ Макдональда. И это правда, и это верно, ибо тяжесть наших улик очень велика, тяжесть этих улик опирается на громадную работу, сделанную в процессе предварительного следствия в небывалые по быстроте сроки. Эта техническая проверка тех актов, на основании которых было воздвигнуто и — я сейчас могу с удовлетворением сказать — прочно стоит наше здание государственного обвинения.

Гусев Василий Алексеевич, начальник Златоустовской электростанции, с 1918 по 1920 год служил в армии Колчака, куда поступил добровольцем. Мы встречались кое-где в различных процессах по государственным преступлениям с преступниками, которые бывали в армиях белых, контрреволюционных армиях, но не так часто мы встречаем тех, кто там бывал в качестве добровольцев. Доброволец Гусев, который участвует в боевых походах колчаковской армии против армии рабочих и крестьян, который после разгрома колчаковской армии не извлекает из этого для себя никаких уроков, который продолжает оставаться, собственно говоря, тем же колчаковцем, хотя и не в рядах армии, каким он был, когда добровольно вступил в ряды этой армии.

И вот он попадает на Златоустовский завод. Он довольно быстро проходит ряд должностных ступеней, и, наконец, мы его застаем в положении, когда ему доверяется судьба Златоустовской электростанции.

Он начальник Златоустовской электростанции, обслуживающей громадный комбинат громадной государственной важности, имеющий заводы, предприятия громадного государственного значения.

Я не могу, конечно, здесь не отдать должного и тем лицам, которые допустили подобное положение, что еще раз свидетельствует об отсутствии кое у кого из наших хозяйственников классовой бдительности, очень часто мешающем им правильно расставить силы в своих предприятиях, правильно формировать кадры предприятия, а в особенности для такого ответственного участка, каким является электростанция, да еще Златоустовская электростанция.

Но сейчас речь идет о Гусеве. Гусев сам себя охарактеризовал достаточно хорошо, как явно выраженный, совершенно сложившийся тип контрреволюционера, разведчика, шпиона, вредителя, сам объясняющий это той средой, в которой он вращался, теми приятельскими отношениями со всеми этими Шалаевыми,

Богуславскими, осужденными в свое время по другим вредительским делам. Но это дела не меняет, это только дело объясняет. И вот Гусев портит мотор и потом, когда его схватили, говорит: «Получил задание от Макдональда произвести порчу мотора крупносортного стана прокатного цеха Златоустовского завода с целью приостановить выпуск снарядов и снарядных заготовок».

Снарядами эти господа интересовались очень серьезно, и вполне понятно почему, как вполне понятно — для чего и как вполне понятно — для кого. Интересовались очень серьезно. Не могу сразу же не сказать о том, что ведь именно Гусев, по словам того же Торнтонна, который сначала «полагал», а потом подтвердил, что Гусев был, по его выражению, резидентом Макдональда в Златоустовском районе, — систематически занимался собиранием сведений военного характера и эти сведения направлял Макдональду, а Макдональд — Торнтону, который получал эти сведения только одним путем, как он сам говорил, — от Гусева, ибо только Гусев был единственным источником получения этих сведений, которые получал Торнтон. А что это за сведения, это мы уже видели, — это сведения о военных цехах, сведения о снарядах, сведения о высококачественной стали, которая нужна для авиационных моторов, которая нужна для тех же снарядов, которая нужна для холодного оружия, которая нужна для вооружения нашей Красной Армии. Собирает сведения, портит машины, станы! Как он это сделал? «При контрольном осмотре этого мотора в вентиляционный канал статора я подбросил кусок листового железа небольшого размера. В дальнейшем этот листок железа и явился причиной аварии, так как, попав в между-железное пространство, произвел сдвиг части пакета статорного железа и роторного; сдвинутое железо повредило гильзу, в которой заложена обмотка статора, а это последнее обстоятельство и явилось причиной аварии». Сдвиг железа произошел в нескольких местах, — говорит Гусев. Но так как этот дефект не был исправлен, то он не только произвел аварию, не только повредил обмотку статора, но и обусловил ряд дальнейших аварий, явившихся прямым результатом первой аварии, обеспечивших систематические удары по этому же самому мотору, приводящему в движение этот же самый крупносортный стан прокатного цеха металлургического завода, именно с целью помешать выпуску снарядов и приостановить снарядные заготовки.

Мы не готовимся к войне, но мы готовы к войне, и с этой точки зрения надлежит оттенить вот эти диверсионные акты, которые направлены были на то, чтобы попробовать ослабить нашу обороноспособность, о чем, как об этом я считаю уместным сейчас еще раз напомнить, свидетельствует показание Торнтонна 13 марта о его шпионской сетке, — он чрезвычайно интересовался

оборонительными и наступательными возможностями Советского Союза.

Хорошие возможности! Крепкие возможности! Попробуйте, господа разведчики!

Я не хочу останавливаться на таком же подробном анализе вредительских актов того же Гусева в отношении углеподачи, потому что все эти материалы были уже подробно рассмотрены на судебном следствии, вы их еще раз внимательнейшим и подробнейшим образом просмотрите вне этой борьбы сторон, в своей совещательной комнате, и сделаете все необходимые выводы.

Я не скрою от суда своего представления о Гусеве как об одной из главных фигур в этом контрреволюционном заговоре в электропромышленности. Я по отношению к Гусеву должен потребовать более сурового наказания, чем в отношении какого-нибудь другого обвиняемого, исходя из этой его роли, характера его преступлений, а также исходя из тех общих, принципиальных соображений, определяющих содержание и направление нашей советской уголовной политики, о которой я вчера говорил достаточно продолжительно для того, чтобы сегодня к этому вопросу не возвращаться, и, в частности, опираясь на известное вам, товарищи судьи, постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 14 марта 1933 года.

Соколов Василий Андреевич — электрик той же станции. Он вначале занимает должность помощника Гусева по силовой станции, а впоследствии выдвигается на должность главного электрика силовой станции.

Соколов признает себя виновным, но для нас его признание недостаточно.

Чем доказывается виновность Соколова, кроме тех признаний, которые были даны им на предварительном следствии и которые здесь были подтверждены? Они подтверждаются и Гусевым. Гусевские показания не вызывают никакого сомнения, ибо они опираются в свою очередь не только на показания Макдональда и других, но также и на тот объективный материал, который служит одним из основных доказательств по отношению к Соколову. Этот материал говорит о том, что по заданию Гусева и непосредственно под гусевским руководством Соколов принимал участие и проводил лично целый ряд вредительских актов, ведущих за собой аварии, в частности, выполнил задание Гусева о порче мотора в 1400 л. с., что повлекло ряд аварий. Он вредил, выводя из строя турбогенератор, он бил по котлам, задерживал ремонт и передачу углеподачи и т. д. и т. п. Он собирал, начиная с середины июля 1932 года, и передавал сведения о шестидневной прокатке болванок на крупносортом стане, с указанием количества производящихся, как мы уже говорили, в числе других

заготовок и снарядных заготовок. Нужно, товарищи судьи, иметь в виду, что производительность этого стана — ведущего стана прокатки — определяет, в сущности говоря, производительность всего прокатного цеха, и, следовательно, достаточно иметь эти элементы для того, чтобы составить себе полное представление по тому вопросу, который особенно интересует военных разведчиков, работающих в направлении, враждебном нашему Советскому государству.

Соколов и Гусев — старые друзья и по колчаковской армии, оба добровольцы белой армии. Они перестали там служить только тогда, когда уподобились крысам, спасающимся с тонущего корабля, когда все карты колчаковских генералов были биты, когда вместе с тем были биты карты и кое-каких иностранных генералов, поддерживающих Колчака, когда эти «храбрые воины» пустились во все лопатки куда-то в лес. Из леса они пришли к нам на наши предприятия, но, придя из леса, они, как волки, продолжают глядеть в лес.

И третья фигура златоустовской вредительской группы — Макдональд, монтажный инженер. Приехал он на Златоустовскую электростанцию в конце 1929 года. Несколько лет гостеприимно принимала его наша страна, и он «хорошо» отплатил за это гостеприимство.

Он работал на Златоустовской электростанции до апреля 1931 года, вошел во вредительскую контрреволюционную связь с Гусевым, Соколовым, с Котляревским на Зуевке, участвовал в той работе, которую я характеризовал в отношении Гусева и Соколова, был схвачен за руку, был пойман, в буквальном смысле этого слова, с поличным, вынужден был признать себя виновным. Он признался и дал объяснения не только о себе, но и других соучастниках из своих сограждан. «В 1929 году, — говорит Макдональд, — я был летом на даче у Торнтонна, который в разговоре со мной сказал, что его интересуют сведения о политическом и экономическом положении СССР, и просил меня собирать и передавать ему эти сведения».

Я вчера говорил, что, конечно, экономические и политические сведения экономическим и политическим сведениям — рознь. Мы не строим своего обвинения в шпионаже по этой линии на том, что здесь Торнтонном было названо «обывательскими» сведениями. Мы так не строим нашего обвинения, но я постараюсь доказать, что сведения, которые здесь в момент своего признания Макдональд пытался прикрыть этим безобидным термином, — «политические и экономические сведения», да еще «нужные для нашей фирмы», — я постараюсь доказать, что это вовсе не те «безобидные» сведения, которые бывают нужны, конечно, какой бы то ни было фирме, имеющей дело с нами на территории нашей страны, а что эти сведения совершенно опре-

деленного характера, именно те сведения, которые составляют содержание военной государственной тайны, получение, соби­рание и передача которых являются прямым содержанием того, что понимает под шпионажем статья 58⁶ Уголовного кодекса РСФСР, — что именно эти сведения, а не какие-либо другие (безобидные, обывательские) сведения получал Торнтон от Макдональда, Макдональд от Гусева, Гусев от Соколова — по этой своеобразной цепочке, в конце концов замыкающейся во всей сумме тяжких улик. Я не буду касаться отношений между этими господами и фирмой, я их не знаю, не хочу знать, я их не касаюсь, не хочу касаться, но для всех ясно и понятно, что не в коммерческих, не в деловых интересах фирмы собирались эти сведения, а именно в тех интересах, о которых сам нам рассказывал, хотя потом и спохватился, что он проболтался, Торнтон при его допросе 13 марта. Но вернемся к Макдональду.

Макдональд говорит: «Когда я возвратился в Ленинград, то я стал собирать здесь сведения и, помимо сведений о настроениях и бытовых условиях рабочих, я стал собирать и специальные сведения, а именно — сведения о работе военного завода «Большевик», сведения о производстве моторов для аэропланов, а также о производстве орудий». И Макдональд указывает конкретно, кто эти сведения ему давал, — Хрушов, Самарин, Редькин, т. е. те лица, которые были привлечены по другому делу о шпионаже, схвачены и осуждены.

Ну, говорил здесь Торнтон, как же можно было не знать об этих моторах для аэропланов, когда шум при их испытании был слышен во всем околотке, когда все слышали шум от этих испытаний? Как же можно было не знать об этих пушках, когда при стрельбе дрожали окна во всей округе? Стреляют пушки — дрожат окна, все об этом знают. Но позвольте, если это так, как говорит Торнтон, что все об этом знают, так зачем ему нужно было прибегать к помощи Макдональда, платить ему за это деньги? Тогда он должен был бы ему сказать: «Ты что же не­сешь чепуху, все об этом знают, за что я тебе буду деньги платить?»

Вы — бизнесмен, вы — деловой человек, вы — практический человек — за это платили деньги, платили деньги за то, что он вам говорил о том, как шумят моторы, как стреляют пушки? За это вы платили деньги и такого рода сведения вы получали от Макдональда? Чепуха, детские разговоры! Наконец, Макдональд имеет какое-нибудь основание вас оговаривать? Макдональд, с которым вы были всегда в хороших отношениях, Макдональд, который никогда не вызывал у вас никакого к себе недоверия, который был вам к тому же подчинен, который зависел от вас, а не вы от него, — какое основание Макдональду оговаривать Торнтон и одновременно оговаривать самого себя. Нужно

сказать, что сам Макдональд пришел к необходимости дать эти показания, потому что Гусев уже сказал, потому что Соколов уже сказал, потому что и Кутузова сказала, наконец, и сам Торнтон сказал. И здесь нужно припомнить ту умиленную сценку, которая разыгралась при неудачной попытке, хотя и в высокой степени беспорядочном виде, но все-таки отступить с раз занятой позиции. Макдональд говорил о том, что он сказал так потому, что ему показали показания Торнтона. А Торнтон, оказывается, показал так потому, что ему показали показания Макдональда, — под влиянием показаний Макдональда. В конце концов нельзя было понять, кто же на кого повлиял, кто же говорил под влиянием чьих показаний. Один сваливал на другого, — оба запутались.

Итак, Макдональд говорит о себе и говорит о Торнтоне. Говорит совершенно определенно, совершенно категорично, говорит не вообще, бросая тень на себя своей шпионской деятельностью, а указывая конкретных людей, конкретные предметы, конкретные обстоятельства. Ведь Макдональд получал сведения очень осторожно. Вы помните, как мы здесь установили методы сообщения этих сведений Гусевым. Гусев не пишет: производится столько-то снарядов, — а пишет Макдональду дружеское, любовное письмо: у нас производится такое-то количество «консервов». Пишет это не обычным путем, а прибегая к вестовщице и посыльному, очень десятистепенной, но все-таки привлеченной к этому делу Марии Федоровне Рябовой, о которой дело доследуется. Макдональд через Рябову, которой имеет особые основания доверять, получает письмо от Гусева, который, видя оказываемое Макдональдом доверие Рябовой, сам проникается доверием к этому контрреволюционному почтальону. Но пишет все-таки иносказательно: не снаряды, а консервы.

А люди, которые связаны с ними, фигурируют не под своими именами, а под вымышленными именами. Один именуется «деревом», второй — «слесарем», третий — именами, которые существуют вообще в природе — Василий, Иван, но которые не принадлежат этому человеку. И пользуются вымышленными адресами. Один посылает посылку с письмом, содержащим секретные данные, от вымышленного лица, из вымышленного дома на вымышленной улице. Эта улица, конечно, существует, дом также существует, но они взяты случайно, именно с «бухты-баракты», взяты для того, чтобы отвести глаза, замазать и пр.

Подписывается Гусев не Гусевым. В одном случае он подписывается Уткиным, в другом случае он подписывается Мочаловым. Это то, что он сказал. А конечно, товарищи судьи, нужно же иметь в виду, что в этих делах мы не можем не учитывать того обстоятельства, что это все делается конспиративно, делается осторожно, что документы сжигаются, что документы

уничтожаются, что по возможности документы даже не составляются, а составленные увозятся в иных случаях туда, куда увез свои 9 секретных дневников Торнтон,— в город на Темзе, в Лондон. Там безопаснее.

Мы спрашивали Макдональда: «Вы получали письма от Гусева?» — «Получал». «Как они подписывались? Уткиным?» — «Уткиным». — «Эти письма вы как, хранили?» — «Нет,— говорит,— я их бросал в печку, сжигал». — «Сжигали?» — И дальше Макдональд ведет все-таки хитрую политику здесь на суде. Он признает себя виновным, да не так уж откровенно, как он это должен был бы сделать, если бы хотел, чтобы мы поверили, что то, что он сказал, это все то, что он сделал. Пойманный с поличным, схваченный за руку, поставленный перед неопровержимыми доказательствами, которые поражают. Макдональда, он все-таки умно и хитро повел свою защиту, стараясь, где возможно и от чего возможно, уйти, и с самого начала говорил и признавал только то, что не признавать не имел никакой возможности. Конечно, может быть, действительно, с этой углеподачей, по поводу которой произошли некоторые разногласия, он и не давал Соколову прямых указаний. Оставим эту углеподачу на том кусочке совести, который, может быть, у Макдональда сохранился. Дело не в углеподаче, а в том, что Макдональд — опытный разведчик, и я бы не сказал, что он менее умен, чем другие его партнеры по скамье подсудимых, а даже определенно сказал бы, что в некоторых случаях он мне кажется гораздо умнее.

Ведь когда мы установили здесь, что письма Гусева он сжигал, Макдональд попытался вильнуть в сторону и что он сказал? Я, говорит, вообще письма свои сжигаю. Но я спросил вторично: «А еще от кого получали письма, кроме Гусева?». Он говорит: «Ни от кого». Значит, можно сделать вывод, который мы и сделали, что письма от Гусева он всегда сжигал. Сжигают письма, конечно, не для того, чтобы их кто-нибудь видел, и при всем искусстве следственных органов нередко является невозможным восстановить сожженные когда-то письма. Макдональд умеет использовать, как и многие другие, и патефон и легкие мелкие услуги. Кстати, нужно сказать о методах, которые широко проходят по всем обвиняемым и, в частности, английского подданства.

Используются все возможности. Кушни сближается со слесарями, приходит к ним в дом, устраивает вечеринки. Лебедев с Эллиотом встречаются где-то, у какой-то дамы, которая организует такие птисуарэ. И оказывается,— это я потом попрошу суд отнести на счет Кушни,— «между прочим», ведутся разговоры о Красной Армии, как, например, с Емельяновым, о снаряжении Красной Армии и т. д. и т. п. А Эллиот ведет разговоры

с каким-то Болдиным, а Лебедев слышит соответствующим ухом, что идет речь о работах военного отдела Ивановского механического завода, которые Эллиот берет себе на заметочку, а Торнтон говорит: «Получал сведения от Эллиота».

Таким образом, мы видим, как Макдональд, как Торнтон (о нем более подробно дальше) ведут определенную военно-шпионскую работу, собирают военные сведения.

«В 1930 году,— говорит Макдональд,— перед моим отъездом в Златоуст Торнтон имел со мной второй разговор, когда просил меня собрать для него сведения о военных производствах Златоустовского завода, а также о состоянии энергоснабжения этих заводов». Он говорил в несколько завуалированной форме,— показывает Макдональд,— т. е. в порядке не прямого приказа, давая задание организовать в Златоусте аварию для создания перебоев в работе заводов. «Он мне сказал, что если понадобятся деньги, то за этим дело не станет». Он может их у него получить.

Вот три основных момента — военный шпионаж, организация аварий, подкуп, деньги, взятки — три момента, три основных звена той цепи, которая замыкает ответственность и виновность Макдональда и других, о которых я буду говорить дальше.

Выполнил ли Макдональд поручения, которые получил от своего начальника, хотя и не в форме прямого приказа, от Торнтона? Да, надо признать, что выполнил. Он сказал Гусеву, что надо произвести порчу оборудования, и порча была произведена. А зачем это нужно было делать, почему это нужно было делать? — Для того, чтобы сорвать работу заводов, вызвать простои этих заводов, в том числе и тех, которые работают на оборону, на нашу Красную Армию. Получил деньги, деньги передал, деньги распределил. От этих фактов никуда не уйдешь и никак не уйдешь. «Котляревскому, Васильеву, Фомину на Зугрэсе за их вредительскую деятельность я передал около 2000 рублей. Деньги давал отдельно. Котляревскому дал около тысячи рублей. Котляревский дал сведения, указанные в предыдущем показании», — вот показания Макдональда. Добавляю: последнее показание Макдональда уже в прокуратуре республики о том, что в июне или июле 1932 года была организована авария третьего генератора. «Она произошла вследствие введения болта в межжелезное пространство, что было сделано по моему заданию или Фомичевым, или Котляревским». — Вот второе показание Котляревского. Мы спросили Котляревского об этом, и он ответил: «Да, это сделал я, положив болт, вызвал аварию». Круг улик замкнулся. Макдональд пойман, схвачен с поличным. Макдональд умнее других, которые, будучи пойманными и схваченными, пытаются делать вид, что они не виновны, и делают это больше для того, чтобы реабилитировать себя в глазах своих

нелегальных начальников. Макдональд искреннее и смелее других, — прижатый к стене нашими доказательствами, он сознается в том, что достаточно ясно и четко сформулировано в обвинительных пунктах, предъявляемых к подсудимому Макдональду.

Я должен перейти сейчас к Ивановской электростанции, но перед этим я хотел бы только еще раз остановиться на одном сравнительно небольшом, но в высокой степени характерном штрихе, относящемся непосредственно к деятельности Макдональда и в известной степени к деятельности Монкгауза. Я имею в виду факт приезда Гусева в Зуевку и сообщение Макдональду, находившемуся тогда в Зуевке, о том, что он считает свое положение довольно опасным вследствие того, что ОГПУ напало на след вредительской работы. Он высказал Макдональду это опасение в достаточно тревожной форме, но Макдональд его успокоил, сказав, что если что случится, то он может всегда получить помощь по тому адресу, который был Гусеву сообщен. Этот адрес был адресом Монкгауза. Этот адрес значился в той записке, которую на Зуевке Макдональд передал Гусеву на всякий случай, на случай провала, перед опасностью которого, как Гусев чувствовал тогда, он в это время уже стоял.

И второй эпизод, который касается встречи Гусева с Макдональдом и с Торнтоном в Харцызске, встречи, которая явилась результатом прямого вызова Макдональдом Гусева и сопровождалась обменом различного рода соображениями по поводу вредительской, шпионской работы и которая должна считаться совершенно установленной как показаниями Гусева, показаниями Макдональда, так и показаниями самого Торнтон, который, впрочем, по принятой им тактике своей защиты, отрицал здесь, однако, преступный характер беседы, имевшей там место.

Вот этими двумя напоминаниями я хотел бы закончить анализ тех эпизодов, которые касаются непосредственно трех лиц, о которых я говорил, — Гусева, Соколова, Макдональда. Перехожу непосредственно к преступной деятельности подсудимых по Ивановской электростанции.

Я хотел бы начать с Нордволла. Какие мы имеем основания предъявлять и поддерживать во всем объеме обвинительного заключения обвинения против Нордволла? Этих данных, я считаю, у нас имеется более чем достаточно.

Нордволл в 1931—1932 годах работал на Ивгрэсе в качестве монтажного инженера фирмы «Метро-Виккерс». Он здесь сошелся с группой местных вредителей, в первую очередь с Лобановым, и повел вредительскую работу, давая задания группе инженеров и техников Ивгрэса — Лобанову и другим — совершать вредительские и диверсионные акты, направленные к порче оборудования, к созданию аварий, которые по его поручению и

выполнялись этими лицами, а также скрывать дефекты в оборудовании, что и выполнялось Лобановым, Лебедевым и другими. За это он, Нордволл, систематически выдавал через того же Лобанова взятки, в общей сложности составившие сумму в 5000 рублей.

Мы имеем против Нордволла раньше всего показания Лобанова, который нам и здесь рассказывал и говорил об этом на предварительном следствии, что он неоднократно беседовал с Нордволлом, выражая свое недовольство существующим советским строем, нашими порядками, своим материальным положением, высказывая различного рода,— как это подтвердил сам Нордволл,— антисоветские суждения. На почве именно этих отношений он настолько сблизился с Нордволлом, что тот и избрал его одним из своих соучастников. Впрочем, объективно говоря, трудно сказать, кто кого избрал своим соучастником,— Нордволл ли Лобанова, Лобанов ли Нордволла, и это, между прочим, черта, которая характеризует известные трудности настоящего процесса и по отношению к ряду других подсудимых.

В самом деле, каждый из подсудимых, являющийся служащим одного из наших советских государственных учреждений,— здесь сам это признавал, а факты, которые имеются у нас в руках, это подтвердили,— уже в течение ряда лет зарекомендовал себя и свои антисоветские настроения и свои антисоветские действия. В этих условиях едва ли правильно было бы установить такой переплет отношений между Лобановым и Нордволлом, что сам Лобанов, этот тип прожженного вредителя, сделался вредителем под влиянием Нордволла. Я не хотел бы поддерживать эту ересь. Я не думаю, чтобы Нордволл соблазнил одного из малых сих — Лобанова, отнюдь не малого из сих. Я имею все основания полагать, и я постараюсь это далее подтвердить рядом улик, что Нордволл был соучастником Лобанова, что Нордволл использовал вредительскую группу, которая была на Ивгрэсе, в контрреволюционных целях и интересах, что они были в контакте и проводили ту вредительскую деятельность, за которую он платил деньги, ассигнованные на эту вредительскую работу по соответствующим линиям, какими были связаны Нордволл с Торнтоном.

Итак, мы имеем раньше всего категорические показания Лобанова, которые подтверждены Нордволлом в части, касающейся содержания тех бесед и разговоров, которые между Нордволлом и Лобановым имели место. И если Нордволл говорит здесь о том, что, замечая антисоветские взгляды Лобанова, он не поддерживал эти настроения, а, наоборот, их пытался изменить и чуть ли не возратить Лобанова на путь праведника, то это уже действительно получается довольно забавно потому, что если бы Нордволл, действительно, был тем без пяти минут

большевиком, каким его характеризовал Олейник, вообще отличающийся в известной степени болезнью недержания слова или словоблудием, то ведь Нордволл должен был бы совершенно иначе реагировать на те разговоры, на те взгляды, на те суждения, которые он слышал от Лобанова.

Между тем, эти антисоветские взгляды, о которых здесь говорит сам Нордволл, не только не мешали его сближению с Лобановым, но они не вызывали, очевидно, никакой реакции: если оставить совершенно неправдоподобную версию о реагировании на словах, о чем говорил здесь нам Нордволл.

Больше того, Нордволл принимает определенное участие, если хотите, и в облегчении материальных трудностей Лобанова. Эпизод с шубой — не такой простенький эпизод, как это может казаться кое-кому, кто склонен сенсационно возвещать миру о том, что все обвинения Нордволла построены на шубе. Шуба — это одна из улик, и далеко, конечно, не единственная. Лобанов изобличает Нордволла в том, что он с ним вместе осуществлял вредительскую деятельность, давая ему определенные поручения, оплачивая эти поручения и обещая, что в обиде вредители не останутся.

Больше того, Лобанов показывает нам, что Нордволл при этом обращал внимание на то, что нужно портить оборудование, не входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», а если портится оборудование, входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», на которое гарантийные сроки еще не окончились, то порча оборудования должна быть произведена так, чтобы нельзя было ответственность за это свалить на фирму «Метро-Виккерс».

Это находит свое полное подтверждение в той позиции, которую занимали по ряду вопросов, связанных с ответственностью их самих и их фирмы, некоторые подсудимые по настоящему делу — тот же Монкгауз, когда он сам подробно перечислял нам здесь ряд дефектов, которые имелись у этих турбин. Он хотел изобразить дело таким образом, что все-таки он как уполномоченный этой фирмы, да и сама фирма не несут за это, однако, никакой ответственности, что все это выходит совершенно естественно, что если он продает или если при его участии монтируется проданное его фирмой оборудование, которое он, по его собственным словам, никогда бы не купил, будь он служащим Наркомтяжпрома, то это естественно потому, что виновата-де в непригодности этого оборудования система оборудования, марка оборудования. То, что здесь сказал Лобанов, совершенно соответствует той обстановке, на почве которой действительно разоблачена эта вредительская работа, — лучше, по возможности, ударить по оборудованию, поставленному другой фирмой, а если ударить по своему, то тогда, когда можно занять такую позицию, которую и занял Нордволл в известном

случае, когда он говорил, что это его не касается и поэтому он может формально по этому вопросу стоять в стороне.

Вот почему эта версия Лобанова не противоречит действительному положению вещей, общей тактике и поведению Нордволла, когда он пытался совместить свою деятельность как представителя и служащего фирмы «Метро-Виккерс» с другой деятельностью как вредителя, разведчика, работая по военному шпионажу. Эта версия не противоречит, а как раз изобличает то, что это было естественно и что именно разговоры, указания, такие преступные директивы не только могли исходить, но и на самом деле исходили от Нордволла, что это вполне правдоподобно.

Нордволл платит деньги. Он это отрицает. Что же он не отрицает? Он не отрицает того факта, как передача шубы Лобанову, якобы приобретенной Лобановым от знакомого — и Лобанова и Нордволла — некоего Тейлора.

Но позвольте остановиться на одном вопросе: почему Нордволл взял на себя задачу быть посредником в этой сделке? От большого избытка времени или от желания помочь этому антисоветски настроенному и антисоветски действующему Лобанову? Может быть, конечно, и третья версия — не из желания помочь Лобанову, а из желания оказать услугу своему соотечественнику Тейлору. Нордволлу было безразлично, будет ли греться в этой шубе Лобанов или другой, но поскольку Тейлор пожелал ее продать, он берет на себя миссию переводчика и организует эту продажу. Очевидно, этой версии может держаться и защита.

Но ведь надо будет вскрыть еще один небольшой факт. Шуба-то эта была получена фактически Лобановым не сразу. Эту шубу Лобанов получил через некоторое время в Москве и получил через некоего Воронина. А кто был Воронин? Воронин был переводчиком на Ивгрэсе. Следовательно, у Тейлора была возможность роль переводчика возложить не на Нордволла, а на Воронина, который был там переводчиком и привез эту шубу Лобанову, когда Лобанов находился не на Ивгрэсе, а в Москве. Если впервые, когда спрашивали Нордволла, зачем он вмешался в эту историю с шубой, он ответил, — потому что Лобанов не знал английского языка, то теперь мы знаем, что здесь имелся переводчик, который впоследствии принял участие в этой операции. Зачем же вмешался Нордволл, если дело с шубой обстояло так просто? Это первый вопрос, который не может не служить косвенной уликой, подтверждающей версию Лобанова, что он эту шубу получил как подарок, в дополнение к тем 5000 руб., которые он получил от Нордволла из секретных сумм, ассигнуемых соответствующим учреждением на соответствующую преступную деятельность на территории нашей страны. Когда спросили Нордволла по поводу этой шубы, то он дал несколько

объяснений, пытаюсь и на предварительном следствии замести следы, обмануть, уйти от фактов. Сначала он заявил, что он сам получил от Лобанова 400 руб. и передал их в тот же день или на другой Тейлору. Это записано в протоколе, мы это хорошо помним. Он твердо, настойчиво, без колебаний указывал на то, что он хорошо помнит, что эти 400 руб. получил. И мы спрашивали: «Вы подсчитали эти деньги или так просто сунули в карман?». Он говорит: «Прямо так, не подсчитал». — «А потом прямо так и отдали Тейлору? Не подсчитали?» — «Да, я так отдал. Нет, виноват, это было иначе. Ведь это было так, что мы провели через бухгалтерию нашей же конторы».

Вот к чему сводится его объяснение, которое записано при допросе в прокуратуре республики. Через бухгалтерию конторы провели путем списания 400 руб. со счета Нордволла на счет Тейлора. Сначала он говорил, что получил эти деньги, но если получил, нужно было и подсчитать, а может быть, он надул его, да еще Лобанова. Он тем не менее не считает этих денег. Передает. А пойманный, он говорит: «Нет, я передал через бухгалтерию путем перечисления, в книгах конторы есть отражение».

Что же дальше? Дальше — вместе с Нордволлом едет в контору следователя, осматривает вместе с ним бухгалтерские книги и устанавливает, что никаких решительно сумм, перечисленных на чей-либо счет, или Тейлора, или Нордволла, не существует в природе. В тех документах, где говорится, что осмотрена вся книга личных счетов, не было установлено нами ни одного признака, который подтверждал бы эту вторую версию Нордволла. Тогда Нордволл мечется. Появляется телеграмма, которую он посылает в Лондон: «Прошу подтвердить, что мною была переведена в тот период времени, о котором идет речь, сумма для оплаты Тейлору». И получает ответ на телеграмму: «Да сумма в 500 руб. была переведена».

Когда спрашивали Нордволла: «Сколько?» — Он говорил: «400», а не 500, — а теперь говорит: «500», то есть подгоняет свои объяснения под ту телеграмму, которая не подтверждает его первоначальной версии. И что же получается? Получается так: то шуба была куплена, то получены деньги, но не переданы, то переданы, но не записаны, то переведены через Лондон. Чепуха, гражданин Нордволл, не выходит это дело! — И вдруг выползают эти 500 руб., которые впервые названы здесь, которые ни разу не были названы на предварительном следствии в соответствующих документах Нордволлом. Понятно почему. Потому, что Нордволл никогда не ожидал тех следственных действий, которые явились ответом на его запирательство и которые в ту же минуту его разоблачили в полном объеме. Вот почему мы говорим о том, что Нордволлу от этой шубы не уйти и придется эту шубу ему сейчас надеть на себя.

Шуба принадлежит по существу вам или тем учреждениям, от лица которых и по поручениям которых вы действовали. Это для нас совершенно несомненно.

Нам могут сказать, что все-таки это очень отдаленные косвенные улики. Нам могут сказать, что это все-таки частный случай, что это даже мелочь, вроде той трубки, которую Нордволл любезно, хотя и за пятерку, а все-таки продал тому же Лобанову, этому антисоветскому человеку, с которым он дискутирует по поводу его антисоветских настроений. Это умилительная картина, достойная богов, когда «без пяти минут большевик» дарит трубку антисоветскому человеку, который посвящает его в свои контрреволюционные замыслы и настроения. Но очень часто на мелочах и вскрывается большое. Очень часто эти мелочи играют роль таких улик, которые ведут по следам и приводят в конце концов к раскрытию преступления во всем объеме. Именно в этом заключается значение тех косвенных улик, которые всегда сами по себе, отдельно взятые, могут казаться имеющими второстепенное значение.

Маленькая черточка — трубка, маленькая черточка — шуба, маленькая черточка — 400 руб., маленькая черточка — четыре ошибки, систематически повторяемые одна за другой Нордволлом, изобличают его в упорном желании во что бы то ни стало снять эту шубу со своей вешалки. Это не выходит. И именно в свете этих маленьких бытовых штрихов на этом фоне показания Лобанова приобретают для обвинения доказательное значение.

Мы имеем показания не только Лобанова, мы имеем показания столь авторитетного в этих вопросах свидетеля против Нордволла, каким является обвиняемый Торнтон, мы имеем его шпионскую сетку, где в числе 12 выделенных им из 27 агентов разведки значился Нордволл как агент, который занимался собиранием сведений экономического и политического шпионажа, сведений об оборонительных и наступательных возможностях нашей Красной Армии, нашего государства. Нордволл не одиноко стоит перед уликами, его подпирают здесь с одной стороны Лобанов, с другой стороны Торнтон, и нужно, конечно, признать чем-то сверхъестественным совпадение таких обстоятельств, как матерый разведчик Торнтон, проболтавшийся, расшифровавший свою сеть и в этом отношении конченный и для разведки человек, и, с другой стороны, исчерпывающие показания Лобанова, который как мне, так и многим, может быть, кажется не вполне чистоплотной личностью. Но ведь нужно иметь в виду, что с чистоплотными людьми эти господа и не могли обделывать свои нечистоплотные дела. С чистоплотными людьми они не дружили. Когда они встречались с чистоплотными людьми, эти чистоплотные люди давали им отпор, такой отпор, ка-

кой они получили, например, от чистоплотного человека, свидетеля Долгова, который получил 3000 руб., данные ему в виде взятки Торнтоном, принес их в ОГПУ, раскрыл эту взятку, пришел на гласный суд и здесь в лицо бросил им это обвинение. И они не посмели набросить на него какую-нибудь тень, а создали версию о том, что этому Долгову нужна была квартира, они пожалели его, пошли навстречу, хотели устроить квартиру. Потом оказалось, что о квартире не спрашивали, оказалось, что об этих 3000 никто никогда не спрашивал, потом оказалось, что нужно было ждать специального приезда Ричардса, чтобы оформить эту сумму, а до этого они провели эту сумму в виде «переходящей суммы».

Нам скажут: вы опираетесь на показания Лобанова, но Лобанов — нечистоплотный тип. Скажите, какие чистоплотные люди, они имели дело только с чистоплотными людьми! Конечно, вы всасывали в сферу своего преступного влияния только нечистоплотных людей, только тех, на каких вы могли ставить ставку с точки зрения их продажности, с точки зрения их подлости или с точки зрения их идейных контрреволюционных убеждений, — для нас здесь разницы нет. Поэтому довод, что нельзя опираться на такие показания, как показания Лобанова, не производит впечатления. Этот довод должен быть отвергнут. Мы не имеем права с точки зрения логики судебного процесса, мы не имеем права с точки зрения логики доказательств отбросить показания Лобанова только потому, что Лобанов нам несимпатичен с точки зрения своей моральной неустойчивости.

Л о б а н о в. Я о нем уже сказал. Конечно, это разложившийся тип, это тип и вредителя и шпика второго сорта. В нем воплотились, мне кажется, и все особенности того класса, представителем которого он является, класса, морально разложившегося, морально себя уже исчерпавшего. Отец — заводчик, брат — арендатор мельницы. Вот его родословная, которая определяет точки его моральной опоры. Знаем мы эти точки, знаем мы эту мораль, — она воплотилась и в Лобанове. Но Лобанов именно в силу своих свойств был особенно подходящим материалом для работы в контрреволюционном вредительском направлении, тем более, что это полностью совпадало с его собственными взглядами и стремлениями. Тут имеются налицо факты, говорящие сами за себя, имеются показания, свидетельствующие о том, что Лобанов — и шпион и вредитель.

Лобанов так о себе говорит: «Я систематически выводил из строя моторы цепных решеток котлов путем перелома кабелей передачи мотора. Делал это вместе с Лебедевым». Лебедев в этом смысле более положительный тип, если можно так сказать, с большими моральными качествами, чем Лобанов. Вероятно, это объясняется именно тем, что Лебедев является

представителем иного социального слоя, чем этот сын заводчика и брат арендатора мельницы — Лобанов.

Лебедев это подтвердил. «Умышленно были засорены подшипники мотора питательного насоса котлов песком». Далее он говорит: «Неоднократно выключались фидера собственных нужд... под видом ложных включений максимальных реле». Это делал Лобанов с Угрюмовым.

В начале марта выводится из строя мотор дымососа котла № 5, о чем я уже упоминал в начале своей речи. Это опять-таки осуществляется при помощи Угрюмова, — он об этом сам говорит в своих показаниях. Умышленно вместе с Лобановым была оставлена неотремонтированной крышка контактной коробки у мотора пожарного насоса с той целью, чтобы попало постороннее тело и создало короткое замыкание в муфте. Это сделал Лебедев, в этом принимал участие Лобанов, это подтверждается материалами предварительного следствия, и все это было совершено по тому плану, который был намечен Нордволлом.

Вот данные, которые позволяют говорить о том, что не может быть никакого сомнения относительно участия вредительской группы в исполнении этих вредительских операций Лобановым, в соучастии с Лебедевым, в соучастии с Нордволлом, который передавал деньги — раз 3000 руб., другой раз 2000 руб., которые распределялись Лобановым между всеми соучастниками. Это также подтверждено Лебедевым. Кроме того, этих соучастников всячески задабривали разного рода дружескими отношениями, дружескими услугами и подарками, деньгами, шубой и пр. и т. п.

Вот почему в отношении Лобанова мы поддерживаем обвинение во всем том объеме, который определен обвинительным заключением.

Лебедев — бывший старший унтер-офицер. Это интересная черта. Разведчики ищут себе соучастников по линии бывших офицеров и унтер-офицеров. Олейник здесь показывал, что Торнтон давал ему указание подбирать людей из военных, которыегодились бы в случае военной опасности, в случае начала войны, которой нам грозят все время еще с первого момента нашего существования. Торнтон подтвердил, что он действительно говорил с Олейником относительно подбора людей, — но он это якобы говорил в другом смысле — опять в «обывательском» смысле, как в «обывательском» смысле говорил и о снарядах, — подбора людей для замены английского персонала своим русским техническим персоналом. Но в то же время этого самого Торнтона очень интересует вопрос, не офицер ли Зорин, ибо к офицерам у этого унтер-офицера месопотамской армии особенно лежит душа.

Лебедев обвиняется в том, что он совместно с Лобановым принимал участие в этих вредительских действиях. Кто же играл руководящую роль по отношению к Лебедеву и к Лобанову? Лебедев ставил себе те же самые контрреволюционные цели, которые заключались в подрыве мощи нашей советской промышленности и нашего советского государства. Это Лебедев осуществлял путем участия в организации систематических аварий, порчи оборудования, получая за свою вредительскую, диверсионную работу деньги, взятки. Он сам говорит, что получил 900 руб. Других данных у нас нет. Специальной бухгалтерии они, конечно, не вели. Мы, впрочем, установили, что в отдельных случаях ее кое-кто вел, например Торнтон. Но Торнтон сумел заблаговременно увести свои дневники, о которых нам говорила здесь Кутузова, в Лондон и, следовательно, сумел спрятать концы в воду.

Лебедев подтвердил все приведенные против него обвинительные данные, объяснив, что ближайшей целью этой контрреволюционной группы являлась дезорганизация работы Ивгрэса путем сознательной порчи оборудования, путем вывода из строя агрегатов, вызова аварий, создания перебоев на станции в целях сокращения электропередачи, а если окажется возможным, то и в целях полного прекращения подачи электроэнергии заводам, питающимся энергией от Ивгрэса.

Здесь надо сказать о Зиверте. Я не хочу на нем останавливаться особенно детально, потому что инкриминируемые ему преступления являются очень мелкими. Он не предохранил от пыли во время обточки агрегат, на котором работал. Он получал небольшие суммы от Торнтона. Мне кажется, что то, о чем он нам здесь рассказывал, очевидно, так и было, потому что мы не имеем оснований подвергать сомнению его показания. В своей последующей работе он в известной степени уже заглянул преступление. Он, конечно, виноват в тех преступлениях, о которых мы говорим, но о нем вы, товарищи судьи, будете иметь возможность в совещательной комнате поставить вопрос, не надлежит ли считать возможную для него меру репрессии покрытой предварительным заключением и его последующей честной работой на Днепрогэсе.

О Сухоручкине. Сухоручкина мы здесь допросили очень подробно. Я едва ли ошибусь, высказав убеждение в том, что Сухоручкин является одной из основных и важных фигур этого процесса, этой скамьи подсудимых. К Сухоручкину нельзя подходить с такими требованиями, как к Зиверту или Лебедеву. Его общий культурный уровень, его положение на той станции, где он занимал ответственный пост заведующего электротехническим отделом, начальника эксплуатационного отдела 1-й московской городской электростанции,— все это говорит о том,

что к этому участнику контрреволюционной группы, действовавшему по заданиям инженера Торнтон, выводившему из строя агрегаты, мы должны предъявить наиболее строгие требования.

На 1-й московской ГЭС Сухоручкин проводит ряд вредительских мероприятий. Он скрывает дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, тогда как он по своей должности обязан был бы разоблачать эти дефекты и давать достаточное основание для немедленного и срочного исправления этих дефектов, не доводя до того, чтобы в силу этих дефектов могли быть какие-нибудь аварийные последствия. Он скрывает дефекты монтажа этого оборудования, и именно эти его действия приводят эту важнейшую электростанцию к такому положению, при котором мы наблюдаем систематические аварии, уменьшающие работоспособность этой станции, повышающие стоимость эксплуатации, и в частности и главным образом в отношении оборудования, поставляемого из-за границы, и приводящие тем самым к потере рекламационных сумм. Все это нужно иметь в виду при оценке роли Сухоручкина в этом деле и степени его ответственности.

Одновременно он осуществляет диверсионную работу, являющуюся тяжчайшим преступлением. Сухоручкин здесь назвал 6 случаев. Это случай с железной полкой, когда он лично осуществил соединение свинцовой оболочки однофазного кабеля генераторов № 26 и 27 с этой железной полкой. Он рассказывал здесь о том, как он сознательно не проверил состояния оборудования, причем при испытании оказались незалитыми два бака переключателя, что и привело к аварии.

Он назвал третий случай, когда он намеренно затягивал устройство вентиляции в подвале четвертого щита, что должно было по его плану привести к ненормальному перегреву кабелей и их повреждению.

Он говорил здесь относительно сознательного вызова затруднений в системе водоприготовления станции, что привело к аварийному выводу из строя турбин № 22 и 24, к необходимости их ремонта, что в свою очередь не могло не привести к снижению мощности и нарушению правильной производственной деятельности этих турбин.

Он говорил о том, как на бойлерной установке были сознательно созданы затруднения с теплофикацией новых присоединений тепловых потребителей. Эти затруднения выражались в снижении температур в самое холодное время зимы и в снижении подачи воды.

Сухоручкин этими случаями не исчерпал всей своей вредительской деятельности, всех случаев, которые имели характер некоей репетиции на случай войны, когда намечался вывод из строя и распределительного устройства, того самого устройства

в 6600 вольт, о котором я говорил и которое имело особое государственное и военно-государственное значение. Это то самое распределительное устройство, которое дважды посетил Торнтон, хотя и с разрешения. Но важно отметить то, что разрешение это было ему выдано при помощи Сухоручкина тем самым Рязановым, который впоследствии был изобличен во вредительстве и осужден.

Крупный вредитель Сухоручкин, крупный аварийщик, дезорганизатор нашего хозяйства, убежденный и сознательный враг советской власти,— он должен получить от Верховного суда в судебном приговоре соответствующую и заслуженную оценку.

Крашенинников — начальник ремонтно-монтажного отдела этой станции — начал с сокрытия дефектов оборудования, скрыл дефекты рабочих лопаток роторов турбин № 26 и 27, скрыл дефект регулирующих клапанов турбин, скрыл дефект конструкции уплотнения циркуляционного насоса турбины № 27, что привело 10 мая 1931 г. к остановке этой турбины, скрыл дефекты нарезки штока 2-го регулирующего клапана, что 29 апреля 1932 г. привело к отрыву этого штока и к снижению нагрузки на турбине № 26 на 5000 киловатт, скрыл дефектную пайку трубки маслопровода, что привело 9 декабря к разрыву трубки и остановке турбин и т. д. С первого взгляда кажется, что не особенно велика беда,— скрыл какие-то дефекты. Этот самый Крашенинников связан с Олейником и через Олейника с Торнтоном. Опять ниточка, ведущая к Торнтону. Этот самый Крашенинников получает деньги через того же самого Олейника и из того же самого торнтоновского источника.

Зорин. Здесь прямая связь Зорина с Торнтоном. Зорин здесь нам называл пять встреч с Торнтоном, и как раз по поводу этих встреч я уже высказывал свои соображения. Эти 5 встреч убеждают в том, что постепенно разворачивается преступная, контрреволюционная, вредительская связь между Торнтоном и Зориным, который берет на себя определенное обязательство, оплачиваемое Торнтоном, как оплачивается все, что делается по заданию Торнтона.

Интересно, что Зорин, являясь старшим инженером тепловой группы Мосэнерго, как он здесь выразился, оперативных функций не нес. Он, в сущности говоря, прибывал на место в момент аварий. Но именно с этого момента и началась его оперативная работа по исправлению этих результатов аварий. Ясно, какое широкое поле предоставлялось здесь вредительству Зорина.

Олейник — служащий фирмы «Метро-Виккерс»; хороший служащий фирмы «Метро-Виккерс» или плохой служащий «Метро-Виккерс» — это не наше дело. Он здесь говорил, что он

служил «по силе возможности» этой фирме, служил «добросовестно», как и вредил «добросовестно». «Я,— говорит он,— все, что делаю, делаю добросовестно». Понятие «добросовестности» этого «добросовестного» человека очень своеобразное. Этот человек питал уважение к Торнтону. Он же и предал Торнтону, хотя последний и обещал ему такие блага жизни, как вклад в Английском банке на черный день. «Я,— говорит Олейник,— связал свою судьбу с этой фирмой «Метро-Виккерс», я связал с ней все свое благополучие». Но это благополучие Олейника в свою очередь было связано с его преступной работой, которая осуществлялась Олейником, о которой здесь он много и очень словоохотливо рассказывал, избавляя меня от необходимости повторения. Под непосредственным руководством гражданина Монкгауза и гражданина Торнтона (этих господ, очень много заботившихся о судьбе Олейника) протекала вредительская «служба» Олейника.

Что собой представляет Олейник — мы это знаем. Это накипь нашей жизни, это отброс этой жизни. Но тем характернее, что именно эти отбросы пользовались таким доверием у этих граждан, действовавших под прикрытием своей фирмы, тем характернее, что типы, подобные Олейнику или Лобанову, были у них на этой их нелегальной службе.

Кушн и. Кушни работал в Баку. Я говорил о состоянии Бакинской ГРЭС за период с 1927 года до последнего времени. В 1928 году начинается деятельность Кушни. Я сказал: Кушни посеял достаточно семян, которые продолжали и после него давать свои ядовитые ростки. Кушни изобличается, во-первых, показаниями Емельянова,— об этом мы говорили на судебном следствии,— Кушни изобличается, во-вторых, Торнтоном, поместившим Кушни в свою шпионскую сетку. Кушни, наконец, изобличается Макдональдом, который в своих показаниях от 13 марта относительно его преступной деятельности говорит буквально следующее: «Разведывательная деятельность, проводимая в СССР под прикрытием фирмы «Метро-Виккерс», руководилась Торнтоном, работавшим в Москве в представительстве фирмы в должности главного монтажного инженера. Возглавлял представительство Монкгауз, который также участвовал в этой нелегальной деятельности Торнтону. Разъездным помощником являлся Кушни — офицер английской армии, ныне инженер фирмы «Метро-Виккерс». Это основная группа разведчиков, занимавшаяся шпионской деятельностью в СССР».

Вот что говорит Макдональд. Что говорит Торнтон, видно из анализа его показаний от 13 марта, где Кушни значится в шпионской сетке. Совпадение чрезвычайно опасное для Кушни, и Кушни чувствует эту опасность, Кушни ведет себя как испытанный разведчик. С чего он начинает? Он начинает с того,

чем и кончает,— с обычного шпионского, разведческого приема — с отказа давать какие бы то ни было объяснения. Изобличенный этими показаниями, вынужденный признать, что он действительно занимался шпионской деятельностью, он затем из одного допроса в другой категорически отказывается давать какие бы то ни было дальнейшие показания.

Вот его показания 22 марта: «Давать дальнейшие подробные сведения о своей шпионской деятельности в СССР я отказываюсь. Мотивов своего отказа от дачи показания следственным властям приводить не желаю». Вот как отвечает хороший крепкий разведчик.

А вот Кушни допрашивается 23 марта.

В о п р о с: «Признаете ли вы себя виновным в том, что вы в СССР занимались собиранием шпионских сведений экономического и политического характера?»

О т в е т: «Отвечать не желаю».

Вот как этот «честный инженер-монтажник» монтирует свой ответ.

В о п р о с: «Подтверждаете ли вы показания, данные вами на очной ставке с Торнтоном 22 марта, что вы занимались собиранием шпионских сведений экономического и политического порядка в СССР?»

О т в е т: «Подтверждаю данные мною показания на очной ставке 22 марта с Торнтоном, что я действительно договаривался, чтобы сведения такого рода собирались».

В о п р о с: «Через кого из русских вы собирали шпионские сведения?»

О т в е т: «На этот вопрос отвечать не желаю».

В о п р о с: «По каким причинам вы не желаете рассказывать о своей шпионской работе в СССР?»

О т в е т: «На этот вопрос отвечать не желаю».

В о п р о с: «Почему вы не желаете отвечать на предыдущие заданные вам вопросы?»

О т в е т: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вот классический образец поведения на допросе изобличенного шпиона, но шпиона все же с некоторой червоточинкой. Он все же признался, что занимался шпионажем. Вот написал ведь, что подтверждает данные им 22 марта показания, что он действительно передавал шпионские сведения. Признался, а через кого получал,— не хочет говорить. А почему не хочет говорить,— не желает отвечать. Это как называется? — Это называется запирательством пойманного, схваченного на месте. Но это не спасет Кушни, потому что каждый шаг, который он делает, он делает на топкой почве лжи. И он пойман, он разоблачен, как разоблачены вот эти господа Торнтон, Монкгауз, Нордволл, Гусев, Сухоручкин и другие.

А вот очная ставка Олейника с Кушни. Опрашивают Олейника, кто из англичан занимался собиранием шпионских сведений, разведкой. Ответ: Монкгауз, Торнтон, Макдональд, Кушни и другие.

Но Олейник это подтверждает. Торнтон подтверждает. Это подтверждают не только показания Торнтона и Олейника, подтверждает это показание Кушни от 23 марта, когда он отказался назвать русских инженеров, через которых он проводил эту работу. Монкгауз тоже говорит, что Кушни занимался шпионской работой и что шпионскую информацию он получал от Торнтона и Кушни. Олейник подтверждает, Монкгауз подтверждает, Торнтон подтверждает и, наконец, сам Кушни это подтверждает, но потом спохватывается и заявляет: «Больше ничего не скажу»...

Не скажете? Не нужно. Вы уже все сказали, что могли, и сказали для нас совершенно достаточно для того, чтобы против вас поддерживать в полном объеме обвинение и в диверсии и в шпионаже.

Круг улик замкнулся. И нет выхода из этого круга, и не сумеет и не сможет Кушни разорвать этот круг улик, говорящих с неоспоримой убедительностью о его виновности, в соответствии с чем и должен быть вынесен приговор.

Кутузова. Здесь дело обстоит наиболее просто. Кутузова с самого начала поставила себе задачу сделать, так сказать, иностранную карьеру. Она говорит: я занималась изучением английского языка, желая поступить на службу в английскую фирму.

Ничего предосудительного в этом желании, конечно, нет. Но интересна эта черточка, эта тяга к иностранной фирме с точки зрения вопроса о чувстве достоинства советского гражданина. Работать не у себя, а у других? Почему? Потому что здесь можно лучше заработать, больше получить, потому что здесь меньше, может быть, работы, потому что, может быть, здесь будет и больше удобства. И кто знает,— может быть, пригодится когда-нибудь эта самая связь: ведь, по мнению всех этих Кутузых, советская власть не прочна, и вот-де соберутся 18 вредителей, возьмутся за дело, поднапрут и советская власть рассыплется,— тогда пригодится и служба в иностранной фирме. И вот Кутузова устроена на этой службе. Она здесь говорит: «Я не могла не сблизиться с ними потому, что мы, советские граждане, работавшие в фирме «Метро-Виккерс», окружены были известной стеной изоляции». Чепуха! Ложь! Никакой изоляции. Танцульки, вечеринки, встречи, посещения, пудра, духи, помада и пр. Какая здесь изоляция? Бросьте эту басню об изоляции, которая вас якобы толкала на отношения секретного, военного, шпионского, разведывательного, вредительского характера.

Бросьте. Логика вещей привела нас на этот путь. Но логика вещей была создана вашей логикой.

И вот вы оказались в этой группе. И вот вы, Кутузова, оказались у них на нелегальной службе. И вот вы оказались хранительницей их секретов. Не только ответственный секретарь конторы, но и ответственный секретарь контрреволюционной, вредительской нелегальной группы. И вы хранили их секреты, переживали вместе с ними опасения и волнения нелегалщины. Но при такой поддержке, с одной стороны, Монкгауза, с другой стороны, Торнтонна, вы перешагнули через эти трудности и, катаясь между Перловкой и Москвой в английском автомобиле, среди этих удобств вашей жизни, забыли свое достоинство, потеряли совесть, забыли о том, что вы — советская гражданка. Вы продались за деньги, и вы должны также отвечать за это по закону нашего государства.

Но Кутузова имеет некоторые плюсы, хотя и полученные ею с большим запозданием. Она дала искренние и чистосердечные объяснения. Она не пощадила себя, не пощадила и своих соучастников. Она рассказала, может быть, не все, что она знала, даже наверное не все, но и того, что она сказала, с достаточной, мне кажется, прямоотой и откровенностью характеризую и свою собственную преступную «работу», аналогичную работу своих соучастников, достаточно, чтобы учесть это при окончательном разрешении вопроса о судьбе Кутузовой.

И вот опять, как и в начале процесса, нам приходится возвращаться, замыкая этот круг наших обвинительных пунктов, к трем фигурам, которые, как я уже докладывал суду, обвинение отнюдь не считает центральными фигурами этого процесса, ибо в центре нашего обвинения с самого начала, как это видно и из обвинительного заключения, и из хода следствия, и из формулируемых мною здесь в последний раз обвинительных пунктов, — в центре обвинения стоят граждане СССР, государственные служащие. Но из английских подданных, обвиняемых по данному делу, мы выделяем три фигуры — Торнтонна, Макдональда и Монкгауза. О втором я уже сказал, о первом и третьем разрешите сказать последние несколько слов.

Монкгауз. Он прожил в СССР свыше 20 лет. Обвинение считает доказанным, что Монкгауз собирал через посредство ряда своих подчиненных английских инженеров, а также некоторых русских инженеров секретные сведения военно-государственного значения, что он принимал участие во вредительской диверсионной работе указанной контрреволюционной группы, что он за эту шпионскую, диверсионную, вредительскую работу платил систематически различные денежные суммы, давал взятки русским инженерам за сокрытие ими дефектов, имеющихся в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс». То есть,

иначе говоря, доказана его вина в преступлениях, которые по обвинительному акту инкриминируются по ст.ст. 58⁶, 58⁷, 58⁹ 58¹¹ Уголовного кодекса. Я только что говорил о подсудимой Кутузовой. Ее показания достаточно изобличают Монкгауза, характеризуя его роль в этой вредительской контрреволюционной, шпионской работе. Именно она была свидетельницей того, как Монкгауз с Торнтоном намечали план порчи турбин, оборудования, вывод из строя того или иного агрегата. Эти объяснения Кутузовой нашли себе подтверждения и в показаниях целого ряда других лиц. Система взяток, практиковавшаяся Торнтоном при участии Монкгауза, нашла свое подтверждение в эпизоде с попыткой подкупить Долгова, от которой ни Торнтону, ни Монкгаузу уйти некуда. За что была дана взятка Долгову? Взятка была дана за то, чтобы Долгов не выполнил своих обязательств перед своим пролетарским отечеством. Хотели купить Долгова — сорвалось. Он на это не пошел. Он не только не пошел на это, но честно раскрыл эту попытку его подкупить. Это оказался вынужденным признать сам Монкгауз, которого не спасут запоздалые отказы от своих собственных признаний, голые отказы. Монкгауз думает, что стоит ему только сказать: «Я отрицаю», «теперь я не так говорю, как говорил раньше», — чтобы мы убедились в правдивости его утверждений. Но Монкгауз не только отрицает, он еще и инсинуирует, как это было тогда, когда он наврал относительно 18-часового допроса, в чем он и должен был принести извинение. Он допрашивался в Прокуратуре Республики и сказал, что он не признает себя виновным в трех пунктах, но признал себя виновным в пункте четвертом, а этот четвертый пункт говорил именно о том, что он вместе с Торнтоном дал Долгову взятку.

Но это не единственный эпизод. Монкгауз говорил следователю: «Я знал о том, что Торнтон привозил различные вещи советским инженерам и техникам, но предполагал, что он получает деньги за эти вещи».

Следовательно, здесь можно прийти к заключению, что Монкгауз не только был осведомлен о подкупах, которыми занимался Торнтон, но принимал непосредственное участие в даче взяток, как это было с Долговым, когда 3000 руб. были списаны по специальному разрешению Монкгауза и Ричардса, и так далее.

Я здесь должен сказать, однако, несколько неприятных вещей, касающихся не только Монкгауза, но и некоторых, весьма неприятных традиций конторы «Метро-Виккерс». Я имею в виду показания Монкгауза, правда, не о себе, а о своем предшественнике, о некоем Антоне Антоновиче Симоне. Этот самый Антон Антонович Симон за период времени с 1923 по 1928 год был директором по операциям с СССР фирмы «Метро-Виккерс». Он очень интересно охарактеризован тем же самым Монкгаузом,

преемником Симона, и, можно сказать, преемником в полном смысле этого слова. Как характеризует эту плодотворную деятельность Антона Антоновича Симона Монкгауз? Он сказал вот что: «Я знал, что у Симона был специальный фонд, которым он пользовался для взяток». Вот какое разоблачение тайн Мадридского двора.

«И я твердо верю,— продолжал Монкгауз,— что он был заинтересован в некоторых контрреволюционных движениях, но я не пользовался его доверием. Он не верил мне по некоторым личным и политическим мотивам. Я не могу сообщить точных сведений о его деятельности в этом направлении. Симон умер в 1928 году, и тотчас же я был назначен руководителем в СССР по фирме «Метро-Виккерс». Моим начальником с начала работы и до сегодняшнего дня был господин Ричардс, которого я знал со студенческих времен, потому что он кончил в то же время, как и я».

Остановимся пока на этом факте. Итак, даётся Долгову взятка. В этой взятке принимают живейшее участие Монкгауз и Ричардс. Потом, когда эта взятка оказывается разоблаченной, тогда Монкгауз, во-первых, пытается отрицать, но, припертый доказательствами к стене, не видя выхода, сознается. А здесь опять пытается доказать, что никакой взятки не было, что в практике конторы «Метро-Виккерс» взятки никогда не имели места. А тут, оказывается, существовал целый специальный фонд для взяток... Монкгауз знал, что его предшественник занимался систематическим подкупом служащих наших советских учреждений. Монкгауз знал, что у Симона был специальный фонд, которым он пользовался для этих преступных целей, этот фонд был не только у Симона. Этот фонд был и у Монкгауза. И вот после всего этого Монкгауз говорит, что никаких взяток не давалось, что он благородный человек и вообще не может понять, о каких взятках здесь идет речь, что в лучшем случае имели место подарки.

Так обстоит дело со взятками или «подарками». А за что давались эти взятки, какие были эти сведения, за которые давались эти «подарки»? — Эти взятки давались за сведения, которые точно так же собирал Монкгауз, как и собирала остальная шпионская сетка английских разведчиков. Мы имеем показания того же самого Монкгауза, которые бросают свет и на эту сторону дела. Вы имеете его показания, где он говорит, что шпионские сведения действительно им получались главным образом от Кушни, о котором мы достаточно уже говорили сейчас, и от Торнтонна, роль которого в этом отношении достаточно исчерпывающим образом была здесь тоже уже охарактеризована.

На предварительном следствии, на допросе в Прокуратуре Республики Монкгауз не посмел отрицать своих показаний,

данных ОГПУ, где он говорил, что он занимался собиранием шпионских сведений. Но он попробовал прикинуться непонимающим, что такое шпионаж. Но и тут он должен был немедленно сдаться, заявив: «Содержание слова «шпионаж» я понимаю и знаю, что под шпионажем разумеется собирание и передача сведений, являющихся государственной тайной».

Это вы говорили? Говорили. Таким образом, вы оказались вынужденным признать, что вы понимаете, что такое шпионаж, что вы понимаете шпионаж именно в смысле собирания и передачи государственных тайн, в каком смысле говорит о шпионаже и обвинение.

Монкгауз вообще пытался на допросах заниматься филологией — от исследования слова «шпионаж» перешел к исследованию о том, что такое «нелегальный».

Эту экскурсию в филологию Монкгауз предпринял по поводу случая нелегального перехода Ричардсом финляндской границы, о чем нам рассказал Монкгауз. Поправляясь, Монкгауз добавил: «Не нелегальный, а секретный». Хорошо. Значит, так и скажем: не нелегальная деятельность, а секретная деятельность. Меня это с точки зрения обвинения полностью устраивает, не знаю, устроит ли это Монкгауза.

Один маленький штрих. Когда мы говорим о Монкгаузе, то мы не должны забывать 1917 год, мы не должны забывать 1918 год, когда Монкгауз служил в Архангельске в интервенционистском отряде английского корпуса, который вел войну против нашей советской власти, против рабочих и крестьян нашей страны, вел вооруженную борьбу под руководством, при непосредственном и активном участии в этой борьбе против нас того Ричардса, с которым и дальше поддерживал связь Монкгауз по своей работе в «Метро-Виккерс» и который тогда был связан с знаменитой «Интеллидженс Сервис». Но эта связь Ричардса в настоящее время меня совершенно не интересует. Хотя это не случайное обстоятельство, как не случайное обстоятельство и то, что нам сообщил на допросе Монкгауз, что когда он, утомленный военными подвигами в архангельском интервенционистском корпусе, вернулся на отдых в Лондон, он получил предложение снова поехать в Россию, но уже не на север, а на юг, в армию Деникина. Он отказался из-за утомления: его утомление мало меня интересует, но характерна его плодотворная деятельность в интервенционистском корпусе под руководством Ричардса, которая дала достаточно оснований для того, чтобы предложить ему продолжить эту карьеру интервента, но уже не на севере, а на юге, уже в рядах деникинской армии.

Интервенты знали, кому они делали такое предложение...

И, наконец, вредительство, аварии, науськивание, использование тех или других вредителей, использование ими той обста-

новки, которая, к сожалению, еще у нас полностью не исчерпана и которая еще возможна вследствие того, что мы еще имеем в нашей стране остатки эксплуататорских классов, что мы имеем вокруг нашей страны капиталистическое окружение, питающее определенным образом классовую борьбу в нашей стране, выделяя, мобилизуя и направляя враждебные нам силы, хотя бы и совершенно ничтожные.

Я бы хотел, чтобы уже больше не возвращаться к этому, обратиться в связи с Монкгаузом еще к одному моменту, который не может нас не интересовать и который уже привлекал наше внимание. Я хочу здесь напомнить беседы и запись бесед, которые вел наш народный комиссар по иностранным делам товарищ Литвинов с британским послом сэром Эсмондом Овием 16, 19 и 28 марта, именно в той части, которая касается разгромленной, неудачной, но все же сделанной здесь на суде Монкгаузом вылазки с целью опорочить наше предварительное следствие. Я коснусь одного факта, который имел место при ведении предварительного следствия и, в частности, в отношении английских граждан, как, впрочем, и в отношении советских граждан,— это действительно чрезвычайная быстрота произведенного следствия.

11 марта ночью был произведен арест, и уже 12 апреля мы проделали работу, о которой говорят те материалы, которые на протяжении пяти дней проходили перед судом. Совершенно естественно, что нужно было работать быстро, упорно и много. Совершенно был прав товарищ Литвинов, когда он говорил, что мы пошли такими быстрыми шагами именно по настоянию НКИДА, а НКИД пошел максимально навстречу пожеланиям не кого иного, как именно британского посольства. При нормальных условиях допрос Нордволла и Монкгауза продолжался бы, читаем мы в записи товарища Литвинова, несколько недель, но мы добились того, что это было сделано в течение 3 дней. Нужно, следовательно, иметь в виду, что если 12 марта был допрос в течение всего дня, занимая примерно 7—8 и даже 10—12 часов, если 13 марта, хотя и с тремя перерывами, три раза шел допрос того же Монкгауза или того же Торнтона, то это, в сущности говоря, наши следственные органы делали под прямым нажимом, как это говорит товарищ Литвинов, НКИД, который торопил нас поскорее это дело кончить в интересах самих же арестованных. И что самое для нас существенное, как можно усмотреть из этой записи, не кто иной, как сэр Эсмонд Овий настаивал на том, чтобы как можно скорее было закончено это расследование. И когда, идя навстречу этим требованиям, следственная власть работала 8—10—12 часов в сутки вместо того, чтобы растянуть на несколько недель допрос, допрашивая в день по 2—3 часа, вдруг появляется в несколько иной обстановке соответственно инспирированный Монкгауз, делающий попытку заявить,

что его утомляли длительным допросом по 18 часов. 18 часов не было, но были допросы по 10 часов, были допросы по 12 часов, хотя и с перерывами на обед, с целыми часами этих перерывов, которые требовались и для отдыха, и для принятия пищи, и для направления на допрос из изолятора и обратно, что в общем составляет не менее 20—30 процентов всего времени, ушедшего на эти допросы. Этот факт небесполезно установить для того, чтобы учесть все обстоятельства, очевидно толкнувшие Монкгауза на путь этой клеветы, этой злостной неправды, которая причинила и ему некоторую неприятность, за которую он здесь извинился.

Торнтон. Торнтону вменяется в вину следующее: организация через разветвленную сеть монтажных инженеров и техников, служащих конторы «Метро-Виккерс» экономического и военного шпионажа. Во-вторых, привлечение к шпионской работе ряда русских инженеров и техников и организация аварий на ряде электростанций Союза; дача взяток за организацию этих аварий, за сокрытие дефектов оборудования, монтированного монтажным персоналом конторы в лице некоторых соучастников этой контрреволюционной группы.

Какие у нас имеются данные против Торнтона? Во-первых, против Торнтона у нас имеется ряд таких объективных данных, как многочисленные случаи дефектов в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс» на целый ряд электростанций, крупные и мелкие дефекты, которые вызывали крупные и малые аварии, которые вызывали длительные или менее длительные простои турбин и, следовательно, наносили нам серьезный ущерб. Дефекты несомненно были. Об этом говорил сам Монкгауз. Скрыть эти дефекты во что бы то ни стало, чтобы защитить в иных случаях материальный интерес самой своей фирмы, могло явиться необходимым, это — первое; чтобы использовать это как объективные причины, как ширму из объективных причин, за которой можно удачно скрыть свою субъективную, активную контрреволюционную вредительскую работу, это — второе. Это, наконец, использование этих дефектов таким образом, чтобы активизировать на этой основе вредительскую работу путем организации самих аварий, это — третье. Рядом с этим — организация военного шпионажа, подкупы и взятки, которые, как я уже сказал, являлись одним из широко распространенных методов работы именно этой группы, этой преступной шайки, пойманной и сейчас здесь на суде полностью изобличенной.

Какие у нас имеются основания утверждать и настаивать на виновности Торнтона? Мы имеем здесь следующие материалы. Во-первых, признание самого Торнтона. Торнтон признал себя виновным в организации экономического и военного шпионажа. Торнтон признал себя виновным в собирании сведений шпион-

ского характера через разветвленную сеть своей агентуры, некоторых служащих фирмы «Метро-Виккерс» и не служащих фирмы «Метро-Виккерс», но работающих в соприкосновении с ними. Он признал дачу взятки русским инженерам и техникам за шпионаж через отдельных инженеров и техников, служащих этой фирмы, и непосредственно. Он признал дачу взятки за сокрытие заведомых дефектов оборудования. Так было на предварительном следствии. На судебном следствии Торнтон, как вы помните, отказался от того, что он признавал на предварительном следствии, за исключением собирания экономической информации, не составляющей уголовно наказуемого преступления.

Придется вернуться кратко к анализу поведения Торнтона на суде. Возьмем за исходное наиболее благоприятное для Торнтона положение — его признание в том, что он собирал сведения, собирал информацию, не говоря о том, какого характера эта информация. Установим бесспорные факты, и нам будет проще и нам будет удобнее и легче распутать этот узел. Итак, Торнтон собирал сведения через ряд своих сотрудников и через других лиц, с которыми он находился в деловых и неделовых связях, из несотрудников своей фирмы. Это факт бесспорный, он сам его признал.

Второе — он признал, что получал, в частности, информацию из Златоуста. Он признал, в-третьих, что эту информацию из Златоуста он получал от Гусева и Макдональда и, в-четвертых, что никакой другой информации, кроме той, которую он получал через этих лиц, он ни от кого не получал. Это тоже бесспорно.

Теперь спросим и проверим, какова же была действительно эта информация из Златоуста? Спросим Гусева и получим ответ, — информация военно-шпионского характера: количество снарядов, типы снарядов, работа прокатки, сведения о стали, которая является высококачественной и идет тоже на военные нужды. Вот показания Гусева и Макдональда. Вот вам сумма всех данных, которые не оставляют никакого сомнения в том, что из Златоуста шла одна информация — военная информация, и что если это так было и если Торнтон ни от кого не получал информации, кроме этих людей, то эти люди могли дать только ту информацию, какую давали в действительности. Здесь голому отрицанию противопоставляется документ самого Торнтона, признающего, что он занимался шпионажем военного характера.

Как тут быть? Чему же здесь верить, что принимать за достоверное? Совершенно естественный, единственно возможный ответ: можно верить только фактам. Сведения из Златоуста получали? Получали. Вы сами говорите, только через Гусева? Принимаем эту версию. Вы сами говорите, только в соучастии с Макдональдом? Примем эту версию. Никаких других данных не

нужно. Обратимся к тому, какие это были сведения. И Макдональд и Гусев говорят согласно, какие это были сведения.

Но Торнтон не только через Гусева занимался получением военных сведений.

Вспомните не отрицаемые Торнтоном показания о том, что он получал сведения с Мытищинского завода об изготовлении там военных тележек для Красной Армии. Получал сведения с Путиловского завода. Он сообщал, кроме того, что на Путиловском заводе в некоторые цехи закрыт доступ посторонним лицам, потому что эти цехи якобы переведены на военную работу, и, в частности, в тот период это было, поясняет Торнтон, когда в 1931 году у СССР возникли осложнения на Дальнем Востоке.

Гусев — о снарядах, кто-то — о Мытищах. Макдональд — о Путиловском заводе. Торнтон сам наблюдает, слушает, высматривает, что где делается. Завод «Большевик» с пушками и с моторами присоединим сюда. Эллиот собирает сведения через своего собеседника на вечере у какой-то Волковой о военном отделе Ивановского завода. Олейник имел специальное назначение проследить направление воинских эшелонов на Иркутск.

Особый интерес опять-таки через Кушни к составлению Красной Армии. Вот ряд данных, в совокупности своей достаточно убедительно характеризующих роль в этом деле Торнтон.

Мы имеем, таким образом, целую кучу данных, которые говорят о том, что Торнтон работал именно как организатор этой военной разведки. Вот Маккракен. По собственным показаниям Торнтон, этот Маккракен сообщал ему, что когда он ехал в Кузнецк, видел много поездов, много эшелонов, идущих с военным снаряжением на Восток, а также, когда он уезжал из Кузнецка, там было много войска. Видите, как Маккракена интересуют войска, а Торнтон разговаривает на тему о том, куда идут эти эшелоны. А вот разговор Торнтон с Кларком. «Кларк общал мне о разных контрреволюционных актах, которые были ему известны». Тут смешиваются были и небылицы и, главным образом, небылицы по типу рижских уток. Кстати, виноват, не в вашей ли кухне готовились эти рижские утки, что на какой-то завод будто бы привезли чуть ли не целый вагон динамита, чтобы взорвать этот завод, и т. д. и т. п.? Одновременно с этими сплетнями и рижскими утками *made in Riga*, которые составляются при непосредственном и при благосклонном участии Торнтонов, Маккракенов и Кларков, собираются сведения о направлении и движении войск, подсчитывается даже количество эшелонов, обращается внимание, с чем идут эти эшелоны, идут ли с аэропланами или с моторными обозами или с людьми.

Все выясняется, все выспрашивается, высматривается, — это видно из показаний Торнтон уже позже, 13 марта 1933 г. Торн-

тон говорил, что он себя плохо чувствовал 13 марта. А 15-го? Торнтон ответил: лучше. А 16-го? Ответ: еще лучше. А 17-го? Тоже.

Вот видите, гражданин Торнтон, чувствовали себя хорошо, а наговорили таких вещей, таких «снарядных» сведений, от которых, пожалуй, можете взорваться.

Или возьмем дальше, когда спрашивали Торнтон 16 марта.

Вопрос: «Какие конкретные факты в вашей информации вы сообщили Ричардсу по военной промышленности?»

Ответ: «Я сообщил Ричардсу, что новый турбинный цех Путиловского завода был закрыт и наших инженеров туда не пускали. Согласно рассказам наших инженеров, цех перешел на изготовление военного снаряжения».

Это что — «бывательские сведения»?

Другое показание Торнтон: «В 1931 году в период осложнений на Дальнем Востоке я указал Ричардсу, что на Мытищинском заводе часть цехов перешла на изготовление тележек для Красной Армии. Эту информацию я получил от нашего монтера Уортера».

Вот как обстоит дело. Возьмем показания от 12 марта. Мы здесь имеем список бывших офицеров и солдат — служащих фирмы. Очень интересное совпадение. Дальше идут — Нордволл, Поллит, Риддл, Торнтон, Монкгауз и так далее.

Ну как, гражданин Торнтон, у вас дело обстоит с военным шпионажем? Неважно для вас, неважно. Выходит так, что сведения к вам стекались из разных сторон. Олейник дает сведения о военных заводах около Перми, Лебедев о военном отделе в Иванове, Макдональд об испытаниях орудий, о моторах, о Путиловском заводе, о его военных цехах, Уортер то же самое. Олейник о военных эшелонах на Иркутск с орудиями, аэропланами. Поручили Олейнику во время пребывания его на Украине прощупать, нельзя ли подобрать небольшую, но крепкую группу бывших офицеров, которые могли бы пригодиться на случай интервенции, на случай войны. Этот разговор был? Торнтон не может этого отрицать, но пытается вилить. «Подтверждаете вы это или нет?» — спрашиваю Торнтон. Он говорит: «Что касается подбора людей для диверсии и шпионажа, я отрицаю, но помню, что говорил Олейнику о подборе технического персонала из русских для замены англичан»...

Кому это вы рассказываете? Вы подбираете специальных людей. Вот они — Гусев, который сидит за вашей спиной, Лобанов — это бывшие белогвардейские офицеры. Вот ваша сеточка, ваша диверсионная группа!

Вот как обстоит дело с военным шпионажем, вот как обстоит дело с целой кучей улик, которые имеются в этом отношении против вас. И Макдональд, и Олейник, и Гусев, и Лебедев, и,

наконец, сам Торнтон — можно было бы очень и очень много против вас выдвинуть и других улик, но и этих достаточно для того, чтобы ваша роль как организатора военно-шпионской работы здесь была полностью раскрыта, изобличена и заклемена. Затем этот ваш документ от 13 марта, от которого вы так усердно отрещиваетесь. Когда, товарищи судьи, мы заводим речь об этом документе, Торнтон теряет последнее самообладание, он вскакивает, как мы видели не раз, и говорит: «Я полностью отрицаю». Он отрицает из 10 документов именно этот документ, а не документ 12 марта — до этого, ни допрос 14 марта — после этого, ни 20-го, ни 1 апреля — ни один из протоколов этих дней так не волнует Торнтона, как именно этот документ. Конечно, надо сказать, что этот документ мы должны оставить на совести Торнтона, — это его документ. Достоверность того, что он в нем сообщил, установить может в настоящих условиях только он. Этим документом он не только разоблачает, раскрывает свою сетку этих 15 разведчиков, которые были заняты экономическим и политическим шпионажем, и 12 разведчиков, которые были заняты военным шпионажем, он разоблачает, что руководство этой шпионской организацией на территории СССР осуществляется британским разведывательным учреждением по имени «Интеллидженс Сервис» через его агента Ричардса, который занимает пост директора-распорядителя фирмы «Метро-Виккерс». Это должно полностью лежать на совести Торнтона, если по отношению к нему можно говорить еще о совести.

Не нравится Торнтону этот документ, но документ есть все-таки документ. Торнтон пытался опорочить этот документ ссылками на какое-то «моральное давление». Что же вы не рассказали подробно, что это за «моральное давление», как это так на вас «морально давили». Он сказал: «Мне говорили, что если ты будешь давать показания правильно, тогда будет хорошо». Я не постесняюсь перед всем миром, через посредство этого зала заявить то же самое: если вы будете давать показания правильные, будет лучше, чем ежели вы будете говорить неправду. Что ж, разве я оказываю этим на вас «моральное давление»?

Потом, говорит он, мне еще сказали: «Если ты будешь давать иные показания, то ты окажешься бесполезным и в Англии, и в СССР». Позвольте и мне оказать на вас такое же «моральное давление» и сказать: гражданин Торнтон, вы уже бесполезны и здесь и там, потому что вы как разведчик доказали всю свою несостоятельность, ибо вы через 24 часа после ареста выдали свою агентуру и сделали это потому, что вы трус и предатель по природе и вам не может доверять даже ваша английская разведка. А здесь же, в СССР, вы бесполезны потому, что после того, что произошло, от вас не может быть никому никакой пользы.

Вот вам «моральное давление». Я вам показал, что вы собой представляете с точки зрения тех требований, которые к вам могут предъявить люди, умеющие уважать себя и других, защищать свои интересы, выполнять свой долг, чего вы, к сожалению, не выполнили ни по отношению к нашей стране, обманув наше доверие, ни по отношению к учреждению, доверившему вам свои тайны. А что еще говорили вы по поводу «морального давления»? Ничего. И еще одно замечание. Вы говорите, что протокол 13 марта содержит в себе неправду. Допустим. А подумали ли вы, что, сообщая то, что вы сообщили 13 марта, вы играли человеческими головами, головами своих товарищей? Вы это понимали! Нет, этот документ вам не удастся опорочить. Но пусть он останется на вашей совести.

Вы указали между прочим в этой записке и на одно лицо, находящееся здесь, на скамье подсудимых,— это Грегори. Я должен сказать, что оговор подсудимого или какого-нибудь другого лица может иметь значение только тогда в нашем суде, когда он сопровождается какими-нибудь объективными данными, когда он не остается только голым оговором. Когда Торнтон говорит о Кушни, мы видим деятельность Кушни; когда Торнтон говорит о Монкгаузе, мы видим деятельность Монкгауза; когда Торнтон говорит о Нордволле, мы видим деятельность Нордволла; когда Торнтон говорит о Макдональде, мы видим деятельность Макдональда. Когда Торнтон говорит о Грегори,— я должен признать это,— одного голого заявления Торнтона, не подкрепленного другими данными, считаю недостаточным для того, чтобы поддержать обвинение в отношении Грегори. Я считаю возможным вынесение по отношению к нему оправдательного приговора.

Я исчерпал все те аргументы, исчерпал все те данные, которыми я располагал, если говорить об основном, о важнейшем о самом существенном.

Сформулировано окончательно и в последний раз обвинение. Распределена тяжесть этого обвинения между отдельными подсудимыми. Моя задача в этой стадии нашего процесса уже исчерпана. Главная и основная группа намечена — это Гусев, это Сухоручкин, это Зорин, это Лобанов, это Крашенинников, это Соколов. Дальше идут более мелкие и второстепенные фигуры из наших граждан. Дальше — группа английских граждан — Торнтон, Монкгауз, Макдональд, Нордволл, Кушни. Грегори я исключаю из этого перечня.

Государственное обвинение не сомневается в том приговоре, который будет вынесен вами, товарищи судьи, по настоящему делу. Вы будете, расценивая деятельность каждого из подсудимых, решать, несомненно, и ряд вопросов, которые мы здесь в процессе прений едва ли смогли исчерпать во всей полноте.

В частности, вопрос, который я поставил и который вы также должны будете разрешить,— это вопрос, кто кого из этих различных групп обвиняемых в тех или иных плоскостях их соприкосновения организовывал, подговаривал, вовлекал, направлял. Вы будете решать вопрос о том, какую выбрать меру уголовной репрессии по отношению к каждому из них. Обвинение, предъявленное по ст. 58 Уголовного кодекса, содержит категорическое требование о высшей мере социальной защиты — о расстреле. И деятельность этих людей заслуживает того, чтобы именно так и было сказано в судебном приговоре.

Но наш суд есть советский суд, в котором не являются единственными мотивы формального требования закона. Наш суд учитывает все обстоятельства по делу, наш суд прислушивается к голосу своего социалистического правосознания и распределяет ответственность между отдельными обвиняемыми перед тем, как этим обвиняемым стать осужденными: он решает этот вопрос с точки зрения целого ряда обстоятельств, которые всегда учитываются судом, как бы ни было тяжко совершенное преступление.

Важнейшим в этом случае обстоятельством, о котором я как представитель государственной власти обязан здесь на суде напомнить, является то, что, несмотря на вредительские действия этих групп вредителей, сила и мощь нашего государства не поколеблены, да и не могли и не могут быть поколеблены, что несмотря на то, что нередко делаются нашими классовыми врагами попытки ударить по нашему государственному хозяйству, наше государственное хозяйство растет, мощь его крепнет, эти люди оказываются ничтожными, оказываются пигмеями. Вынося судебный приговор, мы никогда не руководствовались соображениями жестокости и мести. Но это не значит, что когда вы будете окончательно решать вопрос о судьбе подсудимых, если вы признаете необходимым по отношению к тому или иному обвиняемому произнести приговор с высшей мерой социальной защиты, вы, конечно, его произнесете и ваша рука не дрогнет этот приговор подписать.

Но как бы вы это ни решили, мне кажется бесспорным, уже сейчас решенным один важнейший для нас вопрос этого судебного процесса. Это ничтожность каких бы то ни было попыток остановить победоносное движение нашей пролетарской революции вперед.

Вот уже первая весна нашей второй большевистской пятилетки, когда скоро наши социалистические поля заколосятся новыми хлебами, которые придут на помощь городу, нашей промышленности, которые помогут этой промышленности еще выше поднять великие леса своей социалистической стройки. И с высоты этих грандиозных лесов нашей социалистической стройки, венчающей новые и новые победы, усилия, творческий труд,

энтузиазм пролетариата, нашей партии под руководством Центрального Комитета и вождя нашей партии товарища Сталина, пролетариата, совершившего героический путь побед, — еще ничтожнее, еще постыднее, еще отвратительнее будут казаться эти гнуснейшие преступления, которыми пытались остановить победоносный ход социалистической революции эти ничтожные, продажные и продавшиеся, изменившие и предавшие социалистическую родину люди!

* * *

Специальное присутствие Верховного суда СССР приговорило: Гусева В. А., Сухоручкина Л. А. и Лобанова А. Т. к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и с конфискацией всего имущества; Соколова В. А., Зорина Н. Г. и Котляревского М. Л. к восьми годам лишения свободы с указанными выше последствиями; Крашенинникова М. Д. к пяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет без конфискации имущества; Лебедева В. П., принимая во внимание, что он являлся лишь орудием в руках Лобанова, и руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, к двум годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества; английского подданного Торнтона Л. Ч. к трем годам лишения свободы. В отношении английского подданного Макдональда В. Л., как действовавшего по прямому подстрекательству его непосредственного начальника Торнтона, и ввиду чистосердечного признания на суде своих преступных действий, руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, суд нашел возможным смягчить требуемую законом меру репрессии и ограничиться осуждением к двум годам лишения свободы; Монкгауза А., Нордволла Ч., как не принимавших непосредственного участия в совершении аварий на электростанциях, и Кушни Д., ввиду давности совершенного им преступления (1928 г.), руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, суд постановил удалить из пределов СССР с запрещением въезда в СССР сроком на пять лет.

Олейника П. Е., принимая во внимание его зависимость по службе от Торнтона и как служащего частной фирмы, — к трем годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

Кутузову А. С. по тем же основаниям — к полутора годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

Всем осужденным к лишению свободы суд зачел срок предварительного заключения.

В отношении Зиверта Ю. И., принимая во внимание, что своей работой после 1931 г. он доказал, что искренне порвал с вредителями, суд на основании ст. 8 Уголовного кодекса РСФСР постановил мер репрессии не применять и из-под стражи его освободить. Английского инженера Грегори А. В. суд, по недостаточности улик, оправдал.

ДЕЛО ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Осенью 1932 года по директиве врага народа Л. Троцкого, полученной через сына Троцкого — Л. Седова — руководителем троцкистского подполья в СССР И. Н. Смирновым, произошло объединение троцкистских и зиновьевских подпольных контрреволюционных групп, организовавших так называемый «Объединенный центр» в составе Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева (от зиновьевцев) и Смирнова, Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов).

Объединение этих контрреволюционных групп было достигнуто на основе признания в качестве основного метода борьбы с советской властью индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

По настоящему делу были привлечены в качестве обвиняемых, кроме указанных выше членов так называемого «Объединенного центра», Дрейцер Е. А., Рейнгольд И. И., Пикель Р. В., Гольцман Э. С., Фриц Давид (Круглянский Илья—Давид Израилевич), Ольберг В. П., Берман-Юрин К. Б., Лурье М. И. и Лурье Н. Л.

Троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Троцкого, полученным «Объединенным центром» через подсудимых Смирнова, Гольцмана и Дрейцера, в этот период времени (1932—1936 гг.) сосредоточили всю свою враждебную деятельность против советского правительства и ВКП(б) на организации террора в отношении их руководителей.

«Объединенный центр» по прямым указаниям врага народа, агента гестапо Л. Троцкого организовал и осуществил 1 декабря 1934 г. через подпольную террористическую ленинградскую группу зиновьевцев Николаева — Котолынова злодейское убийство члена Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и члена ЦК ВКП(б) Сергея Мионовича Кирова.

Л. Троцкий из-за границы и Зиновьев внутри страны усиленно форсировали убийство С. М. Кирова. В этих целях в июне 1934 года Каменев по поручению «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» ездил в Ленинград, где вел переговоры об организации террористического акта против Кирова с руководителем одной из ленинградских террористических групп — Яковлевым.

По поручению «Объединенного центра» Бакаев в ноябре 1934 года также специально выезжал в Ленинград для проверки степени подготовленно-

сти ленинградской террористической группы Николаева — Котолынова к совершению убийства Кирова. На конспиративном собрании членов этой ленинградской террористической группы Бакаев выслушал доклад Леонида Николаева и от имени «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» дал ему и его сообщникам ряд практических указаний по организации убийства С. М. Кирова. В соответствии с этими указаниями Л. Николаев и его сообщники осуществили 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С. М. Кирова.

Не ограничиваясь убийством Кирова, троцкистско-зиновьевский центр готовил ряд террористических актов против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича Л. М. и Орджоникидзе.

В целях наиболее успешного осуществления намеченных «Объединенным центром» террористических актов им был организован в 1933 году в Москве так называемый «Московский центр» под непосредственным руководством члена «Объединенного центра» Бакаева.

В 1934 году Бакаев, Рейнгольд и Дрейцер, в соответствии с решениями «Объединенного центра», пытались дважды совершить покушение на жизнь товарища Сталина.

Кроме того, «Объединенным центром» было поручено Бакаеву практически подготовить осуществление убийства товарищей Сталина и Кирова, а члену московского террористического центра Дрейцеру была поручена организация террористического акта против товарища Ворошилова.

Не ограничиваясь организацией под непосредственным руководством «Объединенного центра» ряда террористических актов против руководителей Советского государства и ВКП(б), Л. Троцкий в течение 1932—1936 годов систематически в тех же целях перебрасывал из-за границы в СССР ряд террористов.

В ноябре 1932 года Л. Троцким были переброшены в СССР Берман-Юрин и Фриц Давид, причем перед отъездом они были лично проинструктированы Л. Троцким относительно организации убийства товарища Сталина.

В том же 1932 году Л. Троцким был переброшен из Берлина в Москву террорист Натан Лурье. Совместно с проживавшим тогда в Москве, под видом иностранного специалиста, агентом гестапо и доверенным лицом Гимmlера (нынешнего руководителя гестапо) Францем Вайцем, Натан Лурье готовил покушение на убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича и Орджоникидзе.

Зимой 1932/33 года, после отъезда Франца Вайца из Москвы, Натан Лурье со своей террористической группой продолжал подготовку этих террористических актов совместно с прибывшим в марте 1933 года в Москву из Берлина Моисеем Лурье, также получившим от Л. Троцкого задание форсировать террористические акты против руководителей советской власти и ВКП(б).

В 1934 году, находясь на Челябинском, Натан Лурье пытался произвести покушение на жизнь товарищей Кагановича и Орджоникидзе. Наконец, тот же Натан Лурье 1 мая 1936 г. по заданию и предварительному согласованию

с Моисеем Лурье пытался произвести во время первомайской демонстрации в Ленинграде покушение на товарища Жданова.

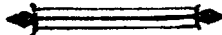
Летом 1935 года Л. Троцкий был переброшен из Германии в СССР террорист В. Ольберг, воспользовавшийся фиктивным паспортом подданного республики Гондурас. Этот паспорт В. Ольберг приобрел при помощи германской тайной полиции (гестапо), получив предварительное согласие от Л. Троцкого через его сына Седова воспользоваться содействием в этом деле германской тайной полиции.

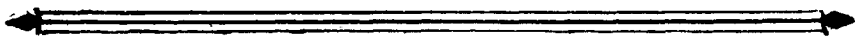
В. Ольберг по прибытии в СССР связался с контрреволюционной троцкистской террористической группой в г. Горьком и подготовил ряд террористов, которые должны были 1 мая 1936 г. совершить в Москве на Красной площади террористический акт против руководителей советского правительства и ВКП(б).

Обвинение, предъявленное обвиняемым, было квалифицировано по ст.ст. 58⁸ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР.

Дело это слушалось в г. Москве Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 19—24 августа 1936 г.

Обвиняемые от защиты отказались.

Товарищи судьи, товарищи члены Военной коллегии Верховного суда Союза!

Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей, обвиняемых в совершении тяжчайших государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли исследованию и судебной проверке каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых в течение многих лет нанизывавших одно преступление на другое в своей борьбе против Советского государства, против советской власти и нашей партии, против всего нашего советского народа.

Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича и Орджоникидзе, против наших руководителей, руководителей Советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина, пламенного трибуна пролетарской революции, незабываемого Сергея Мироновича Кирова.

Но как бы ни были чудовищны эти преступления и как бы ни были мы все глубоко взволнованы и возмущены этими кошмарными и ужасными преступлениями,— вы, товарищи судьи, как это и подобает советскому суду и советскому правосудию, с глубоким спокойствием взвешивали и оценивали проходившие перед вашими глазами факты, связанные с преступной деятельностью этих людей, имена которых давно уже покрыты всенародным презрением и всенародным позором.

Мы подошли сейчас к концу нашего судебного процесса. Мы подводим его последние итоги. Мы делаем последние выводы, готовясь, может быть, через несколько часов выслушать ваш приговор — приговор суда Советской страны, требующей и ожидающей от вас справедливого, непреклонного и неумолимо

сурового решения участи этих людей, этих презренных убийц, этих подлых и наглых врагов советской земли, советского народа.

Мы строим новое, социалистическое общество, новое Советское государство в тяжелых условиях классовой борьбы, в условиях жестокого сопротивления последних остатков разгромленных и пущенных нами ко дну эксплуататорских классов.

Каждый шаг нашего продвижения вперед связан с ожесточенным сопротивлением врагов, поднимающих против нас все силы старого мира, всю мразь, всю накипь старого общества, мобилизующих и бросающих на борьбу с нами самые преступные, самые отвязленные, самые отпетые и разложившиеся бесчестные элементы.

Ленин учил, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены»¹, — без того, чтобы буржуазия и мелкобуржуазная стихия не боролись против советской власти, действуя не только приемами Савиных, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, потоками лжи и клеветы, но и используя все и всякие элементы разложения, пускаясь на всякие и всевозможные грязные и позорные преступления.

Товарищ Сталин предупреждал:

«Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которых эти бывшие люди не возвели бы на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв»².

Три года тому назад товарищ Сталин не только предсказал неизбежность сопротивления делу социализма враждебных ему элементов, но предсказал возможность оживления троцкистских контрреволюционных групп. Этот процесс полностью и отчетливо доказал всю гениальность этого предсказания.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 233.

² И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 211 — 212.

Этот процесс, «герои» которого связали свою судьбу с фашистами, с агентами полицейских охранок, «герои» которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против Советского государства, этот процесс вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма; этот процесс показал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидающиеся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц — она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду.

Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей советской земли. Они убили одного из самых дорогих для нас людей революции, замечательного и чудесного человека, светлого и радостного, как всегда была светлой и радостной на его устах улыбка, как светла и радостна наша новая жизнь. Они убили нашего Кирова, они ранили нас совсем близко к самому сердцу. Они думали внести в наши ряды смятение и замешательство...

На предательский выстрел 1 декабря 1934 г. вся страна ответила убийцам единодушным проклятием. Вся страна — миллионы и десятки миллионов людей всколыхнулись и еще раз доказали свою сплоченность и единство, свою преданность великому знамени партии Ленина — Сталина. Железной, несокрушимой стеной стала Страна Советов на защиту своих вождей, своих руководителей, за каждый волос которых преступные безумцы ответят перед нами своей головой. В этой безграничной любви миллионов масс трудящихся к нашей партии, к ее Центральному Комитету, к нашему Сталину и его славным подвижникам, в этой безмерной любви народа — вся сила защиты и охраны наших вождей, руководителей страны и партии от предателей, убийц и бандитов!

Цветет, радостно растет наша великая родина. Богато колосятся золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо своей родины железные дороги, по бесконечно сверкающим стальным лентам которых из конца в конец мчатся кривоносовские поезда и маршруты. Несокруσιμο, как гранит, стоит на страже родных границ окруженная любовью народа Красная Армия. Дороги и близки родные нам и всем, кто преисполнен сыновней любовью к своей матери-родине, имена замечательных большевиков,

неутомимых и талантливейших строителей нашего государства — Серго Орджоникидзе, Клима Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителя ленинградских большевиков — Жданова. С непревзойденной великой любовью произносится трудящимися во всем мире имя великого учителя и вождя народов СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина!

Под руководством советского правительства и нашей партии во главе со Сталиным окончательно и бесповоротно победил в нашей стране социализм. Под руководством нашей партии пролетариат нашей страны отобрал орудия и средства производства у капиталистов, уничтожил капиталистическую систему, опирающуюся на частную собственность, на эксплуатацию, на нищету и рабство.

Под руководством нашей партии и советского правительства народы СССР осуществили великую индустриализацию нашей страны, удесятирив средства ее производства и умножив ее национальные богатства, создав тем самым условия для счастливой и радостной жизни всех трудящихся советской социалистической страны. Победа социализма есть прежде всего победа нашей родной большевистской партии, ее ленинско-сталинской генеральной линии, ее ленинско-сталинского руководства, ее Центрального Комитета во главе с великим Сталиным.

На основе этих побед создан нерушимый союз всех трудящихся для дальнейшего укрепления и развития социализма, созданы и закреплены союз и дружба всех народов СССР для строительства социализма, для обороны против наших врагов, против врагов социализма. Эти победы решительно изменили весь облик нашей страны, поднятой на невиданную высоту хозяйственного и культурного развития.

Эти победы принесли рабочему классу СССР гигантское улучшение его материального благополучия. Уже много лет тому назад уничтожена безработица, введен семичасовой рабочий день, против которого сидящие здесь на скамье подсудимых «герои» всегда упорно и предательски боролись. Невиданных успехов, не достижимых ни в какой капиталистической стране, добилась наша страна в области развития и расцвета новой, подлинно человеческой, социалистической культуры.

Эти победы принесли всей стране, каждому рабочему и колхознику, служащему и интеллигенту зажиточную и светлую жизнь. В этих победах — залог единства всего советского народа с нашим правительством, с нашей партией и с ее Центральным Комитетом. И разве не лучшим доказательством этого несокрушимого, подлинного единства и сплочения народных масс вокруг великого Сталина, вокруг нашего ЦК, вокруг нашего советского правительства являются мыслимые только в нашей стране, широкие, массовые, народные совещания передовиков

фабрик, заводов, транспорта, хлопковых и свекловичных полей, животноводства, комбайнеров и трактористов, стахановцев и кривоносовцев с руководителями партии и правительства! Это проявление подлинного, советского, истинного демократизма! И разве не служат ярким доказательством этого единства и те могучие волны народного гнева против гнусных убийц, которые перекатываются сейчас из конца в конец нашей страны!

ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЙ ЦЕНТР — БАНДА ПРЕЗРЕННЫХ ТЕРРОРИСТОВ

В течение предыдущих дней судебного процесса эти господа пытались принять «благородный» вид. Они, по крайней мере их главари, не без рисовки говорили о своем террористическом заговоре; они искали и ждали политической квалификации своих преступлений, — они говорили о политической борьбе, о каких-то политических соглашениях с какими-то якобы политическими партиями. И хотя они признали, что в действительности никакой политической платформы у них не было, что они даже не испытывали нужды в создании какой-либо платформы, так как, по их собственному признанию, их платформу можно написать в один присест, в какие-нибудь два часа, — они все же пытались разыгрывать из себя неподдельных политиков. Они всячески стараются изобразить дело так, будто они стоят на каких-то, пусть замызганных и затрепанных, но все же политических позициях. Эти попытки — лживое прикрытие их политической пустоты и безидейности. И когда они говорили об интересах рабочего класса, об интересах народа, когда они будут говорить об этом в своих защитительных речах и в последних словах подсудимых, — они будут лгать, как лгали до сих пор, как лгут сейчас, ибо они пошли против единственно народной политики — против политики нашей страны, против нашей советской политики. Лгуны и шуты, ничтожные пигмеи, моськи и шавки, взъярившиеся на слона, — вот что представляет собою эта компания!

Но они умеют пользоваться оружием, и это опасно для общества. Это обстоятельство требует особых и самых серьезных мер против них. Посадить их на цепь недостаточно. Против них должны быть приняты более решительные и радикальные меры борьбы. Не политики, а банда убийц и уголовных преступников, воров, пытавшихся расхищать государственное достояние, — вот что представляет собой эта компания.

Эти господа признавали, что у них не было никакой программы, однако кое-какая «программа» у них была. Была у них программа и внутренней политики и внешней политики.

Внутренняя политика определялась в их программе одним словом — «убить». Они предпочитают, правда, говорить не об убийствах, а о терроре. Но надо называть вещи своими именами. Эти господа избрали убийство средством борьбы за власть. Цинично и откровенно они должны были сами признать здесь это.

Как увязывали эти господа их марксизм в кавычках с проповедью террора и террористической деятельностью? — Никак! А ведь эти люди себя когда-то считали марксистами! Вероятно, обвиняемый Зиновьев и сейчас еще считает себя марксистом. Он говорил здесь, что марксизм не может быть увязан с террором, но марксизм может объяснить, как они пришли к террору.

О том, как увязывается у них марксизм с проповедью террора и террористической деятельностью, я спрашивал здесь на процессе обвиняемого Рейнгольда. Он сказал: «У Каменева в 1932 году, в присутствии ряда членов «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра», Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что хотя террор и несовместим с марксизмом, но в данный момент эти соображения надо отбросить. Других методов борьбы с руководством партии и правительства в данное время нет. Сталин объединяет всю силу и твердость партийного руководства, поэтому в первую голову надо убрать Сталина». Вот вам ответ, откровенно-циничный, наглый, но совершенно логичный. Вот вам и вся новая зиновьевская «философия эпохи».

Рейнгольд говорит: «Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы — завоевание масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности — провалились. Поэтому единственный метод борьбы — это террор, террористические действия против Сталина и его ближайших соратников — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова».

Это откровенно и нагло, но в то же время логично с точки зрения логики классовой борьбы, с точки зрения логики нашего врага, борющегося против страны социализма.

Без масс, против масс, но за власть, власть во что бы то ни стало, жажда личной власти, — вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых.

Вся циничная беспринципность этих людей откровенно была показана здесь Каменевым. В своем объяснении на суде он говорил о том, как и на какой базе был организован этот террористический заговор, как он назвал его.

«Я пришел, — говорит Каменев, — к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа социализма, что эта политика признана трудящимися массами».

Это заявление замечательно и по своей беспринципности и по наглому цинизму: именно потому, что политика партии победила, они вели борьбу против ее руководителей.

«Ставка наша,— говорил Каменев,— на возможность раскола в партии также оказалась бита. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без знамени, то есть путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь».

Подсудимый Каменев должен был быть более последовательным: если первый путь он назвал путем честного отказа от борьбы, второй путь надо было охарактеризовать, как путь бесчестной борьбы бесчестными средствами.

Он признал: «Мы выбрали этот второй путь, мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жадной властью, к которой мы некогда были близки и от которой мы были отброшены ходом исторического развития».

Подсудимый Зиновьев говорит: «К концу 1932 года стало очевидным, что наши надежды не оправдались... фактом было то, что генеральная линия партии побеждает. Здесь,— говорит Зиновьев,— со всей наглядностью сказались полная беспринципность и безидейность, которые привели нас к голой и беспринципной борьбе за власть» (т. XII, л. д. 34).

Можно ли после этого разговаривать с этими людьми на каком бы то ни было политическом языке? Разве мы не вправе говорить с этими людьми только одним языком, языком Уголовного кодекса, и рассматривать их как уголовных преступников, как отпетых и закоренелых убийц?

Такова их «программа» в области, если можно так выразиться, внутренней политики. Раньше они хотя бы из стыдливости мотивировали свою борьбу против руководства советской власти и партии недостатками, недочетами, затруднениями. Теперь они уже сняли с себя эту маску. Они признают теперь, что убедились в победе социализма в нашей стране. К террору, к убийствам они пришли вследствие безнадежности своего положения, от сознания своей изолированности от власти, от рабочего класса. К террору они пришли благодаря полнейшему отсутствию благоприятных для них перспектив в борьбе за власть другими средствами, другими способами.

Каменев признал, что организация террора была единственным средством, с помощью которого они надеялись прийти к власти, и что именно на базе этой террористической борьбы велись и в конце концов успешно завершились переговоры об

объединении между троцкистами и зиновьевцами. Террор — вот настоящая база объединения троцкистов и зиновьевцев.

В этом не все они хотят признаться.

Товарищи судьи, вынося свой приговор в совещательной комнате, вы внимательно — я в этом не сомневаюсь — еще раз ознакомитесь не только со всеми материалами судебного следствия, но и с протоколами предварительного следствия, вы убедитесь, с каким животным страхом подсудимые старались уйти именно от признания террора как основы их преступной деятельности.

Вот почему так вертится здесь Смирнов. Он признает, что был членом центра, признает, что этот центр усвоил террористическую линию борьбы, признает, что сам получал от Троцкого директивы об этой террористической борьбе. Но в то же время всеми силами и средствами он старался доказать, что лично он, Смирнов, террора не принял, не был с этим согласен и даже договорился до того, будто он даже вышел из троцкистско-зиновьевского террористического центра или блока.

Я буду еще особо говорить о каждом из подсудимых, и в том числе о Смирнове, и постараюсь со всей полнотой, тщательностью и объективностью разобрать доказательства, которые уличают их в совершении тягчайших государственных преступлений. Сейчас я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что сами обвиняемые — не политические младенцы, а прожженные игроки в политической борьбе, — они прекрасно понимают, какой ответственности они подвергаются за то, что не только «теоретически» признали этот террор, — и этого было бы достаточно, чтобы их головы положить на плаху, — но и за то, что эту «теоретическую» программу они переложили на язык террористической практики, на язык практических преступных действий.

ТРОЦКИЙ, ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ — ЗАКЛЯТЫЕ ВРАГИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского объединения. Здесь совершенно согласно об этом показывали люди, непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе. Это признали здесь не только Зиновьев и Каменев, Смирнов и Тер-Ваганян, Рейнгольд и Пикель, но об этом здесь говорили точно так же и Берман-Юрин, и Фриц Давид, и Валентин Ольберг — этот оригинальный гражданин республики Гондурас, штатный агент Троцкого и одновременно германской тайной полиции — гестапо.

Все эти лица под тяжестью предъявленных им улик не смогли дальше запертаться и должны были признать, что главным и

даже единственным объединявшим их преступную деятельность средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства.

«На этом, — говорил Рейнгольд, — настаивали и сходились и троцкисты и все участники блока». Именно насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно назвать, как я это и сделал в обвинительном заключении, обществом политических убийц.

Эти террористические настроения, положенные в основу организации троцкистско-зиновьевского блока в 1932—1936 годах, быть может, наиболее отчетливо и характерно выразил обвиняемый Мрачковский, заявивший как на предварительном следствии, так и здесь на суде:

«Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководителей партии и правительства».

Мрачковский говорил: «Главная задача состоит в том, чтобы убрать Сталина и других руководителей партии и правительства».

Вся звериная злоба и ненависть этих людей были направлены против руководителей нашей партии, против Политбюро Центрального Комитета — против товарища Сталина, против славных его соратников.

На них, во главе с товарищем Сталиным, легла основная тяжесть борьбы с зиновьевско-троцкистской подпольной организацией. Под их руководством, под руководством товарища Сталина — гениального проводника и хранителя ленинских заветов — была разгромлена контрреволюционная троцкистская организация. В ожесточенных боях с троцкистской контрреволюцией под их руководством была окончательно разбита наголову троцкистская контрреволюция.

В боях с этой троцкистской контрреволюцией товарищ Сталин разработал и неуклонно проводил в жизнь ленинское учение о построении социализма в нашей стране, вооружив этим учением миллионные массы рабочих и колхозников.

Вот почему троцкисты и зиновьевцы, как и другие самые оголтелые контрреволюционные элементы, все свои силы, ненависть и злобу против социализма сосредоточили на руководителях нашей партии. Вот почему в марте 1932 года в припадке контрреволюционного бешенства Троцкий разразился открытым письмом с призывом «убрать Сталина» (письмо это было изъято из тайной стеньки гольцмановского чемодана и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства).

Этот подлый призыв с еще большей откровенностью Троцкий обратил к ряду своих зарубежных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР, с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашего Советского государства и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: «Сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его сторонников. Террор против Сталина — вот революционная задача. Кто революционер — у того не дрогнет рука» (т. VIII, л. д. 62). С этой целью Троцкий занялся подбором экзальтированных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то «историческую миссию».

Берман-Юрин показал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: «До тех пор, пока Сталин не будет насильственно убран — нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами — Сталин должен быть физически уничтожен»...

Фриц Давид и Берман-Юрин вели с Троцким разговоры об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания, предусмотренного нашим законом, — расстрела?

Фриц Давид, Берман-Юрин, Рейнгольд, Ольберг В., сам Смирнов И. Н. разоблачили, в сущности говоря, роль Троцкого в этом деле до конца. Даже Смирнов, упорно заправившийся в том, что принимал какое-либо участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, не мог не признать, что установка на индивидуальный террор в отношении руководителей Советского государства и ВКП(б) была им получена в 1931 году лично от сына Троцкого — Седова, что эта установка о терроре была подтверждена Троцким в 1932 году в директиве, привезенной из-за границы Гавеном и переданной им Смирнову. Смирнов пытался смягчить остроту своего собственного положения ссылкой на то, что полученные им от Седова директивы о терроре были якобы личной установкой Седова. Но это пустое объяснение. Ведь всем совершенно очевидно, что Седов никакого авторитета для Смирнова не представлял. Тер-Ваганян и Мрачковский подтвердили здесь это, заявив, что если бы они думали, что установки о терроре исходят от Седова, они наплевали бы на них с шестого, двенадцатого или с еще более высокого этажа.

Обвиняемый Тер-Ваганян, один из главных организаторов «Объединенного центра», подтвердил, что, будучи за границей,

Смирнов действительно получил от Троцкого директиву о переходе к террору. Тер-Ваганян только завуалировал свое показание, заменив упоминание о терроре словами: «Острая борьба с руководителями ВКП(б)». Позже и он, однако, должен был расшифровать это и подтвердить, что речь шла о директиве, содержанием которой был террор и только террор.

Вы слышали, наконец, показания свидетельницы Сафоновой, очная ставка с которой, вероятно, крепко запомнилась всем, кто присутствовал здесь на суде. На этой ставке Сафонова, дело о которой выделено в особое производство, ввиду продолжающегося следствия, полностью подтвердила, что Смирнов получил от Троцкого директиву об индивидуальном терроре в 1931 году через Седова, а впоследствии через Гавена.

На основании этих данных можно считать совершенно установленным, что именно директива Троцкого о терроре послужила основанием для развертывания террористической деятельности «Объединенного центра». Директива об организации объединенного центра и о переходе к террору, данная Троцким, была принята троцкистским подпольем. Зиновьев и Каменев, как руководители зиновьевской части блока, сами пришли к той же мысли и тоже приняли директиву Троцкого как основу действий «Объединенного центра» и подполья.

Эти подлинники, закоренелые враги не могли спокойно смотреть на растущее благополучие нашего народа, нашей страны, вышедшей на широкую дорогу социализма.

СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм. Тем сильнее их ненависть против ЦК, против товарища Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится.

В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убрать, убить! Начинает работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются револьверы, снаряжаются бомбы, пишутся и фабрикуются фальшивые документы, завязываются тайные связи с германской политической полицией, расставляются посты, тренируются в стрельбе, наконец, стреляют и убивают.

Вот в чем главное! Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только готовят к этим злодейским преступлениям, но осуществляют их, стреляют и убивают!

Главное в этом процессе — в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционное дело, свою контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе, но они стреляют, стреляют и убивают!

В этом — главное. Они убили Кирова, они готовились убить товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова. Вот за что мы судим этих людей, этих организаторов тайных убийств, этих патентованных убийц.

И вот почему мы требуем судить их строго, как велит нам наш советский закон, судить их, как требует наша социалистическая совесть.

Убийства — вот вся «программа» внутренней политики этих людей.

А внешняя политика?

Тут поднимаются загробные тени, здесь оживают старые «тезисы Клемансо», здесь снова видны троцкистские уши.

Личное письмо Троцкого, полученное Дрейцером, состояло из трех коротких пунктов: 1) убрать Сталина и Ворошилова, 2) развернуть работу по организации ячеек в армии, 3) в случае войны использовать всякие неудачи и возможное замешательство для захвата руководства.

Это откровенная ставка на поражение.

Это тот же старый тезис Клемансо, но в новом издании под редакцией объединенного центра троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Фриц Давид показал на следствии и подтвердил здесь на суде (это полностью соответствует и ряду исторических документов, и показаниям других обвиняемых, и самому существованию задачи, стоящей перед Троцким, Зиновьевым, Каменевым), что в одной из своих бесед с ним Троцкий спросил: «Как вы думаете, в случае войны Советского Союза с японцами исчезнет ли это недовольство?» (Он говорил о недовольстве, которое, по его мнению, существовало у нас в стране). «Нет, наоборот, — говорил Троцкий, — в этих условиях враждебные режимы силы будут пытаться соединиться воедино, и в этом случае наша задача будет заключаться в том, чтобы объединить и возглавить эти недовольные массы, вооружить их и повести против господствующих бюрократов» (т. VIII, л. д. 61).

Это же Троцкий повторил в письме 1932 года (очевидно, это у него идефикс) и в беседе с Берман-Юриным.

«В связи с международным положением того периода, — показывает Берман-Юрин, — Троцкий указал мне, что особо важной является задача разложения наших военных сил, так как в случае войны с Советским Союзом огромные массы будут призваны в армию». Троцкий и троцкисты вместе с зиновьевцами и рассчитывали легко обработать эти массы. «Троцкий дословно сказал мне, — добавляет Берман-Юрин, — мы будем защищать Советский Союз в том случае, если будет свергнуто сталинское руководство» (т. IV, л. д. 100).

Такова программа их внешней политики!

Может быть, все это — выдумка? Может быть, Фриц Давид и Берман-Юрин пустились здесь в фантастические измышления? Может быть, это все — вымысел, выдумка, безответственная болтовня подсудимых, которые пытаются возможно больше сказать против других, чтобы облегчить свою собственную судьбу? Нет! Это не выдумка, не фантазия! Это истина! Кто не знает того, что Троцкий вместе с сидящими на скамье подсудимых Каменевым и Зиновьевым несколько лет тому назад провозглашали «тезис Клемансо», что они говорили о необходимости в случае войны подождать, пока враг подойдет на расстояние 80 км от Москвы, чтобы поднять оружие против советского правительства, чтобы свергнуть его. Ведь это — исторический факт. От него никуда не уйти. Именно поэтому приходится признать, что показания Бермана-Юрина и Фрица Давида в этой части соответствуют действительности.

Такова была программа «внешней политики» этих людей. За одну такую «программу» наш советский народ повесит изменников на первых же воротах! И поделом!

ДВУРУШНИЧЕСТВО, ОБМАН И ПРОВОКАЦИЯ — ОСНОВНОЙ МЕТОД ТРОЦКИСТОВ-ЗИНОВЬЕВЦЕВ

Обратимся теперь к методам, которыми действовали эти люди.

Это, может быть, одна из самых позорных страниц их позорной преступной деятельности.

В соответствии с «принципиальной» линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами участники этого блока широко практиковали двурушничество в качестве основного метода своего отношения к партии и правительству. Это двурушничество они превратили в систему, которой могли бы позавидовать любые Азефы и Малиновские всех охранок, со всеми их шпионами, провокаторами и диверсантами.

Рейнгольд показал, что в 1933—1934 гг. Зиновьев с глазу на глаз говорил ему — теперь Зиновьев подтвердил это перед всем миром на процессе, — что «главная практическая задача, которая стоит перед их подпольем, заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не скомпрометировать себя».

Может быть, это преувеличение? Конечно, нет. То, что говорил Рейнгольд, соответствует логике вещей.

«На следствии главное, — поучал своих соучастников Зиновьев, — отрицать какую бы то ни было связь с организацией.

аргументируя несовместимость террора со взглядами большевиков-марксистов» (т. XXVII, л. д. 112).

Троцкий в свою очередь тоже рекомендовал, в случае совершения террористического акта, отмежевываться от троцкистской организации и занять позицию, аналогичную той, которая была занята в свое время эсеровским ЦК по отношению к Каплан, стрелявшей в Владимира Ильича. Мы знаем, что это значит. Мы помним, что после того, как Каплан выпустила свою предательскую пулю в Ленина, ЦК эсеров выпустил листовку, в которой категорически заявлял о своей непричастности к этому террористическому акту. Троцкий, Зиновьев, Каменев усвоили ту же тактику.

Зиновьев говорил: «Мы перешли на путь тщательно продуманного и глубоко законспирированного заговора, мы считали себя марксистами и, помня формулу «восстание есть искусство», переделали ее по-своему, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина есть искусство».

Вот сидят на скамье подсудимых мастера этого «искусства». Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Низкопробные мастера!

Но они все же сумели осуществить свое низкое дело. В чем же состояло их «искусство»?

В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица.

Это, может быть, один из самых ярких примеров в истории, когда действительно слово «маскировка» приобретает подлинное значение: эти люди надели на свои лица маски, изображали себя раскаявшимися грешниками, порвавшими с прошлым, отказавшимися от своих старых заблуждений и ошибок, переросших в преступления.

Характерно, что именно в тот период, когда объединенный троцкистско-зиновьевский центр наиболее активизировал свою деятельность, когда эта террористическая деятельность достигла наибольшего своего развития и, нарастая, подвигалась к своему завершению подлым выстрелом в т. Кирова, — именно в этот период Зиновьев обращается в Центральный Комитет партии с покаянным письмом. В этом письме, датированном 8 мая 1933 г., то есть в самый разгар подготовки террористических актов, Зиновьев не только отрекается от всех своих прежних ошибок, но и лицемерно клянется в преданности социализму и партии.

В те самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовя террористический акт против товарища Сталина, этот преступник, потерявший, как и все сидящие здесь, последний человеческий облик, заканчивал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я говорю правду и только правду. Я прошу вас вернуть меня в ряды партии

и дать мне возможность работать для общего дела. Я даю слово революционера, что буду самым преданным членом партии и сделаю все то, что возможно, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК». Мы знаем теперь, чего стоят эти слова, мы знаем, что Зиновьев сделал все, что возможно, чтобы повредить партии и делу строительства социализма в нашей стране, делу всего международного коммунистического движения.

16 июня 1933 г. он помещает в «Правде» статью «Две партии». В центральном органе нашей партии он публикует статью, в которой старается всячески доказать преданность партии, громит оппортунизм и поет аллилуйя победам, одержанным партией.

Это было 8 мая и 16 июня, то есть летом 1933 года. А тем же летом того же 1933 года, как это теперь точно установлено, на совещании троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев поручает Бакаеву приступить к практическому осуществлению террора.

Зиновьев обиделся здесь на Смирнова, когда Смирнов упрекнул его в том, что он говорит неправду. Сам Смирнов не сказал здесь ни одного слова правды, а упрекает Зиновьева во лжи. Зиновьев обиделся и заявил, что разница между ними в том, что он «решил твердо и до конца в эту последнюю минуту сказать всю правду, между тем как Смирнов принял, как видно, другое решение».

Я позволю себе, товарищи судьи, предупредить вас против этого утверждения Зиновьева. Не верьте ему, что он действительно говорит здесь всю правду до конца.

Зиновьев и Каменев на ленинградском процессе 15—16 января разыграли очень неплохо одну из сцен своей коварной, вероломной маскировки. В своих объяснениях (на судебном заседании от 15—16 января 1935 г.) Каменев хотел произвести впечатление окончательно и искренне разоружившегося врага, выкладывающего все, что у него есть на душе против правительства и партии. Он тогда припомнил какой-то эпизод, когда Зиновьев что-то утаил из разговора с Троцким. С пафосом и «неподдельным» возмущением Каменев упрекал Зиновьева в том, что, скрывая этот факт, он не говорит всей правды.

А в то же время и сам Каменев и сам Зиновьев пытались обмануть нас, обмануть суд и всю страну, доказывая, что они никакого отношения не имеют к убийству Сергея Мироновича Кирова. Так же, как сейчас, буквально теми словами, что и вчера, Зиновьев и Каменев тогда клялись в том, что они говорят всю правду. Можно сказать, что процесс 15—16 января 1935 г. для Каменева и Зиновьева был своего рода репетицией

нынешнего процесса, которого они, может быть, не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли.

Я еще вернусь к этим «замечательным» показаниям, данным на суде в Ленинграде, сейчас я говорю об этом только для того, чтобы предупредить вас,— а через вас, через суд, и всю страну,— не только против Каменева и Зиновьева, но и против всех других двурушников, изменников и предателей, к сожалению, имеющих еще в наших рядах, говорящих о своих раскаяниях, отмежевывающихся, маскирующихся для того, чтобы лучше организовать удар в спину нашей партии, нашей страны, нашему великому делу.

Ни малейшего доверия этим патентованным и прожженным обманщикам!

Они и сами понимают, что не заслуживают его. Я спросил Зиновьева при его допросе: «А сейчас вы всю правду говорите?» — «Сейчас я говорю всю правду до конца»,— ответил Зиновьев.

Но где же доказательство этого, как им можно верить, когда они превзошли все представления о вероломстве, коварстве, обмане, измене, предательстве?

Зиновьев довел это коварство до того, что после убийства Сергея Мироновича Кирова послал в «Правду» некролог. Единственное, что он сказал здесь по этому поводу: «Этот некролог не был напечатан, насколько я помню». И все.

Вот этот некролог, он у меня в руках. Он датирован Зиновьевым, если я не ошибаюсь, то ли 4, то ли 7 декабря, вероятнее всего 4 декабря.

Этот некролог, посвященный т. Кирову, вы, Зиновьев, назвали: «Человек-маяк». Как же вы начали свой некролог, который вы предназначали для печати и который, следовательно, должен был стать достоянием всей нашей общественности?

«Это можно наблюдать в течение всех 17 лет нашей революции, в каждый момент, когда враг изловчался нанести тот или другой удар большевикам... Так бывало, когда врагу удавалось наносить чувствительный удар на полях гражданской войны, так бывало...» и т. д. и т. д.

И дальше Зиновьев писал: «Горе партии есть горе всего народа, всех народов СССР. Траур партии есть траур всей великой страны... Весь народ ощутил горечь утраты».

Это верно, что горечь утраты и возмущение предательским выстрелом охватило всю страну. Это чувство действительно испытывает вся страна от мала до велика.

Но вас-то это в какой мере касается?

«Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова всколыхнуло поистине всю партию, весь Советский Союз». «Потеря этого

любимого и родного человека всеми ощутилась, как потеря своего, близкого, безгранично дорогого...»

Вот что писали вы, подсудимый Зиновьев, в этой страшной и позорной статье! Почему потеряла партия близкого, бесконечно дорогого С. М. Кирова, обвиняемый Зиновьев? Потому потеряла партия этого близкого нам человека, что вы, обвиняемый Зиновьев, убили Кирова, вы убили его своими собственными руками, на которых у вас краснеет Кировская кровь!..

«Любимый сын партии», — писали вы. Какое наглое кощунство!

«Сын рабочего класса — вот кем был этот человек-маяк», «наш дорогой, глубокий, крепкий... ему нельзя было не верить, его нельзя было не любить и им нельзя было не гордиться».

Вот как писал Зиновьев, переходя всякие границы цинизма! Вот этот человек. Его любил, гордился им и убил его! Злодей, убийца оплакивает свою жертву! Где и когда еще происходило что-либо подобное?!

Что можно сказать и какие слова можно подобрать, чтобы исчерпать всю низость и мерзость этого факта: кощунство! вероломство! двурушничество! коварство!

Вы, именно вы, Зиновьев, своей кощунственной рукой погасили этот маяк, и вы же стали публично и притворно рвать на себе волосы для того, чтобы обмануть людей.

Кого вы убили? — Вы убили великолепного большевика, пламенного трибуна, опасного для вас человека, беззаветно боровшегося за ленинские заветы и вместе с тем против вас. Вы убили этого человека секундным выстрелом подлейшей руки Николаева, а через два-три дня вы же посылаете статью в «Правду» и пишете о «погасшем маяке».

Где же найти слова, чтобы дать оценку этим подлейшим выходкам? — В своем лексиконе я не в состоянии найти этих слов!

Перейдем к Каменеву — второму столпу так называемой зиновьевской группы, к этому притворщику «в ослиной шкуре», о которой он сам говорил на XVII съезде.

Я прошу суд обратить внимание на статьи Каменева, опубликованные в 1933 году. Эти статьи Каменев писал почти одновременно с Зиновьевым по взаимному согласию. Каменев публикует в «Правде» статью, где он так же, как Зиновьев, отказывается от своих заблуждений, клеймит свои ошибки, где он говорит, что «важнейшей фигурой оппозиции стал человек, десятки лет боровшийся с Лениным» и т. д. и т. п. «Ясно, — писал в этой статье Каменев 25 мая 1933 г., — что сопротивление политике, возглавляемой товарищем Сталиным, исходило из тех же предпосылок, которые заставляли членов партии в октябре 1917 года выступить противниками политики Ленина». Плача и стоня, Каменев старается доказать свой разрыв со старыми друзьями

и заканчивает статью призывом отбросить всякое сопротивление, мешающее делу строительства социализма.

Это было в мае 1933 года. А летом 1933 года, после возвращения Каменева и Зиновьева из ссылки, на квартире Зиновьева состоялось совещание троцкистско-зиновьевского центра для организации террористических актов против руководителей партии и советской власти.

Спрошенный здесь об этом Каменев был очень краток. Между нами произошел диалог, который я позволю себе напомнить. Я спрашивал:

«Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии? Обман?»

Каменев: Нет, хуже обмана.

Вышинский: Вероломство?

Каменев: Хуже!

Вышинский: Хуже обмана; хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев: Вы его нашли!»

Дальше он говорил, что делал это не только по соглашению с Зиновьевым, что эти его поступки имели место во исполнение заранее выработанного плана захвата власти, который сочетался с необходимостью завоевания доверия.

Маленькая подробность, которая имеет некоторое значение для определения морального, если угодно идеологического, уровня обвиняемого Каменева, для характеристики интересов, которыми он жил в то время, для характеристики некоторых его исходных нравственных позиций.

Я позволю себе сослаться на одну книжку Макиавелли (том I-й). Она издана в 1934 году издательством «Академия», которым руководил тогда Каменев, с предисловием Каменева. Очень интересная книга. Она была написана в XVI веке. Автор написал эту книгу для князя, поучая его науке управления государством в соответствии с его княжескими интересами.

Макиавелли писал: «Вы должны... знать, что бороться можно двояко: один род борьбы — это законы, другой — сила; первый свойствен человеку, второй — зверю. Так как, однако, первого очень часто недостаточно, приходится обращаться ко второму. Следовательно, князю необходимо уметь хорошо владеть природой как зверя, так и человека».

Каменеву это очень понравилось, и он написал в кратком предисловии к этой книге несколько следующих интереснейших слов: «Мастер политического афоризма и блестящий диалектик...» (Это Макиавелли, по Каменеву, диалектик! Этот прожженный плут оказывается диалектиком!)... «Мастер политического афоризма...» Хорош афоризм! Макиавелли писал: действовать при помощи закона — это свойственно людям, при помощи

силы — это свойственно зверю; следуй этой звериной политике, и ты, — говорит Макиавелли, — достигнешь своей цели. И это подсудимый Каменев называет «мастерством политического афоризма».

Послушаем, что пишет Каменев дальше: «...Диалектик, почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий, критериев добра и зла, дозволенного и недозволенного, законного и преступного...» По Каменеву, это, очевидно, и есть диалектика: смешать преступное с непроступным, законное с незаконным, добро со злом — в этом новое «марксистское» объяснение диалектики на примере Макиавелли.

«Макиавелли, — писал Каменев в 1934 году, — сделал из своего трактата поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководиться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее и победоносно противостоять всем покушениям на него». Хорош у вас, Каменев, был учитель, но вы (в этом надо вам отдать должное) превзошли своего учителя.

Дальше вы пишете в этом предисловии: «Это — далеко еще не социология власти, но зато из-за этой рецептуры великолепно выступают зоологические черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством».

Это так. Но вы хотели эти методы борьбы и принципы борьбы, достойные рабовладельцев, перенести в наше общество, применить против нашего общества, против социализма. «Так, — пишете вы, — этот секретарь флорентинских банкиров и их посол при папском дворе — вольно или невольно — создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих...» Вы, Каменев, перенесли эти правила Макиавелли и развили их до величайшей беспринципности и безнравственности, модернизировали и усовершенствовали их.

Я вас не прошу, товарищи судьи, рассматривать эту книгу в качестве одного из вещественных доказательств по данному делу. Я вовсе не оперирую этой книгой для того, чтобы доказывать виновность подсудимых в тех преступлениях, в которых они обвиняются. Я просто счел необходимым отдать этому обстоятельству несколько минут внимания для того, чтобы показать тот идейный источник, которым питались в это время Каменевы и Зиновьевы, пытающиеся еще и сейчас на процессе сохранить благородный вид марксистов, умеющих мыслить и рассуждать в соответствии с принципами марксизма.

Бросьте эту шутовскую комедию. Откройте, наконец, и до конца свои настоящие лица. Здесь о книге Макиавелли Каменев говорит, как о снаряде огромной взрывчатой силы. Очевидно, Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться этим снарядом,

чтобы взорвать и наше социалистическое отечество. Просчитались. И хотя Макиавелли перед ними шенок и деревенщина, но все же он был их духовным наставником. Вы из «макиавеллизма» и азефовщины сделали для себя источник вашей деятельности и ваших преступлений. Теперь это разоблачено самими Зиновьевым и Каменевым: убийство, коварство, вероломство и маскировка были одним из основных, решающих методов их преступной деятельности.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и цинично, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорили здесь и другие подсудимые, и думаю, что характеристика этих методов достаточно исчерпающе представленными мною материалами. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда, очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для составления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражением СССР в войне, их метод — вероломством, коварством, изменой.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРОЦКИСТОВ-ЗИНОВЬЕВЦЕВ ПОЛНОСТЬЮ ДОКАЗАНА

Я перехожу ко второй части своей обвинительной речи, к практической деятельности так называемого «Объединенного центра» и к характеристике роли в этом преступном заговоре против советской власти каждого из подсудимых.

Не подлежит никакому сомнению, что объединение зиновьевских и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшееся осенью 1932 года, возникло и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть — борьбы, которая тогда была основной и главной задачей и троцкистов и зиновьевцев.

Организация была. Подпольная контрреволюционная террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы Смирнов ни пытался здесь оспаривать это, ему оспорить это не удастся. Слишком сильные факты, слишком много данных для того, чтобы мы, обвинение, имели полное основание утверждать, что такая подпольная, контрреволюционная, троцкистско-зиновьевская группа была; что эта террористическая организа-

ция была создана; что она именно была создана как террористическая; что она развернула свою деятельность именно как террористическую деятельность, что она подготавливала террористические покушения и что одно из этих покушений — злодейское убийство 1 декабря 1934 г. Сергея Мироновича Кирова — она к нашему величайшему несчастью и ужасу и осуществила.

Это самое ужасное из всех преступлений, которое удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 года мы судили «Московский центр» в связи с состоявшимся незадолго, за две недели до этого, судебным процессом над так называемым «Ленинградским центром», по которому были осуждены и расстреляны Николаев Л., Котолынов, Румянцев, Сосицкий и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лишило нас возможности предъявить тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву прямое обвинение в организации этого убийства, в руководстве этим убийством, в осуществлении этого убийства.

В приговоре по делу так называемого «Московского центра», в котором главную роль играли Каменев, Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие, об их роли было сказано лишь то, что они разжигали лишь террористические настроения своих сообщников; что они создавали объективную почву, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно объективными, следствие и обвинительная власть не предъявили тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинения в прямом подстрекательстве, прямой организации этого убийства. В обвинительном заключении было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия. Однако все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица — Каменев, Зиновьев, Бакаев и Евдокимов — были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим по делу «Московского центра» и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева — только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было, для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников этого преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и подлому делу не приложили. При этом они, говоря высоким стилем, заявляли, что

контрреволюция избрала их орудием своей преступной деятельности. Не они избрали контрреволюцию орудием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим орудием...

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что, кроме моральной и политической ответственности, они никакой другой ответственности за это злодейское убийство нести не могут, но эту ответственность они якобы полностью и честно готовы нести и признают правильность и обоснованность предъявления им обвинения в этих пределах.

На суде 15—16 января 1935 г. Зиновьев говорил: «На скамье подсудимых сидит нас много, больше 15 человек, с различными биографиями. Среди нас много таких, которые в рабочем движении участвовали немалое количество лет. Многое они делали по доверию ко мне, и я за это, конечно, должен себя казнить... Свою задачу в этой стадии я вижу в том, чтобы до конца чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса раскаяться в том, что я понимаю как ошибку и преступление, и рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда с данной группой...»

Я уже говорил о том, что это заявление Зиновьева было игрой, маневром, тактическим приемом.

Так обычно поступают уголовные преступники. Обвиняемый в убийстве с грабежом признается только в грабеже. Обвиняемый в грабеже признается только в краже. Обвиняемый в краже признается только в хранении краденого. Это обычные уловки уголовных преступников перед лицом более тяжелых преступлений признаваться в более легких преступлениях. Это способ замести действительные следы в расчете на доверчивость людей, которые позволяют еще себе во многих случаях, даже в уголовных делах, относиться с доверием к уголовным преступникам. Эту позицию занял и Зиновьев. Аналогичную позицию заняли — и это не будут они отрицать — Каменев, Евдокимов и Бакаев. Пойманные в 1935 году почти с поличным, эти люди признавали себя ответственными за меньшее преступление для того, чтобы избежать ответственности, настоящей ответственности за большее преступление.

Зиновьев говорил о «чистосердечном, искреннем» признании, но этого в действительности не было. Они в действительности делали все для того, чтобы не выдать в руки советского правосудия своих соучастников, чтобы оставить какие-то резервы, чтобы резервы эти можно было в нужную минуту пустить в ход и направить против нашей партии, против руководителей нашей страны.

Этим объясняется вся позиция Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева на Ленинградском процессе 15—16 января 1935 г. «Верно,— говорил Зиновьев,— что нас судят по объективным

чертам». Он говорил, что многих людей, сидевших в то время с ним вместе на скамье подсудимых, он не знал. Зиновьев не знал, оказывается, ни Евдокимова, ни Гертника, ни Каменева, ни Сахова... Зиновьев говорил, что субъективно они были «преданы» рабочему классу.

Тогда Зиновьев даже позволил себе утверждать, что и он и они, 15 его соучастников, были субъективно якобы преданы рабочему классу и не хотели становиться на путь контрреволюции, а объективно получалось у них наоборот. Почему получилось обратное? Я бы хотел, чтобы обвиняемый Зиновьев в своей защитительной речи сказал, как получилось, что субъективно он был предан рабочему классу, а объективно вышло наоборот. Не может быть этого и так не бывает. Если объективно действительно получалось так, то это потому лишь, что ваша, обвиняемый Зиновьев, субъективная преданность революции была фальшивой и гнилой. О чем вы думали, когда вы говорили эти речи? Я прошу вас сказать и об этом в своей защитительной речи.

Вы вооружились против Советского государства не только злобой, но и огнестрельным оружием. Вы практически осуществляли свои преступные замыслы. Вы сами говорили о двурушничестве, но говорили в то же время об этом так, чтобы скрыть, что и в этот момент вы продолжаете политику двурушничества.

Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем, для меня играл лично громадную роль именно этот момент» Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем, и, само собой разумеется, я должен был все знать. Если я удален от руководства,— это или несправедливость, или недоразумение, или на несколько месяцев. Это не есть оправдание, но я высказываю все то, о чем действительного думаю, и этим самым я вынимаю из себя последнюю занозу тех преступлений, которые здесь разворачиваются».

«Последнюю занозу» Зиновьев вынул на Ленинградском процессе... Нет, он не вынул, он оставил эту занозу и не одну, а несколько в теле нашей социалистической страны для того, чтобы продолжать готовить и совершать тягчайшие преступления.

Вы говорили: «Я не мыслил иначе: как же это я без кружка своих, без того, чтобы знать все, без того, чтобы быть в гуще политики и т. д.»

Вот мысль, которая мучила вас,— что без вас нельзя... Ваше положение в прошлом определялось вашими делами, как и сейчас ваше положение определяется вашими делами. Подходя к вопросу, был ли, центр,— вы говорите: «Конечно, он был до 1929 года» Вы пытаетесь утверждать, что в последующие годы центра не было, что, в сущности говоря, с 1929 года он не действовал. Это обман. Старый зиновьевский центр превратился в центр

объединенного троцкистско-зиновьевского блока. Он реформировался, несколько окреп, ибо произошла консолидация нескольких группировок. С 1932 года он начинает более широко развертывать свою деятельность. В 1933 году он проявляет особенную активность, он подготавливает ряд террористических актов и в 1934 году осуществляет один из них.

Зиновьев говорил, что «это не есть центр, который был в 1926—1927 годах», и что с этим центром он не имел никакой связи. Как тогда ставил вопрос Зиновьев о связи с ленинградским центром? Он говорил, «что была группа, которая состояла из Котолынова, Мандельштама, Мясникова и др.». Крупную роль играл Котолынов, о чем Зиновьев якобы узнал из обвинительного акта об убийстве Кирова.

Зиновьев хотел уверить, что одного из организаторов этой ленинградской террористической группы он узнал лишь из обвинительного заключения.

Так ли это было в действительности? Не так. Зиновьев посылал Бакаева в Ленинград, чтобы связаться с группой Николаева — Котолынова, чтобы Бакаев проверил, как Николаев, Котолынов, Мандельштам и другие готовили преступление.

Здесь опять-таки обман, ложь, опять-таки маскировка.

«Мы искали с ним сближения». Зиновьев уже в 1935 году должен был, при всей своей маскировке, признать, что он искал сближения с Котолыновым и Николаевым, и нашел это сближение. Теперь это установлено с абсолютной точностью.

Зиновьев рассказывает, что в 1932 году он виделся с Левиным, расстрелянным в 1935 году по делу об убийстве т. Кирова, и добавляет: «Организационных разговоров у нас не было. Да в этом и не было особой нужды: меня понимали с полуслова, я для него был авторитетом, и он для меня тоже был авторитетом; я знал, что этот человек из группы безвожденцев будет делать так, как мы скажем». Здесь еще содержится ряд полунамеков, полупризнаний, на основе которых впоследствии только, собрав полностью ряд изобличающих Зиновьева улики, можно было обеспечить и полное признание Зиновьевым своего участия в этом преступлении. Теперь Зиновьев уже не скрывает того обстоятельства, которое Бакаев вчера усиленно хотел здесь ослабить.

Еще в январе 1935 года по делу «Московского центра» Зиновьев признал, что Владимир Левин особенно близок был с Бакаевым. А вот вчера Бакаев пытался ослабить эту близость, ослабить ее ссылкой на то, что он ездил к Левину в Ленинград не для конспиративных целей террористического порядка, которые как раз, однако, только и возможны при наличии такой близости. Он все время пытался сказать: вычеркните из показаний и из обвинительного заключения слова «для этой цели».

Нет, Бакаев этого мы не вычеркнем, этого вычеркнуть нельзя, ибо вы ездили «для этой цели» как мастер сих дел, террористических дел, и ездили не случайно!

Почему Зиновьев не послал в Ленинград Рейнгольда, Пикеля, не послал даже Евдокимова? Почему для переговоров с ленинградской группой, с группой будущих убийц т. Кирова, Зиновьев выбрал именно Бакаева? Ответ на этот вопрос я нахожу в объяснениях Зиновьева и отчасти Бакаева на процессе 15—16 января 1935 г. На Бакаева падает выбор Зиновьева потому, что Бакаев был наиболее близко связан с Левиным, который был представителем зиновьевцев в Ленинграде, который был руководителем ленинградской террористической подпольной организации, что он и сам признал на суде Военной коллегии в прошлом году. Подтверждение этому мы находим и в показаниях Зиновьева: «Знал его особенно близко Бакаев, он был одним из крупных организаторов антипартийной борьбы в Ленинграде...»

Только ли, подсудимый Зиновьев, антипартийной? Антисоветской борьбы, контрреволюционной борьбы, борьбы, которая по самому своему существу носила явно контрреволюционный, противогосударственный, антисоветский характер!

Дальше Зиновьев говорил: «Я ему не давал никаких поручений». Но это, знаете, такое иезуитство, что дальше итти некуда. Это похоже на то, как один иезуитский монах, когда его спросили: «Проходил ли этот человек здесь?» — ответил, показывая пальцем у себя в рукаве: «Здесь он не проходил»...

С Левиным вы связи не имели, но вы имели эту связь через Бакаева. Бакаев ездил по вашему поручению. И, следовательно, когда вы говорили: «Я ему не давал никаких поручений», — вы опять обманывали!

Не один Бакаев выполнял ваши поручения. Все вы — и Каменев, и Зиновьев, весь ваш центр — вели переговоры с Левиным, Котолыновым, Николаевым, Румянцевым, Сосицким, Мандельштамом и рядом других членов этой разгромленной, уничтоженной банды ленинградских зиновьевцев. Весь ваш центр проверял, как ленинградская зиновьевская банда готовила это преступление, с нетерпением ожидая, когда будет, наконец, уничтожен этот верный сын нашей партии, руководитель ленинградских большевиков и пламенный трибун Сергей Миронович Киров. И они дождались этого убийства.

Здесь на суде Зиновьев признал, что он форсировал это убийство. Он спешил, он лихорадочно хватался за таких, как Николаев и Котолынов, чтобы поскорее осуществить это убийство. Не последним мотивом здесь было и желание перекрыть троцкистских террористов. Троцкисты нажимали.

Зиновьев признал, что Смирнов тоже торопил. Все они торопились. Троцкисты действовали более решительно и энергично, чем действовали зиновьевцы. Зиновьеву известно было, что из-за границы прибывали троцкистские террористы. И Зиновьев объявил «делом чести» — позорно употреблять здесь это слово — скорее осуществить свой преступный замысел, скорее, чем это смогут осуществить троцкисты! Отсюда лихорадочное нетерпение Зиновьева. Вот почему он каждый день ждал, когда же, наконец, раздастся предательский выстрел в Ленинграде.

Вся его деятельность заключалась именно в том, чтобы возможно быстрее, возможно скорее и возможно успешнее осуществить это свое злодеяние!

Так рисуются роль и поведение в этом деле Зиновьева!

Кончая этот эпизод, я хотел бы теперь получить от Зиновьева прямой ответ: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но всю уголовную ответственность и притом полную ответственность за подготовку, организацию и совершение убийства Сергея Мироновича Кирова? Конечно, Зиновьев скажет — «да». Иначе он не может сказать. Он так уже сказал в первый же день процесса, сжатый железной цепью улик и доказательств.

Почти аналогичная позиция была на том же процессе и у Каменева. Аналогичная позиция была и у Бакаева. Каменев говорил, что он не знал о том, что был «Московский центр». Желая разыграть благородного человека, он говорил, что поскольку этот центр был, и это доказано, он за него отвечает...

У Каменева так выходило: не знал, что был центр, но если центр был, значит, знал. Но Каменев знал о существовании центра, действительно знал. Это было доказано. А теперь это подтверждено новыми доказательствами, которые добыты в связи с открытием ряда новых преступных шаек, действовавших в том же направлении. Доказательства эти пролили полный свет на это кошмарное и страшное дело.

И тогда Каменев попытался показать себя политически ослепшим человеком. Он говорил: «Я ослеп — дожил до пятидесяти лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал, в котором участвовал действием и бездействием, словом и молчанием».

Какой-то спиритуализм, спиритуализм и черная магия!

Мы это и тогда понимали как простую попытку прикрыться какими-то фальшивыми словами и под фальшью этих рассуждений скрыть истину. Теперь это все окончательно разоблачено. Нет, Каменев не ослеп. Каменев очень хорошо видел и знал, что он делал. Он прекрасно видел, что делалось вокруг него, потому что он организовал то, что вокруг него делалось. Каменев не ослеп, потому что он действовал и словом и молчанием. Молчанием, когда он не говорил: «Не действуйте», — когда он

обязан был это сказать, и словом, когда он говорил: «Действуйте», — когда, может быть, некоторые из младших его помощников колебались и обращались к нему, как к авторитету, как к наставнику.

Каменев заявил: «Я хочу сказать, не в оправдание свое, раньше я этого не помнил, а теперь вспоминаю, что когда-то мне Зиновьев сказал, что у него был Сафаров и предлагал какой-то блок. Я сказал, что не буду принимать никакого участия ни в каком блоке, так как никогда не верил этому человеку. Это Зиновьев может подтвердить. Я не был против разговора. Я разговаривал». С кем разговаривал?

«С Толмазовым и Шацким» А Толмазов и Шацкий — это активные члены ленинградской зиновьевской банды, убившей т. Кирова.

Каменев разговаривал с Толмазовым и Шацким, то есть с одним из главных организаторов убийства т. Кирова. Значит, на эти разговоры Каменев шел, ведя эти разговоры через Бакаева. Но это он пытался скрыть.

Доказывая, что он никакого отношения к террору не может иметь, Каменев встал в позу и заявил: «Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договориться с нами, потеснится и даст нам место... Последние два года не было этих мечтаний, не было просто потому, что я не мечтатель и не фантазер. В нашей среде были фантазеры и авантюристы, но я к этой категории не принадлежу».

Я думаю, что сейчас Каменев несколько иначе будет квалифицировать свое участие в этом деле. Что же Каменев ставил своей задачей: ставил ли он ставку на боевую борьбу или не ставил?

Тогда он говорил — «нет». Теперь, два дня тому назад, он сказал — «да». Тогда он говорил — «нет», потому что он знал, он видел, что у нас нет еще всех нитей этого кошмарного преступления, потому что тогда, по состоянию следственного материала, не были раскрыты до конца все эти нити. Тогда он говорил — «нет». Сейчас, когда все уже вскрыто, он говорит — «да».

Характерный факт! Он свидетельствует, какую большую, решающую роль играли в этой преступной каменевской «работе» личные мотивы. Каменев думал, что должно прийти такое время, когда ЦК потеснится и даст ему место. А ежели не потеснится? И не освободит ему там место? Тогда он, Каменев, примет меры, чтобы место это освободилось.

Вот вся логика и политика Каменева! Логика и политика, которые никак не позволяют согласиться с тем, что он не

принадлежит к категории людей, которых он сам назвал авантюристами. Нет. Он принадлежит, очевидно, к этой категории людей, как и к другой категории — к «фантазерам». Фантазии тут не мало. А желания претворить эту фантазию в практику, в жизнь, в живое дело, хотя бы путем авантюр, через блок со шпионами, диверсантами, охранниками, убийцами и путем непосредственных убийств — много, на это Каменев шел, к этому Каменев был готов.

Вот что еще он говорил на ленинградском процессе: «Я говорю перед портретами этих великих строителей социализма...» А надо сказать, что там был и портрет, обрамленный траурной каймой, — портрет т. Кирова. Каменев клялся на суде перед портретом убитого Каменевым Кирова!

«...Перед портретами этих великих строителей социализма я преступник, если у меня не хватило сил самому уйти и увести кого можно было...»

Ложь! Опять лицемерие, коварство, вероломство, цинизм!

ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЙ ЦЕНТР УБИЛ ТОВАРИЦА КИРОВА

Выше я поставил вопрос: была ли организация, был ли троцкистско-зиновьевский террористический центр? Отвечаю: да, он был, он возник в 1932 году. В его составе были Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский.

Этот центр был, и, что самое важное, он сложился по прямому указанию Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он сложился по прямой директиве Троцкого о терроре как единственном средстве борьбы против руководства Советской страны. Он сложился в условиях сугубой и строгой конспирации. Одного представителя этой конспиративной школы Троцкого — Зиновьева — Каменева мы имели возможность вчера наблюдать здесь в лице подсудимого Гольцмана. На скамье подсудимых в лице Смирнова сидит другой конспиратор. Центр был и действовал; он пустил в ход не только методы прямого вероломства, обмана и предательства, но, как теперь это в точности установлено, организовал и установил тайные связи с германскими фашистами, с которыми он спарил германских троцкистов, используя их для борьбы с нашим руководством и используя их связи с германским гестапо в лице Тукалевских, Ольбергов и т. п.

Я считаю абсолютно доказанным личными показаниями буквально всех подсудимых, в том числе в этой части и Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгуя

самыми грязными и циничными способами борьбы. Я считаю абсолютно доказанным, что этим центром был подготовлен ряд террористических покушений на Украине, в Москве и в Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленинграде убийство Сергея Мироновича Кирова.

Убийство Сергея Мироновича Кирова входило, как я уже сказал, в общий план подготовлявшихся заговорщиками убийств руководителей Советского государства и ВКП(б). Это было установлено, между прочим, и показаниями Евдокимова. Я прошу суд обратить внимание на показания Евдокимова от 10 августа, где он говорит, что убийство Кирова было осуществлено по прямой директиве объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока, где он говорит, что в 1934 году Зиновьев дал на этот счет прямую директиву. Бакаев это также подтвердил. Решение об организации убийства Кирова было принято Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и Бакаевым и представителями Троцкого — Мрачковским и Тер-Ваганяном.

Показания Евдокимова, на которые я сейчас ссылаюсь, говорят, что Бакаев, с целью подготовки убийства, был направлен в начале ноября 1934 года, т. е. за несколько дней до совершения Николаевым убийства Кирова в Смольном, в г. Ленинград для проверки подготовленности этого убийства. Бакаев имел личное свидание с Николаевым, приехал в Москву, сообщил об этом Евдокимову, Зиновьеву и Каменеву, которые с удовлетворением отметили успешный ход подготовки этого злодейского преступления и стали ждать этого выстрела. Бакаев предупредил Николаева и его сообщников, что они должны ждать сигнала Зиновьева, что они должны стрелять в Ленинграде одновременно с тем, как раздадутся выстрелы в Москве и Киеве.

Все это судом теперь доказано. Пусть подсудимые посмеют это оспаривать в своих защитительных речах!

После длительного запирательства на предварительном следствии Зиновьев дал ряд показаний, о которых я говорил выше. Характерная деталь. Еще осенью 1932 года на даче у Зиновьева и Каменева (у них была совместная дача, которую, кстати сказать, Каменев однажды назвал источником своих бедствий) было поручено Бакаеву подготовить террористический акт против товарища Сталина, а Кареву — против т. Кирова, но потом положение изменилось, так как Карев оказался арестованным, а Каменев и Зиновьев оказались в ссылке.

Наступил 1933 год — год оживления террористических настроений, год возобновления деятельности троцкистско-зиновьевского центра, и вот уже здесь дается поручение Бакаеву и начинается основная подготовка к убийству т. Кирова.

Каменев говорит: «Я не знал, как практически шла эта подготовка, потому что практическое руководство по организации

этого террористического акта осуществлял не я, а Зиновьев». Обвиняемый Каменев, вам было известно, что Бакаев ездил в Ленинград проверять, как там шла подготовка? Да, было известно. Вам было известно, как Бакаев, проверив и убедившись, что все идет успешно, приехал в Москву и доложил вам о ходе подготовки? Было известно. Как же после этого вы позволяете себе говорить, что вы не принимали практического участия в осуществлении убийства Кирова! Ваша попытка свалить все это на Зиновьева просто недоброкачественна.

Каменев говорит так: «Было решено убить»,— и добавляет: «Я к этому решению присоединился». Разве это не практическое осуществление?

Бакаев упорно заперся на предварительном следствии и отрицал свою роль в подготовке убийства Кирова, но его изобличил Карев, который напомнил ряд фактов, и тогда уже, после этого, Бакаев признался. Именно поэтому, ввиду полного сознания Бакаева, я и отказался от допроса Карева на суде.

Убила Сергея Мироновича Кирова рука Николаева, Котолынова, его группа. Но кто еще убил? Я спрашивал Зиновьева: «Когда организовался объединенный центр?» Зиновьев ответил: «Летом 1932 года».— В течение какого времени он действовал? Зиновьев: «Фактически до 1934 года»...

На этом вопросе я хочу остановиться подробнее. В 1932—1933 годах Каменев и Зиновьев были в ссылке, а центр действовал. Известно, что в 1934 году не был на свободе и Смирнов, он был арестован 1 января 1933 г., а центр действовал. И Зиновьев подтверждает, что центр действовал. Я делаю вывод, что если действовал центр, то это благодаря хорошо организованной технике связи, которая позволяла даже не находящимся на свободе, как, например, Смирнову, принимать участие в руководстве работой этого центра.

Я знаю, что Смирнов будет защищаться тем, что он от центра отошел: «Я же ничего не сделал, я же сидел»,— скажет Смирнов. Наивное утверждение! Смирнов сидел с 1 января 1933 г., но мы знаем, что он организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами, так как был обнаружен шифр, которым он сносился из тюрьмы со своими товарищами. Это свидетельствует о том, что связь была, и Смирнов этого отрицать не может.

Но и это не решает вопроса, ибо, в конце концов, для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев и Каменев, ответственен за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством еще в то время, когда они были на свободе. Смирнов, Зиновьев, Каменев—они были организаторами центра; они дали направление деятельности своих террористов, всех этих Пикелей, Дрейцеров и других. Они же в полной

мере и должны отвечать за это, независимо от того, находился ли кто-либо из них в это время на свободе или нет. Это элементарно, и на этом подробно, я думаю, можно не останавливаться.

Как руководители они должны отвечать за всю преступную деятельность руководимой ими организации и всех тех групп, которые возникли на вспаханной ими почве.

В чем выражалась деятельность центра? Зиновьев сказал: «Главное заключалось в подготовке террористических актов против руководства партии и правительства». Я спросил: «Против кого?» Зиновьев ответил: «Против руководителей».

Я спросил: «То есть против Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром или какой-нибудь другой организацией?»

Зиновьев: «Да, нашим центром».

Я спросил: «В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян?»

Зиновьев: «Да».

На мой вопрос: «Значит, вы организовали убийство Кирова?»

Зиновьев ответил: «Да».

За это преступление и должны отвечать Зиновьев и Каменев, и Смирнов, и Мрачковский, и Тер-Ваганян, и все остальные.

Наиболее упорно запирается Смирнов. Он признал себя виновным лишь в том, что был руководителем троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Правда, он сказал это в несколько юмористической форме. Обратившись к Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Драйцеру, он им сказал: «Вы хотите вождя? Ну, возьмите меня». Но вы, обвиняемый Смирнов, и были таковым.

Смирнов был руководителем троцкистского подполья. Не случайно Зиновьев и Каменев рассматривали его как представителя Троцкого, как заместителя Троцкого, как действительного руководителя всего троцкистского подполья. В этом он, в конце концов, и сам признался.

Я не знаю, что Смирнов скажет в последнем слове. Но полагаю, что на основании имеющихся материалов предварительного следствия и материалов судебного следствия у меня имеются все основания заявить следующее: 1) обвиняемый Смирнов признал, что он был в течение ряда лет действительным руководителем троцкистского подполья; 2) он признал, что был представителем и заместителем Троцкого в СССР; 3) он признал, что в 1931 году был в Берлине и встретился там с Седовым, и 4) он признал, что Седов сообщил ему о террористических задачах и дал террористические установки.

Правда, Смирнов отрицает, что это была установка Троцкого. Он говорит, что это было «личное мнение» Седова. Однако, приехав в СССР, он это «личное мнение» Седова счел необходимым передать своим товарищам по подполью.

Мы его спросили: где же логика? Если это было личное мнение Седова, да еще такое, с которым Смирнов был не согласен, как он утверждал, зачем ему было это передавать другим членам подполья? Передавать, да еще не говорить, что он не согласен. Все его товарищи по контрреволюционному подполью уличают его, что он не заикнулся о своем несогласии с этой установкой.

Что же следует в таком случае считать установленным? Встреча с Седовым в 1931 году была? — Была. Седов — сын Л. Троцкого — является его ближайшим и первым помощником во всей его политической деятельности? — Является. Во время этой встречи Седов со Смирновым говорил? — Говорил. Это Смирнов признает. Говорили о терроре? — О терроре. И это Смирнов признает. Что же касается того, как понял Смирнов Седова, то для обвинения, в конце концов, это совершенно безразлично. Если Смирнов понял разговор с Седовым не как установку, ему незачем было передавать ее товарищам по своей подпольной группе. Если он этот разговор передал и не сказал о своем несогласии с ним, значит это была «установка», и иначе и быть не могло.

Смирнов говорит, что он не был согласен с этой установкой. Однако, если он не был согласен с нею, он как достаточно опытный подпольщик, фракционер и контрреволюционер должен был понимать, что он обязан был порвать с этой группой, уйти от этой группы. Иначе он не был бы политическим деятелем, тем более руководителем подполья. А ведь Смирнов был не просто рядовым членом троцкистской группы. Смирнов — это не Гольцман. Гольцман — это ухудшенное издание Смирнова, но Смирнов — не Гольцман. Смирнов — это Смирнов. Он руководитель. Как же руководитель остается участником подпольной группы, не будучи согласен с основной линией этой группы?! А основная линия этой группы — террор. И если он говорит, что в 1931 году он слова Седова не понял как установку, а принял их как его личное мнение, то в 1932 году он получил уже непосредственную установку от Троцкого через Юрия Гавана. В это время он уже не мог более ссылаться на то, что это было чье-то «личное мнение», ибо если это и была действительно «личная» установка, то установка Троцкого!

От личной установки Седова лежит прямой путь к установке Троцкого. Нет никаких личных установок! Есть троцкистское решение, линия Троцкого на террор! Вы, Смирнов, ее получили в 1931 году и в 1932 году получили директиву и от Дрейцера,

не лично, но я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и сидели в политизоляторе.

В 1932 году вы получили директиву Троцкого от Гавена. Троцкий прямо говорит: террор, убрать Сталина, убить Ворошилова, убить руководителей партии и правительства. Вы, Смирнов, это указание получили. Вы говорите: «Я получил его, но не принял». Если вы не приняли и если вы в какой-нибудь мере все-таки сохранили в себе понятие политической чести, то вы не могли в 1932 году, выслушав это указание Троцкого, пересланное вам через Гавена, не порвать с троцкистской организацией. Вы это понимаете, поэтому вы и говорите: «Я порвал, я ушел». Но кому вы сказали, что ушли? Никому не сказали. Не знал об этом Мрачковский, не знал об этом Тер-Ваганян, не знала об этом даже Сафонова. Никому вы не сказали! Никто не знал!

Следовательно, мы не имеем никакого права доверять этим вашим утверждениям. Мы можем утверждать, что вы в 1932 году получили от Троцкого директиву о терроре, и вы ее приняли. Вы не были бы Смирновым, если бы оставались в троцкистской группе, не будучи согласны с основной установкой этой группы, не будучи согласны с установкой такого авторитета, каким являлся для вас Троцкий. Мы знаем, что в своей защитительной речи вы будете проклинать Троцкого. Вам никто не поверит потому, что вы на этом суде не сказали и не хотите сказать и двух слов правды о своей работе в террористическом центре. Вы даже вчера хотели скрыть роль Путна. Вы хотели сохранить резерв, который, может быть, не будет окончательно разоблачен. Вы хотели сохранить резерв для Троцкого, для вашего проклятого троцкистского подполья!

Я считаю, что все приведенные мною обстоятельства позволяют установить следующее в отношении Смирнова.

Первое. Смирнов был членом объединенного центра троцкистско-зиновьевской террористической организации. При его участии этот центр был организован. Следовательно, он один из важнейших организаторов центра.

Второе. Он организовал этот центр на основе директивы Троцкого, полученной им в 1931 году. Он придал этому центру террористический характер и террористическое направление его деятельности.

Третье. В 1932 году Смирнов получил от Троцкого вторую директиву. Это с бесспорностью установлено. Все попытки Смирнова доказать, что, получив эту директиву, он не присоединился к ней, хотя в то же время оставался в рядах троцкистского подполья, шиты белыми нитками.

Товарищи судьи, есть еще одно очень важное обстоятельство. Можно так поставить вопрос: ну, террористическая основа, ну, террористические настроения, разговоры о том, что террор

есть единственное средство,— но как обстоит с организацией практических мероприятий, направленных на сколачивание террористических групп, на осуществление террора?

Тер-Ваганян говорил, что шла такая работа по сколачиванию террористических групп, но это была подготовительная работа, которая не выходит за пределы подготовки. Разве в действительности только так обстояло дело?

Конечно, не так. Зиновьевцы пошли за троцкистами и, в частности, за Смирновым, который убежденно и горячо настаивал на скорейшем осуществлении террора, и не вообще на осуществлении террора, а на осуществлении террора против товарищей Сталина, Кирова, Ворошилова и других наших руководителей. Ведь товарищи Сталин и Киров разгромили эту бесчестную оппозицию. Поэтому вполне понятно, что Смирнов, этот последовательный и вполне убежденный, непримиримый троцкист, должен был направлять всю силу своих организационных способностей на то, чтобы подготовить убийство раньше всего руководителей ЦК нашей партии, руководителей нашей страны. Смирнов убеждал Зиновьева: давайте поскорее осуществим террористический акт, давайте поскорее уьем Сталина, Кирова и Ворошилова. А Зиновьев, петушком поспевающий за троцкистами, волнуется, кипит, как бы не отстать...

Смирнов убеждал Зиновьева с убийством поторопиться. С платформой он не торопится. Он говорит: в один присест можно ее составить. Зачем платформа, когда есть более верное, по их мнению, средство — убийство! Смирнов наметил и дал в руки своим агентам конкретный план организации террористических актов. Убийство т. Кирова было совершено в осуществление этого плана, за который Зиновьев, как и Каменев, Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян должны нести полностью ответственность перед советской страной, перед советским народом, перед советским пролетарским судом.

МАСКА С ОБВИНЯЕМЫХ СОРВАНА

Я считаю, что вина Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева полностью установлена и что я могу освободить себя от обязанности перечислять многочисленные факты и подвергать анализу материал судебного следствия, изобличающий их в полной мере. Я хочу подчеркнуть лишь, что рядом с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым должны стоять Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский. Они должны стоять с ними плечом к плечу. Они вместе направляли свою преступную деятельность против нашего правительства, вместе убивали т. Кирова, а поэтому вместе и полностью должны за это и отвечать.

Смирнов прекрасно понимает это, и поэтому он занял позицию отрицания. Сначала он все отрицал: он отрицал наличие троцкистской организации, он отрицал наличие центра, он отрицал свое участие в центре, он отрицал связь с Троцким, он отрицал какие-либо нелегальные задания, которые он давал даже в 1936 году, а мы знаем, что этот большой конспиратор сумел организовать передачу преступных указаний своим сторонникам, даже будучи изолирован. Он все отрицал — он отрицал наличие троцкистского центра в 1931 году, он отрицал существование такого центра в 1932 году, — он все отрицал. Весь его допрос от 20 мая состоит из одних слов: «я это отрицаю, еще раз отрицаю, отрицаю». Это единственное, что ему оставалось делать.

Обвиняемый Смирнов, вам изменил ваш опыт, вам изменило ваше искусство обманывать. Будучи изблечены показаниями Сафоновой, Мрачковского, Тер-Ваганяна, вы вынуждены были признать, что центр был, что вы были членом центра. Ваше отрицание вам не помогло. Вы отрицали и говорили, что никакие директивы о терроре не получали, но вас в этом изблечил Гавен, и вы это признали, вас изблечил Гольцман, который получил поручение от Троцкого передать вам лично, и только вам, директиву о том, что сейчас необходимо перейти к террору. «Сугубо законспирированный троцкист» Гольцман говорит, что он это поручение получил, но не передал, и вы думаете, что этому можно будет поверить? Нет, этому никто не поверит.

Гольцман занял такую же позицию, что и Смирнов: «Я признаю все, кроме террора», — потому что он знает, что за террор может свалиться с плеч его голова. В терроре Смирнова изблечил и Гольцман, и Мрачковский, и Сафонова, и Дрейцер.

21 июля вы, Смирнов, дали несколько иные показания, т. е. вы вначале отрицали получение какой-либо директивы об организации террора от Троцкого, а здесь вы это признаете. С отрицанием у вас не вышло. На очной ставке с Мрачковским вы продолжали отрицать получение директивы от Троцкого и дачу Мрачковскому поручения организовать террористическую группу. Мрачковский вас стыдил, говоря: «Что же вы, Иван Никитич, из грязного кровавого дела хотите выйти в белой рубашечке?» Я могу это повторить: «Неужели вы думаете, подсудимый Смирнов, что вы из этого кровавого дела выйдете невредимым?». Вы на слова Мрачковского ответили: «Выдумка и клевета», — а потом вы все же кое-что признали.

Ведь вы признали, что блок был организован на базе необходимости террора и что, таким образом, вы являлись одним из организаторов террористического центра. Вы получили от Троцкого директиву о терроре. Вы развили на этой основе террористическую преступную деятельность, правда, вам немножко

помешал участвовать в осуществлении этой деятельности ваш арест. Но все же вы помогли этому делу всячески, как только могли.

Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии, в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказательств, приводимых Сафоновой, он измышляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет.

Сафонова — его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет, и на личные счеты он сваливать не может. Он говорит: «Не помню», «очевидно, такой разговор мог быть». Его спрашивают: «Был разговор об организации террора?» — «Не был, а мог быть». Такая же животная трусость им руководит сейчас, когда он, маекируясь, говорит: «Мне на это нечего отвечать». Но 13 августа он вынужден был признать, что в 1932 году этот разговор был, что он, Смирнов, за это несет полную ответственность и сейчас он от этой ответственности уклоняться не собирается.

Я хочу перейти к Тер-Ваганяну. У него вначале тоже была такая позиция отрицания, но 14 августа он дал более правдивые показания. Суммируя его показания и все поведение на суде, можно прийти к нескольким твердым выводам: можно считать установленным, что Тер-Ваганян был членом троцкистско-зиновьевского центра, что он принимал деятельное участие в организации этого центра, что он задания центра осуществлял на основе директивы Троцкого, которая была получена через Смирнова и о которой ему было известно от Смирнова. Он пытается утверждать, что фактически ничего не сделал. Но я должен заранее сказать, что если бы он и «не сделал ничего», то и того, что он сделал, достаточно, чтобы предъявить ему ст. ст. 58⁸, 19—58⁸ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР.

Моисей Лурье и Натан Лурье. Мы здесь слышали показания Натана Лурье о том, как он прибыл сюда и с какими целями, какую он развернул работу по подготовке террористических актов под руководством Моисея Лурье, как он явился по сути преемником той группы, которая до него уже была сколочена здесь Францем Вайцем, фашистским агентом и доверенным лицом Гимmlера, начальника фашистской черной охранки, начальника германских охранных отрядов, а впоследствии начальника германского гестапо.

Вы помните все их показания, и я полагаю, что на этом можно подробно не останавливаться. Полностью категорично и бесспорно доказана подготовка террористических актов Натаном Лурье и Моисеем Лурье. Они полностью должны нести ответственность за это преступление!

Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показал, старался показать, как глубоко и низко было падение этих людей, и моральное и политическое. И, может быть, одно из наиболее ярких и характернейших доказательств безграничного морального падения этих людей, у которых нет даже тех моральных, хотя и в кавычках, устоев и тех правил поведения, которые существуют даже у закоренелых преступников и бандитов, это то, о чем говорил здесь Рейнгольд.

Я говорю об их плане уничтожения следов своих злодейских преступлений.

Разве случайно, товарищи судьи, они, рассчитывая на успех своего злодейского плана, намечали председателем ОГПУ никого другого, как Бакаева? Именно Бакаева, который известен как злобный ненавистник, как человек решительный, как человек настойчивый, упорный, с очень большой волей, с громадным характером и выдержкой, человек, который не способен останавливаться ни перед какими средствами для достижения этих целей, которые он перед собой поставил!

Если некоторые из обвиняемых совершенно спокойно намечали себе путь к власти через горы трупов лучших людей нашей советской земли, то едва ли Бакаев был здесь не самым решительным и не самым неумолимым исполнителем этого плана! Именно этот человек и предназначался в качестве председателя ОГПУ в случае успеха заговора.

Я не останавливаюсь на смехотворном распределении портфельей между заговорщиками и террористами. Я подчеркиваю только еще раз, что никто другой, а только Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготавливаемом государственным заговоре, и поэтому они считали важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, а затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их поручений.

Первую часть Каменев и Зиновьев не отрицают, а вторую часть отрицают. Она слишком кошмарна, и Зиновьев сказал, что это из Жюль Верна. Но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали? Разве мы не знаем некоторые соседние государства, в которых такие эксперименты были, где участники заговора физически уничтожались рукой организаторов заговора, как это и было с уничтожением Рема и его сподвижников!

Вы сами, подсудимый Зиновьев, говорите, что Бакаев предназначался на пост председателя ОГПУ, чтобы использовать его для уничтожения следов преступлений. Так почему же вы это называете Жюль Верном? Вы избрали порочный способ защиты.

Это большого значения для дела не имеет, но не в этом вопрос и не в этом суть. Это один из замечательных штрихов,

характеризующих людей, которые претендовали на руководство нашей страной. Это говорит о том, какое счастье, что они своевременно были отстранены от участия в этом руководстве!

Зиновьев и Каменев говорят, что это фантазия, арабские сказки, но позвольте: а убийство зиновьевского секретаря Богдана — это что?! Сказка? Зиновьев не мог ничего сказать по этому поводу, но Рейнгольд это разоблачил, а Пикель это подтвердил.

Бакаеву было указано Зиновьевым на Богдана, как на подходящего для террористических актов человека.

Рейнгольд говорит, Пикель подтверждает, а Бакаев от этого отрещивается и прячется. Но это факт, от которого уйти никто не сможет. Рейнгольдом и Пикелем доказано, что «самоубийство» Богдана было в действительности убийством. Оно выполнено было Бакаевым по поручению объединенного центра «Ты колеблешься осуществить задание нашего объединенного троцкистско-зиновьевского центра? Мы тебя уьем или сам убей себя», — так говорил Богдану Бакаев, и Богдан не выдержал.

Это было началом плана, разработанного Зиновьевым и Каменевым на случай успеха террористического заговора. Самоубийство Богдана Зиновьев и Каменев постарались изобразить как гибель «жертвы» нашего советского режима. Но вы же сами довели Богдана до самоубийства, поставив перед ним дилемму: или итти на террористический акт, или покончить с собой.

Если вы, товарищи судьи, поставите этот эпизод в общую связь со всеми методами борьбы, со всеми методами «работы» этой преступной шайки, вы легко поймете всю правдивость показаний Рейнгольда и Пикеля, которые здесь на суде еще и еще раз разоблачили Зиновьева, Каменева и Евдокимова как авторов ряда тяжких преступлений.

ВЗБЕСИВШИХСЯ ПСОВ РАССТРЕЛЯТЬ ВСЕХ ДО ОДНОГО!

Я, товарищи судьи, кончаю. Подходит последний час — час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны. Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова и других руководителей нашей страны победившего, растущего и расцветающего нового, социалистического общества.

Печальный и позорный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах, хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма.

Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой «Народной воли», пытались сравнить кое-кого с героическими террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадно жестоким врагом — царским правительством. Называли и имя Гершуни, говоря не то о Бакаеве, не то Смирнове. Это не выдерживает никакой критики.

То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполином, борьба за интересы народа. Мы, большевики, всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народовольцев. Гершуни не был большевиком, но и он боролся против царизма, а не против народа.

А вы кучка подлинных контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции, и выступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции! Вы выступили против свободы и счастья народов! Бесстыдное сравнение с эпохой народовольческого терроризма. Тронутый уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда, своими особыми путями и методами, но всегда безупречными, действовал во времена «Народной воли» в борьбе против царского самодержавия за свободу, — я решительно отмечаю кошунственную параллель. Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами — преступники, опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы — вождям советской страны, вождям трудящихся всего мира!

Враг коварен! Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые предъявляет закон в делах о тягчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые предъявлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила всех обвиняемых к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества. Ходатайство осужденных о помиловании Президиумом ЦИК СССР было отклонено. Приговор 25 августа 1936 г. был приведен в исполнение.

Военная коллегия Верховного суда СССР в приговоре указала, что находящиеся за границей Трoцкий Л. Д. и его сын Седoв Л. Л., изобличенные материалами дела и показаниями подсудимых в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского государства, в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

ДЕЛО АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

В 1933 году по прямому указанию высланного в 1929 году за пределы СССР врага народа Л. Троцкого наряду с существовавшим так называемым Объединенным троцкистско-зиновьевским центром в составе Зиновьева, Каменева, Смирнова и других, был создан в Москве подпольный так называемый параллельный антисоветский троцкистский центр, в состав которого вошли Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников и Л. П. Серебряков.

В антисоветскую троцкистскую организацию, действовавшую под непосредственным руководством этого «центра», как было установлено следствием, входили также привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу Лившиц Я. А., Муралов Н. И., Дробнис Я. Н., Богуславский М. С., Князев И. А., Ратайчак С. А., Норкин Б. О., Шестов А. А., Строиллов М. С., Турок И. Д., Граше И. И., Пушкин Г. Е. и Арнольд В. В.

Предварительным и судебным следствием было установлено, что на основании указаний врага народа Л. Троцкого антисоветский троцкистский центр основной своей задачей ставил свержение советской власти в СССР и восстановление капитализма и власти буржуазии путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности, направленной на подрыв экономической и военной мощи Советского Союза, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам и на поражение СССР.

В полном соответствии с этой основной задачей враг народа Л. Троцкий за границей, а параллельный антисоветский троцкистский центр в лице Радека и Сокольникова — в Москве вступили в переговоры с отдельными представителями Германии и Японии. Враг народа Л. Троцкий во время переговоров с одним из руководителей национал-социалистической партии Германии Рудольфом Гессом обещал, в случае прихода к власти троцкистского правительства в результате поражения Советского Союза, сделать в пользу Германии и Японии ряд политических, экономических и территориальных уступок за счет СССР вплоть до уступки Украины — Германии, Приморья и Приамурья — Японии. Одновременно враг народа Л. Троцкий обязался, в случае захвата власти ликвидировать совхозы, распустить колхозы, отказаться от политики индустриализации страны и реставрировать на территории Советского Союза капиталистические отношения. Кроме того,

враг народа Л. Троцкий дал обязательство оказывать всемерную помощь агрессорам путем развития пораженческой агитации, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности как в мирное время, так и, в особенности, во время их военного нападения на Советский Союз.

Члены антисоветского троцкистского центра Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков, во исполнение указаний врага народа Л. Троцкого, неоднократно получааемых Радеком, а также лично полученных Пятаковым при его свидании с врагом народа Л. Троцким в декабре 1935 года близ города Осло, развернули вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность.

Для непосредственного руководства антисоветской деятельностью на местах в некоторых крупных городах Советского Союза были созданы местные троцкистские центры. В частности, в Новосибирске по прямому указанию Пятакова был организован западносибирский троцкистский центр в составе Н. И. Муралова, М. С. Богуславского и Я. Н. Дробниса.

Диверсионная и вредительская работа в промышленности, главным образом на предприятиях оборонного значения, а также на железнодорожном транспорте проводилась по указаниям врага народа Троцкого и по заданиям и при прямом участии агентов германской и японской разведок и заключалась в срыве планов производства, в ухудшении качества продукции, в организации поджогов и взрывов заводов или отдельных цехов и шахт, в организации крушений поездов, в порче подвижного состава и железнодорожного пути.

При организации диверсионных актов исходили из указаний врага народа Л. Троцкого — «наносить чувствительные удары в наиболее чувствительные места», дополненных указаниями Пятакова, Лившица и Дробниса — не останавливаться перед человеческими жертвами, ибо «чем больше жертв, тем лучше, так как это вызывает озлобление рабочих».

В химической промышленности по заданиям Пятакова обвиняемыми Ратайчаком и Пушиным проводилась вредительская работа, направленная на срыв государственного производственного плана, на задержку строительства новых заводов и предприятий и на недоброкачественное строительство новых предприятий.

Кроме того, Ратайчак и Пушин в 1934—1935 годах организовали три диверсионных акта на Горловском азотно-туковом комбинате, причем два из них со взрывами, что повлекло за собой гибель рабочих и причинило большие материальные убытки.

По предложению Ратайчака диверсионные акты были также организованы на Воскресенском химическом комбинате и Невском заводе.

В угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна обвиняемые Дробнис, Норкин, Шестов и Строилов по указаниям Пятакова и Муралова проводили вредительскую и диверсионную работу, направленную к срыву добычи угля, к задержке строительства и развития новых шахт и химического комбината, к созданию путем загазования забоев и шахт, вредных и опасных для жизни рабочих условий работы, а 23 сентября

1936 г. участниками местной троцкистской организации по заданию Дробниса был организован взрыв на шахте «Центральная» Кемеровского рудника, повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих.

На железнодорожном транспорте диверсионная и вредительская деятельность Серебрякова и членов антисоветской троцкистской организации Богуславского, Лившица, Князева и Турок, в соответствии с установками антисоветского троцкистского центра, была направлена на срыв государственного плана погрузки, особенно по важнейшим грузам (уголь, руда, хлеб), на порчу подвижного состава (вагоны, паровозы), железнодорожного пути и на организацию крушений поездов, особенно воинских.

Князевым по указанию Лившица и заданию агента японской разведки г-на Х. в 1935—1936 годах был организован и совершен ряд крушений товарных, пассажирских и воинских поездов с человеческими жертвами, причем крушение воинского эшелона на станции Шумиха 27 октября 1935 г. повлекло смерть 29 красноармейцев и ранение 29 красноармейцев.

По прямому указанию врага народа Л. Троцкого членами антисоветского троцкистского центра Пятаковым и Серебряковым, на случай военного нападения на СССР, готовился ряд диверсионных актов в промышленности, имеющей оборонное значение, а также на важнейших магистралях железнодорожного транспорта.

Норкин по указанию Пятакова готовил поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Князев по поручению Лившица принял к исполнению задание агента японской разведки г-на Х. организовать во время войны взрывы железнодорожных сооружений, поджоги воинских складов и пунктов питания войск, крушения воинских поездов, а также проводить умышленное заражение бактериями острозаразных болезней подаваемые под войска эшелоны, а также пункты питания и санитарной обработки частей Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Наряду с диверсионной и вредительской деятельностью Лившица, Князев, Турок, Строилов, Шестов, Ратайчак, Пушин и Граше по поручению троцкистского антисоветского центра занимались сбором и передачей агентам германской и японской разведок секретных сведений, имеющих важнейшее государственное значение.

Ратайчак, Пушин и Граше были связаны с агентами германской разведки Мейеровитцем и Ленцем, которым в 1935—1936 годах передавали особо секретные материалы о состоянии и работе химических заводов, причем Пушин в 1935 году передал агенту германской разведки Ленцу секретные сведения о выработке продукции на всех химических предприятиях СССР за 1934 год, программу работ всех химических предприятий на 1935 год и план строительства азотных комбинатов, а подсудимый Ратайчак передал тому же Ленцу совершенно секретные материалы о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военно-химическим заводам.

Шестов и Строилов были связаны с агентами германской разведки Шебесто, Флесса, Флорен, Зоммерэггером и другими и передали им секретные сведения по угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна.

Лившиц, Князев и Турок систематически передавали агенту японской разведки г-ну Х. совершенно секретные сведения о техническом состоянии и мобилизационной готовности железных дорог СССР, а также о воинских перевозках.

По прямым указаниям врага народа Л. Троцкого антисоветским троцкистским центром было создано несколько террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Новосибирске, Сочи и других городах СССР, которые занимались подготовкой террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства — товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, причем некоторыми террористическими группами (в Москве, Новосибирске, на Украине, в Закавказье) непосредственно руководили члены антисоветского троцкистского центра Пятаков и Серебряков.

Организуя террористические акты, антисоветский троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

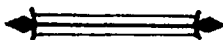
Так, осенью 1934 года Шестов по указанию Муралова пытался осуществить террористический акт против председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища В. М. Молотова во время его пребывания в Кузбассе, для чего участник местной троцкистской группы Арнольд пытался совершить катастрофу с автомашиной, в которой ехал товарищ В. М. Молотов.

Кроме того, Арнольд по подстрекательству Шестова готовил террористический акт против т. Г. К. Орджоникидзе.

Обвиняемые были преданы суду по ст. ст. 58^{1а}, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ УК РСФСР.

Дело это слушалось в Москве 23—30 января 1937 г. Военной коллегией Верховного суда Союза ССР.

Подсудимых защищали: Князева — член коллегии защитников И. Д. Брауде, Пушина — член коллегии защитников Н. В. Коммодов и Арнольда — член коллегии защитников С. К. Казначеев. Остальные подсудимые от защиты отказались.

ОСОБЕННОСТИ НАСТОЯЩЕГО ПРОЦЕССА

Товарищи судьи, члены Верховного суда Союза Советских Социалистических Республик! Приступая к исполнению своей последней обязанности по настоящему делу, я не могу не остановиться на некоторых, в высокой степени важных, особенностях настоящего судебного процесса.

Эти особенности заключаются, на мой взгляд, раньше всего в том, что данный судебный процесс в известном смысле подводит итог преступной деятельности троцкистских заговорщиков, боровшихся в течение многих лет, систематически и при помощи самых отвратительных, самых гнусных средств борьбы против советского строя, Советского государства, против советской власти и нашей партии. Этот процесс подводит итог борьбе против Советского государства и партии этих людей, начавших борьбу задолго еще до нынешнего времени, еще при жизни великого нашего учителя и организатора Советского государства — Ленина; людей, боровшихся при Ленине против Ленина, после Ленина — против его гениального ученика, верного хранителя ленинских заветов и продолжателя его дела — Сталина.

Особенности настоящего процесса заключаются еще и в том, что именно этот процесс, как лучами прожектора, осветил самые потаенные уголки, тайные закоулки, отвратительные углы троцкистского подполья.

Этот процесс показал и доказал, с каким тупым упорством, с каким змеиным хладнокровием, с какой расчетливостью профессиональных преступников троцкистские бандиты вели и ведут против СССР свою борьбу, не отступая ни перед чем — ни перед вредительством, ни перед диверсиями, ни перед шпионажем, ни перед террором, ни перед изменой родине.

Когда несколько месяцев назад в этом самом зале, на этих самых скамьях подсудимых сидели члены так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, когда Верховный суд в лице Военной коллегии судил тех преступников, — каждый из нас при виде преступлений, которые кошмарной картиной проходили перед нашими глазами, не мог не отпрянуть с ужасом и отвращением.

Каждый честный человек нашей страны, каждый честный человек в любой стране мира не мог тогда не сказать:

Вот бездна падения!

Вот предел, последняя черта морального и политического разложения!

Вот дьявольская безграничность преступлений!

Каждый честный сын нашей родины думал: такие гнусные преступления не могут повторяться.

Таких низко павших, таких подло предавших нас людей больше в нашей стране нет.

И вот теперь вновь нас охватывает недавно пережитое нами чувство! Вновь проходят перед нашим встревоженным и негодующим сознанием страшные картины чудовищных преступлений, чудовищных предательств, чудовищной измены.

Этот процесс, где сами подсудимые сознались в своей вине; этот процесс, где рядом с руководителями так называемого параллельного троцкистского центра — обвиняемыми Пятаковым, Сокольниковым, Радеком, Серебряковым — сидят на той же скамье подсудимых такие видные троцкисты, как Мурашов, Дробнис, Богуславский, Лившиц; где рядом с этими троцкистами сидят просто шпионы и разведчики — Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше, — этот процесс показал, до чего докатились эти господа, в какой омут окончательно и бесповоротно погряз контрреволюционный троцкизм, давно уже превратившийся в передовой и злейший отряд международного фашизма.

Этот процесс вскрыл все тайные пружины подпольной преступной деятельности троцкизма, весь механизм их кровавой, их предательской тактики. Он еще раз показал лицо настоящего, подлинного троцкизма — этого исконного врага рабочих и крестьян, исконного врага социализма, верного слуги капитализма.

Этот процесс показал еще раз, кому служат Троцкий и его сподручные, что представляет собой троцкизм в действительности, на практике.

Здесь, в этом зале, перед судом, перед всей страной, перед всем миром прошла вереница преступлений, совершенных этими людьми.

Кому на пользу их преступления? Во имя какой цели, во имя каких идей, во имя какой политической платформы или программы действовали эти люди? Во имя чего? И, наконец, почему стали они предателями родины — изменниками делу социализма и международного пролетариата?

Настоящий процесс ответил, на мой взгляд, с исчерпывающей полнотой на все эти вопросы, ответил ясно и точно, почему и как они дошли до жизни такой.

Как кинематографическая лента, пущенная обратным ходом, этот процесс нам напомнил и показал все основные этапы исто-

рического пути троцкистов и троцкизма, потратившего 30 с лишним лет своего существования на то, чтобы подготовить в конце концов свое окончательное превращение в штурмовой отряд фашизма, одно из отделений фашистской полиции.

Сами обвиняемые рассказывали о том, кому они служили. Но еще более красноречиво говорят об этом их собственные дела, их грязные, кровавые, преступные дела.

Много лет назад наша партия, рабочий класс, весь наш народ отвергли троцкистско-зиновьевскую платформу, как платформу антисоветскую, антисоциалистическую. Троцкого наш народ выбросил из пределов страны, его пособников вышвырнули из рядов партии, как изменивших делу рабочего класса и социализму. Троцкий и Зиновьев были разгромлены, но они не успокоились, не сложили своего оружия.

Троцкисты ушли в подполье, накинув на себя маски раскаявшихся и якобы разоружившихся людей. Следуя указаниям Троцкого, Пятакова и других руководителей этой банды преступников, ведя двурушническую политику, маскируясь, они вновь проникли в партию, вновь проникли на советскую работу, кое-кто пролез даже и на ответственные государственные посты, припрятав до поры до времени, как это теперь с очевидностью установлено, свой старый троцкистский антисоветский груз на своих конспиративных квартирах, вместе с оружием, шифрами, паролями, связями и своими кадрами.

Начав с образования антипартийной фракции, переходя все более и более к обостренным методам борьбы против партии, став, особенно после изгнания из партии, главным рупором всех антисоветских групп и течений, они превратились в передовой отряд фашистов, действующий по прямым указаниям иностранных разведок.

Судебный процесс объединенного троцкистско-зиновьевского центра уже разоблачил связи троцкистов с гестапо и фашистами. Настоящий процесс пошел в этом отношении дальше. Он дал исключительной доказательной силы материал, еще раз подтвердивший и уточнивший эти связи, подтвердивший полностью и уточнивший в процессуально-доказательном смысле и в полном объеме предательскую роль троцкизма, полностью и безоговорочно перешедшего в лагерь врагов, превратившегося в одно из отделений «СС» и гестапо.

Путь троцкистов, путь троцкизма завершен. На всем протяжении своей позорной и печальной истории троцкисты старались бить и били по самым чувствительным и опасным местам пролетарской революции и советского социалистического строительства.

Та директива, о которой здесь говорил Пятаков, полученная им от Троцкого, — «бить самыми чувствительными способами по

самым чувствительным местам», — эта директива представляет собой старую троцкистскую установку в отношении советской власти, в отношении социалистического строительства в нашей стране.

Особенной активностью, особенной решительностью, упорством, настойчивостью троцкистов в борьбе с советской властью отличается тот период, который совпал с окончательной победой в СССР социализма. И это вполне естественно. Эта победа далась нам не без преодоления громадных трудностей. Трудности и, в частности, те, которые мы встретили на своем пути в период 1929—1931 годов, особенно в деревне, эти трудности окрылили троцкистско-зиновьевское подполье, зашевелившееся, приведшее в движение свои щупальцы, пытавшееся ударить, по указанию Троцкого, в самое чувствительное место.

Чуя свою неминуемую гибель, остатки уничтоженных пролетарской диктатурой эксплуататорских классов и их агентура перешли к новой тактике, к новым формам, к новому курсу борьбы с советской властью, о которой здесь достаточно обстоятельно излагали и говорили суду обвиняемые.

Рост сопротивления враждебных пролетарской диктатуре классов окрылил троцкистско-зиновьевскую банду, которую к тому же воодушевляло и подстрекало на преступления против СССР и существующее до сих пор капиталистическое окружение СССР.

В расчете на ослабление советского тыла международная контрреволюция ускоряла подготовку интервенции. Известно ведь, что интервенты готовят удар против Советского Союза каждый год. Осколки контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группировки знали, что рядом с ними действуют другие защитники реставрации капитализма, другие отряды капиталистической агентуры в нашей стране. «Промпартия», кондратьевская «Трудовая крестьянская партия» — кулацкая партия, «Союзное бюро меньшевиков», деятельность которых была рассмотрена в свое время в судебных заседаниях Верховного суда, — все эти организации были вскрыты как организации вредителей и группы диверсантов, которые приветствовали борьбу Троцкого с нашей партией, с советской властью, зная, что в лице троцкистов они действительно имеют подобных себе, но более циничных, более наглых защитников свержения диктатуры пролетариата.

Что такое реставрация капитализма в нашей стране? В 1932 году троцкисты усиливают консолидацию с контрреволюционными антисоветскими группами, они завязывают связи с правой оппозицией для совместной борьбы против партии, против советской власти. Действительное содержание этой связи товарищ Сталин разоблачил на XVI и XVII партсъездах, показав, что

контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев с «капитулянтами без маски», как он выразился, объединяет стремление к реставрации в СССР капитализма. Эту программу товарищ Сталин назвал тогда программой презренных трусов и капитулянтов, контрреволюционной программой восстановления капитализма в СССР.

В свете сегодняшнего дня особенно ясно, какое огромное историческое дело сделал товарищ Сталин, показавший в 1931 году подлинное существо троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации в ее «новом» качестве. Товарищ Сталин в письме в редакцию журнала «Пролетарская Революция» писал: «На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР»¹. Товарищ Сталин заклеил троцкизм как передовой отряд контрреволюционной буржуазии, получившей именно из рук троцкистов духовное, тактическое и организационное оружие для своей борьбы с большевизмом, со строительством социализма.

В свете нынешнего процесса особенно ясно, какое исключительное историческое значение имеет это указание. В свете настоящего процесса особенно ярко представляется роль подпольных антисоветских троцкистских групп — этого основного канала всяких антисоветских настроений, надежд и чаяний, основного рычага, тарана, которым враги Советов пытаются пробить брешь в стенах нашего государства, сокрушить воздвигнутую нами крепость социализма.

Эту роль авангарда антисоветских фашистских сил троцкисты играли отнюдь не случайно. Уход троцкизма в антисоветское подполье, превращение его в фашистскую агентуру — только завершение его исторического развития.

Превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указанию иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, лишь завершило борьбу троцкизма против рабочего класса и партии, борьбу против Ленина и ленинизма, длившуюся десятилетия. Отвратительной борьбой троцкизм начал свой путь, на этом пути троцкизм стоит и сейчас, по этому пути идет все дальше и дальше, не зная в борьбе никаких пределов ненависти и злобы. Вся история политической деятельности троцкистов представляет собой сплошную цепь измен делу рабочего класса, делу социализма.

В 1904 году Троцкий выступил, как известно, с подлейшей брошюрой под заглавием «Наши политические задачи». Эта брошюрка была наполнена грязными инсинуациями по поводу нашего великого учителя, вождя международного пролетариата

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 98.

Ленина, великого ленинского учения о путях большевистской победы, победы трудящихся, победы социализма. В этой брошюре Троцкий брызжет ядовитой слюной, оплевывая великие идеи марксизма-ленинизма. Он пытается отравить этим ядом пролетариат, пытается свернуть пролетариат с пути непримиримой классовой борьбы, он клеветает на пролетариат, клеветает на пролетарскую революцию, клеветает на большевизм, на Ленина, называя Ленина «Максимиллианом» — именем Робеспьера — героя буржуазной французской революции, желая этим унижить великого вождя международного пролетариата.

Этот господин позволил себе называть Ленина вождем реакционного крыла рабочего движения, не зная никаких пределов в своей наглости и политическом бесстыдстве. В то время как Ленин и Сталин отбирали лучших людей, воспитывая их в политических боях с самодержавием, с царизмом, с буржуазией, сколачивая из них ядро большевистской партии, Иудушка-Троцкий спланировал единый фронт лакеев капитализма для борьбы против дела пролетариата. В 1911 — 1912 годах Троцкий организовал тоже блок, подобно тому как организовал затем троцкистско-зиновьевский блок, организовал так называемый «августовский блок» из прислужников капитала, из меньшевиков, из выброшенных из рядов большевистской партии, из размагниченных интеллигентов и отбросов рабочего движения. Об этом блоке Сталин писал: «Известно, что эта лоскутная «партия» преследовала цели разрушения большевистской партии»¹.

Ленин писал, что этот блок «построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе»². Троцкий и его сподручники отвечали потоком грязной клеветы, чернили Ленина и большевиков, называли их «варварскими», «сектантски-неистовыми» азиатами. О Троцком Ленин писал: «Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...»³. Против такого «типа», как называл Троцкого тогда Ленин, он предупреждал 20 лет тому назад партию и рабочий класс. В статье «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» Ленин писал: «Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело...»⁴.

Наш процесс помогает миллионам и миллионам молодых рабочих и крестьян, трудящихся всех стран ясно и отчетливо представить себе, с кем действительно мы имеем дело. Разрушить большевистскую партию, конечно, презренному троцкистскому блоку не удалось, но троцкисты не переставали и после

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 350.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 8.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 321—322.

⁴ Там же, стр. 322.

провала блока нападать на большевистскую партию, как только могли. Весь период с 1903 года по самый канун революции в истории нашего рабочего движения наполнен борьбой Троцкого и троцкистов с крепнущим и растущим в России революционным настроением масс, борьбой против Ленина и против его партии.

В 1915 году Троцкий выступает против ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране, уже 20 с лишним лет тому назад капитулируя, таким образом, полностью перед капитализмом.

Троцкий поочередно служит экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, социал-демократизму и национал-шовинизму в борьбе против Ленина, как теперь служит империализму и фашизму в борьбе против СССР.

Случайно ли, что троцкисты в конце концов превратились в гнездо и рассадник перерожденчества и термидорианства, как об этом в свое время говорил товарищ Сталин? Случайно ли, что Троцкий, очутившись после революции в рядах нашей партии, опять сорвался, скатился на контрреволюционные позиции, оказался выброшенным за пределы нашего государства, за пределы Советского Союза? Случайно ли троцкизм превратился в штурмовой отряд капиталистической реставрации?

Не случайно, потому что к этому шло дело с самого зарождения троцкизма. Не случайно, потому что и до Октябрьской революции Троцкий и его друзья боролись против Ленина и ленинской партии так, как теперь борются против Сталина и партии Ленина — Сталина.

Предсказания товарища Сталина полностью сбылись. Троцкизм действительно превратился в центральный сборный пункт всех враждебных социализму сил, в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок, окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране.

И здесь на суде с исключительной полнотой и ясностью была вскрыта именно эта подлая сущность троцкизма. Они пришли к своему позорному концу потому, что десятки лет шли по этому пути, славословя капитализм, не веря в успехи социалистического строительства, в победу социализма. Вот почему они пришли в конце концов к развернутой программе капиталистической реставрации, вот почему они пошли на то, что стали предавать и продавать нашу родину.

К этому дело шло уже тогда, когда Троцкий, как это было в 1922 году, предлагал разрешить нашим промышленным предприятиям, трестам закладывать наше имущество, в том числе и основной капитал, частным капиталистам для получения

кредитов, которые тогда действительно были нужны Советскому государству.

Это предложение Троцкого уже тогда было ступенькой к возврату к власти капиталистов, к тому, чтобы капиталистов, финансистов, заводчиков вновь сделать хозяевами наших фабрик и заводов и отнять у наших рабочих завоеванные ими при советской власти права. Эти господа уверяли, что советское хозяйство «все более и более сращивается с капиталистическим хозяйством», т. е. превращается в придаток мирового капитализма. Они уверяли, что «мы все время будем находиться под контролем мирового хозяйства», т. е. утверждали то, о чем мечтали капиталистические акулы.

Товарищ Сталин тогда разоблачил эту вредительскую позицию троцкизма, говоря: «Капиталистический контроль — это значит, прежде всего, финансовый контроль... Финансовый контроль — это значит насаждение в нашей стране отделений крупных капиталистических банков, это значит образование так называемых «дочерних» банков. Но разве есть у нас,— говорил товарищ Сталин,— такие банки? Конечно, нет! И не только нет, но и не будет их никогда, пока жива Советская власть»¹.

Капиталистический контроль, о котором тогда говорили, мечтали и которого требовали троцкисты и вот эти сидящие здесь на скамье подсудимых главари троцкистского блока,— это право капиталистов распоряжаться нашей родиной, нашими рынками. «Капиталистический контроль означает, наконец,— говорил товарищ Сталин,— контроль политический, уничтожение политической самостоятельности нашей страны, приспособление законов страны к интересам и вкусам международного капиталистического хозяйства»².

Вот что означал этот так называемый капиталистический контроль, о котором тосковали Троцкий и некоторая часть, головка сидящего здесь на скамье подсудимых так называемого антисоветского троцкистского центра.

Товарищ Сталин, разоблачая антисоветскую сущность подобных предложений, говорил: «Если речь идет о таком действительном капиталистическом контроле,... то я должен заявить, что такого контроля у нас нет и не будет его никогда, пока жив наш пролетариат и пока есть у нас Советская власть»³. Вот почему не случайно, почему так органически связаны эти две задачи — подготовка капиталистической реставрации с борьбой против диктатуры пролетариата.

Случайно ли, что, начав с капиталистического контроля, эти люди докатились до откровенной платформы ка-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 134.

² Там же, стр. 135.

³ Там же, стр. 136.

питалистической реставрации, до открытой борьбы, во имя осуществления этой платформы, в союзе с капиталистами против диктатуры пролетариата!

Известно, что троцкистские лидеры в переломные моменты нашей борьбы, на крутых подъемах нашей пролетарской революции, всегда, как правило, оказывались в стане наших врагов, по ту сторону баррикад.

Отрицание социалистического характера нашей революции, отрицание возможности построения социализма в нашей стране определяло и предопределяло враждебную позицию троцкистов к делу социалистического строительства в СССР.

Это, однако, не мешало троцкистам прикрываться именем социализма, как не мешало и не мешает в настоящее время многим врагам социализма прикрываться этим именем.

Так бывало всегда в истории. Известно, что меньшевики и эсеры, эти злейшие враги социализма, всегда прикрывались именем социализма. Но ведь это им не мешало валяться в ногах у буржуазии, у помещиков, у белых генералов.

Мы помним, как меньшевики в петлюровской Раде призвали на Украину войска Вильгельма II, как они торговали свободой и честью украинского народа;

как под вывеской эсеровского правительства Чайковского орудовали в Архангельске интервенты;

как так называемое «социалистическое» «правительство комитета учредительного собрания» привело к власти Колчака;

как меньшевистское правительство Ноя Жордания верой и правдой служило иностранным интервентам!

Все эти господа называли себя социалистами, все они прикрывались именем социализма, но всем известно, что не было и нет более последовательных и более жестоких, озверелых врагов социализма, чем меньшевики и эсеры.

Троцкий и троцкисты долго были капиталистической агентурой в рабочем движении.

Они превратились теперь в передовой фашистский отряд, в штурмовой батальон фашизма.

В 1926—1927 годах они перешли на путь открытых антисоветских, уже караемых в уголовном порядке преступлений. Они перенесли на улицу — пытались, по крайней мере, это сделать — свою борьбу против руководства нашей партии, против советского правительства. Это было трудное и сложное время в жизни Советского государства. Это было время перехода от восставительного периода к периоду перестройки нашей промышленности и сельского хозяйства на основе высокой техники. В этот период не могло не быть ряда серьезных трудностей, отражавших собой сложность борьбы между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства.

«Оппозиционный блок», так называемая «новая оппозиция», возглавляемая Троцким, Зиновьевым, Каменевым, с участием почти всех сидящих здесь подсудимых — обвиняемых Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольников, Муралова, Дробниса, Богуславского, — пытался тогда использовать эти трудности для того, чтобы еще раз попытаться ударить в спину Советского государства, и притом как можно крепче.

Троцкистско-зиновьевский блок 1926 года был блоком, повернувшим все острие своей борьбы против дела социализма в нашей стране, за капитализм. Под прикрытием лживых, иногда внешне «левых» фраз о «сверхиндустриализации» и пр., троцкистско-зиновьевская банда с 1926—1927 годов выдвинула такие предложения, которые подрывали и срывали союз рабочих и крестьян, подрывали основу Советского государства. Она выдвигала такие требования, как усиленный нажим на крестьянство, как «первоначальное социалистическое накопление» за счет разорения и ограбления крестьянства, она выставляла ряд требований, которые должны были привести к срыву смычки между городом и деревней и тем самым сорвать возможность действительной индустриализации. Это были, в сущности говоря, те же диверсионные и вредительские меры. В сущности говоря, между вредительскими и диверсионными мерами 1926—1927 годов и теперешними разница только в форме. И тогда оппозиционный блок пытался сорвать смычку между рабочим классом и крестьянством своими как будто «левыми», а на самом деле контрреволюционными предложениями, в форме, которая соответствовала условиям классовой борьбы того времени. Это тоже была особая форма диверсии, форма подрывных актов, направленных против диктатуры пролетариата и дела социалистического строительства. Эти предложения тогдашней оппозиции были лишь особой формой борьбы против Советского государства, соответствовавшей тогдашней исторической обстановке. Прошло 10 лет, и мы видим, что они становятся на путь прямых диверсий, на путь вредительства, на путь подрывной работы, но уже в гораздо более острых формах, соответствующих новым условиям — условиям ожесточенной классовой борьбы с остатками капиталистических элементов.

«Новая оппозиция», так назывался этот блок, объединила не случайно такого «сверхиндустриализатора», каким был Троцкий, с таким противником индустриализации, каким был 10 лет назад Сокольников и каким он остался и до сих пор. «Новая оппозиция» по существу вещей стояла за определенную политическую и социально-экономическую программу, которая не могла не привести, неминуемо должна была привести к ликвидации диктатуры пролетариата, что в свою очередь неминуемо должно было привести к реставрации в СССР капитализма.

Товарищи судьи, когда теперь мы слышим на суде в показаниях главарей этой банды, главарей троцкистской подпольной организации признания в том, что они действительно получали от Троцкого установки на реставрацию в СССР капитализма, приняли эти установки и во имя их осуществления вели вредительскую, диверсионную, разведывательную работу,— может стать вопрос, который кое у кого и возникает: как эти люди, которые столько лет боролись за социализм, люди, которые кощунственно называли себя большевиками-ленинцами,— как можно их обвинять в этих чудовищных преступлениях? Не доказательство ли это того, что обвинение предъявлено неправильно, что эти люди обвиняются в том, в чем не могут быть обвинены по самому существу всей своей прошлой социалистической, революционной, большевистской деятельности?

Я на этот вопрос отвечаю. Подсудимым по настоящему процессу предъявлено обвинение в том, что они действительно пытались всякими, самыми отвратительными и бесчестными мерами вернуть нашу страну под иго капитализма. Это обвинение этих господ в том, что они предатели социализма. Это обвинение мы аргументируем не только тем, что они совершили сегодня,— это предмет обвинения,— но мы говорим, что история их падения начинается задолго до организации ими так называемого «параллельного» центра, этого отростка преступного троцкистско-зиновьевского объединенного блока. Органическая связь — налицо. Связь историческая — налицо. И достаточно было бы ограничиться тем, что я сказал, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что предъявляемое государственной прокуратурой сидящим здесь на скамье подсудимых основное обвинение в попытке восстановления в нашей стране низвергнутого девятнадцать лет назад капиталистического строя — обосновано полностью, доказано документально, и этим обвинением сидящие здесь преступники пригвождены к вечному позору и вечному проклятию со стороны всех честных тружеников, честных людей нашей страны и всего мира.

От платформы 1926 года, от уличных антисоветских выступлений, от нелегальных типографий, от союза с белогвардейскими офицерами, на который они тоже тогда шли, до диверсий, до шпионажа, до террора, до измены родине в 1932—1936 годах — один шаг. И этот шаг они сделали!

Это мы видели уже на примере троцкистско-зиновьевского объединенного блока, на примере политической судьбы Зиновьева, Каменева, Смирнова, Мрачковского, Тер-Ваганяна и др., позорно кончивших свою жизнь с клеймом наймитов иностранных разведок.

Это же мы видим теперь и на примере судьбы обвиняемых по настоящему делу, большинство которых многие годы и до и

после Октябрьской революции боролись против Ленина и ленинизма, против партии Ленина — Сталина, против строительства социализма в нашей стране.

Пятаков, К. Радек, Сокольников, Серебряков, Дробнис, Муралов, Лившиц, Богуславский, Шестов — все они ряд лет боролись против дела социализма, против дела Ленина — Сталина.

Эти господа уже тогда направляли свои силы на то, чтобы, как говорил товарищ Сталин, «переломить партии хребет» и вместе с тем переломить хребет и советской власти, о гибели которой не устали каркать все контрреволюционные вороны.

В этой борьбе против советской власти эти господа пали так низко, как, кажется, еще не падал никто и никогда.

Ленин предвидел неизбежность такого позорного конца, к которому пришли обвиняемые, к какому должен прийти всякий, кто станет на тот путь, на который стали они. В резолюции X съезда нашей партии, тогда еще называвшейся Российской коммунистической партией, принятой по предложению Ленина, было грозное предостережение, что тот, кто настаивает на своей фракционности и на своих ошибках при советском строе, неминуемо должен скатиться в лагерь врагов рабочего класса, в лагерь белогвардейцев и империалистов. Эти господа доказали всей своей деятельностью всю справедливость этого исторического предсказания.

КАК ОНИ БОРОЛИСЬ ПРОТИВ ЛЕНИНА

Что собой представляют члены центра в своем политическом прошлом? Пятаков и Радек, Серебряков и Сокольников, Богуславский и Дробнис, Муралов и Шестов долгие годы воспитывали в себе ненависть к советскому строю, к социализму. Они умели маскировать, они умели скрывать свои настоящие чувства и взгляды, двурушничали, обманывали, в чем все они сейчас и признаются. Некоторые утверждают, что в некоторые периоды времени у них был отход от троцкизма. Трудно поверить. Мы знаем, что вся деятельность обвиняемых по настоящему делу была в высокой степени последовательной. Такие, я бы сказал, заслуженные деятели троцкизма, как Пятаков, Радек, Дробнис, Серебряков, Богуславский, маскировались, шантажировали, надуwali и своих и чужих. Только в такой среде, которую создали Пятаковы и Радеки — эти беспринципнейшие, окончательно отпетые люди, использовавшие свое высокоответственное положение в советской государственной системе для обдeldывания своих позорных, грязных и кровавых преступлений, — и могли оказаться в числе, так сказать, троцкистского актива такие авантюри-

сты и проходимцы, как Ратайчаки, Князевы, Шестовы, Арнольды, Строиловы, Граше.

Вы, товарищи судьи, видели здесь этих госпед, вы их слушали, вы их изучали. Вот Ратайчак, не то германский, не то польский разведчик, но что разведчик, в этом не может быть сомнения, и, как ему полагается,— лгун, обманщик и плут. Человек, по его собственным словам, имеющий автобиографию старую и автобиографию новую. Человек, который эти автобиографии, смотря по обстоятельствам, подделывает и пересоставляет. Человек, который, будучи заместителем председателя губернского совета народного хозяйства на Волыни, не только покрывает грабительство, воровство и спекуляцию своего подчиненного, но вместе с ним участвует в прямых корыстных преступлениях. По его собственным словам, он состоит на содержании этого вора, растратчика и спекулянта. И вот, этот Ратайчак, со всеми своими замечательными, вскрытыми следствием и судом, качествами, становится ближайшим помощником Пятакова по химической промышленности. Химик замечательный! (Движение в зале).

Пятаков знал, кого выбирал. Можно сказать, на ловца и зверь бежит. Ратайчак пробирается к большим чинам. Он молчит о двигающих им мотивах и не говорит так болтливо, как Арнольд, признавший, что его мучила «тяга к высшим слоям общества». (Смех, движение в зале.) Об этом Ратайчак молчит. Он, конечно, хитрее Арнольда. Он знает, что слово — серебро, а молчание — золото. И вот этот Ратайчак, со всеми своими моральными качествами, оказывается человеком, сумевшим добиться степеней известных. Он начальник Главхимпрома! Надо только вдуматься в то, что значат эти слова: начальник главного управления всей химической промышленности нашей страны!

Если бы у Пятакова не было никаких других преступлений, то только за одно то, что он этого человека подпустил ближе одного километра к химической промышленности, его надо было привлечь к самой суровой ответственности.

На ответственном посту начальника Главхимпрома Ратайчак, этот обер-вредитель, разворачивает свои преступные таланты, пускается в широкое преступное плавание, раздувает паруса во всю,— взрывает, уничтожает плоды трудов народа, губит и убивает людей.

Или возьмите Дробниса, старого профессионального троцкиста, этого истребителя рабочих по формуле — «чем больше жертв, тем лучше». Или возьмите Князева, японского разведчика, пускавшего под откос не один десяток маршрутов. Или Лившица — бывшего заместителя наркома путей сообщения и одновременно заместителя Пятакова по преступным делам на

транспорте. Совместительство было в ходу у этой компании... Наконец, троцкистский «солдат» Муралов, один из самых преданных и закоренелых адъютантов Троцкого, — он также признал, что был вредителем и диверсантом. И рядом — Арнольд, он же Иванов, он же Васильев, он же Раск, он же Кюльпенен и, как еще его там звали, — никому неизвестно. Этот прожженный пройдоха, прошедший огонь, воду и медные трубы, жулик и авантюрист, тоже оказывается троцкистским доверенным человеком... И первым бандитом. Или Граше, человек не только трех измерений, но, по крайней мере, трех подданств, сам определивший свою основную профессию очень красноречиво, хотя не особенно приятным словом, — ш п и о н, и добавивший, что ему, как шпиону, по положению иметь убеждений не полагалось... (С м е х в з а л е.)

Вот беглая характеристика тех кадров, которые здесь продефилировали перед судом, перед всей страной, перед всем миром, — кадров, которые собрал «параллельный» центр, армии, которую организовал этот самый «параллельный» центр по указанию Троцкого, воспитал и бросил на троцкистскую борьбу против советской власти и Советского государства.

Говоря об этих кадрах, конечно, особо надо сказать об их главарях, об атаманах. Начнем, конечно, с Пятакова — после Троцкого первого атамана этой бандитской шайки. Пятаков — не случайный человек среди троцкистов. Пятаков, до сих пор упорно и умело маскировавшийся, всегда был и есть старый враг ленинизма, враг нашей партии и враг советской власти. Проследите политический путь Пятакова.

В 1915 году он выступает вместе с Бухариным с антиленинской платформой по вопросу о праве наций на самоопределение, по вопросу, имеющему важнейшее принципиальное значение в определении позиции большевизма, кстати обругав Ленина на ходу «талмудистом самоопределения».

В 1916 году этот же человек, под псевдонимом П. Киевского, выступает как сложившийся уже идеолог троцкизма. Он доказывает, что социальный переворот (он говорит — социальный процесс) можно мыслить лишь как объединенное действие пролетариев всех стран, разрушающее границы буржуазного государства, сносящее пограничные столбы. Внешне ультра-«левая», в действительности — чисто троцкистская постановка вопроса. Пятаков полностью здесь повторяет троцкистский тезис о невозможности построения социализма в одной стране. Он выступает против Ленина. Ленин разоблачает антима르크систский характер этого пятаковского выступления. Ленин квалифицирует эту статью уже тогда как статью, способную нанести серьезнейший удар нашему «направлению, — и нашей партии», как статью, которая могла скомпрометировать партию изнутри, из ее собствен-

ных рядов, превращала бы ее, — как писал Ленин, — «в представительницу карикатурного марксизма»¹.

1917 год. Пятаков опять выступает против ленинского тезиса о праве наций на самоопределение. Он называет это право «бесодержательным правом», увлекающим революционную борьбу на ложный путь. Он высказывается против возможности построения социализма в одной стране. Пятаков в 1917 году — против «апрельских тезисов» Ленина.

В 1918 году он опять против Ленина. Это был тяжелый год героической борьбы рабочих и крестьян нашей страны, отстаивавших в неимоверно сложных и трудных условиях, с оружием в руках, свою независимость. Это был год, когда, по словам Ленина, мы впервые «вошли в сердцевину революции». Это был год, когда Ленин призывал «...лучше пережить и претерпеть, перенести бесконечно большие национальные и государственные унижения и тягости, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь»².

Позиция Пятакова вместе с Радеком — против этого тезиса, против Ленина. Они — эти «левые» коммунисты — готовы даже идти на утрату советской власти. Еще в 1918 году, засев в бюро Московского комитета партии, эти господа говорили о необходимости, хотя бы ценою утери советской власти, превратившейся, как они говорили, в формальное понятие, сорвать Брестский мир. Заключение Брестского мира Сталин справедливо называл образцом ленинской стратегии, давшей силы для подготовки к отражению банд Деникина и Колчака.

Пятаков, Радек и их единомышленники думали и действовали уже тогда так, как их уже позже метко и крепко назвал Феликс Дзержинский, бросивший по адресу троцкистов и зиновьевцев — «кронштадтцы!» Пятаковы и Радеки не дорожили советской властью. Они дошли в своей борьбе против Ленина до такого остервенения, что поговаривали о смене существовавшего тогда Совета Народных Комиссаров и о замене его Совнаркомом из людей, входящих в состав группки «левых». Это Пятаков и его компания в 1918 году, в момент острейшей опасности для Советской страны, вели переговоры с эсерами о подготовке контрреволюционного государственного переворота, об аресте Ленина с тем, чтобы Пятаков занял пост руководителя правительства — председателя Совнаркома. Через арест Ленина, через государственный переворот прокладывали себе эти политические

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 17.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 260.

авантюристы путь к власти! А сейчас что делают они? Через попытки свержения советской власти, через террористические акты против руководителей нашей партии и Советского государства — против товарища Сталина и его соратников — они прокладывают тот же путь к реставрации капитализма при помощи иностранных интервенционистских агрессорских штыков, при помощи террора, диверсий, шпионажа, вредительства и всех возможных тяжких государственных преступлений. Историческая преемственность налицо. Вместе с Троцким Пятаков восставал против Ленина в тяжелые для нашей страны дни Бреста. Вместе с Троцким восставал Пятаков против Ленина в дни, когда партия совершала самый сложный поворот к новой экономической политике. Вместе с Троцким Пятаков боролся против ленинского плана построения социализма в нашей стране, против индустриализации и коллективизации нашей страны, проведенной под гениальным руководством нашего вождя и учителя товарища Сталина.

15-й год, 16-й год, 17-й год, 18-й и 19-й, 21-й и 23-й, 26-й и 27-й — больше десятилетия Пятаков неизменно защищает троцкистские позиции, ведет открытую борьбу против Ленина, против генеральной линии партии и против Советского государства.

1926 год — 1936 год — это второе десятилетие почти непрерывной, но уже тайной подпольной борьбы Пятакова против Советского государства и нашей партии, борьбы, которую он вел систематически и не покладая рук, пока, наконец, не был пойман с поличным, не был уличен, не был посажен на эту скамью подсудимых как предатель и изменник!

Таков Пятаков и его портрет.

Многое из того, что я сказал о Пятакове, можно повторить и в отношении подсудимого Радека. Радек не раз выступал против Ленина как до, так и после революции. Этот Радек в 1926 году на диспуте в Коммунистической академии хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя ее теорией строительства социализма в одном уезде или даже на одной улице, называя эту идею щедринской идеей.

По этому поводу Сталин говорил: «Можно ли назвать это пошлое и либеральное хихиканье Радека насчет идеи строительства социализма в одной стране иначе, как полным разрывом с ленинизмом?»¹.

Радек — один из виднейших и, надо отдать ему справедливость, талантливых и упорных троцкистов. При Ленине он идет войной против Ленина, после Ленина он идет войной против Сталина. Прямо пропорционально его личным способностям велика его социальная опасность, его политическая опасность. Он

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 279.

неисправим. Он хранитель в антисоветском троцкистском центре портфеля по внешней политике. По поручению Троцкого он ведет дипломатические переговоры с некоторыми иностранными лицами или, как он выражается, «дает визу» на мандат Троцкого. Он регулярно, через собственного, так сказать, дипкурьера Ромма переписывался с Троцким, получает от него то, что они здесь высокопарно называли «директивами». Он один из самых доверенных и близких к главному атаману этой банды — к Троцкому — людей.

Сокольников. В 1918 году он тоже против Ленина. Он даже в том году по одному политическому конфликту угрожал Ленину отставкой. В 1921 году он подписывает антиленинскую бухаринскую профсоюзную платформу. В 1924 году он подписывает «пещерную платформу», ту, которая была написана в пещере около Кисловодска. В 1925 году Сокольников, клеветая на Советское государство, утверждал, что наша внешняя торговля, наши внутренние торговые предприятия являются государственно-капиталистическими предприятиями, Государственный банк является точно так же государственно-капиталистическим предприятием, что наша денежная система проникнута принципами капиталистической экономики. Апологет и идеолог капиталистической экономической политики!

Товарищ Сталин тогда указал, что Сокольников — сторонник дауэсизации нашей страны. Сокольников был доподлинным сторонником сохранения хозяйственной отсталости нашей страны, т. е. закабаления нашей страны капиталистическими странами, «превращения нашей страны в придаток капиталистической системы». Как видите, от этой позиции Сокольников никуда не ушел и к сегодняшнему дню.

Сокольников, будучи в 1925 году наркомфином, жаловался и клеветал на нашу партию и на советское правительство, что они мешают ему защищать диктатуру пролетариата и бороться с кулаком, мешают обуздать кулака. А теперь Сокольников перед всем миром признался, что троцкистский центр, одним из заправил которого он является, рассчитывал именно на кулака или, вернее, уже на остаточки кулака. На суде он сам говорил: «Мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу реставрации капитализма, потому что тогда мы сможем опереться на некоторые слои в нашей стране».

В о п р о с: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

В о п р о с: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно, нет.

В о п р о с: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вопрос: На кулака, на остаточки кулака?

Сокольников: Так».

Так Сокольников пришел к откровенной кулацкой программе, к откровенной защите кулацких интересов, завершив путь своего падения. От позиции Сокольникова 1925—1926 годов к программе троцкистского центра 1933—1936 годов — переход вполне естественный.

Два слова о Серебрякове — четвертом члене этого антисоветского троцкистского центра. Он подписывает бухаринскую программу во время профсоюзной дискуссии 1920 года, он активный участник оппозиции 1923 года, он активный участник оппозиции 1926—1927 годов, он, по существу, как он и сам признался здесь на суде, никогда не порывал с троцкизмом. Ясно, что он имел все основания претендовать на руководящее положение в этом антисоветском троцкистском центре.

Как старых троцкистов мы знаем Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Лившица. Знаем, что они ряд лет посвятили борьбе против Ленина и социалистического строительства в нашей стране. Не ясно ли, что участие этих людей в антисоветской подпольной троцкистской работе, участие в троцкистском вредительстве, диверсиях и террористических группах, их измена родине были подготовлены и явились прямым следствием всей их прошлой троцкистской деятельности, явились прямым результатом их многолетней борьбы против СССР, против советского народа. Это должны были признать сами обвиняемые. Они долго, упорно и гнусно вели свою борьбу против социализма. Теперь они схвачены с поличным. С них сорвана последняя маска. Они изобличены как враги народа, как ничтожная гнусная кучка людей, ставших агентами иностранной разведки.

НЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ, А БАНДА ПРЕСТУПНИКОВ

Эти господа пробовали предстать как некая политическая партия. Пятаков на суде говорил о своих сообщниках как о «фракции», говорил о «политическом недоверии» своей «фракции» к зиновьевской части блока. Он говорил о «собственной организации», употребляя это понятие в политическом смысле; о «собственной» даже политике, которую собирался вести Троцкий. Радек тоже говорил о своих сообщниках как о политических руководителях. Говоря о преступных вредительских требованиях Троцкого, полученных Пятаковым в личной беседе Пя-

такова с Троцким, обвиняемый Пятаков говорил о них как о составной части политики Троцкого.

В высоком стиле говорил и Радек — один из тех «реальных политиков», которые реально изменяли родине, обещали врагам реальные и территориальные уступки. Говоря даже о таких прозаических вещах, как обычное уголовное вредительство, Радек пытался говорить в высоком стиле, как о политической материи. На судебном заседании 24 января Радек говорил: «Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германосоветского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что раз я говорю о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нереальные политики: нереальные — это советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновьевский блок». Вот они, эти реальные политики, сидят здесь под охраной... всего только трех красноармейцев! (Смех в зале). Не трудно убедиться, что весь этот высокий стиль был, в сущности говоря, приплетен сюда по некоторой старой памяти. Не трудно убедиться, что это вовсе не политическая партия, что это просто банда уголовных преступников, ничем или, в лучшем для них случае, немногим отличающихся от бандитов, которые оперируют кистенем и финкой в темную ночь на большой дороге.

Это не политическая партия. Это банда преступников, представляющих собой простую агентуру иностранной разведки. На прямо поставленный Пятакову вопрос: «Были ли связаны члены вашей организации с иностранными разведками?» — Пятаков ответил: «Да, были». И рассказал о том, как эта связь была установлена по прямой директиве Троцкого. Это подтвердил и Радек — специалист «параллельного» центра по «внешним делам». Это подтвердили Лившиц, Князев, Шестов, ряд других подсудимых — прямые и непосредственные агенты этих разведок. Вот что представляет собой эта компания, которая называла себя «политической силой», какой она хотела казаться, а в действительности была не политической партией, а шайкой разведчиков, бандитов, террористов и диверсантов.

Корни этой группы — не в народных массах нашей страны, которых эта банда боится, от которых она бежит, как чорт от ладана. От народных масс эта банда прячет свое лицо, прячет свои звериные клыки, свои хищные зубы. Корни этой компании, этой банды, надо искать в тайниках иностранных разведок, купивших этих людей, взявших их на свое содержание, оплачивавших их за верную холопскую службу. Вы видели этих штатных и внештатных полицейских шпионов и разведчиков.

Пятаков убеждает своих подручных в необходимости организации взрывов и диверсий по преимуществу с человеческими

жертвами. Дробнис доказывает, что «чем больше жертв, тем лучше» для троцкистов. Шестов организует убийства. Лившиц, Князев, Турок организуют крушения поездов. А Радек занимается «внешней политикой», смысл которой состоит в том, чтобы так же, как Лившиц и Князев пускали под откос поезда, пустить под откос дело социализма, открыть ворота иноземному врагу, врагу-агрессору. Каждый из них у вас перед глазами, погрязший в этом кровавом преступном месиве. Возьмите отдельные группы: они переплелись с иностранными разведчиками, покупающими их обещаниями поддержки, а то и просто за наличный расчет.

Они взрывают шахты, сжигают цеха, разбивают поезда, калечат, убивают сотни лучших людей, сынов нашей родины. 800 рабочих Горловского азотно-тукового завода через газету «Правду» сообщили имена погибших от предательской руки диверсантов лучших стахановцев этого завода. Вот список этих жертв: Лунев — стахановец, рождения 1902 года, Юдин — талантливый инженер, рождения 1913 года, Куркин — комсомолец, стахановец, 23 лет от роду, Стрельникова — ударница, 1913 года рождения, Мосиц — ударник, тоже 1913 года рождения. Это убитые. Ранено было больше десяти человек. Погиб Максименко — стахановец, выполнявший норму на 125—150%, Немихин, один из лучших ударников, который спустился в забой на шахте «Центральная», пожертвовал своими 10 днями отпуска, а там его подстергли и убили, убит запальщик Юрьев — один из участников боев с белокитайцами, убит Ланин — участник гражданской войны, старый горняк. И так далее и так далее.

Товарищи судьи! Их убийцы сидят вот здесь перед вами!..

Шестов организует ограбление банка. Шестов организует бандитское убийство инженера Бояршинова, который показался ему способным разоблачить их преступную деятельность.

Арнольд — международный бродяга, побывавший, кажется, во всех странах мира и везде оставлявший следы своих мошеннических проделок. В Минске он подделывает документ. В Америке оказывается сержантом американской армии и попадает в тюрьму, по его собственному признанию, по подозрению в растрате казенного имущества. Я думаю, что если этот человек когда-нибудь дорвался до казенного имущества, то этому казенному имуществу не сдобровать. (С м е х). Это — человек, который через масонов пытался пробраться в «высшие слои общества» в Америке, а через троцкистов — к власти, по которой тайно и вождь-ленно вздыхал, под умелым руководством такого воспитателя, каким явился висельник Шестов...

В буквальном смысле слова шайка бандитов, грабителей, поддельвателей документов, диверсантов, шпиков, убийц! С этой шайкой убийц, поджигателей и бандитов может сравниться лишь

средневековая каморра, объединявшая итальянских вельмож, босьяков и уголовных бандитов. Вот моральная физиономия этих господ, морально изъеденных и морально растленных. Эти люди потеряли всякий стыд, в том числе и перед своими сообщниками и перед самими собой.

Этим «политическим» деятелям ничего не стоило развинтить рельсы, пустить поезд на поезд. Ничего не стоило загазовать шахту и спустить в шахту десяток или несколько десятков рабочих. Ничего не стоило из-за угла убить инженера, честно работающего. Поджечь завод. Взорвать в динамитной яме забравшихся туда детей.

Хороша, нечего сказать, политическая партия! Если бы это была партия, то она не прятала бы от масс своей программы. Политические партии не прячут своей программы, своих политических взглядов. Большевики — эта подлинная политическая партия, партия в самом настоящем и высоком смысле этого слова — никогда не пряталась от масс и никогда не прятала свою программу.

На заре русской революции Ленин писал о том громадном значении, которое революционная социал-демократия придает открытой пропаганде ее идей, открытому заявлению ее целей, открытой массовой агитации за свои программные, тактические и организационные взгляды и принципы. Партия Ленина — Сталина выросла, окрепла и превратилась в громадную и могущественную силу, как партия, опирающаяся на массы, партия, организационно связанная с массами. В этом признак настоящей политической партии. Она не только не скрывает от масс своих взглядов, а старается как можно шире распространить в массах эти взгляды. А эта «партия», как они себя называют, боялась и боится сказать о себе народу правду, боится сказать о своих программах.

Почему? Потому что их взгляды, их программа ненавистна нашему народу, как ненавистна капиталистическая кабала, как ненавистен капиталистический гнет, который эти господа хотят вернуть, навязать на шею нашему народу, потому что они превратились в оторвавшуюся от народа группу отщепенцев, банду преступников во главе с атаманом Троцким, с податаманами Пятаковым и Радеком и другими бандитскими «батьками». Это не растение Советской страны. Это растение иностранного происхождения, и на советской земле не расти ему, не цвести ему...

Странно слышать, когда эти господа говорят здесь о каком-то соглашении этой «партии», а попросту банды преступников, с японскими и германскими фашистскими силами. С серьезным видом Пятаков, Радек и Сокольников говорили о «соглашении», которое Троцкий заключил или о котором Троцкий договорился с Германией и Японией. Эти господа с серьезным видом

рассказывали, что они рассчитывали использовать эти страны в своих интересах. Но как можно серьезно об этом говорить, когда этот самый «параллельный» центр — просто несчастная козявка по сравнению с волком.

Соглашение! Сказали бы просто: «Сдались на милость победителя». Это, конечно, не соглашение, а сдача на милость победителя.

Послушать Пятакова и Радека, так можно подумать, что действительно это было соглашение. Радек показывал, что он послал Троцкому письмо, «в котором сообщил о получении его директивы, о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: «Не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами».

Видите ли, Радек и Пятаков «визируют мандат» Троцкому на переговоры Троцкого с иностранными государствами. Но это еще не главное. Не главное и то, что центр одобряет эти переговоры. Главное то, что я Карл Радек, блочный министр иностранных дел центра, — лично одобряю то, что Троцкий — этот блочный премьер-министр — ищет контакта с иностранными государствами. Это, конечно, звучало бы очень смешно, если бы положение Пятакова и Радека не было столь трагичным. Но для всякого, обладающего минимумом рассудка, должно было бы быть ясно, что это соглашение, о котором говорили Пятаков с Троцким и Радеком, не соглашение, а прикрашенная капитуляция, сдача троцкистов на милость победителя, что это кабала, что итти на такое соглашение значило лезть в волчью пасть, утешаясь тем, что волк не злой и не проглотит.

Это соглашение мне напоминает басню Крылова «Лев на ловле». В басне говорится, как собака, лев да волк с лисой между собой заключили соглашение — «положили завет» — сообща зверей ловить. Лиса поймала оленя, начали делить. Тут одна из «договаривающихся сторон» говорит: «Вот эта часть моя по договору, вот эта мне, как льву, принадлежит без спору, вот эта мне за то, что всех сильнее я, а к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет, тот с места жив не встанет». (С м е х.)

Очень похож этот «завет» на ваше соглашение, господа подсудимые, господа офицеры германского и японского фашизма! Так получилось и у вас, с той лишь, пожалуй, разницей, что в вашем соглашении лев фигурирует на ролях цепной собаки. Вот почему я утверждаю, что здесь нет никакой политической партии, — есть банда преступников, есть морально ничтожные, в моральном отношении растленные люди, потерявшие и совесть и разум.

МОРАЛЬНО НИЧТОЖНЫЕ, МОРАЛЬНО РАСТЛЕННЫЕ

После того, что мы слышали здесь на суде от этих людей, может ли быть какое-нибудь сомнение, что это действительно и окончательно разложившиеся и морально павшие люди?! Нет, сомнений быть не может.

В то время как советский народ под руководством нашей партии трудился над укреплением своих новых, социалистических позиций, наш враг — а это его передовой отряд — медленно, предательски старался прорвать фронт наших побед, обойти нас и ударить с тылу. Не покладая рук, работают иностранные разведчики, отыскивая и находя себе, к сожалению, союзников в нашей стране, помощников в среде, правда, разложившихся, враждебных советскому строю людей и, как теперь доказано полностью и с точностью, в первую очередь среди троцкистов.

Почему среди троцкистов иностранные разведки находят своих агентов? Потому что троцкисты всем прошлым своим и настоящим доказали непримиримую враждебность к Советам, готовность служить капитализму не за страх, а за последние остатки своей совести, — доказали свою способность действовать самыми мерзкими и подлыми средствами борьбы, не останавливаясь ни перед чем.

Еще на XV Всесоюзной партийной конференции товарищ Сталин подчеркивал, что троцкисты и организованный ими в то время блок отличает именно «неразборчивость в средствах и беспринципность в политике». Эта неразборчивость в средствах, в политической борьбе переросла теперь всякие пределы, достигла чудовищных размеров, возросла в тысячу раз.

Разве не о крайнем пределе морального разложения говорят статьи Пятакова и Радека, посвященные их сообщникам, Зиновьеву и Каменеву, гнуснейшим изменникам, настоящим бандитам, убившим незабвенного Сергея Мироновича Кирова! Не являются ли верхом цинизма и издевательства над последними остатками человеческой совести, над последними понятиями морали статьи, в которых Радек и Пятаков с притворным видом возмущенных праведников требовали расстрела своих собственных союзников, единомышленников и сообщников?!

Вы хотите знать, что представляет собой моральное лицо этих господ? Прочтите их статьи, которые отделяют сегодняшний день от дня их напечатания в наших газетах всего лишь несколькими месяцами.

Вот Радек в 3-м номере «Большевика» за 1935 год разоблачает — что бы вы думали? Двuruшничество Зиновьева и всей головки зиновьевской фракции, как он выражается. Специалист этого дела — Радек проявляет здесь большие познания. Развязно повествует он о том, что представляет собой двuruшничество...

Позвольте привести свидетельство Радека по вопросу о том, что такое двурушничество... Радека. Он пишет:

«Скатившись с контрреволюции, бывшие вожаки зиновьевско-троцкистского блока применили этот метод разведчиков интервенции, подрывников и вредителей. Двурушничество оказалось маскировочным средством, позволяющим обстрелять пролетарский штаб».

Мы знаем, что когда Радек писал эту статью, он был уже осведомлен за много времени о подготавливавшемся злодейском убийстве Сергея Мироновича Кирова. Мы знаем, что он, Радек, был в заговоре и в сговоре с Зиновьевым и Каменевым, убившими т. Кирова, обреченного на смерть этим самым Радеком и сидящими с ним рядом его друзьями.

И вот, замечая следы своего соучастия в этом гнусном злодействе, Радек повествует о разоблаченных двурушниках, отданных в руки закона, «знающего, как обращаться с теми, кто пытается колебать устои пролетарской революции».

Да, подсудимый Радек, вы правы! Советский закон знает, как обращаться с двурушниками и изменниками, подобными вам и вашим друзьям.

Накануне суда над Зиновьевым, Каменевым и другими, накануне суда над государственными изменниками, изобличенными в антисоветской преступной борьбе,— что писал этот Радек? Он писал о «троцкистско-зиновьевской фашистской банде и ее гетмане — Троцком» (это его собственное выражение), что из зала, где происходил процесс и разбор этого дела, несло «трупным смрадом», и с пафосом восклицал: «Уничтожьте эту гадину! Дело идет не об уничтожении честолюбцев, дошедших до величайшего преступления, дело идет об уничтожении агентов фашизма, которые готовы были помочь зажечь пожар войны, облегчить победу фашизму, чтобы из его рук получить хотя бы призрак власти».

Так писал Радек. Радек думал, что он писал о Каменеве и Зиновьеве. Маленький просчет! Этот процесс исправит эту ошибку Радека: он писал о самом себе!

Двурушничая и гримасничая, он писал тогда о том, как в 1928 году его — Радека — соблазнял Троцкий бежать за границу и как он — этот Радек — «ужаснулся от мысли о действиях под охраной буржуазных государств против СССР и саботировал попытку побега». В 1929 году, по словам Радека, «он, Троцкий, уговорив троцкиста Блюмкина организовать транспорт литературы в СССР, послал к нему в гостиницу своего сына Седова с поручением организовать нападение на торгпредства за границей для добычи денег, необходимых Троцкому для антисоветской работы. От эксов, которые Троцкий подготавливал в 1929 году, он в 1931 году перешел к подготовке террора, о чем дал прямую

директиву Смирнову и Мрачковскому — людям, связанным с ним восемнадцать лет. Смирнов и Мрачковский, поднимая оружие против Сталина и партии, растоптав оказанное им доверие, пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена».

Товарищи судьи! Тогда еще Радек не судился и не был на скамье подсудимых. Это было не в 1936 году, даже не в 1935 году, это было в 1929 году. И здесь Радек свидетельствует о том, как Троцкий давал ему поручения организовать ограбление нашего торгпредства. Тогда Радек был на свободе, его не держали никакие ЧК, ГПУ или НКВД, ему не докучали допросами следователь или прокурор, он был свободным гражданином, он был журналистом, он свободно курил везде и всюду свою трубку, пуская дым в глаза не только своим собеседникам. Что же он тогда писал? Он писал, что он получил от Троцкого поручение организовать нападение на торгпредства для добычи денег, необходимых Троцкому на антисоветскую работу. Я думаю, нельзя не поверить этому авторитетному признанию, сделанному перед советской общественностью, сделанному не на скамье подсудимых, а в советской печати. История, как вы видите, повторяется. И когда нам теперь говорят, что Троцкий в 1935 году уговаривал Пятакова, вернее не уговаривал, а предлагал организовать хищение советских денег при содействии фирм «Демаг» и «Борзига», когда Седов налаживал для тех же целей связь с фирмой «Дейльман», то мы видим, что история повторяется...

Дальше. Когда Радек писал тогда: «От эксов...» (что такое экс? По-русски,— это просто-напросто грабеж), ...«от эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 году перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому — людям, связанным с ним восемнадцать лет»,— мы думали, что Радек пишет на основании официальных следственных документов. Оказывается, то, что писал Радек, было, так сказать, аутентичным толкованием, т. е. толкованием из авторских уст, как одного из соавторов. Дальше он пишет: «Смирнов и Мрачковский... пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена». Писал так Радек или не писал? Писал. Увы, писал! Радек бил тогда на откровенность, он делал вид, что раскаивается, говорит искренне. Он возмущался, бранился, проклинал, клялся, уверял, раскаивался... От чистого сердца? Нет, он лгал... Вспоминая 1929 год, когда Троцкий подготовлял грабежи наших торгпредств за границей, он делал вид, что говорит от чистого сердца. Нет, он лгал, он прикидывался только, что говорит правду, проклинал своих друзей, чтобы отвести глаза от самого себя, чтобы, как он выразился здесь на своем блатном жаргоне, «не засыпаться». И все-таки он «засыпался». Он прибег к приему закоренелых преступников. «Держи вора!»— кричал он, чтобы самому уйти из рук правосудия. Это известный

прием тех, которые говорят языком — «засыпаться» и «пришить». Он пробовал увильнуть, ускользнуть от ответственности. Он, этот Радек, по трупам своих друзей и сообщников пытался выбраться из той зловонной, кровавогрязной ямы, в которой он тогда уже сидел по уши. Он с искусственной и лживой, нарочитой аффектацией восклицал:

«Пролетарский суд вынесет банде кровавых убийц приговор, который они себе стократ заслужили. Люди, поднявшие оружие против жизни любимых вождей пролетариата, должны уплатить головой за свою безмерную вину. Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже пригвожден историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата».

Вы помните, Радек, вы говорили тогда, что эти люди, такие люди должны головою уплатить за свою вину? Радек писал:

«Главный организатор этой банды — Троцкий — уже пригвожден историей к позорному столбу, ему не миновать проклятия мирового пролетариата». Это верно. Изменникам не миновать приговора мирового пролетариата, как не миновать и приговора нашего советского суда, суда великого социалистического государства рабочих и крестьян!

А Пятаков? Пятаков тоже выступает в печати по поводу облачения бандитско-террористического объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Пятаков рвет и мечет по поводу подлой контрреволюционной деятельности, деятельности, окутанной, как он писал, невыносимым смрадом двурушничества, лжи и обмана. Что скажет Пятаков сейчас, чтобы заклеить свое собственное моральное падение, свой собственный «смрад лжи, двурушничества и обмана»? Найдет ли Пятаков эти слова, а если найдет, то какая цена этим словам, кто этим словам поверит?

Пятаков писал:

«Нехватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать, как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух Советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям и уже причинившую смерть одному из самых лучших людей нашей страны — такому чудесному товарищу и руководителю, как С. М. Киров».

Навзрыд плачет Пятаков над трупом убитого им Кирова. Рыдает. «Враг в нашей стране победившего социализма увертлив», — пишет Пятаков, смотрясь в зеркало. «Приспосабливается к обстановке», — охорашивается Пятаков перед зеркалом. «Притворяется», — про себя думает Пятаков, — «а ловко я притворяюсь»... «Лжет». Гм, — думает Пятаков, — как же не лгать в таком положении? «Заметает следы»... «Втирается в доверие»...

Вот что пишет Пятаков, замечая кровавые следы своих преступлений.

«Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчили этим бандитам делать свое черное дело». Удивительный трюк! Бдительности мало было у Пятакова! (Движение в зале). Вот в чем, оказывается виноват Пятаков. Это опять-таки старый прием уголовных преступников. Когда человека обвиняют в грабеже с убийством, он признает себя виновным в грабеже. Когда человека обвиняют в краже со взломом, он признает себя виновным только в краже. Когда его обвиняют в краже, он признает себя, на худой конец, виновным только в хранении или скупке краденого.

Эта старая тактика профессиональных преступников. Пятаков боится быть пойманным, разоблаченным, и он выступает в печати, громит врага и себя не жалеет. Ах ты, говорит, ротозей Пятаков, не замечаешь, что делается вокруг тебя. Но ведь делается-то не вокруг тебя, это делаешь сам ты!

Пятаков писал: «Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду». (Смех в зале). Правда, хорошо. Спасибо органам НКВД, что они, наконец, разоблачили вот эту банду! «Хорошо, что ее можно уничтожить». Правильно, подсудимый Пятаков, хорошо, что можно, не только можно, а нужно уничтожить. «Честь и слава работникам НКВД». Вы кошунствуете, подсудимый Пятаков!

О ком писал Пятаков 21 августа 1936 г.? Пятаков писал о себе. Пятаков опередил неумолимый ход событий.

О чем же говорят эти статьи Пятакова и Радека? Разве не говорят они о крайнем, беспредельном, в буквальном смысле этого слова, моральном падении этих людей, о моральном ничтожестве, о растлении этих людей? Ничтожные, заживо сгнившие, потерявшие последний остаток не только чести, но и разума, подлые людишки, собиравшиеся в поход против Советского государства мальбруки, плюгавые политики, мелкие политические шулера и крупные бандиты.

ПРОГРАММА АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Объединенный зиновьевско-троцкистский центр и его деятели упорно пытались доказывать, что у них никаких политических программных требований не было, что у них была одна только «голая жажда власти». Это неправда. Это была попытка обмануть общественное мнение. Не может быть борьбы за власть без какой-нибудь программы, без программы, которая должна

формулировать цели, задачи, стремления, средства борьбы. Мы и тогда не верили тому, что не было у объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра какой-нибудь программы. Мы знали, что они ее упорно скрывают, и действительно: программа у них была, как была программа и у этого троцкистского террористического центра. Она сводилась к откровенному признанию необходимости капиталистической реставрации в СССР. Сокольников подтвердил, что, по сути дела, это была старая антисоветская рютинская программа. И это верно. Сокольников говорил:

«Что касается программных установок, то еще в 1932 году и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 году.

Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас.

Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму».

Но как «сговориться»? Захочет ли фашизм «сговориться»? Не предпочтет ли он действовать без всякого сговора, так как он действует везде, во всем мире — нахрапом, наваливаясь, давя и уничтожая слабых? Радек говорил, что было ясно, что «хозяйном положением будет фашизм — германский фашизм, с одной стороны, и военный фашизм одной дальневосточной страны, с другой».

Это, конечно, понимал не хуже их и их учитель Троцкий, это понимал весь троцкистский центр. На это они шли с открытыми глазами. Это составляло второй пункт их «замечательной» программы.

Третий пункт — вопрос о войне и поражении СССР.

Четвертый — вопрос о последствиях поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств промышленных предприятий, но и продажа в частную собственность важных экономических объектов, которые они наметили; это займы, о которых говорил Радек; это допущение иностранного капитала на те заводы, которые лишь формально останутся в руках Советского государства.

Пятый пункт, как они говорили,— аграрный вопрос. Этот аграрный вопрос очень просто решался у «параллельного» центра, точь-в-точь, как у Фамусова решался культурный вопрос — «забрать все книги бы, да сжечь». Так решался и у них аграрный вопрос: сжечь завоевания пролетарской революции — колхозы распустить, совхозы ликвидировать, тракторы и другие сложные сельскохозяйственные машины передать единоличникам. Для чего? Откровенно сказано: «Для возрождения нового кулацкого строя». «Нового» ли? Может быть, просто старого?

Шестой вопрос — это вопрос о демократии. Радек рассказывал, что ему писал по этому поводу Троцкий. Это очень важно нам знать, особенно теперь, когда наша страна достигла высочайшего развития пролетарской социалистической демократии, выражением чего является недавно принятая и утвержденная нашим народом великая Сталинская Конституция. Как о демократии ставился вопрос в троцкистской программе? Что говорит по вопросу о демократии К. Радек, получивший письмо от своего учителя?

«В письме Троцкий сказал (я цитирую показания Радека):

«Ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции (теперь уже 19.— А. В.), и у него аппетит громадный...»

Это правильно. Такой, громадный аппетит, что он скушает, как уже скушал не раз, любого своего врага.

«...А этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса».

А в деревне?

«В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию».

Ну, вероятно, Радек продумал очень хорошо.

И, наконец, седьмой вопрос — программа внешней политики, раздел страны: «Германии отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии». Мы дальше интересовались, а как обстоит дело насчет каких-нибудь других экономических уступок?

Радек ответил:

— Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал без цифр, а после более определенно — известный процент

обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Я спросил: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

— А насчет Придунайских стран?

Радек: О Придунайских и Балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вот семь основных вопросов этой так называемой программы центра, добывавшегося насильственного свержения советской власти в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя и восстановления в нашей стране господства буржуазии, добывавшегося нанесения удара против демократии, против дела мира, против мирных демократических стран, — в помощь кроважидным империалистическим агрессивным странам фашистского типа.

Что означала и что означает эта программа для рабочего класса, для крестьян, для дела мира, для интересов советского народа?

Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, ликвидацию советского социалистического строя. Социалистический строй — это строй без эксплуатации и эксплуататоров, это строй без купцов и фабрикантов, без нищеты и безработицы, это строй, где хозяином являются рабочие и крестьяне, строй, где уничтожены все эксплуататорские классы, где остались рабочий класс, класс крестьян, интеллигенция.

Троцкисты этим недовольны. Они хотят изменить существующий у нас ныне общественный строй. Они хотят уничтожить рабочий класс, превратившийся благодаря победе социализма в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, вернуть его в положение, которое он занимал до Октябрьской революции, в положение рабов, закованных в капиталистические цепи.

Вот что означает для рабочих нашей страны и для рабочих всех стран мира троцкистская платформа капиталистической реставрации в СССР.

Наше советское крестьянство — это новое, колхозное крестьянство, — оно совсем не похоже на крестьянство капиталистических стран. В капиталистических странах крестьянство влачит нищее, полуголодное или вовсе голодное существование. Разбросанные

по лицу всей страны, как говорил об этом товарищ Сталин, они «копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п.».

«Такого крестьянства,— говорил на Чрезвычайном VIII Все-союзном съезде Советов товарищ Сталин,— у нас уже нет... У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство... Как видите,— говорил товарищ Сталин,— советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества»¹.

Это не нравится троцкистам, и они хотят изменить и это положение. Они хотят вернуть в деревню кулаков и помещиков, утвердить вновь кулацкую власть, восстановить в деревне хозяев, кулаков, отдать крестьян в кулацкую кабалу, лишить наше колхозное крестьянство добытых кровью прав.

Вот что означает для крестьян нашей страны троцкистская программа капиталистической реставрации, возврата нашей страны в руки капиталистов, кулаков и помещиков.

Троцкисты недовольны, наконец, и тем, что победа социализма в СССР превратила интеллигенцию из служанки капитала в равноправного члена советского общества. Троцкисты недовольны тем, что наша интеллигенция «вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества» (Сталин). Они этим тоже недовольны. Они хотят изменить общественно-политический строй в СССР. Это значит — изменить общественно-политическое положение и роль в нашем государстве рабочих, крестьян и интеллигенции и вернуть их в положение, какое они занимают в старом капиталистическом обществе, бросить их в омут эксплуатации, безработицы, каторжного, беспросветного и тупого труда, вечной нищеты и голода.

Вот что значат те семь пунктов программы реставрации капитализма, о которых я говорил выше.

Поэтому Зиновьев, Каменев и другие главари антисоветского объединенного троцкистского блока и скрывали эту программу, упорно отрицая ее наличие. Эту программу скрывали и главари «параллельного» центра — Троцкий, Пятаков, Радек, Сокольников и другие.

Как показывал Радек, Троцкий указывал, что «не надо теперь перед рядовыми членами блока ставить программных вопросов во весь рост. Испугаются...» Радек заявил:

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1953, стр. 549—550.

«И для меня и для Пятакова было ясно, что директива подвела блок к последней черте, что, подводя итоги и намечая перспективы работы блока, она устраняла всякие сомнения насчет ее буржуазного характера. Понятно, мы этого вслух признать не могли, ибо это ставило нас перед необходимостью — или признать себя фашистами, или поставить перед собой вопрос о ликвидации блока»... (т. V, л. д. 147).

Не потому ли, между прочим, не удалось Радеку созвать совещание? О чем бы стали они говорить на этом совещании? О реставрации капитализма? О расчленении СССР? О разделении территории СССР? О территориальных уступках? О распродаже нашей территории японским и германским захватчикам? О шпионаже, вредительстве? Они скрывали эти пункты своей программы, являющиеся основными пунктами их программы. Но известно, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Стала явной и эта позорная программа антисоветского троцкистского блока.

Эту программу признали здесь Пятаков, Радек, Сокольников, об этом рассказали здесь на суде они сами.

Но, может быть, это выдумки? Может быть, они говорят так просто потому, что они хотят разыграть комедию раскаявшихся грешников? Раз раскаялись, то надо о чем-то говорить, надо что-то разоблачать. Может быть, Троцкий никогда таких установок не давал?

Но, товарищи судьи, вы знаете, всем известно, что за границей Троцкий издает так называемый «Бюллетень оппозиции», и, если вы возьмете № 10, за апрель 1930 г., этого «Бюллетеня», вы увидите, что там напечатано по существу то же самое:

...«Отступление все равно неизбежно. Нужно совершить его как можно раньше...

...Приостановить «сплошную» коллективизацию...

...Прекратить призовые скачки индустриализации. Пересмотреть в свете опыта вопрос о темпах...

...Отказаться от «идеалов» замкнутого хозяйства. Разработать новый вариант плана, рассчитанный на возможно широкое взаимодействие с мировым рынком...

...Совершить необходимое отступление, а затем стратегическое перевооружение...

...Без кризисов и борьбы из нынешних противоречий выйти нельзя...»

В 1933 году Л. Троцкий требовал: а) роспуска большей части колхозов, как дутых; б) роспуска совхозов, как нерентабельных; в) отказа от политики ликвидации кулачества; г) возврата к концессионной политике и сдачи в концессию целого ряда наших промышленных предприятий, как нерентабельных.

Эта программа не только выражала взгляды, надежды и чаяния троцкистских контрреволюционеров, но, как установлено следствием, служила и основой соглашения троцкистов с иностранными агрессорами, которые зарятся на советскую землю. Ведь следствием установлено, что на основе этой программы Радек, Пятаков и их сообщники вступили и вели переговоры с иностранными агрессорами, с их представителями, ожидая от них военной помощи и обещая им различные экономические и политические выгоды, вплоть до уступки части советской территории. Предатели шли на все, даже на распродажу родной земли. Они пошли на самую черную измену, они пали ниже последнего денкинца или колчаковца. Последний денкинец или последний колчаковец выше этих предателей. Денкинцы, колчаковцы, милоковцы не падали так низко, как эти троцкистские иуды, продававшие родину за 30 серебряников, да и то фальшивых, пытавшиеся отдать в кабалу иностранному капиталу нашу страну. Это факты. Это следствием установлено, и поколебать этого нельзя.

Мудрено ли, что подобная программа предательства отвергается нашим народом, что если бы с этой программой пойти на наши фабрики, заводы, в колхозы, в наши красноармейские казармы, агитатора немедленно бы схватили и повесили на первых попавшихся воротах. И поделом, ибо, кроме виселицы, изменникам не может быть другого удела. Это программа черной измены. Мы противопоставляем ей свою программу — программу советского правительства. Напрасно было бы изображать дело так, будто здесь идет борьба, спор между двумя фракциями, одной из которых повезло, и она пришла к власти, а другой не повезло, «не пофартило», и она к власти не пришла.

Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя программами, двумя противоположными системами принципов, враждебными друг другу направлениями, взглядами, отражающими эти принципы. Этой черной программе троцкистов мы противопоставляем свою программу ликвидации капитализма, ликвидации всех остатков капитализма в нашей стране. Вся Советская страна, рабочие, крестьяне и интеллигенция, под руководством нашей великой партии, партии Ленина — Сталина, под руководством нашего великого вождя и учителя Сталина героически борется за эту программу, неустанно трудится на укрепление нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности наших границ и нашей земли.

В одном великом порыве, не виданном в прошлом истории царской России и ни в одном капиталистическом государстве, в порыве советского патриотизма, героическими руками трудящихся СССР строится наше новое, социалистическое отечество.

Все народы нашей страны охвачены небывалым в истории энтузиазмом, творящим чудеса. Могуча любовь к нашей родине, к нашему отечеству!..

«В прошлом у нас не было и не могло быть отечества»,— говорил товарищ Сталин в 1931 году. «Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа,— у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»¹.

Вся наша страна громко, на весь мир повторяет эти слова товарища Сталина и готова по первому призыву партии и правительства, как один, подняться на защиту отечества.

Товарищ Сталин сказал: «Наша политика есть политика мира... Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»².

Пусть это крепко запомнят наши враги.

Наш великий русский народ, наши великие народы — украинский, белорусский, узбекский, грузинский, азербайджанский, армянский, татарский и все другие многомиллионные народы СССР жибой стеной стоят на страже наших границ, охраняя каждую пядь, каждый вершок нашей священной советской земли!

«Мы полны,— писал Ленин,— чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами»³.

И вот перед вами, товарищи судьи, сидят люди, которые собирались повергнуть с помощью иностранных штыков нашу страну в капиталистическое рабство. Об этих людях и им подобных писал в свое время Ленин, что это вызывающие законное чувство негодования, презрения и омерзения холоуи и хамы. Вот эти люди, эти холоуи и хамы капитализма, пытались втоптать в грязь великое и святое чувство нашей национальной, нашей советской патриотической гордости, хотели наглумиться над нашей свободой, над принесенными нашим народом за свою свободу жертвами, они изменили нашему народу, перешли на сторону врага, на сторону агрессоров и агентов капитализма. Гнев нашего народа уничтожит, испепелит изменников и сотрет их с лица земли!..

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 39.

² И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 260 — 261.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85.

ПОРАЖЕНЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА — ПРОВОКАЦИЯ ВОЙНЫ

Как это установлено на предварительном и судебном следствии, антисоветский троцкистский центр одним из пунктов своей программы имел установку на ускорение войны и поражение СССР в этой войне. А через войну и поражение — приход к власти, захват власти и использование ее для капиталистической реставрации.

Троцкистский центр в составе Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова понимал, разумеется, всю безнадежность своих преступных замыслов о свержении советской власти и захвате этой власти в условиях мирного существования нашего Союза, мирного развития СССР. Они понимали, конечно, что внутри нашей страны нет сил, на которые можно было бы рассчитывать, как на действительно реальные силы. Поэтому главари этого центра основную ставку свою ставили на предстоящую войну, на неизбежность военного нападения на СССР агрессора, на неизбежность завязки войны, на необходимость обеспечить в этой войне победу нашего врага и наше поражение.

В беседе с Пятаковым в декабре 1935 года Троцкий, по словам Пятакова, прямо говорил о неизбежности войны в ближайшее же время. Мы здесь это проверили, насколько возможно. Называлась дата — 1937 год.

Я не могу здесь не сказать об одном обстоятельстве, которое было вчера рассмотрено в закрытом заседании. Именно, в связи с установкой Троцкого и, очевидно, соответствующих компетентных в этом деле кругов и учреждений одного иностранного государства, с которым договаривался Троцкий, установка на 1937 год обуславливалась необходимостью ряда таких мероприятий, которые должны были бы действительно к этому времени подготовить неизбежность поражения СССР. Вчера на закрытом судебном заседании Пятаков и Ратайчак дали подробные объяснения, что они сделали для того, чтобы обеспечить наше поражение в случае возникновения войны в 1937 году, и, в частности, в деле снабжения нашей армии необходимыми средствами обороны. Они нам показали вчера, как глубоко и как чудовищно подл был их план предательства нашей страны в руки врага.

Они показали, как они своим планом хотели обезоружить в наиболее для нас важный и опасный в случае возникновения военных действий период времени — нашу Красную Армию, нашу страну, наш народ.

Теперь становится понятным, почему их планы были приновлены к тому, чтобы именно в 1937 году поставить нас

в тяжелое положение в области некоторых мероприятий оборонного значения.

Именно к 1937 году было подтянуто то чудовищное преступление, которое вчера было установлено в закрытом судебном заседании. Именно на 1937 год ставилась основная ставка на поражение.

Надо вспомнить, что еще 10 лет назад Троцкий оправдывал свою пораженческую позицию по отношению к СССР, ссылаясь на известный тезис о Клемансо. Троцкий тогда писал: надо восстановить тактику Клемансо, восставшего, как известно, против французского правительства в то время, когда немцы стояли в 80 км от Парижа.

Товарищ Сталин зло высмеял Троцкого — этого «опереточного Клемансо» и его «Донкихотскую группу». Троцкий и его сообщники выдвинули тезис о Клемансо не случайно. Они вновь вернулись к этому тезису, но уже теперь не столько в порядке теоретической, сколько практической подготовки, подготовки на деле, в союзе с иностранными разведками, военного поражения СССР.

Л. Троцкий и антисоветский троцкистский центр всячески, всеми доступными им средствами старались ускорить нападение агрессоров на СССР.

«Ускорить столкновение» — спровоцировать войну, подготовить поражение СССР — вот к чему сводилась программа троцкистского «центра» в области, так сказать, внешней политики.

Это «программа» иностранных лазутчиков, агентов иностранных разведок, забирающихся, если это им удастся, в самую гущу рядов противника и пытающихся взрывать ряды противника изнутри. Вот к чему сводилась программа троцкистского центра в части, так сказать, внешней политики.

Две программы — непримиримые, как смертельные враги, стоят одна против другой. Две программы, два лагеря. С одной стороны, оторванная от народа и враждебная народу жалкая кучка людей, ставшая агентами иностранных разведок; с другой стороны, советское правительство, имеющее поддержку со стороны всего населения СССР. Две программы, две принципиально противоположные линии борьбы.

Вполне понятно, что, исходя именно из этих принципиальных своих установок на войну, на поражение, на дезорганизацию нашего государства, на предательство его интересов воинствующему фашизму, и вытекал ряд уже других практических шагов и мероприятий, которые проводила троцкистская организация под руководством своего троцкистского антисоветского центра.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОВЕРШЕНИЕ ДИВЕРСИИ И ВРЕДИТЕЛЬСТВА

Радек и Пятаков подтвердили на суде, что в подготовке военного поражения главным методом в руках изменников из «центра» являлись вредительские мероприятия и диверсии.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним объяснял, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистической партии соглашения было обязательство «...во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом».

Осуществляя взятые на себя таким образом обязательства, «параллельный» или просто антисоветский троцкистский центр на ряде предприятий нашего Союза в действительности организовал, как это установлено следствием, широкую систему вредительских действий и даже диверсий, проводившихся через специально организованные им диверсионные и вредительские группы. Не только в области нашей промышленности, но также и в области железнодорожного хозяйства «параллельный» центр расставлял, в соответствии с этим, своих людей. Мы видели ведь, как это делалось. Если плохо или недостаточно удовлетворительно, с точки зрения центра, разворачивается вредительская и диверсионная работа в Западной Сибири, Пятаков спешит туда, посылает Дробниса специально для того, чтобы усилить западносибирский центр, руководящий диверсионной и вредительской работой.

Мы знаем, что расстановка сил проводилась и проходила по определенному плану не случайно. Были специальные люди, в адреса которых направлялись прибывшие из-за границы разведчики. Эти разведчики расставлялись также по определенному плану, их направляли именно туда, где, казалось, необходимо нанести наиболее чувствительный, как говорили Пятаков и Троцкий, удар.

Пятаков оставляет в центре за собой руководство диверсионной и вредительской работой. Руководство вредительством и диверсиями на железнодорожном транспорте поручается Серебрякову, вкупе с ним Князеву, Туроку, Богуславскому.

Естественно, громадное внимание преступный центр обращал на Кузбасс, в частности на Кемерово. Не случайно именно в Западной Сибири создается достаточно сильный краевой центр в составе испытанных троцкистов: Муралова, Дробниса и Богуславского. Пятаков подтягивает к себе в качестве своих

ближайших помощников — Ратайчака, Норкина; Муралов и Дробнис опираются на Шестова и Строилова.

Основные вредительские и диверсионные силы расставляются достаточно умело и по определенному плану. Основной вредительский и диверсионный актив не расплывается, он концентрируется. Эти силы концентрируются со всеми необходимыми требованиями, предъявляемыми конспирацией. Эти силы концентрируются на наиболее крупных, наиболее важных предприятиях, имеющих преимущественно оборонное значение. Здесь учитывается и ряд таких естественно возникающих трудностей, которые связаны с организацией нового дела, каким является, например, организация мощного Кемеровского комбината. Учитывается решительно все. Можно сказать, что каждая мелочь берется на строгий учет. Все взвешивается «по-хозяйски», если употребить это слово с издевательством над понятием «хозяин». Пятаков выступает здесь именно как хозяин, как организатор этого вредительского хозяйства.

Это человек, который живет двойной жизнью. Он ко всему, даже к вредительскому и диверсионному акту, подходит с расчетом, с выкладкой, соображая, что к чему, что и когда, действуя не просто так, по-партизански. Пятаков — враг партизанщины и в области террора, и в области вредительства, и в области диверсии. Он действует по строгому хозяйственному расчету: вредит там, тогда, так и столько, где, когда, как и сколько ему в этом помогают и содействуют обстоятельства. Учет обстоятельств находится в его руках, учет обстановки находится в его руках, учет сил — в его руках, учет средств — в его руках. Средства маскировки также находятся в его руках. Отсюда достаточно широкая, планомерная, разветвленная вредительская, диверсионная деятельность, чудовищность которой иногда может просто привести в содрогание. На предварительном следствии Пятаков показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не расплываться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение. В этом пункте я действовал по директиве Троцкого: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах».

Надо отдать Пятакову справедливость, он умел наносить чувствительные удары в действительно чувствительных местах.

Мы видели на судебном следствии, что означала эта троцкистско-пятаковская формула в действии: она означала порчу и уничтожение машин, агрегатов и целых предприятий, поджог и взрыв целых цехов, шахт и заводов, организацию крушений поездов, гибель людей.

Наша история знает немало преступлений против власти рабочих, против пролетарской диктатуры. В нашу историю вписаны отвратительные страницы возмутительных заговоров против Советов. Мы помним «шахтинское дело» и, как живые свидетели прошедших перед нашими глазами судебных процессов, мы помним дело «Промпартии», дело «союзного бюро с.-д. меньшевиков». Но едва ли будет преувеличением сказать, что в искусстве вредительства, цинизма и гнусной диверсионной практики троцкисты далеко оставили за собою своих предшественников, что в этой области они перецеголяли самых матерых и отъявленных преступников.

Если сравнить Пятакова с его предшественниками в этой области, то я думаю, что фигуры его предшественников померкнут перед силою и глубиною тех предательских, преступных действий, которые сумел осуществить Пятаков, прикрывая свою преступную деятельность своим высоким положением в Наркомтяжпроме.

Организуя вредительские диверсионные акты, троцкистский антисоветский центр решал по существу одновременно две задачи: одну задачу — подорвать хозяйственную мощь Советского государства и обороноспособность нашей страны, другую задачу — вызвать у рабочих, у трудящихся, у населения озлобление против советской власти, натравить народ на советскую власть. Эту вторую задачу они решали при помощи самых извержских преступлений. Они не только не останавливались перед этими преступлениями, они, наоборот, старались эти преступления организовать в возможно более широком масштабе, старались увеличить число жертв возможно больше. И не прав Пятаков, когда говорит, что принимал «это», как неизбежное. Он здесь не имеет мужества сказать всю ту правду, которую сказал сидящий за его спиною Дробнис.

Не как необходимое и неизбежное принималась центром система взрывов, поджогов, крушений с человеческими жертвами. Организация этого рода преступлений входила в план центра, являясь его составной частью. Дробнис сказал:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно».

Князев говорил, что Лившиц дал ему поручение:

«Подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв».

Товарищи судьи! На суде перед нашими глазами прошло несколько тяжелых картин, которые я должен буду сейчас восстановить в вашей памяти. Должен восстановить взрыв на шахте «Центральная», повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих. Я должен буду также напомнить о крушении

на станции Шумиха, повлекшем за собой смерть 29 красноармейцев и ранение еще 29 красноармейцев.

Характерно, что, совершая преступления, заговорщики очень хладнокровно и продуманно заметали свои следы, пытались эти следы замести. Мы видели, как по поводу отравления рабочих в декабре 1935 года на 6-м участке в районе Северного Ходка в Кемерово члены вредительской троцкистской организации Пешехонов и другие составили специальный акт, скрывший умышленный характер этого отравления. Здесь же на суде Князев и Турок должны были подтвердить, что ряд организованных ими железнодорожных крушений остались безнаказанными, потому что они с циничным искусством прятали достаточно успешно концы в воду.

Мы знаем, что эти люди не останавливались перед тем, чтобы заведомо лживо, заведомо неправильно сообщать следственным органам о виновниках организованных ими крушений, что они умели свалить вину на совершенно невинных людей, как это было со стрелочницей Чудиновой.

Здесь действовала чудовищная бандитская система, которая не щадит никого, не останавливается ни перед чем, направляет свои удары не только против тех, с кем непосредственно ведется борьба, но и против всех тех, кто вообще встречается на их преступном пути.

Надо сказать, что организация диверсионных и вредительских актов и проведение их в жизнь весьма облегчались преступникам тем, что ряд командных должностей в промышленности и на транспорте был захвачен в свои руки этими людьми, сумевшими нас обмануть. Экспертные технические комиссии, которые давали здесь свое заключение, с совершенной точностью и конкретностью установили, что все так называемые аварии, взрывы, пожары, которые сначала пытались изобразить как результат несчастных случаев, на самом деле производились вредителями умышленно, продуманно. Установлено, что на Горловском азотно-туковом комбинате под руководством подсудимого Ратайчак были организованы в сравнительно короткий срок три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекшие за собой человеческие жертвы и причинившие нашему государству к тому же и тяжелый материальный урон.

Товарищи судьи! Для того, чтобы оценить со всей полнотой всю безмерную чудовищность этих преступлений, надо не упустить из виду не только то, что эти преступления совершены, но и то, что они совершены людьми, которым была вверена охрана интересов нашего государства от всякого рода посягательств на них. Ратайчак, который должен был в первую очередь охранять нашу химическую промышленность от всякого рода посягательств на нее и беречь от всякого рода ущерба, этот

человек предает. Он действует, как прямой изменник: за подобного рода преступления в военной обстановке он подлежал бы расстрелу на месте, немедленному уничтожению.

Аналогичные диверсионные акты по поручению Ратайчака совершаются троцкистской организацией и на других химических предприятиях Союза. Диверсионный характер этих взрывов установлен и признан и подсудимыми, и свидетельскими показаниями, и, наконец, специальной технической экспертизой, которая здесь поставила все точки над «и» и не оставила никакого сомнения, что речь идет действительно о диверсиях.

Я хотел бы кратко остановиться на этих данных экспертизы. Я просил экспертов ответить нам на ряд вопросов по взрыву, имевшему место в ноябре 1935 года на Горловском туковом заводе в водородно-синтетическом цехе. На прямой вопрос, имелась ли возможность предупредить этот взрыв, эксперты ответили: «Бесспорно имелась». Что же нужно было сделать для того, чтобы этих взрывов не было?

Оказывается немногое. Для этого нужно было только придерживаться инструкции по безопасному проведению работ. Инструкция обеспечивает нормальную и безопасную работу. Это не было сделано. Отсюда взрыв. И когда мы поставили экспертам вопрос: а может быть, этот взрыв все-таки случайный? Когда мы проверили показания подсудимых, экспертиза ответила: «Факт злого умысла неоспорим».

Мы при помощи экспертизы проверили показания самих подсудимых, и хотя мы знаем, что в некоторых европейских законодательствах признание подсудимыми своей вины считается достаточно авторитетным для того, чтобы уже не сомневаться больше в их виновности, и суд считает себя вправе освободить себя от проверки этих показаний, мы все же для того, чтобы соблюсти абсолютную объективность, при наличии даже собственных показаний преступников, проверили их еще с технической стороны и получили категорический ответ и о взрыве 11 ноября, и о горных пожарах на Прокопьевском руднике, и о пожарах и взрывах на Кемеровском комбинате, — установили, что не может быть никакого сомнения в наличии злого умысла.

Мы, таким образом, имеем целую систему широко разветвленных вредительских и диверсионных мероприятий, которые охватывали те отрасли нашей промышленности, которые имеют наиболее важное значение с точки зрения общесоюзных интересов и с точки зрения интересов обороны и обороноспособности нашего государства.

Троцкистский центр организовал достаточно широко разветвленные вредительские и диверсионные мероприятия и на железнодорожном транспорте. Мы уже установили, что активную роль в этом кошмарном преступлении или, вернее,

в этой сумме кошмарных преступлений играл Лившиц, Турок, Князев и Богуславский. Но и здесь я не могу не выделить Лившица, ибо это уже предел, как мы имели и в случае с Пятаковым, всякого мыслимого преступления. В самом деле, Лившиц был не просто работник железнодорожного транспорта, не просто один из ответственных работников Народного комиссариата путей сообщения. Лившиц был заместителем народного комиссара путей сообщения. В этом отношении он ничем не отличается от Пятакова, несмотря на то, что его роль по сравнению с Пятаковым была второстепенной. Когда наша промышленность и железнодорожный транспорт под блестящим руководством товарищей Серго Орджоникидзе и Лазаря Моисеевича Кагановича, преодолевая всякого рода трудности, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год поднимались в гору, — в это самое время те, кто призван был им помогать, нагло и предательски обманывали их, обманывали нас всех, нашу партию, наш народ.

Вот почему я полагаю, что в отношении Пятакова, бывшего заместителя народного комиссара тяжелой промышленности СССР, в отношении Лившица, бывшего заместителя народного комиссара путей сообщения, и в отношении Сокольников, бывшего заместителя народного комиссара по иностранным делам, — в отношении этих трех лиц, как лиц, облеченных особым доверием, особой государственной ответственностью перед нашей страной, — вопрос об уголовной ответственности должен быть поставлен особо, даже если бы за их плечами не было иных чудовищных преступлений.

Подсудимый Князев по прямому заданию «параллельного» троцкистского центра организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся значительным количеством человеческих жертв. Было крушение на ст. Шумиха, где погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев оказались ранеными, крушение на перегоне Яхино — Усть-Катав, крушение воинских поездов, крушение товарных поездов. Князев организовал их, как это выяснилось, не только по поручению и указаниям «параллельного» троцкистского центра и, в частности, Лившица, но и по прямым заданиям агента одной из иностранных держав, — агента японской разведки господина Х., который действительно был одной из движущих пружин преступной деятельности Князева и Турока.

Князев показал, что организация крушений воинских поездов входила в круг мероприятий намеченных для удара по нашей Красной Армии, и нельзя отказать в признании того, что действительно эти мероприятия преступного характера могли нанести нам чувствительный удар.

Так переплетались интересы троцкистской организации с интересами иностранных разведок. Они не могли не переплетаться, потому что у них была общая политическая задача, общие методы работы и организационная связь, что, в сущности говоря, стирало всякие грани различия между троцкистской организацией и организацией японской или германской разведки.

Связи Князева и Турока, связи шпионского диверсионного характера нами были проверены на закрытом заседании, где была совершенно точно установлена личность этого господина Х., и все те обстоятельства, о которых подсудимые давали показания на суде.

Я здесь должен буду напомнить об имеющихся в деле двух письмах, где изобличаются связи Князева с этим господином Х. Эти письма только лишний раз и вполне объективно подтверждают показания Князева.

Князев показал, что по соглашению с этим самым господином Х. он давал и выполнял задания на случай войны по организации поджогов воинских складов, пунктов питания, пунктов санитарной обработки войск. Князев подтвердил, что японская разведка особенно резко ставила вопрос об организации диверсионных актов путем применения бактериологических средств в момент войны с целью заражения острозаразными бактериями поездов под воинские эшелоны, а также пунктов питания и санитарной обработки войск.

Вот два наиболее характерных факта, которые сами по себе говорят о действительно беспредельном падении, о действительно моральном растлении, которым оказались подвержены и малые и большие деятели этого антисоветского троцкистского центра. Эпизод с Кемеровским комбинатом и задание, которое Князевым получено от Х. на случай войны,— заражение красноармейцев острозаразными бактериями — два факта, вполне достаточные для того, чтобы считать полностью установленным предьявленное здесь обвинение в государственной измене.

Преступники действовали с наглостью и цинизмом. На них оказывало некоторое влияние их положение, позволявшее им думать, что они настолько крепко законспирированы и замаскированы, что не будут разоблачены до конца. В самом деле, как могли они в течение сравнительно длительного времени совершать эти преступления, оставаясь безнаказанными? Это вопрос, конечно, законный. Но что же, если те самые консулы, на которых лежит обязанность заботиться, чтобы никакого ущерба не понесло государство (старая формула, которая говорит, что консулы обязаны не допускать никакого ущерба государству), эти самые консулы оказались основными вредителями, основными организаторами этих преступлений! Тут, конечно, можно вредить месяц, можно вредить год, два, пять лет, может быть, даже целые

десять лет, если играть эту подлейшую двойную игру, если жить той двойной жизнью, какой жили обвиняемые по этому делу. Да, эти преступления были возможны потому, что они совершались под прикрытием тех, кто должен был бы первый поднять тревогу, дать сигнал и броситься в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений. Это объясняет все.

Но тут я поставлю другой вопрос: несмотря на то, что к руководству примазались вот такие шпики и разведчики, как Ратаячак, вот такие предатели и изменники, как Лившиц или Пятаков, — как случилось, что, несмотря на все эти их усилия подорвать мощь промышленности, ослабить силы оборонной промышленности, поколебать обороноспособность нашей страны оказались тщетными? Это наиболее важный вопрос, и на него нужно дать точный и исчерпывающий ответ.

Да, в известный период, в известный момент, на известных участках нам приходилось туго. Но, несмотря на вредительские и диверсионные удары, наша промышленность и наш железнодорожный транспорт все время идут в гору, все больше поднимаются вверх. Я приведу несколько справок из нескольких отраслей промышленности, которые были ареною преступной деятельности троцкистских заговорщиков.

В угольной промышленности мы имеем рост добычи угля:

по Донбассу — с 25 288 тыс. т в 1913 году до 75 202 тыс. т. в 1936 году,

по Кузбассу — с 799 тыс. т в 1913 году до 17 259 тыс. т в 1936 году,

по Подмосковному бассейну — с 300 тыс. т до 7201 тыс. т в 1936 году. Громадный рост!

За 19 лет наша страна создала мощную химию и заняла третье или даже по отдельным отраслям промышленности второе место в мире.

К началу первой пятилетки наша страна обогатилась созданием ряда новых отраслей промышленности, имеющих общенародное хозяйственное значение, как анилино-красочная промышленность, коксо-бензоловая промышленность, химико-фармацевтическая и т. д. Первая и вторая пятилетки советской химии были наиболее яркими этапами в развитии химической промышленности. Надо иметь в виду, что история мировой химии вообще начинается с конца XVIII века. Следовательно, современная мировая химическая промышленность имеет около 150 лет своего развития, а наша советская химическая промышленность имеет не больше 10 лет своего развития. И за эти 10 лет она прошла путь 150 лет мирового капиталистического хозяйства. Мы имеем успехи, благодаря которым по серной кислоте и соде мы занимаем третье место, уступая только Германии и Соединенным Штатам, по суперфосфату — первое место после Соеди-

ненных Штатов, по азотным удобрениям наша страна выдвигается на четвертое место в мире. Это факты многозначительные, особенно в свете тех кошмарных преступлений, о которых мы здесь слышали и которые вызвали всеобщее негодование нашей страны. Это говорит о том, что именно так отвечает наш народ, наша социалистическая промышленность на подрывную работу предателей и агентов фашистских разведок. Несмотря на вредительство, несмотря на диверсии, сотни погибших от рук разведчиков и диверсантов лучших стахановцев, несмотря на систематические и планомерно проводившиеся мероприятия по сознательному срыву стахановского движения,— наша промышленность бурно растет и перевыполняет свои производственные планы!

Аналогичное положение на железнодорожном транспорте. И здесь мы имеем героический подъем железнодорожного хозяйства, о чем особенно красноречиво говорят цифры среднесуточной погрузки. Эта погрузка в 1934 году выражалась в 55 417 вагонов, в 1935 году — в 68 098 вагонов, в 1936 году — в 86 160 вагонов! Годовая перевозка грузов в миллиардах тонно-километров за те же годы: 205, 258, 323! Железнодорожный транспорт героически преодолел былые трудности...

Чем объяснить это чудо, чем объяснить это явление? Чудес в мире не бывает. Почему же мы имеем такой блестящий рост, такой расцвет нашей промышленности и железнодорожного транспорта? Потому, что на стороне вредителей стоят единицы. Вред, причиняемый этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. Потому, что на стороне Советского правительства и строительства социализма стоят миллионы!

ШПИОНАЖ И ТЕРРОР

Материалами предварительного и судебного следствия и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Князева, Пушина, Турока, Граше, Шестова, Строилова установлено, что наряду с диверсионно-вредительской деятельностью троцкистский антисоветский центр широко и систематически занимался шпионажем в пользу иностранных разведок.

На этом вопросе я не буду подробно останавливаться, скажу лишь основное.

Установление связей с японской и германской разведками осуществлялось не в порядке личной инициативы какого-то Турока или Шестова. Эта связь осуществлялась в порядке выполнения директивы Троцкого. Люди, связавшиеся с иностранными, германской и японской, разведками под руководством Троцкого и Пятакова, своей шпионской работой подготавливали результаты,

которые должны были самым тягчайшим образом сказаться на интересах не только нашего государства, но и на интересах целого ряда государств, вместе с нами желающих мира, борющихся вместе с нами за мир.

Товарищ Сталин в своей телеграмме на имя Центрального комитета коммунистической партии Испании, на имя товарища Хозе Диас сказал, что «трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они,— сказал товарищ Сталин,— отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

И я хочу просить у вас, товарищи судьи, чтобы и вы, взвешивая все обстоятельства данного дела и оценивая значение преступлений, совершенных подсудимыми, также подошли к этому делу с точки зрения охраны интересов нашего государства, с точки зрения охраны интересов всего передового и прогрессивного человечества.

Мы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в каждой стране, жаждущей мира и борющейся за мир, самыми решительными мерами их правительств были прекращены всякие попытки преступной шпионской, диверсионной, террористической деятельности, которая организуется врагами мира, врагами демократии, темными фашистскими силами, подготовляющими войну, собирающимися взорвать дело мира и, следовательно, дело всего передового, всего прогрессивного человечества. Достаточно полно установлено, что именно в этой области делали и маленькие шпики, сидящие здесь на скамье подсудимых, вроде Граше, Ратайчака, и большие шпики, возглавляющие эту скамью подсудимых. Князев и Лившиц, Ратайчак, Шестов, Строилов, Пушин, Граше — это непосредственная агентура германской и японской разведок. Агентура, конечно, не только не исключает, а наоборот, предполагает ответственность на равных началах и главарей этого центра, организовавших агентуру и путивших ее в ход.

Обвинительное заключение предъявляет обвинение к членам троцкистского центра и их сообщникам в организации террористических актов.

Здесь надо раньше всего остановиться на основном и общем вопросе — доказано, что в программе троцкистского антисоветского центра стоял террор, что этот террор проводился на деле.

В наших руках имеются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий дважды, по крайней мере, и притом в достаточно откровенной, незавуалированной форме дал установку на террор,— документы, которые оглашены их автором *ubi et ubi* (всему миру). Я имею в виду, во-первых, то письмо 1932 года, в котором Троцкий бросил свой предательский, позорный клич —

«убрать Сталина», и, во-вторых, я имею в виду документ, уже относящийся к более позднему времени, — троцкистский «Бюллетень оппозиции» № 36—37, октябрь 1933 года, где мы находим ряд прямых указаний на террор как метод борьбы с советской властью.

В самом деле, здесь, в статье, имеющей программный характер, в статье, которая под своим официальным названием содержит еще подзаголовок — «Проблемы IV интернационала», — Троцкий говорит совершенно откровенно о терроре как методе, который уже в те годы был поставлен в порядок дня практической деятельности троцкистов. Этот террор они, к нашему великому горю, сумели осуществить в 1934 году, убив Сергея Мироновича Кирова.

В этой самой статье, имеющей программный характер, есть глава, в которой говорится: «Возможно ли мирное снятие бюрократии?» Троцкий и троцкисты считают наш советский аппарат бюрократическим аппаратом.

Здесь говорится:

«Возьмите немаловажный вопрос, как подойти к реорганизации Советского государства».

Троцкий, видите ли, озабочен реорганизацией Советского государства, чем озабочены, как мы видели на этом процессе, также и его ближайшие помощники — Пятаков, Сокольников, Радек, Серебряков и другие.

Как подойти к реорганизации Советского государства и можно ли разрешить эту задачу мирным способом? Ясная совершенно постановка. Противник террора, насилия должен был бы сказать: да, возможно мирным способом, скажем, на основе конституции.

А что говорят Троцкий и троцкисты?

Они говорят так:

«Было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. Для устранения правящей клики (как они клеветнически называют наше правительство. — А. В.) не осталось никаких нормальных конституционных путей».

«Заставить их передать власть в руки пролетарского авангарда (они говорят о себе, как об авангарде, имеют в виду, очевидно, вот подобный этим господам «авангард», который занимался убийствами и диверсиями, и шпионажем) можно только силой».

Причем слово «силой», как в этом можно убедиться, набрано черным шрифтом. Ясная постановка вопроса! Мирные средства? Мирные средства бессильны. Единственное средство — сила, силой и устранять. Но мы знаем, как силой устраняют, в особенности, когда дело идет о том, чтобы эту силу оставлять в

руках такого «авангарда», каким являются вот эти господа. (С м е х.)

Они говорят дальше прямо о «сталинском аппарате», говорят, что если все-таки этот аппарат, наш государственный аппарат, будет сопротивляться, то придется применить против него особые меры.

То, что я процитировал и что я из чувства просто политической брезгливости не имею возможности цитировать дальше, совершенно отчетливо говорит о том, как ставится троцкистами в своих журнальчиках вопрос о методах борьбы, каковы установки Троцкого в отношении этой так называемой «реорганизации» Советского государства. Об этом самом «Бюллетене» троцкистской оппозиции нам, кстати, Пятаков говорил, что Троцкий сказал ему: «Не обращайтесь полностью на то, что будет писаться в «Бюллетене». Имейте в виду, что в «Бюллетене» мы не можем откровенно сказать все, что мы говорим и требуем от вас. Знайте, что в «Бюллетене» мы будем даже говорить иногда, может быть, прямо противоположное тому, что мы от вас требуем». И если при этих условиях говорится то, что я сейчас процитировал,— как это назвать, если не прямым призывом к насильственным действиям против нашего государства, против наших руководителей? Как это назвать, как не прямым призывом к террору? Иного названия я этому дать не могу.

И это является объективнейшим доказательством того, что когда некоторые — Пятаков, Радек и другие — члены этой преступной банды говорили, что они организовали террористические акты по прямым установкам Троцкого, то они вынуждены были сказать то, что в действительности есть, и никакой болтовней, никакой клеветой, никакой инсинуацией и троцкистской брехней этого факта не замазать! В наших руках есть документы, которые объективно говорят, что террор стоит в порядке дня троцкистской организации, что террор был предложен Троцким, что он был принят Пятаковым.

Перед нами стоят террористы, которые организовывали теракты не только сами, но по соглашению с троцкистско-зиновьевским блоком, с которым у них была некоторая конкуренция. Посмотрите: опубликованные протоколы судебных заседаний объединенного зиновьевско-троцкистского центра говорят о том, что зиновьевцев подхлестывала боязнь, что троцкисты в своей преступной деятельности их могут «обскакать». Разве на этом процессе мы не слышали о том же? Разве троцкисты из «параллельного» центра не считали своей задачей, как здесь признался Радек, держать зиновьевцев в руках, не позволять зиновьевцам оттиснуть их от власти в тот момент, когда они будут распределять портфели? Этот «авангард» спал и видел во сне портфели. Радеку — портфель министра иностранных дел, Ратайчаку, — ве-

роятно, министра религиозных исповеданий (в зале смех), потому что он показывал, что он чувствует себя связанным до сих пор присягой, которую он где-то кому-то давал. А Пятакову предназначался (нам это известно) пост военного министра и вообще главнокомандующего всех вооруженных сухопутных (морских сил у них не было) и—я имею в виду «старого летчика» Ратайчака — летных сил.

Центр организовал сеть террористических групп. У Пятакова — Логинов, Голубенко и другие; у Радека — Пригожин и другие; у Сокольникова — Закс-Гладнев, Тивель и другие; у Серебрякова — у того есть своя группа — Мдивани; у Дробниса — какая-то Подольская, которая тоже подготавливала террористический акт. У Дробниса — своя группа. У Муралова — об этом и говорить нечего. Он же бывший командующий, как ему быть без армии? Если нельзя командовать советскими силами, разве нельзя командовать антисоветскими? Он «солдат» — чем и как прикажут, тем и так он будет командовать. Даже у Шестова и то была своя группа — Арнольд и К° — и группа неплохая с точки зрения ее задач. Правда, не больно она презентабельна с виду, но практически умела действовать.

Пятаков подготавливает террористический акт в 1935 году против товарища Сталина. Мы спрашивали об этом Пятакова, мы вызывали Логинова для свидетельского допроса, и он это подтвердил. Радек подготавливает террористические кадры в Ленинграде; Закс-Гладнев и другие готовят под руководством Сокольникова террористический акт против товарища Сталина; Мдивани под руководством Серебрякова собирает террористов, которых можно было бы стянуть в Москве для того, чтобы обеспечить наиболее успешное осуществление так называемых групповых террористических актов.

Готовят, в том числе и Дробнис, еще другие террористические акты. Муралов, например, готовит акт против тех, кто приедет к нему в Сибирь. Такова установка: учесть, использовать выезды руководителей партии и правительства на периферию и организовать их убийства. И вот Муралов, который никак не хочет согласиться с тем, чтобы ему приписывалась подготовка покушения против тов. Орджоникидзе, этот самый Муралов твердо и откровенно (я не могу сказать «честно», потому что это слово не подходит к таким делам) признает, что он действительно организовал террористический акт против товарища В. М. Молотова, председателя Совета Народных Комиссаров нашего Союза. Террористический акт Муралов не только организовал, но и пытался осуществить через Шестова и Арнольда.

Конечно, может быть поставлен и такой вопрос: много групп, а «дела» как-то не видать. Но это ваше счастье. Ведь эти самые

господа не брали на себя лично совершения террористических актов, в этом-то наше счастье. С Радеком, с Пятаковым, с Сокольниковым встречались довольно близко, обсуждали вместе разные вопросы, полагая, что рядом сидят товарищи. А оказалось, что рядом сидят наши убийцы! Если бы они могли открыто выступить на террор, положение было бы, конечно, сложнее. Но тактика у них была иная: не открывать, что троцкисты готовят убийства. Их тактика заключалась в том, чтобы можно было совершение терактов свалить на других — скажем, на белогвардейцев (так ставился вопрос). В этих условиях, конечно, не легко было им найти людей, которые, вроде таких просвещенных мореплавателей, как Арнольд, согласились бы взять на себя подобного рода ужасные преступления. Арнольд, Шестов, Муралов, западносибирский центр, троцкистский центр в целом отвечают, конечно, за подготовку этих актов, потому что это делалось по общей директиве, «конкретно переведенной», как выразился Пятаков, «с языка алгебраического на язык арифметический». Но они забыли, что существует еще один язык — язык Уголовного кодекса, который знает преступления, знает людей, их совершивших, и знает ответственность, предусмотренную законом за эти преступления. Они избирают Арнольда как вполне подходящего человека для подобного рода преступлений. Ну, что такое Арнольду взять на себя совершение одного или десятка террористических актов? Вы уже видели этого Арнольда. У Арнольда есть только одно качество, которого не учли эти троцкистские заговорщики, — трусость... Вот он организовал покушение против товарища Орджоникидзе и, к величайшему счастью нашему, в последнюю минуту сдрейфил, — не удалось. Организует покушение на жизнь председателя Совнаркома СССР товарища Молотова, но, к нашему счастью, к величайшему счастью, опять сдрейфил, — покушение не удалось.

Но факт остается фактом. Покушение на товарища Молотова произошло. Эта авария на гребешке 15-метровой канавки, как здесь Муралов скромненько говорил, — факт.

Возьмите убийство инженера Бояршинова. Кто такой Бояршинов? Это был человек, когда-то осужденный за вредительство. Но потом это прошло. Бояршинов оказался честным человеком. Он отказался строить шахту по вредительским планам и не раз выступал против отставания работ и преступной деятельности Строилова. Он разоблачает Строилова.

Эта честная работа Бояршинова озлобила гнездо диверсантов. Они организуют убийство. 15 апреля 1934 г. инженер Бояршинов едет на лошади с вокзала. Его нагоняет грузовая машина и давит насмерть. Опять тот же самый прием, при помощи которого действовала шайка Шестова — Черепухина, которая имела в своих рядах Арнольда и некоторых других лиц, которые бы-

ли вскрыты, судимы и осуждены. Например Казанцев, который участвовал в этой истории.

Это факт, это не самооговор, это факт: убили Бояршинова. Покушались на убийство аналогичным способом председателя Совета Народных Комиссаров товарища В. М. Молотова.

Вот почему за террористическую деятельность, за подготовку террористических преступлений отвечает этот центр в полной мере и в полном объеме — от Арнольда и до Пятакова, и от Пятакова до Арнольда. Ответственность одинаковая и солидарная.

Преступления, перечисленные нами в обвинительном заключении, я считаю доказанными полностью, преступники изобличены также полностью.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Наш закон требует производить оценку имеющихся в деле доказательств по внутреннему убеждению суда, на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности.

Статья 320 Уголовно процессуального кодекса РСФСР говорит о необходимости постановки на разрешение суда при вынесении приговора ряда вопросов. Из них я считаю наиболее существенными и важнейшими два первых вопроса: вопрос о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимым, и, во-вторых, содержит ли это деяние в себе состав уголовного преступления. На оба эти вопроса обвинение дает положительный ответ. Да, приписываемые обвиняемым преступления имели место. Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены, и эти деяния заключают в себе полный состав уголовного преступления. В этих двух вопросах не может быть никакого сомнения.

Но какие существуют в нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требований?

Надо сказать, что характер настоящего дела таков, что именно этим характером предопределяется и своеобразие возможных по делу доказательств. Мы имеем заговор, мы имеем перед собой группу людей, которая собиралась совершить государственный переворот, которая организовалась и вела в течение ряда лет или осуществляла деятельность, направленную на то, чтобы обеспечить успех этого заговора, заговора, достаточно разветвленного, заговора, который связал заговорщиков с зарубежными фашистскими силами. Как можно поставить в этих условиях вопрос о доказательствах? Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы? Вы говорите — программа, но где же у вас имеется программа? У этих людей где-нибудь есть писаная программа? Об этом они только говорят.

Вы говорите, что это есть организация, что это есть какая-то банда (а они называют себя партией), но где же у них постановления, где же у них вещественные следы их заговорщической деятельности — устав, протоколы, печати и пр. и т. п.?

Я беру на себя смелость утверждать в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговоре таких требований предъявлять нельзя. Нельзя требовать, чтобы к делам о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с требованием — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов; нельзя требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинение на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, косвенных улик. Я в данном случае должен сослаться хотя бы на такого блестящего процессуалиста, каким является известный старый английский юрист Уильям Уильз, который в своей книге «Опыт теории косвенных улик» говорит, как сильно бывают косвенные улики и как косвенным уликам принадлежит нередко убедительность гораздо большая, чем прямым доказательствам.

Я думаю, что и мои уважаемые противники согласятся со мной с точки зрения позиций, на которых они, как защитники, в этом вопросе стоят. Но у нас есть и объективные доказательства. Я говорил о программе, и я предъявил вашему вниманию, товарищи судьи, «Бюллетень» Троцкого, где напечатана эта самая программа. Но идентификация здесь будет гораздо более легкой, чем та, которую вы провели, устанавливая по фотоснимкам идентичность некоторых лиц из германской разведки.

Мы опираемся на ряд доказательств, которые могут служить в наших руках проверкой обвинительных утверждений, обвинительных тезисов. Во-первых, историческая связь, подтверждающая обвинительные тезисы на основании прошлой деятельности троцкистов. Мы имеем в виду, далее, показания обвиняемых, которые и сами по себе представляют громаднейшее доказательственное значение. В процессе, когда одним из доказательств являлись показания самих обвиняемых, мы не ограничивались тем, что суд выслушивал только объяснения обвиняемых: всеми возможными и доступными средствами мы проверили эти объяснения. Я должен сказать, что это мы здесь делали со всей объективной добросовестностью и со всей возможной тщательностью.

Для того чтобы отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, судейского опыта, и каждый судья, каждый прокурор и защитник, которые провели не один десяток процессов, знают,

когда обвиняемый говорит правду и когда он уходит от этой правды в каких бы то ни было целях. Но допустим, что показания обвиняемых не могут служить убедительными доказательствами. Тогда надо ответить на несколько вопросов, как требует от нас наука уголовного процесса. Если эти объяснения не соответствуют действительности, тогда это есть то, что называется в науке оговором. А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора. Эти причины могут быть различны. Надо показать, имеются ли налицо эти причины. Это может быть личная выгода, личный расчет, это желание кому-нибудь отомстить и т. д. Вот если с этой точки зрения подойти к делу, которое разрешается здесь, то вы в своей совещательной комнате должны будете также проанализировать эти показания, дать себе отчет в том, насколько убедительны личные признания обвиняемых, вы обязаны будете перед собою поставить вопрос и о мотивах тех или иных показаний подсудимых или свидетелей. Обстоятельства данного дела, проверенные здесь со всей возможной тщательностью, убедительно подтверждают то, что говорили здесь обвиняемые. Нет никаких оснований допускать, что Пятаков не член центра, что Радек не был на дипломатических приемах и не говорил с господином К. или с господином Х., или с каким-нибудь другим господином,— как его там звать,— что он с Бухариным не кормил «яичницей с колбасой» каких-то приехавших неофициально к нему лиц, что Сокольников не разговаривал с каким-то представителем, «визируя мандат Троцкому». Все то, что говорили они об их деятельности, проверено экспертизой, предварительным допросом, признаниями и показаниями, и все это не может подлежать какому бы то ни было сомнению.

Я считаю, что все эти обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против Советского государства.

Но мы имеем, товарищи судьи, такой пример и в прошедших процессах,— и я прошу вас иметь это в виду и при окончательной оценке тех последующих слов, которые пройдут перед вами через несколько часов. Я напому вам о том, как, скажем, по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра некоторые обвиняемые клялись вот здесь, на этих же самых скамьях в своих последних словах,— одни прося, другие не прося пощады,— что они говорят всю правду, что они сказали все, что у них за душой ничего не осталось против рабочего класса, против нашего народа, против нашей страны. А потом, когда стали распутывать все дальше и дальше эти отвратительные клубки чудовищных,

совершенных ими преступлений, мы на каждом шагу обнаруживали ложь и обман этих людей, уже одной ногой стоявших в могиле.

Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!

Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 году по указанию Троцкого был организован под названием «параллельный» центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольников и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским Союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами, что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему Советскому государству.

В этом я обвиняю членов «параллельного» антисоветского троцкистского центра — Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова, — т. е. в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: 58^{1а} — измена родине, 58^б — шпионаж, 58^в — террор, 58^г — диверсия, 58¹¹ — образование тайных преступных организаций. Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда — в том, что они повинны в тех же самых преступлениях как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, т. е. в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного кодекса.

Основное обвинение, товарищи судьи, которое в этом процессе предъявляется, — это измена родине. Измена родине карается статьей 58^{1а} УК РСФСР. Она говорит об измене родине как о действиях, которые совершены в ущерб военной мощи

Союза, его государственной независимости, его территориальной неприкосновенности, как шпионаж, выдачу военных и государственных тайн, переход на сторону врага. Все эти элементы, кроме последнего — бегства за границу, — мы имеем здесь налицо. Закон возлагает на совершивших это тяжелое государственное преступление, которое наша великая Сталинская Конституция справедливо называет тягчайшим злодеянием, — тягчайшее наказание. Закон требует при доказанности вины преступников приговорить их к расстрелу, допуская смягчение этого наказания лишь при смягчающих обстоятельствах.

Вы должны будете, товарищи судьи, в совещательной комнате ответить на вопрос, есть ли у этих обвиняемых и у каждого из них в отдельности индивидуальные и конкретные обстоятельства, которые позволили бы вам смягчить угрожающее им по закону наказание? Я считаю, что таких смягчающих обстоятельств нет. Я обвиняю преданных суду по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса в полном объеме.

Я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, — на костылях, искалеченные, полуживые, а может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через «Правду» и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один. Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений, требующие от меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти! (Долго не смолкающие аплодисменты всего зала.)

* * *

Военная коллегия приговорила: Пятакова Ю. Л., Серебрякова Л. П., Муралова Н. И., Дробниса Я. Н., Лившица Я. А., Богуславского М. С., Князева И. А., Ратайчака С. А., Норкина Б. О., Шестова А. А., Турока И. Д., Пушина Г. Е. и Граше И. И. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу.

Сокольникова Г. Я. и Радека К. Б. как членов антисоветского троцкистского центра, несущих ответственность за его преступную

деятельность, но не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности,— к заключению в тюрьме сроком на 10 лет каждого.

Арнольда В. В.— к заключению в тюрьме на 10 лет.

Строилова М. С.— к заключению в тюрьме на 8 лет.

Осужденных к тюремному заключению Сокольников, Радека, Арнольда и Строилова Военная коллегия постановила лишить политических прав сроком на пять лет каждого.

Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, Военная коллегия постановила конфисковать.

Приговор в отношении осужденных к расстрелу, ввиду отклонения Президиумом ЦИК СССР их ходатайств о помиловании, был 30 января 1937 г. приведен в исполнение.

ДЕЛО АНТИСОВЕТСКОГО «ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

По заданию разведок, враждебных Союзу ССР иностранных государств обвиняемые по настоящему делу организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Следствием было установлено, что «право-троцкистский блок» объединял в своих рядах подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик.

Лишенные всякой опоры внутри СССР, участники «право-троцкистского блока» все свои надежды в борьбе против существующего в СССР общественного и государственного социалистического строя и на захват власти возлагали исключительно на вооруженную помощь иностранных агрессоров, обещавших оказать заговорщикам эту помощь на условиях расчленения СССР и отторжения от СССР Украины, Приморья, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении и Азербайджана.

Такое соглашение «право-троцкистского блока» с представителями иностранных государств облегчалось тем, что многие руководящие участники этого заговора, являлись давнишними агентами иностранных разведок, осуществлявшими в течение многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Это прежде всего относится к одному из вдохновителей заговора — врагу народа Троцкому. Его связь с гестапо была исчерпывающе доказана на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года. Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 года и с английской «Интеллидженс-Сервис» — с 1926 года.

Обвиняемый Крестинский Н. Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1927 году.

Обвиняемый Розенгольц А. П. — один из руководителей троцкистского подполья — начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, а для английской разведки — в 1926 году.

Обвиняемый Раковский Х. Г. — один из ближайших и особо доверенных людей Л. Троцкого — являлся агентом английской «Интеллидженс-Сервис» с 1924 года и японской разведки с 1934 года.

Обвиняемый Чернов М. А. начал свою шпионскую работу в пользу Германии с 1928 года, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта — меньшевика Дана.

Обвиняемый Шарангович В. Ф. был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Обвиняемый Гринько Г. Ф. стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году.

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе обвиняемые по настоящему делу Рыков и Бухарин, были полностью осведомлены о шпионских связях своих участников и всячески воощряли расширение этих шпионских связей.

Соглашение «право-троцкистского блока» с иностранными разведками облегчалось также и тем, что некоторые из обвиняемых по настоящему делу заговорщиков являлись провокаторами и агентами царской охранки.

Пробравшись на ответственные посты в Советском государстве, эти провокаторы, однако, не переставали опасаться разоблачения своих преступлений против рабочего класса, против дела социализма. Охваченные постоянным страхом своего разоблачения, эти участники заговора видели свое единственное спасение в свержении Советской власти, ликвидации советского строя, восстановлении власти помещиков и капиталистов, в интересах которых они продавались царской охранке и при власти которых они только и могли чувствовать себя вне опасности.

Так, обвиняемый Зеленский И. А. являлся агентом самарского жандармского управления с 1911 года. С того времени Зеленский под кличками «Очкастый» и «Салаф» систематически информировал жандармское управление о деятельности самарской организации большевиков, получая за это регулярное ежемесячное денежное вознаграждение.

Обвиняемый Иванов свою провокаторскую деятельность начал с 1911 года, когда был завербован тульской охранкой и стал агентом охранки под кличкой «Самарин».

Обвиняемый Зубарев был завербован царской полицией в 1908 году и сотрудничал в ней под кличкой «Василий», «Палин» и «Прохор».

Как установлено было следствием, для достижения своих преступных целей по свержению Советского правительства, захвату власти и восстановлению капитализма в СССР заговорщики по прямым указаниям иностранных разведок вели широкую шпионскую работу в пользу этих разведок, организовывали и осуществляли вредительские и диверсионные акты в целях обеспечения поражения СССР в предстоящем нападении на СССР фашистских агрессоров, всячески провоцировали ускорение этого нападения фашистских агрессоров, а также организовали и осуществили

ряд террористических актов против руководителей партии, правительства и выдающихся советских деятелей.

Большинство главарей «право-троцкистского блока» осуществляло свою преступную деятельность по прямому указанию Троцкого и по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств.

Агент германской разведки — видный троцкист обвиняемый Крестинский — на допросе в Прокуратуре Союза ССР 2 декабря 1937 г. заявил:

«На шпионскую связь с немцами я пошел по прямому заданию Троцкого, который поручил мне начать по этому поводу переговоры с генералом Сектом...»

Другой видный троцкист, один из руководителей антисоветского троцкистского подполья и активный участник заговора, обвиняемый Розенгольц, уличенный в шпионаже, подтвердив на следствии факт соглашения Троцкого с рейхсвером, показал:

«Моя шпионская деятельность началась еще в 1923 году, когда по директиве Троцкого я передал ряд секретных данных командующему рейхсвером Секту и начальнику немецкого генштаба Хассе. В дальнейшем со мной непосредственно связался... посол в СССР гр-н N, которому я периодически передавал сведения шпионского характера. После отъезда гр-на N я продолжал шпионскую связь с новым послом гр-ном N».

После фашистского переворота в Германии шпионская работа троцкистов приняла еще более широкий и резко выраженный пораженческий характер.

Обвиняемый Бессонов, по его собственному признанию, принимавший активное участие в нелегальных переговорах троцкистов с германскими фашистскими, преимущественно военными, кругами о совместной борьбе против СССР, не только лично вел переговоры о поддержке антисоветского заговора с ближайшим сотрудником Розенберга по внешнеполитическому отделу фашистской партии Дайцем, но и был в курсе встреч и переговоров Л. Троцкого с Гессом, Нидермайером и проф. Хаусховером, с которыми Л. Троцкий и достиг соглашения на условиях, о которых говорил Пятаков на судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра.

Обвиняемый Крестинский показал, что во время свидания с Л. Троцким в Меране, в октябре 1933 года, Троцкий заявил ему о необходимости установления более тесной связи с японской разведкой.

Это указание Троцкого было Крестинским передано Пятакову и другим главарям заговора, которые через обвиняемого Раковского и других участников заговора вошли в изменнические сношения с представителями Японии, обязавшимися оказать заговору вооруженную помощь в свержении советской власти, взамен чего заговорщики обещали отдать Японии советское Приморье.

Обвиняемый Шарангович, агент польской разведки и один из руководителей антисоветской организации белорусских национал-фашистов, признал, что эта организация вела свою подпольную работу не только по

указаниям правых и «право-троцкистского блока», но и по директивам польской разведки.

Обвиняемый Рыков полностью подтвердил наличие изменнической связи правых с фашистской Польшей.

Как установлено было следствием, вся преступная деятельность входившей в «право-троцкистский блок» антисоветской группы правых доказывает, что правые были такой же агентурой иностранных генштабов, как и другие участники этого заговора.

Один из правых непосредственно, другие — через своих сообщников были также связаны с разведками иностранных государств, на помощь которых в своей борьбе против советской власти они только и рассчитывали.

Обвиняемый Бухарин был в курсе переговоров Л. Троцкого с немецкими фашистами и так же, как и Л. Троцкий, подготовлял поражение СССР и отторжение от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Грузии, Армении, Азербайджана и Средне-Азиатских республик.

Осуществляя свои преступные замыслы, антисоветские заговорщики, по прямым директивам иностранных фашистских разведок, организовали в отдельных республиках, краях и областях Советского Союза разветвленную сеть диверсионных и вредительских гнезд, охватив ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота.

Заклучив соглашение с фашистскими кругами о предательском открытии армиями этих фашистских государств наших фронтов во время войны, участники право-троцкистского заговора готовили подрыв материально-технической базы Красной Армии — оборонной промышленности.

Рядом подготавливаемых ими разрушительных диверсионных действий заговорщики рассчитывали во время войны взорвать и уничтожить решающие оборонные предприятия нашей социалистической родины. Они подготавливали также проведение крушений железнодорожных воинских поездов с массовыми человеческими жертвами.

Они ставили своей задачей парализовать всю хозяйственную жизнь страны, питание армии и снабжение ее вооружением.

Следствием было установлено, что целый ряд таких диверсионных и вредительских актов заговорщиками был уже проведен в различных отраслях народного хозяйства.

Материалами следствия и личными показаниями обвиняемых Бухарина, Зубарева, Зеленского и других установлено, что они вели активную подготовку повстанческих кадров, пытались охватить возможно больше районов Советского Союза, причем в целях максимального расширения повстанческой базы руководители заговора установили контакт и с нелегально действовавшей эсеровской организацией.

Не питая надежд на свержение советского строя методами шпионажа, вредительства, диверсий, кулацких восстаний, право-троцкистские заговорщики, охваченные злобой и ненавистью к СССР, перешли к подготовке

и совершению террористических актов против руководителей правительства и ВКП(б).

Следуя принятым в этом отношении решениям, заговорщический блок широко развернул организацию террористических групп и практическую подготовку к совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Следствием установлено, что злодейское убийство С. М. Кирова, осуществленное ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром 1 декабря 1934 года, было осуществлено также по решению «право-троцкистского блока», участники которого привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу.

Как установлено предварительным и судебным следствием по настоящему делу, А. М. Горький, В. Р. Менжинский и В. В. Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию объединенного центра «право-троцкистского блока».

На основе директивы врага народа Л. Троцкого «право-троцкистский блок» принял свое чудовищное решение об убийстве А. М. Горького.

Выполнение этого решения было поручено Ягоде.

В качестве непосредственных исполнителей этого злодейского замысла Ягода привлек доктора Левина Л. Г. — бывшего домашнего врача А. М. Горького, проф. Плетнева Д. Д., секретаря А. М. Горького — П. П. Крючкова и своего секретаря Буланова П. П.

Убийства советских деятелей завершили собой круг тягчайших государственных преступлений, при помощи которых банда презренных отщепенцев нашей родины, провокаторов царской охранки, наймитов иностранных разведок, продавших иностранным капиталистам нашу землю и нашу свободу, стремилась осуществить фашистский план свержения советского строя и восстановления в нашей стране капитализма.

Эти чудовищные преступления не были случайностью ни для троцкистов, ни для правых.

Следствием установлено, что уже в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой совместно с «левыми» эсерами организовали заговор против В. И. Ленина как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и «левых» эсеров.

Дело это слушалось в Москве Военной коллегией Верховного суда Союза ССР в открытом судебном заседании 2—13 марта 1938 г.

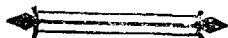
Суду Военной коллегии были преданы: 1) Бухарин Н. И., 2) Рыков А. И., 3) Ягода Г. Г., 4) Крестинский Н. Н., 5) Раковский Х. Г., 6) Розенгольц А. П., 7) Иванов В. И.,

8) Чернов М. А., 9) Гринько Г. Ф., 10) Зеленский И. А., 11) Бесонов С. А., 12) Икрамов Акмаль, 13) Ходжаев Файзула, 14) Шарангович В. Ф., 15) Зубарев П. Т., 16) Буланов П. П., 17) Левин Л. Г., 18) Плетнев Д. Д., 19) Казаков И. Н., 20) Максимов-Диковский В. А., 21) Крючков П. П. — по ст. ст. 58^{1а}, 58², 58⁷, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР, а обвиняемые Иванов, Зеленский и Зубарев, кроме того, по ст. 58¹³ Уголовного кодекса РСФСР.

На суде были допрошены в качестве свидетелей бывшие руководители группы так называемых «левых коммунистов»: Яковлева В. Н., Осинский В. В., Манцев В. Н., а также бывшие члены ЦК партии «левых» эсеров — Камков Б. Д. и Карелин В. А., полностью подтвердившие факты преступной деятельности обвиняемого Бухарина в 1918 году. Суд заслушал также заключение медицинской экспертизы по вопросу об умерщвлении А. М. Горького, В. В. Куйбышева и В. Р. Менжинского, а также М. А. Пешкова. Экспертизу давали заслуженный деятель науки проф. Д. А. Бурмин, заслуженный деятель науки проф. П. А. Шерешевский, проф. Д. М. Росийский, проф. В. Н. Виноградов и доктор медицинских наук В. Д. Зипалов.

Все обвиняемые, кроме Левина, Плетнева и Казакова, от защиты отказались. —

Защитником обвиняемых Плетнева и Казакова выступил член Московской коллегии защитников Н. В. Коммодов и защитником обвиняемого Левина — член Московской коллегии защитников И. Д. Брауде.

ОСОБЕННОСТИ НАСТОЯЩЕГО ПРОЦЕССА

Товарищи судьи, члены Военной коллегии Верховного суда Союза ССР!

Приступая к своей обвинительной речи по настоящему делу, представляющему собой исключительное явление, имеющему чрезвычайное общественно-политическое значение, я хотел бы раньше всего остановить ваше внимание на некоторых отличительных чертах этого дела, на некоторых выдающихся его особенностях.

Не в первый раз Верховный суд нашей страны рассматривает дело о тяжчайших преступлениях, направленных против блага нашей родины, против нашего социалистического отечества—отечества трудящихся всего мира. Но едва ли я ошибусь, сказав, что впервые нашему суду приходится рассматривать такое дело, как это, рассматривать дело о таких преступлениях и таких злодействах, как те, что прошли перед вашими глазами, что прошли перед глазами всего мира на этом суде, о таких преступниках, как эти преступники, сидящие сейчас перед нами на скамье подсудимых.

С каждым днем и с каждым часом развертывавшееся судебное следствие по настоящему делу показывало все больше и больше, все страшнее и страшнее цепь позорных, небывалых, чудовищных преступлений, совершенных подсудимыми, всю отвратительную цепь злодеяний, перед которыми меркнут и тускнеют злодейства самых закоренелых, самых гнусных, самых разнузданных и подлых преступников.

В самом деле, какой судебный процесс из всех тех, которых, в силу условий классовой борьбы и ожесточенного сопротивления делу социализма со стороны наших врагов, прошло у нас за последнее время немало, может сравниться с нынешним процессом по чудовищности, наглости и цинизму преступлений, совершенных этими господами!

В каком другом процессе удалось вскрыть и обнаружить с такой силой и глубиной подлинную природу этих преступлений, с такой силой сорвать с лица негодяев их коварные маски и показать всему нашему народу и всем честным людям всего мира звериное лицо международных разбойников, искусно и умело направляющих руку злодеев против нашего мирного

социалистического труда, воздвигнувшего новое, счастливое и радостно-цветущее социалистическое общество рабочих и крестьян!

Уже это одно обстоятельство говорит достаточно ясно о громадном общественно-политическом значении этого процесса, о том, что данный процесс представляет собой выдающееся явление, что данный процесс имеет значение историческое.

В чем заключается историческое значение данного процесса? В чем заключаются некоторые его особенности?

Историческое значение этого процесса заключается раньше всего в том, что на этом процессе с исключительной тщательностью и точностью показано, доказано, установлено, что правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее и тому подобное являются не чем иным, как беспринципной, безидейной бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей.

Ровно год назад товарищ Сталин, анализируя недостатки нашей работы и указывая меры ликвидации троцкистских и иных двурушников, говорил:

«Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безидейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родины. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений»¹.

Прошел год. На примере настоящего процесса мы видим, как глубоко прав был товарищ Сталин в своей оценке троцкистов и бухаринцев.

Троцкисты и бухаринцы, то есть «право-троцкистский блок», верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых, это — не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников а преступников, продавшихся вражеским разведкам, преступников, которых даже уголовники третируют, как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных.

Так называемый «право-троцкистский блок» — это организация шпионажа, диверсий, вредительства, политических убийств и распродажи своей родины врагам.

У блока нет ничего идейного, ничего, так сказать, «духовного», ничего идеологического. Что когда-то в какой-то мере

¹ И. Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1938, стр. 33.

у некоторых из участников этого блока было, то давным-давно растеряно, утрачено, давным-давно исчезло, истлело в смрадном, отвратительном шпионском подполье.

Правда, некоторые из подсудимых, особенно подсудимый Бухарин, делали на этом процессе не раз попытки сохранить, как говорят французы, хорошую мину при плохой игре, принять вид «идейных» людей, прикрыть свою бандитско-уголовную деятельность всякого рода «философскими», «идеологическими» и тому подобными разговорами.

Бухарин пытался здесь весь кошмар своих гнусных преступлений свести к каким-то «идейным установкам», о которых он пробовал говорить длинные и напыщенные речи. Бухарин говорил здесь о разделении труда в этой шпионско-вредительской организации, о каких-то «программных пунктах», о какой-то «идейной ориентации», хотя — добавлял он — идейной ориентации на кулачество.

Свою собственную роль в этой банде Бухарин пробовал изобразить как роль «теоретика». На четвертый день процесса, когда уже были полностью разоблачены уголовно-шпионские преступления этого так называемого блока, он не постеснялся заявить буквально следующее:

«Я главным образом занимался проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, не исключало ни моей осведомленности относительно практической стороны дела, ни принятия целого ряда с моей стороны практических шагов».

Извольте оценить роль этого господинчика, занимающегося якобы не руководством всевозможных и притом самых чудовищных преступлений, а «проблематикой» этих преступлений, не организацией этих преступлений, а «идеологической стороной» этого черного дела. Оцените роль этого господинчика, который ведет самую оголтелую вредительско-подрывную работу, используя, по собственному признанию, все трудности советской власти, который готовит и кует черную измену родине, готовит поражение своей страны в войне с фашистскими врагами и думает прикрыть свою измену развязной и циничной болтовней об использовании войны, которая «прогностически стояла в перспективе». Оцените роль этого господинчика, болтающего о том, что обер-бандит и англо-германский шпион Троцкий уже в 1932 году сбросил свой, как сказал здесь Бухарин, «левацкий мундир» и что он, Бухарин, вместе с Рыковым и Томским вооружил эту банду преступников своей идеологией».

Схваченный за руку, пойманный с поличным, Бухарин призывает в свидетели самого Гегеля, бросается в дебри лингвистики, филологии и риторики, бормочет какие-то ученые слова,

лишь бы как-нибудь замести следы. Но он не выдерживает и свой учено-бредовый лепет заканчивает признанием:

«Мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социалистической родины, мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма. Мы пошли на предательство, преступление, измену. Мы превратились в повстанческий отряд, организовали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть советскую власть пролетариата».

Бухарину к этому надо было добавить: «Мы превратились в полицейское отделение японо-германской разведки, мы превратились в бесстыдных торговцев родиной».

Блок — это агентура иностранных разведок. Члены блока и его руководители вроде Троцкого, который не сидит здесь на скамье подсудимых, Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Розенгольца и рядовые его члены вроде Зубарева, Максимова-Диковского и других — это рабы этих разведок, это невольники своих хозяев.

Какая же здесь может быть идеология, какая «проблематика» или «прогностика», теория или философия?

Философия, за дымовой завесой которой пытался здесь укрыться Бухарин, — это лишь маска для прикрытия шпионажа, измены.

Литературно-философские упражнения Бухарина — это ширма, за которой Бухарин пытается укрыться от своего окончательного разоблачения.

Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсия, философия и убийства — как гений и злодейство — две вещи не совместимые!

Я не знаю других примеров, — это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как размозжить ей голову разбойничьим кистенем!

«ПРАВО-ТРОЦКИСТСКИЙ БЛОК» — АГЕНТУРА ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК

Историческое значение этого процесса заключается в первую очередь в том, что он до конца разоблачил бандитскую природу «право-троцкистского блока», его идейную выхолощенность, разоблачил, что блок — все эти правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и т. д. и т. п. — все это наемная агентура фашистских разведок.

«Право-троцкистский блок» — это не политическая группировка, это банда разведчиков, агентов иностранных разведок.

Это доказано полностью и неопровержимо. В этом громадное общественно-политическое и историческое значение данного процесса.

«Право-троцкистский блок», сидящий сейчас на скамье подсудимых, — как это со всей очевидностью показало судебное следствие, — это лишь передовой отряд международного фашизма, это свора палачей и подпольных убийц, при помощи которых орудует фашизм в разных странах, в первую очередь в Испании и Китае.

Вот почему разоблачение «право-троцкистского блока» как шпионской банды имеет огромное значение не только для нашей социалистической революции, оно имеет громадное значение для всего международного пролетариата. Оно имеет громадное значение для дела мира во всем мире. Оно имеет громадное значение для всей человеческой культуры, для борьбы за подлинную демократию и свободу народов, для борьбы со всеми и всякими поджигателями войны, со всеми международными провокациями и провокаторами.

Вот почему за ходом этого процесса с трепетным вниманием следят трудящиеся массы всех стран мира, особенно же тех стран, где народ ведет героическую борьбу за свою свободу против фашистского ига.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Ходжаевы и Шаранговичи под руководством Троцкого, под руководством германской, японской, польской и других разведок делают свое черное дело по приказу своих хозяев не только в нашей стране, но и в Испании, и в Китае, всюду, где идет классовая борьба трудящихся, где идет борьба честных людей за подлинную свободу, за подлинную демократию, за подлинную человеческую культуру.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Шаранговичи, Ходжаевы и другие — это та же пятая колонна, это тот же ПОУМ, это тот же Ку-клукс-клан. Это один из отрядов фашистских провокаторов и поджигателей войны, действующих на международной арене.

Разгром этого отряда — великая услуга делу мира, делу демократии, делу подлинной человеческой культуры.

Исключительное значение настоящего процесса, однако, не ограничивается сказанным.

Здесь, на скамье подсудимых, сидит не одна какая-либо антисоветская группа, агентура не одной какой-либо иностранной разведки. Здесь, на скамье подсудимых, сидит целый ряд антисоветских групп, представляющих собой агентуру разведок целого ряда враждебных СССР иностранных государств.

В этом «деле» завязли остатки всех антисоветских сил, групп и организаций, завязли, по крайней мере, как это с точностью

установлено судебным следствием, четыре иностранных разведки: японская, германская, польская и английская и, разумеется, все другие иностранные разведки, которые поддерживают с указанными разведками дружественный, так называемый, оперативный контакт.

В самом деле, если говорить о Троцком, то его связь с гестапо была исчерпывающе доказана уже на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года. Теперь же доказано, что его связи с немецкой политической полицией и разведками других стран относятся к значительно более раннему периоду времени, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 года. Об этом совершенно точно показал Крестинский на настоящем судебном процессе. Теперь доказано, что Троцкий был связан с английской разведкой «Интеллидженс-Сервис» с 1926 года. Об этом точно показал — и это доказано — обвиняемый Раковский. Весь блок во главе с Троцким целиком состоял из одних иностранных шпионов и царских охранников.

Бухарин и Рыков через своих сообщников были связаны с рядом иностранных разведок, которые они систематически обслуживали.

Ягода, как мухамы, был облеплен германскими, японскими и польскими шпионами, которых он не только прикрывал, как это он сам здесь признал, но через которых он вел шпионскую работу, передавая разведкам секретные государственные материалы, продавая и предавая нашу страну этим иностранным разведкам.

Крестинский, по собственному признанию, — германский шпион с 1921 года.

Розенгольц — один из руководителей троцкистского подполья, как установлено, начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба, как он сам признал, в 1923 году, а для английской разведки, как он сам тоже признался в этом преступлении, — в 1926 году.

Раковский — один из ближайших и особо доверенных людей Троцкого, по его собственным показаниям, являлся агентом английской разведки «Интеллидженс-Сервис» с 1924 года и агентом японской разведки с 1934 года.

Чернов — начал свою шпионскую работу в пользу Германии, по его собственному показанию, в 1928 году, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта — меньшевика Дана.

Шарангович был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Гринько, по его собственным словам, стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году, а до этого поддерживал шпионскую связь с этими разведками, особенно с польской разведкой.

Икрамов и Ходжаев через своих курбаши «работают» под руководством Бухарина над организацией связи с резидентами английской разведки, над укреплением которой немало поработал на средне-азиатских границах СССР небезызвестный разведчик и авантюрист Лоуренс.

Потом идут провокаторы и агенты царской охранки — Зеленский, Зубарев, Иванов. Иванов к тому же еще и английский шпион.

Прибавьте к этой компании группу отравителей-убийц Левина, Плетнева, Казакова, Крючкова, Максимова-Диковского и других, связанных с ними, и тогда морально-политический облик этого блока и каждого из его участников станет ясным до предела.

Вот почему мы можем сказать — вот зловонная куча человеческих отбросов, не останавливающихся ни перед чем, не брезгавших ничем, готовых на все — на взрывы заводов и железнодорожных поездов, на истребление скота, на порчу хлеба, на убийство, шпионаж и измену.

Именно все эти качества, уголовно-политические и моральные, и сделали правых и троцкистов таким ценным материалом для провокации, для разжигания войны, для подлейших выступлений фашизма. Никто не умеет так маскироваться, как они. Никто не овладел в такой мере мастерством цинического двурушничества, как они.

Перед всем миром разоблачается теперь презренная, предательская, бандитская деятельность Бухариных, Ягод, Крестинских, Рыковых и прочих право-троцкистов. Они продавали родину, торговали военными тайнами ее обороны, они были шпионами, диверсантами, вредителями, убийцами, ворами, — и все для того, чтобы помочь фашистским правительствам свергнуть Советское правительство, свергнуть власть рабочих и крестьян, восстановить власть капиталистов и помещиков, расчленив страну советского народа, отторгнуть национальные республики и превратить их в колонии империалистов.

Таков был приказ их хозяев, и они выполняли этот приказ как могли, стараясь изо всех сил.

Они старались из всех сил поджечь наш родной дом с четырех концов, торопились открыть ворота врагу, чтобы дорваться до власти, хотя бы ценой иудиной измены, чтобы уничтожить плоды героического труда нашего народа, построившего новое, социалистическое общество, чтобы вернуть власть

помещиков и капиталистов, на которых эти предатели работали не покладая рук.

Таковы эти люди, таковы их планы и расчеты, таковы их позорные и чудовищные преступления.

Подсудимый Бухарин хвастливо говорил здесь, что это они, правые, капиталистические подпевалы, вооружили троцкизм «духовным» оружием теории реставрации капитализма.

О какой «теории» говорит Бухарин, этот прожженный политический плут и один из крупнейших организаторов иностранного шпионажа против СССР?

Как чорт от ладана, Бухарин бежит от признания своей вины. Бухарин отрицает здесь свою вину.

Но что стоит его отрицание этого преступления в свете признания им своей вины в других тягчайших преступлениях, органически связанных с этим преступлением?

Что стоит это отрицание в свете имеющихся у нас против Бухарина доказательств?

Напомню лишь, что в утреннем заседании 7 марта Бухарин и Рыков были полностью уличены в шпионских связях и в шпионской работе в пользу германской и польской разведок. Я напомню кратко диалог с Рыковым на утреннем заседании 7 марта.

На следствии Рыков сказал, что:

«Червяков развернул в Белоруссии чрезвычайно активную деятельность. В своих взаимоотношениях с поляками он и связанные с ним по нелегальной деятельности сделали все практические выводы из этой нашей директивы».

Рыков это подтвердил и на суде. Его спрашивал на суде государственный обвинитель:

«Следовательно, Червяков и люди, связанные с вами, имели систематическую связь с поляками?»

Рыков. Да.

Вопрос. Какая это связь?

Рыков. Там была и шпионская связь.

Вопрос. Шпионская связь в части вашей организации имела с поляками по вашей директиве?

Рыков. Конечно.

Вопрос. В том числе и Бухарина?

Рыков. Конечно.

Вопрос. Вы и Бухарин были связаны?

Рыков. Безусловно.

Вопрос. Значит, вы были шпионами?

Рыков (молчит).

Вопрос. И организаторами шпионажа?

Рыков. Я ничем не лучше шпиона.

Вопрос. Вы были организаторами шпионажа, были шпионами?

Рыков. Можно сказать — да».

А Бухарин, при этих условиях, говорит о какой-то «теории», пытаясь «теоретически» объяснить ход вещей, приведших правых в стан заклятых врагов Советской власти и советского народа...

Эти объяснения незачем искать в бухаринской «теории». Их надо искать в бухаринских преступлениях, хотя и прикрывавшихся чем-то вроде «теории».

Именно они, эти преступления, объясняют действительный ход вещей, действительную логику событий и борьбы, поставивших лицом к лицу два мира, два блока — блок изменников, наймитов иностранного капитала, разоблаченный и раздавленный сейчас гневом и мощью великой Советской страны, блок предателей, покрытых вечным презрением, позором и проклятием миллионных масс трудящегося народа всего мира, — и блок советских патриотов, великих и непобедимых в любви к своей родине, выдержавших не одну историческую битву с врагами, готовых под руководством коммунистической партии и великого Сталина дать сокрушительный отпор любому врагу в любых условиях, в любое время, откуда бы он ни появился, несмотря ни на какую измену, ни на какое предательство.

Значение настоящего судебного процесса определяется, разумеется, не теми уроками, которые неизбежно необходимо извлечь всем нам, патриотам советской земли, из этого процесса.

Наша родина наслаждается счастьем социалистической победы, счастьем и радостью освобожденного от капиталистического ига труда.

Двадцать лет стоит, как несокрушимый утес, Советское государство — социалистическое государство рабочих и крестьян.

Двадцать лет в великой стране победившего социализма идет героическая работа по организации нового общественного и государственного строя, свободного от эксплуатации, от нищеты и страданий миллионных народных масс, поработанных игом капитализма почти во всех остальных странах мира.

Двадцать лет упорно и настойчиво идет дружная работа многочисленных народов, объединившихся в братский Союз Советских Социалистических Республик, построенный гением вождей социалистической революции — Ленина и Сталина.

За эти двадцать лет, когда-то бедная и слабая страна превратилась в страну богатую, могучую, в страну мощную и непобедимую. За эти двадцать лет Российское государство превратилось в государство социалистическое.

На Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, принявшем великую Сталинскую Конституцию, товарищ Сталин говорил:

«Наше советское общество добилось того, что оно уже

осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм. Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: «от каждого — по его способностям, каждому — по его труду»¹.

За эти двадцать лет под руководством партии Ленина—Сталина в нашей стране окончательно уничтожена эксплуатация человека человеком, окончательно утверждена общественная, социалистическая собственность, как незыблемая основа нашего советского общества.

За эти двадцать лет в корне изменился весь облик нашей страны, превратившейся в богатейшую и могущественнейшую пролетарскую державу.

«В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР, — говорит товарищ Сталин, — мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни»².

Социализм вошел в быт нашего народа, социализм победил в нашей стране. И нет силы в мире, которая могла бы ослабить значение или величие этой социалистической победы. И это, несмотря на все трудности, стоявшие и еще стоящие на нашем пути. И это, несмотря на все усилия враждебных нам иностранных государств и отживших и умирающих остатков эксплуататорских классов в нашей стране задержать прогрессивное развитие нашего общества, помешать нашим социалистическим успехам, сорвать нашу мирную творческую работу по построению в СССР социализма.

Можно без всякого преувеличения сказать, что за истекшие 20 лет советской истории наше государство и наш народ не знали ни одного года, ни одного месяца и дня, когда бы не нападали на нас враги, — злобные, коварные, жестокие, мстящие за свои поражения, понесенные ими от руки наших рабочих и крестьян, мстящие за «утерянный рай» своего экономического и политического господства.

От первых дней великого Октября до блистательных дней величайшей из исторических эпох — эпохи Сталинской Конституции — молодая Республика Советов не выходит из огня классового нападения эксплуататоров и их бесчисленной агенту-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1953, стр. 553.

² Там же, стр. 548.

ры — троцкистов, меньшевиков, эсеров, бухаринцев, зиновьевцев, муссаватистов, дашнаков, грузинских, узбекских и других националистов, черносотенцев, белогвардейцев, кадетов, попов, кулаков и т. д. и т. п.

Этот процесс еще раз нам напомнил, и притом напомнил с небывалой силой и остротой, что два мира стоят, как непримиримые и смертельные враги друг перед другом — мир капитализма и мир социализма.

Логика классовых противоречий и классовой борьбы толкает остатки эксплуататорских классов внутри СССР и эксплуататорские классы за пределами СССР на все более и более ожесточенные нападения на государство трудящихся, прокладываящее широкую дорогу для лучшей, для новой жизни трудящимся и угнетенным народам всего мира.

На опасность для дела социализма в СССР капиталистического окружения не раз обращали наше внимание наши учителя Ленин и Сталин:

На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года Ленин говорил:

«Мы живем не только в государстве, но и в *системе государств*, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен»¹. «Надо помнить, — учил Ленин, — что от всякого нашествия мы всегда на волоске»².

Товарищ Сталин на днях еще раз напомнил нам о капиталистическом окружении.

«В самом деле, — писал товарищ Сталин в своем историческом ответе тов. Иванову, — было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение. Так могут думать только слепые бахвалы или скрытые враги, желающие усыпить народ. Не менее смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и восстановить буржуазный строй. Разве Деникин или Колчак не восстанавливали в занятых ими районах буржуазный строй? Чем фашисты лучше Деникина или Колчака? Отрицать опасность военной интервенции и попыток реставрации при существовании капиталистического окружения могут только головотяпы или

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 133.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 122.

скрытые враги, желающие прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ»¹.

На успех интервенции в течение ряда лет надеялись наши враги, организуя и воодушевляя на борьбу с Советской властью различные антисоветские группы внутри СССР, рассчитывая при помощи этих групп осуществить свой разбойничий замысел.

Вся история буржуазной контрреволюции в СССР связана с активными попытками наиболее реакционных кругов международной буржуазии свергнуть власть Советов. Ни один сколько-нибудь серьезный заговор против Советской власти в СССР не обошелся без прямого и самого активного участия в нем иностранных капиталистов и военщины.

В 1921 году Ленин нас предупреждал: «Мы окружены всемирной буржуазией, карающей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию»².

Товарищ Сталин неустанно напоминает нам об опасности капиталистического окружения, доказывает, что «сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения»³.

Разве не об этом говорит известное шахтинское дело, где главная дирижерская роль принадлежала польско-французско-немецким капиталистам, объединившимся с вредителями в борьбе против СССР?

Разве польский фабрикант Дворжанчик, французские акционеры Сансе, Ремо и Буроз, германская АЕГ и поддерживающая и первых, и вторых, и третьих военщина ряда капиталистических стран, — разве все они не были вдохновителями шахтинского заговора, собиравшегося вкуче с иностранными генштабами залить кровью нашу землю в 1928 году?

Разве не об этом же говорит известное дело «Промпартии», где, наряду с Рамзиным и Чарновским, первую скрипку играли белоэмигранты Рябушинский и генерал Лукомский, английский разведчик — полковник Лоуренс и французский генерал Жуанвиль, известный участник северной интервенции в 1919 году и военный атташе при Колчаке?

Известно, что и шахтинцы и промпартийцы не только занимались вредительством и готовили на случай войны диверсионные акты, но систематически вели шпионскую работу, причем, как это выяснилось по делу «Промпартии», для ведения этой шпионской работы Рамзин организовал даже особую комиссию под председательством вредителя профессора Осадчего, бывше-

¹ Письмо т. Иванову и ответ т. Сталина, Партиздат, 1938, стр. 11.

² В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 341.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 302—303.

гб в то время заместителем председателя Госплана. В программе «Промпартии» заострялось внимание на диверсиях в Москве, Ленинграде, Донбассе, на Урале путем взрывов мостов, порчи ж.-д. путей, взрывов электростанций, остановки заводов и фабрик.

Разве не о дьявольской работе иностранных разведок в нашей стране говорит и дело английских инженеров Торнтона, Макдональда и других, разоблаченных в 1933 году агентов «Интеллидженс-Сервис», организаторов вредительства и диверсий на некоторых наших электростанциях, людей, подготовлявших опорные пункты для предстоящей интервенции?

Разве не о том же, наконец, говорят последние судебные процессы 1936—1937 годов, разоблачившие чудовищные преступления шпионско-террористических банд троцкистов, зиновьевцев и других антисоветских элементов, ставших на службу иностранным полицейским охранкам, превратившихся в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру этих охранок? Да, да, об этом с полной убедительностью говорят, кричат кошмарные преступления этих бандитских шаек, уничтоженных по приговорам нашего советского суда.

Процесс Зиновьева—Каменева, процесс Пятакова—Радека, процесс группы военных изменников — Тухачевского, Якира и других доказали, что враги не думают потихоньку «вползать в социализм», как это, для прикрытия своей гнусной, предательской работы, проповедовали обвиняемые Бухарин, Рыков и иже с ними, что враги хватаются за самые крайние, за самые жестокие средства борьбы.

Это же полностью показал и настоящий судебный процесс, главными «героями» которого являются организаторы и вдохновители «право-троцкистского блока», избалованные как законченные враги социализма, нашей родины, нашего народа.

Вот почему значение настоящего процесса далеко выходит за обычные, так сказать, криминальные рамки и приобретает поистине огромное историческое значение.

Этот процесс подводит итог борьбы против партии Ленина—Сталина и Советского государства людей, которые, как это с исключительной яркостью и убедительностью доказало судебное следствие, всю свою жизнь ходили под маской, которые начали эту борьбу задолго до нынешнего времени, которые, под прикрытием громких провокаторских фраз, служили не революции и пролетариату, а контрреволюции и буржуазии, которые обманывали партию, Советскую власть, чтобы удобнее делать свое черное дело измены, чтобы дольше оставаться неразоблаченными.

Презренные преступники путем обмана, лицемерия и двурушничества сумели отсрочить до последнего времени час своего

разоблачения. Но час этот настал, и преступники разоблачены, разоблачены полностью и до конца.

В свете фактов, установленных на этом процессе, становится ясной и понятной вся преступная деятельность троцкистов и бухаринцев, скрывавших под искусной личиной свое настоящее лицо заклятых врагов советского народа...

Маска сорвана. Их настоящее лицо, их действительный облик ясен теперь каждому. Каждому ясны и их позорные дела, как ясен их жалкий, позорный удел.

Судебные процессы по делу Зиновьева—Каменева и Пятакова—Радека завершили разоблачение троцкистско-зиновьевского отребья как оголтелой и беспринципной банды вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Судебный процесс 1937 года, где на скамье подсудимых сидели троцкистские атаманы Пятаков, Радек, Сокольников и другие, разоблачил политическую платформу троцкистов, несмотря на то, что они упорно прятали эту платформу от народа.

Да и как было им не прятать этой своей платформы, сотканной из предательства, измены и коварства, подчиненной одной задаче — обеспечить свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР.

Настоящий процесс показал, что эта, с позволения сказать, «программа» была списана троцкистами у правых, о чем не без бахвальства заявил на суде обвиняемый Бухарин.

Нынешний процесс полностью и до конца разоблачил теперь как фашистскую агентуру не только троцкистов, но и бухаринцев, в течение длительного времени искусно маскировавшихся, искусно избегавших своего разоблачения как убийц, шпионов и провокаторов.

Теперь ясно всем и каждому, что собой представляют правые, которые давно уже, как и троцкисты, перестали быть политическим течением и превратились в такую же, как и троцкизм, оголтелую и беспардонную банду уголовных преступников.

Теперь окончательно выяснился весь процесс этого их превращения в контрреволюционную шайку, превращения, наметившегося уже давно и неоднократно разоблаченного нашей партией и лично товарищем Сталиным.

Мы еще специально остановимся на преступлениях обвиняемого Бухарина в 1918 году; сейчас напомним о них лишь для того, чтобы в свете этих преступлений лучше и отчетливее представить себе путь этого превращения.

В самом деле, начавши в 1918 году с заговора против Ленина как главы Советского государства, подняв в 1918 году свою преступную руку на Ленина, разве мог кончить Бухарин иначе, чем кончил сейчас, — этой позорной скамьей подсудимых, жду-

щий сурового, но справедливого суда советского народа, с проклятием произносящего сейчас это ненавистное имя!

Начавши со знахарской «теории» о мирном вращении кулаков в социализм, ведя все эти последние десять лет подпольную борьбу с партией и советским народом, мог ли иначе кончить свою политическую карьеру Бухарин, чем он ее кончает, кривляясь и фиглярничая даже сейчас на пороге своего, быть может, последнего, смертного часа!

К шпионскому блоку с троцкистами Бухарин, Рыков, Ягода и другие правые пришли не случайно. В том, что такой блок сложился и, наконец, в 1932 году окончательно оформился, нет ничего неожиданного — к этому шло все развитие отношений между правыми и троцкистами, представляющими, по сути дела, разновидность одного и того же явления.

На XVI съезде партии в 1930 году товарищ Сталин, разоблачая двойственность троцкизма, указывал, что этой двойственностью «объясняется тот факт что свои «бешеные», будто бы, атаки против правых уклонистов троцкизм (это капитулянтство под маской, — А. В.) обычно увенчивает *блоком* с ними, как с капитулянтами без маски»¹.

Троцкисты и правые — это капитулянты. Одни — капитулянты под маской истеричных провокационных, «революционных» фраз, другие — капитулянты без маски

На XVII партконференции в докладе о второй пятилетке товарищ Молотов показал полное родство душ правых и троцкистов. Троцкисты выступают против первой пятилетки с клеветническими контррезисами Им поддакивают правые, противопоставляя сталинской пятилетке рыковскую двухлетку.

Троцкисты клеветуют о росте кулацких элементов и о зависимости от них государственного хозяйства в СССР Правые изо дня в день пищат, что «основным источником хлеба будут еще долгое время индивидуальные хозяйства крестьян (т. е. кулацкие хозяйства. — А. В.), а потому потише с наступлением на кулака».

Троцкисты клеветнически шипят о «термидоре», т. е. о крахе нашей революции. Правые пищат, вторя им, что наши заводы и фабрики в скором времени могут достаться белогвардейцам. Правые иногда, правда, дрались с троцкистами, но, как это показал уже товарищ Сталин, это были «петушинные бои», которые «правые уклонисты обычно увенчивают закулисными переговорами с троцкистами насчет *блока* с ними»².

И так из года в год, на всем протяжении нашей революции, за все время существования Советского государства.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 357.

² Там же, стр. 360.

Чем объясняется эта родственность позиций троцкистов и правых, их постоянное тяготение друг к другу, постоянное искажение блоков, наконец, наличие этих блоков на различных этапах их борьбы против партии, Советского государства и социалистического строительства?

Это, разумеется, объясняется прежде всего общностью социальной базы троцкистов и правых. Это объясняется тем, что и троцкисты и правые отражают давление капиталистических элементов, сопротивляющихся успехам социализма, не собирающихся мирно и тихо уходить с исторической сцены.

Это объясняется, как мы знаем теперь, тем, что и те и другие действовали по приказу одних и тех же хозяев, сидящих в генштабах и разведках враждебных к СССР иностранных государств.

Троцкисты и бухаринцы уже много лет назад очутились в лагере контрреволюции. Троцкизм и правые превратились уже много лет тому назад в оруженосцев буржуазной контрреволюции. Троцкисты и правые снабжают уже в течение многих лет контрреволюционную буржуазию оружием для борьбы с Советским государством. Троцкисты и правые делают одно и то же черное дело измены.

Вот факты, приобретающие сейчас новый смысл в свете тех обстоятельств, которые теперь полностью и с абсолютной достоверностью установлены на судебном следствии по настоящему делу.

Факты устанавливают с полной бесспорностью как неизбежность и естественность блока, заключенного правыми и троцкистами, так и превращение этого блока в агентуру иностранных фашистских разведок.

КАК БОРОЛИСЬ ПРАВО-ТРОЦКИСТЫ ПРОТИВ В. И. ЛЕНИНА, ПРОТИВ ДЕЛА СОЦИАЛИЗМА

Как боролись троцкисты и зиновьевцы против Ленина, против социализма, против героических усилий пролетарской революции построить в СССР новое, социалистическое общество, — показали с исчерпывающей полнотой два предыдущих судебных процесса на примере Пятакова, Зиновьева, Каменева, Радека, Смирнова и других.

Я хотел бы сейчас напомнить некоторые факты, характеризующие с этой точки зрения позицию и поведение некоторых героев настоящего процесса и, в первую очередь, подсудимых Бухарина и Рыкова.

Бухарин любит, как я уже сказал, изображать из себя «теоретика», да еще марксиста, да еще самого что ни на есть орто-

доксального. А как дело обстоит в действительности, это видно из краткой исторической справки об антипартийных выступлениях Бухарина, начиная с 1909 года по 1936 год включительно.

Несколько кратких справок:

1909 год — Бухарин примыкает к отзовизму.

1914—1917 годы (период империалистической войны) — Бухарин — «левый коммунист», отрицает программу-минимум, ведет борьбу против Ленина.

1914 год — он носится с планом издания собственной газеты, противопоставляя ее большевистской печати, ленинской печати.

Весна 1915 года — Бухарин троцкист. На Бернской конференции он выступает против лозунга гражданской войны, за единство с троцкистско-меньшевистским «Нашим словом». Ленин пишет статью «О национальной гордости великороссов», Бухарин трактует это как проявление социал-патриотизма.

Осенью 1915 года — Бухарин выступает с тезисами, отвергающими право наций на самоопределение.

Февраль 1916 года — Бухарин солидаризируется с полуанархической программой голландских левых социал-демократов.

В 1916 году Бухарин выступает в журнале «Интернационал молодежи» с анархистскими, антиленинскими взглядами по вопросу о государстве, против диктатуры пролетариата.

В статье «Мировое хозяйство и империализм» (1915 г.) Бухарин открыто защищает троцкистский тезис о том, что разрозненные выступления пролетариата отдельных стран победить не могут. Иначе говоря, Бухарин откладывал социализм, как говорил Ленин в статье «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме», разоблачавшей П. Киевского (Пятакова), «до греческих календ, т. е. до «никогда»¹. Владимир Ильич писал о нем в 1916 году, что он — Бухарин «(1) доверчив к сплетням и (2) в политике дьявольски *неустойчив*».

«Война, — писал Ленин, — толкнула его к идеям полуанархическим. На совещании, вынесшем бернские резолюции (весна 1915 г.), он дал *тезисы*... — верх нелепости; срам; полуанархизм»².

В 1916 году, как я уже сказал, в журнале «Интернационал молодежи» Бухарин развивал анархо-синдикалистские мысли о принципиальной враждебности пролетариата к государству, о взрыве всякого государства.

Впоследствии, через год после смерти В. И. Ленина, Бухарин выступил с наглым утверждением, что в этом вопросе ошибался не он, Бухарин, а Ленин.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 47.

² В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 168 — 169.

1916—1917 годы — Бухарин вместе с Троцким редактирует троцкистскую газету «Новый мир» (Нью-Йорк), в которой отрицает возможность победы социализма в одной стране.

1917 год — на VI съезде партии Бухарин выступает с троцкистской схемой. В дни Октября вновь и вновь отстаивает невозможность победы социализма в России.

1918 год — Бухарин — лидер «левого коммунизма». Этот эпизод со всей тщательностью рассмотрен на судебном заседании.

8 октября 1918 года на пленуме Моссовета Бухарин заявляет об ошибочности своего «левого коммунизма». «Я был против Брестского мира в свое время, но никогда не защищал срыв мира, как «левые» эсеры. Теперь я должен честно и открыто признать, что мы, противники Брестского мира, были неправы — прав был Ленин». Мы знаем, что на суде Бухарин должен был признать, что на деле он активно боролся за срыв Брестского мира.

1919 год — VIII съезд партии — Бухарин снова выступает против признания права наций на самоопределение.

Дальше идут IX, X съезды партии, где Бухарин неизменно ведет «свою» линию, направленную против партии, против Ленина, против Сталина.

В 1921 году Бухарин в интересах Троцкого занимает позицию буфера, предательски разжигая дискуссию, подливая в нее, по выражению Ленина, «буферный керосин».

В антиленинской фракции Бухарин выступает вместе с Серебряковым, Радеком, Крестинским, Пятаковым и другими троцкистами.

Конец 1920 года — начало 1921 года — идет дискуссия о профсоюзах. Страна готовится к переходу к новой экономической политике. Бухарин выступает в роли «буфера», затем полностью переходит на позиции Троцкого. А на X съезде заявляет, что «республика висит на волоске».

В 1923 году Бухарин в «Правде» в статье «Долой фракционность» говорит об ошибках Троцкого и, глухо, «ряда других товарищей», умалчивая о себе.

В 1922 году Ленин громит Бухарина за его попытку сорвать монополию внешней торговли. Ленин прямо разоблачает Бухарина как заступника спекулянта, мелкого буржуа, как защитника интересов кулацкой верхушки крестьянства, выступающего против промышленного пролетариата¹.

В 1923—1924 годах Бухарин блокирует с Каменевым и Зиновьевым против товарища Сталина. Накануне дискуссии Бухарин выступает со статьей, проповедующей в завуалированном виде теорию вставания кулака в социализм.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 33 стр. 417—420.

1925 год — кулацкий лозунг Бухарина «Обогащайтесь». Правда, в книжке «Цезаризм под маской революции» и на XIV съезде партии Бухарин признал ошибочность этого лозунга, но здесь на суде Бухарин признал, что это «раскаяние» было не более чем тактическим маневром, обманом.

1928 год — Бухарин заявляет на пленуме ЦК партии об отсутствии разногласий с партией и одновременно ведет переговоры и вступает в тайный сговор с Каменевым. Пишет «Заметки экономиста».

1929 год — Бухарин в «Правде» заявляет об ошибочности своих взглядов. «Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Теперь на суде он показал, что и это был тактический маневр, что и тогда, в 1929 году, он также лгал. Ибо как раз в это время оформлялась подпольная организация, которая с оружием в руках стала выступать против Советской власти.

Чтобы не быть голословным, я напомним вам показания Бухарина, Рыкова, наконец, Иванова о том, как Бухарин разжигал борьбу на Северном Кавказе, как через своего ученика и подручного в этом деле Слепкова он организовывал кулацкие восстания против Советской власти, как посылал Яковенко в Сибирь, как им всем удалось спровоцировать кулацкое восстание в Бийском округе и других местах. Напомню, что в это же самое время Бухарин, выступая в печати, говорил: «приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Бухарин лгал и здесь.

15 декабря 1929 г. Бухарин помещает в «Правде» статью, в конце которой перечисляет и осуждает свои ошибки. И в то же самое время он ведет подпольные разговоры с Каменевым.

В то же время, как это он сам теперь признал, вместе с Рыковым посылает Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко — в Сибирь, чтобы поднять кулацкие восстания против Советской власти. На суде Бухарин признал, что именно ими были спровоцированы в то время такие и такие-то кулацкие восстания.

А как вел себя тогда Бухарин?

С лицемерным видом святоши, прикрываясь маской искренности, еще в самом начале борьбы Бухарин стал осуществлять подлые интриганские, фракционные, тайные махинации против партии и ее руководства. Он заключил блок с злейшими, разоблаченными врагами большевизма, только что в ноябре 1927 года выступавшими против Советской власти с антисоветской демонстрацией на улицах Москвы и Ленинграда.

В 1930 году Бухарин вновь подает заявление в ЦК и признает свои ошибки. Бухарин заявляет о «безоговорочном осуждении мною всех и всяких покушений на единство партии,

всякой фракционной работы, всяких попыток скрытой борьбы с партийным руководством, скрытой защиты другой политической линии, отличной от линии партии». А на деле, вы слышали из показаний Бухарина, на деле он именно в это время вел переговоры с Семеновым об организации террористического акта против руководителей нашей партии и правительства.

В январе 1933 года Бухарин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) («Правда» № 14) выступает с речью, в которой требует «суровой расправы с группировкой А. П. Смирнова», говорит о своей «право-оппортунистической, совершенно неправильной общеполитической установке», о своей «вине перед партией, ее руководством, перед Центральным комитетом партии, перед рабочим классом и страной», говорит о Томском, Рыкове, как о своих «бывших соратниках по руководству правой оппозицией». Вообще «критикует» свои «прежние» взгляды.

А на деле это был первый год оформления «право-троцкистского блока», который приступил к выполнению таких задач, как террор, шпионаж, диверсии, вредительство, измена родине, отторжение от СССР национальных республик.

Начало 1934 года — XVII съезд партии — выступление Бухарина, в котором он одобряет «беспощадный разгром всех оппозиций и правой оппозиции, как главной опасности, т. е. той самой группировки, к которой я когда-то принадлежал».

А в это же время мобилизует все силы для того, чтобы усилить преступные действия своей группы, уже превратившейся в группу подлинных шпионов, убийц, разведчиков.

Начало 1936 года — Бухарин в статье в «Известиях» обозвал русский народ «нацией Обломовых». В номере «Известий» от 14 февраля 1936 года Бухарин заявляет об ошибочности этого своего утверждения («Неверное утверждение», об этом «выражаю свое глубокое сожаление»).

Таков Бухарин — эта лицемерная, лживая, хитрая натура. Этот благочестиво-хищный и почтенно-злой человек, эта, как говорил Максим Горький про одного из героев из галлерей «Бывших людей», — проклятая помесь лисицы и свиньи.

Не лучше и другие — тоже «герои».

Подсудимый Рыков. До вступления в партию большевиков Рыков входил в Саратове в объединенную партию эсеров и социал-демократов.

1909 — 1911 годы — Рыков — полутроцкист, полуликвидатор. В период апрельской конференции Рыков и Каменев за объединение «живых сил» революционной демократии, т. е. за союз с эсерами и меньшевиками.

В октябре 1917 года вместе с Каменевым, Зиновьевым Рыков дезертирует.

В декабре 1917 года Рыков каркает о непрочности Советской власти, говоря, что «не может удержаться чисто большевистская власть в отсталой стране в то время, как в Европе не произошла социалистическая революция».

В 1920 году Рыков с сапроновцами выступает против Ленина, за коллегияльность.

Рыков против ленинского плана ГОЭЛРО, он погряз с головой в обывательском «реализме», погряз по уши в рутине (как писал о нем тогда В. И. Ленину И. В. Сталин).

А потом? Потом 1928, 1929, 1932 годы — блоки, центры, заговоры, измена.

Другие обвиняемые не лучше.

Вот старый троцкист и германский шпион Крестинский, начавший свою предательскую карьеру еще при жизни Владимира Ильича Ленина. Крестинский передает шпионские сведения немецкой разведке и получает ежегодно по 250 000 марок золотом от германского рейхсвера в пользу подпольной троцкистской работы.

Вот такой же матерый троцкист Розенгольц, который был германским шпионом с 1923 года и английским шпионом с 1926 года.

Вот кто, вместе с Троцким, с Пятаковым, Ягодой, Бухариным и Рыковым, являлись главными воротилами этого блока, этого «центра центров» всех антисоветских фашистских сил в нашей стране.

ЗАГОВОР ПРОТИВ В. И. ЛЕНИНА В 1918 ГОДУ

Я считаю необходимым кратко остановиться на имевшем здесь место исследовании обстоятельств заговора против Владимира Ильича Ленина в 1918 году.

И на предварительном следствии и на суде Бухарин пытался всячески отвертеться от 1918 года, уйти от ответственности перед историей, перед рабочим классом, перед всем честным человечеством за чудовищное преступление, организованное Бухариным вместе с «левыми» и правыми эсерами, вместе с Троцким и его группой и отчасти осуществленное.

Бухарин позорно лгал в октябре 1918 года, отрекшаясь от «левых коммунистов». Бухарин позорно лгал и в 1924 году, когда он под давлением обстоятельств приподнял краешек завесы, скрывавшей от нас настоящую правду в этом тяжком, кошмарном преступлении.

Бухарин лгал, например, в 1924 году, отрицая наличие блока между ним и «левыми» эсерами в 1918 году.

Бухарин говорит неправду и здесь, на суде, пытаясь отрицать факты, достоверные здесь рядом свидетелей.

Между тем эти факты чрезвычайно важны как с точки зрения окончательного разоблачения предательского лица Бухарина, так и с точки зрения наиболее полного и правильного понимания всей последующей преступной деятельности Бухарина и его сообщников — бухаринцев.

Нужно вспомнить факты, обстановку и условия 1918 года, чтобы по достоинству оценить всю глубину адского преступления Троцкого и Бухарина против революции, всю глубину их предательства!..

Эти факты, товарищи судьи, разумеется, сейчас принадлежат уже в значительной мере истории, но они проливают полный свет на вопрос, интересующий нас, интересующий многих и особенно тех, кто не искушен еще в знании прошлого Бухарина и антисоветских группировок, — как могло случиться, что Бухарин и Рыков, которые в течение стольких лет выдавали себя за сторонников социализма, за сторонников социалистической борьбы, оказались в стане самых отъявленных врагов Советской власти, в стане изменников и предателей революции, советского народа, родины!

Эти факты, уже покрытые архивной пылью, в свете настоящего процесса оживают и начинают говорить вновь полным голосом, голосом обличителя, требующего виновных к ответу, если не перед уголовным судом, связанным рамками уголовной давности, то, во всяком случае, перед судом истории, не знающей никакой давности, не знающей и никакой пощады!

1918 год. Молодая Советская Республика напрягает все свои силы, чтобы преодолеть гигантские трудности, вставшие на ее пути к утверждению и закреплению победы социалистической революции.

Страна была тогда, в буквальном смысле этого слова, повергнута в прах. Ее нужно было поднять на высоту новых, величайших исторических задач, каких не знала до того ни одна революция трудящихся.

«От периода триумфального шествия,— говорил по этому поводу В. И. Ленин,— предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности»¹

В этих условиях борьба за мир являлась борьбой за все будущее пролетарской революции, судьба которой была в буквальном смысле этого слова поставлена на карту.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 71 — 72.

В этих условиях вопрос о войне и мире сводился по существу к одному вопросу — быть или не быть Советской власти, Советскому государству, Советской стране.

Гениальная ленинская стратегия решила этот вопрос положительно. История подтвердила правильность этого решения. Она сказала: «Быть».

Ленинизм учит не только искусству наступления, но и искусству отступления.

«...Нельзя, — писал Ленин, — победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению»¹.

Товарищ Сталин по этому поводу говорил:

«Цель такой стратегии — выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление.

Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина»².

Эта стратегия, гениальная стратегия Ленина — Сталина, полностью себя оправдала. Она спасла новую Россию и Советскую власть от неминуемой гибели.

В 1924 году товарищ Сталин напомнил по этому поводу:

«Теперь даже последний дурак видит», — говорил Ленин спустя три года после Брестского мира, — «что «Брестский мир» был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма»³.

Известно, что Троцкий и Бухарин со своими приверженцами всячески старались сорвать Брестский мир.

Троцкий и «левые» эсеры, при переговорах с генералом Гофманом, вели себя как провокаторы. «Левые коммунисты» во главе с Бухариным рвали и метали против мировой политики Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, требуя разрыва переговоров и объявления «революционной войны».

Своими хлесткими, а по сути дела провокаторскими речами и лозунгами бухаринцы и троцкисты пытались сбить нашу партию с ленинского пути.

«Не мир и не война», «Священная война против всесветной буржуазии» — все эти и подобные им провокаторские лозунги Троцких, Бухаринных и др. имели одну единственную цель, — как

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 12.

² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 160.

³ Там же, стр. 161.

об этом сказал товарищ Ворошилов в своей речи по поводу 20-летия РККА и Военно-Морского Флота, — «впутать нашу страну в вооруженное столкновение с империалистами в момент, когда Советская власть еще не имела своей крепкой армии, и этим самым ликвидировать Советскую власть и расчистить путь для победы буржуазии и полной реставрации капитализма в нашей стране»¹.

До настоящего времени бухаринцам удавалось скрыть от истории истину в этом вопросе.

Даже на предварительном следствии в показаниях от 2 июня 1937 г. Бухарин пытался скрыть действительный характер своей борьбы в период Брестского мира против Ленина, как главы Советского государства.

Бухарин пытался обойти этот вопрос, отделившись, по своей привычке, общими отвлеченными рассуждениями о том, что он якобы «не понимал», что «конкретнейший из конкретнейших вопросов о «мужике» и был именно вопрос о том, чтобы дать массе «передышку», и подменял живые потребности момента общелитературными рассуждениями о том, что пролетарское общество-должно быть защищено».

Бухарину этот фокус не удался. Следствие на его удочку не попало. Следствие, наоборот, изобличило Бухарина и изобличило в гораздо более серьезном, чем какие-то «общелитературные рассуждения».

Следствие установило, и я считаю необходимым это вам здесь напомнить, товарищи судьи, в полном объеме, что в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой, совместно с «левыми» эсерами, организовали заговор против Ленина, как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и из «левых» эсеров.

На следствии Бухарину были предъявлены факты, ему было дано пять очных ставок. Тогда подсудимый Бухарин вспомнил кое-что, более серьезное, чем «общелитературные рассуждения». Бухарин вспомнил такой, например, факт, как блок с «левыми» эсерами в 1918 году, в целях борьбы против Советского правительства, такой факт, как прямой заговор против Советской

---

¹ К. Е. Ворошилов, XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, Госполитиздат, 1938, стр. 6.

власти, как подготовку ареста Ленина, ареста Сталина, ареста Свердлова.

Все это Бухарин, как вы помните, признал. Но он признал это «со скрипом».

Мы помним свидетелей, которые прошли перед судом, хорошо помним их показания, мы их видели, мы их слышали. Мы помним, как тяжелым свинцом падали их слова на голову Бухарина, вдохновителя провокаторской борьбы против ленинского Совета Народных Комиссаров, Бухарина — организатора, как это с полной очевидностью установлено и судебным следствием, заговора и восстания против Советского государства, подстрекателя к убийству руководителей Советского правительства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова.

Я имею полное основание говорить, опираясь на эти данные, что все это точно выяснено, все это достаточно точно установлено, достаточно доказано.

Позвольте остановиться мне кратко на тех доказательствах, которые подтверждают правильность этого заключения. Вы помните здесь показания Камкова. Камков — один из виднейших руководителей ЦК партии «левых» эсеров, Камков показывал, что он с Бухариным вел разговор в 1918 году по вопросу о Брестском мире, что борьба, по словам Бухарина, принимает по этому вопросу чрезвычайно острые формы. Бухарин говорил Камкову об острых формах, о том, что дебатировался в рядах «левых коммунистов» вопрос о создании нового правительства. При этом, сказал Камков, Бухарин назвал Пятакова как возможного кандидата в руководители нового правительства и заявил, что сама смена правительства мыслится путем ареста всего состава Советского правительства во главе с Лениным.

Бухарин это не отрицал. Правда, он говорил здесь что-то такое об аресте «на 24 часа». Но это несерьезно. Уже в 1924 году в газете «Правда» Бухарин сам разъяснил, насколько этот план ареста Владимира Ильича Ленина был реален и серьезен. Но Бухарин отрешивается от плана убийства наших вождей.

Какие он представил в свое оправдание доказательства по этому вопросу? Никаких, кроме голого отрицания. Его изобличала здесь Яковлева, его изобличал здесь Осинский, его изобличал здесь Манцев, его изобличал здесь Карелин, в соответствующей наиболее существенной части вопроса, изобличал его и Камков, ибо, как вы помните, Бухарин старался даже вопрос об аресте поставить таким образом, что, будто бы, инициатива исходила не от него, а от Камкова, от «левых» эсеров. Камков здесь удостоверял, что инициатива исходила от Бухарина. Я, впрочем, согласен их обоих помирить, ибо, очевидно, инициатива исходила и от тех и от других. Этим объясняется та ожесточенная борьба, которая велась со стороны этих людей

против Советского правительства, против Ленина и против его сподвижников — товарищей Сталина и Свердлова.

Бухарин отрицает. Но нельзя же в самом деле считать за аргумент ничем не мотивированное отрицание, тем более что это отрицание противоречит самой логике вещей.

Если бы этого факта — плана убийства Ленина, Сталина и Свердлова — не было, то зачем бы понадобилось говорить об этом и Карелину, и Яковлевой, и Осинскому, и Манцеву, людям, не в интересах которых сознавать сейчас такой позорный и такой страшный факт, такое чудовищное преступление против родины. А между тем, по показаниям Карелина, Бухарин прямо говорил относительно физического уничтожения Ленина и Сталина. Яковлева также говорит:

«Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может ограничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже о физическом их уничтожении» (т. 44, л. д. 77).

Это же подтвердил Осинский, это же подтвердил и Манцев. Бухарин был не один. С ним эту же позицию разделял, как мы теперь установили, и Троцкий, о роли которого в заговоре против В. И. Ленина в 1918 году мы имеем на этом процессе ряд показаний, в том числе и показание самого Бухарина.

«К этому времени, — показал подсудимый Бухарин, — вновь возникла идея переворота и ареста Ленина, Сталина и Свердлова, как определяющих фигур партийного и советского руководства, на этот раз по инициативе Троцкого, которому предложение «левых» эсеров стало известно, очевидно — так я предполагаю, — от Пятакова» (т. 5, л. д. 124).

Бухарин не договаривает до конца, оставаясь верным своей тактике полупризнаний.

Но есть два свидетеля — Яковлева и Манцев, которые и в этом вопросе говорят с такой точностью, какая не оставляет никаких сомнений в справедливости и правильности их показаний.

Не достаточно ли этих фактов, чтобы сказать, что заговор бухаринцев, троцкистов, «левых» эсеров в 1918 году против Ленина, Сталина и Свердлова доказан полностью.

Сам Бухарин признал наличие этого заговора, сам Бухарин признал наличие плана ареста Ленина, Сталина и Свердлова. Бухарин отрицает лишь план убийства Ленина, Сталина и Свердлова. Однако первым признанием подсудимого Бухарина о плане переворота, о плане ареста, в сущности говоря, подтверждается и последующее. В самом деле, Бухарин признал, что он вкупе со своей группой «левых коммунистов», с Троцким и его груп-

пой и с «левыми» эсерами затевали насильственное свержение Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым и даже арест Ленина, Сталина и Свердлова.

Но знает ли Бухарин, что означает насильственное свержение? Знает ли Бухарин, что означают аресты, связанные с задачей насильственного свержения? Знает ли Бухарин, что люди, идущие на насильственное свержение и на насильственный арест, тем самым идут на насилие, тем самым идут и на убийство!

Насильственное свержение предполагает, а не исключает такой формы насилия, как физическое уничтожение. Бухарин насильственное свержение признает, физическое устранение — отрицает. Это явная фальшь, это явная нелепица, это явная нелогичность. Но Бухарин в таком положении, что логики от него требовать нельзя.

Факты, установленные на суде, говорят более авторитетно и более убедительно, чем это кажется и хочется Бухарину. Бухарин, правда, сейчас сказал несколько больше, чем, например, в 1924 году, но всего он все же не сказал. Бухарин так действует не впервые. В 1924 году Бухарин кое-что рассказал об этом позорном преступлении, но только кое-что.

В 1938 году Бухарин, припертый к стене, вынужден рассказать уже об этом факте больше. Если бы мы хотели оценить степень фальши, иезуитства и лицемерия Бухарина, достаточно сравнить текст опубликованного им письма в газете «Правда» в 1924 году с тем, что он говорил на предварительном следствии. Он скрыл целый ряд фактов в этом письме, он не говорил, что речь шла о заговоре, он не говорил, что речь шла о прямомговоре его группы с Троцким, он не говорил не только об убийстве Ленина, но и Сталина и Свердлова. Это вскрыто теперь. Это теперь разоблачено, это открыто, это установлено, об этом возведено всему миру, вопреки воле Бухарина, при всем его сопротивлении к установлению этого факта. Бухарин признал, да и то, как вы видели на судебном следствии, только полупризнал потому, что ему податься некуда, что в 1918 году Бухарин объявлял Советскую власть формальной и предлагал ее ликвидировать.

Ленин разоблачает чудовищность этого бухаринского «тезиса», указывая, между прочим, на исторические примеры Франции в 1793 году и Пруссии начала XIX века, когда лучшие люди этих стран в тяжелую минуту, переживаемую их отчизной, не отчаивались, а «...подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем Брестский, умели выждать потом, стойко сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались

и освободились в конце концов (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями)»¹.

Но это были лучшие люди своей страны, а не изменники и провокаторы, которыми оказались на деле так называемые «левые коммунисты» и их подпольные друзья.

Но для этого нужно было, как учил Ленин, любить свою родину и свой народ, а не глумиться над ним, как глумится Бухарин и его оруженосцы, восставшие против Ленина, призывавшего любить и уважать свой народ.

Следствие установило, что в 1918 году Бухарин и Троцкий заключили с эсерами блок для совместной борьбы против Советского правительства, возглавлявшегося тогда Лениным, Сталиным и Свердловым, что они затевали вооруженное восстание, что они шли на арест и убийство Ленина, Сталина и Свердлова.

Доказано это или нет?

Доказано полностью. Доказано показаниями самого Бухарина и показаниями Яковлевой и Карелина, Камкова, Манцева и Осинского.

Бухарин отрицает подготовку убийства, но как он отрицает? Я просил бы вас, товарищи судьи, в совещательной комнате просмотреть протокол соответствующего заседания нашего судебного следствия для того, чтобы со всей отчетливостью вспомнить метод отрицания Бухариным этого факта.

Вот этот разговор. Бухарин признает, что был одним из организаторов этого заговора.

Его спрашивают: «Об аресте Ленина, Сталина и Свердлова вы открыто говорили?»

«Бухарин. Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. В этот период у меня был один разговор с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство.

Вопрос. Когда это было?

Бухарин. Это было до Брестского мира. Они предложили составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа.

Вопрос. Значит, мы можем сказать, что до заключения Брестского мира у вас были переговоры с «левыми» эсерами Карелиным и Камковым о том, чтобы сформировать новое правительство, то есть предварительно свергнуть правительство во главе с Лениным?

Бухарин. Разговор был.

Вопрос. Об аресте Ленина?

Бухарин. Это эсеры говорили.

Вопрос. По-вашему, эсеры говорили об аресте Ленина,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 51.

а свидетельница Яковлева утверждает, что об аресте Ленина говорил Бухарин.

Бухарин. Она путает с этим другой вопрос, она утверждает, что разговор был до заключения Брестского мира.

Вопрос. Я спрашиваю: до заключения Брестского мира были переговоры с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина?

Бухарин. Да.

Итак, вначале это эсеры говорили, потом Бухарин показывает, что этот разговор был и он вел его сам.

«Вопрос. А после заключения Брестского мира тоже были переговоры?»

Бухарин. Были.

Вопрос. О чем?

Бухарин. О политическом контакте.

Вопрос. А об аресте?

Бухарин. И об аресте.

Вопрос. Кого именно?

Бухарин. Ленина, Сталина и Свердлова.

Вопрос. Также на 24 часа?

Бухарин. Тогда эта формула не употреблялась».

Как видите, раньше на 24 часа, а теперь уже не на 24 часа. Тогда речь шла только о Ленине, а теперь уже выходит, что речь шла о Ленине, Сталине и Свердлове.

«Вопрос. А как арестовать, для чего?»

Бухарин. Для того, чтобы составить новое правительство.

Вопрос. А с арестованными что сделать?»

Бухарин торопится: «Разговора о физическом уничтожении не было». Но я его об этом еще не спрашивал.

«Вопрос. Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?»

Бухарин. Да.

Вопрос. Вы имели в виду при аресте применить насильственные способы? Правильно это или нет?

Бухарин. Правильно.

Вопрос. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

Бухарин. Нет, не установили.

Вопрос. Значит решили так, как позволят и прикажут обстоятельства?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вопрос. А обстоятельства могут приказывать действовать очень решительно?

Бухарин. Да».

Вывод из этого простой — предполагалось свергнуть правительство, для этого арестовать правительство — Ленина, Сталина, Свердлова, применить все те меры, которые могут продиктовать

обстоятельства и обстановка борьбы, которая ведется во имя свержения правительства. Борьба была в самой острой форме, и поскольку не было — если встать на точку зрения Бухарина, как он говорил, — разговора об убийстве, то ведь сам факт, сама задача свержения правительства, сама необходимость ареста руководителей того правительства, которое поставили своей целью заговорщики свергнуть, — совершенно естественно говорит, что от убийства руководителей, предполагавшегося убийства, они отрекаться и зарекаться никак не могли.

Вся логика событий, весь смысл этой борьбы, вся ожесточенность той атмосферы, в которой эта борьба шла, вся острота самого вопроса — быть ли Брестскому миру, т. е. быть ли Советской стране, стране, строящей социалистическое общество, или не быть Брестскому миру, не быть советской земле, которую как «формальную» они предполагали отдать на разгромление врагу, — все это со всей серьезностью говорило о том, что дело идет о настоящей борьбе, которая всегда в таких случаях связана с неизбежностью применения и такой меры, результатом которой является смерть, убийство. Вот почему я говорю: для меня не с точки зрения криминологии, ибо сейчас, через 20 лет после того, как совершилось это преступление, мы не предъявляем Бухарину самостоятельного обвинения, — это имеет значение для того, чтобы оценить ту связь, которая существует между заговорщической деятельностью убийцы и контрреволюционера Бухарина и его сообщников с тем, что они делали впоследствии. Все это имеет значение для того, чтобы показать, что Бухарин и сейчас по вопросу, имеющему исторический интерес и значение, не в состоянии, не хочет признать все преступления, которые он совершил в действительности против Советской страны, против Советской власти и против советского народа.

Бухарин в 1924 году по этому поводу писал:

«Я счел своей партийной обязанностью рассказать — в момент ожесточенной фракционной борьбы о предложении «левых» эсеров для того, чтобы парализовать то идиллическое прилизывание событий Брестского периода, какое практиковалось со стороны товарищей из оппозиции»...

Речь идет об аресте Ленина, о свержении Советской власти Бухарин. таким образом, в 1924 году признавал, что это было в момент ожесточенной борьбы.

И дальше:

«Они изображали брестские времена в партии как «верх демократии». Я же отлично знаю, что это был период, когда партия стояла на волоске от раскола, а вся страна — на волоске от гибели».

В этих условиях, в условиях ожесточенной борьбы, люди, идущие на арест Ленина, на арест Сталина и Свердлова, руководителей нашей партии и правительства, могут ли остановиться перед возможностью уничтожить своих противников, перед тем, чтобы убить наших вождей? Это ни с чем несуразно, это ни с чем не вяжется. Это есть политика не говорить правду до конца, попытка, мне кажется, здесь полностью разоблаченная показаниями свидетелей и самой логикой развивающихся в это время исторических событий.

Теперь полностью раскрыто и то чудовищное преступление, которое имело место 30 августа 1918 года. Я имею в виду покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 года со стороны эсеровской террористки Каплан. По показаниям Карелина и Осинского мы можем судить, как в действительности это покушение было организовано. Карелин здесь заявлял, что в течение 20 лет делались все усилия к тому, чтобы сохранить это страшное преступление в тайне, чтобы не раскрыть его настоящего и действительного содержания и смысла. Карелин утверждал здесь, что вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят в 1918 году не кем иным, как именно Бухариным. Карелин утверждал, что Прошьян докладывал об этом членам ЦК партии «левых» эсеров. Карелин утверждал, что «такого рода требование «левых коммунистов», заявленное Бухариным, их главарем, сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК партии правых эсеров». Это чудовищное преступление — факт.

Осинский показал со слов Стукова, что он — Стуков — был такого же мнения, имел такое же представление о преступлении 30 августа 1918 года.

«В конце 1918 года Стуков,— показывал здесь Осинский,— который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Фаней Каплан в Ленина, был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но явился прямым завершением мероприятий, намеченных в свое время блоком к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова» (т. 44, л. д. 89).

Эти показания достаточно убедительно говорят о той подлой, предательской, дьявольской работе, которую вел Бухарин, этот патентованный лицемер и иезуит.

Чтобы закончить с характеристикой поведения Бухарина и самого Бухарина, надо сказать, что лицемерием и коварством этот человек превзошел самые коварные, чудовищные преступления, какие только знала человеческая история.

Здесь на суде он показал себя весь.

Мы проследили шаг за шагом, год за годом политическую жизнь Бухарина.

Сколько раз Бухарин клялся именем Ленина лишь для того, чтобы сейчас же лучше обмануть и предать и партию, и страну, и дело социализма.

Сколько раз Бухарин прикасался к великому учителю с лобзанием Иуды-предателя!

Бухарин напоминает Василия Шуйского и Иуду Искариота, который предавал с лобзанием.

И повадки у Николая Ивановича Бухарина точь-в-точь, как у Василия Ивановича Шуйского, как изображает его нам знаменитый писатель Островский:

«Василий свет-Иваныч,
Что ни начни, все свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: «Святое дело, братцы!..»

Так и Бухарин,— вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича.

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости.

ШПИОНЫ, ИЗМЕННИКИ, РЕСТАВРАТОРЫ КАПИТАЛИЗМА

Судебное следствие вскрыло и доказало с полной отчетливостью, что «право-троцкистский блок» представлял собой подлинную агентуру разведок некоторых иностранных государств, осуществляющих через этот блок, через эту заговорщическую группу шпионаж, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, что этот «право-троцкистский блок» пытался спровоцировать военное нападение этих государств на СССР в целях свержения существующего в СССР социалистического строя, восстановления в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленения СССР и отторжения от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Установлено на этом следствии, что блок имел своих настоящих хозяев в лице Троцкого и иностранных разведок, что вся его преступная деятельность шла под непосредственным руководством и по планам, выработанным в генеральных штабах Японии, Германии и Польши.

Вот показания Чернова. Чернов связывается с полицией или через полицейского чиновника в Берлине с Обергаузом. Обергауз, говорит Чернов, сказал мне, что немецкая разведка принимает надлежащие меры для свержения Советской власти. И дальше, обращаясь к Чернову, Обергауз говорит: «Вот вы считаете себя оппозицией в Советском Союзе, вам надо объединиться в организующую силу. Если вы хотите взять власть, то не стесняйтесь в методах борьбы». Говоря о методах борьбы, Обергауз предлагает закрепить связь правых с немецкой разведкой. Он говорил о том, что вся организация правых может быть поставлена на службу целям немецкой разведки.

Здесь, на суде, на вопрос, кто был хозяевами, Чернов ответил: «Кроме Рыкова и немецкой разведки,— никого». Не ясно ли, что организация этого так называемого «право-троцкистского блока» была не чем иным, как экспозицией некоторых разведок некоторых иностранных государств.

Подсудимый Шарангович здесь полностью подтвердил свою связь с генеральным штабом Польши. Он подтвердил, что, как глава местной белорусской буржуазно-националистической подпольной организации, он ставил своей задачей обслуживание интересов польской разведки и польского генерального штаба. Он говорил о том, что ему было предложено от имени некоего консула установить тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организации Белоруссии, в том числе с Бенеком. Он говорил, что ему было предложено передавать различного рода сведения, необходимые польской разведке, ему было поручено так тесно связаться с польским генеральным штабом, чтобы польский генеральный штаб мог опереться в своей работе против Советского государства на эту презренную кучку изменников из белорусской национал-фашистской организации.

Основные цели этой организации? Сам Шарангович определил их кратко: свержение Советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами. Для достижения этой цели, как он говорил, подчеркивалась необходимость установления тесной связи с польским генеральным штабом. Это была одна из основных задач, которую по указаниям центра «право-троцкистского блока» преследовала буржуазно-националистическая организация в Белоруссии. Кому это было нужно? Это было нужно польской разведке, это было нужно польскому генеральному штабу, который рассчитывал, имея в своих руках эту, хотя и маленькую, но все же опасную «пятую колонну» на территории СССР, обеспечить себе успех в необходимых случаях.

Вот почему Рыков совершенно справедливо здесь сказал, что белорусская организация правых была по существу

экспозитурой польского генерального штаба. Рыков нам говорил здесь, что ему известно было о переговорах Карахаана с немецкими фашистами еще в 1933 году, что немецкие фашисты относились, как выразился здесь подсудимый Рыков, с полной благожелательностью к возможности прихода к власти правых и что они обещали всячески приветствовать и поддерживать этот приход.

Благожелательность германской разведки, конечно, продиктована исключительно интересами этой разведки: ведь правые и их организация — это фашистская экспозитура. Имея в своих руках группу изменников, опираясь на них, германский фашизм мог бы более безболезненно для себя осуществить свой разбойничий план военной интервенции в СССР. А задачи? Задачи — не только те, о которых говорил Шارانгович. Рыков здесь нам дал ясное указание на еще одну в высшей степени характерную черту, которая с головой выдает «право-троцкистский блок» как агентуру некоторых иностранных разведок. В ответ на вопрос по поводу расчленения СССР, отторжения от СССР ряда республик, на вопрос, «была ли также задача подготовки фашистам плацдарма для нападения на СССР и для обеспечения их победы?» — Рыков ответил: «Да, это несомненно».

Совершенно очевидно, что задача подготовки плацдарма для нападения на СССР и обеспечения победы над СССР, в случае этого нападения, эта задача была поставлена немецкой, польской и другими разведками перед «право-троцкистским блоком», как перед прямой агентурой фашистских разведок. Это говорит о том, что прав Чернов, свидетельствующий о том, что настоящим-то хозяином «право-троцкистского блока», кроме Троцкого, были действительно разведки некоторых иностранных государств.

Мы помним, наконец, показания Крестинского. Как мышь, пойманная в мышеловку, он пробовал уже здесь на процессе метаться из стороны в сторону, нащупывая возможные пути своего спасения, но это оказалось безнадежным. Крестинский признал, что уже в 1920—1921 годах по указанию Троцкого он, Крестинский, вел переговоры вместе с другими троцкистами с генералом Сектом и с германским рейхсвером, он продавал за 250 тысяч золотых марок в год шпионские сведения генеральному штабу Германии и обеспечивал беспрепятственный допуск в пределы СССР германских военных разведчиков.

О чем шла тогда речь, как не о превращении СССР в колонию германского фашизма? В чем сущность этого соглашения с рейхсвером, нити которого тянутся к измене и предательству так называемого «право-троцкистского блока», — об этом сказал сам Крестинский.

Позвольте кратко напомнить.

«Мы получаем,— говорит он,— небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству,— поучает дальше Крестинский, раскрывая свои карты,— в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он (т. е. Гитлер) готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза».

Вот циничная, обнаженная до пределов человеческой подлости постановка вопроса, которая совершенно отчетливо говорит о том, как подходили некоторые разведки, в том числе и германская разведка, и некоторые наиболее реакционные, преимущественно военные круги некоторых иностранных государств, к деятельности этого так называемого «право-троцкистского блока». Они подходили к ним, как к своим рабам и пленникам. Они подходили к ним, как хозяева подходят к своим слугам. Они искали помощи этих предателей потому, что эти предатели держали в своих руках ключи, по крайней мере в их собственном сознании и отчасти используя свое служебное положение, отворот наших границ. Они были подходящими для того, чтобы открыть ворота врагу. Пытаясь вилять и заматывать свои следы, в этом цинично признался в конце концов подсудимый Бухарин. В разговоре с Рыковым и Томским Бухарин говорил о необходимости открыть фронт немцам. Вопрос стоит, что называется, ясно до предела. Карты, хотя и крапленые карты, раскрыты полностью. Они говорили: «мы вам даем не только шпионские сведения, но в нужную минуту мы вам откроем фронт. За это платите нам денежки, на которые мы будем вести свою преступную подпольную троцкистскую работу. Зачем вам драться с Англией, Америкой и Францией из-за колоний? Вы можете превратить СССР в свою колонию. По крайней мере ее цветущие окраинные республики, например Украину. Зачем вам драться с Америкой, Англией и Францией из-за колоний, когда мы, ваши покорные слуги, готовы вам отдать советскую землю за те золотые марки, которыми вы поможете нам вести свою подпольную работу».

Вот смысл этого соглашения.

Говорит ли наличие такого соглашения о том, что «право-троцкистский блок» был какой-то политической группой? Нет! «Право-троцкистский блок» — это не только безидейная, беспринципная банда вредителей, диверсантов, убийц, шпионов,— это чистейшая банда агентов иностранных разведок в подлинном смысле этого самого слова. Она открывает ворота врагу, она стреляет из потаенных окон по улицам, помогая вторгнувшемуся в города и села неприятелю, содействует поражению своей родины.

Крестинский говорил: «Мы шли на восстановление капиталистических отношений в СССР и территориальные уступки буржуазным государствам, с которыми об этом уже договорились».

В этом, в сущности говоря, и есть весь смысл преступной деятельности блока.

От Крестинского в цинизме своих показаний не отстают и Гринько. Гринько ведь прямо показывал, что задача, поставленная их иностранно-разведывательными хозяевами, заключается главным образом в том, чтобы помочь иностранным агрессорам. Это была, говорил Гринько здесь, общая позиция и троцкистов, и правых, и буржуазно-националистических организаций, и, в частности, украинской национал-фашистской организации.

Это означало подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности, открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны.

Нечего сказать, почетные задачи!

Самый перечень этих преступных целей с головой выдает этот блок, как чистейшую банду шпионско-разведывательных организаций некоторых иностранных государств.

Икрамов здесь нам рассказал о том, как главари «право-троцкистского блока», и в первую очередь Бухарин, уговаривали его принять все меры к тому, чтобы превратиться в подлинную агентуру иностранных разведок.

Московские главари «право-троцкистского блока» информировали Икрамова о японо-германской, как они говорили, «ориентации», о связи с немцами и японцами. Во имя чего? Во имя той же задачи, которая так выпукло была изображена и Гринько и Крестинским.

Вторая встреча была посвящена обсуждению вопроса о вредительстве. Третья встреча была посвящена вопросу о связи с Англией. Об этом здесь очень подробно и полно говорил обвиняемый Ходжаев.

Что же говорил ему Бухарин? Он говорил, что надо ориентироваться на Англию, что если сейчас войны не будет, если скоро интервенции не будет,— нашему делу «капут». Бухарин говорил Икрамову: «Могут всех нас переловить, а вопрос ускорения войны не можем разрешить из-за Англии, которая в некотором отношении является международным арбитром».

Интересно представление заговорщиков, возлагающих все надежды на военное нападение на СССР, об Англии, как о каком-то международном арбитре. Известно, говорит Бухарин, что англичане давно смотрят на Туркестан, как на лакомый кусочек. Если будут такие предложения, тогда англичане, может быть, скорее перейдут на сторону агрессора против Советского Союза.

Бухарин, в сущности говоря, здесь не отрицал этого разговора. Он говорил о некоторых деталях, спорил о некоторых словах, говорил, что это было иначе формулировано, но в основном Бухарин подтвердил, что такие разговоры были, что была «ориентация на британского арбитра», который готов был заполучить «лакомый кусочек» в виде Туркестана. Это же подтвердил и другой обвиняемый, Ходжаев, который признал, что Бухарин вел с ним разговоры, организовывая в Средней Азии ту деятельность, которая целиком и полностью может быть охарактеризована как государственная измена, как подготовка поражения, расчленение СССР. Отторжение от СССР целых областей и даже союзных республик они рассматривали как плату за ту помощь, которую военный агрессор готов оказать блоку в его преступной борьбе за захват власти, за свержение законного Советского правительства в нашей великой стране.

Я уже сказал, что по всем тем обстоятельствам, которые с такой исчерпывающей полнотой вскрыты на судебном следствии по настоящему делу, видно, что «право-троцкистский блок» представлял собою просто агентуру иностранных разведок. Этим обстоятельством определялся и весь характер и вся природа тех взаимоотношений, которые сложились и существовали между этими так называемым «блоком», с одной стороны, и некоторыми иностранными разведками, являющимися действительными хозяевами этих преступников, — с другой.

О том, каковы были эти взаимоотношения между иностранными разведками и блоком, можно судить по ряду фактов, с непреложностью установленных на настоящем судебном следствии.

Я напому вам допрос подсудимого Рыкова. На вопрос о том, что представляла собой буржуазно-фашистская организация, действовавшая в Белоруссии под руководством Голодеда, Червякова и Шаранговича, Рыков должен был признать, что даже назначение сколько-нибудь крупное отдельных работников на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывалось с польской разведкой.

Этот факт, сам по себе, уже достаточно ярко характеризует действительную природу тех отношений, которые существовали между «право-троцкистским блоком» и польской разведкой. Если польская разведка решает, кого назначить на те или другие наиболее ответственные должности, ясно, что подлинным, настоящим хозяином, распоряжавшимся судьбой «право-троцкистского блока», всей его преступной деятельностью, являлась польская разведка. Хозяевами этого «блока» являлись также и разведки других государств, с которыми состояли в преступной связи и отношениях по поручению, с ведома и согласия руководителей этого «блока» отдельные участники этой заговорщической преступной организации.

Я напомню вам показания подсудимого Иванова, который здесь уже говорил о том, что иногда участники блока не различали, где действуют правые, а где действует иностранная разведка, до такой степени все у них переплелось. Я напомню вам также и то, что, по словам Иванова, Бухарин рекомендовал ему связаться с английской разведкой. Бухарин говорил, что Англия имеет очень большие интересы в Северном крае. Он говорил, что с этой страной у центра правых есть соглашение о помощи правым в свержении Советской власти и что в этом соглашении предусматривается обеспечение интересов английских лесопромышленников в лесном хозяйстве Северного края.

Здесь также ярко выражен конкретный хозяйский интерес той разведки, с которой Бухарин рекомендовал связаться подсудимому Иванову и с которой подсудимый Иванов связался, выполняя это указание Бухарина. Иванов показал, что Бухарин рекомендовал ему поставить дело таким образом, чтобы показать английской буржуазии, что правые охотно идут на удовлетворение всякого рода экономических и финансовых интересов этой буржуазии, рекомендовал выдавать авансы английской буржуазии с тем, чтобы, с одной стороны, не потерять поддержку для себя, а с другой — не потерять доверия.

Ясное дело, что это «доверие» строилось только на одном — на способности этих заговорщиков уплатить чистоганом советской землей и советской кровью за изменническую свою деятельность, за помощь, которую иностранные агрессоры готовы оказать заговорщикам в их преступных целях.

Об этом же говорил, по существу, и Раковский, когда он показывал, какое часто создавалось противоречивое положение для «добросовестных» агентов иностранных разведок, каким выглядит этот умильный старичок, сидящий здесь перед вами на скамье подсудимых. Положение создалось весьма и весьма затруднительное для тех разведчиков, которые сразу служили нескольким разведкам. А такие подсудимые налицо. Сам Раковский представляет такого специалиста, который служил одновременно и японской и английской разведкам и попадал вместе с Юрневым в «тяжелое» для них положение.

«Мы, — говорил здесь Раковский, передавая слова Юрнева, — очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Боишься — как бы, удовлетворив одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской и с японской разведками...»

Тяжелое положение для разведчика! Тяжелое положение для английского и японского шпиона.

«...Нам, троцкистам,— говорил Раковский,— приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской».

Мы видим, что эта игра ничем хорошим для игроков окончиться не может.

«...Немецкая карта, по крайней мере, в тот момент для меня была недостаточно ясна...»

Хотя и достаточно краплена.

«...Я лично считал, что... Япония... является актуальным агрессором против СССР».

И дальше он продолжает:

«Японская карта была для нас, троцкистов, чрезвычайно важна. Но, с другой стороны, не нужно переоценивать значения Японии, как нашего союзника против Советского правительства. Если даже японская агрессия и сможет продвинуться на территорию СССР, она утонет в пространстве и тайге. А что касается Великобритании, здесь дело посерьезнее. Великобритания в данный момент находится в антагонизме с Японией. Не нужно забывать, что Англия возглавила коалицию против французской революции и 25 лет боролась».

Выходит, что самая сильная карта — карта английской разведки. Но не моя задача разбирать качество всех этих «карт» и их отличие. Я хотел бы только показать, каким затруднительным оказалось положение таких господ, которые умудрились поклоняться сразу трем богам, служить сразу трем разведкам. Нельзя им почеловечески не посочувствовать, но помочь им мы можем только одним — уничтожить возможность играть в какие бы то ни было карты, как бы эти карты им самим ни казались серьезными.

О связях с английскими агрессорами подсудимый Раковский показал, что блок подготовлял поражение СССР и систематически занимался шпионажем.

В этой связи надо сказать о Бухарине, который хотел здесь показать, что, в сущности говоря, он не за поражение СССР, и не за шпионаж, и не за вредительство, и не за диверсию, так как и вообще он к этому практическому делу имеет отношения не должен, ибо он «теоретик», который занимался проблематикой всеобщих вопросов. Но и Бухарин должен был поставить все точки над «и». Он сказал:

«Одним словом, я был обязан, как один из руководителей правого центра, доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку».

В чем заключалась эта установка?

«Коротко эта установка заключалась в том, что в борьбе с советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны».

Если расшифровать это витиеватое показание Бухарина, то это значит — прямая измена, переход на сторону врагов в зависимости от военных обстоятельств и от военной обстановки для того, чтобы воспользоваться помощью этих врагов в достижении своих преступных целей.

Когда Бухарину задали об этом вопрос: «Иначе говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?» Он отвечал: «Да, это можно и так сказать». Он не хочет прямо сказать, а говорит, что «это можно и так сказать».

Можно и нужно так сказать, ибо это соответствует действительности. На вопрос: «Иначе говоря, ориентация на поражение СССР?» — Бухарин говорит, оставаясь верным своей туманной словесной эквилибристике: «В общем, суммарно, повторяю, — да».

Итак, «суммарно» Бухарин признает ориентацию на поражение СССР, а в тех конкретных условиях, в которых он находился как руководитель «право-троцкистского блока», это «суммарно» означало: «Мы готовили поражение СССР, мы готовы были открыть врагам ворота».

«Открыть врагам фронт», — как это подтвердил Рыков, как это не мог не подтвердить Бухарин.

Я хочу в этой связи обратить ваше внимание, товарищи судьи, на то, как и тут Бухарин пытался вылезти сухим из воды, как он, признавши связь с военной заговорщической организацией Тухачевского и Якира, пытался играть понятием слова «должны» открыть фронт, пытался уйти от настоящего ответа на этот в высшей степени неприятный для него вопрос.

Но как бы Бухарин ни изощрялся в отдельных словах и фразах, как бы он ни пытался уверять, что понятие «должны», хотя и выражается одним словом, но имеет разное значение, — мы отчетливо представляем действительное отношение Бухарина к этому вопросу.

Бухарин вместе с Рыковым и Томским организовали не шуточное дело, а дело серьезное, дело свержения Советского правительства и Советской власти, не стесняясь решительно никакими средствами. Потерявши всякую опору внутри СССР, устремивши все свои надежды на враждебное СССР иностранное государство, они договорились с ним об открытии фронта, о совместном намерении разгромить советский народ, Советское государство для того, чтобы путем измены пробраться к власти, которую в этот же момент они должны будут целиком, безраздельно и полностью отдать в руки фашистов, в руки своих настоящих хозяев.

Довольно играть словами! Довольно эквилибристики, «философии!» Речь шла о государственной измене, о переходе на сторону врага, об открытии фронта, о поражении СССР, о разгроме нашего отечества.

Вся шпионская работа отдельных соучастников этого заговора на всех участках в целом направлялась Бухариным и Рыковым. Все шпионские сведения шли в соответствующие органы по каналам при помощи средств и связей, которые были в руках Рыкова, Бухарина, Ягоды и их соучастников.

Здесь на суде раскрылась в полной мере связь Рыкова, Бухарина и Ягоды с разведками ряда иностранных государств. Вместе с меньшевиками, с Даном, со II Интернационалом, с эсерами, с Масловым, с заграничными иностранными разведками, вместе с аггессорами, они пытались свергнуть Советскую власть и восстановить власть настоящего, матерого, стопроцентного капитализма, настоящего господина помещиков и фабрикантов.

Все эти вредительства, измены, предательства смешивались с систематическим обслуживанием иностранных разведок секретными сведениями и разного рода материалами. Крестинский, Розенгольц, Иванов, Шарангович, Чернов, Раковский, Ягода и другие систематически передавали иностранным разведкам тайны Советского государства.

О систематическом обслуживании заговорщиками из «право-троцкистского блока» иностранных разведок мы имеем достоверные сведения. Я приведу здесь выдержку из токийской газеты «Миако» от 20 февраля 1937 г., которая содержит в себе информацию о секретном заседании так называемой планово-бюджетной комиссии. Депутат Иосида обратился с запросом к военному министру генералу Сугияма: «известна ли ему и армии провозоспособность Сибирской железной дороги». Министр ответил на этот вопрос положительно и сказал, что провозоспособность Сибирской железной дороги им известна, что они имеют систематически сведения о пропускной способности Сибирской железной дороги от имеющихся в России элементов, находящихся в оппозиции к нынешнему Советскому правительству. Через них в Японии получают сведения о Сибирской железной дороге.

Вот они эти элементы, вот они эти лазутчики, разведчики, слуги империализма, торгующие интересами нашей страны. Вот они — агенты военного министра, собирающего свои силы на рубежах нашей страны для нападения на наши священные границы.

Я не могу не привести и еще одного обстоятельства. Орган японского министерства иностранных дел «Джапан Таймс» в январе 1937 года в передовой статье писал:

«То, что обе страны — Германия и Япония — естественно стремятся получить всякую информацию о СССР, могущую иметь военную ценность, должно быть принято, как факт. Если бы они не делали этого, то были бы дураками и не выполняли бы своего долга перед государством и страной. Возможность вооруженного столкновения с Советским Союзом когда-то в будущем не может

быть с уверенностью исключена, хотя надо надеяться, что этого не произойдет. Поэтому государства, перед которыми стоит такая перспектива, обязаны готовиться всеми возможными путями к обеспечению победы при столкновении.

Вы хотите, господа обвиняемые, иметь, кроме ваших показаний, доказательства вашей преступной провокаторской, шпионской, разведывательной работы? Ищите эти доказательства на страницах органа министерства иностранных дел Японии, на страницах токийской газеты.

Японские агрессоры не только не скрывают своих шпионских вожделений, но, как в данном случае, когда это касается СССР, они восхваляют шпионаж как высшую патриотическую добродетель. Ясно, что мы к этим «добродетельным» людям, которые занимают сейчас скамью подсудимых, должны отнестись так, как это соответствует качеству и глубине их шпионской «добродетели».

Бухарин, Томский, Рыков, Ягода собирались открыть фронт. Но и тут, как и везде, как и во всей своей предательской работе, они действовали как провокаторы. И это тоже не случайно, ибо это характеризует метод работы этих господ. Они готовятся открыть фронт, но они хотят так изобразить дело перед рабочими и крестьянами всей нашей страны; перед всем нашим народом, что фронт открыли не они, а кто-то другой, что они, наоборот, против открытия фронта, против измены; они даже сговаривались о том, как этих, кто откроет фронт по их собственному приказанию, отдать под суд, чтобы сыграть, как цинично выразился Бухарин, на патриотических лозунгах. Я не сомневаюсь, что Бухарин использует либо свою защитительную речь, либо свое последнее слово для того, чтобы еще раз при помощи самой чудовищной цирковой эквилибристики придать этому свой особый смысл, чем тот, который придаю этому я, государственный обвинитель, на этом процессе, но иной смысл, мне кажется, придать этому нельзя.

Я процитировал на одном из заседаний судебного следствия то показание Бухарина, где он говорит о высоко поднявшейся волне советского патриотизма, который не позволит никому и никогда играть своей страной, который за каждый шаг измены потребует расплаты головою, жизнью изменников.

Бухарин и его дружки прекрасно понимали и оценивали значение этого величайшего, подлинно народного патриотизма, на высоком уровне которого стоит вся наша страна, от малого до великого, готовая в необходимости минуту своей грудью заслужить свою отчину от нашествия иностранных интервентов. Они учитывали это, они знали и понимали, что с любовью народа к своей матери-родине нельзя шутить. И учитывая это, они построили всю эту систему провокаций и измены. Они готовы от-

крыть широко ворота иностранной интервенции, но они хотят изобразить это дело так, как будто это дело каких-то чужих рук, против которых они, эти иезуиты и фарисеи, эти иуды искариоты и Василий Шуйские, якобы поднимают теперь свой голос «патриотизма». Бухарин говорил — отдать под суд виновных в открытии фронта, играя патриотическими лозунгами.

Игра разоблачена. Предательские маски с их лиц сорваны и сорваны раз и навсегда. Ни один из подсудимых не посмел отрицать своей преступной работы в направлении подготовки поражения СССР и расчленения СССР. Одни говорили об этом просто, грубо, цинично, другие же, опять-таки вернусь к Бухарину и Рыкову, иезуитски вуалировали свои признания, но и они в конце концов не посмели и не могли отрицать этого преступления перед нашим гласным советским судом. Уж слишком сильны улики и слишком убедительны доказательства.

Троцкий, как это было установлено на предыдущих процессах и как это вновь подтверждено на настоящем процессе, договорился с германской и японской разведками о совместной борьбе против СССР и Советской власти. Мы и на этом процессе имеем по этому поводу очень подробные показания одного из обвиняемых, именно обвиняемого Бессонова. Он сказал, что соглашение это было заключено на основе тех пяти пунктов, которые он привел в своих показаниях. Это, во-первых, обоюдный саботаж всех официальных отношений, саботаж нормализации отношений между СССР и Германией. Это что значит?

Это значит — система провокаций в международных отношениях. И это, конечно, не слова, потому что мы знаем, что троцкисты сумели под своей маской двурушничества пролезть на целый ряд достаточно ответственных постов, на которых практически осуществляется наша иностранная политика. Раковские, Крестинские, ЮрENEвы и другие, Бессоновы и им подобные — это же все люди, которые выполняли порученное им дело дипломатического представительства СССР во внешних сношениях. Этим, между прочим, еще больше усугубляется их вина и тяжесть их ответственности перед Советским государством и советским народом.

Посланные для того, чтобы представлять интересы нашего государства, они в действительности всеми мерами боролись против этих интересов. Эти господа использовали свое должностное положение, — и так делал и Раковский, и Гринько, и Крестинский, — для того, чтобы сорвать дело мира, для того, чтобы принять все меры провокации возможных столкновений, в угоду империалистам.

Второй пункт соглашения — всестороннее сотрудничество троцкистских организаций в СССР с германскими подпольными и шпионскими организациями и их агентами. Для чего? Для

подрыва военной и хозяйственной мощи СССР, для ускорения поражения СССР в войне.

Третий пункт — содействие германского фашизма государственному перевороту в СССР в целях перехода власти в руки «право-троцкистского блока».

Четвертый — ускорение интервенции и немедленное заключение мира с новым правительством после его прихода к власти — естественный шаг в плане той изменнической работы, которую вели эти господа.

Пятый — отторжение Украины от СССР в пользу Германии, как отторжение Приморья в пользу Японии, как и отторжение Белоруссии в пользу Польши, как расчленение всего нашего Советского Союза путем отторжения отдельных областей и республик и отдача их в распоряжение иностранных империалистов.

Бухарин должен был здесь признать, что условиями, на которых был заключен этот так называемый союз (а это вовсе не «союз», а это есть, в сущности говоря, хозяйско-приказный договор), — этими условиями были расчленение СССР, отторжение от СССР Украины, Приморья, Белоруссии. Я спросил Бухарина: «В пользу кого?» И он ответил: «В пользу Германии, в пользу Японии, отчасти Англии». Это собственное признание Бухарина, от которого ему никуда не уйти и от которого он не уйдет.

Троцкисты и правые действовали именно в соответствии с этим соглашением. Гринько показал, как действовали украинские национал-фашисты во исполнение этого соглашения. Крестинский подтвердил, как они действовали во исполнение этого соглашения. Они, как указывал еще Троцкий, предусматривали диверсионную, шпионскую и вредительскую деятельность, деятельность гитлеровцев и троцкистов в СССР.

В антисоветском «право-троцкистском блоке» видное место занимали буржуазно-националистические группы, образовавшиеся в некоторых национальных республиках под прямым влиянием агентуры тех же иностранных разведок и под непосредственным руководством так называемого центра «право-троцкистского блока».

Изменники Гринько, Ходжаев, Шарангович, Икрамов — это прожженные, матерые контрреволюционеры, разных мастей, с большим контрреволюционным стажем от боротьбистов, от «Милли Истиклял» и «Милли Иттихад» до «право-троцкистского блока».

Рыков уверял Ходжаева, что под руководством правых узбекская националистическая организация может добиться «независимости» Узбекской республики.

Ходжаев должен был признать — а вы видели Ходжаева, это достаточно культурный человек, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях и перипетиях той борьбы, в которой он принимал участие, — Ходжаев должен был признать, что он хорошо по-

нимал лживость и фальшь этого лозунга о так называемой независимости Узбекской республики, он понимал прекрасно, что под этим лозунгом скрывается в действительности зависимость узбекского народа от эксплуататоров той капиталистической страны, которая поможет этой республике добиться своей этой призрачной независимости.

Вместе с Рыковым в этом же направлении действовал и Бухарин, восхвалявший, по словам Ходжаева, германский фашизм, говоривший, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, и что возможно соглашение между Японией и Германией для борьбы с СССР.

Бухарин уговаривал Ходжаева найти пути и дороги к английской разведке через тех курбаши, о которых здесь показывал нам Ходжаев. Бухарин предлагал связаться с английскими кругами, кое-что порбещать Англии. Он говорил: «Не может Узбекистан с 5 миллионами населения сделаться независимым государством между двумя колоссами: с одной стороны, Советским Союзом, с другой стороны — Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу». И Бухарин толкает Ходжаева, достаточно, впрочем, подготовленного и самого по себе, на то, чтобы пристать к берегу буржуазной контрреволюции.

Бухарин говорит о стабилизации капитализма, о том, что в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно немецкий фашизм. Он всячески, как верный пес этого фашизма, радостно лает, возвещая свой восторг перед этим немецким фашизмом.

Бухарин в этом направлении обрабатывал и Икрамова, хотя Икрамов таков, что ему тоже палец в рот не клади. Бухарин лгал на Ленина, он говорил, что колониальные страны не могут прийти к социализму при поддержке пролетариата СССР, минуя стадию капитализма, и т. д. Бухарин проповедовал, в интересах окончательного усвоения Икрамовым, теорию и практику реставрации капитализма, не только в Узбекистане, но и во всем СССР. Он сказал: «Ваши средства мелочны. Вы хотите ждать, когда придет трудный момент для Советской власти, и тогда вы будете действовать. Нет, лучше надо действовать. Мы одобряем ваши действия в вопросе отторжения Узбекистана. В этом вопросе у правых есть договоренность с украинскими националистами, с белорусскими националистами и националистами других республик».

Право-троцкистские и буржуазно-националистические изменники в угоду своим капиталистическим хозяевам хотели вернуть под капиталистическое ярмо освобожденные Великой социалистической революцией, ранее угнетавшиеся царизмом, помещиками и капиталистами народы наших братских союзных республик. Не смея открыто сказать о своих предательских

планах порабощения народов, поднятых на громаднейшую высоту в результате ленинско-сталинской национальной политики, на высоту культурно-политического и экономического расцвета, — эти предатели практиковали свои предательские, лживые, обманчивые лозунги и речи о независимости этих республик.

Будто есть другая страна в мире, кроме СССР, где была бы действительно обеспечена подлинная национальная независимость, подлинная и полная национальная культура, подлинное процветание миллионных масс народов! Такой страны, кроме СССР, нет во всем мире! В то время, как в колониях капиталистических стран — в Индии, Алжире, Тунисе, Марокко, как и в восточных странах, народы изнывают под тяжелым игом капиталистического гнета, где все больше прогрессируют бедность и нищета, вымирание масс от голода, где процветает сифилис, туберкулез, где все больше и больше процветают разорение и пауперизация, — в СССР, в ее славных одиннадцати союзных республиках все больше и больше растет материальное благосостояние масс, все выше и выше поднимается национальная по форме, социалистическая по содержанию культура, все радостней и ярче сверкает великими благословенными лучами засиявшее над богатыми необозримыми просторами этих республик новое, социалистическое солнце, солнце неуязвимой славы братского нерушимого союза народов — Союза Советских Социалистических Республик.

Провокаторы, разведчики, фашисты, конечно, добивались отделения союзных республик от нашего Союза.

Почему они добиваются этого? Потому, что, как об этом писал товарищ Сталин уже 18 лет тому назад, отделение окраин подорвало бы революционную мощь центральной России, стимулирующую освободительное движение Запада и Востока. «...Сами отделившиеся окраины, — писал товарищ Сталин, — неминуемо попали бы в кабалу международного империализма»¹. Подлинная независимость национальных республик обеспечивается лишь в условиях Советского государства, в условиях победившего социализма, на основе великой Сталинской Конституции.

ВРЕДИТЕЛИ, ДИВЕРСАНТЫ

Эта шайка изменников действовала уже известными, не раз вскрытыми судом, преступными методами: методом вредительства, диверсии, шпионажа, террора. Вредители, диверсанты, шпионы проникли в ряд отраслей и заняли там руководящее положение. Так было с Черновым, занимавшим высокий пост народ-

---

И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 352.

ного комиссара земледелия Союза, так было с Гринько, занимавшим высокий пост народного комиссара финансов СССР, так было с Розенгольцем, занимавшим высокий пост народного комиссара внешней торговли СССР, так было с Зеленским, бывшим председателем Центросоюза, так было еще в ряде других случаев. В руках этих преступников были, конечно, такие возможности самого широкого и в то же время самого замаскированного и самого опасного вредительства, какие редко бывают в руках преступников.

Основная задача подрывной вредительской деятельности этого «право-троцкистского блока» была — всячески подорвать экономическую мощь СССР. Ликвидировать советскую социалистическую систему, ослабить обороноспособность СССР, оборонную промышленность, разрушить сельское хозяйство, ликвидировав колхозы и совхозы, разрушить транспорт, роль которого во всем народном хозяйстве исключительно велика, — таковы чудовищные задачи, которые ставили перед собой преступники.

Они ставили задачу приурочить наступление всех этих пагубных последствий к моменту военного нападения иностранных агрессоров на СССР и не только приурочить их к моменту нападения, но добиться и того, чтобы эти преступные действия сыграли и самостоятельную роль, как определенные пути к ослаблению мощи Советского государства.

Преследуя свою основную цель — свержение Советской власти, «право-троцкистский блок», — как это показало наше судебное следствие, — не остановился перед самыми грязными и самыми циничными методами, чтобы подорвать доверие масс к органам Советской власти, чтобы посеять среди населения недовольство Советами и восстановить, по возможности, народ против Советской власти.

Эта провокационная деятельность, проводимая каждым из обвиняемых там, где он работал, представляет собой громадную общеполитическую опасность. Об этом особенно свидетельствуют такие дела, как, например, упоминавшееся здесь на суде лепельское дело: бесчинства и беззакония, осуществлявшиеся по указке этого блока заговорщиками и преступниками, были направлены к тому, чтобы практикой беззаконных действий дискредитировать в глазах широчайших масс населения Советскую власть.

Суд и следствие показали, как бессовестно-циничны и чудовищно-преступны были те способы и средства, которые блок применял для осуществления своих целей. Эта вредительская подрывная работа представлялась особенно опасной ввиду того исключительного и особого положения, которое занимал ряд подсудимых в системе советского государственного аппарата.

Возьмите финансы. Основной установкой вредителей в области финансов — как это сформулировал Рыков, с согласия Бухарина — было «ударить по Советскому правительству советским рублем». Это перефразировка старого троцкистского лозунга, который известен по другим процессам через Пятакова — «бить наиболее чувствительными средствами по наиболее чувствительным местам».

«Ударить по Советскому правительству советским рублем» — вот директива, которая определяла всю деятельность Гринько, бывшего народным комиссаром финансов и в то же самое время действовавшего в качестве агента германской и польской разведок и сподручного Бухарина и Рыкова. Именно эту директиву, это решение «блока» он старался провести в жизнь не за страх, а за совесть (хотя и растленную совесть).

Больше того. Известно, что финансовая работа не имеет замкнутого значения, что она определяет собою направление и развитие всех других отраслей промышленности. И это учитывается преступным блоком вредителей. Вредительство в финансовом деле перебрасывается на различные хозяйственные области. В сельском хозяйстве, которое для СССР имеет огромное значение, вредительская работа насколько возможно должна была сорвать задачу 7—8-миллиардного урожая, поставленную перед нами партией и правительством.

Гринько напомнил, как он вредил в области налогового дела, в области сберегательного дела, где стремились всячески озлобить население. Каждый из нас хорошо знает, как безобразно было поставлено сберегательное дело при Гринько, когда нужно было тратить массу времени, наталкиваться на всякого рода бесконечные неприятности и дерзости, грубость и невнимание к вкладчикам, когда старались всячески озлобить и отпугнуть население от сберегательной кассы.

Теперь Гринько прямо сказал, в чем тут секрет, а секрет заключался в стремлении вызвать озлобление вкладчика, подорвать сберегательное дело. Во главе этого дела был поставлен, по собственному выражению Гринько, такой головорез, как Озерянский, который в то же время подготовлял террористические акты против руководителей нашей партии и правительства.

Я не касаюсь других фактов, свидетельствующих о том, что в лице Гринько мы видим старого закоренелого врага Советской власти, целиком и полностью продавшегося немецкой разведке, активно боровшегося путем вредительства, диверсии, измены и террора против Советской власти, за реставрацию капитализма.

Возьмите другого разведчика — Чернова, несомненно, «талантливого» человека, потому что он успел побывать за один только вечер у Дана с Кибриком, подражаться с полицейскими, попасть в полицейпрезидиум и сделаться немецким разведчиком.

Ничего тут невероятного, однако, нет. Так в жизни как раз и бывает с такими людьми, как Чернов. Это теперь у него вид более или менее свежий и здоровый. Заключение ему в значительной степени помогло. На воле у него было иное лицо, испытанное лицо алкоголика, который больше пил, чем работал, это был человек, больной социальным недугом — алкоголизмом. И вот по поручению правительства он поехал за границу. Но одновременно берет на себя поручение «блока», который пользуется его случайной командировкой для того, чтобы направить его для организации связи с Даном. Попадает он к Дану и Кибрику. Дан и Кибрик — это ясно — немецкие разведчики. Это видно хотя бы из того, что тот разговор, который он вел с Даном и Кибриком, стал тут же известен разведке полицейспрезидиума.

Говорят, что «стены имеют уши», но есть и такие стены, которые имеют и глаза, стены, через которые все не только видно, но и доступно фотографическому аппарату. И вот, в то время, когда Чернов выпивал и закусывал с Даном и Кибриком, щелкает фотоаппарат и увековечивает на фотопластинке это «свидание друзей» — Чернова и Дана. В руках полицейспрезидиума — документ, который может испортить Чернову всю его карьеру. Поехал он по поручению правительства, а оказался связанным с такими матерями меньшевиками, как Дан и Кибрик, с ними он ведет шашни. Это может стоить Чернову не только политической карьеры. И на этом играет немецкая разведка. Она не считает Чернова достаточно высокопоставленным человеком для того, чтобы доставить его на такси, — обойдется и троллейбусом. Но в троллейбус садятся люди, которые начинают драку, начинают скандал, который заканчивается в полицейском участке. Хорошая картина — народный комиссар, который заводит скандал и бьет по щеке полицейского. Прибавьте к этому компрометирующие фотоснимки, и Чернов уже «испекся». Чернов должен либо честно рвать и повернуть круто на 180°, либо плыть по тому течению, по которому он поплыл. К этому надо добавить, что Чернов бывший меньшевик, который сохранил свой меньшевизм до последнего часа. Следовательно, он мог бы, так же как Розенгольц, повторять те же слова молитвы — «да расточатся врази». По поводу Чернова даже Рыков сострил, что Чернов в один вечер успел побывать в полицейспрезидиуме и попасть в разведчики.

А разве иначе происходит вербовка агентов разведок? Из множества материалов, печатающихся за последнее время, известно, как ловят и в дансинге, и в частных беседах, и в любовных делах, когда специально подсовывают представительниц прелестного пола, играющих роль далеко не прелестных представительниц далеко не прелестных учреждений. Известно, что и в картишках ловят, и на бутылке коньяку ловят. Ловят так, как ловят бабочек, летящих на огонек.

На прошлом процессе мы видели, как немецкая разведка, надо ей отдать справедливость, искусно завербовала Строилова. Раковский тут рассказывал, как его, человека с большим опытом житейских отношений, завербовали английская и японская разведки, и о том, как какой-то Армстронг или Леккерт сделал его английским разведчиком.

Вот Чернов, он действует по заданию немецкой разведки и прямо говорит: «Особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства». С тем, чтобы, как говорил Райвид, не дать лошадей для Красной Армии. Ясная постановка вопроса. Чернову нетрудно выполнить это задание, и он приступает к выполнению этого задания. Этот человек специально выделяет 3 фабрики: Кашинцевскую, Орловскую, Ставропольскую. Для чего? Для того, чтобы там вырабатывать, как он выражается здесь, «биопрепараты с неослабленными бактериями». Он это делает для того, чтобы сорвать коневодство, сорвать поголовье, подорвать вообще животноводство.

Конечно, кто же может это сделать, как не лицо, занимавшее такой высокий пост, как не Чернов? Кто еще мог организовать специальные фабрики для выработки заразных препаратов? Только он. И он это осуществлял. Он здесь сам сказал, что 25 000 лошадей погублено по его заданию. В таких краях, как Сибирь, было уничтожено большое количество лошадей. Они специально прививали рожу и чуму свиньям. Делали это и в Воронежской области, и в Азово-Черноморском крае, и в Ленинградской области.

Задача поставлена просто — ослабить обороноспособность Красной Армии. Это не просто вредительство, это шпионское вредительство, это лазутчики военного неприятеля, который решил последовать примеру эпохи Илиады и Одиссеи. Ввести троянского коня вовнутрь города, чтобы в случае чего этот конь сыграл роль опорной базы против защитников родины.

Розенгольц тоже действует так, как это интересует немцев и японцев. Он заключает специально в интересах этих иностранных государств нефтяной договор. Он специально вредительски организует экспорт золотоотходов в интересах тех же государств, в прямое нарушение интересов своего отечества. Он организует вредительский и преступный экспорт в Японию чугуна, чтобы этот чугун пошел как раз на те снаряды, которыми собирается японская военщина, если не бомбардировать, то, во всяком случае, пугать наше отечество. Он всячески задерживает оборонный импорт. Он действует так, как ему приказала разведка, используя свое высокое положение, обманывая, предательски-вероломно изменяя своему государственному долгу.

Икрамов вместе с Ходжаевым не отстают во вредительстве от своих центральных «коллег». Он сам показывал здесь о вре-

дательстве в Намангане, о вредительстве на шелкомотальных фабриках, на хлопкоочистительных заводах, о вредительстве в организации хлопкового хозяйства. По их показаниям, в организации этой вредительской подрывной работы роль Рыкова и Бухарина была совершенно отчетливой — роль, которую можно назвать руководящей.

Зеленский. Здесь я только укажу на эту позорнейшую практику подбрасывания в предметы продовольствия стекла и гвоздей, в частности в масло, что било по самым острым жизненным интересам, интересам здоровья и жизни нашего населения. Стекло и гвозди в масле! Это же такое чудовищное преступление, перед которым, мне кажется, бледнеют все другие подобного рода преступления. В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не могло и не может быть такого положения, когда какой бы то ни было продукт оказывался в недостатке. Именно поэтому задачей всей этой вредительской организации было — добиться такого положения, чтобы то, что у нас имеется в избытке, сделать дефицитным, держать рынок и потребности населения в напряженном состоянии. Напомню тут только эпизод из деятельности Зеленского — историю с 50 вагонами яиц, которые Зеленский уничтожил сознательно для того, чтобы Москву оставить без этого необходимейшего продукта питания.

Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники. Тем более это давало им почву для создания настроений против системы нашего хозяйственного управления, против всей системы Советской власти. Бить по насущнейшим потребностям населения — это, в сущности говоря, выполнять старую директиву Рябушинского, который собирался костлявой рукой голода задушить пролетарскую революцию. Не удалось!

Организуя вредительство, все эти Рыковы и Бухарины, Ягоды и Гринько, Розенгольцы и Черновы и т. д. и т. п. преследовали в этой области определенную цель: попробовать задушить социалистическую революцию костлявой рукой голода. Не удалось и никогда не удастся!

Шарангович разводит анемию лошадей — падает 30 тысяч лошадей. Шарангович подрывает торфяную промышленность. Шарангович сознательно сеет национальную рознь, развивая националистические чувства среди белорусского населения.

Иванов разрушает заводы, разрушает целлюлозно-бумажную промышленность, хотя и с осторожностью, с оглядкой, как бы слишком не попортить интересам английских хозяев, которым «право-троцкистский блок» хотел передать лесное хозяйство и на которых работал в меру сил своих и возможностей.

Вот вопиющая, чудовищная картина глубоко продуманной, строго организованной — нельзя преступникам не отдать справедливости, — строго спланированной системы вредительских и диверсионных мероприятий, которые были направлены не только на то, чтобы подорвать обороноспособность и хозяйственную мощь нашей страны, но и на то еще, чтобы спровоцировать недовольство, раздражение в широчайших массах населения при помощи таких средств, которые трудно разоблачить.

И к этому добавляется организация прямых и открытых вооруженных выступлений против Советской власти, которая имеет тоже свою историю. Бухарин посылает вместе с Рыковым Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко в Сибирь, которые и вызывают там повстанческое движение, связываются с казачьими белогвардейскими кругами за границей, готовят казачий десант на Северном Кавказе. Рыков с Зубаревым организуют на Урале повстанческие отряды. Икрамов с Ходжаевым организуют повстанческие отряды под руководством тех же Бухарина, Рыкова и других в Средней Азии из мулл, баев, всякого рода деклассированных элементов. Даже Иванов в Северном крае, и тот работает над организацией повстанческих отрядов, по прямому поручению Бухарина, из высланных кулаков, — очевидно, таким путем Бухарин и хотел обеспечить кулакам возможность вращивания в социализм.

УБИЙСТВО ДЕЯТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА С. М. КИРОВА, В. Р. МЕНЖИНСКОГО, В. В. КУЙБЫШЕВА, А. М. ГОРЬКОГО

Я перехожу теперь к следующему разделу, а именно — к террористической деятельности обвиняемых и задуманным и осуществленным ими убийствам деятелей Советского государства: убийствам С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького и к убийству М. А. Пешкова.

Это один из наиболее мрачных и наиболее тяжелых моментов процесса.

Как Рыков мотивировал переход своей подпольной группы к террору? Очень откровенно. Он говорил: «При нелегальном, заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к власти принятие террора давало, по мнению центра, какую-то перспективу».

Рыков рассказал на суде полно и последовательно, как в подполье формировалась организация правых, как происходил переход ко все более и более резким формам и методам борьбы.

Наращение террористических настроений Рыков относит еще до 1930 года. Приблизительно в 1932 году оформилось, по показаниям Рыкова, то, что он назвал положительным отношением к применению террора как метода борьбы за власть. Причем Рыков здесь сделал некоторое философское отступление, подчеркнув, что он не мыслит себе террора в теории без практики. И действительно, ставши на позицию террора, Рыков сейчас же перешел к организации террористических актов и начал готовить эти террористические акты, подготавливать убийства наших руководителей с такой же педантичностью и с таким же спокойствием, как он давал свои пояснения здесь на суде и как, очевидно, он в свое время подписывал приказы по почтовому ведомству.

Смертельным холодом и смрадом веет от этих показаний Рыкова и других право-троцкистских фашистских заговорщиков.

Террор на полном ходу. Этим террором занимается систематически и педантично весь блок.

Бухарин тоже стоял за террор, хотя, как он заявлял, ориентировался скорее не на террор, а на массовые восстания. Ну, как он там ориентировался, это его дело объяснять, но мы знаем, что он очень давно — сейчас это надо считать полностью доказанным — принимал участие еще в 1918 году в организации террористических актов и Каплан, и «левых» эсеров, и троцкистов, и правых эсеров. Он сам говорит полным голосом о том, что затем в 1932 году он ведет переговоры с бывшим эсером Семеновым, организатором террористических актов и руководителем боевых эсеровских дружин, ведет переговоры об организации террористической борьбы против товарища Сталина и товарища Кагановича. В 1932 году Бухарин через Пятакова и Седова ведет переговоры о том условии, директиве, или, как он называет, установке Троцкого, которая заключалась в необходимости перейти к террору. И характерно, Бухарин тотчас же переходит к практическому осуществлению этой установки. Сейчас ясно, что бухаринская позиция в этом вопросе далеко не теоретическая, он действует как настоящий практик, ибо он-то и вел с Семеновым переговоры, он поручал Семенову организацию террористического акта. Именно он, хотя и несколько позже, поручал организацию вооруженного кровавого кулацкого восстания своему выученцу Слепкову и другим. Заговорщический блок широко развертывает организацию террористических групп, которые практически готовят совершение террористических актов, убийство Кирова. Это убийство было полностью раскрыто и разоблачено на предыдущем процессе, но только теперь установлено, что деятельность троцкистско-зиновьевского центра, убившего Сергея Мироновича Кирова, не носила самостоятельного характера. Теперь установлено, что Киров был убит по

постановлению вот этого именно «право-троцкистского» центра, вот этого блока, который можно назвать центром всех центров.

Обвиняемый Ягода подтвердил на суде, что убийство Кирова совершено по прямому решению «право-троцкистского блока», что это решение осуществлено было Ягодой, на которого и была возложена эта позорная обязанность. И Ягода эту обязанность выполнил. Он дал распоряжение заместителю начальника областного управления НКВД в Ленинграде Запорожцу принять все меры к тому, чтобы это убийство совершилось. За пару месяцев до убийства Леонид Николаев был задержан и приведен в областное управление, у него обнаружили револьвер с патронами и запись маршрута Кирова, которые полностью изобличали подготовку этим негодяем чудовищного злодейства. Но Запорожец, следуя прямым распоряжениям Ягоды, освободил этого негодяя, а через пару месяцев Николаев убивает Кирова, осуществляя этот злодейский акт при непосредственном участии презренного изменника Ягоды, на которого была возложена тогда охрана членов правительства.

Ягода подтвердил на суде, что Рыков и Бухарин участвовали в принятии этого решения; что Рыков и Енукидзе участвовали на заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве С. М. Кирова; что Рыков и Енукидзе принимали, таким образом, непосредственное участие в обсуждении самого вопроса об убийстве Сергея Мироновича Кирова. На мой прямой вопрос, правду ли здесь говорят Бухарин и Рыков, заявляя, что они не знали об этом убийстве, Ягода заявил, что этого быть не может, потому что когда Енукидзе передавал о том, что «право-троцкистский блок» на совместном заседании решил вопрос о совершении террористического акта над Кировым, он, Ягода, отказывался от этого по некоторым «тактическим» конспиративным соображениям, но все же был осведомлен, что это — решение их центра, а не выступление какой-то партизанской кучки заговорщиков, что это решение исходило от «право-троцкистского блока», в котором активное участие принимали и Бухарин и Рыков.

Сейчас в точности установлено, что убийство тов. Кирова было совершено при ближайшем участии Ягоды. Я считаю доказанным и то, что убийство было совершено при ближайшем участии Рыкова и Бухарина.

Какие у меня доказательства?

Если представить, что Рыков и Бухарин в этом убийстве не участвовали, то надо признать, что два основных руководителя «право-троцкистского блока», принявшего решение об убийстве Кирова, почему-то стояли в стороне от этого злодейского акта. Почему? Люди, которые организовывали шпионаж, организовывали повстанческое движение, террористические акты и, по их собственным признаниям, получили установку от Троцкого на

террор, в 1934 году вдруг стояли в стороне от убийства одного из крупнейших сподвижников Сталина, одного из крупнейших руководителей партии и правительства.

Бухарин и Рыков знали об этом! Об этом крупнейшем террористическом акте не могли не знать такие крупные главари этого «право-троцкистского блока», какими являлись Рыков и Бухарин. Если бы они не знали об этом, это было бы противоестественно, это лишено всякой логики.

Бухарин и Рыков признали, что у них в плане были намечены убийства руководителей партии и правительства, членов Политбюро. Об этом же шли переговоры у Семенова с Бухариным или у Бухарина с Семеновым. Почему мы должны допустить, что, вступив на путь переговоров с Семеновым об организации убийства членов Политбюро, Бухарин исключает из этого списка подлежащих умерщвлению одного из влиятельнейших членов Политбюро, зарекомендовавшего себя непримиримой борьбой с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами? Где логика такого поведения? Этой логики нет?

Наконец, Рыков признал, что в 1934 году он дал Артеменко задание следить за правительственными машинами. С какими целями? С террористическими. Рыков организует убийство членов нашего правительства, членов Политбюро. Почему Рыков делает исключение для Сергея Мироновича Кирова, который все же был убит по решению этого проклятого блока? Он этого исключения не сделал.

Енукидзе и Ягода были членами центра и ближайшими людьми к Бухарину и Рыкову. Как же можно допустить, что Енукидзе и Ягода — участники убийства Сергея Мироновича Кирова, ближайшие люди к Рыкову и Бухарину, люди, которые были в центре всей системы осуществления террористических актов против руководителей партии и правительства, — как можно допустить, что именно Рыков и Бухарин не знали о том, что знал Енукидзе — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, что знал Ягода — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, а Рыков и Бухарин об этом не знали?

Вот обстоятельства, которые уличают полностью участие Рыкова и Бухарина в организации убийства Сергея Мироновича Кирова.

Но убийством Кирова не ограничивается, как это установлено судебным следствием, террористическая деятельность право-троцкистских изменников.

Как установлено следствием, Алексей Максимович Горький, Вячеслав Рудольфович Менжинский и Валериан Владимирович Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных

по заданию этого же «право-троцкистского блока». Пал жертвой убийства и сын А. М. Горького — М. Пешков.

Ягода по этому вопросу дал такие показания:

«Я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра «право-троцкистского блока». По решению этого же центра были произведены террористические акты и умерщвлены Куйбышев, Менжинский и Горький».

Это же подтвердили и те лица, которые непосредственно принимали участие в этом убийстве. Подлый замысел шефа убийц — Ягоды — был осуществлен самым вероломным, подлым и иезуитским способом. Ягода сначала пытался отрицать свое участие в организации убийства Максима Алексеевича Пешкова. Потом он это признал на закрытом судебном заседании. Он полностью подтвердил, как это записано в протоколах судебного следствия, свои показания на предварительном следствии, подтвердил, что он организовал убийство Максима Пешкова, объяснив свое нежелание говорить об этом тем, что мотивы убийства носят сугубо личный характер.

Но относительно убийства Менжинского Ягода говорил и на открытом заседании, отрицая, однако, здесь личные карьеристские соображения. Он прямо сказал:

«Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя ОГПУ я претендовал не по личным соображениям, не из карьеристских соображений, а в интересах нашей заговорщической деятельности».

Это вполне вероятно, но одно не исключает другого. То, что Ягода способен на убийство из личных мотивов, доказывает его личное признание в убийстве Максима Пешкова. Он прямо сказал, что мотивы личные. Следовательно, не исключается возможность, что и здесь Ягодой руководили и личные мотивы.

Он говорит, что по этому вопросу было специальное решение центра, переданное ему Енукидзе. Здесь было предусмотрено использование врачей, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения.

Как мы видим, Ягода — не простой убийца. Это — убийца с гарантией на неразоблачение. Его предположения, однако, и здесь не оправдались. Гарантия оказалась гнилой, она провалилась. Ягода и его подлая преступная деятельность разоблачены, разоблачены не той предательской разведкой, которую организовал и которую направлял против интересов Советского государства и нашей революции изменник Ягода, а разоблачены настоящей, подлинно большевистской разведкой.

Енукидзе и Ягода беседуют на тему, как лучше с точки зрения тех гарантий, которых искал Ягода, отправить на тот свет Менжинского и избранные им другие жертвы. Ягода выдвигает

свою хитроумную мысль: добиться смерти, как он говорит, от болезни, или, как он здесь на суде сказал: «Я признаю себя виновным в заболевании Максима Пешкова». Это, между прочим, не так парадоксально, как это может казаться на первый взгляд. Подготовить такую обстановку, при которой бы слабый и расширенный организм заболел, а потом выработать такие методы лечения или, как сказал Плетнев, подсунуть ослабленному организму какую-либо инфекцию, не бороться с болезнью, помогать не больному, а инфекции и таким образом свести больного в могилу — это не так парадоксально.

Ягода стоял на высоте техники умерщвления людей самыми коварными способами. Он представлял собою последнее слово бандитской «науки», перекрыв целый ряд других преступников, которые не понимали этих далеко и глубоко идущих преступных замыслов Ягоды.

Енукидзе отклонил предложение Ягоды о том, чтобы Сергея Мироновича Кирова умертвить путем болезни. Он говорил: убийство Кирова должно совершиться так, как намечено центром. Но тут же он обещал, как говорил Ягода, что в следующую очередь они используют рецепт и средства, предлагаемые Ягодой.

Эта очередь наступила, когда встал вопрос о последующих убийствах.

«Когда Енукидзе передавал решение контактного центра об убийстве Кирова, я выразил опасения, — говорил Ягода, — что прямой террористический акт может провалиться не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себя троцкисты и зиновьевцы, а наше дело — не мешать.

Что касается безопасного способа умерщвления при помощи врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр обсудит, кого именно из руководителей партии и правительства нужно будет убить этим способом в первую очередь».

Можно ли идти дальше в этом беспредельном цинизме и коварстве, когда с омерзительным спокойствием и хладнокровием люди обсуждали, кого лучше убить из руководителей партии и правительства и каким способом, чтобы избежать своего разоблачения.

Ягода дальше говорил:

«Через несколько времени, при следующей встрече моей с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, кроме того, персонально над Максимом Горьким.

Енукидзе мне объяснил, что «право-троцкистский блок», имея в виду, как ближайшую перспективу, свержение Советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру. Горький — непоколебимый сторонник сталинского руководства, и, несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков».

Вот почему был поставлен вопрос, решенный окончательно этим блоком, об умерщвлении Алексея Максимовича Горького.

Еще одно решение об устранении пало на Валериана Владимировича Куйбышева, как на одного из активных членов ленинско-сталинского Политбюро.

Таким образом, за этот короткий срок три жертвы, три преждевременно погибших замечательных человека сошли в могилу по решению «право-троцкистского блока». Трое лучших людей нашей страны, преданные сыны своей родины, пали жертвой бесстыдного заговора предателей И среди них — гордость русской и мировой литературы — великий русский писатель, гениальный художник Алексей Максимович Горький.

Каждая строка его песен и сказок, повестей и романов дышит благородством, жаром революционных действий. Недаром он свою жизнь связал с великим Лениным и великим Сталиным как их лучший и ближайший друг. Недаром Ленин не раз писал, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Недаром Ленин писал, что Горький — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим классом России и всего мира. Горький чуял грядущую бурю, он предвещал победу нашего движения, победу светлого пролетарского разума над мраком и подлостью капитализма.

От предательских ударов в больное сердце великого человека погиб лучший из друзей трудящегося человечества, погас один из самых ярких и сильных светильников человеческого разума и человеческой красоты. Этот светильник загасили вот эти изменники, вот эти человекообразные звери, хладнокровно и предательски навеки остановившие горячее и благородное сердце великого человека.

Теперь все раскрыто. Теперь известны не только способы убийства, но их мотивы и самые убийцы. Бессонов говорит, что, когда он в июле 1934 года виделся в Париже с Троцким, который всегда злобно ненавидел Горького, как и Горький ненавидел обер-бандита международного шпионажа и предательства Троцкого, тогда Троцкий сказал, что Горького надо устранить во что бы то ни стало, что Горький широко популярен как ближайший друг Сталина, как проводник генеральной линии партии. Троцкий дал Бессонову прямое поручение, которое приказал передать Пя-

такову. Как говорит Бессонов, поручение это было дано в самой категорической форме: Горького уничтожить физически во что бы то ни стало. И это приказание врага народа и обер-бандита Троцкого было Бессоновым привезено сюда, в СССР, и передано Пятакову, передано блоку, который, как это показал Ягода и как это я докажу дальше, принял это поручение, принял решение об убийстве А. М. Горького. Это так чудовишно, что на этом я считаю необходимым остановиться особо и специально.

Первый вопрос, который я хотел бы здесь поставить, это вопрос о том, участвовали ли в этом деле Рыков и Бухарин, знали ли они о том, что готовится это чудовищное злодеяние. На этот вопрос я отвечаю без колебаний и твердо: да, знали; да, участвовали. Я не хочу оперировать никакими другими показаниями и, в частности, показаниями Ягоды — я буду оперировать: 1) показаниями самих Рыкова и Бухарина и 2) тем, что я называю логикой вещей. Как обстоит здесь дело? Вы посмотрите, что говорит по этому поводу Рыков. Рыков показал, что у него, у Рыкова, имел место разговор с Енукидзе, т. е. с одним из активнейших участников и организаторов заговорщического блока. Насколько он был активным в организации убийств, у нас имеются показания Максимова-Диковского. Енукидзе не раз вызывал его к себе и давал указания, как лучше обеспечить смерть Валериана Владимировича Куйбышева. Енукидзе занимался этим «делом» вместе с Ягодой. Вот с этим Енукидзе Рыков ведет разговор. О чем? Возьмем только то, что сказал сам Рыков: «...мне Енукидзе сообщил, что троцкисты и зиновьевцы чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, что он является решительным сторонником Сталина и генеральной линии партии». Это то же самое, что услышал Бессонов от Троцкого в 1934 году и что привез сюда осенью 1934 года и передал воротилам, руководителям, главарям этого блока.

Итак, из показаний Рыкова вытекает первое неопровержимо установленное обстоятельство. Рыков и Енукидзе ведут разговор в 1935 году о Горьком, они говорят о громадном влиянии, которое имеет на общественность Алексей Максимович Горький как верный друг и сторонник генеральной линии партии, как верный друг и сторонник сталинского руководства. Вот это и беспокоит троцкистов и зиновьевцев, это беспокоит их так же, как беспокоило их тогда, когда они обсуждали убийство Сергея Мироновича Кирова. Ибо Сергея Мироновича Кирова они избрали жертвой своего злодейства по тем же мотивам. И здесь есть полное тождество, полная историческая логика этого заговора.

Что же дальше следует? «Они (троцкисты и зиновьевцы) считают необходимым, — говорит Рыков, — ввиду такого значения Горького — а значение его у нас и за границей не нуждается в подтверждении, — они настаивают, как он выразился, на

ликвидации его политической активности». Если бы Рыков сказал только то, что он сказал, то этого было бы достаточно. Даже для детей совершенно ясно было бы, в чем тут дело. Как можно ликвидировать политическую активность взрослого человека в нашей стране? Как можно было заставить Горького перестать быть политически активным в том направлении, в каком он проявил себя как борец за большевистскую, ленинско-сталинскую правду? Как можно заставить?

В Америке разные Аль Капоне организуют бандитские налеты, захватывают людей или их детей в плен и потом вымогают деньги. Но у нас этого сделать нельзя, ибо мы рубим руки всяким Аль Капоне. Как же можно было в нашей стране, в условиях Советского государства, как они могли лишиться Горького возможности проявлять политическую активность, иначе как остановив его жизнь? И Рыков на мой вопрос прямо сказал: «Он, т. е. Енукидзе, говорил настолько в повышенных тонах или резко враждебных выражениях, что мне было ясно, что за этим тоном кроется возможность применения насильственных мер». Следовательно, я считаю совершенно точно установленным, что в 1935 году Енукидзе с Рыковым говорили о Горьком в угрожающих для жизни Горького тонах. Причем для Рыкова было совершенно несомненно, что речь идет о применении насильственных мер по отношению к Горькому. И тут я опять задаю тот же вопрос: «Что же это за насильственные меры? Что же, вы рассчитывали А. М. Горького изолировать, рассчитывали подвергнуть его какому-нибудь заточению? Как это можно было сделать в нашей стране, в стране пролетарской диктатуры?» Это можно было сделать только одним способом — умертвив Горького. Рыков понимает, что только так этот вопрос и мог стоять и только так мы имеем право трактовать этот преступный разговор, который был не чем иным, как информацией Рыкова со стороны Енукидзе о подготовлявшемся убийстве Алексея Максимовича Горького.

Наконец, на последний мой вопрос на судебном следствии «Что означает «довести до насильственных мер?» Можно ли это понимать — довести до убийства?» — Рыков прямо сказал: «Конечно».

Я спрашиваю Рыкова: «Вы знали о готовящемся убийстве Горького?» Как же должен был ответить на этот вопрос Рыков, если он не знал об этом преступлении? Он должен был бы сказать: «Я не знал». А что сказал Рыков? Вот стенограмма, он сказал: «Не совсем так». Получается не со всем так, но так!

Я считаю совершенно доказанными и установленными следующие факты, из которых вытекает только один вывод — вывод

об участии Рыкова в подготовке умерщвления А. М. Горького. Во-первых, в 1935 году Енукидзе и Рыков говорили об особом озлоблении, которое питает блок к Алексею Максимовичу Горькому. Правда, они сворачивают дело на троцкистско-зиновьевскую часть блока, однако это не меняет ни в какой мере дела. Во-вторых, они это злобное настроение выражали в таких тонах, которые говорили о подготовке насильственных мер, направленных к «ликвидации политической активности Горького» И, в-третьих, ликвидация политической активности Горького мыслилась вплоть до применения к Горькому насильственных мер.

В-четвертых, эти насильственные меры включали в себя и убийство Алексея Максимовича Горького. Об этих насильственных мерах Рыков и Бухарин знали. Они знали, что готовится убийство Горького, организовывали это убийство, покрывали это убийство. Рыков и Бухарин были, таким образом, участниками этого подлейшего убийства А. М. Горького.

А Бухарин, эта проклятая помесь лисы и свиньи, — как он ведет себя по этому вопросу? Как подобает лисе и свинье Он вертит, юлит Но в конце концов, по существу, Бухарин говорит то самое, что говорит Рыков. Возьмем показания Бухарина в этой части. Позвольте мне указать на следующую часть этого показания: «В 1935 году Томский мне сказал, что Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького».

Откуда знал Томский об этом? Он знал, конечно, от Бессонова, привезшего эту директиву из-за границы. А какая была директива Троцкого? Уничтожить Горького, физически уничтожить. Бухарин показывает: «Томский сказал, что Троцкий готовит враждебную акцию или враждебный акт против Горького»

Я спрашиваю: через кого готовит Троцкий эту враждебную акцию? Конечно, через блок, который был в руках у Троцкого, через блок, в котором перепутались правые и троцкисты, меньшевики и эсеры, буржуазные националисты и просто проходимцы всех мастей, степеней и категорий.

Этот факт установлен Сам Бухарин признает, что в 1935 году, за год до смерти Горького, Томский сообщил Бухарину, что Троцкий готовит враждебный акт против Горького. Это совершенно то самое, что говорил Рыков, передавая свой разговор с Енукидзе А это, в свою очередь, то же самое, что говорил Бессонов, приводя свой разговор в Париже в июле 1934 года с Троцким Здесь никаких расхождений нет

Разберем второй вопрос: в чем же заключается этот враждебный акт, что представляет собой этот враждебный акт? От Бухарина получить ответ на прямо поставленный вопрос не так-то легко.

Я спрашиваю Бухарина: «В чем заключался этот враждебный акт?» Он прямо ничего не отвечает. Он говорит: «Акция против «сталинца Горького», как защитника социалистического строительства вообще, сталинской партийной политики в частности». Вот о чем шла речь. «Речь шла о том большом резонансе, который каждое слово Алексея Максимовича имело на международной арене вообще, у интеллигенции, в частности».

Опять полное совпадение фактов, о которых говорил Рыков, о которых говорил Бессонов, о которых говорил и знал Ягода, о которых говорил и знал Буланов. Здесь все связано органически.

Я спрашиваю: «Совершение враждебного акта над Горьким связывал ли Томский с вопросом о свержении Советского правительства?» Бухарин отвечает, что «по существу связывал». Следовательно, речь шла не просто о том, чтобы причинить личную неприятность Горькому, как замысловато говорил Рыков — «ликвидировать его политическую активность». Речь шла о том, чтобы совершить против Горького такой акт враждебности, который непосредственно представлял бы собой один из элементов свержения Советской власти.

Ясно, что при такой постановке вопроса речь идет не о том, чтобы лишить Горького возможности писать статьи или делать доклады, хотя и это тоже не в вашей власти, господа убийцы. Следовательно, мы здесь должны признать, что подтвердил и Бухарин, что враждебный акт против Горького был связан с задачей свержения Советской власти, был одним из актов борьбы против Советской власти.

Мы знаем, как ставился вопрос заговорщиками о борьбе против Советской власти. Их методы — террор, измена и т. д.

Бухарин говорит, что когда говорят о враждебном акте, можно разуместь все, вплоть до террористических актов, амплитуда колебаний здесь очень большая. Бухарин признает, что убийство Горького тогда не было исключено. Это — завуалированное признание, которое выдает Бухарина с головой.

Я уже говорил о способах, при помощи которых были осуществлены три террористических акта — против Менжинского, против Куйбышева и против Алексея Максимовича Горького.

Обращает на себя внимание способ, при помощи которого эти убийства совершены. Это — способ постепенного умерщвления, «убийство с гарантией», о котором говорил Ягода, — это способ убийства при помощи использования специальных знаний соучастников. Не плохо задумано! Левин, Плетнев, Казаков, Максимов-Диковский, Крючков, Буланов — банда убийц, специально подготовленная банда, участвовала в этом «деле». Я хочу обратить ваше внимание на особенный способ и особенную роль

в осуществлении этого убийства, которую сыграли обвиняемые врачи — Левин, Казаков и Плетнев. Но предварительно я хочу остановиться на нескольких замечаниях. История и хроника уголовных убийств нам говорит, что за последние десятилетия отравления при помощи профессиональных убийц почти сошли со сцены.

Место этих отравителей заняли врачи. Если вы раскроете учебник судебной медицины доктора Карла Эммерта, профессора Бернского университета, вы найдете здесь чрезвычайно поучительные указания. Эммерт пишет:

«Убийства посредством отравления стали теперь реже сравнительно с прежним, отчасти потому, что для не врача стало труднее добыть яд... Поэтому профессиональные отравители больше не встречаются, как прежде; если же и бывают подобные случаи, то они часто относятся к лицам врачебного сословия».

Поэтому совершенно не случайно, что Ягода избирает для своего чудовишного замысла и его реализации именно врачей. Он учитывает, так сказать, историческую конъюнктуру.

Мы имеем целый ряд исторических примеров того, как все стремления убийц, пользующихся всякими средствами отравления, направлены именно на то, чтобы не быть раскрытыми. Очень характерно это обстоятельство,— в целом ряде случаев отравление совершается таким образом, чтобы можно было самый факт отравления объяснить — как это думал сделать Ягода — естественной смертью от болезни

Нужно раньше всего разъяснить, что отравление, по современным научным воззрениям,— это есть один из видов, и притом самый опасный вид, так называемого в науке изменнического убийства, опасность которого заключается в том, что для его осуществления никаких специфических губительных для человеческой жизни средств не требуется, что могут быть использованы в этих преступных целях любые средства. Как об этом говорит и учит нас история, для такого отравления необходимо лишь тайное введение в организм какого бы то ни было вещества, способного привести к сокращению времени жизни или к смерти. А таким веществом является вовсе не всегда то, что специально называется ядом. Ведь целый ряд лекарственных средств по самой своей природе и характеру годится для этого, и этим часто пользуются преступники.

Известны из истории, например из Тацита, такие случаи, как убийство Сеяна таким ядом, что, казалось, будто Сеян умер от обыкновенной болезни. В этом и заключается искусство преступления.

Известно, что Филипп II весьма широко пользовался для отравления ядом, который нельзя было обнаружить даже при

тщательном исследовании, ядом, который был им назван «Requiescat in pace» (пусть почит в мире). Известно, что Иоанн Кастильский был отравлен при помощи отравленной обуви. Известно, наконец, что папа Климент II был убит при помощи дыма от отравленной свечи. Следовательно, известны способы убийства людей с использованием убийцами своего привилегированного положения и знания химии, медицины и фармакологии — способы самые разнообразные.

Мы помним знаменитое дело Бутурлина. Убийцей Бутурлина был не кто иной, как широко известный в дореволюционной России доктор Панченко, который практиковал в дореволюционной России распространение и использование средства, известного под названием «Спермин Пеля». Д-р Панченко под видом «Спермина Пеля» вводил больному дифтерийную культуру и убил его дифтеритом.

Это было разоблачено совершенно случайно. Если бы не признание доктора Панченко, то убийство Бутурлина, вероятно, не было бы раскрыто. Если бы не признание Левина, то, может быть, не был бы раскрыт разработанный со всеми тонкостями преступный план убийства гг. Менжинского, Куйбышева, Горького.

Наконец, я мог бы напомнить о знаменитом деле Прочара, когда этот Прочар у своей жертвы вызвал хронический катарр желудка и таким путем довел ее до гибели. Наконец, дело доктора Пальмера, который отравил свою жертву мышьяком и стрихнином, употреблявшимся в дозах, разрешающихся медициной. Вот, наконец, пример, который говорит о том, что когда мы говорим об отравлении, то не надо иметь в виду, что для отравления надо применять только цианистый калий, мышьяк и т. д.

Нет, очень часто убийцы используют врачей и медицинскую систему якобы для лечения, а на самом деле для того, чтобы добиться своей преступной цели.

Дела Пальмера, Прочара, Панченко и множество других исторических примеров можно привести для того, чтобы доказать, что тот путь, который избрал Ягода, был путем, подсказанным тонким изучением истории преступлений, истории убийств в разных странах, организованных разными изуверами рода человеческого.

Я хочу, товарищи судьи, напомнить несколько данных экспертизы по этому вопросу, которые не оставляют никакого сомнения в том, что этот план очень тонкий, вероломный и подлый задуман Ягодой с ведома и одобрения право-троцкистского центра, в особенности в отношении Куйбышева и Горького

Прежде всего я обращаю ваше внимание на то, что экспертиза была составлена из выдающихся деятелей советской и миро-

вой медицинской науки. Я обращаю ваше внимание, что эта экспертиза пришла к единодушному заключению: экспертиза подтвердила, что меры, принятые убийцами в отношении умерщвления А. М. Горького, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского, действительно были строго продуманными и имели своим результатом смерть этих выдающихся людей, к которой эти господа стремились.

По умерщвлению Горького были заданы экспертизе вопросы:

«Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без умысла?»

Последовал ответ: «Этого допустить нельзя».

Экспертизе был задан следующий вопрос:

«Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь, именно — дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки), строфангина и строфанта, а в частности у тяжело больного А. М. Горького, 68 лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?»

Ответ экспертизы: «Абсолютно недопустимо».

Еще вопрос: «Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А. М. Горького был заведомо вредительским?..»

Ответ экспертизы: «Да. Безусловно можно считать установленным».

И то же самое мы имеем по другим случаям.

Поэтому я позволю себе заявить, что обвинения, предъявленные в обвинительном заключении и поддерживаемые мною, как государственным обвинителем, и в этой части в полном объеме, можно считать доказанными. Обвинение здесь подтверждается целиком и полностью авторитетнейшей медицинской экспертизой, тщательно разобравшей все те материалы, которые были в ее распоряжении. Признания обвиняемых, разумеется, мы также не можем никак сбрасывать со счета.

Говоря об этой части обвинения, я хочу остановиться специально на двух подсудимых — на Ягоде и Левине.

О Ягоде разговор короткий. Ягода — главный организатор и вдохновитель этих чудовищных преступлений, его ответственность тем более сильна и серьезна, что ведь Ягода — не просто Ягода, это бывший в то время заместитель председателя ОГПУ, фактически председатель ОГПУ. Это человек, на обязанности которого лежала охрана государственной безопасности. Если бы те преступления, которые совершил Ягода, в которых он признался, если бы он совершил их в миллионной дозе, то и тогда я вправе был бы требовать от суда расстрела Ягоды.

Левин сыграл в этих убийствах тоже виднейшую роль. Левин был главным организатором задуманных Ягодой убийств, им привлечены к этому делу были и Казаков и Плетнев, он, я бы сказал, в этом деле был правой рукой Ягоды, как Буланов был правой рукой Ягоды во всех преступлениях последнего в целом.

Когда погиб от руки Левина Алексей Максимович Горький, Левин, доктор медицинских наук, опубликовал в газетах некролог — «Последние дни Алексея Максимовича Горького». В этом некрологе он писал, вздыхал, стонал о гибели великого человека. «Великие люди, — писал он фарисейски, лицемерно, двурушнически, — живут и умирают, как великие люди». «Живут и умирают, как великие люди!» — Левин не добавил, — «от руки автора этого некролога, одного из подлых убийц!»

Если эту статью сейчас рассматривать в связи с медицинской экспертизой, то она будет представлять некоторый, значительный, по моему мнению, интерес для оценки роли в этом убийстве Левина.

Во-первых, здесь вскрывается та самая механика умерщвления Алексея Максимовича, которая теперь вскрыта полностью. Это — механика, которая была раньше всего направлена на терапевтическую подготовку убийства Алексея Максимовича.

Левин в этом некрологе писал:

«За десять лет моего врачебного наблюдения за Алексеем Максимовичем это было шестое заболевание гриппом. Каждый раз грипп неизменно осложнялся бронхитом и катарральным воспалением легких».

Значит, Левин уже знал хорошо, в каком направлении можно искать осложнений в этой борьбе Алексея Максимовича Горького с болезнью.

«Каждый раз неутомимый борец переносил болезнь тяжело, каждый раз с первых же дней заболевания начиналась тревога. Когда меня в хорошие, спокойные периоды жизни Алексея Максимовича спрашивали о состоянии его здоровья, я всегда отвечал:

— Относительно благополучно, но до первого гриппа». И дальше:

«Я по опыту знал, как тяжело протекает у Алексея Максимовича грипп, как быстро он поражает место наименьшего сопротивления его организма — легкие — и как это страшно при его измененных старым туберкулезным процессом легких и его больном сердце. И вот пять раз его могучий организм давал нам возможность одерживать победу, а организм Алексея Максимовича был действительно могучий. Горький был из тех людей, которые доживают до 100 лет, и он несомненно дожил бы до 100 лет, если бы не злой туберкулез».

Убийца выбалтывает тайну убийства. Именно здесь лежит то самое место наименьшего сопротивления — врачи говорят: *locus minoris resistentiae*, — по которому организаторами убийства и был направлен основной удар по больному А. М. Горькому.

Позорное двурушничество, вероломство, лицемерие здесь соперничают с бесстыдством отравителя, плачущего у изголовья жертвы его так называемого «лечения».

Таков этот самый Левин! Недалеко ушел от Ягоды!

Я хотел бы напомнить вам в заключение показание Ягоды, в котором он показывает свое настоящее морально-человеческое, если это выражение здесь допустимо, лицо.

Вот выдержки из показаний Ягоды на листе дела 58:

«Всю свою жизнь я ходил в маске, выдавал себя за непримиримого большевика. На самом деле большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был».

И дальше:

«Мелкобуржуазное мое происхождение, отсутствие теоретической подготовки — все это, с самого начала организации Советской власти создало у меня неверие в окончательную победу дела партии...»

Я не разделял взглядов и программы троцкистов, но я все же очень внимательно приглядывался к ходу борьбы, заранее определив для себя, что пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе. Отсюда и та особая линия, которую я проводил в то время в борьбе с троцкизмом.

Когда начались репрессии против троцкистов, вопрос о том, кто победит (троцкисты или ЦК ВКП(б), окончательно еще не был решен. Во всяком случае, так думал я. Поэтому я, как Зам. пред. ОГПУ, в карательной политике исходил из того, чтобы не озлоблять против себя троцкистов. Направляя троцкистов в ссылку, я создавал им там такие условия, при которых они могли продолжать свою деятельность.

Дело складывалось таким образом: с одной стороны, беседы Рыкова со мною определили мои личные симпатии к программе правых. С другой стороны, из того, что Рыков говорил мне о правых, о том, что, кроме него, Бухарина, Томского, Угланова, на стороне правых вся московская организация, ленинградская организация, профсоюзы, из всего этого у меня создалось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК. А так как тогда уже ставился вопрос о смене руководства партии и Советской власти, то ясно было, что правые идут к власти.

Именно потому, что правые рисовались мне, как реальная сила, я заявил Рыкову, что я с ними.

...Поэтому я и договорился с Рыковым об особом своем положении среди правых».

Оказывается, Рыков влиял достаточно определенно даже на Ягodu. Ведь, в сущности говоря, то, что говорит Ягода,— это старая предательская двурушническая школа политического карьериста и бесчестного негодяя, ведь это система Жозефа Фуше. Я не могу не привести всего лишь несколько строк из известной книги Стефана Цвейга «Жозеф Фуше».

«В числе семисот пятидесяти, торжественно вступающих в зал развенчанного короля, входит молча, с трехцветной повязкой поперек груди, народный представитель Жозеф Фуше, депутат от города Нанта. Тонзура уже заросла, духовное облачение давно сброшено: как и все здесь, он надел гражданское платье без всяких украшений.

Какое место займет Жозеф Фуше? Среди радикалов, на горе, или с умеренными, в долине? Жозеф Фуше не долго медлит; он признает только одну партию, которой остается верным до конца: ту, которая сильнее, партию большинства. И на этот раз он взвешивает и подсчитывает про себя голоса; он видит — в данный момент сила еще на стороне жирондистов, на стороне умеренных. И вот он садится на их скамьи, рядом с Кондорсе, Роланом, Серваном, с теми, кто держит в своих руках министерские посты, влияет на все назначения и распределяет прибыли. В их среде он чувствует себя уверенным, там занимает он место».

Вот источник, из которого черпал свои духовные силы Ягода, если он когда-нибудь был знаком с жизнью и деятельностью Жозефа Фуше,— я в этом сомневаюсь, ибо из показаний и материалов дела видно только одно знакомство его с литературой, это — с книгой Александра Дюма «Три мушкетера», которые были идеалом для Ягоды, говорившего, как это видно из показаний Буланова, что для того, чтобы обеспечить успех захвата власти, нужно подобрать себе несколько десятков таких молодцов, как три мушкетера, с ними можно сделать все, что угодно.

Таким образом, Ягода, которому на скамье подсудимых отведено серьезное место, рядом с Бухариным и Рыковым. Это — один из крупнейших заговорщиков, один из виднейших врагов Советской власти, один из самых наглых изменников, человек, который пытался в самом НКВД организовать группу и отчасти организовал ее из изменников Паукера, Воловича, Гая, Винецкого и других, оказавшихся польскими и немецкими шпионами и разведчиками. Таким является и сам Ягода, который вместо того, чтобы нашу славную разведку направить на благо советского народа, на благо социалистического строительства, пытался повернуть ее против нашего народа, против нашей революции, против социализма.

Не удалось, сорвалось! Ягода был разоблачен, выброшен из нашего государственного аппарата, посажен на скамью подсудимых, обезоружен и должен быть теперь выброшен, вычеркнут совсем из жизни.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Я кончаю. В заключение я хочу поставить несколько вопросов, которые я назвал бы юридическими вопросами.

Раньше всего — вопрос о соучастии. Как показало судебное следствие, не все обвиняемые в равной степени участвовали в преступлениях, которые прошли на этом судебном процессе.

Отсюда вопрос — в какой мере и в какой степени каждый из обвиняемых может и должен отвечать за предъявленные им обвинения по обвинительному заключению.

Второй вопрос — в какой мере и степени доказаны предъявленные подсудимым обвинения.

И третий вопрос — какого наказания заслуживают обвиняемые.

Я отвечаю, раньше всего, на второй вопрос. Доказаны ли и в какой степени, совершенные обвиняемыми преступления? Я думаю, что вы, товарищи судьи, в своем приговоре ответите на этот вопрос положительно: да, доказаны. Доказаны признанием самих подсудимых, доказаны свидетелями, прошедшими перед судом, доказаны заключением медицинской экспертизы, доказаны вещественными доказательствами.

Вся совокупность доказательств, мыслимых в уголовном процессе, имеется здесь, сейчас в распоряжении суда. На основании этих доказательств суд сумеет определить свое окончательное решение о степени виновности того или иного преступника, совершившего эти преступления.

Но есть еще одно важнейшее доказательство, это — сама логика обстоятельства дела.

Основное обвинение в настоящем деле предъявлено обвиняемым по ст. ст. 58^{1а} и 58¹¹ — об организации изменнического заговора. Это обвинение доказано признаниями всех подсудимых, даже тех, кто не признал себя полностью виновным в других преступлениях. Это надо сказать относительно всех подсудимых.

Во-вторых, в какой мере каждый из подсудимых должен по нашему закону отвечать за всю совокупность совершенных этой заговорщической бандой преступлений. Я на этот вопрос отвечаю: в полном объеме. Почему?

Каждый подсудимый должен отвечать за всю совокупность преступлений, как член заговорщической организации, преступные задачи и цели, преступные методы осуществления которых

были каждому из них известны, каждым одобрены и приняты. Здесь мы наблюдаем лишь своеобразное «разделение труда» в преступной деятельности, в зависимости от специальных качеств и средств, находящихся в распоряжении каждого участника банды. Это совершенно естественно и закономерно с точки зрения интересов всего заговора в целом.

Есть мнение среди криминалистов, что для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на каждое из преступлений. Но эта точка зрения неправильная. Она не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения. Жизнь знает примеры, когда результат общей преступной деятельности достигается самостоятельным участием в этой деятельности сообщников, объединенных лишь единой, общей для всех преступной задачей.

Для соучастия нужно общее, объединяющее соучастников данного преступления начало, общий преступный замысел. Для соучастия нужно объединение воли в общем и едином для всех участников преступления направлении. Если, скажем, шайка грабителей будет действовать так, что одни из ее участников будут жечь дома, насиловать женщин, убивать и т. д. в одном месте, а другая часть шайки — в другом, то хотя бы те и другие не знали о преступлениях, совершенных раздельно какой-либо частью общей шайки, — они будут отвечать за всю совокупность преступлений в полном объеме, если только будет доказано, что они согласились насчет участия в этой банде для совершения тех или других преступлений.

В этом деле, товарищи судьи, налицо заговорщическая группа, агентура иностранных разведок, объединенная общей для всех ее членов волей, единой для них всех преступной целью. Конкретные преступления, совершенные теми или другими преступниками, — это лишь частные случаи этого единого для всех подсудимых плана преступной деятельности.

Эта общность преступной деятельности юридически выражена в предъявленном всем подсудимым обвинении по ст. 58¹¹ УК РСФСР.

Это, однако, не означает, что все должны отвечать одинаково. Это не исключает обязанности суда индивидуализировать наказание в зависимости от конкретной роли каждого подсудимого в данном деле.

С этой точки зрения я считаю, что из общего числа обвиняемых надлежит выделить двух — это Раковского и Бессонова.

Я считаю, что Раковский, хотя и совершивший тягчайшие преступления против Советского государства, против Советской

власти, всем своим положением в этом заговоре, своей, если можно так выразиться, известного рода оторванностью от всех важнейших преступлений, совершенных «право-троцкистским блоком», заслуживает того, чтобы к нему была применена менее строгая мера наказания, чем к остальным обвиняемым.

То же самое можно сказать в известной мере и о Бессонове, который, конечно, отличается от Чернова, Розенгольца, Крестинского или Рыкова хотя бы тем, что его роль ограничивалась ролью связиста, которая хотя также преступна, но по своему существу должна оцениваться иначе, чем преступления основных обвиняемых по этому делу.

В отношении этих лиц я считал бы возможным применение закона от 2 октября 1937 года, позволяющего суду в особых случаях избирать меру наказания, среднюю между 10 годами лишения свободы и высшей мерой социальной защиты. Я считаю, что в отношении Раковского и Бессонова можно ограничиться 25 годами тюремного заключения.

По обвинительному заключению все обвиняемые изобличены в том, что в 1932—1933 годах они по заданию разведок иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью совершение преступлений, которые были здесь полностью доказаны.

Доказано, что этот блок состоял из агентов разведок некоторых иностранных государств. Доказано, что «право-троцкистский блок» поддерживал систематические незаконные отношения с некоторыми иностранными государствами в целях получения от них помощи для осуществления своих преступных замыслов, для свержения Советской власти и для установления в СССР власти помещиков и капиталистов.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая их разведки важнейшими государственными секретными материалами.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически осуществлял в этих же целях вредительские и диверсионные акты в различных отраслях нашего народного хозяйства — в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, коммунального хозяйства, на железных дорогах и т. д.

Доказано, что «право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, что этот «право-троцкистский блок» осуществил террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького, а также осуществил умышленное убийство М. А. Пешкова.

Доказано, что блок организовал, но не успел, к нашему счастью, осуществить ряд террористических актов против руководителей нашей партии и правительства.

Таковы обстоятельства настоящего дела. Такова роль в этом деле каждого из подсудимых, ожидающих сейчас, товарищи судьи, вашего приговора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нет слов, чтобы обрисовать чудовищность совершенных подсудимыми преступлений. Да и нужны ли, спрашиваю я, еще какие-нибудь для этого слова? Нет, товарищи судьи, эти слова не нужны. Все слова уже сказаны, все разобрано до мельчайших подробностей. Весь народ теперь видит, что представляют собой эти чудовища.

Народ наш и все честные люди всего мира ждут вашего справедливого приговора. Пусть же ваш приговор прогремит по всей нашей великой стране, как набат, зовущий к новым подвигам и к новым победам! Пусть прогремит ваш приговор, как освежающая и всеочищающая гроза справедливого советского наказания!

Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!

Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

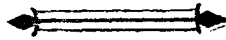
А над нами, над нашей счастливой страной, попрежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем попрежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!

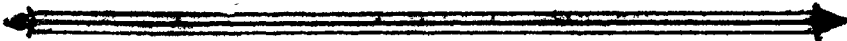

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила: Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоду Г. Г., Крестинского Н. Н., Розенгольца А. П., Иванова В. И., Чернова М. А., Гринько Г. Ф., Зеленского И. А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В. Ф., Зубарева П. Т., Буланова П. П., Левина Л. Г., Казакова И. Н., Максимова-Диковского В. А. и Крючкова П. П. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лич-

но им принадлежащего имущества; Плетнева Д. Д. — к тюремному заключению на двадцать пять лет; Раковского Х. Г. — к тюремному заключению на двадцать лет и Бессонова С. А. — к тюремному заключению на пятнадцать лет с поражением каждого из них в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Приговор в отношении осужденных к расстрелу, ввиду отклонения Президиумом Верховного Совета СССР их ходатайства о помиловании, 15 марта 1938 г. приведен в исполнение.

АЛФАВИТНО-ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

АКТ ЭКСПЕРТИЗЫ — 117

Б

БАНДИТИЗМ — 257—259

Бесхозяйственность — 109, 120, 121,
123—125, 128, 134, 145, 147, 148

В

ВЕРСИЯ — 132, 139, 142, 276, 280—
283, 286—288

Взятка (взяточничество) — 18, 56, 58,
60—62, 64, 68, 70, 83, 84, 334—337,
370, 371

Вина — 134, 136, 137, 144, 147, 149,
164, 174, 176, 199, 232

Г

ГЛАВКИЗМ — 102—104

Государственный обвинитель — 52,
124, 143, 232

Государство социалистическое — 332,
333

Государство капиталистическое — 333

Д

ДИВЕРСИОННЫЙ АКТ — 340, 348

Диктатура пролетариата — 155—157

Дисциплина — 155, 157, 160—162,
189—193

Договор — 112, 127—129, 143, 146—148

Доказательства — 129, 134, 270

Доказывание — 134

З

ЗАДАЧИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

— 136, 137, 164, 167

Закон — 156, 157, 168, 169, 170, 175

Законность социалистическая — 156,
157, 167, 168

Защита — 106, 112, 126, 127, 138,
143, 165

Злоупотребление властью — 133, 144

И

ИЗМЕНА РОДИНЕ — 166

К

КЛАССОВАЯ БОРЬБА — 161—163,
167

Контрреволюционное преступление —
336, 337

Концессии — 121

Корыстные мотивы — 133, 137

Косвенные улики — 90, 290—293, 295,
296, 298, 300, 302, 358—360

Кража — см. Хищение

М

МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — 291

Н

НАКАЗАНИЕ (УГОЛОВНОЕ) — 95,
137, 144, 380, 560

Нарушение правил о монополии внешней торговли — 147

О

ОБВИНЕНИЕ — 120, 125, 127, 137, 139, 147, 232

Обвинительное заключение — 138, 139, 145, 149

Объективные условия — 113, 125, 137

Оговор — 379, 481

Оправдание — 143

Основания уголовной ответственности — 148, 254

Отказ от обвинения — 143

Оценка доказательств — 479

Очная ставка — 123

П

ПОДЛОГ — 134, 138, 139, 146

Показания обвиняемого — 481

Пережитки капитализма — 161, 167, 187

Предварительное расследование — 315, 316

Прекращение дела — 143

Преступления безмотивные — 291

Преступное бездействие — 208, 223, 229, 230

Приговор — 96, 99, 124, 136, 142, 149

Присвоение — 138, 336, 337, 479

Психиатрическое освидетельствование — 95

Р

РАЗБОИ — 257, 258

Растрата — 147

С

САБОТАЖ — 168

Свидетель — 118

Сговор (преступный) — 90

Сделка — 127, 128, 140, 146

Сделка фиктивная — 128, 132

Сознание обвиняемого (признание) — 54, 345, 346

Состав преступления — 138, 336, 337, 479

Соучастие — 558, 559, 560

Стороны в процессе — 240

Суд буржуазный — 310—315

Суд советский — 52, 58, 137, 144, 147, 164, 180, 310, 311, 380

Субъективный момент — 125, 126

Судебное следствие — 116, 121, 123, 125, 147, 148, 165

Т

ТАНТЬЕМА — 135—139, 142, 144, 145

Трестирование (значение) — 100, 101, 104

У

УБЫТОК — 111, 113, 116, 119, 123, 127, 128, 148

Укрепление государственного аппарата — 155, 157, 158

Х

ХАЛАТНОСТЬ (ПРЕСТУПНАЯ) —
120, 146, 340, 341

Хищение (кража) — 120, 121, 161,
337

Хозяйственный расчет — 102, 103,
119, 129

Ш

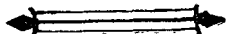
ШПИОНАЖ — 329, 330, 372

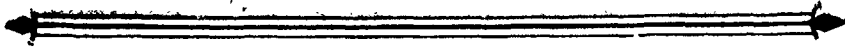
Шпионаж по законодательству капиталистических государств — 330—
332

Э

ЭКСПЕРТ — 111, 112, 116, 117

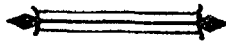
Экспертиза — 111, 112, 116, 205, 206,
283, 339, 340, 342, 346, 355

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Дело «Гукон»	3
Дело ленинградских судебных работников	46
Дело Консервтреста	98
Дело о некомплектной отгрузке комбайнов	150
Дело о гибели парохода «Советский Азербайджан»	182
Дело бывшего начальника зимовки на острове Врангеля Семенчука и каюра Старцева	235
Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР	304
Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра	382
Дело антисоветского троцкистского центра	425
Дело антисоветского «право-троцкистского блока»	485
Алфавитно- предметный указатель	564

ВЫШ И Н С К И Й А Н Д Р Е Й Я Н У А Р Ь Е В И Ч
«СУДЕБНЫЕ РЕЧИ»

*

Редактор *Е. М. Ворожейкин.*
Художественный редактор *Л. С. Морозова.*
Художник-оформитель *В. И. Бельский.*
Технический редактор *А. Н. Макарова*

*

Сдано в набор 26/III 1955 г.
Подписано к печати 13/VI 1955 г.
Фрмат. бум 60×92^{1/16}
Объем: физ. печ. л. 35,5; условн. печ. л. 35,5;
учетно-изд. л. 38,27. Тираж 15000.
А03805 Цена 10 р. 80 к.

Госюриздат — Москва, Ж—4, Товарищеский пер., 19.

Воронеж, типография изд-ва «Коммуна». Заказ 2150.